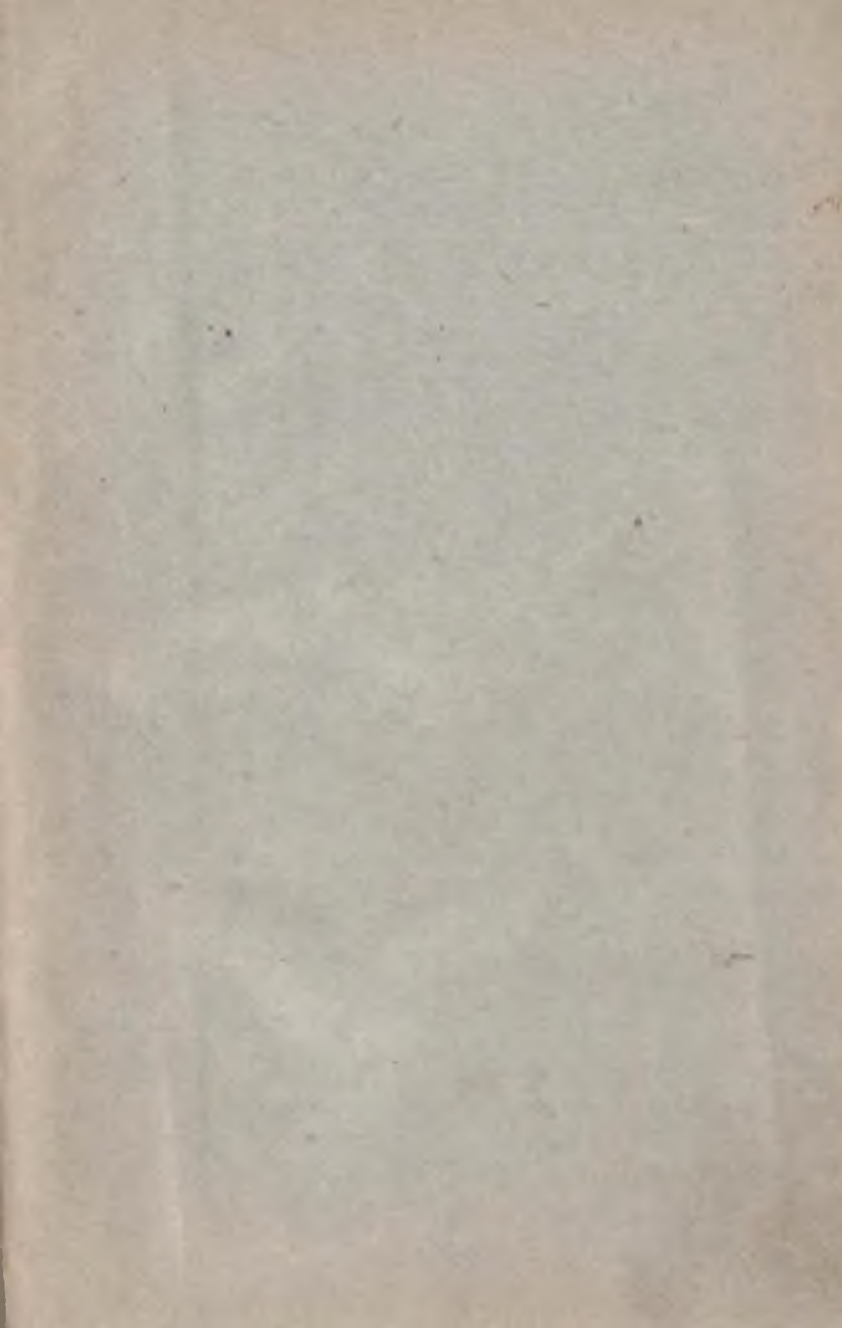
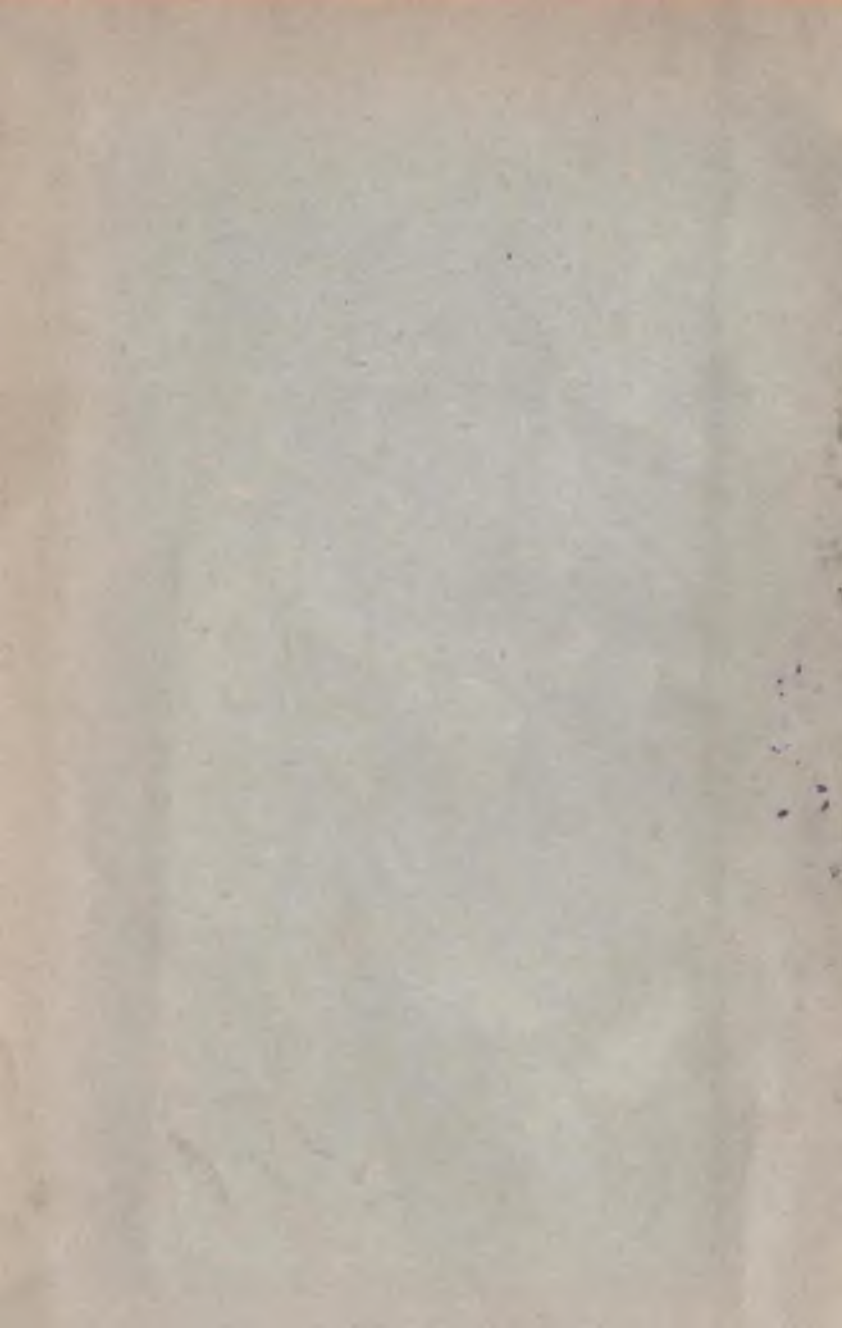

84P1
A. 18

2012

8-181

СОЧИНЕНІЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

изданіе ВОСЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,
въ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,
съ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1901.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

В О Л Я.

(БѢГЛЫЕ ВОРОТНИКИ.)

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НОВЫЙ РАЗБРОДЪ.

VII.

Стойте—не позволяю.

Настала разсвѣтъ.

Едва Рубашкинъ и Тарханларовъ успѣли проснуться и закурить въ постеляхъ папироски и разговорились, какъ у крыльца раздался стукъ телѣжки, и вошелъ становой, молодой человекъ, совершенно бѣлокурый, съ красными золотушными глазками и въ голубомъ галстукѣ, хотя и въ форменномъ сюртукѣ. Онъ вѣжливо раскланялся передъ Тарханларовымъ, который въ полусвѣтѣ едва его разглядѣлъ.

— Что вамъ?

— Я становой-съ.

— Отчего вы вчера не прибыли?

— Я повѣстки вашей не получилъ, а былъ на слѣдствии о вскрытїи тѣла и о поджогахъ съ г. исправникомъ. Онъ поручилъ, по долгу службы, просить васъ прїостановиться здѣсь съ дѣломъ о выводѣ изъ имѣнія г-жи Перебѣденской.

— Вашъ исправникъ два дня какъ уже отрѣшенъ мною отъ должности! — сказалъ совѣтникъ, приподнимаясь подѣ

одѣяломъ, пока другіе одѣвались.—Отчего вы до сихъ поръ не оказали содѣйствія по дѣлу Рубашкина?

— Исправникъ это дѣло ведетъ самъ-съ... При томъ же и г. предводитель здѣшняго уѣзда ждетъ теперь въ Есауловкѣ также отвѣта отъ васъ: угодно ли вамъ оставить этотъ домъ и прекратить слѣдствіе?

Совѣтникъ вскочилъ.

— Это, наконецъ, изъ рукъ вонъ! Какъ вы осмѣливаетесь передавать мнѣ такія порученія? Вы — здѣшняя земская власть, вы, слѣдовательно, мой подчиненный. Какъ вы смѣете шутить со мною? Вы забываетесь, я васъ подъ судъ отдамъ... я...—Тарханларовъ разгремѣлся.

Становой ошалѣлъ и началъ, какъ говорится, «у волка глазъ занимать», поглядывая на присутствующихъ и глупо играя часовую цѣпочкою.

— Это все-съ предводитель и исправникъ-съ...

— Онъ въ Есауловкѣ? Давно? Онъ точно поручилъ вамъ все это мнѣ передать?

— Ахъ, да! забылъ еще-съ. Вотъ вамъ отъ него, отъ князи-съ, письмо.

Тарханларовъ взглянулъ въ письмо и расходился еще болѣе.

— Господа! это, наконецъ, безуміе! Слушайте, что предводитель пишетъ мнѣ. Онъ родня, что ли, владѣльцу Есауловки?

— Племянникъ его!—подсказалъ Рубашкинъ.

— Слушайте, что онъ пишетъ.

«Милостивый государи! Васъ и все губернскае правленіе ввели въ заблужденіе насчетъ личности почтенной дворянки здѣшняго уѣзда, подпоручицы Пелагеи Андреевны Перебѣденской. Прошу васъ, поэтому, избавить ея домъ отъ ретивости вашихъ чиновниковъ. Бѣлое чернымъ всегда можно представить; а васъ, какъ благороднаго человека, обманываютъ. Еще разъ прошу васъ остановить слѣдствіе и выводъ изъ этого имѣнія дворянки Перебѣденской. Я все беру на себя. Иначе я буду вынужденъ, какъ ближайшій защитникъ мѣстнаго дворянства, прибыть въ усадьбу Конскаго-Сырта, лично пріостановить ваши дѣйствія и обо всемъ особо донести высшему начальству. Конскій-Сыртъ — помѣщичья деревня, а не коканское кочевье, и мы съ вами не

калмыцкіе наѣздки. Надо и на самой службѣ помнить, съ кѣмъ имѣешь дѣло».

Рубаникинъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Въ его головѣ опять упорно замелькали и зарябили разныя былыя петербургскія убѣжденія: сила закона, святость долга, честь сословій и еще какія-то новыя слова, равенство всѣхъ передъ судомъ, мѣстное самоуправленіе, земство. Остальные слушатели стояли также озадаченные до-нельзя.

— Вотъ вамъ, господа, что значитъ эта смѣсь властей, вѣдомствъ, привилегій и всякихъ перегородокъ и границъ! — сказалъ Тарханларовъ. — Вы, генералъ, осилили своею правотою судъ, уѣздную и губернскую полицію, добыли себѣ въ защиту главнаго чиновника изъ мѣстной администраціи, онъ все распуталъ, обличилъ, и что жѣ? — является совершенно-постороннее лицо и говоритъ: «довольно! я не хочу, чтобы правда отыскалась!» — и я долженъ бросить снова все...

На его щекахъ обозначились багровые кружки.

— Что прикажете донести его сіятельству? — уныло спросилъ сбоку становой. — И что прикажете дѣлать-съ мнѣ самому?

— Вамъ совѣтую расти, умнѣть, приучиться къ труду, къ дѣлу... а ему? Тыфу, господа, я начинаю глупѣть! теряю всякое сознаніе. Слышали вы? я ему говорю: не ваше дѣло... а онъ? Хорошихъ становыхъ назначаютъ! и все эти протекціи! Вамъ бы въ классныя дамы, молодой человѣкъ, въ женскій институтъ поступить, а не въ становые на низовьяхъ Волги. Васъ бы я долженъ смѣнить; но вы такъ наивны, что, вѣроятно, и не поймете, за что это! Оставайтесь; только будьте на будущее время осторожнѣе.

Становой глупо поклонился.

Вошелъ Лазарь Лазаричъ и отозвалъ совѣтника и Рубаникина въ сторону.

— Я посадилъ на тройку Кѣбабчи и Рахилевича и рано на зарѣ отправилъ ихъ въ острогъ, а Хутченко подъ домашній арестъ въ городъ, въ полицію, и послалъ отъ вашего лица объ этомъ нужныя отношенія, къ кому слѣдуетъ.

— Отлично! Хоть вы мнѣ помогаете. Благодарю васъ: безъ васъ бы и я тутъ ошалѣлъ. А этотъ засѣдатель — пѣшка... Хорошихъ выбираютъ, нечего сказать!

Совѣтникъ передалъ греку предложеніе предводителя; тотъ метнулъ бѣлками на станowego и окончательно сконфузилъ молодого человѣка.

— И это земская полиція, надежда цѣлаго околотка! — сказали шопотомъ грекъ: — неужели вы его отпустите въ Есауловку къ предводителю?

— Онъ глупъ, совершенный мальчишка! Пусть себѣ ѣдетъ!

Тарханларовъ послалъ станowego къ предводителю съ такимъ отвѣтомъ:

«Приостановить своихъ дѣйствій надъ дворянами Кебабчи, Хутченко и Рахилевичемъ, а равно и надъ Перебѣченскою я не могу, по долгу службы и присяги; объ ихъ проступкахъ и преступленіяхъ составлены особые акты и безотлагательно посылаются по начальству. Къ этимъ же актамъ присоединится и письмо вашего сіятельства, доказывающее, что вы, предводитель, всему потакаете и рѣшаетесь, наконецъ, мнѣ грозить, что остановите высшаго чиновника въ отправленіи ввѣреннаго ему слѣдствія надъ нарушителями общественнаго спокойствія и порядка».

Не успѣлъ становой скрыться, не успѣли слѣдователи побриться, наняться чаю и распорядиться объ очисткѣ залы отъ ночлега и о приготовленіи тарантаса для выѣзда изъ дома хозяйки, какъ въ ворота двора влетѣлъ во всю конскую прыть, шестерикомъ вороно-пѣгихъ, новый экипажъ, и въ немъ, въ уланскомъ безсрочномъ мундирѣ, оказался князь-предводитель.

— Стойте, я не позволю! Собрать сюда понятыхъ! — закричавъ крикнулъ онъ, еще стоя въ коляскѣ, и вышелъ изъ нея, нетерпѣливо гремя саблею по ступенямъ крыльца.

Изъ сѣней показался Тарханларовъ. Сотскіе замѣшались, не зная снова, кого слушаться. Въ глазахъ ихъ пошли какіе-то кружки: то золотая каска, сабля и шпоры имъ хорошо извѣстнаго богача и сосѣда, кавалериста-предводителя, то болѣе скромный видъ губернскаго чиновника, его зеленый воротникъ и потертый сюртукъ, безъ всякихъ внушающихъ уваженіе касокъ и сабель. Не трудно было сдѣлать выборъ между этими двумя лицами сотскимъ и вновь созваннымъ къ крыльцу понятымъ, какъ людямъ совершенно простымъ и всегда зависящимъ отъ властей ближайшихъ. Они думали, пока предводитель ходилъ по крыльцу

и раздавалъ новыя приказанія, отмѣнявшія распоряженія совѣтника:

«Тамъ, этотъ чиновникъ хоть и изъ губерніи присланъ и засѣдателемъ даже помыкаеть, а пока до губерніи, то этотъ бѣдовый предводитель коли не шею поколотить, такъ цѣны сбавить у себя же намъ на уборкѣ пшеницы и вездѣ, а онъ цѣну первый кладетъ по своему богатому имѣнію».

— Чтò вамъ угодно, князь?—спросилъ, появившись весь блѣдный отъ негодованія и волненія Тарханларовъ. — Опомнитесь, не погубите себя и меня... Одумайтесь, чтò вы дѣлаете; вы, вѣроятно, неопытны и законовъ не знаете.

— Все знаю! — отвѣтилъ бѣшено и глухо предводитель, сѣдая носъ лорнетомъ и даже не взглянувъ на Тарханларова: — я не позволю попирать всякому... права сословій... дворянъ... и... и...

Князь вертѣлся. Нижняя губа его дрожала; сабля звякала объ полъ крыльца.

— Вы забываетесь, князь!—злобно шепнулъ совѣтникъ.

Князь презрительно поглядѣлъ на него черезъ погончикъ эполета и промолчалъ. Кромѣ ихъ двухъ, на крыльцѣ никого не было.

— Плевать я хотѣлъ на всѣхъ вашихъ крючковъ!—сказалъ князь и тутъ же на землю плюнулъ съ крыльца.

— Мальчишка! — прошипѣлъ совѣтникъ, сжимая кулаки и отворачиваясь къ сторонѣ амбаровъ.

Пѣтухи звонко заливались по задворью.

— Бюрократическая пьявка! — сказалъ будто про себя князь, пошвыстывая и также поглядывая кругомъ.

— Такъ вы меня полагаете втоптать въ грязь?—произнесъ совѣтникъ.

— Важная птица!

— Хорошо же-съ. Теперь берегитесь.

— Посмотримъ, якія угрозы. *Vogue la galère!* и я не безъ силы и-съ.

Князь въ замѣ не пошелъ. Изъ сѣней явились перепуганный Рубашкинъ, засѣдатель и грекъ. Къ крыльцу, съ понурыми головами, между тѣмъ, понемногу сошлись снова понятые и дворяне.

— Сходите за Пелагеей Андреевной!—сказалъ предводитель засѣдателю, узнавъ его, а на другихъ не обращая

вниманія.—Скажите ей, чтобъ ничего не боялась, и что я здѣсь! Понимаете?

Перебѣченская явилась съ ридикюлемъ и въ томъ же убогомъ чепцѣ. Она всхлиывала. Глазки ея слезились.

— Пелагея Андреевна! — сказалъ князь, становясь въ торжественную позу, отдувая грудь и сквозь лорнетъ глядя на Тарханларова, какъ смотритъ морякъ за семь миль на темную точку въ морѣ: — здѣсь вышли недоразумѣнія! Я получилъ ваши письма и обо всемъ донесъ вчера же еще губернатору и далѣе. Не стоитъ вамъ дѣйствительно оставаться въ этомъ домѣ; васъ эти господа не оставятъ въ покоѣ.

— Послушайте, однако! — перебилъ Рубашкинъ: — я не ожидалъ, чтобъ ваше сіятельство...

— А я, извините, не ожидалъ, чтобъ ваше превосходительство...

— Такое вмѣшательство со стороны вашего сіятельства...

— Такое посягательство на спокойствіе больной дамы и дворянки со стороны вашего превосходительства...

— Гдѣ же она больная? докажите!

Князь поморщился и сказалъ:

— Ну, генералъ, объ этомъ насъ разсудятъ въ собраніи нашего сословія... — И продолжалъ, обращаясь къ Перебѣченской:—я беру васъ не только подъ свою защиту, но за честь для себя считаю предложить пока вамъ и свой домъ. Никто при мнѣ здѣсь, даю вамъ честное слово, не помѣшаетъ вамъ открыть ваши ящики, сундуки и кладовыя, такъ нагло опечатанные, и взять оттуда все, что вы захотите. Земля, положимъ, принадлежитъ г. Рубашкину; оставьте ему за то всѣ строенія, хоть вы и правы, я въ томъ совершенно увѣренъ. А остальное берите все, все — оно ваше.

— Вы вмѣшиваетесь въ дѣла судебныя! — перебилъ его Рубашкинъ, также отдувая грудь и принимая журавлиныя позы.

— Согласны вы на это? — спросилъ предводитель Перебѣченскую, будто не слыша генерала.

— Согласна-съ, но мнѣ бы надо взять еще тутъ мебели: вотъ бюро, кресла, зеркала; притомъ же въ амбарахъ мука есть свѣжая... веревки, ну, и прочее.

— Ну-съ, это уже послѣ, это лишнее! — рѣзко замѣтилъ предводитель барынѣ.

— Согласна-съ, ваше сіятельство... Въ такомъ случаѣ согласна-съ... отчего же!

— Въ такомъ случаѣ, пожалуйте лично со мною; берите ваши вещи, срывайте печати... Я самъ ихъ сорву!

Предводитель пропустилъ въ домъ Перебѣченскую, а самъ, обратившись къ совѣтнику, спросилъ съ улыбкой:

— Вѣроятно, протестуете, а?

— Да, протестую и не дозволю. Слѣдствіе кончено, и всѣ акты подписаны, понятые дали руки. Вы вмѣшиваетесь не въ свое дѣло, вы посягаете и на власть судебную, и на административную, полицейскую, не имѣя ни той, ни другой... Генералу вѣрно сдать все. Прошу васъ еще разъ не вынуждать меня къ крайнимъ мѣрамъ и противъ васъ.

— Противъ меня?—спросилъ князь и ухватился за саблю.

— Да, противъ васъ!—гаркнулъ молодчина совѣтникъ.

Тарханларовъ дрожалъ отъ злости.

— Вы дали руки, ребята?—спросилъ князь понятыхъ.

— Дали.

— Это все я объявляю недействительнымъ. Слѣдствіе произведено умышленно, а подписано такимъ лицомъ, которое само не имѣетъ права быть свидѣтелемъ.

— Кѣмъ же-съ?—спросилъ совѣтникъ.

— Воротившимся изъ бѣговъ, послѣ двѣнадцатилѣтняго отсутствія, сыномъ есауловскаго приказчика, Ильей Танцуромъ. Его отецъ самъ просилъ обратить на это вниманіе слѣдователей, а вы не обратили.

Тарханларовъ оглянулся на Рубашкина и Лазаря Лазарича.

— Онъ воротился добровольно, а убѣждалъ еще несовершеннолѣтнимъ! — сказалъ Рубашкинъ: — и самъ его отецъ явилъ его въ земскій судъ и принялъ обратно въ составъ деревни, гдѣ онъ и приписанъ уже болѣе полугода.

— Генералъ! — вскрикнулъ запальчиво предводитель: — вы тутъ не судья; будьте довольны тѣмъ, что васъ водворятъ, наконецъ, въ домъ и въ имѣніи, которое къ вамъ какъ съ неба упало, а я свое дѣло знаю. Понятые, по домамъ!

— Я знаю тоже одну вещь, ваше сіятельство, и знаю твердо! — отвѣтилъ Рубашкинъ: — дорого вы впоследствии да-

диге, чтобъ ничего этого не было вами сдѣлано и сказано; но будетъ уже поздно!

— Дудки-съ, дудки! — повторялъ съ хохотомъ князь, ломаясь и лорнируя понятыхъ: — что, братцы, шепчетесь! По домамъ! — гаркнулъ онъ снова. — Слышите? по домамъ... Я васъ распускаю.

Понятые пошли вразсыпную.

Предводитель направился въ домъ и тотчасъ же съ Перебѣченской приступилъ къ вскрытію опечатанныхъ засѣдателямъ замковъ и ящичковъ. Къ дѣвичьему крыльцу подвезли тарантасъ барыни и еще двѣ подводы и стали ихъ нагружать разнымъ хламомъ.

— Попалъ же ты, бѣднякъ князекъ! — сказали засѣдатель, стряная новый актъ о перерывѣ слѣдствія.

— Сомнительно! — рѣшилъ, о томъ же разсуждая, грекъ. — Положимъ, всѣмъ будетъ нахлобучка! Ладно, гуть и зеръ гуть, да что же изъ того? Въ главномъ-то все-таки и эти господа навѣрное будутъ отписываться отъ десятка всякихъ комиссій и комиссій надъ комиссіями, до скончанія дней своихъ, какъ это дѣлають и другіе.

— Я сдѣлалъ все, что могъ! — сказалъ разбитымъ и усталымъ голосомъ Тарханларовъ, утирая щеки и лобъ. — Болѣе ничто не въ моихъ силахъ! Она уѣдетъ, мое слово сдержано... за симъ увольте меня отъ дальнѣйшихъ хлопотъ...

— Благодарю васъ отъ души!

— Теперь и для меня подпишите послѣднюю бумагу... о самовольствѣ предводителя...

— Извольте!

— Сотскіе! собирайте и мнѣ лошадей!

— Готовы-съ... давно собраны...

— Кто велѣлъ?

— Я! — отозвался грекъ. — На всякій случай еще къ утру я велѣлъ ихъ припасти, боясь, чтобы эти Кебабчи, Рахизевичъ и Хутченко не отбились дорогой отъ конвоя и не явились бы сюда съ цѣлой арміей себѣ подобныхъ! Вѣдь это дѣло тутъ также возможное...

— Какъ вы думаете, они скоро доѣдутъ до острога?

— Скоро. Теперь власти задвигались. Въ острогъ посадятъ и Хутченко; онъ дорогою попросилъ у одного изъ провожатыхъ хлѣба, тотъ сталъ рѣзать на перевалѣ, а

Хутчѣнко ножъ у него выхватилъ, да и ну имъ фехтовать. Насилу его одолѣли! Хотѣлъ отбѣгнуться и уйти...

Тарханларовъ бережно сложилъ всѣ бумаги въ портфель и взялся за шпагу.

— Счастливо оставаться на сельскомъ хозяйствѣ!—сказалъ онъ Рубаникину.—Вообще, деревенскій воздухъ иногда дорого достается.

— Куда же вы? Погодите еще, чтобъ хоть они при васъ выѣхали...

— Не хотѣлось бы еще разъ встрѣтиться съ этимъ князькомъ-уланчикомъ. Ну, да нечего дѣлать, останусь для васъ. А если онъ еще скажетъ дерзость, я и ушю ему выдеру. Чтѣ ихъ шадить! Или отведу въ сторону, да и поколочу безъ свидѣтелей. Шелковый тогда будетъ. Знаете поговорку: въ морду—и полюбить! Пойдемте въ садъ. Посмотримъ, какъ, наконецъ, выѣдетъ эта барыня, чтѣ десять лѣтъ тутъ жила своевольно, подъ видомъ мнимой болѣзни. О, Бедламъ, Бедламъ!

Черезъ часъ предводитель и Перебѣченская уѣхали. Последняя призвала своихъ нанятыхъ людей изъ дворин, всѣхъ разочла, объявила имъ, что они, наконецъ, свободны, а что она по гробъ разорена и убита. За полчаса до ихъ отъѣзда, къ изумленію генерала и чиновниковъ, съ земли Конскаго-Сырта погнали гурты скота, табунъ лошадей и всѣхъ овецъ. Батраки изъ собственныхъ крѣпостныхъ людей барыни успѣли нагрузить нѣсколько возовъ мукой, зерномъ, бочками солонины, медомъ, кожами, мебелью и прочимъ.

— Вотъ вамъ и разочли васъ съ нею по неоплаченной десятилѣтней арендѣ!—сказалъ Тарханларовъ, гуляя съ Рубаникинымъ въ саду и куря сигару.—Шутка ли, вмѣшался въ дѣло, порученное мнѣ по указу губернскаго правленія, вмѣшался въ рѣшенный искъ по неоплаченной арендѣ двухъ тысячъ земли за десять лѣтъ!..

— Ничего, хоть уголъ теперь у меня, благодаря вамъ, есть! Я и этимъ доволенъ! Прахъ побереи остальное. Начать же вести дѣло по новымъ аппеляціямъ, такъ и жизни моей не хватитъ!.. Стану хозяйничать и на этомъ...

— Какое ничего! Да весь этотъ скотъ, лошади и овцы по-постоящему ваши. Вѣдь это проценты на проценты, до-

ходъ на доходъ съ этой же земли! Вѣдь это всѣ знаютъ; она явилась сюда безъ гроша денегъ!..

Подожелъ грекъ.

— Что, г. Ангелъ? Что вы намъ скажете новаго?

— Уѣхали. Пожалуйте въ домъ!

— Только-то? Въ опустошенный?

— Пока не больше.

— Какъ пока?

— Именно-съ. У меня бродятъ разныя, знаете, новыя мысли въ головѣ; ну, да у нихъ въ головѣ тоже вѣрно есть что-то... Призвали передъ отъѣздомъ сына есауловскаго приказчика, что былъ вчера въ понятихъ и такъ отлично помогъ намъ повершить все дѣло, шептались съ нимъ долго, потребовали потомъ его отца, бумаги и перо, и я видѣлъ въ окно съ дѣвичьяго крыльца, какъ старуха сама что-то писала, а диктовалъ предводитель. Приказчикъ же все говорилъ и размахивалъ руками...

— Что бы это было? Г. Тарханларовъ, вытребуйте сюда къ допросу этого приказчика, допытайтесь, что это такое? — сказалъ Рубашкинъ.

— Э, нѣтъ! Теперь уже баста, надоѣло-съ и мнѣ, господа! Я все свое сдѣлалъ, а болѣе ни-ни. Перебѣченская уѣхала. Засимъ, Адрианъ Сергѣичъ, до свиданія снова! Надѣюсь, что я все исполнилъ, о чемъ мы условились въ городѣ?

Тарханларовъ отказался даже отъ обѣда и уѣхалъ съ Лазаремъ Лазаричемъ, а засѣдатель остался сдавать окончательно генералу по описи имѣніе и усадьбу, брошенныя Перебѣченскою. Для этого были приглашены нѣ свидѣтели оба есауловскіе священника и еще какой-то сосѣдній, поволжскій однодворецъ. Описывали опять то, что осталось послѣ наѣзда князя, до обѣда другого дня; причемъ священники оказались въ явномъ разладѣ и другъ съ другомъ ничего не говорили, а однодворецъ съ засѣдателемъ все пугливо о чемъ-то шептались и пили наливку. Понятна была вражда священниковъ въ этомъ домѣ: всѣ знали пріязнь генерала къ отцу Смарагду, а недавняя обитательница Конскаго-Сырты была въ дружбѣ съ отцомъ Иваномъ. Отецъ Смарагдъ еще съ вечера скрѣпилъ своею подписью руку Ильи на всѣхъ актахъ.

Къ вечеру другого дня Рубашкинъ, оставшись одинъ, при-

нялся за устройство новаго угла. Перевезъ сюда всѣ свои вещи изъ Малаго Малаканца, а тамошнюю хозяйку нанялъ къ себѣ пока въ ключницы. Въ опустошенной до тѣхъ спорной усадьбѣ не было видно и слышно ни единого живого существа. Наемные люди Перебдченской всѣ ушли, а пять-шесть человѣкъ крѣпостныхъ людей, уцѣлѣвшихъ отъ бѣговъ съ той поры, какъ бѣжалъ столяръ и слесарь ея, Талавѣрка, уѣхали съ барыней въ деревню къ предводителю. На четвертый день по выѣздѣ Перебдченской, когда у Рубашкина прибрался еще болѣе домъ и явилась кое-какая своя прислуга, въ гостяхъ у него сидѣлъ отецъ Смарагдъ и разбиралъ только-что привезенные номера газетъ, а самъ Рубашкинъ читалъ полученные письма. Священникъ сидѣлъ грустный, потому что его женѣ снова вдругъ сдѣлалось хуже.

— А! письма отъ Тарханларова, Саддукѣва и... это еще отъ кого?.. Незнакомая подпись!.. Отецъ Смарагдъ, не знаете этой руки? Э, есть подпись: отъ какого-то чиновника, по порученію Кебабчи... изъ острога! Каково! Хотите прочту?

Священникъ бросилъ газеты.

— Читайте, что они тамъ пишутъ.

— Слушайте, Тарханларовъ пишетъ. Прежде всего его письмо...

«Я уѣхалъ отъ васъ не въ-духѣ, и было отъ чего. Зато въ городѣ я ожилъ. Всѣ мои бумаги приняты губернаторомъ отлично. Онъ былъ какъ громомъ пораженъ всѣми этими событіями и замѣтилъ, кажется, что вы кругомъ его провели, то-есть скрыли отъ него всю важность возложеннаго на меня порученія. Къ счастью, сказать между нами, и у него вышли непріятности съ этимъ предводителемъ, по поводу какого-то оскорбительнаго требованія, и онъ далъ полный ходъ моимъ рапортамъ и протоколамъ. Князь-предводитель уже смѣненъ по телеграфу изъ Петербурга. Денеша, говорятъ, туда шла въ двѣсти словъ. Будетъ съ сѣвера особая комиссія для слѣдствія надъ оскорбленіемъ меня и другихъ чиновниковъ. Глаза мои и високъ освѣдѣтельствованы, мнѣ лучше. Я сдѣлался львомъ въ городѣ, благодаря смѣло вынесенной исторіи по милости вашего имѣнія. Титулярный совѣтникъ Ангелъ, знакомецъ вашъ по этому же дѣлу, представленъ къ ордену, а я — къ полученію не въ зачетъ годового оклада жалованья. Лазарь Лазаричъ черезъ

эту командировку входитъ въ силу, и ему, кажется, отнынѣ сдадутъ всѣ важнѣйшія слѣдствія по губерніи. Я за него очень радъ. Онъ вамъ кланяется и поручилъ сказать, что вы скоро о немъ услышите снова. Затѣваетъ что-то по поводу найденныхъ у Перебѣченской ассигнацій, но отъ меня это скрываетъ пока. Жена моя и новорожденный кланяются вамъ. И пишу вамъ все это откровенно, какъ къ новому другу. Надѣюсь, что вы и въ будущемъ не обѣдите моего угла въ городѣ, куда, впрочемъ, теперь васъ, вѣроятно, по концѣ вашего дѣла, и калачомъ не заманишь.»

— Ну-съ, что же написать изъ острога по порученію этого Кебабчи?— спросилъ отецъ Смарагдъ:— свирѣпствуетъ онъ попрежнему, или, по поговоркѣ Тарханларова, что «въ морду — и полюбить», становится передъ вами на заднія лапки?

— Слушайте! Незнакомая рука пишетъ:

«Г. прапорщикъ и кавалеръ Кебабчи желаетъ здравствовать генералу Рубашкину, а равно то же свидѣтельствуютъ ему и его несчастные страдальцы-товарищи. Что же дѣлать! Пардонъ! Молодые люди погорячились. Смилуйтесь надъ ними, простите ихъ, генераль, и остановите это унижительное дѣло. Мы по гробъ жизни ваши добрые сосѣди и слуги. Слышимъ, что вы уже водворились въ своемъ имѣніи, а вашъ врагъ, наконецъ, изгнанъ. Поздравляемъ васъ, ваше превосходительство, отъ души! Мы всегда были за васъ. Но что же дѣлать? Юноши погорячились и теперь просятъ пардону: я, Кебабчи, Хутченко и Рахилевичъ. Пришлите намъ денегъ. Мы вамъ многое скажемъ. Во-первыхъ, я, Кебабчи, сообщаю вамъ тутъ же, что дѣвушка Перебѣченской, Палашка, подала жандармскому генералу письменный извѣтъ на г. Тарханларова, будто бы онъ, губернскій чиновникъ, во время слѣдствія надъ ея барынею, занимался волокитствомъ за женскимъ поломъ и навѣки погубилъ ее, Палашку... понимаете? погубилъ насильно!.. Это скверный извѣтъ-съ, повредить вамъ и ему сильно можетъ! Во-вторыхъ, я, Рахилевичъ, вызываюсь, если генераль войдетъ съ нами въ добрую сдѣлку, опровергнуть вполне извѣтъ этой дѣвушки на почтеннаго слѣдователя и готовъ составить лично, не своею, разумѣется, рукою, кипу любовныхъ писемъ, будто бы отъ разныхъ солдатъ и лакеевъ къ этой дѣвушкѣ Палашкѣ, и представить ихъ въ опроверженіе ея извѣта въ томъ, якобы

ее... Понимаете? Дѣло это мы можемъ передѣлать! Въ-третьихъ, я, Хутчѣнко, въ случаѣ немедленнаго моего освобожденія черезъ васъ, генераль, могу бросить значительный свѣтъ на нѣкоторые отношенія Перебѣченской къ есауловскому приказнику, по ихъ обогащенію, такъ какъ мнѣ кое-что извѣстно изъ ихъ поѣздки въ Черноморье и въ Нахичевань»...

Рубашкинъ сталъ потирать себѣ лобъ.

— Бросьте! — сказалъ съ омерзѣніемъ священникъ: — бросьте это письмо, не стоить читать далѣе! Экіе негодян и подлая душонки!

Генераль, однако, спрятать это письмо въ столъ.

— Но вотъ еще письмо нашего несравненнаго Саддукева. Онъ поздравляетъ меня съ успѣхомъ. Вотъ его приписка:

«Да, накуралесилъ вашъ трехбунчужный паша, вашъ предводитель, вселюбезнѣйшій генераль! Теперь и я подумываю: не сбавить ли со ста лѣтъ, которыя я стремлюсь прожить, годика этакъ два-три. Право, прогрессомъ пахнетъ. Это я говорю потому, что Тарханларовъ обработалъ все дѣло отлично, вы водворены на мѣсть, а нѣсколько негодяевъ преданы формально уголовному суду. Кажется, и у насъ правда начнетъ скоро брать верхъ и мы дождемся-таки восхода желанныхъ дней. Армяшка, знакомый вамъ откупщикъ Халыбовъ, едва узнать, что вы взяли верхъ и что, наконецъ, живете полнымъ владѣльцемъ, хотя и опустошеннаго, но дорогого-таки Сырта, прѣхалъ ко мнѣ и самъ предложилъ дать вамъ взаймы еще три тысячи, съ тѣмъ, чтобы закладную на мой домъ похерить, а вамъ ему до уплаты заложить за эти пять тысячъ рублей всю вашу землю. Гусь не промахъ! Двѣ тысячи десятинъ черноземныхъ луговъ и степей за пять тысячъ! Да нечего дѣлать, и я вамъ совѣтую принять его предложеніе. Что подруга нашего Сморочки? Напишите о немъ и о себѣ. Вашъ преданный, и проч.»

— Слышите? Это о васъ! Какъ здоровье вашей жены, въ самомъ дѣлѣ?

— Плохо, очень плохо... Надо бы акушерку, доктора... Не переживетъ она, а у меня денегъ на это нѣтъ. Гдѣ я возьму?

Генераль помолчалъ и сталъ чесать носъ.

— Ну, теперь, отецъ Смарагдъ, мы заживемъ въ сосѣдски, друзьями. Прошу чаще у меня бывать. Вмѣстѣ вычислимъ проектъ о населеніи Сырта; начнемъ тутъ же съ осени вольнонаемное хлѣбопашество, гурты станемъ разводить и съ своей стороны...

— Извольте, извольте! А вы мнѣ книжечекъ побольше, книжечекъ выписывайте и давайте читать, если сами не сдѣлали привычки, да и некогда вамъ будетъ ихъ читать при хозяйствѣ...

— Прелестъ! Какъ теперь все здѣсь затихнетъ! Мы подберемъ добрыхъ, вольныхъ работниковъ. Наша почва безъ дурныхъ сѣмянъ, безъ плевель; я простонародья ничѣмъ не раздражалъ, я другъ всѣмъ здѣсь... Брависсимо! всякъ мнѣ позавидуетъ!

— И точно! — сказалъ со вздохомъ священникъ: — вы счастливецъ. Спѣшите. Вы уже немолоды. Осень тоже теперь не за горами. Надо достать сѣмянъ, еще денегъ. Пашите и сѣйте побольше.

— Да и старость-то моя не за горами. Авось, хоть что-нибудь сдѣлаю тутъ полезнаго. Именно денегъ, денегъ прежде всего! Буду, завтра же буду въ городъ: заложу армянину всю землю и привезу снова не менѣе трехъ-четырехъ тысячъ, а домъ Саддукѣва освобожу изъ-подъ залога. Ужъ я не стану этихъ кровныхъ, занятыхъ денегъ кидать на обѣды и балы сосѣдямъ, какъ дѣлывали это наши предки, закладывая нѣкогда души своихъ крѣпостныхъ въ приказы да въ совѣты! Деньги мои пойдутъ на обороты по хозяйству и только частичкой на самое нужное для дома въ этой глуши; закуплю про запасъ сахару, чаю, муки, хорошей посуды, хламу тамъ разнаго для буфета и для кухни; еще книгъ выпишу... это уже собственно для васъ! Хе-хе! лошадокъ добрыхъ куплю, безъ нихъ въ этихъ пустыняхъ быть рѣшительно нельзя. Правда, отецъ Смарагдъ?

— Правда, правда...

— Что же вы такъ нахохлились опять?

Священникъ былъ въ волненіи. Грудь его тяжело дышала. Потъ катился съ скулистаго, широкаго и некрасиваго лица. Глаза были опущены.

— Что съ вами?

— Такъ-съ, ничего.

— Нѣтъ, говорите, прошу васъ.

Священникъ поднялъ сѣрые робкіе глаза. Они были совершенно тусклы и полны невыразимой борьбы, отчаянія и стыда.

— Знаете текстъ: «Помяни мя, егда приидеши?» — сказали онъ блѣдными, дрожащими губами.

— Какъ-съ? Что-съ?

— Дайте мнѣ, прошу васъ, изъ этихъ-то новыхъ трехъ-четырехъ тысячъ цѣлковыхъ, что займете, хоть сотняжку рублей взаймы. Бѣда-съ! Въ домѣ свѣчей давно нѣту, дѣтямъ чаю ни крохотки напиться, не на что бабу-старуху нанять, хоть въ болѣзнь-то пока походить за моею Пашенькой.

Рубашкинъ покраснѣлъ, однакоже, достать бумажникъ.

— Вы меня спасли, первые дали вѣрный совѣтъ, повезли въ городъ, даже на овесъ моему буланому тогда дали, черезъ васъ я все получилъ. Я помню все это... Вотъ вамъ... пятнадцать рублей! Болѣе не могу, извините. Берите ихъ, какъ благодарность, а не взаймы.

Священникъ взялъ деньги.

«Фу, радость! — подумалъ онъ, — это за все-то». — А больше нельзя? — сказали онъ: — вѣдь тутъ и акушерки не на что пригласить!

Рубашкинъ, покраснѣвъ еще болѣе, подумалъ:

«Эге! да и ты, кажется, къ вещественному надокъ!» — и отвѣчалъ: — Извините, болѣе не могу! — хоть у него было еще болѣе двухсотъ рублей.

Священникъ ушелъ.

Рубашкинъ съѣзжалъ снова въ городъ, заложилъ откупнику Конскій-Сыртъ, взялъ у него еще не три, а пять тысячъ рублей подъ это имѣніе и остался дѣлать необходимыя закупи въ городъ. Онъ остановился опять у Садукѣва. Безпардонный учитель гимназій оказался съ первой ихъ новой встрѣчи еще болѣе въ ударѣ на всякія комическія выходки, смѣшилъ генерала трое сутокъ сряду, снабдилъ его кучею городскихъ анекдотовъ и сплетень и угостилъ его неимовернымъ какимъ-то казачкомъ, который заставилъ проплясать своихъ оборванныхъ и запыленныхъ дѣтей, а самъ при этомъ хохоталъ, какъ помѣшанный, закидывая назадъ огромную голову, съ большими сквозными ушами, и грызя до крови давно обкусанные нѣгти. На прощаньи, однако, онъ сказалъ генералу:

— Въ гимназїи вышла исторїя: я сболтнулъ тамъ одну штуку ученикамъ. Противъ меня теперь ведутъ подкопъ; немудрено, что меня и отставятъ. Тогда, надѣюсь, не откажете меня принять къ себѣ хоть въ приказчики? А?

— О, разумѣется! — отвѣтилъ генералъ, снова краснѣя, замолчалъ и уѣхалъ надутый, провожаемый маханьями Садукѣева, который даже влѣзъ на крышу и на радости выпустилъ всѣхъ голубей.

Явились въ Конскомъ-Сыртѣ рабочіе, явилась и окончательно устроенная наемная прислуга. Рубашкинъ все приладилъ въ двѣ-три недѣли отлично. Отдѣлалъ въ особенности съ любовью свой кабинетъ, изъ оконъ котораго, сквозь главную аллею сада, была видна на скатѣ бугровъ вся Есауловка и обѣ ея церкви. По столу и диванамъ въ этомъ кабинетѣ и въ залѣ, ознаменованной недавними битвами, явились въ изобилїи дѣловыя бумаги, хозяйственные книги и счета. Поля зачернѣли полосами пахоти подъ-зябъ. Скупались рожь и озимая пшеница на посѣвъ. Въ двухъ концахъ поля стали прохаживаться небольшіе сосѣдскіе гурты скота, пущенные сюда за хорошія денъги до перваго снѣга. Словомъ, чего желалъ и добивался воротившійся съ чужбины къ родному краю и дѣлу Рубашкинъ, то и случилось.

— Неправда ли, у меня есть дарованіе организатора? — спрашивалъ онъ отца Смарагда: — я могъ бы управлять областью, населять пустыни?

— Кажется, — отвѣтилъ священникъ: — только не мѣшало бы вамъ подумать о докторѣ, когда тещерь у васъ все есть...

Но Рубашкинъ объ этомъ не думалъ.

Не такъ родина встрѣтила другихъ своихъ дѣтей.

Осень того года ознаменовалась для высшаго круга той губерніи усиленными разговорами о двухъ экстренныхъ комиссіяхъ, смѣнившихъ въ два мѣсяца одна другую, касательно разслѣдованія, дослѣдованія и перензслѣдованія непостижимаго дѣла: «о десятилѣтнемъ невыѣздѣ подпоручицы Перебдченской изъ непринадлежащаго ей по актамъ илїиїа, о командировкѣ туда на слѣдствіе совѣтника Тарханларова, о засореніи его глазъ и о буйствѣ тамъ дворянъ Кебабчи, Хутченко и Рахилевича, и о самовольномъ вмѣшательствѣ въ слѣдствіе мѣстнаго уѣзднаго предводителя дворянства». Перебдченская проживала въ уѣздномъ городѣ подъ арестомъ

въ собственномъ ея домѣ. Тутъ же недалеко жилъ и находившійся подъ слѣдствіемъ предводитель, который вдругъ оказался артистомъ и сталъ брать уроки музыки и пѣть, повторяя, что генераль Рубашкинъ циникъ, мясникъ, вольнодумецъ и даже на старости лѣтъ чуть ли не республиканецъ и врагъ всего дворянства.

Допросы, переспросы и очные ставки шли своимъ чередомъ. Всѣ показанія рапортовъ Тарханларова подтверждались новыми слѣдствіями. Но Перебѣченскую кто-то навѣстилъ, научилъ ее, и она отвела однимъ взмахомъ пера почти всѣхъ свидѣтелей по слѣдствію и понятымъ. «Такого-то и обсчитала у себя на работѣ, такого-то поколотилъ палкою за грубость мнѣ мой приказчикъ, а этихъ сѣкли по моему приказу мои батраки. Всѣ они злобствуютъ на меня, потому и клеветуютъ». Начали привлекать къ дѣлу другихъ свидѣтелей. Тутъ-то впуталась, между прочимъ, въ исторію о Перебѣченской и исторія о Тарханларовѣ, по извѣсту горничной Палашки въ его будто бы посягательствѣ на ея красоты. Молодчина совѣтникъ, вѣрный другъ жены и всегда примѣрный семьянинъ, такъ-было онѣшнися отъ этой новой штуки, что недѣли три никуда въ городъ со стыда и негодованія не показывался. Доносъ Палашки неожиданно исполъ въ дѣло, расплодился отъ всякихъ справокъ и надолго затормозилъ слѣдствіе объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ чиновнику при отправленіи его службы. Громкая исторія Конскаго-Сырта, наконецъ, начинала всѣмъ пріѣдаться. Но на сѣверѣ чуткіе новые носы стерегли ее и вдругъ поддали опять неожиданно сюда такого пару, что губернскія головы снова потерялись. Явилась комиссія надъ комиссіею изъ самаго Петербурга. Дѣломъ, какъ увидали мѣстные чины, не хотѣли тамъ шутить. Трехъ буяновъ-дворянъ, выпущенныхъ было подъ шумокъ изъ острога на-поруки, посадили снова въ острогъ и покрѣпче прежняго. Князь, отставной предводитель, предложилъ губернатору дуэль и былъ посланъ за это въ другую, болѣе отдаленную губернію, въ имѣніе своей жены. Вся эта исторія вскорѣ очутилась въ неясныхъ намекахъ въ одномъ сатирическомъ столичномъ журналѣ. Перебѣченская долго свободно ходила по улицамъ въ знакомомъ всѣмъ чепцѣ, перевязанномъ платкомъ, и съ ридикюлемъ.¹ Но вдругъ и ее пригласили изъ уѣзднаго города въ губернскій и тоже помѣстили гдѣ-то на благородной по-

ловинѣ при полиціи. Лазарь Лазаричъ Ангелъ посѣщалъ ее поминутно, оставался съ нею по цѣлымъ часамъ, бесѣдовалъ, игралъ съ нею даже въ карты, подѣ предлогомъ предлагаемыхъ услугъ выпрашивалъ ее о разныхъ разностяхъ и вдругъ уѣхалъ въ Черноморье.

Перебоченская усмирилась, сбывла куда-то свой скотъ и прочее движимое состояніе, обратила все въ деньги, крѣпостныхъ людей помѣстила частью при своемъ домишкѣ, бывшемъ въ уѣздномъ городѣ, а частью при своемъ хutorѣ близъ Конскаго-Сырta, и стала все говорить: «не постигаю, почему меня здѣсь опять беспокоятъ! Генералъ Рубашкинъ достойнѣйшій человекъ. Онъ мнѣ все простилъ, покончилъ со мною, бѣдною старухой, все расчеты, и даже мы совершили въ уѣздѣ формальную обо всемъ мировую. А тутъ опять крючки подпускаютъ, да еще и не говорятъ зачѣмъ: живи тутъ, да и баста! Ну, и живу. Благо церквей много; пѣвчіе славно поютъ, и есть гдѣ помолиться. Что же! Дѣтей у меня нѣтъ, капиталецъ кое-какой былъ, да и тотъ я рассыпала за этими несчастьями... Остается умереть въ покаяніи, въ монахини пойти, а заблудшихъ и разбогатѣвшихъ своихъ крестьянъ собрать, найти ихъ всехъ къ новому этому манифесту о волѣ, что ожидаютъ къ веснѣ, и помѣстить опять тутъ, либо при домѣ, либо при хutorѣ. Въ тридцать семь душъ считается всехъ по ревизіи. Авось хоть что-нибудь казна дастъ за нихъ чистыми деньгами: въдѣ я мало-помѣстная, безземельная сирота и притомъ вдова».

Такъ пѣла на жалобные лады Перебоченская, собираваясь въ монахини, а между тѣмъ, еженедѣльно толкалась съ какою-нибудь новою челобитною въ пріемные дни у губернатора, и съ неизмѣнною холодною и молчаніемъ, какъ по рецепту, была имъ обходима, причемъ ея челобитныя даже не передавались въ канцелярію для справокъ.

— За что же я тутъ живу? — спрашивала губернатора Перебоченская.

— Увидите! Не скучайте у насъ; вы любительница церквей; посѣщайте ихъ, молитесь Богу; авось скоро мы и отпустимъ васъ...

Перебоченская осклаблялась, вздыхала, цѣловала губернатора въ плечо и уходила, теряясь въ догадкахъ, въ отведенную ей частную квартиру, куда ее по назойливости переехали мѣсяца черезъ два изъ полиціи.

Мировая ея съ Рубашкинымъ точно была подписана. Генераль это сдѣлать, чтобы угодить мѣстной дворянской партіи, которая-было сильно возроптала на своего новаго члена. Но было еще не кончено дѣло о нанесеніи обиды чиновнику Тарханларову. Отчетъ послѣдней комиссіи быть переданъ въ мѣстную уголовную палату на ревизію и на заключеніе. Члены комиссіи уѣхали. Всѣ вздохнули свободнѣе, вдругъ это дѣло снова остановилось за пустякомъ, палата раздѣлилась голосами по поводу признанія или непризнанія за воротившимся, хотя бы и добровольно, изъ бѣговъ Ильей Танцуромъ права быть свидѣтелемъ и рукоприкладчикомъ за всѣхъ понятыхъ по слѣдствію Тарханларова. Быть посланъ куда-то далеко, по части законодательной, объ этомъ запросъ. Отвѣтомъ медлили. Дѣло стало снова...

Но зато расходился отецъ Ильи. Перебѣденская вызвала въ городъ Романа и дала ему замѣтить, что не худо было бы подкупить его Илью, чтобы тотъ отказался отъ своей руки и объявилъ бы себя неграмотнымъ, или сказалъ бы въ новомъ заявленіи суду, что онъ писалъ всѣ показанія и отбиралъ руки отъ понятыхъ не добровольно, а по принужденію чиновника Тарханларова, причемъ генераль Рубашкинъ будто бы даже въ него мѣтилъ пистолетомъ.

— Нѣтъ, на это мой Илья не пойдетъ! — рѣшилъ Романъ, пріѣхавъ въ городъ: — я ужъ его щупалъ съ этой стороны. Сорванецъ, какъ камень стойкій!

— Что же намъ, душечка, дѣлать? — шептала Перебѣденская, ломая руки и притворно хныкая и заглядывая ему въ глаза.

Романъ задумался. Желтизна отъ губъ давно стала всходить вдоль его смуглыхъ щекъ къ зоркимъ каримъ глазамъ. Онъ сидѣлъ въ длинномъ нанковомъ сюртукѣ, согнувшись и смотря въ землю. Еще передъ отъѣздомъ изъ Сырта барыня сказала Ильѣ:

— Помни, подлецъ, ты губишь меня, но погубишь и своего отца! Откажись отъ своей руки и отъ своихъ показаній!

— Не могу!

— Ну, такъ знай же: попадешься гдѣ въ чемъ-нибудь, своими руками удавлю тебя, а уже не выпущу, слышишь?

— Есть одно дѣло, матушка Пелагея Андреевна, — сказать, наконецъ, Романъ Танцуръ, глухо вдохнувъ и не глядя на Перебѣченскую: — да я не знаю, какъ вамъ сказать его... Охъ! Господи, Господи!

— Говори, душенька, говори! Ты знаешь, я готова тебѣ во всемъ помогать; помоги же и ты мнѣ! Что? Говори скорѣе, не бойся, ангелочекъ...

Вялые глазки Перебѣченской такъ и бѣгали, заглядывая въ лицо приказчика.

— Охъ, матушка, тяжело. Сами знаете! — началъ шопотомъ и оглядываясь Романъ Антонычъ. — Я былъ простой мужикъ, голякъ; вы, точно, меня вытащили изъ грязи, похвалили моему барину-князю. Ну, вы дали мнѣ весь ходъ, торговлю; но вѣдь и я вамъ дать помощь. Первое время барскими деньгами я васъ снабжалъ; а потомъ... потомъ, вы знаете, сударыни, куда мы съ вами... вдвоемъ-то... за деньгами ѣздили... знаете? а?..

— Ты!—зашипѣла барыня и, загородивъ костлявой рукой ротъ старика, вскочила и дверь квартиры заперла на ключъ.

— Никто не услышитъ насъ, матушка; Богъ одинъ услышитъ! Напрасно вы запираете двери...

— Ну? Чего же ты мнѣ грозишься? ну!..

— Ыздили мы за деньгами съ вами, мѣняли ихъ... сбывали на скотъ въ Черноморіи и на Дону, и тутъ по мелочамъ... Вы хорошо повели свое хозяйство, въ тысячахъ стали... А я все-таки и теперь мужикъ-мужикомъ... Ничего не умѣю, ничего не имѣю, одно только, что жена въ ситцахъ ходитъ, да чай мы пьемъ по пяти разъ въ день...

— А твои деньги? У тебя свои есть!

— Какія деньги?

— А твои собственныя?

— Да вы забыли развѣ, барыня, что онѣ все у васъ въ оборотѣ на одномъ вашемъ честномъ словѣ, а у меня на нихъ отъ васъ нѣтъ не только заемнаго письма, но даже ни ключка росписки или какой бумаги! Умри вы или я, семья моя опять будетъ нищею... Пора бы вамъ подумать обезпечить меня въ моей же заработанной съ вами долѣ... Сами знаете, что намъ, въ случаѣ открытія, одна дорога обопмъ—въ Сибирь...

— Да чего ты, дурачище, орешь?

— Не ору, а вы дайте мнѣ вексель. Умри вы или... откажись... повторяю, мы ницѣ...

— Да вѣдь ницѣми же вы были прежде?

Приказчикъ вытаращилъ глаза...

— Да ты чего смотришь? Я, душечка, только шучу! Не пронадесть твоей ни одной копейки. Вотъ тебѣ Богъ! А ты мнѣ только помоги изъ этой-то бѣды выпутаться... своего сына все-таки уговори. Нелегкая его впутала сюда въ понятые! И гдѣ онъ, мерзавецъ, этой грамотѣ выучился?

— Въ бѣгахъ, въ бѣгахъ! Охъ, ужъ эта воля. Чему въ ней они не научатся. Совсѣмъ другой воротился, я его ждалъ вотъ какъ! думалъ въ наши дѣла, въ помощники къ себѣ его взять! Куда! я ваялъ только не докладывалъ объ этомъ...

— Что же онъ тебѣ отвѣчалъ?

— Какъ мышь, зарылся въ садъ, хатѣнку себѣ тамъ устроилъ, требуетъ земли, хочетъ непременно въ рядовые мужики идти: не хочу, говорить, въ дворовую сволочь! просто бунтовалъ вначалѣ. Насилу я его успокоилъ...

— Да ты его по старинѣ-то въ томъ же садѣ, знаешь? Осилъ его этакъ подъ вечеръ невзначай, или въ темную ночь, да и помучь его... розгами, или такъ погрози, будто по-отцовски-то блуднаго сына убѣдить соберись... Вѣдь ты отецъ, что ты! Какъ пропускать такое упорство! Онъ испугается и, можетъ-быть, сдастся, особенно подъ розгами-то; подбери челоуѣкъ трехъ вѣрныхъ помощниковъ себѣ... ну, и отвалай его! И лютыя собаки на это сдаются... У меня были такія дѣти и я ихъ хорошо школила...

— Слушайте же, — сказалъ Романъ: — заставить его, не заставишь теперь... ничѣмъ... а удалить его можно... и навсегда можно удалить... Я знаю такое средство... только вы помилосердуйте; не пересолите дѣла... Вѣдь онъ все-таки мой сынъ...

— Ну, чѣмъ же можно удалить Илью?

— А вы не напортите, сударыня, дѣла?

— Нѣтъ, клянусь тебѣ, душечка.

— Вѣдь вы порохъ, я знаю, иной разъ, какъ всыпите, и я васъ боюсь... Хе-хе!

— Да ну же, голубчикъ, душечка, говори скорѣе! Видишь, я вся дрожу...

— А денегъ хоть часть воротите мнѣ?

Перебчинская замаялась.

— Сколько я тебѣ должна всего?

Антоничъ досталъ изъ-за пазухи, озираясь, затасканный платокъ, а изъ него лоскутокъ бумажки съ потертыми цифрами, писанными карандашомъ. То были выкладки его счетовъ рукою отца Ивана.

— Вотъ мы въ послѣдній разъ считались съ вами; мнѣ послѣ считалъ отецъ Иванъ. Я неграмотный, но надѣюсь на васъ, какъ на Бога. Вы не обидите меня?... Я былъ убогимъ бобылемъ и вмѣстѣ съ вами обдѣлалъ дѣло... разбогатѣлъ... и видите ли, какъ я вѣрилъ вамъ, сударыни; всѣ деньги мои у васъ...

— Сколько тутъ? А! три тысячи цѣлковыхъ. Отлично. Я ихъ тебѣ ворочу, не бойся ничего... что я? разбойникъ, что ли?

Руки у приказчика тряслись.

— Когда же, сударыня? Вѣдь десять лѣтъ...

— Какъ кончится мое дѣло,—тогда; а теперь, ты понимаешь, тутъ такой смуть, такой смуть! Ну, такъ какъ же? чѣмъ можно удалить отсюда... твоего сына? Этого-то мерзавца, Илью, какъ удалить, чтобъ и духу его тутъ не пахло? Устрой это дѣло, тогда въ нашу пользу порѣшится и мое, у меня развяжутся руки: понимаешь? Ну... я тогда тебѣ сразу настоящими деньгами и ворочу мой долгъ.

У васъ тогда въ Сыртѣ было вѣдь пять тысячъ; вы при мнѣ ихъ вынимали и предлагали тому чиновнику... куда же онѣ дѣлись?

— Э! были, да спыли! Я, душечка, ихъ подъ платье спрятаала тогда, какъ совѣтникъ выткнулся въ коридоръ, а потомъ отдала ихъ предводителю спрятать... Такъ говори же скорѣе, что ты тамъ надумалъ? Ну?

Приказчикъ завернулъ бумажку опять въ платокъ, положилъ за пазуху, посмотрѣлъ на Перебѣченскую, вздохнулъ и сказалъ:

— Въ бѣгахъ Илья былъ долго въ Ростовѣ, сударыня...

— Ну? что же изъ того?

— Тамъ онъ сошелся съ однимъ богатымъ каретникомъ старикомъ. тоже изъ бѣглыхъ, и жилъ у него два года...

— Ну?

— Каретникъ этотъ богатъ! у него свой домъ, вывѣска золотая... Илья и слюбился съ его дочкой. Настей, что ли. Пришелъ только сюда, земли, дуракъ, просить, чтобъ же-

ниться и перевезти ее сюда. А если не потакнуть ему, наотрѣзъ отказать, онъ сразу дастъ тягу туда, только мы его и видѣли! Слѣдствіе это рухнетъ само собою, а понятыхъ въ другомъ допросѣ легко будетъ либо отвести, либо спутать... За это берусь я!

— Слава тебѣ, Господи! Молодецъ, Антонычъ! Такъ и поступи! благословляю тебя.

— Такъ отказать ему отъ земли?

— Отказывай и налугай его еще чѣмъ-нибудь, понимаешь?..

Приказчикъ всталъ.

— Кто же этотъ каретникъ, откуда онъ? — спросила, крестясь, барыня.

Романъ зашнулся. Множество разнородныхъ ощущеній боролись въ немъ: боязнь потерять нажитыя деньги и страхъ окончательно погубить сына, желаніе угодить Перебѣченской и недовѣріе къ ея алчной, холодно-жестокой и мстительно-мелкой душонкѣ.

— Ну?—добродушно спросила барыня.

— Это вашъ-съ... бывшій столяръ, Целагея Андреевна... Талавѣрка Афанасій,—брякнулъ старикъ и самъ не понялъ, какъ онъ это сказалъ.

Перебѣченская позеленѣла и ухватила костьювыми пальцами за столъ. Комната въ ея глазахъ заходила ходуномъ. Подъ ложечкою стало ее сосать что-то жгучее и вмѣстѣ сладкое. А въ мысляхъ пронеслися слова: богачъ, каретникъ, ей бѣглый столяръ, новая нажива, отместка за прошлое, новыя кляузы, новый случай молить власти о помощи.

— Талавѣрка—ты говоришь!

— Да-съ.

— Аюныка Талавѣрка? что спѣйна въ меня когда-то бросилъ молоткомъ въ кузницѣ и убѣжалъ?

— Онъ самый, сударыня! Только вы его-то оставьте въ покоѣ; онъ къ дѣлу не идетъ, и не безпокойтесь очень...

— Какъ же онъ теперь тамъ зовется въ Ростовѣ?

— Я все подслушалъ однажды ночью, видите ли, какъ сынъ товарищу тамъ одному про свое бродячее житіе рассказывалъ... И какъ не подслушать? Вижу, дружится Илья со сволочью, я и ну за нимъ слѣдить: да чуть собачка каторжная не выдала, какъ я изъ-за кустовъ слушалъ его...

— Полно баласы-то точить. Какъ этого каретника-то тамъ зовутъ? Ты мнѣ имя его скажи... имя? слышишь?

— То-то... я все подслушалъ и помню... на вывѣскѣ надъ его заведеніемъ будто бы Егоръ Масанешти написано. Какъ будто онъ выходецъ изъ Яссы, что ли; такъ и въ полиціи онъ отмѣченъ. А онъ доподлинно вашъ бывшій самый этотъ Талавѣрка. Вотъ къ нему-то опять и можно сплавить Ильюшку...

Перебѣченская спокойнѣе опустилась на диванъ, понюхала табаку, съ тупымъ вниманіемъ обтерла платкомъ влажные пальцы, бравнѣе табакъ, еще посмотрѣла на Романа Танцура и задумчиво-отрадно уставилась глазами въ полъ.

— Все теперь, сударыня?—спросилъ приказчикъ, почтительно вставъ.

— Поѣзжай домой себѣ, душечка! Ты теперь уже пока не нуженъ. А насчетъ денегъ извѣщу тебя какъ-нибудь...

— Пожалуйте ручку поцѣловать, сударыня...

— На...

— Какъ ворѣдите деньги, брошу моего барина, откуплюсь или просто уйду и проживу гдѣ-нибудь въ Москвѣ или въ Кіевѣ купцомъ... Какъ бы не попасть еще подъ отвѣтъ передъ княземъ! Богъ съ нимъ, оставлю его.

Романъ еще постоялъ.

— Чего же ты, миленькій, стоишь? Иди себѣ, поѣзжай домой. Прощай! Нужно будетъ, такъ въ городъ опять къ себѣ позову; теперь еще пока сама не знаю, куда склоню голову. Подожди...

Приказчикъ уѣхалъ. Перебѣченская вскочила, всплеснула руками, упала передъ иконами, долго молилась и тутъ же пригласила къ себѣ квартальнаго. Она рассказала ему о неожиданномъ открытіи мѣстопробыванія бѣлаго ослушника и своего слуги Талавѣрки, написала явку и требованіе о немъ въ ростовскую полицію, а квартальный заднимъ числомъ и мѣсяцемъ эту бумагу скрѣпилъ своею подписью.

Роковой пакетъ полетѣлъ къ югу. Зашевелилъ онъ въ разныхъ мѣстахъ усердную на этотъ счетъ полицію. Заскрипѣли перья, помертвѣли давно-счастливыя и спокойныя души, и закапали горькія и безнадежныя слезы. Слѣдствіе пошло сперва въ Ростовъ, но потомъ справки перекинулись въ самую Бессарабію... Кончался южный, мокрый, противный январь; наступалъ февраль.

Весна рано была готова дохнуть изъ-за бугровъ и долинъ съ юга. Въ Петербургѣ также ожидалась весна. Печаталось положеніе о волѣ народа. Втихомолку передавался волшебный слухъ, что скоро выйдетъ манифестъ. Высшее общество тревожно приглядывалось къ газетамъ. Низшіе классы были попрежнему спокойны и не ожидали ничего особеннаго.

Съ юга, отъ Азовскаго моря, уже летѣли журавли, утки, гуси и цапли. Половодье начиналось во всемъ разгарѣ.

Вдругъ изъ Ростова явилась въ уѣздномъ приволжскомъ городкѣ и скоро стала извѣстна въ ближайшемъ околоткѣ полученная на имя Перебѣченской одна радостная для нея бумага. Въ то же время, совершенно по другой причинѣ, губернской сыщикъ, титулярный совѣтникъ Ангелъ, возвращаясь съ Черноморья, завернулъ въ Есауловку, зашелъ подъ домъ въ княжескую контору къ приказчику Роману Танцуру, попросилъ рюмку водки, закусилъ, поболталъ съ Романомъ, выразилъ удивленіе, отчего съ нимъ не живетъ такой славный парень, какъ его сынъ, Илья, и пожелалъ его снова увидѣть. Илью позвали. Подъ какимъ-то предлогомъ грекъ выславъ изъ конторы Романа, потомъ его жену, а тамъ и Власика, и спросилъ Илью:

— Въ бѣгахъ ты бывалъ въ Нахичевани?

— Бывалъ-съ...

— О рѣзчикѣ печатей Крутиковѣ слышалъ?

Илья замаялся, но отвѣтилъ, что слышалъ. Грекъ болѣе его не разспрашивалъ.

VIII.

Посланцы отъ народа.

За нѣсколько времени передъ тѣмъ, а именно въ августѣ, когда Перебѣченская навсегда оставила усадьбу Конскаго-Сырта и въ ней поселился генералъ Рубашкинъ, Илья позвалъ Власика въ садъ помочь ему до заката солнца обобрать, по приказу матери, на варенье какія-то ягоды. Власикъ подошелъ нахмуренный.

— Что ты дуешься, Власть?

— Батка твой опять прибилъ.

— За что?

— Такъ, здорово живешь.

— Не можетъ быть!

— Не впервые. Ухватилъ ручищами за вихоръ и ну трепать. Видно ты его разсердилъ, что ли, дидя Илья...

— Что же ты?

Власикъ съ важностью подбоченился, поднялъ камешекъ, помолчалъ и ухарски швырнулъ имъ въ деревья по воробью.

— Не бросай, въ окно попадешь.

— Эвона! Постои ты еще, стоглазый! Весной уѣдгу...

«Какъ люди мѣняются!—невольно помыслить Илья, въ фартукъ и въ миску собирая ягоды,—когда-то отецъ былъ бобыль, кроткій такой, меня же научать уйти; а теперь и у него такой же мученикъ на потѣхахъ живетъ... какъ я былъ у нѣмца».

— Помоги, Власъ, кончить. Мать заказала ягоды собрать. Надо непременно до сумерокъ кончить.

— Мать тебя не обижаетъ?—спросилъ Илья:—какъ ты замѣтилъ?

— Да была до-прежде хорошая, чаю пила только много; все мучился я надъ самоваромъ; а теперь на водку наслась и вотъ какъ дуется: напьется и упадетъ спать... И съ чего зачала пить твоя мать, не знаю! Самъ-то онъ про то тоже не знаетъ, а придетъ иной разъ злой, либо меня хлещетъ, либо ее за косы сейчасъ. Что! Скотъ, а не человекъ. Уѣдгу и я, дидя Илья, какъ ты, право слово...

Вечеръ, между тѣмъ, разыгрался чудный. Отдавъ ягоды матери, Илья вышелъ на поляну сада и сѣлъ подъ деревомъ. Опять передъ нимъ выяснились въ отблескахъ зари по луговинамъ, обступалъ Конскій-Сыртъ, знакомые лѣски: ближе Дятловской-линиякъ, далѣе Соловьиные-верболозы, еще далѣе Кукушкины-кучугуры, и другіе. Илья сидѣлъ, сѣдѣлъ, какъ садъ и окрестности меркли и тонули въ наступающей темнотѣ, и думать о далекомъ донскомъ городкѣ, о Настѣ и о Талавѣргѣ.

«Что-то она, бѣдная? чай, ждетъ меня! Хоть бы письмо какое отписала о себѣ!»—По дорожкѣ раздались шаги. То былъ опять Власикъ.

— Дидюшка Илько, тамъ васъ кто-то спрашиваетъ.

Сердце у Ильи запрыгало.

— Кто?

— Я въ вашу хатку ихъ прпвелъ за садомъ.

— Кто же тамъ такіе?

— Трое какихъ-то. Два старые-престарые, а одинъ молодой, точно баринъ или богатый лакей! Идите, а я въ контору скорѣе; еще бы не спохватились меня. Я ужъ давно за дворомъ съ ребятишками по селу бѣгаю...

— Никто ихъ не видѣлъ?

— Никто. Вотъ еще; развѣ я-то скажу или выдамъ кому тѣхъ, кто къ вамъ зайдетъ? Не на таковского напали?..

Власикъ опять изъ всѣхъ силъ тѣмъ-то швырнулъ въ темные кусты и, заложивъ руки въ карманы, плюнулъ, какъ плюютъ за трубкой кучера. Илья пошелъ въ хатку. Скоро тамъ раздались тихіе, но дружескіе голоса, которые и услышалъ-было, идя къ сыну, приказчикъ Романъ. Романъ побродилъ возлѣ хатки, гдѣ свѣтился огонь, и пошелъ обратно въ контору, рѣшившись съ сыномъ объясниться окончательно и разъ навсегда на утро. Романъ, самъ не зная почему, передъ сыномъ терлся и былъ не въ своей тарелкѣ.

— Угадай кто?— грустно сказали навстрѣчу Ильѣ шамкающій голосъ старика впотѣмахъ, когда Илья торопливо пробѣжалъ садомъ и вкочилъ въ сѣни хатки.

— Не знаю...

— А отчего мужикъ дѣшевъ?

— А! входите, входите, узнайте!—сказалъ Илья.

Илья кинулся зажигать жировую лампу. Гости вошли.

— У тебя тутъ никто не подслушиваетъ, Илья?—спросили старики.

Илья вытанцилъ за шю изъ хатки собаку, рычавшую на гостей до наезда, пустилъ ее въ садъ и сказалъ:

— Говорите все, вотъ мой сторожъ! Она не подпуститъ сюда никого...

— Какъ дѣла, Илья?—спросилъ Гриценко.

— Ничего. Ваши какъ?

— И наши ничего...

Гости переглянулись.

Всталъ бывший квасникъ.

— Я передъ тобой виновенъ. Какъ ты шелъ еще сюда, вижу, парень молодой!—началъ онъ, переминаясь и не смотря на товарищей:—а на послѣднемъ привалѣ, подѣ городомъ, въ шинкѣ я узналъ, что отецъ безъ тебя въ приказники попалъ... Скрою отъ него, думаю, и скрылъ... А тутъ, поминишь, у тебя гнѣдой конекъ былъ... Думаю: отецъ-то у него

теперь его заграбить, ну... подсмотреть, какъ ты его тогда въ лѣску-то привязалъ, да ночью подобрался и украсть его...

Другой старикъ покачалъ головой.

— Это ты... это не слѣдь! Э

Квасникъ продолжалъ:

— Прости, паренекъ; укралъ я, что дѣлать! Ты шель на хорошіе хлѣба къ отцу-приказчику. А меня дома жена, вѣдьма злющая, ждала; семнадцать годовъ ся не видалъ. Сказано намъ было на вольницѣ: идти домой; я и пошелъ, какъ и всѣ. А съ чѣмъ манифеста дожидаться? Съ чѣмъ на землю-то эту сѣсть? Я вотъ конька-то твоего и продалъ доброму человѣку и... прости, братъ!.. деньги взялъ. Міръ узналъ и велѣлъ тебѣ все сказать...

— Ты его, Илькó, прости!—подхватилъ сапожникъ:—поумиѣмъ мы всѣ, онъ тебѣ воротитъ деньги.

— Ей-же-ей, отдамъ, приди, хоть съ жены платье сниму, а ворочу тебѣ. Она же теперь, вѣдьма, отъ радости, что я пришелъ, чуть насѣдкой не квокчетъ, и даже сдѣру за-брюхатила, кажется... Слушается, поэтому...

— Ты, Илья, скажи, однако, мы пришли отъ міра къ тебѣ: ничего тамъ этого еще нѣтъ сверху?

— Ничего. Я бы вамъ, отцы родные, сказалъ.

— Ей-Богу, ничего?

— Ей-Богу.

Сапожникъ почесался.

— Тебѣ мы вѣримъ. Ты грамотный и съ отцомъ не якшаешься. У насъ вездѣ ужъ, какъ говоримъ тебѣ, про тебя стало слышно, межъ молодыхъ и старыхъ. Къ намъ за Авдулины-бугры перелетѣла вѣсть сразу отъ вашихъ, что тебя вашъ міръ полюбилъ. Мы пришли, чтобъ узнать все дѣло: нѣтъ ли чего въ газетахъ или манифестъ не высланъ ли къ попомъ? и поклониться тебѣ отъ нашего міру.

Оба старика встали съ лавки и поклонились Ильѣ, который покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Ничего, братцы, еще нѣту главнаго, ничего; я бы зналъ. Повѣстки въ экономію изъ стана сюда все лѣто я отцу читаю, а отъ хорошихъ господъ ничего не слышно. Священникъ отъ меня тоже бы не потаился; онъ про все мнѣ говоритъ; да и генераль Рубашкинъ за услуги мои, ждать надо, теперь не потаится. Люди все важнѣйшіе и отмѣяные.

— Такъ, такъ. Подождемъ еще.

Посланцы пошли къ сѣнямъ.

— А записку ты ему отдалъ? — спросилъ сапожникъ квасника.

— Ахъ, да, братъ, и забыть... хворалъ я долго это; памятью ослабѣлъ...

— Отъ кого?

— Изъ Ростова! Тамъ у меня братъ ходилъ по паспорту у купца въ сидѣльцахъ; онъ у одного каретника побывалъ и сюда прибылъ. Тамъ одна дѣвушка и передала эту записку... Вона, цѣла: гляди, къ тебѣ ли? Ты грамотный, ты и разбирай.

— Ко мнѣ, ко мнѣ! — сказалъ Илья радостно, читая надпись и угадывая, отъ кого было письмо.

— Проводи же насъ. Да придержи собаку! — сказалъ сапожникъ.

— Идите.

Илья проводилъ гостей за канаву на Окнину, посоветовалъ имъ, какъ осторожнѣе миновать улицу возлѣ барскаго двора, чтобъ не наткнуться на его отца, и кинулся съ замирающею душой снова въ пустку.

Илья взялъ отъ иконы восковую свѣчку, зажегъ ее въ помощь пломкѣ, опять приперъ двери и сталъ читать.

Письмо было отъ дочери Талавѣрки, писанное четкою красною рукою. Настя писала: «Сердце мое, лапушка, жизнь и суженый мой вѣрный, Илья Романычъ! На кого же ты покинулъ меня? За что стрѣлами такого молчанія пронзаешь меня, бѣдную? Помни, припомни нашъ садокъ, вспомни ноченьки, какъ мы съ тобою гуляли по саду. Меня ничто не занимаетъ, окромѣ тебя. Скоро ли ты за мною прїѣдешь? Не смотри, что я въ ситцахъ хожу; тутъ всѣ дѣвушки, даже въ деревняхъ, въ ситцахъ ходятъ. А батюшка хочетъ, чтобы мы съ тобою на деревенское хозяйство, на хлѣбопашество сѣли, и я готова, пока жива; въ поле пойду, серпъ возьму; не истомятся мои рученьки, не обѣкутся объ траву мои ноженьки, лишь бы ты со мною былъ. И ставъ хату на той самой Окницѣ, про которую ты, Ильяша, отцу сказывалъ. Отецъ сталъ хворать что-то; старъ становится. Работа, однако, идетъ хорошо; сами чиновники насъ уважаютъ. Тятенька дѣлаетъ карету главному тутъ по всякимъ дѣламъ барину въ полиціи. Пиши и ты мнѣ. А переписы-

пасть тебѣ за меня это письмо Аврекій, ученикъ бѣлочицы, той вдовы сынъ, что изъ мѣщанокъ. Онъ читалъ мнѣ все письмо, и я рада: онъ помѣстилъ все, какъ я ему говорила, и ничего не пропустилъ. Твоя по гробъ любящая невѣста, Настасья».

Долго сидѣлъ надъ этимъ письмомъ Илья. Восковая свѣчка давно догорѣла; догорѣла и жировая плонка. Онъ и хлѣба куска на ужинъ себѣ не отрѣзать. Перекрестился, вздохнулъ и легъ на прилавокъ, не раздѣваясь.

«Слава тебѣ Господи! — думалъ Илья, засыная почти на зарѣ и перемысливъ разныхъ разностей съ цѣлымъ коробѣмъ, — грамота-то мнѣ какъ пригодилась. Не даромъ выучилъ нѣмецъ! Хоть этимъ его добромъ помянешь! Мнѣ замѣтили меня: надо же честью послужить мѣру. Лишь бы случай быть!»

Бодро вставъ утромъ, Илья принялся съ санкой за полате барской канусть.

Вдругъ въ саду показался его отецъ... Романъ Танцуръ давно уже почему-то собирался поговорить съ сыномъ.

«Пойду, окончательно поговорю съ Ильей, напугаю его, а коли не сдастся, то уйдетъ прямо въ Ростовъ, и слѣды скростъ». Такъ думалъ Романъ Танцуръ, когда увидѣлъ, что Перебѣченская окончательно оставила Конскій-Сыртъ. Хотѣлъ онъ съ нимъ поговорить еще наканунѣ, но узналъ отъ жены, что у Ильи въ хаткѣ какіе-то гости, которыхъ видѣли тутъ теперь впервые. Хотѣлъ онъ сразу пугнуть и этихъ гостей, погрозить сыну, чтобъ не пускать въ барскій садъ всякую сволочь, хотѣлъ и подслушать изъ-за кустовъ толки сына съ гостями: не были ли это воры? Но собачка Ильи до того наострилась и озлилась въ послѣднее время, что какъ разъ могла его открыть и осрамить передъ сыномъ и чужими людьми. И такъ ужъ его дозоры крестьяне звали волчьими, а его самого стоглазымъ. Онъ рѣшилъ подождать, и когда вечеромъ, отдавая ягоды, сынъ зашелъ къ матери и столкнулся съ отцомъ подъ барскимъ домомъ, Романъ сказалъ сыну: «Тебя вчера просила барыня Перебѣченская отказаться отъ твоихъ бумагъ, на которыя нелегкая тебя натолкнула; ты не уважилъ ея просьбы и моего желанія. Теперь слышу, что тебя опять звали вчера уже поздно вечеромъ засѣдатель и генералъ. Правда ли это?» — «Правда». — «Зачѣмъ?» — «Еще тамъ одну бумагу подписать». — «Смотри, Илья, чтобъ не дописался до чего. Какой

бѣсъ носилъ тебя туда въ понятые? Жаль, что я ѣздилъ на пристань, а дуракъ десятскій такъ тутъ безъ меня напакостилъ. Чего ты тамъ все возишься съ господами!»— «Звали по дѣлу, а общество довѣрило мнѣ все свои руки; ну, я за него и писалъ!»— «Охъ, уже вы, безштанники, голыши, съ вашими обществами!» При этихъ словахъ кто-то изъ постороннихъ подошелъ къ нимъ, и разговоръ на этомъ оборвался.

На утро Романъ засталъ сына за работой въ саду. Илья, обрадованный радостною вѣстью о Пастѣ, пѣлъ вполголоса.

— Вотъ какъ! поспѣлъ!—усмѣхнулся приказчикъ, искоса поглядывая на сына.

— Пою.

— Брось сапку. Надо поговорить.

Илья поднялся отъ грядъ и вышелъ ближе къ дорожкѣ. Уваленъ и тихій отъ природы, онъ за нѣсколько мѣсяцевъ жилья въ Есауловкѣ сталъ еще медленнѣе и суровѣе.

— Слушай и не пророни ни единого моего слова. Я давно слѣжу за тобой. Ты пришелъ сюда; я тебя принялъ, заявилъ о тебѣ полиціи, пустилъ тебя въ барскую деревню, а ты шашни вездѣ завелъ? Противъ меня идешь? Противъ господъ, которые меня любятъ и отличаютъ? Это что значить? отвѣчай!

— Я пришелъ къ міру, къ обществу, а не къ барину и... не къ вамъ, батюшка...

— Вотъ какъ! Ахъ, ты, щенокъ! Да я тебя въ плети; гаркну на сотскихъ, свяжу тебя, положу и отдеру...

— Стара штука, батюшка. Не за что!

— Что? Какъ? Что ты сказалъ мнѣ, молокосостъ?

Романъ кинулся къ сыну. Илья быстро отступилъ и крѣпко сжалъ въ рукахъ огородную сапку.

— Да ты кто? Сынъ ты мнѣ, или нѣтъ? Къ міру! Къ мужикамъ! Вотъ какъ! Не бывать же этому воньки: ты сынъ мой, и я записать тебя въ дворовые въ поданной сказкѣ, съ явкою о тебѣ въ палату. Въ мужики я тебя не пущу...

— Сынъ я вамъ, да только не дворовый. Я родился, когда вы, батюшка, еще въ селѣ жили, па Окниѣ... все-таки въ составѣ здѣшняго общества, а не въ дворовыхъ; тогда, какъ вы еще не помыкали міромъ, не пили христіанской крови, не сѣкли своихъ же братьевъ, мужиковъ...

не мучили Власика-сироты... вотъ что! Грѣхъ вамъ, батюшка!

Романъ почернѣлъ отъ бѣшенства и, не помня себя, снова кинулся къ Ильѣ.

— Не замаѣй, батько!—сказалъ вдругъ Илья, понуря голову и также ставъ изъ блѣднаго темнымъ: — теперь меня не трогай! Я не ручной тебѣ и даромъ не поддамся... Руки теперь твои, батько, на меня коротки!

Приказчикъ уставился испуганными глазами на сына и сталъ безсмысленно шевелить губами. Онъ никакъ не ожидалъ такого отпора.

— Руки мои на тебя коротки?

— Коротки...

— Вотъ какъ! Когда же онѣ укоротились?

Илья молчалъ.

— Да гдѣ ты выросъ такой, пакостное зелье,—щенокъ?

— На волѣ, батько, на волѣ... Одумайтесь и вы: вспомните прежнее свое житье. Другія времена пришли, батько, другія... не губите своей души.

Голосъ Ильи изъ суроваго и глухого перешелъ опять въ мягкій.

— Эй, Илькò, берегись!—крикнулъ Романъ:—вѣдь я здѣсь за князя всѣмъ управляю... Знаешь ли ты, собачье твое отродье, что я станового могу вызвать? въ тюрьму могу тебя засадить; пропадешь ты тамъ, какъ блоха, вотъ что!

— Миновалось ваше панство, батюшка!—отвѣтилъ спокойно Илья, тряхнувъ черною кудрявою головой и снова опустивъ въ землю глаза:—не то говорятъ давно на сторонѣ...

— Что же говорятъ-то, что говорятъ на сторонѣ? Что хвастаешься, поросенокъ? Ты лучше покорись, не слушай дураковъ, иди ко мнѣ въ контору, да помоги отцу счеты сводить, барскія деньги въ толкъ привести, письма къ его сіятельству за границу надо готовить о смутахъ, да о дурачествахъ вашего же брата... Что говорятъ-то? отвѣчай!

— Много говорятъ, да не вамъ, я вижу, то слушать. И потому... я знать ничего не знаю и вѣдать ничего не вѣдаю; а мое дѣло пока... сами знаете... барскій садъ.

— Вонъ отсюда, вонъ! Чтобъ твоего и духу тутъ не пахло! Вонъ! Ступай на деревню...

— Давайте мнѣ хату на селѣ, такъ и пойду.

— Не будетъ...

— Давайте хоть мѣсто, да лѣсу! Самъ построю съ добрыми людьми.

— Не будетъ тебѣ, собака, ничего! Вонъ! Вонъ съ глазъ моихъ, хоть въ Ростовъ...

Романъ еще крикнулъ и пошелъ. Съ конца дорожки онъ, однако, воротился. Илья опять чистилъ грядки.

— Илья!—сказалъ приказчикъ нѣсколько мягче:—слушай,—какъ мнѣ не сердиться? вонъ ты какой сталъ! Разсердилъ меня такъ, что я чуть тебя не поколотилъ. Не думалъ я тебя такого встрѣтить, какъ ждалъ да высматривалъ тебя изъ бѣговъ домой. Не груби мнѣ больше, эй, не груби! а не то побью при всѣхъ.

— Ну, еще помѣряться!—глухо проговорилъ Илья, опять блѣднѣя:—особенно берегитесь, не совѣтую меня тронуть при людяхъ, на міру! Хоть грѣхъ будетъ...

— О-го! какой храбрецъ нашелся...

Приказчикъ притворно усмѣхнулся, самъ, между тѣмъ, не вѣря ни своимъ глазамъ, ни ушамъ. Илья стоялъ передъ нимъ, съ полноувѣсною сalkой въ рукахъ, и, кажется, все въ немъ говорило: «эй, батъко, не тронь меня; довольно съ тебя и Власика; не то и я тебя поколочу!»

— Такъ слушай же, Илькѣ! Оставайся тутъ; изволь. и согласенъ. Стройся себѣ на Окниѣ, бери землю... дамъ тебѣ и лѣсу... Не хочешь помогать отцу, такъ Богъ съ тобой. Только сдѣлай одно дѣло.

— Какое?

— Прощу тебя... слышишь? прощуп! Я, я, твой отецъ, прошу тебя, кланяюсь тебѣ...

— Какое же тамъ дѣло у васъ?

— Откажись отъ своей руки въ тѣхъ бумагахъ, что ты противъ той барыни подписалъ...

— Такъ и вы, батюшка, про это просите? — прибавилъ Илья, усмѣхнувшись.—Ну, развѣ это можно? Если уже моя судьба натолкнула на это дѣло, и я не гадаючи съ Кирюшкой впутался туда, — такъ тому и быть... Всѣ про то уже знаютъ, огласка вездѣ пошла... Міръ не шутка, чтобъ съ нимъ баловать!

— Опять міръ? Пропади онъ! Слушай, Илья: сердце у тебя было доброе... Откажись, объяви, что тебя принудили и принудили съ тобою всѣхъ понятыхъ. Не погуби и меня...

Илькѣ! Съ тою барыней все мое имущество связано; у нея всѣ мои деньги, безъ записки, на храненіи. Хотя малость тамъ, а все-таки тебѣ же останутся. Гдѣ намъ снова отъ господъ нажить? Пропадетъ она, пропадутъ и эти мои деньги! Откажись, сынъ; я тебѣ самъ... барщиной... хату-то поставлю... и воловъ тебѣ, и корову, и овецъ на хозяйство дамъ... къ князю про твои заслуги напишу...

— Отказаться отъ своей руки я не могу, пока живъ...

— Прощу тебя, Илья, еще разъ прощу тебя и кланяюсь!

Романъ поклонился сыну въ поясъ.

Илья схватилъ въ руку горсть земли.

— Вотъ вамъ, батъко, клятва! Видите? землю ѣмъ, коли лгу: изломайте во мнѣ всѣ косточки, изрѣжьте мое тѣло на куски, а я отъ того, что показалъ за себя и за міръ въ томъ дѣлѣ, не откажусь!

Онъ взялъ въ ротъ земли и, обернувшись, съ санкой черезъ плечо, молча пошелъ къ пусткѣ.

— Такъ будь же ты проклятъ, собака, — крикнулъ ему вслѣдъ отецъ: — не хотѣлъ покориться и пожалѣть родного отца, пропадай самъ и съ своею невѣстою. Я все знаю! Все слышалъ, какъ ты своему любезному пріятелю Кирюшкѣ Безуглому рассказывалъ. Знаю всѣ твои дѣла и похождения. Убирайся на Окнину; стройся. Созывай сосѣдей, кланяйся міру — пусть тебѣ помогаютъ! Даю и барскій лѣсъ тебѣ на хату. Отказать не могу; идешь въ мужики. Только помни: сокомъ тебѣ выйдетъ треклятое отродье твое и эта Настя Талавѣркова и ея бродяга-отецъ...

Долго раздавались въ кустахъ сада угрозы Романа, Илья порывался воротиться къ отцу, кинуться ему въ ноги, просить о прощеніи, лишь бы тотъ не мстилъ Талавѣркѣ. Но упорство взяло верхъ. «Не посмѣетъ онъ донести!» подумалъ Илья, и не вернулся къ отцу. Онъ пришелъ въ пустку, бросилъ объ полъ санку, уложилъ въ узелъ кое-какія вещи и пожитки, въ томъ числѣ бережно снялъ отъ иконъ картину покойнаго Саввушки; положилъ все это на салазокъ, заперъ дверь на замокъ, свистнулъ на собаку и, перескочивъ черезъ канаву на Окнинѣ, пошелъ въ винокуренный заводъ, гдѣ помѣщались начинавшіе, со скуки, буянить музыканты, къ Кириллѣ Безуглому, а оттуда съ вѣрнымъ дру-

гомъ на совѣтъ къ отцу Смарагду. Онъ рѣшился тогда же бросить и садъ, и пустку.

Священникъ, сверхъ ожиданія, далъ сильную головомоѣку Ильѣ. Онъ стыдилъ его за непочтеніе къ отцу, совѣтовалъ идти просить у него прощенія и вообще помириться съ отцомъ. Священникъ былъ очень грустенъ и, между прочимъ, сказалъ:

— Что же Роману ужъ такъ хлопотать для Перебѣченской!

— Нѣтъ-съ, ваше преподобіе,—перебилъ Кирилло:—позвольте-съ, я слово доложу... Фрося... значить, тоже моя любовница-съ, извините... а больше того невѣста моя, горничная этой барыни. Когда Перебѣченскую уже совсѣмъ увозили, эта Фрося приближала ко мнѣ тамъ въ овражокъ въ поле, обняла меня, извините, и говоритъ:—«коли меня барыня къ зимѣ или къ веснѣ за тебя отъ себя не отпустить, такъ ты, Кирюша, проси о томъ Романа Антоныча... Это такой сильный человекъ у нашей барыни, такой сильный, что другого такого у нея и нѣтъ... Я часто въ щелочку смотрѣла, что они, запершись, дѣлали». — «Что-же они дѣлали?»—спрашиваю.—«А вотъ, — говоритъ,—что: онъ считаетъ ей ассигнаціи, а она все ихъ пачками связываетъ. Такая пропасть, бывало, лежитъ это передъ ними на столѣ. И, должно быть, онъ гдѣ-нибудь ей ихъ мѣнялъ... Какъ они еще въ Черноморію ѣздили, я была маленькою дѣвочкою, и барыня брала меня съ собою. Туда они ѣхали почти безъ денегъ; у барыни было немного денегъ на покупку скота; а изъ Нахичевани они вывезли цѣлый сундучокъ денегъ и все тутъ считали...»—«Откуда же это все ты подсматривала?» спрашиваю.—«Изъ кладовой, что возлѣ спальни барыни: тамъ не стѣна, а тоненькая перегородка, и въ перегородкѣ такая щелочка, что только прутокъ продѣть: оттуда я все и видѣла». — Такъ вы насчетъ дружбы приказника нашего съ этою барынею не сомнѣвайтесь!—прибавилъ Кирилло Безуглый.—Какъ у нихъ богатые такіе счета между собою, такъ онъ не задумается ей когда-нибудь угодить и Талавѣркою! Это такъ!

— Что за чудеса, однако, рассказывала тебѣ эта Фрося! Слышишь, Илья,—спросилъ священникъ, не предвидѣвшій съ Ильей еще ничего о томъ, что Романъ все расскажетъ Перебѣченской и что поиски о Талавѣркѣ уже начались...

— Слышу.

— Что-же ты на это скажешь?

— Ничего не знаю, батюшка, ей-Богу. И меня не разбало раздумье: откуда разбогатѣла Перебѣченская, а съ нею и мой отецъ. Что-то мерещится мнѣ, какъ вспомню про Нахичевань, гдѣ я тоже жилъ какъ-то въ бѣгахъ! Да Богъ съ ними; не хочу брать грѣха на душу. Лишь бы они за меня другихъ не губили... А погубять, ни за что не поручуся: услышатъ про такое, что и во снѣ имъ не приснится... Радъ я отцу покориться, и благодарю васъ за совѣтъ. Пойду къ нему завтра; даже въ конторѣ стану ему помогать. А тѣмъ часомъ, по его слову, на Окнину начну-таки перебираться. Осень подходитъ. Надо успѣть хату срубить, укрыть ее и обмазать. Поклонюсь опять міру: можетъ, дадутъ мнѣ помощь. Надо и угостить людей. Тамъ надъ ключамъ у вербъ, на мірской землѣ, подъ селомъ, и стронься стану.

Въ слѣдующее воскресенье отецъ Смарагдъ служилъ Ильѣ молебень. Приказчикъ съ-виду какъ-будто простилъ сына и далъ даже барщиной людей въ помощь ему на закладку хаты. Хата была заложена на прежнемъ старомъ мѣстѣ, среди журчащихъ ключей на Окнинѣ, подъ обломанными вербами, насаженными еще дѣдомъ Ильи, отцомъ Романа Танцура, прозваннымъ такъ потому, что онъ былъ также любимцемъ на селѣ и всегда въ праздники потѣшалъ міръ плясками.

— Коли моя Фрося отойдетъ отъ барыни,—сказалъ, выпивъ на освященіи хаты, Кирилло:—такъ я поселюсь тутъ же возлѣ тебя; только на шпилью, повыше, чтобъ было слышно лучше мою флейту, какъ стану я играть тебѣ, Ильюша.

IX.

Не поздно ли?

О Талавѣркѣ, по объявленію Перебѣченской, производи-лись справки.

Нахмурился сентябрь. Его смѣнилъ свѣтлый, морозный язвой октябрь. Въ половинѣ ноября повалилъ снѣгъ, но не дружный. Вездѣ было тихо, не было слышно особенныхъ происшествій.

Подъ Есауловкою, между тѣмъ, надъ ключамъ, на Окнинѣ,

возникла новая хата. Ее выстроили частью барщиной, частью міромъ, успѣли обмазать и укрыть. Десятскій былъ хорошій печникъ и самъ сдѣлалъ Ильѣ печь. Товарищи флейтиста Кирилла, въ праздники, за полведра водки, съѣздили съ Ильей въ Кукушкины-кучугуры, вывезли оттуда нѣсколько возовъ лозы и кольевъ и заплели вокругъ хаты хорошенькій дворикъ. Утварь Ильи изъ садовой пустки перешла въ эту новую хату. Илья сталъ строить сарайчикъ; выправилъ ворота во дворъ. Онъ ничего не зналъ о доносѣ отца Перебѣченской и, по совѣту священника, помпирлся съ отцомъ. Романъ ходилъ смутный, точно въ тяжеломъ чадѣ. Такъ его озадачила Перебѣченская отказомъ въ отдачу денегъ до конца ея дѣла. Кирилло заходилъ къ Ильѣ, поглядывалъ на новые углы хаты, на новую золотистую соломенную крышу, возился вмѣстѣ съ пріятелемъ надъ устройствомъ внутри оконъ, дверей, полокъ и лавокъ. Садъ опустѣлъ, помертвѣлъ. Виноградъ былъ зарытъ въ землю. Илья пока все еще носилъ званіе садовника. Мать принесла Ильѣ тайно отъ мужа большую икону и помѣстила ее въ главномъ углу хатки. Илья ниже ея привѣсилъ въ сторонѣ картину покойнаго Саввушки, и добрые люди, входя посмотрѣть на житіе бѣдоваго парня, который не пошелъ плясать по дудкѣ стоглазаго отца, крестясь на икону и видя случайно противъ входа въ хату нарисованнаго Саввушкой молодцоватаго запорожскаго казака, говорили: «сейчасъ видно хорошаго человека: самъ казакъ, намалеваннаго казака и за хозяйку взялъ себя!» Илья ходилъ въ угоду отцу иной разъ въ контору, провѣрялъ денежные счета и книги всякаго рода. Все это писалось другими со словъ самого Романа, слѣдовательно, нечего было и сидѣть надъ нимъ, хоть приказчикъ иногда, уставясь глазами въ сына во время повѣрки итоговъ, будто такъ и ожидалъ, что вотъ тотъ скажетъ: «а! тутъ ошибка!» Окрестности запорошило снѣгомъ. Легъ зимній путь. Рѣки стали. Мужички къ будущему сплаву на себя и на владѣльцевъ бодро молотили новый хлѣбъ. Скотъ давно стоялъ въ загонахъ. Земскія власти, какъ сурки въ теплыхъ норахъ, сидѣли дома, покуривали табачокъ, поигрывали въ картишки и вели бесѣды о далекомъ темномъ Петербургѣ, о новыхъ сановникахъ, о смѣнѣ старыхъ, и съ трепетомъ въ желудкѣ и въ спинѣ шопотомъ передавали другъ другу пугливыя догадки о томъ, что-то будетъ къ веснѣ.

Забытая есауловская усадьба, попрежнему, грустно безмолвствовала и пустыничала въ отсутствіи своего настоящаго хозяина. Французикъ, мосье Пардоннэ, сахароваръ, изрѣдка наѣзжалъ сюда изъ города, выпивалъ добрую порцію мѣстной крѣпкой водки, настоенной женою Романа на апельсинныхъ коркахъ, говорилъ приказчику, топорща кверху востренькій багровый носикъ: «итакъ, поштеннѣ, трудись, молоти клѣбъ, пшеницѣ, а главное побольше князю посылайть денегъ!»,—бралъ отъ Романа въ карманъ, смотря въ сторону мутными глазками, двѣ-три сѣрыхъ депозитки и уѣзжалъ обратно въ городъ. Къ Роману, между тѣмъ, завертывали въ гости, по-былому, разныя личности, купцы, мѣщане, однодворцы, барочники и рыбаки, закупали барское зерно, снимали барскія рыбныя тони по Волгѣ и по Лихому, рубили лѣсъ, угоняли купленный скотъ и овецъ. Есауловскіе мужички чесали въ затылкахъ, поглядывая на все это и въ недоумѣніи покорно шли на работы. «А кто это у твоего батки купилъ бракованныхъ воловъ и овецъ, и по чемъ?» спрашивали они изрѣдка Илью украдкой на общихъ барщинныхъ работахъ, куда и онъ сталъ опять являться съ зимы, на гумнѣ, на вывозкѣ дровъ и сѣна. «Богъ ихъ знаетъ; я въ то не мѣшаюсь. Ходилъ я было съ осени въ контору книги свѣрять, да теперь ужъ и самъ отецъ меня не зоветъ!» Изрѣдка по Есауловкѣ, въ отсутствіе мужа, старая приказчица Иванова, пошатываясь, пьяная, возвращалась изъ гостей отъ жены другого священника, отца Ивана, также тянувшего водку. Въ праздности и скучѣ болтались по селу и его окрестностямъ есауловскіе музыканты, то собираясь въ свою квартиру на винокуренномъ заводѣ и начиная нелѣпо играть какой-нибудь маршъ, то возлѣ шинка заводя ссоры и драки. Отецъ Смагда въ говорилъ приказчику: «эй, Антопычъ! Добейся ты толку отъ венгерца: что онъ бросилъ заниматься съ музыкантами? Не надѣлали бы они тебѣ бѣды!» Самъ Романъ, слыша кругомъ себя вездѣ тревожные толки о разныхъ ожиданіяхъ и видя Есауловку забытою и брошенною всѣми, предавался иной разъ тоскѣ и утѣшался только мыслью, что вотъ Перебѣченская одумается, дѣло ея поправимое, она воротитъ ему его деньги, онъ женитъ Илью, и всѣ заживутъ счастливо. Неймовѣрная скука господствовала въ Есауловкѣ. Особую грусть всему придавала въ ней еще

гаснувшая, безъ всякой помощи въ болѣзни, жена отца Смагда.

Усадьба Конскаго-Сырта, между тѣмъ, сильно оживилась. Генералъ Рубашкинъ, новый сельскій хозяинъ того околотка, не на шутку на закатѣ своихъ дней рѣшился хлопотать и, какъ онъ выражался, оставить по себѣ на землѣ добрый и хотя бы одинъ дѣльный и прочиный слѣдъ. Онъ облекся въ простую дубленку, купилъ скота, пустил нѣсколько десятковъ головъ чужихъ воловъ и овецъ къ себѣ на зимовлю и самъ наблюдать за отпускомъ сѣна, припасеннаго, впрочемъ, еще трудами Перебѣченской. Какъ видно, онъ не жалѣлъ денегъ на первые главные обороты по хозяйству и хвастливо толковалъ всѣмъ, что онъ состоитъ у себя и приказчикомъ, и конторщикомъ, и разсильнымъ. Все шло у него изрядно; одна бѣда — на плечахъ его было за пятьдесятъ лѣтъ. Онъ часто крихталъ, испытывалъ боль въ ногахъ, въ спинѣ, изрѣдка отъ пустяковъ простужался и кашлялъ, и еще главнѣе — скучалъ немовѣрно. «Эхъ, не поздно ли я за умъ взялся? — думалъ онъ. — да и то самъ не понимаю, какъ я рѣшился вдругъ! Раньше было бы бросить этотъ отвратительный Петербургъ. Сколько онъ даромъ стягиваетъ къ себѣ нашихъ лучшихъ соковъ и силъ! Или надо уступить дорогу другимъ?..» Мечты стараго юноши напрягались, онъ уходилъ въ занесенное снѣжными сугробами поле, къ батрацкимъ избамъ, гдѣ весело теплились печки, а изъ трубъ печей вырывался въ морозную лазурь дымъ кизяка. Онъ отправлялся посмотреть, какъ на солнышкѣ, съ завихрившимся въ иней волосомъ, стоятъ въ дворахъ загоновъ тучные воли и, шурясь, медленно жуютъ жвачку. Но не о нихъ думалъ генералъ. Адриану Сергѣичу тогда представлялся Петербургъ, зала пышнаго маскараднаго бала, франты съ лорнетами, красавицы, громъ музыки. Тутъ же мелькалъ въ его мысляхъ Невскій, тѣма магазиновъ, вывѣсокъ, отчаянно-мчащійся, точно отъ какой погони, экипажъ, съ бѣшенными сѣрыми рысакami и съ полуживою отъ смертельной скуки барыней-щеголихой. А тутъ вдругъ изъ тумана выходилъ передъ нимъ его департаментъ, теплые огромные покои, швейцаръ, скрипъ перьевъ, столоначальники, нюхающіе табачокъ надъ только-что состряпанными громовыми бумагами въ провинцію. Возлѣ — снова улицы; городской на углу какого-то громаднаго мо-

ста, расхаживающій по морозу и наединѣ разсуждающій о томъ, сколько это рублей и копеекъ выйдетъ всего, если сложить въ казнѣ жалованье и пенсію, которая послѣ него останется, и пойдетъ ли, напримѣръ, провожать его самого на Смоленское кладбище былой камрадъ его по гвардіи, Ивановъ десятый? Представлялась Рубашкину въ прогулкахъ по работамъ въ имѣніи, безъ всякой, повидимому, причины, Адмиралтейская игла, за нею какая-то укусная барыня въ желтыхъ лентахъ, мѣтившая попасть ко двору. Въ головѣ генерала, наконецъ, роились разные служебныя интриги, игра чиновниковъ въ реформы, въ громкія фразы и въ споры о значеніи разныхъ угловъ и захоластьевъ отчизны. А вокругъ Рубашкина на-яву во дворѣ звонкими блестящими пилами въ десятки рукъ пилился на постройки тесъ, очищалось и обдѣлывалось множество колодъ, сновали новые нанятые батраки; конюхи иной разъ гоняли на веревкѣ молодого жеребца, чистили на разостланныхъ холстинахъ перемолоченный хлѣбъ изъ запаса, захваченнаго послѣ выѣзда Перебѣченской. Окна въ домѣ были старательно законопачены, двери обиты полстью и клеенкой; въ комнатахъ появились ковры и прочая петербургская рухлядь генерала: бронзы, хрусталь, скатеретки, всякіе поддоннички и картины. Въ кабинетѣ, передѣланномъ изъ обширной и ни къ чему ненужной гостиной, появился еще съ осени, вмѣсто печи, каминъ, а вмѣсто твердаго дивана, на которомъ сидѣла, раскладывая карты, Перебѣченская, явилась мягкая, обширная софа изъ города, уложенная гарусными и штофными подушками. Дѣловыя бумаги и хозяйственныя книги лежали тутъ на двухъ столахъ. Возлѣ нихъ изрѣдка копался надъ листкомъ газеты гость хозяина, отецъ Смарагдъ, иногда оставлявшій больную жену, или самъ Рубашкинъ, воротившись съ обхода по хозяйству и лежа на мягкой софѣ, читалъ и соображалъ разные, имъ самимъ сочиненные, проекты спекуляцій. Часы въ передней остались прежніе. Остался по-былому въ углу залы и дроздъ въ клѣткѣ. Онъ такъ же упорно, какъ и при бывшей своей хозяйкѣ, среди тишины комнатъ, прыгалъ со дна клѣтки на жердочку и обратно, будто съ крыши весной на землю капали непрестанныя и ровныя капли оттепели. Каминъ часто топился въ кабинетѣ, добродушно потрескивая въ ту пору, какъ генералъ писалъ, толковалъ съ рабочими, во-

обще туго понимавшими то, что отъ нихъ требовалось, и волкомъ смотрѣвшими въ лѣсъ, или когда Рубашкинъ урывками, за чтеніемъ смѣтъ и проектовъ, переговаривался съ отцомъ Смарагдомъ.

— Вы, я слышала, соль на пристани закупили? — спрашивала священникъ.

— На спекуляцію! Каковъ-то будетъ ея новый сборъ въ Елтонскомъ озерѣ съ весны!

— Пшеницы еще не спрашивали у васъ?

— Нѣтъ. Я не думаю и продавать, а еще бы поискать купить; разузнайте и вы стороной. Хочу подобрать хорошую партію къ открытію пристаней. Впрочемъ, вижу еще потемки тутъ во всемъ.

— Денегъ много еще у васъ осталось отъ займа?

— Довольно. Полагаю взять на аренду еще сосѣдніе куски земли: павловскій, урюпинскій и землю у жены Кебабчи. Пущу туда чужіе гурты.

— Вотъ какъ! Кебабчи?

— Просить сама, бѣдная. Мужъ все еще въ острогѣ сидитъ.

— Какъ идетъ ихъ дѣло?

— Плохо кончится. Не тѣ времена. Жена Кебабчи съ сестрой Хутчѣнко ѣздила въ Петербургъ, потратилась и воротилась ни съ чѣмъ. Тамъ дѣло поняли хорошо. Правитъ теперь у насъ все народъ изъ молодыхъ...

— Отлично. Узналъ бы Саддукѣвъ, еще бы пять лѣтъ со ста скостилъ изъ того, что прожить хочетъ.

— Знаетъ, знаетъ. Отъ него тоже письмо на-дняхъ я получилъ. Поздравляетъ; пишетъ, что и въ городѣ у нихъ хорошо; только чуть, кажется, его самого изъ гимназіи не изгоняютъ.

— За что?

— Пишетъ, чудакъ, что вздумалъ распространяться о чемъ-то по исторіи, знаете... и касательно тоже правъ гражданства каждаго человѣка и личной тамъ, что ли, свободы... Но письмо его что-то отзывается грустью. Позвольте, гдѣ оно? По правдѣ сказать: пустовать вашъ пріятель, извините... Что это за фразы о стараніи прожить сто лѣтъ? Что за недовѣріе къ успѣхамъ времени? Что за радикализмъ, да еще голословный? Да, пустовать; я его раскусилъ...

Священникъ вспыхнулъ, нахмурился еще болѣе и сѣлъ на дальнемъ стулѣ.

— Странно, что вы его не жалѣете, когда его гонять со службы...

— Ахъ, если, отецъ Смарагдъ, отъ всего на свѣтѣ проникаться жалостью, то не стоить и жить. Ногодованіе да состраданіе — это два чувства, отъ которыхъ болѣе всего долженъ беречься дѣловой человѣкъ... Въ управители вдругъ ко мнѣ просится. Ну, какой же, скажите, онъ управитель?

Рубашкинъ всталъ и подошелъ къ рабочему столу.

— Вотъ его письмо! Да! Онъ еще приписываетъ и любопытную для насъ съ вами новость. Представьте, Перебѣченскую опять изъ губернскаго города перевели въ уѣздный и позволили ей снова жить въ ея домѣ и на хуторѣ... Загадки! А чувствуется, что о ней, вѣроятно, собираются грозныя справки. Лазарь Лазаричъ недаромъ все вертится возлѣ нея...

Священникъ вздохнулъ и молча сталъ пересматривать листокъ газеты, курая крѣпчайшій турецкій табакъ. Генераль закурилъ благовонную сигару и легъ опять на софу. Онъ, какъ видно, хотѣлъ еще поговорить.

— Великое дѣло комфорта!—сказалъ онъ, потягиваясь:— что дѣлать! Привыкъ къ нему въ столицѣ!

Священникъ на это ничего не отвѣчалъ. Разговоръ видимо не клеился. Священникъ, очевидно, былъ смущенъ холоднымъ и безпощаднымъ эгоизмомъ Рубашкина, который становился ему все болѣе и болѣе понятенъ. Отецъ Смарагдъ чувствовалъ, что и на него-то самого генераль смотрѣлъ, какъ на одну изъ вещей, способствующихъ его комфорту, развлеченію, и не видитъ въ немъ человѣка, съ которымъ онъ готовъ обоюдно подѣлиться и радостями, и горемъ. Отговариваясь нездоровьемъ жены, священникъ сухо простился и ушелъ. Уже много разъ онъ давалъ себѣ слово прекратить сношенія съ Рубашкинымъ; но тоска и скука всякій разъ загоняли его опять въ просторные и удобные покои генерала.

Срывалась мятель. Вечерѣло. Къ Ильѣ въ хату зашелъ Кирилло Безуглый.

— Пойдемъ, Илья, походимъ.

— Съ ума ты сошелъ! Такая погода!

— Пойдемъ, дѣло есть.

— Въ хатѣ говори.

— Выстроилъ хату, такъ и не вытащишь тебя! Гдѣ былъ всѣ эти дни? Какъ ни зайдешь, нѣту.

— Барскіе три дня былъ на барщинѣ, а свои у попа долгъ отрабатывалъ за хату.

— Вотъ какъ. Вы уже нынче мужикомъ-съ, не тронь насъ! гражданинъ-съ, на-поди; по три дня, не то что мы— день каждый въ дѣлѣ.

Въ голосѣ флейтиста слышалось непривычное раздраженіе.

— Ужъ будто вы что день и въ дѣлѣ? А, кажись, такъ болтаетесь по селу.

— Ильюша, пойдемъ, не подошелъ бы кто-нибудь, не подслушалъ бы насъ! Пойдемъ, сердце!

Илья одѣлся въ шубу, бросилъ долото, которымъ долбилъ кому-то чашку, взялъ шапку и вышелъ.

— Куда же идти? говори.

Кирилло направился къ замеченному и шумѣвшему отъ вѣтра саду. Сумерки сгущались. По саду были протоптаны тропинки отъ гумна, мимо барскаго дома къ двору. Ноги тонули въ сугробахъ. Миновавъ заваленную до крыши садовую пустку Ильи, Кирилло прошелъ въ кусты, разбирая вѣтви, скрипѣвшія отъ гололедицы подъ рукою, и тутъ остановился.

Было уже совершенно темно. Они снова выбрались изъ сугробовъ на тропинку къ дому. Пройди опять нѣсколько шаговъ, остановились и присѣли на замеченную снѣгомъ лавочку. Огромный домъ сурово молчалъ съ закрытыми на крючки и на желѣзные болты ставнями. Вѣтеръ шумѣлъ и стучалъ болтами.

Кирилло помолчалъ.

— Илья!

— Что?

— Въ домѣ тутъ болты замыкаются снутри.

— Снутри.

— Въ домъ теперь изъ твоихъ кто-нибудь ходитъ?

— Врядъ ли. Отцу не зачѣмъ: все у него подъ замками. У крылецъ часовые по наряду съ села почуютъ. Развѣ мать иной разъ съ фонаремъ въ верхнюю кладовую пойдетъ.

— Что же тамъ, въ той кладовой?

— Варенье, медъ стоитъ тамъ, наливка, вина какія лучшія въ ящикахъ стоятъ.

— Вотъ бы поживиться наливочкою! — сказалъ, смѣясь, Кирилло.

— Что ты! Какъ можно! Губа-то у тебя не дура...

— Я пошутить... такъ... А гдѣ хранятся, Илья, конторскія деньги?

— Должно-быть, при себѣ отецъ держитъ. Немного тамъ запаса бываетъ! Что соберется, сейчасъ князю шлютъ. Живетъ себѣ нашъ баринъ гдѣ-то, и нуждушки ему мало, какъ люди тутъ маются...

— Повѣришь, братъ Илья, животы подвело съ той мѣсячины: по два пудика отсыплютъ муки съ трухой пополамъ, да четыре фунта соли, да гарнецъ пшена, вотъ и живи. Больше ничего не полагается дворовому на харчи, самъ знаешь. Даже венгерецъ нашъ бунтуетъ. Напьется пьянъ и кричитъ: «убью Романа!» — Знаешь что, Илья, я думаю?—прибавилъ Кирилло.

— Говори.

— Обокрадемъ, право, кладовую въ домѣ! Хоть наливки напьемся вдоволь, варенья со скуки найдемся. И для кого его варятъ? Когда эти господа еще найдутъ?

— Что ты, что ты, безпутный! Воромъ, братъ, я еще не бывалъ и не буду никогда!

Кирилло засмѣялся.

— Я пошутить... не сердись. Тошно на свѣтѣ жить, вотъ что. Даже на флейтѣ не игралъ съ той поры, какъ Фрося въ городъ съ барыней уѣхала...

— Такъ никогда не шути со мной...

— Прощай! Знаешь ли, я хочу бѣжать съ Фросей! Она ладится. Можетъ-быть, надуетъ, не знаю! Падка она больно на наряды; прежде на горячихъ порахъ, какъ мы сошлись, меня дарила, а теперь все требуетъ денегъ...

— Обождите весны, лучше.

— Хорошо тебѣ ждать. Спорилъ съ отцомъ, а все-таки на своемъ поставилъ и живешь нынче, какъ хочешь. Попробовалъ бы я, или кто другой изъ нашихъ дворовыхъ. Бросить меня Фроська, удавлю ее! Эхъ, Илья, Илья! Бѣда, пожалуй, будетъ, либо наши-то венгерца сдуру убьютъ, либо разбѣгутся сами всѣ, какъ волки...

— Какіе волки? — спросилъ разсѣянно Илья, прислушиваясь къ гулу вѣтра на деревьяхъ. И они, не останавливаясь, пошли далѣе.

Х.

Степной линчъ.

Прошло нѣсколько недѣль. Приказчикъ Романъ, потерявшій надежду сплавить сразу сына изъ деревни и изъ губерніи, выжидалъ случая какъ-нибудь его таки уломать — отказаться отъ показаній его въ дѣлѣ выѣзда чиновниковъ къ Перебѣченской. Старикъ Танцуръ хоть все еще сильно тосковалъ, но какъ-будто на время успокоился, такъ какъ изъ города вѣсти на время затихли, и сама Перебѣченская тоже его не натравливала на сына. Романъ сталъ помышлять даже о томъ, какъ бы, въ самомъ дѣлѣ, подъ шумокъ, сдѣлать хорошую штуку, именно помочь сыну жениться на дочкѣ разбогатѣвшаго Талавѣрки, но, не желая показать, что сразу сдался, все еще хмурился и относился къ сыну, какъ къ опальному. Въ то же время старый хитрецъ неожиданно запустилъ разные пріемы, лично и черезъ другихъ, чтобы сойтись съ новымъ сосѣдомъ, Рубашкинымъ. Толкало ли и его на это — затишье въ торговлѣ зимой и отсутствіе разнаго заѣзжаго люда, съ которымъ онъ любилъ водить хлѣбъ-соль, или другія какія причины, только онъ положилъ себѣ непремѣнно войти въ пріязнь новаго обитателя Конскаго-Сырта.

Онъ уже самъ побывалъ раза три у генерала, какъ-будто невзначай, то занять у него веревокъ, то сѣно обмѣнять на двойное или тройное количество соломы, то условиться о ловлѣ рыбы въ общихъ тонахъ по Лихому и по Волгѣ.

Разъ, въ ясное морозное утро, пріѣхавъ, по своему обычаю, верхомъ въ усадьбу Конскаго-Сырта, Романъ былъ допущенъ въ кабинетъ генерала, и въ синей шубѣ, съ сѣрыми бараными оторочками, почтительно стоялъ у дверей, бесѣдуя съ Рубашкинымъ. Старая служанка подпосила приказчику по-временамъ чай съ пуншемъ. Топился опять каминъ. Генералъ лежалъ на любимомъ мѣстѣ у стола на софѣ, въ бархатномъ сюртукѣ и въ туфляхъ, и курилъ сигару.

— Оно точно, сударь! — бесѣдовалъ Романъ Танцуръ,

стоя со стаканомъ чаю въ рукахъ и приобрета въ голосѣ отъ недавней простуды лишніи ноты густого баса: — вы рисковно думаете вести хозяйство. Прочтутъ волю, съ деньгами тутъ вы всѣхъ подорвете. Только, полагаю, напрасно вы изъ чужихъ краевъ думаете нѣмецкихъ или французскихъ колонистовъ сюда выписывать. Народъ неподходящій. Разорять они васъ, замучать всякими ломаньями да баловствомъ. Сейчасъ кофіи потребуютъ, постели, матрацы тамъ всякіе, бѣлый хлѣбъ, — это первое. Потомъ каждому давай либо особую избу, либо свою комнату, — это второе. Картофелью имъ поставляй, пива потребуютъ. Видѣли мы ихъ тутъ вдоволь.

Генераль молчалъ, видимо его не слушая.

— Романъ, у меня къ тебѣ просьба..

— Какая-съ?

— Бѣда здѣсь у васъ насчетъ... насчетъ женщинъ. Не знаешь ли какой порядочной, чтобы согласилась ко мнѣ идти въ прачки, что ли? Понимаешь?

Романъ слушалъ, не поднимая глазъ.

— Вотъ я тутъ случайно видѣлъ горничную Перебоденской, эту Фроску, знаешь. Мнѣ она нравится. Говорятъ, что вашъ флейтистъ Безуглый за нею тутъ волочился. Да теперь ее отпускаетъ барыня въ наймы, и она, — кто-то мнѣ тутъ болталъ, — съ нимъ уже будто врозь... Съѣзди, поговори, нельзя ли, а?

— Можно-съ! — началъ старшій Романъ: — для васъ можно... оно точно, здѣсь трудно: нравы крутые-съ... Вотъ и нашъ князь, какъ наѣзжалъ...

Романъ не договорилъ. Въ лакейской, а потомъ и въ залѣ послышался шумъ, раздавалась возня разомъ вошедшихъ нѣсколькихъ лицъ.

— Кто тамъ? — крикнулъ Рубашкинъ.

Отвѣта не было, но робкіе и вмѣстѣ торопливые шаги раздавались по залѣ.

— Кто тамъ? — опять спросилъ генераль.

Романъ выглянулъ въ залу и отшатнулся.

— Чего вы, безпутные? — спросилъ онъ тихо, не вѣря своимъ глазамъ.

Рубашкинъ тоже выскочилъ въ залу. У ногъ Романа валялась упавшая на полъ почти безъ чувствъ жена старика, а Власикъ перепуганными глазами, весь синій отъ

холода и отъ усталости, смотрѣлъ на кучу батраковъ генерала, выглядывавшихъ изъ лакейской.

— Говори, говори, что случилось! — говорилъ Романъ Тѣнцуръ, сѣлая поднять жену съ пола.

— Ой, батюшки, батюшки! Разорили, погубили насъ всѣхъ до тла. Домъ нашъ... княжескій домъ нашъ... весь обокраденъ. Насилу мы сюда къ тебѣ добѣжали...

— Домъ? Быть не можетъ!

— Весь до-чиста обокраденъ... Замки вездѣ переломаны, кладовая наверху отбита; вышиты и перебиты бутылки съ винами, варенье съѣдено и розлито вездѣ по комнатамъ. Серебро изъ шкаповъ, вещи разныя, все пропало, растаскано!

— Кто же это первый узналъ? Давно ли это сдѣлано?

— Я первая узнала... Пошла съ Власикомъ наверхъ крупы на кашу взять; онъ еще фонарь за мною несть. Я въ шубѣ и онъ въ шубѣ. Холодно тамъ, и окна, ты знаешь, всѣ заперты ставнями. На лѣстницѣ я обо что-то споткнулась; смотрю: твоя старая шуба лежитъ, а далѣе по ступенькамъ двѣ прежнія лакейскія ливреи. Я замерла отъ страху, поднялась въ верхнюю переднюю, заглянула въ залу: по полу вездѣ смородиновое варенье накапано. Я въ барскую спальню, въ гостиную, — замки въ комодахъ отбиты, ящики раскрыты...

— Извините, судары! — глухо сказалъ Романъ: — видите, какая бѣда надъ нами стряслась. Прощайте! трудно-съ теперь барское добро стеречь.

Онъ кинулся въ переднюю. Лицо его изъ смуглаго сдѣлалось оливковымъ.

— Откуда входъ воровъ сдѣланъ? — спросилъ Рубашкинъ у охавшей еще Ивановны.

— Изъ саду, съ балкона, черезъ окно. Отвинченъ болтъ, и по ночамъ, вѣрно, воры входили не въ одинъ разъ. Рамы выставлены. Они влѣзали въ окно, опять замыкали ставни, дѣлали свое дѣло внутри и опять тѣмъ же концомъ выходили. Хожено съ восковыми свѣчами. Вездѣ накапаны ихъ слѣды по полу. Теперь уже полонъ домъ людей. Часовые ночью прозѣвали. Пропадать видно нашимъ головамъ, да и только...

Ивановна вышла. Генераль сталъ къ окну во дворъ. Въ окно было видно и здѣсь волненіе. Новость поразила!

всѣхъ. Власикъ бѣжалъ вприпрыжку по снѣжнымъ сугробамъ изъ воротъ. За нимъ переваливалась Ивановна. А Романъ вдали во весь опоръ мчался на каурой кобылкѣ къ мосту черезъ Лихой.

«Ну, — подумалъ генералъ, — эта кража пророчить что-то скверное. Бѣглецы!.. А какъ было тихо кругомъ. Я даже было мирился съ жизнью въ этой глуши, о дѣвчкѣ сталъ помышлять, о тихомъ аркадскомъ счастьи сельскаго пастуха и хозяина. Что же значить этотъ неожиданный взрывъ въ такой смирной деревнѣ, какъ Есауловка? Ну, у меня этого быть не можетъ!»

Онъ воротился въ спальню, заперся и сталъ ревизовать наличное комнатное оружіе.

Приказчикъ засталъ весь княжескій домъ полнымъ крестьянъ. Мужички съ неподдѣльнымъ сожалѣніемъ и грустью похаживали по комнатамъ и лѣстницамъ, смотря на богатые палисандровые, орѣховые и краснаго дерева комоды, шкафы, бюро, столы и шифоньерки, съ избитыми и проломанными въ щелы у замковъ боками и крышками. Разныя вещи, ковры, скатерти, подсвѣчники и прочее, валялись по полу. А запасть выпала и наливки въ кладовой былъ до капли вышнѣ. Было видно ясно, что воры тутъ хозяйничали безъ перерыва цѣлый рядъ ночей. По двору толпились бабы. Въ комнатахъ, въ толпѣ крестьянъ, толкались и дворовые, пастухи, конюхи, музыканты съ постоянно-пьянымъ венгерцемъ. Всѣ тревожно разспрашивали другъ друга о происшествіи.

Романъ вбѣжалъ наверхъ, быстро окинулъ взглядомъ залу и гостиную, вскочилъ въ образную, гдѣ въ особомъ шкафу хранилось старинное княжеское столовое серебро, увидѣлъ и этотъ шкафъ разбитымъ, ахнулъ, зашатался и упалъ на полъ, стукнувшись вискомъ о притолоку двери. Его снесли внизъ въ контору. Послали нѣсколькихъ верховыхъ въ станіе, въ городъ къ исправнику и къ главному управителю имѣнія, къ французику-сахаровару. Илья съ частью мужиковъ былъ въ полѣ на вывозкѣ сѣна. Дали и ему знать. Онъ прибѣжалъ безъ памяти. Отецъ его лежалъ въ конторѣ на кровати, съ повязанной головой, а его мать и еще какая-то сморщенная старушка-крестьянка ставили отцу къ бокамъ пивки. Отецъ Смарагдъ, никогда въ жизни никому не бросавшій крови, прибѣжалъ, покаялся въ столѣ Романа, до-

сталь оттуда перочинный ножикъ, подумаль, перекрестился и бросилъ приказчику кровь. Илья засталъ отца уже внѣ опасности. Старикъ лежалъ еще весь чорный и едва къ вечеру проговорилъ, попросивъ пить.

— Вотъ,—сказаль Илья священникъ, уходя домой:—не подвернулся бы я, отецъ твой былъ бы къ вечеру въ гробу! Какъ фельдшера не нанять! Ахъ, вы, душегубы! Князю посылають по три, по четыре тысячи цѣлковыхъ. Не пошли лишннихъ ста цѣлковыхъ, не то что фельдшеръ, докторъ бы сюда наѣзжалъ хоть изрѣдка. И моя жена осталась бы здорова... а то лежитъ вонъ сколько времени!

— Не наши дѣла!—отвѣчалъ со вздохомъ Илья:—а вашу матушку всѣ мы жалѣемъ вотъ какъ!

Становой прѣѣхаль къ ночи. Сдѣлали законный осмотръ ограбленнаго дома, опросили все село, обошли всѣ избы, клѣти, погреба и гумна повальнымъ обыскомъ. Послали верховыхъ по сосѣднимъ дорогамъ. Допросъ мало-мальски подозрительныхъ лицъ изъ своихъ и сосѣдей длился три дня. Но молодой становой, знакомый намъ по дѣлу Перебѣченской, уѣхаль, не открывъ ничего и узнавъ только достовѣрно, что въ домѣ князя случилось такое дѣло: въ кладовой выпиты все вино и наливки и съѣдено все варенье, а въ остальныхъ комнатахъ инструментомъ, въ родѣ долота, взломаны всѣ замки; но что пропало, неизвѣстно, такъ какъ и самъ приказчикъ не зналъ о вѣщахъ, запертыхъ тамъ. Разная рухлядь была разбросана по дому, но не украдена; а пропало еще княжескаго столоваго серебра, примѣрно, тысячъ на десять цѣлковыхъ. Это становой внесъ со словъ приказчика, когда тому стало легче. Въ слѣдующую ночь у генерала Рубанкина изъ конюшни также неожиданно пропала тройка лошадей и хомуты.

Становой уѣхаль, донесъ обо всемъ въ земскій судъ, судъ въ губернское правленіе; правленіе о покражѣ въ Есауловкѣ и въ Сыртѣ напечатало очень краснѣ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Кого-то изъ обитателей Есауловки, при семъ удобномъ случаѣ, по просьбѣ Романа, вывели, но не по дѣлу воровства, котораго не открыли, а такъ, болѣе для обстановки. Юноша-становой вездѣ поставлялъ себѣ за честь дѣйствовать въ угоду старыхъ хозяевъ, путемъ всякаго рода устрашеній. И только тогда онъ уѣхаль въ станъ съ бумагами, когда в конюшнн въ Есауловкѣ десятскіе растя-

пули по землѣ какого-то рябого парня и тотъ болѣе десяти минутъ подъ розгами выкрикивать на всѣ лады: «простите! ой! не буду больше!» Крестыяне, принявшіе-было съ сожалѣніемъ вѣсть о покуражкахъ, послѣ этого разошлись озлобленные, пасмурные, и дали себѣ зарокъ не заботиться болѣе о розыскахъ пропавшихъ вещей.

Черезъ два дня у Рубашкина произошло новое событіе: кто-то повертѣлъ полъ въ амбарѣ и ночью вытащилъ значительное количество пшеницы.

Пораженный событіемъ воровства, Романъ оправился, написалъ, при помощи также озадаченнаго генерала Рубашкина, слезный докладъ обо всемъ князю-барину въ Италію, прибавивъ, что ждетъ за такой случай либо казни себѣ отъ князя, либо кары небесной отъ Бога, хотя самъ ни въ чемъ не считаетъ себя виноватымъ; отославъ письмо на почту, снова заколотилъ вскрытое ворами окно, поправилъ отвинченный болтъ, загладилъ черезъ столяра и слесаря слѣды воровъ на мебели, и успокоился. Но не былъ спокоенъ Илья.

— Черти, это вы! — шепнулъ онъ одинъ разъ Кириллѣ, встрѣтившись съ нимъ на улицѣ.

— Нѣтъ, это не мы! Не я... ей-Богу! чего лѣзешь! — глухо отвѣтилъ ему недавній его пріятель Кирилло.

— Черти! воротите серебро; а не то выдамъ васъ! Развѣ нельзя было иначе проучить моего батьку, что ли? — сказалъ Илья, догнавъ Кириллу и ухвативъ его за воротникъ пальто.

— Попробуй выдать, ребята кишки выпустятъ! Тебѣ и Рубашкина жаль, что поминутно рабочихъ мѣняетъ? не замай; не твое дѣло! Да и я говорилъ съ тобой глазъ-на-глазъ тогда, свидѣтелей не было. Землю ѣсть стану, а не признаюсь. Ну, да погоди; и ты не то запоешь; доѣдутъ и тебя...

Кирилло Безуглый сталъ неузнаваемъ. Онъ поблѣднѣлъ, его лицо опухло, онъ базилъ и водкой несло отъ него, небритаго и немытаго, какъ изъ бочки. Не лучше были и остальные музыканты съ своимъ венгерцемъ. Землякъ Кошута, передъ тѣмъ незадолго, когда становой пересѣкъ его музыкантовъ, разбросалъ со злобой ноты, взялъ скрипку, пошелъ самъ въ кабакъ, цѣлый день тамъ игралъ и пѣлъ, угощаемый мужиками, да и закурилъ. Приказчикъ этого не замѣчалъ, потому что въ дѣла венгерца съ оркестромъ

не мѣшался. Музыканты зашевелились, стали отлучаться по сторонамъ. Кирилло Безуглый раза два ходилъ къ Фросѣ, противъ которой Романъ для генерала пустилъ въ ходъ разные соблазны. Бѣгство свое съ Фросей Кирилло, однако, откладывалъ. Да и Фрося вдругъ стала къ нему холоднѣе, хоть онъ ее теперь и дарилъ. Музыканты, какъ видно, были воры неловкіе. Пуская награбленныя вещи по частямъ въ оборотъ, они постоянно по ночамъ всѣ напивались. Даже есауловскіе мужики замѣтили, что въ винокуренномъ заводѣ у венгерца не совсѣмъ ладныя дѣла.

— Эй, братцы, берегитесь, — говорили музыкантамъ крестьяне: — не донесли бы на васъ становому! Что-то вы больно куражиться.

— Кому донести? Лишь бы не вы!

— Мы-то въ сторонѣ; чортъ съ ними, съ господскими прихвостнями.

Кирилло замышлялъ гдѣ-то нанять подводу, ночью подѣхать въ городъ за Фросей и дать тягу съ ней сперва на Донъ, а весной далѣе. Онъ уже и лошадь панель, и зада-токъ далъ ей хозяину.

Романъ окончательно поправился, ходилъ бодрѣе; но кража не давала ему покоя, и онъ всячески надъ нею ломалъ голову, приписывая ее то заѣзжавшимъ къ нему и обесчитаннымъ какимъ-то однодворцамъ, то злобствующимъ на него своимъ же братьямъ, крестьянамъ, то, наконецъ, сатанѣ.

— Илья! — сказалъ онъ однажды сыну, послѣ обѣдни въ большой праздникъ: — вижу, я былъ виноватъ сначала передъ тобою; можетъ-быть, за то Господь и попуталъ меня! Изволь, я согласенъ на твою женитьбу на дочкѣ Талавѣрки. Пыши туда, только осторожнѣе съ ними условься. Можетъ, и я тебя туда провожу, какъ опять за скотомъ на Кубань поѣду. — а ѣхать, кажется, придется.

Илья довѣрчиво поблагодарилъ отца, досталъ бумаги отъ священника, чернилъ и перо и написалъ къ Настѣ, адресуя пакетъ на имя каретника Егора Масанешти, въ Ростовъ, письмо такого содержанія:

«Многоцѣнная и милая Настенька! Оно, конечно, у васъ въ Ростове налешутъ нежнѣи и все што вымыслятъ. Но я помню і прогулки наши і стинки ваши. Ахъ, Настенька, сердце, — все уладилось благодареніе Богу: хата готова, дворикъ готовой. Я полочку сдѣлалъ на стинки ваши, штобъ

класть книжку; будимъ сладко жить. Скоро-скоро ждутъ у насъ воли. Избавимся мы отъ рабства и тиранствія людскаго и будемъ вместе свами жить. Я по три дни хожу смиромъ работать и спахалъ сосени полторы десятины подъ хлѣбъ. Кто-то снимать его будетъ. Должно статься вы Настенька сердце. Скажите родителю, у насъ великій смуть, подлецы одни обокрали барскій домъ у насъ. Охъ и вонче тяжело жить на свете, а вособенности безвась. А ночью-ноченьки тѣ, какъ мы свами гуляли надъ Дономъ! Кланяюся ниско, а когда буду не знаю—именно когда все сполнится. Отецъ мой одумался и сталъ добрее. Уже скоро осень и весна. Вашъ нискій слуга и любящей женихъ Илья Тянцуръ.»

Письмо отнесено въ городъ на почту. Адресъ на конвертѣ тщательно, для разборчивости, написанъ за три конейки дневальнымъ почтальономъ при почтовой конторѣ. Уходя изъ города, Илья въ харчевнѣ закусилъ и здѣсь вдругъ услышалъ отъ захожаго солдата неясные толки о томъ, что въ ту ночь сдѣлали обыскъ въ кухнѣ одной барыни и взяли въ полицію ея горничную, по подозрѣнію въ сообщничествѣ съ ворами, по дѣлу какой-то огромной покражи.

«Ужъ не у нашей ли Перебѣченской, — подумалъ невольно Илья, выходя въ поле, — жаль, что не зашелъ къ Фросѣ узнать вообще про дѣла; Кирюшка будетъ ругать! Что, если это Фросю взяли? Успѣетъ ли бѣднякъ Кирилло уйти? Это, правда, не можетъ быть, чтобъ онъ былъ зачинщикомъ; кто-нибудь другой...»

Поздно къ ночи Илья воротился въ Есауловку, подвезенный часть дороги въ пошевилахъ сосѣднимъ рыбакомъ. Вошелъ въ улицу—странно: такая поздняя будничная пора, а огни вездѣ еще по селу горять. Слышался въ разныхъ мѣстахъ въ ночной тишинѣ людской говоръ, раздавались оклики и торопливые шаги. Онъ пошелъ садомъ къ барскому двору и остановился подъ угломъ дома. Во дворѣ чей-то рѣзкій и громкій голосъ кричалъ:

— Да захвати еще кстади веревокъ; а коли есть собачьи цѣпи въ амбарѣ, такъ и цѣпи захвати.

Опять все стихло. Илья пробрался у стѣны къ калиткѣ изъ сада. По двору ходили люди съ фонарями. У конюшни бабій голосъ ревмя-ревѣль, глухо причитывая отчаянныя сожалѣнія, а изрѣдка и проклятія.

— Эй, кто тамъ волкомъ воесть! прибрать ее!—крикнулъ изъ-подъ дома отъ конторы тотъ же голосъ.

— Хомъ, прогони ее!—торопливо крикнулъ отъ амбара десятскому знакомый голосъ приказчика Романа, отмыкавшего двери.

Илья замѣтилъ подъ заборомъ дрожавшаго отъ холода Власика, безъ шапки и со спущенными рукавами.

— Ты это, Власть?

— И... Ой-ой-ой...

— Что у васъ тутъ дѣлается?

— Опять чиновники вѣхали.

— Зачѣмъ?

— Слѣды воровства нашли; всѣхъ нашихъ музыкантовъ и самого венгерца забрали на винокуренномъ заводу, на ихъ квартирѣ, и всѣхъ вязать веревками хотятъ.

Илья замеръ отъ испуга.

— А серебро или другое что не нашли?

— Охъ, дядя Ильѣ, все нашли: на барскомъ току подъ скирдой въ землю было зарублено; чиновникъ этотъ не то, что становой, точно бѣсъ, прямо пріѣхалъ на токъ, подошелъ тамъ къ крайней скирдѣ, сказалъ: — тутъ! призвалъ нашего стоглазаго, твоего-то батьку, мужиковъ, заставилъ отрывать солому и снѣгъ, рубить землю топорами, да здѣсь сразу и нашелъ узлы съ платьемъ, бѣльемъ и серебромъ. Пинуютъ бумаги теперь.

— А кто это воесть у конюшни?

— Кирюшкина мать со слободы.

Илья опрометью кинулся къ себѣ на Окину, въ хату, затопилъ печь, позвалъ къ себѣ сосѣда-мужика и подробно отъ него узналъ обо всемъ.

— Говорятъ,—передалъ мужикъ: — что это все именно черезъ Фроську узнали; барыня ея давно замѣчала, что какъ ни придетъ въ городъ нашъ Кирюшка, такъ дѣвка и навеселѣ, а Кирюшка въ кабацѣ гуляетъ; наканунѣ же это она у нея увидѣла чайную ложечку съ клеймомъ нашего князя-барипа. Ну, донесла полиціи. А на ту пору въ городъ по другому дѣлу былъ тотъ самый чиновникъ-грекъ, что, помнишь, одинъ трехъ помѣщиковъ у барыни Перебѣченской одолѣлъ и перевязалъ, какъ насъ съ тобою въ полатыне призывали. Опъ взялъ въ полицію Фроську, настра-

щаль ее, что ли, и допросил; она всѣхъ, какъ дѣло-то знала, выдала, а грекъ покраденное тутъ и нашель.

— Что же она теперь?

— Да что... Попала въ городъ, сейчасъ пошла гулять съ другими; Кирюшку-то она, можетъ, и подвела, коли и онъ въ этомъ точно виноватъ. Вонъ, толкуютъ, что твой батко ее сманивалъ и къ Рубашкину въ ключницы... На все мастакъ, бѣсъ стоглазый! Лишь бы угодить сильному человѣку...

Илья чутко прислушивался къ надворью; ему все чудились шаги, но никто за нимъ не шелъ.

— Не потерпѣлъ бы и ты, Илькѣ, за нихъ: всѣ знаютъ, что ты съ Кирюшкой былъ друженъ, а онъ, какъ думаютъ, главный въ воровствѣ и всему зачинщикъ.

— Богъ не выдастъ, дядя, свинья не съѣстъ; а я тутъ чистъ, вотъ какъ передъ Богомъ.

Илья вздохнулъ и погасилъ плошку, провожая за двери сосѣда.

На другой день онъ видѣлъ, какъ за сильнымъ конвоемъ сосѣднихъ понятыхъ и сотскихъ, подъ начальствомъ жандармскаго урядника, изъ Есауловки въ городъ повезли на трехъ подводахъ связанный по рукамъ и по ногамъ весь княжескій оркестръ, въ тулупахъ и валенкахъ, человѣкъ семнадцать. Бабы были у околицы. Романъ вертѣлся верхомъ на конѣ и для порядка непомѣрно на всѣхъ ругался. День былъ опять морозный, солнечный. Толпа народу смотрѣла съ моста на Лихомъ на печальный поѣздъ арестантовъ, поднимавшійся отъ рѣчной низменности въ гору, за Авдулины-горы. А далѣе, по сверкающему въ алмазныхъ искрахъ и ослѣпительно-бѣлому взгорью скакалъ во всю прыть пятерикомъ на обывательскихъ, въ открытыхъ саняхъ, съ казакомъ и разсылнымъ солдатомъ, одѣтый въ голубую теплую бекешу, титулярный совѣтникъ Лазарь Лазаричъ Ангель.

Событія въ Есауловкѣ принимали все болѣе и болѣе угрожающій оттѣнокъ. Романъ Танцуръ все старался истребовать отъ Перебѣченской хоть сколько-нибудь изъ своихъ денегъ, и всякій разъ уходилъ отъ нея озлобленный. На сына онъ тоже косо посматривалъ и почти съ нимъ не говорилъ. Самъ же Илья все тосковалъ и сторуалъ отъ нетерпѣливаго желанія получить хоть какую-нибудь вѣсточку отъ

Настя. Наконецъ, эта вѣсть пришла. Онъ получилъ отъ нея письмо.

Настя писала:

«Пропала теперь вся наша доля, Ильюша, пропали и наши душеньки. Помѣщица наша отъ кого-то узнала, гдѣ мы и что съ нами, дала знать въ тутошнюю полицію, къ намъ наѣхали полицейскіе, все опечатали, отца таскаютъ, меня таскаютъ и сказываютъ, что такой есть законъ: отца и меня воротятъ опять—подъ начало нашей былой барыни, а имущество наше распродадутъ и ей же отдадутъ деньгами. Голубчикъ, Ильюша, не знаю, увидимся ли еще съ тобою на этомъ бѣломъ свѣтѣ! Письмо это опять тебѣ придетъ тотъ булочничий сынъ. Посылаю письмо черезъ савинскаго купца, на имя Василя Марковича Комара, что воротился изъ Венеціи въ наши мѣста, а дойдетъ ли мое письмо, про то не знаю и не вѣдаю и гдѣ тогда мы будемъ сами!»

«Отецъ!!—подумалъ Илья, прочтя письмо, и судорожно сжалъ кулаки. — Это онъ выдалъ насъ барынѣ; онъ! Больше некому! Ему я бѣльмо на глазу... А Талавѣрка? Бѣдные, бѣдные! Теперь ужъ они пропали!.. пропали навѣки! И черезъ кого? Черезъ меня! Господи!»

Онъ выскочилъ изъ хаты.

Дни становились теплые. Изъ-за Авдулиныхъ-бугровъ, изъ-за Пугачова-горба замѣтно тянуло весной. Съ крышъ на пригрѣвѣ солнца капало. Мужички уже принимались справлять плуги и бороны для весенней работы. Въ чуткомъ воздухѣ громче отдавались голоса бабъ и дѣвокъ, идущихъ съ ведрами по-воду. Дѣтскія рѣзвыя ноги весело бѣгали по почернѣлымъ, обтаявшимъ тропинкамъ. Вороны шаловливыми стаями кружились въ недосыгаемой вышинѣ и, будто падая оттуда, пророчили перемену погоды.

Смутный воротился Романъ къ ночи изъ города. Зажегъ въ конторѣ свѣчку, велѣлъ женѣ и Власику чаю себѣ приготовить и сѣлъ къ столу у окна во дворъ—сводитъ счета поѣздки въ городъ. Лицо его было сердито. Руки дрожали...

Вдругъ съ надворья кто-то съ силой ударилъ чѣмъ-то тяжелымъ въ оконную раму конторы, прямо въ упоръ противъ Романа. Окно зазвенѣло, и стекла посыпались на столъ передъ приказчикомъ.

Съ бѣшенствомъ выскочилъ изумленный Романъ снизу къ выходу изъ коридора. На дворѣ было тихо и не видно ни души. Сторожа еще не приходили на ночной караулъ. Въ деревнѣ было также спокойно, въ хатахъ кое-гдѣ только свѣтились огоньки. «Что за бѣсъ разбилъ у насъ окно!» подумалъ Романъ, быстро вбѣжалъ опять въ контору, зажгъ фонарь и вышелъ съ женою и Власикомъ во дворъ, освѣщая мѣсто у разбитаго окна. Возлѣ фундамента лежало бревно, родъ полѣна. Больше ничего не было видно.—«Хорошо еще, что по рамѣ, а не по моей головѣ ударилъ какой-то сатана! Плохія приходятъ времена!» мысленно сказалъ про себя Романъ, приперъ окно ставнею, послалъ Власика за десятскими и сотскими объявить имъ это и чтобъ сторожей они къ дому высылали скорѣе, и хотѣлъ-было запереться опять въ конторѣ надъ счетами, но раздумалъ, снялъ со стѣны всегда заряженное ружье и вышелъ въ садъ. Едва онъ ступилъ за калитку, какъ за угломъ дома, у ближнихъ кустовъ, замѣтилъ впотьмахъ какого-то человѣка. Подошелъ, окликнулъ его: Илья.

— Это ты разбилъ окно, собака?

— Я!

— Убить меня хотѣлъ?

— Не я, а другіе убьютъ тебя когда-нибудь, вотъ что!

Романъ кинулся на Илью и схватилъ его за шиворотъ. Ружье при этомъ онъ уронилъ.

— Эй! Съ ружьемъ на меня идете? Дудки!

Илья выбился изъ рукъ отца, поднялъ ружье и отдалъ его ему.

— Батюшка! Вы Талавѣрку выдали барынѣ... Его съ дочкой схватили уже въ Ростовѣ, разоряютъ, мучатъ... Богъ накажетъ васъ за это. А коли Настя теперь не пойдетъ за меня,—знайте, я подожгу васъ, барскій домъ, всю деревню...

Романъ закричалъ:

— Караулъ, бекѣтныя! сюда! взять его...

Со двора слышались шаги. Илья хотѣлъ еще что-то сказать и бросился въ темныя аллеи сада. Романъ раздумалъ его преслѣдовать.

На утро Романъ одѣлся и собрался-было идти къ Ильѣ, но встрѣтилъ у хаты сына сосѣда-мужика. Мужикъ поредѣ Романомъ снялъ шапку и сталъ заминаться.

— Что ты, братъ?

— Недоброе, Романъ Антонычъ, случилось! Илья нашъ опять... полагать должно-съ... убѣжалъ...

— Какъ убѣжалъ?

— Хата расперта, настужена; одежда цѣла, а его самого еще съ вечера нѣтъ въ хатѣ...

«А! сбыть!»—подумать Романъ и не зналъ, по правдѣ, что далѣе мыслить: радоваться или горевать.

XI.

Воля сказана.

«Все теперь пропало!—инталь Илья Танцуръ, покидая садъ, куда на голосъ Романа кинулись караульные:—Настя схвачена по доносу отца, а тутъ, того и гляди, схватятъ и меня!»

Будь у него въ рукахъ ружье, онъ, кажется, воротился бы и убилъ бы отца. Онъ взялъ узелокъ съ кое-какими вещами, перескочилъ черезъ канаву. Въ ушахъ его звенѣло, грудь тяжело дышала. Кругомъ было тихо и пасмурно. Барскій садъ въ сумеркахъ чернѣлъ безлистными кущами деревьевъ. Холмы вблизи бѣлѣли еще не растаявшими снѣжными наметами. По селу кое-гдѣ мигали огоньки. Собаки звонко перекликались въ Есауловкѣ и за рѣкой. Гдѣ-то раздавался смѣхъ парней, чей-то окликъ по улицѣ.

Онъ перекинулъ узелъ на плечо и съ палкой пошелъ по-лемъ за Авдуины-горбы.

Подъ вечеръ онъ взошелъ у Волги на высоты, съ которыхъ влѣво мелькнула Есауловка, плотнѣе перетянулъ старенькую свиту ремнемъ, нащупалъ въ сапогѣ деньги и пошелъ снова къ югу. Въ сумеркахъ съ косогора онъ разглядѣлъ верхового, ѣхавшаго вскачь ему наперерѣзъ. Ближе—Власикъ. «Куда ты?»—«А! это вы, дядя! Васъ спохватились. Я ѣздилъ отъ пона къ Перебоченской! Понадѣ еще хуже. Понъ просилъ лѣкарства, барыня отказала...»—«А развѣ она теперь здѣсь?»—«Тутъ на хуторѣ... а знаете еще? вашъ тятенька привелъ къ Рубашкину Фросю, и она у него ужъ чай распиваетъ, разряженная... не дождалась Кирюшки. Прощайте, дядя Илья».—«Прощай...» Власикъ поскакалъ...

Илья остановился, долго думалъ, поглядывая на крыши

хутора Перебобченской, что-то нащупалъ въ карманѣ и залегъ въ оврагѣ.—Почью усадьба Перебобченской вспыхнула съ двухъ концовъ и долго горѣла. Въ сосѣднихъ селахъ раздался набатъ... Илья переночевалъ въ сторонѣ отъ дороги, въ глухой долинѣ между двухъ лѣсковъ, закусилъ сухарями, напился изъ каменистой ямы снѣговой воды, перекрестился и пошелъ далѣе, забирая къ Дону въ низовья, приазовскія мѣста. Переваливаясь черезъ послѣдніе приволжскіе холмы, онъ вздохнулъ свободнѣе, пошелъ тише и сталъ ночевать ужъ на постоянныхъ дворахъ и у мужичковъ по рѣдкимъ встрѣчнымъ хуторамъ.

«Господи, Матерь Божія! несите мои ноги!—шепталъ онъ, идя впередъ:—дайте мнѣ встрѣтить Настю, отбить ее изъ неволи и убѣжать съ нею!»

Онъ останавливался у этапныхъ зданій, у сельскихъ осторожныхъ избъ, гдѣ ночуютъ колодники, спрашивалъ, кого можно, не провели ли такого-то каретника съ Дона? Но еще никто не могъ ему отвѣтить о Талавѣркѣ и его дочери.

Замелькала снова знакомая даль и ширь, удалая воля, тѣ южныя степи и доли, тѣ тихіе пустынные холмы и овраги, которые сѣвернымъ и срединнымъ русскимъ людямъ, еще съ сказочныхъ временъ, постоянно въ горькихъ думахъ о домашнихъ невзгодахъ мерещатся кисельными берегами и молочными и медвяными рѣками, гдѣ бабы на живыхъ осетрахъ бѣлье моютъ, а на мѣсяцъ да на звѣзды, вмѣсто гвоздей, его сушить вѣшаютъ.

А вотъ и Донъ, старый батюшка Донъ Ивановичъ, кормилецъ восточнаго казачества.

«Гдѣ же моя-то птичка! — думалъ Илья, — закована ль съ своимъ отцомъ въ цѣпи, или еще на волю въ Ростовѣ? Когда бъ еще захватить ихъ... Все бы рассказалъ. Уйдемъ за тридцать земель».

Въ Калачѣ Илья остановился, чтобы отдохнуть, высмотрѣть лучше путь, просушить намокшее въ дорогѣ бѣлье и спуститься въ Ростовъ. У пристани грузился буксирный пароходъ: Илья пристроился въ самомъ глухомъ углу, между всякою клажею и рухлядью, у кормы. Сердце его сильно билось. Онъ такъ бы и полетѣлъ, въ обгонку куликовъ, баклановъ и утокъ, сновавшихъ у парохода, когда

тотъ миновалъ главные, опасные лѣтомъ и осенью, песчаные перекаты и пошелъ внизъ по Дону.

На пароходѣ былъ разнородный людъ: казаки и ярославскіе плотники, караванъ татаръ, ѣхавшихъ въ Ростовъ, а оттуда, черезъ Стамбулъ, на богомолье въ Мекку, и нѣмцы-колонисты, затѣявшіе уладиться побывкой на родинѣ, черезъ тотъ же Ростовъ, Одессу и Дунай. Жидъ-фокусникъ сталъ тутъ же показывать фокусы; итальянецъ-скульпторъ, ѣхавшій изъ Астрахани, разложилъ кучу разныхъ фигурокъ и предлагалъ ихъ желающимъ купить. Какая-то казачья помѣщица, счастливая маменька взрослого сына, жаловалась вслухъ, сидя на чемоданѣ и кушая съ сыномъ то булочку, то пряники, что дорого жить стало на свѣтѣ и что рабочіе выбились изъ рукъ.

А пароходъ плылъ и плылъ далѣе, почувя у одинокихъ войсковыхъ станицъ или у рыбацкихъ пристаней и перевозовъ.

Тянулись обрываемые мутными водами и затопленные по маковки вербъ и дубовъ луга и песчаные бугры, рыбачьи землянки; между ними—стада овецъ, выгнанныхъ на первыя весеннія травы, взлетающія тамъ и здѣсь стада гусей, утокъ и пеликановъ. У береговъ стали являться обширныя бревенчатыя станицы, съ высокими церквами, лавками и торговыми площадями. Замелькали синіе чекмени, красные лампасы шароваръ и сабли казаковъ; кое-гдѣ у станицъ, по отвѣснымъ каменистымъ горамъ, отражавшимъ съ весны солнечные лучи, чернѣли рядами жерди и колья, уже увитые полными прядями виноградныхъ лозъ. По крутымъ тропинкамъ, съ коромыслами на плечахъ, шли, въ красныхъ и черныхъ шапочкахъ, черноглазые, съ русыми косами, казачки.

У какой-то донской станицы, съ войсковымъ окружнымъ правленіемъ, двумя церквами и школою на берегу, пароходикъ поддало теченіемъ къ камнямъ, и онъ простоялъ съ часъ на мели.

Мальчикъ, сынъ донской помѣщицы, успѣлъ въ это время съ другими подростками сбѣгать на берегъ, въ городъ за орѣхами.

— Отчего въ городѣ звонятъ, развѣ праздникъ завтра?—спросилъ кто-то, когда пароходъ вновь отчалилъ.

— Волю читали сегодня въ церквахъ, — отвѣтилъ мальчикъ.

— Про волю?—пронесся гулъ въ толпѣ, слушатели тѣснѣе сгустились вокругъ мальчика.

— Кто тебѣ навралъ объ этомъ? Ахъ, ты негодяй... Вотъ уши опять нарву!—кричала маменька.

Мальчикъ не унялся и все разсказалъ. Товарищи поддерживали его слова.

Сильно откликнулась эта вѣсть въ сердцахъ слушателей. Илья... надо было взглянуть на него!.. Онъ замеръ и едва переводилъ дыханіе.

«Боже, Боже! — думалъ онъ,—гдѣ и черезъ какого вѣстника пришлось услышать мнѣ и остальнымъ тутъ людямъ давно желанную вѣсть. Хотя бы скорѣе въ Цымлу, или въ Аксай пріѣхать. Тутъ опять пойдутъ глухія деревеньки; все равно, въ нихъ не добьешься ни о чемъ толку».

— Недаромъ нашъ пароходъ къ камнямъ тамъ прибило! — толковали другіе путники изъ озадаченныхъ, пораженныхъ до-нельзя и радостно-потрясенныхъ помѣщичьихъ крестьянъ: — это Господь насъ причалилъ туда, чтобы мы эту вѣсть услышали дорогой; недаромъ мы провозились у берега, намокли въ водѣ и назяблись.

Перебирали десятки мнѣній и предположеній, вновь приступили къ мальчику, но онъ мало объяснилъ имъ. Путники съ замирающимъ сердцемъ высматривали съ барки: скоро ли мелькнетъ еще какая-нибудь большая прибрежная станция. Душа Ильи разрывалась отъ мыслей, что сталося съ Талавѣркой и съ его дочкой и въ чемъ состоятъ огненные, небесныя слова этого манифеста о волѣ? Илья ушелъ въ глубь палубы и сталъ молиться. Его примѣру послѣдовали другіе. День былъ ясный, тихій. Солнце ярко катилось по небу. Пароходъ, пыхтя, плылъ вдоль пустынныхъ береговъ.

А благовѣстное слово о волѣ, наконецъ, дѣйствительно прилетѣло и на югъ и громко раздавалось тутъ въ то время, какъ первый пароходъ изъ Калача плылъ внизъ по Дону съ Ильей Тавцуromъ и съ другими его путниками. Эта вѣсть открыто и урывками, верхомъ на казацкихъ скакунахъ и въ почтовыхъ конвертахъ и сумкахъ, подвигалась впередъ дѣше, въ города, войсковыя станции, казачьи и помѣщичьи села и въ одинокіе хутора и деревушки. Эту

вѣсть несла людямъ южная весна, на обтаявшія горы, на воскресшія, снѣжущія долины, черезъ затопленные еще въ половодьи степи и вдоль шумныхъ, мутныхъ и рокочущихъ рѣкъ, вмѣстѣ съ этою вѣстью ломавшихъ льды, мосты, плотины и всякіе гати и затворы.

— Скоро ли Цымла?

— Скоро ли Аксай?

— Скоро ли Ростовъ? — допрашивали стараго лоцмана, хмураго Лобка, нетерпѣливые путники, томясь на пароходѣ.

— Скоро, не высохнете еще, не убудетъ васъ! — отвѣчалъ сердитый лоцманъ: — потерпите!..

Выплыла, вся въ знаменитыхъ виноградныхъ садахъ по скалистымъ ребрамъ окрестныхъ горъ, веселая Цымлянская станица. Народъ празднично двигался по берегу и издали махалъ пароходу платками... Подиляли: громкое ура! и незнакомые люди бросились другъ къ другу, поздравляя всѣхъ съ дѣйствительно-прочитанною волею.

«Неужели же теперь все-таки Талавѣрку будутъ тягать? — размышлялъ Илья, — нѣтъ! вѣрно онъ отнынѣ на свободѣ! Коли воля, такъ воля всѣмъ. Ну, а если его все-таки возьмутъ?.. Тогда надо освободить его. Послѣднія деньги отдамъ, еще достану, сторожей упрошу, умолю, а ужъ ихъ вызволю, да и убѣжимъ. Его домъ, нажитой, заочно постѣ продадимъ... Что жить-то здѣсь?»

Народъ на пароходѣ шумѣлъ, ликовалъ.

«И чего они радуются? — злобно шептала помѣщица-казачка понадѣ: — еще перенѣются и потопятъ насъ дорогою, водка здѣсь дешева»...

Народъ, однако, не перепился; пароходикъ благополучно двинулся далѣе... Узнавныя болѣе подробно вѣсти передавались въ отдѣльныхъ кружкахъ на палубѣ. Илья слушалъ, разспрашивалъ, но не радовался.

«Что-то съ Талавѣркой, съ Настей? — думалъ онъ, — можетъ-быть, эта воля сказана терпѣвшимъ, покорнымъ, а мы, вѣдь, бѣглые, бродяги... мы сами раньше срока взять себѣ захотѣли эту волю... Помилуютъ ли насъ, мучениковъ?»

На утренней зарѣ одного изъ слѣдующихъ дней на пароходѣ крикнули:

«Ростовъ, Ростовъ»...

Илья всталъ, съ грустью взглянулъ на свою затасканную одѣжу, наставилъ ладонь къ глазамъ, узналъ Нахиче-

вань, а версты черезъ три даѣе видѣлся въ туманѣ Ростовъ, вздохнулъ и перекрестился.

Вскорѣ путники сошли на берегъ и простились другъ съ другомъ и съ хмурымъ лодманомъ Лобкомъ.

«Куда теперь идти, кого спрашивать?»—подумалъ Илья, сходя на берегъ.

Мѣстность была хорошо знакома Ильѣ. Многіе его здѣсь знали, и онъ пошелъ глухими переулками въ городъ, кое-какъ оправивъ свою затасканную одѣжу и обувь. Не такимъ блѣднымъ, исхудалымъ, небритымъ, немытымъ и нечесанымъ онъ покидалъ годъ назадъ этотъ самый берегъ и эти оживленныя площади торговаго донского городка.

Илья Танцуръ шелъ быстро и незамѣтно очутился на углу той улицы, гдѣ жилъ, годъ назадъ, каретникъ Талавѣрка. Съ замирающимъ сердцемъ онъ остановился у перекрестка, откуда былъ виденъ домъ Талавѣрки. Улица была попрежнему пустынна и тиха. Илья затанлъ дыханіе, пересилилъ себя, прошелъ мимо знакомаго дома и ужаснулся его тишинѣ и заустѣнію. Онъ все еще надѣялся, хотя и слабо, что ихъ не взяли... Чтобъ взглянуть на этотъ домъ яснѣе, онъ зашелъ издали съ другого конца улицы; потомъ обошелъ сосѣдними кварталами въ улицу, гдѣ дворъ Талавѣрки выходилъ заднею стороною въ подгородніе обширные огороды. Илья направился въ огородъ, который снималъ дѣдъ Зинецъ, оброчный обыватель одной глухой азовской деревушки.

Дѣдъ Зинецъ, лѣтъ подъ семьдесятъ, худой, длинный, скорбленный и съ бѣлыми, какъ пухъ, волосами и бородой, сидѣлъ въ это время на рогожкѣ передъ куренемъ и дрожками, пожелтѣлыми руками разбирать бобы и другія сѣмена для посѣва. Его соломенный курень стоялъ подъ навѣсомъ акацій и только-что окинувшихъ цвѣтами черемухъ. Кругомъ шли свѣжія, недавно вскопанныя гряды огорода. На курень была раскинута рыбачья сѣть, которую Зинецъ отъ скуки взялся кому-то оснастить. На дворѣ было тепло и тихо. Южное солнце грѣло отрадно старыя кости. Худыя руки и впалая, изможденная годами грудь дѣда были точно бронзовыя отъ несходившаго съ нихъ загара. Отъ бѣлой чистой рубахи и какой-то важной, точно апостольской, кудрявой его головы, съ сѣдыми нависшими бровями и широкой бородой, эти бронзовыя руки и грудь

казались еще болѣе темными и худыми. Илья, живя годъ назадъ у Талавѣрки, не разъ видѣлъ Зинца и говорилъ съ нимъ о своей судьбѣ. Зинецъ всегда былъ мраченъ, нахмуренъ, какъ будто не узнавалъ и не помнилъ людей, съ которыми встрѣчался, не любилъ шутокъ, не любилъ много разговаривать и, несмотря на старость, отлично велъ свое дѣло. Исчезая неизвѣстно куда съ осени, онъ явился рано весной, снималъ опять это мѣсто, нанималъ поденщиковъ, обрабатывалъ его, берегъ его цѣлое лѣто отъ большихъ и малыхъ воровъ, продавалъ выгодно сборъ, чуть передвигая ноги относилъ къ своему мнимому помѣщику оброкъ, получалъ отъ него паспортъ и на зиму до новой весны скрывался опять. Одни говорили, что онъ зимуетъ тутъ же въ городѣ у своей кумы, горемычной и убогой солдатки; другіе, что зимой онъ постоянно хвораетъ и живетъ у какихъ-то раскольниковъ-рыболововъ. Никто не зналъ, откуда Зинецъ родомъ и также для кого собиралъ онъ остатки отъ огорода и вообще отъ своихъ заработковъ. Знали только, что онъ съ невыразимымъ нетерпѣніемъ и болѣе всѣхъ жадно ожидать объявленія правительства о волѣ, о которой тогда начинали всѣ говорить. Сидя у куреня, Зинецъ видѣлъ, какъ въ огородъ вошелъ Илья, какъ онъ, сурово озираясь, прошелъ между пустыми грядками, склонился черезъ заборъ и сталъ осматривать опустѣлый дворъ Талавѣрки. Дѣдъ наставилъ къ глазамъ ладонь, бросилъ сѣмена и началъ размышлять, кого бы это судьба занесла сюда?

«Ни души!—думалъ, между тѣмъ, Илья,—вонъ кузницы, гдѣ ковали оси и шины, вонъ крыльцо и галлерей дома... Туда входила Настя... Вонъ уголъ амбара: тамъ въ осенніе длинные вечера мы часто сидѣли съ нею... Вонъ окно ея комнатки... Пусто; ни души... Что стало съ ними? Неужели?..»

Илья оглинулся, оправился и тихо подошелъ къ Зинцу. Дѣдъ узналъ тутъ его сразу, но продолжалъ перебирать бобы, будто не видя его.

— Здравствуйте, дѣдушка.

— Здравствуй. Что тебѣ?

— Узнали вы меня?

— Что-то не помню. Чего пришелъ? Дай на тебя прежде посмотрю...

Илья поклонился.

— Дѣдушка Зинецъ! будьте милостивы. Скажите, куда ѣхали вашего сосѣда?

Голосъ Илья дрожалъ.

— Запирятали къ бѣсу. Въ острогѣ сидить... вотъ что!

— Въ острогѣ? Быть не можетъ... Господи!

— Сидить съ нимъ въ острогѣ и его дочка,—прибавилъ дѣдъ, поглядывая ласково на парня.

Илья помертвѣлъ и заматался.

— А тебѣ-то они на что?—спросилъ Зинецъ.

— Настя моя невѣста... будто вы меня не узнали? Я Илья Таицуръ... Помните?

— Невѣста? такъ это ты, Илья? — спросилъ Зинецъ, грустно шурясь на Илью и осматривая его обрюзглое, заросшее волосами лицо, побитые сапоги и порванную одежду:—опять воротился изъ своихъ мѣсть?

— Скажите же на милость, когда и какъ схватили каретника?

Зинецъ покачалъ головой.

— Слушай. да помни, что я скажу тебѣ... Каретника выдали, выдать свой же братъ землякъ какой-то христо-продавецъ... Онъ зналъ какъ добить его, и добилъ ловко... очень ловко... нечего сказать. Много лѣтъ я тутъ сижу на огородѣ, много годовъ зналъ Талавѣрку... Спокойно онъ жилъ тутъ, какъ пришелъ съ дочкой изъ Молдавіи. Всѣ считали его молдаваниномъ, и я самъ ничего этого не зналъ. Вдругъ получили тутъ въ полиціи бумагу изъ его настоящихъ мѣсть... Нашлась, видишь ли, братъ, его барышня... Кому-то захотѣлось крови его выпить. Ну, и выпить! По той бумагѣ сейчасъ наскочила на него полиція, хватъ за его паспортъ, а онъ поддѣльный. Изъ Букареста отписали, что никакого Масанешти тамъ и въ заводѣ не было... Пошли допросы... Въ кандалы его и въ острогъ... Да не долго онъ просидѣлъ тамъ же, тутъ же отъ горя и заболѣлъ... Горячка, что ли, съ нимъ сдѣлалась. Настя за нимъ убивалась, ходила, оберегала. Въ бреду онъ и сталъ кричать, да и выкричать всю правду: назвалъ и эту барыню свою, и село, откуда онъ и почему бѣжалъ... Тутъ, какъ выздоровѣлъ онъ, его и уличили. Теперь, сказываютъ, онъ во всемъ сознался; его имущество положили продать,

а деньги и его самого съ дочкой переслать по этапу къ его барынѣ.

— Какъ, къ барынѣ переслать? Къ этой Пересѣченской, по этапу?

— Да, къ ней именно! Сказываютъ, что кончаютъ теперь послѣднія бумаги, его домъ торгуетъ тутъ одинъ купецъ, все остальное уже распродано, и скоро его поведутъ въ ваши мѣста. Да что! Почитай, что онъ рехнулся, совсѣмъ какъ дитя сталъ, все плачетъ, качаетъ головой, смотря на дочку, и пищи почти не беретъ. Вѣдь ты тоже изъ его мѣстъ? Ты знаешь его барыню?

Зинецъ съ той же грустью посмотрѣлъ на Илью, ноги котораго подкашивались, хотя онъ и не выражалъ ничѣмъ своей жалобы.

— Дѣдушка! Все я вамъ скажу... можно видѣть его, Талавѣрку-то... въ острогѣ? Я столько верстъ прошелъ пешкомъ, проѣхать, чтобъ только увидѣть ихъ... Можно его видѣть?

— Что ты, что ты! Теперь ужъ тебя туда не пустятъ. Онъ въ секретной.

Илья упалъ въ ноги Зинцу.

— Дѣдушка,—вопилъ онъ, наконецъ, рыдая:—развѣ вы не знаете? все вамъ скажу... Каретника я выдалъ, я хриstopродавецъ, душегубъ, Іуда каторжный! Я, женихъ его дочки Насти...

— Ты?—спросилъ Зинецъ, теперь догадавшись, кто былъ невольной причиной гибели каретника, и заморгавъ густоватыми бровями.

— Именно я... Только не такъ, какъ вы можете подумать. Не по волѣ я душегубъ! Самъ Талавѣрка послалъ меня домой, чтобъ я землю выхлопоталъ, дворъ себѣ устроилъ. Я воротился домой къ отцу. А отецъ у нашего князя уже приказникомъ. Съ перваго дня у насъ пошли споры. Онъ тянулъ меня въ контору, въ дворовые, а я къ міру просился. О Талавѣркѣ и его дочкѣ я проговорился сгоряча моей матери. Я не зналъ того, что чуть разбогатѣла и стала приказницей, она пить начала, да... извините... въ нѣпомъ видѣ, должно быть, и сказала про все отцу... Тутъ у насъ по сосѣдству вышла дѣло тоже. Выѣхали чиновники къ этой самой барынѣ, къ Пересѣченской. Я попалъ случайно въ понятые. Ну, господамъ по-

блажки я не далъ... Что теперь мнѣ дѣлать, дѣдушка? Куда идти, кого просить, какъ спасти Талавѣрку? — спрашивалъ Илья, въ безнадежномъ отчаяніи смотря на стараго огородника:—я и денегъ достану! Подкупить нельзя ли сторожей въ огородѣ, чтобъ дать имъ бѣжать? Отбить нельзя ли ихъ въ дорогѣ, когда ихъ поведутъ инвалиды по этапу? Я на Дешовку пойду! Подговорю отчаянныхъ людей...

Улица, гдѣ былъ огородъ, выходила за городъ. Кругомъ было тихо, грядки еще пусты. Мышь иной разъ шелестѣла въ сухой травѣ. Ни одинъ звукъ не доносился черезъ ограду къ куреню, у котораго сидѣлъ костлявый и рослый дѣдъ, а передъ нимъ, съ воспаленными, заплаканными глазами, измученный, исхудалый, позеленѣвшій отъ тоски и горя, бился о землю Илья Танцуръ.

— Что тебѣ дѣлать? Нельзя ли ихъ отбить, спрашиваешь ты? Нельзя ли ихъ освободить?—говорилъ какъ бы самъ съ собою Зинецъ, смотря въ землю, почесывая широкую бѣлую бороду и изсохшую, впалую грудь:—слушай, никому я этого не говорилъ, а тебѣ скажу. Дѣло твое пропало навѣки! Да, пропало. Но слушай! Всѣ мы несчастны, да не всѣ одинаково злую долю казнимъ. Никто про меня не знаетъ... Охъ... мало ужъ мнѣ жить на свѣтѣ осталось... Забудь, что я тебѣ и скажу... Много лѣтъ назадъ и я былъ крѣпакомъ, значить, подвластнымъ панскимъ холопомъ... Бѣжалъ и я, какъ ты, не даромъ. Мнѣ было тогда тридцать лѣтъ, какъ я убѣжалъ изъ своихъ мѣстъ, и вотъ я почти сорокъ лѣтъ въ бѣгахъ... Отецъ мой кучеромъ нанимался; ну, и меня тоже кучеромъ положили сдѣлать. Отецъ мой у отца нашего барина недолго служилъ. Баринъ у него отбилъ жену, выходитъ, мою мать, да и увезъ ее въ другое имѣніе и въ наложницы взялъ. Отецъ терпѣлъ-терпѣлъ, да разъ выпилъ, охмелѣлъ и закололъ ножомъ при всѣхъ своего хозяина. Упалъ баринъ подъ ножомъ хмельного батьки, упалъ, и духъ вонъ... Всполохнулся народъ; село все сбѣжалось... Я былъ еще маленький. Помню, какъ блѣднаго моего отца сперва связали, а потомъ заковали и за большимъ копьемъ въ городъ повезли. Да онъ и не противился: самъ едался и во всемъ признался. Я жилъ тогда во дворѣ на кухнѣ, у булочницы... Тутъ, погода, и мать мою покойницу изъ другого имѣнія привезли... тоже закованную... Ну, отца наказали палачъ. Смутно я помню вѣздъ суда въ наше село;

отца наказывали среди улицы! Сослали его потомъ въ Сибирь; съ той поры навѣки и слухъ о немъ пропалъ. Я тѣмъ временемъ выросъ; меня часто брали въ комнаты съ сыномъ покойнаго барина играть. Росъ я и нячего не понимаю, а тамъ я и кучеромъ къ нему нанялся. Молодой барченокъ нашъ затѣялъ жениться. Я его любилъ и на свадьбѣ его былъ главнымъ кучеромъ. Родились у молодого барина двое дѣтей, сперва дочка, потомъ сынокъ... Жена его была писаная красавица... Тутъ и я въ-скорости посватался на нашемъ селѣ за одну дѣвушку... Охъ, Ильяша... Помнишь? Я сказалъ, что пошелъ въ бродяги-то... на тридцатомъ году. Именно на тридцатомъ я и посватался... Любилъ я свою невѣсту, Ильяша... крѣпко, безъ памяти... вотъ такъ, какъ ты свою... Баринъ сталъ часто ѣздить въ отлучки, въ городъ по выборамъ опредѣлился, а тамъ началъ и меня посылать въ разные посылки, да все съ долгими порученіями: на недѣлю, на двѣ... Никакъ-таки не удастся все свадьбы моей сыграть... Ну, пришла осень... Родные моей невѣсты корятъ меня. Разъ возвращаюсь я изъ барыниной деревни, говорятъ, что мою невѣсту баринъ перевезъ въ другое имѣніе и случайно ли, нарочно ли, только именно въ то самое, куда и его отецъ увозилъ мою мать... Я сталъ людей разспрашивать: тѣ смѣются, шутюкають. А поваръ Тришка и говоритъ мнѣ, что баринъ давно съ барыней не ладитъ, что изъ-за того вѣрно и мою невѣсту онъ отличилъ, послалъ ее въ булочницы учиться въ другую вотчину и самъ туда слѣдомъ послѣшилъ... Тутъ и помутился мой умъ, заныла моя душа... И то же самое сдѣлалъ, что и мой батько, да только не при всѣхъ. Эхъ, лучше не говорить... Да почти съ той поры вотъ и состою въ бродягахъ и, пока живъ, не вернусь ужъ въ свои мѣста...

— Годъ назадъ,—продолжалъ старикъ, едва переводя духъ отъ волненія:—всѣ вы, даже тѣ старики, сапожникъ и квасникъ, затѣяли идти обратно къ господамъ; одинъ я остался. Не вѣрилъ я тогда этой волѣ, не вѣрю и теперь. На моемъ вѣку это уже въ пятый разъ суетятся. Вотъ-вотъ скажутъ волю; ждешь, кинешься спрашивать: одиѣ выдумки. Воля та, когда самъ ее взять. А такъ ее не дадутъ... знай это...

— Какъ не дадутъ, когда дали?
Зинецъ горько покачалъ головой.

— Дали? ты ее видѣлъ?

— Сказываютъ.

— Золотая? На золотой бумагѣ?

— Нѣтъ, говорятъ, на простой.

— Ну, такъ не вѣрь... Можеть, дали и золотую, да паны съ понами спрятали, а теперь намъ даютъ подложную.

— Чтѣ же дѣлать?

— Жить въ бродягахъ, въ бѣгунахъ — звѣрьми жить, вотъ наша доля... Увидишь, всѣ опять уйдутъ, хоть и воротились домой.

— Такъ, такъ! — шепталъ Илья: — Господи! А если и въправду эта воля, чтѣ теперь народъ радуеть, не настоящая если намъ земли даромъ не дадутъ, Талавѣрку силой къ барынѣ пошлютъ, чтѣ тогда намъ дѣлать, дѣдушка? Чтѣ?

Дѣдъ опять покрутилъ головою.

— Чтѣ дѣлать? Тогда, сынку, одно: либо покорись и нищимъ заживи дома съ Настею и съ ея отцомъ, либо ножъ въ руки, да ведра два добраго кипятку изъ котла...

Илья съ холоднымъ ужасомъ взглянулъ на Зинца. Дѣдъ сидѣлъ, добродушно поглаживая бороду. Последняя надежда на спасеніе Талавѣрки исчезла въ Илья. Онъ впервые почувствовалъ приливъ неугасимой мести къ своимъ губителямъ, Перебѣченской и отцу.

— Я уже съ барыней Талавѣрки на пути посчитался кое-чѣмъ! — сказалъ Илья.

— Поджегъ ее?

— Да, поджегъ ея хуторъ... Не знаю, чтѣ было дальше.

— Жги, Ильюша, и бей ихъ. Не найти намъ спасенія нигдѣ. Последніе годы земля доживаетъ, и антихристъ скоро межъ нихъ народится. Чтѣ смотрѣть теперь и ждать!

— Нельзя ли, дѣдушка, достать тутъ вольныхъ листовъ этихъ, или книгу, чтѣ выдаютъ за царскую?

— Не стоитъ и не хлопочи. Дворяне и въ ней вырвали тѣ листы, чтѣ противъ нихъ тамъ написаны. Одинъ тоже нашъ землячокъ видѣлъ такую книгу: она не прошнурована, безъ царскихъ печатей и даже нешита; бери каждый листъ прочь, коли не по сердцу...

Илья молчалъ, становился покойнѣе.

— Ну, ступай же теперь, Илья, — сказали старикъ: — съ горя поброди возлѣ острога, да не попадись. Приходи завтра въ эту пору — потолкуемъ; со мною же не оставайся.

«Коли все для меня пропало,—подумать Илья,—такъ не пропадетъ для другихъ. Талавѣркина барыня и мой батька заплатились и еще заплатятся»...

XII.

На что рѣшиться?

Въ первые дни по приходѣ въ Ростовъ, Илья ничего не добился о каретникѣ. Черезъ острожную прачку онъ только узналъ, что Талавѣрка вынесъ горячку и теперь еще не оправился. Илья сталъ шататься по городу, изрѣдка занимаясь въ поденники. Въ винныхъ погребахъ шла гульня, гремѣли бубны, наигрывали скрипки, и съ заморскими матросами и шкиперами плясали дѣвцы легкаго поведенія. А Настя не выходила изъ головы Ильи. Онъ придумывать сотни средствъ увидѣться съ нею, увезти ее изъ острога. Съ каждымъ изъ пирующихъ онъ хотѣлъ объ этомъ посоветоваться. Кругомъ же не о томъ толковали. Прежніе разговоры о торговлѣ, о мирѣ, о приходѣ и отходѣ судовъ смѣшались съ толками о новомъ законѣ. Передавались тысячи предположеній. Говорили, не стѣняясь. Радость черни о волѣ быстро смѣнилась мрачными слухами.

— Насъ надули, обманули! Настоящій законъ спрятали. Въ настоящемъ законѣ—земля намъ давалась даромъ и помещиковъ гнали прочь.

Такъ говорили, между прочимъ, въ одномъ погребѣ безсрочный солдатъ.

Илья, бывшій подъ хмелькомъ, всталъ, приперъ дверь погребка покрѣпче и подошелъ къ солдату.

— Ты, дядя, не врешь?

— Нѣтъ.

— Побожись, а не то кишки выпустимъ!

— Коли вретъ, отчего же не выпустить, — подхватили другіе.

— Ну, божись?

Выпившій солдатъ побожился.

— Я царскій, стало быть, что мнѣ врать!

— Однако, ребята, штука!—сказалъ Илья: — и я то же слышалъ; надо обороняться! Говори, что еще говорятъ?

— Говорятъ, чтобъ рукъ не давать ни на что, ни на какія бумаги.

— Отчего же?

— Подведутъ. А за дачу рукъ сказано такое наказаніе: какая деревня дастъ руки на согласіе чиновникамъ или своимъ помѣщикамъ, такъ отъ синода будетъ велѣно семь лѣтъ тамъ не крестить, семь лѣтъ не вѣнчать и по семи дней не хоронить каждого мертвого, чтобъ даже издали всѣмъ пахло, какъ душегубное село. А кто одинъ изъ села пойдетъ противъ всѣхъ, того позволено прямо хоть изъ ружья застрѣлить, какъ собаку.

— Ну, такъ штука! — сказалъ опять Илья: — слышите, братцы? Обманъ!

— Какъ же это царя-то обманываютъ? Нешто онъ не знаетъ?

— Знаетъ, да терпитъ, — смѣло рѣшилъ солдатъ: — и послалъ онъ повсюду дозорцевъ; на нихъ, говорятъ, и царскіе знаки есть, а какіе — про то я не слышалъ...

— Въ чемъ же они ходятъ?

— Мало ли въ чемъ: иной одѣтъ монахомъ, другой разнощикомъ, третій ямщикомъ, а четвертый, какъ и я, солдатомъ...

Толпа гудѣла въ погребкѣ, какъ въ ульѣ рой пчелъ, пригрѣтый весеннимъ солнцемъ.

Илья расплатился и вышелъ, пошатываясь, въ другой погребокъ. Тамъ говорилъ за пустой бутылкой донского какой-то пропойца-чиновникъ.

— Слышите, ребята, — сказалъ Илья, входя: — насъ обманываютъ: законъ поддѣльный!

— Ничего не принимать, ни на что не соглашаться, ничего не подписывать — это такъ! — подхватилъ и чиновникъ: — кто дастъ еще на бутылку, последнее слово скажу!

— Что же это за слово? — спросилъ Илья.

— Собирайтесь въ кучки, толкуйте, высматривайте, и чуть кто васъ обманулъ, обухомъ въ голову — и баста. Книга новая вся изъ клочковъ, страницы перечислены въ ней разнымъ ладомъ, она безъ переплета, съ вырванными листами и безъ царскихъ печатей.

Въ ушахъ Ильи звенѣло. Голова его ходила кругомъ. Далеко за полночь онъ ушелъ за Донъ и легъ спать въ овражкѣ, подъ косогоромъ. Солнце уже стало сильно припекать, когда онъ проснулся и зашелъ опять на Дошовку закусить и выпить спозаранку, чего прежде не дѣлалъ. На-

канунѣ сторожа въ острогѣ обѣщали ему доставить свиданіе съ Настей и съ отцомъ ея за десять цѣлковыхъ. Переговоры шли черезъ острожную прачку, жившую въ слободкѣ подѣ городомъ. За двадцать цѣлковыхъ ему обѣщали даже отпустить Настю на нѣсколько часовъ ночью изъ острога. Илья сосчиталъ ночью деньги: налицо было всего шесть цѣлковыхъ съ мелочью.

Гдѣ еще достать денегъ?

Илья долго стоялъ у берега подѣ хлѣбнымъ магазиномъ города и думалъ: время уходитъ; денегъ мало; станешь работать, попадешься, а видѣться съ Настей надо... Ему было хорошо знакомъ этотъ пыльный и оживленный Ростовъ. Онъ взошелъ на крутой берегъ къ источнику, надѣ магазинами.

По огромному разливу Дона попрежнему плыли барки и расшивы; славлялся плотами лѣсъ. Въ гирла къ Азовью и обратно шли пароходы; клубился дымъ, раздавались голоса лоцмановъ: «руль къ берегу», «молись», и рабочіе, скинувъ шапки, вслухъ молились и крестились на востокъ. Влѣво по берегу, по горѣ и вниз, шли ветхія лачужки предметья. Двухколесныя бочки медленно тащились отъ источника съ водою въ городъ. По крутымъ тропинкамъ сбѣгали съ ведрами бабы и дѣвки. По улицамъ двигался озабоченный, будто бѣгушій куда-то, народъ. Турецкимъ душистымъ табакомъ пахло вездѣ. У источника городъ еще былъ тихъ. А туда даиѣ, къ площадямъ, прохожій поминутно слышалъ говоръ разныхъ языковъ: слова итальянскія, греческія, французскія, татарскія и украинскія. Вдали за рѣкой, на томъ боку, на низменной сторонѣ, сверкала громадный заливъ Дона и видѣлись въ туманѣ отдаленныя слободы и станицы. Тамъ были чисто-степныя картины: безпредѣльность гладкихъ луговъ и полей, которыхъ зелень и ясность переходили мало-по-малу въ голубыя краски и сливались, наконецъ, съ туманомъ небосклона. По зелени первыхъ луговыхъ травъ тянулись, пересѣкаясь, обозы чумаковъ съ солью, съ хлѣбомъ и съ лѣсомъ и подгородныя фуры съ сѣномъ. Вниз, правѣ, были оптовые магазины съ сибирскимъ желѣзомъ, а тамъ опять хлѣбныя греческія и итальянскія магазины. Работа съ наступленіемъ весны въ послѣднихъ шла самая снѣжная. У крылецъ на шестахъ были растянуты, въ видѣ исполнскихъ навѣсовъ, полотняныя

пелены. Подъ ними книжмя-книжбъ наемный людъ поденщиковъ; хлѣбъ «перелопачивался», разсыпался по другимъ пеленамъ, сушился, очищался на грохота и подсидки, насыпался въ мѣшки и тутъ же грузился внизу на барки. Работники носили хлѣбъ, бабы и дѣвки зашивали мѣшки, отгребали пыль и соръ. Вездѣ раздавались веселыя шутки, смѣхъ и пѣсни. Заработанная цѣна платилась по количеству работы, а не поденно.

«Да что же я стою? — подумалъ Илья, — надо работать! надо достать двадцать цѣлковыхъ и поскорѣе».

Онъ пошелъ въ городъ.

У греческой кофейни толкотня: маклера стоять на улицѣ и шепчутся о цѣнахъ, о корабляхъ, объ Италіи. Издали развѣвается флагъ надъ домомъ какого-то консульства. Напрасно гремѣть изъ оконъ рояли. Напрасно мелькають модныя соломенные шляпы, ленты, цвѣты и платья. Напрасно звучитъ итальянская или французская рѣчь. Отъ пыли нѣтъ силъ дышать, нѣтъ силъ пройти.

Дѣдъ Зинецъ посоветовалъ Ильѣ наняться къ греку Андрококи пересыпать пшеницу, а ночи спать для предосторожности за городомъ. Такъ Илья и сдѣлалъ. Прошло болѣе недѣли. Работая изъ всѣхъ силъ, Илья рассчиталъ и сообразилъ, что завтра въ его карманѣ будетъ двадцать цѣлковыхъ. Всячески угождая товарищамъ, чтобъ его не выдали, онъ каждый день удѣлялъ часть денегъ на выпивку. Наканунѣ расчета съ хозяйскимъ приказчикомъ, онъ опять пошелъ въ кабакъ за Донъ. Дешовка на этотъ разъ была особенно шумна и полна народомъ. Сотни голосовъ у прилавка кричали: «водки!» Сотни рукъ тянулись къ шинкарю-разносчику съ пустыми штофами. Одни ѣли, другіе пили и плясали. Тутъ были бабы и дѣвки, писаря и дьячки, матросы и лоцманы, чумаки и солдаты. Много честнаго народа, пропившаго послѣднюю копейку, и не мало воровъ и развратниковъ, способныхъ на все изъ одного желанія покутить и закрутить буйную голову. Полиція сюда близко не заглядывала, благодаря приношеніямъ откупа. Все здѣсь гуляло и веселилось нараспашку.

— Танцуръ! Танцуръ! Ильяша! меня угости! — крикнулъ отставной старичокъ-аудиторъ изъ кантонистовъ, слывшій въ числѣ постоянныхъ посѣтителей Дешовки за благороднаго: — что, братъ? Твоего каретника доѣхали?.. Къ барынѣ

на земельку посылають? Отбей невѣсту и такъ живи съ нею безъ вѣнца! Что твоя и вѣнчанная, какъ по доброму согласію.

Аудиторъ, въ качествѣ чиновника, былъ въ зеленомъ шелковомъ на ватѣ архалукѣ, въ военной фуражкѣ и подпоясанный краснымъ клѣтчатымъ платкомъ. Онъ сидѣлъ на крылечкѣ харчевни, между столбовъ, подпиравшихъ навѣсъ, и, свѣся ноги съ крыльца, на разостланномъ носовомъ платкѣ ѣлъ вареныхъ раковъ, печенку и соленые огурцы.

— Здравствуй, ваше благородіе!—сказалъ Илья, не безъ удовольствія и самъ принимаясь закусывать.

— Угости, душка; всю правду скажу...

— Какую правду?

— Про твоего каретника.

Духъ у Ильи замеръ.

— Не вѣрь ему, парень; все вреть, мы его давно знаемъ!—отозвались другіе:—такъ, совсѣмъ пропацій человѣкъ, брехунъ!

Илья, однако, угостилъ аудитора.

— Ну, что ты тамъ знаешь?

— Видѣлъ твоего каретника въ острогѣ. Все плачетъ, рветъ на себѣ волосы, кричитъ, что его разорили, убили; дочку жалѣетъ, идти къ своей барынѣ не хочетъ.

— Когда же ихъ погонять домой?

— Коли хочешь повидаться, сибѣши; поведутъ черезъ два дня.

— А какъ поведутъ?

— На Черкасскъ.

Илья рѣшился утромъ выпросить у грека расчетъ и отнести деньги черезъ прачку сторожамъ.

— Да ты не хочешь ли новый законъ о волѣ прочитать?—спросилъ аудиторъ.

— А у тебя есть? Дашь?

— Есть, дамъ за три цѣлковыхъ прочитать. Приходи вечеромъ ко мнѣ. Только читай его тайно, чтобъ никто не видѣлъ.

Илья далъ аудитору изъ прежнихъ денегъ три цѣлковыхъ, получилъ отъ него передъ вечеромъ книгу положеній о волѣ и рѣшился прочесть ее въ ту же ночь, въ ожиданіи расчета съ грекомъ. Для этого онъ положилъ уйти за городъ въ глухую лошину на Мертвомъ-Донѣ, гдѣ онъ зналъ

когда-то мельника, жившаго тамъ отдѣльнымъ хуторомъ. Уже ходилъ слухъ, что чтецовъ новаго закона преслѣдуютъ въ иныхъ случаяхъ, и книгу положеній о волѣ грамоты изъ черни читали тайкомъ.

Солнце еще было высоко, когда онъ большимъ мостомъ перешелъ черезъ Донъ и отправился за рѣчку Темерникъ. По взгорью здѣсь было раскинуто село, по народному прозвищу Безсовѣстная-слободка. Домики и хатки слободки, точно куча камешковъ, кинутыхъ изъ горсти какъ попало, торчали тутъ безъ всякаго порядка, лѣнясь по обрывамъ, сползая къ рѣкѣ или взбираясь на маковку взгорья. Эта слободка селилась сама собою подъ городомъ, когда еще мало обращали вниманія на то, кто сюда приходитъ и селился. Она селилась безъ всякихъ справокъ и разрѣшеній. Духъ смѣлости и донинѣ тутъ царилъ на всей свободѣ. Всѣ продѣлки противъ полицейскихъ уставовъ въ городѣ начинались отсюда. Тутъ жилъ аудиторъ, давшій Ильѣ книгу о волѣ. Здѣсь же была избушка и той прачки, черезъ которую Илья надѣялся увидаться съ каретникомъ и съ Пастей. Аудиторъ промышлялъ уже нѣсколько недѣль новою книгой, раздавая ее изъ-подъ полы на прочтеніе за деньги. Илья спряталъ книгу подъ свитку и шелъ безъ оглядки, поспѣвая къ ночи въ лѣсокъ знакомаго хутора, гдѣ не разъ прятался отъ ростовскихъ облавъ на бѣглыхъ.

Скоро онъ спустился въ долину Мертваго-Донца и завидѣлъ издали кучу вербъ, садикъ и знакомый домъ рыболова. Спустился по каменистой обрывистой тропинкѣ въ долину, Илья слышалъ шумъ воды, сбѣгавшей изъ ключевого пруда къ колесамъ утлой водяной мельнички, и пошелъ къ ней, спрятанной за вербами. Хатка рыбака была построена на выдавшемся каменномъ ребрѣ утеса, изъ котораго било множество свѣтлыхъ и студенихъ ключей. Она какъ бы висѣла на воздухѣ, отдѣляясь кустами терна и дикихъ вишенъ отъ пруда. Когда лучи солнца въ упоръ освѣщали съ юга это ущелье, прудъ и вербы, между которыми съ тихимъ и вѣчнымъ шумуكانьемъ сбѣгала къ мельницѣ въ провалѣ лишняя вода, въ прозрачныхъ струяхъ пруда отсвѣчивались напущенные туда нестрые, съ голубыми спинами, осетры, серебряныя востроносыя стерляди, бѣломраморныя тупорылые сазаны и вертялая тарань. Сюда порою наѣзжали изъ города охотиться въ камышахъ долины на лисицъ и ноѣсть

свѣжей икры и ухи богатые купцы. Тогда хозяинъ сажалки подходилъ къ пруду, закидывалъ веревочную петлю, или прямо на желѣзный крюкъ подхватывалъ изъ воды осетра или стерлядь; кровь била изъ свѣжей раны на крюкъ, рыба распластывалась, изъ ея теплыхъ внутренностей вынималась икра, протиралась сквозь рѣшето съ солью и тутъ же, еще теплая, присыпанная перцемъ, сѣдалась за бутылками цымлинскаго. Сюда же въ ближній лѣсокъ на долину собирался и простой людъ изъ города потолковать въ зелени деревьевъ о своихъ дѣлахъ и выпить дешевой водки. Хозяинъ сажалки съ весны рѣдко былъ дома, ловя по окрестнымъ затонамъ рыбу. Илья спустился въ лощину, пробрался въ лозы, забился въ такое укромное мѣсто, откуда никто не могъ видѣть ночью огня, разложилъ въ оврагѣ подъ крутизной костерокъ, сѣлъ у огня и развернулъ книгу. Онъ перекрестился и поцѣловалъ давно избитую и зачитанную книгу.

— Господи Боже, благослови намъ всю правду узнать!— сказалъ Илья и началъ читать.

Губы его слипались, во рту сохло, глаза горѣли, дрожащія руки несмѣло переворачивали листы. Долго онъ читалъ. Языкъ законоположеній и въ особенности его великорусскія выраженія были не подъ силу его пониманію. И потому ли, что самъ Илья вообще туго понималъ смыслъ читаемаго, или такъ уже онъ былъ настроенъ общими толками тѣхъ мѣстъ и лицъ, съ которыми его теперь сталкивала судьба, только въ строкахъ книги, безъ всякаго умысла и съ полнымъ чистосердечіемъ, онъ находилъ вовсе не то, что въ ней дѣйствительно было. Ничто не мѣшало чтенію. Старый холостякъ, хозяинъ сажалки, дома не былъ. Тихо прошла темная весенняя ночь. Чтенію книги вторили сотни соловьевъ. Какія-то другія птицы шныряли кругомъ въ камышахъ и въ лозахъ, поминутно перепархивая и пугливо налетая изъ темноты на огонь. За Донцомъ всю ночь раздавалось порывистое, горячее ржаніе лошади: это жеребецъ пасся тамъ съ косякомъ кобылъ, грызя ихъ и загоняя то въ камыши, то въ лозы. Гдѣ-то въ темной вышинѣ прозвенѣли золотыми трубами, несясь вереницею, журавли. У пустой хатки рыбака, возлѣ сажалки, пропѣлъ нѣсколько разъ горластый пѣтухъ. Лягушки неутомнымъ хоромъ стонали вдали въ какомъ-то укромномъ болотѣ. Начинало свѣтать. За Мертвымъ-Донцомъ лавственно заблѣла полоса зари. Всталъ ту-

манъ. Подуло по верхушкамъ лозъ. Вѣтви вербъ заколыхались. Кто-то фхалъ вдали въ лодкѣ по Дону, вѣроятно, съ ночного лова рыбы, сперва затаилъ пѣсню, а потомъ крикнулъ: «Стецько!»—«Че-е-го?» отозвалось ему еще дальше, и эхо разнесло откликъ въ разныя стороны. «Кончай! пора!»—«Чую!» откликнулся голосъ. И все опять стихло.

— Кончилъ и я! — сказалъ самъ себѣ Илья, дочитавъ послѣднюю страницу книги положеній о волѣ.

ХІІІ.

Вѣсти изъ острога и изъ дому.

Илья всталъ, хотѣлъ помолиться и не могъ. Станный рой мыслей всталъ въ его головѣ: приказъ отбывать барщину, то-есть, какъ онъ понялъ, отбиваться отъ барщины, свое мірское управленіе и рядомъ съ этимъ соображеніе, что въ книгѣ листы вырваны и что она вообще подложная.

«Поспѣшить развѣ опять домой?—подумалъ онъ,—я далъ слово міру все открыть, не утаить ничего! Они ждутъ меня, надѣются. А Настя?»

Что-то затрещало невдалекѣ за лозами. Стали слышны чьи-то шаги. Илья оглянулся: къ нему пробиралась осторожная прачка. Онъ пошелъ къ ней.

— Что ты, тѣтка, какъ попала сюда?

— Охъ, бѣднякъ ты, бѣднякъ. Спозаранку кинулась слѣдомъ за тобой, видѣла, какъ ты вчера съ вечера заковылялъ сюда; ну, да и аудитора про тебя разспросила... Охъ, бѣда, бѣда новая стряслась надъ тобою.

— Что? узнали, ищутъ меня?

— Хуже... Охъ, уморилась; знала, что утромъ ты пойдешь къ греку за деньгами, чтобъ уладить, повидаться тебѣ съ суженой-то твоей. Ну... а Талавѣрка-то горемычный не вытерпѣлъ всѣхъ горестей, всего разоренія...

— Ну?

— Въ эту ночь въ острогъ на вьюшкѣ повѣсился. Сегодня и похоронять его. Сама видѣла.

Илья какъ стоялъ передъ прачкой, такъ и упалъ лицомъ въ камышъ.

— Ахъ, ты бѣдный мой, бѣдный, что съ тобою дѣлать!—взвывала прачка.

Черезъ два часа Илья и прачка подошли къ подгородной ростовской слободкѣ. Найдя аудитора, Илья отдалъ ему книгу и сказалъ:

— Черезъ два дня жди меня въ кабакъ на черкасской дорогѣ: здорово угощу!

Прачка сказала Ильѣ:

— Иди же къ греку, бери деньги и приходи вечеромъ къ острогу; не увидѣлъ каретника, такъ хоть дочку теперь его увидишь. Ручаюсь тебѣ, паренёкъ.

Илья пошелъ изъ слободки къ Дону и оттуда въ Ростовъ. Онъ былъ самъ на себя не похожъ: точно всталъ въ тотъ день изъ гроба. Не доходя къ Дону, онъ остановился. Трубы города издали дымилась. Изъ-за Дона несясь веселый колокольный звонъ. Былъ какой-то праздникъ.

«И на похоронахъ-то его не дадутъ быть, нельзя!—подумать Илья,—зароютъ его, какъ колодника, да и мнѣ какъ идти? еще узнаютъ, тоже свяжутъ...»

Получа деньги съ грека, Илья цѣлый тотъ день тоскливо толкался по базару, по погребкамъ и по харчевнямъ. Нѣсколько разъ онъ подходилъ къ стѣнамъ острога, заглядывалъ въ желѣзные рѣшетки оконъ, заговаривалъ, какъ бы мимоходомъ, съ часовыми, но ничего не могъ онъ узнать про Настю и нигдѣ въ окошечкѣ не мелькнули ея бѣлое лицо и русыя косы. Онъ даже невольно прислонился къ острожному забору, какъ-бы пробуя его крѣпость. Народъ весело толпился по улицѣ возлѣ острога. Всѣ гуляли, празднующь весну. Сторожа-инвалиды у воротъ курили трубочки и тоже весело поглядывали на гуляющихъ.

Степняго. Прачка сдержала слово: взяла у Ильи деньги, отвела его къ обрыву надъ Дономъ подъ стѣнами острога, вѣзла ему тамъ дожидаться и ушла.

— Я несу съ дочкой бѣлье въ острогъ и, коли все удастся, дочку оставлю на время тамъ, а къ тебѣ сюда приведу Настю.

Илья сѣлъ впотѣмахъ на камни между хлѣбными магазинами.

Городъ стихалъ. Въ острогѣ огни погасли. Зорю давно пробили.

«Нѣтъ, не пропустятъ теперь никого изъ острога», рѣшилъ Илья и замеръ.

Впотѣмахъ раздалась шаги.

— Настенька!

— Ильюша!

Только и могли проговорить Танцуръ и дочь каретника. Они отошли къ сторонѣ. Прачка, утираясь передникомъ, тихо всхлипывала, поглядывая на нихъ.

— Скорѣе, скорѣе!—шептала она:— не погубите меня, коли пропало ваше счастье.

— Уйди, тётка, не стой!—сказалъ Илья.

Прачка ушла за магазины.

— Настя! уйдемъ! что ждать долѣе?

— Нѣтъ, Ильюша, не погуби этой бабы; мы уйдемъ— она пропадетъ, ее засудятъ.

— Когда васъ ведутъ подъ конвоемъ? говори, я отобью тебя.

— Послѣзавтра. Охъ, страшно: вѣдь насъ солдаты съ ружьями будутъ провожать; не осилишь, убьютъ тебя: будутъ стрѣлять по тебѣ и по твоимъ товарищамъ.

— Была не была! Хотя два дня, да мои будутъ. Отниму тебя; меня не знаютъ въ глаза конвойные, а начальство здѣшнее не догадается, кто отбилъ.

Настя стояла молча, обняла голову Ильи и горячо его поцѣловала.

— Ильюша, не затѣвай этого, приходи лучше и ты домой, тамъ повѣнчаемся, станемъ жить хоть въ бѣдности, да вмѣстѣ.

— Нѣтъ; коли ворочусь домой теперь, такъ не для того, Настя! отецъ твой меня считалъ виной всей вашей гибели... Изъ-за меня онъ... душу отдалъ бѣсу...

Настя молча рыдала. Илья разсказалъ ей исторію измѣны его отца.

— Неужели простить ее или батька моего за то, что они крови вашей налили, что отецъ твой безъ покаянія повѣсилъ изъ-за нихъ, а ты отъ богатства нищею и голою пойдешь по пересылкѣ съ колодниками? Не бывать этому!

Настя ухватила Илью за руку и прижалась къ нему.

— Не допущу, чтобъ ты шла подъ конвоемъ: вольные воротимся. Всѣмъ дана воля, а ее только отъ насъ прячуть.

— Ильюша, да лучше подожди, воротись, и я скоро буду дома. Приди, попроси меня у барыни, посватай сироту.

— Чтобъ я просить тебя у этой барыни? ни въ жизнь. Мы теперь вольные.

Прачка кинулась изъ-за магазина со словами:

— Прочь, долой, идуть!

Илья побѣжалъ въ сторону.

— Прощай, Пльюша!—шепнула Настя.

— Жди меня за Черкасскомъ.

Прачка увела Настю обратно въ острогъ, а Илья пошелъ къ Зинцу. Дѣдъ спалъ въ куренѣ, Илья его разбудилъ.

— Вставай, дѣдъ, да раскошеливайся, давай денегъ.

Зинецъ глянулъ съ-просонокъ. Кругомъ огорода было тихо. Голосъ Илья звучалъ непривычною грубостью и злостью. Въ его рукахъ была большая палка. Зинецъ струсилъ. Мѣсто было совершенно глухое.

— Что ты, что ты, парень? съ ума сошелъ, какія у меня деньги!

Илья покачалъ палкой.

— Слушай, дѣдъ, разбойникомъ я не былъ, воровать тоже не воровалъ. Ну, а вотъ вамъ Богъ свидѣтель... не дашь денегъ—отниму; станешь кричать—убью!.. что мнѣ! Да что и тебѣ: жить-то не долго осталось.

Дѣдъ, ворча и охая, всталъ и началъ возиться, будто что отыскивая, поровнялся съ Ильей и вдругъ кинулся на него, стараясь сбить его съ ногъ, и закричалъ: «караулъ, бьютъ!» Голосъ его странно отозвался въ глухомъ закоулкѣ.

— Шалишь!—отвѣтилъ Илья, стрѣбъ старика, какъ ребенка, связалъ его же поясомъ и положилъ у курени.

Дѣдъ замолчалъ. Илья кинулся шарить въ куренѣ.

«Нѣтъ, это видно даромъ! — подумалъ Зинецъ, лежа ницъ къ землѣ,—онъ иначе не рѣшился бы такъ со мною поступить».

— Илья!—сказалъ онъ вслухъ.

— Что?

— Подъ боченкомъ въ углу, подъ соломой, мѣшокъ съ сухарями лежитъ,—пашель?

— Нашель.

— Развяжи: на днѣ деньги лежатъ.

Илья, доставъ деньги, сказалъ Зинцу:

— Не прогнѣвайся, дѣдъ; какъ разбогатѣю, отдамъ!—развязалъ его и ушелъ.

Черезъ два дня, рано утромъ, изъ городского острога,

потъ конвоемъ пѣшихъ и конныхъ инвалидовъ, двинулся по пути къ сѣверу длинный строй колодниковъ, скованныхъ лопарно. Гремѣлъ барабанъ.

Этапъ вышелъ за городъ и двинулся стенью къ Новочеркасску, чтобы, сдѣлавъ тамъ привалъ въ крѣпкомъ казацкомъ острогѣ, направиться далѣе по донскимъ станицамъ. Тутъ было немало бѣглыхъ, которые было-нагрубли себѣ въ Ростовѣ такое теплое и уютное мѣсто.

— Вотъ она, воля-то!—сказалъ Илья, провожая съ другими колодниковъ.

— А что?—спросили его изъ толпы.

— Да ничего! Я говорю только: вотъ она, прочтенная-то намъ воля!

— Обожди, паренёкъ. — отозвался какой-то кучникъ: — долѣ ждали; все объяснится.

— Жди, свать, пока живого сдѣдятъ! а мы ждали-ждали, да и жданки поѣли! — сказалъ Илья, нырнулъ въ улицы и скрылся.

Передъ грустнымъ отрядомъ колодниковъ замелькали каменистые бугры Дона, курганы, стада курдючныхъ овецъ, каплячки у ключей въ оврагахъ и скачущіе вдаль табуны. Вонъ, въ сторонѣ, извивъ голубого Аксаи, а вотъ, на голой и лысой горѣ, обдуваемый со всѣхъ сторонъ вѣтромъ, Новочеркасскъ, доминируя съ воздушными крыльцами и съ рѣзными галлереями вокругъ стѣнъ; чистые, пустые и сочные дворы, цвѣты на окнахъ, шапочки на головахъ женщинъ, страшная пыль, безлюдные тротуары, громадный начатый соборъ среди главной площади, чиновный людъ при сабляхъ, въ шпорахъ и въ синихъ сюртукахъ; учителя музыки и словесности при сабляхъ и шпорахъ, мирные секретари правленій также.

Илья зналъ, когда поведутъ колодниковъ. Наканунъ онъ особенно кутилъ въ кабацѣ за Дономъ, угощая кучки самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ и буяновъ. На другой день у нихъ было положено собраться тайно въ полѣ, въ оврагѣ за Нахичеванью. Боясь, чтобы дѣдъ Зинецъ не одумался и не рѣшился его отыскивать, онъ прятался и не входилъ въ городъ. Но онъ случайно забрелъ къ одной пристани, гдѣ готовился отойти пароходъ въ Таганрогъ и далѣе. Ожидая рокового отхода колодниковъ, Илья въ послѣдній разъ присматривался къ свету шумнаго городка.

У пристани онъ замѣтилъ кучку людей, игравшихъ на берегу въ орлянку, въ ожиданіи отчаливанія парохода. Онъ подошелъ къ этой кучкѣ, сталъ самъ глядѣть на игру и вдругъ остолбѣлъ. Передъ нимъ стоялъ, одѣтый матросомъ, одинъ изъ музыкантовъ въ Есауловкѣ, скрипачъ Ванька. Ванька также узналъ Илью. Они улыбнулись другъ другу, отошли къ сторонѣ и тамъ крѣпко обнялись.

— Какими судьбами?—спросилъ Илья.

— Волю прочитали и у насъ...

— Ну?

— Ничего съ той воли не вышло, я и рѣшилъ дать тягу.

— Куда же ты?

— Въ Турцію, братъ!

— Какъ же ты это фдешь?

— Э, какъ! Были еще деньжата, ну, все и сварганилъ. Въ матросы взяли, а въ Одессѣ пересяду въ трюмъ какого-нибудь англичанина, да и дальше, въ Турцію... А что твоя невѣста, Настенька, отъ которой я тебѣ отсюда письма представлялъ? Жива, здорова? Что каретникъ, ея отецъ?

Илья все рассказалъ. Ванька покачалъ головой, сходить на пароходъ, который уже пыхтѣлъ и разводилъ пары.

— Ну, Илья Романычъ, пароходъ уйдетъ еще черезъ часъ! мы успѣемъ и вынѣтъ, и побесѣдовать на прощаньи. Пойдемъ въ кабачокъ. Тебѣ горе, выпьемъ.

— Чтѣ дома у насъ? Что новаго? Говори!

Знакомцы помли опять за мостъ.

Ванька ударилъ себя по лбу.

— Ахъ, я дуракъ, простота! И забылъ! Тебѣ много новаго. Съ этого надо было бы начать.

— Ну, говори, говори скорѣе.

— Малый, вина! Слушай. Во-первыхъ, какъ только прочитали намъ эту волю, народъ сильно запечалился. Ждутъ тебя, вотъ какъ. Прошли слухи, что воля не та. Учителя Садукѣва помнишь?

— Какъ же не помнить: къ нему я насчетъ жены отца Смарагда фзидилъ. Ну?

— Выгнали его изъ этой гимназіи. Я заходилъ въ городъ и слышалъ это. Въ день отставки, съ горя ли или такъ, онъ заснулъ, забывъ въ спальнѣ погасить свѣчку. Загорѣлась сперва видно занавѣска на окнѣ, а потомъ весь домъ. Онъ съ дѣтьми и прислугой едва выскочилъ, въ чемъ

былъ. Весь дворъ сгорѣлъ. А это только и было его имущество.

— Бѣдный, бѣдный! Экъ у насъ пожаровъ-то! Гдѣ же онъ теперь?

— Рубашкинъ принялъ его къ себѣ въ управляющіе. Только, слышно, прижимаетъ въ жалованьи Садукѣва, хоть тотъ ему и самый-то Сыртъ предоставилъ. Насчетъ пожаровъ тоже. Хуторъ Перебоchenской сгорѣлъ! Да что, она живучая: опять строится. А про жену попа Смарагда слышалъ?

— Что?

— Померла вскорѣ послѣ твоего побѣга.

Илья перекрестился.

— Господи! вотъ все какія несчастія! Жаль, жаль его...

— Что жалѣть! Онъ теперь счастливѣе тебя со мною.

— Какъ такъ?

— Видно, при женѣ только и крѣпился отецъ Смарагдъ. Чуть умерла, онъ куда-то, сказываютъ, написалъ, за нимъ явилась тройка, онъ забралъ дѣтей, что осталось угвари, да и уѣхалъ безъ вѣсти. Иные толкуютъ, что гдѣ-то наверху за Волгой, въ вятскихъ лѣсахъ, въ раскольниковъ поны передался, рясу нашу скинулъ, надѣлъ простой зипунъ, да такъ имъ и служить по-ихнему; а другіе, что его схватили и онъ въ Соловки угодилъ, сосланъ...

Илья вскочилъ.

— Вотъ не ожидалъ я этого! Въ какой-нибудь мѣсяцъ... Что же его взманило, не понимаю?

— Какъ что? У насъ, съ доходами-то отъ мужиковъ, онъ получалъ всего цѣлковыхъ полтора ста въ годъ; а тамъ посадили его сразу, говорятъ, на три тысячи цѣлковыхъ. Надоѣло бѣдствовать-то. Вѣдь отъ бѣдности и попадая его померла.

— Отъ кого это ты знаешь?

— Нашъ дьячокъ сказывалъ. Теперь у насъ на обѣ церкви одинъ погъ, отецъ Иванъ старый.

— Ну, а что-жъ нашъ міръ? Что наши православные?

— Тебя, Ильюша, ждуть и невѣсть какъ. Иди скорѣе туда, не мучь ихъ. Прочитай имъ все по совѣсти. Тебѣ вѣрять.

— По правдѣ? такъ это говорятъ?

— Ей-Богу.

— Ну, такъ я же имъ теперь все прочту и объясню. Многое я тутъ узналъ изъ того, что прежде и не снилось.

Илья допилъ вино и ударилъ по столу. Въ это время раздался звонокъ на пароходѣ. Ванька выскочилъ изъ кабака.

— Прощай, Ильюша! Когда-то опять увидимся?

— Прощай, Ваня! Должно-быть, на томъ свѣтѣ.

— Да,—шепнулъ уже съ лѣстницы парохода скрипачъ:— еще одно забыть: тебя вѣрно схватить, какъ воротишься домой...

Ударилъ третій звонокъ. Ванька взомель на бортъ, колеса замушлы, и пароходъ пошелъ книзу въ гирла.

Черезъ день Ростовъ волновался. Прошла вѣсть, что близъ Черкаска въ степи, подъ вечеръ, на этапъ съ колодниками было сдѣлано нападеніе шайки бродягъ; солдатъ осилили, освободили всѣхъ арестантовъ, расковали, и тѣ разбѣжались безъ вѣсти. Въ числѣ убѣжавшихъ была и Настя Талавѣрка.

Илья съ Настей, скрываясь въ оврагахъ и лѣсахъ, дошелъ до Калача, тамъ ночью переправился черезъ Донъ на рыбацкой лодкѣ и пошелъ по Волгѣ по пути къ родному околотку. Но войти въ Есауловку онъ не посмѣлъ.

— Ну, люди добрые! — сказалъ Илья, войдя на бугры, съ которыхъ была видна Есауловка: — вы ждали меня; теперь я пришелъ. Пришелъ на счастье свое и ваше, или на погибель вамъ и себѣ. Долго мы ждали воли, и дождались!

Въ сумерки онъ вошелъ въ хуторъ Терновку, гдѣ жилъ знакомый ему старикъ-саножникъ, и тамъ рѣшился устроить себѣ временной приваль.

— Мужикъ вздорюжалъ! Настоящая воля пришла! — сказалъ онъ, входя къ старику съ Настей.

XIV.

Сельскій агитаторъ.

— Агитаторъ, агитаторъ, въ нашей губерніи новый Стенька Разинъ, новый Пугачовъ! — говорили помѣщики на деревнямъ, куда вскорѣ воротился Илья: — вѣдь это было ихъ гнѣздо. Тутъ они дѣйствовали и сѣмена бросили послѣ себя.

— Неужели? Гдѣ? Какъ? Когда?

— На-дняхъ, на Волгѣ, въ забронированномъ и глухомъ закоулкѣ; онъ изъ Есауловки, дворовый человѣкъ князя Мангушки, а избралъ себѣ притономъ сосѣдній хуторъ Терновку.

— Что же онъ пока дѣлаетъ, чѣмъ себя займѣлъ?

— Его народъ давно уже намѣтилъ; онъ два раза былъ въ бѣгахъ. Малый смысленый, грамотный и воротился теперь опять изъ бродягъ, чтобъ, какъ говорить, добиться чистой воли. Въ Терновку и въ сосѣдніе съ ней овраги съ мая мѣсяца теперь сходятся толпы черни. Этого парня уже молва провозгласила пророкомъ. У него же завелась и своя пророчица, тоже бѣглая дѣвка тамошней помѣщицы, которую онъ добылъ гдѣ-то этою весной. Ихъ не вѣщаютъ, и они живутъ такъ себѣ, открыто, какъ мужъ и жена.

— Что же народъ?

— Парень этотъ овладѣлъ всѣмъ, отмѣняетъ вездѣ барщину, собираетъ поборы на расходы для мірскихъ дѣлъ, разсылаетъ по окрестностямъ возмутительныя письма. Къ нему верхами и на тройкахъ съѣзжаются совѣщаться изъ другихъ уѣздовъ и даже изъ губерній такіе же вожакъ. И долго этого никто не подозрѣвалъ, хотя всѣ чувствовали какое-то сильное вліяніе на умы крестьянъ въ томъ околоткѣ. Даже отецъ этого парня, есауловскій приказчикъ, живя отъ него въ десяти или пятнадцати верстахъ, цѣлый мѣсяць ничего не зналъ о новомъ приходѣ сына и его укрывательствѣ въ Терновкѣ...

Да сперва и трудно было замѣтить вліяніе отдѣльных лицъ. Всѣ были взволнованы, всѣ потерялись, и крестьяне, и дворяне.

Весна кончилась.

Вѣсть о волѣ пронеслась во всѣ концы; сорвало стаи и плотины и мосты, и все унеслось навѣки съ шумными волнами могучаго половодья. Поля окинулись зеленью. На Волгѣ опять замелькали сотни пароходовъ. Народъ задвигался у ся береговъ. Лѣса и байраки зазвучали лѣтними голосами. Холмы и бугры подернулись голубыми туманами. Орлы зарѣяли надъ долинами и заклекали на столѣтнихъ дубахъ. Освобожденный пахарь повелъ первую вольную борозду. Первое дуновѣніе воли по селамъ и хуторамъ принесло осязательныя льготы переходной поры: безусловное

увольненіе отъ барщинныхъ повинностей стариковъ, дѣвухъ и мальчиковъ-подростковъ, увольненіе дворовыхъ, которые по ревизіи числились въ крестьянахъ; свободный бракъ, отбѣгу ночныхъ карауловъ, уничтоженіе добавочныхъ сборовъ съ крестьянъ и первые намеки на жалованье дворовымъ. Не всеъ добровольно рѣшились сразу дать эти льготы. Освобожденные мальчуганы явили множество лукавыхъ демонстрацій и въ раннюю пору недолгой весны не шли на работу за самую выгодную цѣну. За ними явились демонстраціи горничныхъ и должностныхъ лицъ изъ крестьянъ. Мгновенно опустѣли цѣлые дома и усадьбы. Умѣренные смирились, зная, что ловкій кормчій на практикѣ можетъ обойти всякіе подводные камни. Радикалы стараго закала подняли крики и вопли.

— Слышали вы? — кричали одни: — многіе помѣщики ѣздятъ уже сами кучерами, а помѣщичьи стригаютъ себя обѣды!

— Нѣтъ, не слышали. Кто же это?

— Михаилъ Павлычъ, Федоръ Ильичъ, жена Ивана Юрьича! Въ Есауловкѣ у князя Мангушки мужики само-вольно, чуть прочли имъ манифестъ, залустили свой скотъ въ барскіе луга но Лихому и выбили ихъ въ нѣсколько ночей такъ, какъ вотъ эта лапоть.

— Ахъ, мерзавцы!

— Въ Конскомъ-Сыртѣ у генерала Рубаникина сосѣдніе мужики въ саду срубили ночью пять лучшихъ берестовъ и лѣпу на боковой аллеѣ... Слушайте дальше! Вездѣ только и слышно: мужики рубятъ лѣса, выбиваютъ овцами и скотомъ поля и луга, вытравляютъ даже яровое и озимые всходы хлѣбовъ. У губернскаго предводителя на крыльѣ дома въ деревнѣ поймали трехъ мальчишекъ. Они вѣрно прообрались въ трубу, чтобы обокрасть домъ, какъ то случилось въ Есауловкѣ прежде, а становой, подлецъ, рѣшилъ, что они лазили за воробьиными гнѣздами. Но печальнѣе всего исторія съ тѣмъ же Рубаникинымъ. Онъ въ первый день велѣлъ наемному кучеру запрячь лошадей къ церкви, а кучеръ напился пьянъ; генералъ вышелъ во дворъ—пи души: всеъ батраки до обѣда засѣли въ есауловскомъ кабакѣ. Опъ за ворота—а за воротами бродятъ безъ пастуха его инанскія овцы и всеъ перемѣшались, бараны съ матками и ягнятами. Что же бы вы думали? А? отвѣчайте!

— Самъ запрягъ бѣговья дрожки и поѣхалъ за кучера?

— Именно, угадали! а овецъ поручилъ-было пасти горничной дѣвушкѣ, живущей у него за экономку; но и тутъ вышла бѣда: та разобидѣлась и затѣяла отойти отъ него!

Бывшій тутъ юноша, изъ либераловъ, разсмѣялся.

— Такъ по-вашему это вздоръ? вздоръ?—закричалъ рассказчикъ.

— Разумѣется, плѣвое дѣло. Эка мученики! — замѣтилъ либераль: — разъ въ жизни самому въ деревнѣ запрячь лошадей. Подумаетесь: развѣнчанные Наполеоны на островѣ святой Елены! Людовики шестнадцатые въ цѣпяхъ!

— Я продолжаю! — яростно крикнулъ рассказчикъ: — я продолжаю о Перебѣченской.

— А!—крикнулъ либераль и захохоталъ:—о Перебѣченской, о сей человѣколюбивой волчицѣ, съ надпиленными нынѣ когтями? Продолжайте, намъ пріятно!

Рассказчикъ, въ которомъ читатель, вѣроятно, узналъ смѣшеннаго нѣкогда предводителя, защитника Перебѣченской, оторопѣлъ отъ злобы и негодованія; но чувствуя, что и у него шальное время пообточило зубы и надрѣзало когти, смолчалъ, набилъ себѣ трубку папой-крюномъ, затянулся до тошноты, улыбнулся и, пуская дымъ, продолжалъ мрачнымъ и сдержаннымъ басомъ:

— Господа, наше сословіе распадается, гибнетъ! Но что случилось съ этою бѣдной Перебѣченской? До чего ее унизили, разорили! Я не узналъ ее, воротившись изъ высылки въ другое мое имѣніе.

— Какъ такъ?—спросили слушатели.

— Вы знаете, я всегда къ ней былъ особенно расположенъ. Изгнанная изъ Сырта, она продала домъ въ городѣ и переѣхала-было къ себѣ на хуторъ, думая извернуться, прикупить еще земельки и повести хозяйство. Размѣстила она людей по избамъ; однихъ изъ нихъ поставила въ батраки, другихъ—въ должности къ дому. Тутъ еще воротили ей изъ бѣговъ нѣсколько человѣкъ ея бродягъ, какъ-то двухъ бабъ изъ Астрахани, парня-кузнеца изъ Москвы. Дѣло же наше по доносамъ Тарханларова затихло по случаю манифеста о волѣ. Что же бы вы думали? Тутъ явился этотъ нашъ доморощенный агитаторъ, зашелъ изъ Терновки къ ней на хуторъ, и какъ вы, господа, полагаете? объяснилъ всѣмъ ей людямъ разныя статьи положенія по-своему.

Тѣ сговорились, да на-дняхъ бросили ея дворъ и ушли всѣ до одного въ свои батрацкія избы, требуя земли, воловъ и, вмѣсто дворовой службы, трехдневной барщины мужчинамъ, а двухдневной — бабамъ, такъ какъ они числятся крестьянами.

— Что же! Это по закону! — сказалъ либераль: — а вы думаете какъ?

— Но посудите о Пелагеѣ Андреевнѣ, о ней посудите! — кричалъ бывший предводитель, будто не разслыша послѣднихъ словъ: — плотники бросили ея столярню, гдѣ ей кресло дѣлали; кузнецъ-парашника бросилъ кузницу и также требуетъ поставить его на хлѣбопашество; то же самое и съ бабами: и тѣ бунтъ затѣяли. А о дѣвкахъ нечего и говорить...

— Что же красныя дѣвушки? — отозвался либераль, хихикая: — ихъ бы этакъ розочками посѣчь, рѣяшками, и дѣло въ шляпѣ, усмирились бы.

— Представьте, — продолжалъ рассказчикъ еще мрачнѣе: — всѣ дѣвки Перебѣченской сговорились и вдругъ... бросили се въ одну ночь. Однѣ бѣжали къ овцамъ, другія къ женихамъ, въ батрацкія хаты и въ сосѣднія имѣнія, ушли въ служанки, пвеи, кухарки, прачки и кружевницы. Даже, представьте, вѣрная Паланка — и та бросила Перебѣченскую и ушла въ городъ съ какимъ-то солдатюгой.

— Ай, батюшки! Что же она не требуетъ дѣвокъ? — спросилъ либераль.

— Бѣдная Пелагея Андреевна изъ силъ выбилась. Звала всѣхъ обратно, становому жаловалась, новому предводителю. Ничто не взяло. Не тѣ люди теперь стали... Да-съ! И представьте!.. сама теперь ѣсть себѣ варить, кухню перевела въ домъ, сама стряпаетъ и горькими слезами обливается. Два раза даже посуду сама мыла и воду, сказываютъ, черпала изъ колодца во дворѣ. Просто Содомъ и Гоморра!..

— Странно! — отозвался либераль: — отчего же эта барыня не приѣѣдетъ къ найму постороннихъ людей?

Отставной предводитель остановился среди комнаты и съ грустной улыбкой посмотрѣлъ на всѣхъ слушателей:

— Слышите? Она? Приѣѣдетъ къ найму? Да это кремень-женщина, съ характеромъ древнихъ героевъ. Она скорѣе погибнетъ отъ всякихъ огорченій и обидъ, чѣмъ усту-

нить хоть крупицу своего достоинства! Она—честь и украшеніе своего сословія. А считать легко въ чужихъ карма-нахъ. Отчего не палимаешь? А зачѣмъ вся эта перемѣна? Намъ служили и работали даромъ... Поневолю потеряешься... Воиъ, нашъ патріархъ, Борисъ Николаевичъ! Вѣдь не вы-несъ. Шестьдесятъ лѣтъ хозяйничать, сидя въ креслѣ, при-казанія раздавать и не вѣрилъ толкамъ о волю. А прѣхалъ становой съ манифестомъ, онъ какъ всталъ съ кресла, за-матался, грохнулся объ полъ и духъ воиъ! И такихъ жертвъ у насъ не мало-съ...

Либераль подонелъ, посвистывая, къ окну. Хотя санжю-лотъ въ дунѣ, но въ то же время самъ богатый человѣкъ, онъ позволялъ себѣ вообще быть спокойнымъ и не стѣ-нялся. Его ненавидѣли, но боялись и даже порою заиски-вали его расположенія.

— А Палашка, Палашка, — возглашала рассказчикъ: — эта вѣрная, преданная служанка!

— Ну?—отозвались нѣкоторые.

— Представьте. Какъ ушла съ солдатомъ въ городъ, да и не возвращалась долго. О ей измѣнѣ въ особенности скор-бѣла Перебѣченская. И что же бы вы полагали? На-дняхъ къ крыльцу ея на хуторѣ подкатили съ бубенчиками трой-кой тарантасъ. Кучеръ съ павлиньимъ перомъ. На гривахъ лошадей ленты. Изъ тарантаса вышли молодые, разодѣтые: дѣвка и солдатъ, прямо изъ-подъ вѣнца. Это и была-съ... была сама Палашка, съ своимъ суженымъ! Чуть Палашка съ мужемъ вошла въ домъ къ ней, солдатюга и брякнуть: «Сударыня, позвольте у васъ взять сундукъ съ вещами и съ платьемъ моей жены». — Какой сундукъ?—спросила Пе-ребѣченская: — у нея ничего этого и въ заводѣ не было! «Какъ можно, сударыня!—отозвалась Палашка: — я повому предводителю стану жаловаться! Мало вы надъ нами издѣ-вались! Голодомъ насъ морили, безъ бѣлья цѣлые годы во-дили. Я у васъ два года на свои деньги обувалась. Я ли вамъ еще не служила?» Перебѣченская на это вскрикнула, зашаталась и упала въ обморокъ... Вотъ до чего мы до-жили. Скоро чернь заберетъ страшную силу, благодаря сво-имъ коноводамъ.

— Не вѣрю!

— Не вѣрите? мы зато вѣримъ и все понемногу обяза-водимся оружіемъ, револьверами и прочимъ.

— И этому не вѣрю!

— А это что?—спросилъ ораторъ, вынимая изъ кармана револьверъ.

Хозяинъ дома, гдѣ шелъ этотъ разговоръ, тоже вынулъ пару какихъ-то, еще дѣдовскихъ, пистолей, притомъ заряженныхъ.

— Такъ и сию теперь! нельзя! — прибавилъ онъ, отошелъ къ двери и еще тамъ показалъ въ углу палку съ потайнымъ стилетомъ въ ноль-аршинна.

Въ другихъ мѣстахъ толковали нѣсколько иначе. Въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ исправника, удаленнаго-было отъ мѣста вскорѣ послѣ исторіи Тарханларова съ Перебѣченской, но потомъ оправданнаго и вновь допущеннаго къ должности, собирались все недовольные изъ старой уѣздной партіи. Тутъ, между прочимъ, велась большая карточная игра, и разговоры объ эмансипаціи или, попеременно прерываясь восклицаніями.

— Дама бубень.—Піе! — Шестёрка! — Атанде! — Убита! Пожалуйте денежки.

Какъ-то разъ, когда игра между помѣщиками была особенно сильна, кто-то спросилъ.

— А что, господа, слышно про есауловскаго Пугачова? Говорятъ, скверныя вещи въ уѣздѣ у нихъ происходятъ!

Исправникъ оставилъ карты.

— Да, именно скверныя. Я уже десять рапортовъ послалъ губернатору. Но вѣдь вы знаете теперешнее время.

— Кто же, кто коноводъ безпорядковъ въ нашемъ уѣздѣ? добились вы толку?

— Долго я не понималъ, въ чемъ дѣло, и, наконецъ, уразумѣлъ... Въ окрестностяхъ Есауловки, какъ по чьему-то таинственному мановенію, весь народъ окрысился, какъ одинъ человѣкъ... Положеніе толкуютъ по-своему; отказываются отъ добровольныхъ сдѣлокъ съ владѣльцами. Здѣсь сегодня обидѣли барыню! Смотришь, за сорокъ верстъ въ тотъ же день выругали барина, а за пятьдесятъ исколотили чуть не до смерти приказчика. Коноводъ-то есть, господа, да крылья намъ подрѣзаны, завелась мировые посредники; я пишу губернатору, а онъ говоритъ: пусть прежде посредникъ похлопочетъ. Да-съ... Вотъ, когда что посерьезнѣе случится, тогда другое заюютъ...

Что касается до слуховъ, то исправникъ, дѣйствительно,

не ошибался. И долго еще помѣщики тревожно толковали между собою и сообщали, что вотъ, вслѣдъ за возвращеніемъ своимъ изъ Италіи, владѣлецъ Есауловки, князь Мангушко, испыталъ какое-то сильное оскорбленіе отъ своихъ бывшихъ подчиненныхъ, что это дѣло разбиралъ уже мѣстный посредникъ, но что на сходкѣ и того сильно оскорбили крестьяне; что по уѣзду пронеслось имя Ильи Танцура,—сына есауловскаго приказчика; что генералъ Рубашкинъ, сойдясь съ княземъ Мангушко, ночевалъ какъ-то у него, и на нихъ ночью было сдѣлано что-то въ родѣ покушенія на убійство, и при этомъ Илья, вмѣстѣ съ Кирилломъ Безуглымъ, чуть-было не поймался.

Губернскій городъ, наконецъ, узналъ о событіяхъ того уѣзда въ подробностяхъ. Илью Танцура уже прямо называли коноводомъ всѣхъ своеволій крестьянъ.

— Новый Стенька Разинъ! Стенька Разинъ появился у насъ! — передавали съ ужасомъ другъ другу обыватели губернскаго города, гдѣ, какъ водится, жизнь своихъ же уѣздовъ понимали менѣе жизни иного города Ботофого на Рио-де-Жанейро.

— И въ тѣхъ самыхъ поволжскихъ мѣстахъ, гдѣ дѣйствовали Пугачовъ и Разинъ! — добавляли другіе: — Есауловка ихъ гнѣздо!

— Что же слышно о немъ? Каковъ онъ и какъ зовутъ этого агитатора? — допытывались дамы.

— Илья Танцуръ; онъ сынъ приказчика въ Есауловѣ. Говорятъ, что онъ въ косую сажень ростомъ, съѣдаетъ по цѣлому барану и выпиваетъ чуть не по ведру водки. А наружностью, такъ сущій Пугачовъ: окладистая черная борода, ястребинный взоръ и ожесточенъ, какъ самъ Емелька. Наконецъ, правда ли, нѣтъ ли, а увѣряютъ, что, скрываясь въ хуторахъ за Авдулиными-буграми, научая всѣхъ и принимая депутаціи, онъ объявилъ себя пророкомъ...

— Быть не можетъ! Пророкомъ? Какъ Магометъ? — спрашивали, замирая отъ страха, дамы.

— Именно, какъ Магометъ! Народъ къ нему идетъ на поклоненіе, онъ сидитъ за столомъ передъ книгой о волѣ, всѣхъ допускаетъ къ рукѣ, красная лента у него черезъ плечо. По ночамъ онъ развратничаетъ, а днемъ рѣшаетъ

сомнѣнія всѣхъ, кто къ нему приходитъ. Говорятъ, что отцы ведутъ къ нему дочерей, мужья женъ, а братья сестеръ...

Дамы съ ужасомъ затыкали уши и поднимали глаза къ небу.

— Вся подкладка его характера, — пугливо ораторствовалъ какой-то прїѣзжій, въ кабинетъ губернатора:—вся личность этого Ильи Танцура—двойникъ Разина. Это—тотъ же мечъ Божій! Какъ онъ нагло оскорбилъ посредника и какъ хладнокровно закололъ станового! Чужія страданія его забавляютъ; великодушіе ему незнакомо.

— Ну,—перебилъ губернаторъ:—становой живъ.

— Пусть живъ. А посредникъ?

— Отъ посредника я еще ничего не получалъ: видно, надѣется и такъ успокоить околотокъ; а мѣшаться мнѣ пока не позволяютъ инструкціи...

— Все такъ, все такъ. Но этотъ коноводъ—зло опаснѣйшее... Онъ уже устроилъ прямыя и непрерывныя сношенія съ окрестными губерніями; сорокъ пять уѣздовъ уже въ его рукахъ. Ему несутъ хлѣбъ-соль, сборы денегъ...

Губернаторъ всталъ. Онъ давно былъ встревоженъ и раздраженъ, давно хотѣлъ принять какія-то мѣры, но чѣмъ-то все стѣснялся, чего-то боялся, ждалъ. Въ послѣднее время онъ сильно прісмирѣлъ, часто сидѣлъ надъ бумагами, мягче встрѣчалъ посѣтителей, заботливо совѣтовался о разныхъ намѣреніяхъ съ людьми опытными, съ людьми стараго порядка, съ мѣстными практиками, преклонялся передъ временемъ, хоть и ворчалъ на Петербургъ.

«Э... въ видѣ нищихъ—сюда никто не приходилъ; а объ есауловскихъ дѣлахъ, однако, надо подумать серьезнѣе!»

Онъ позвонилъ, позвалъ своего секретаря.

Вошелъ румяный и щегольски одѣтый молодой человекъ въ очкахъ, изъ правовѣдовъ. Въ его рукахъ была пачка газетъ.

— Насчетъ Есауловки отъ посредника еще ничего нѣтъ?

— Ничего-съ...

— Страшно!

Губернаторъ сталъ медленно ходить по кабинету.

— А вы какъ полагаете? Продѣлки этого, какъ его, Ильи Танцура—пустиaki, что о нихъ посредникъ умалчиваетъ и все еще не сдаетъ дѣла мѣстной полиціи? Согласитесь сами:

взлѣзть на балконъ, на трубу; не можетъ же быть, чтобъ приказчикъ это сочинилъ!

— Осмѣлюсь доложить вашему превосходительству, — началъ молодой человекъ, поправляя очки, выпрямляясь и стараясь придать себѣ какъ можно болѣе достоинства, спокойствія и благородной смѣлости и откровенности: — до меня дошли еще другіе, болѣе важныя, слухи... Извѣстный-съ итальянскій агитаторъ Гарибальди черезъ своихъ эmissаровъ давно уже старается взволновать Венгрію, Грецію и славянскія земли въ Турціи... Ну-съ, по секрету объявляютъ, что его портреты съ недавняго времени въ громадномъ количествѣ привезены, какъ слышно, черезъ Азіатскую Россію, на Кавказъ, а оттуда въ Крымъ, на Донъ и сюда въ низовыя губерніи...

— Какъ, вы полагаете, что между Гарибальди и нашими мѣстными мятежниками есть солидарность? Это забавно!

— Имѣю ясныя подозрѣнія, — продолжалъ совершенно спокойно секретарь.

— О, это ужъ слишкомъ! — перебилъ губернаторъ.

— Очень радъ, ваше превосходительство, что на ваше сомнѣніе могу отвѣчать фактомъ. Вездѣ, по Дону и здѣсь внизу, по Волгѣ, съ весны еще народъ ожидаетъ со дня на день прибытія нѣкоего гетмана Загребайлы... Понимаете-съ? Загребайлы... Это и есть Гарибальди! Этотъ гетманъ Загребайло, по толкамъ народа, теперь за моремъ, пока освобождаетъ, дескать, итальянцевъ, потомъ побѣдетъ пѣмцевъ и турокъ, освободитъ славянъ... а тамъ...

Губернаторъ остолебѣлъ.

— Надо принять строгія мѣры, — сказалъ гость-помѣщикъ: — иначе послѣ не расплатитесь...

— Вотъ вамъ и должность наша! — рѣшилъ губернаторъ, разставя руки. — Что новаго въ газетахъ?

— Вездѣ толкуютъ о крестьянскихъ мятежахъ, о насиліяхъ, уиорствѣ...

Губернаторъ позвонилъ. Вошелъ жандармъ.

— Поѣжай, попроси г. Тарханларова ко мнѣ. — Надо дѣйствовать! — сказалъ губернаторъ уходящему гостю: — что дѣлать, не мы виноваты.

Не успѣлъ губернаторъ успокоиться, какъ къ вечеру къ его квартирѣ подъѣхали разомъ два нарочныхъ верховыхъ,

съ пакетами отъ становаго и отъ посредника. Въ обоихъ пакетахъ доносилось о новыхъ безпорядкахъ въ Есауловкѣ и въ окрестностяхъ и испрашивалась присылка войскъ.

XV.

Князь Мангушко также наконецъ воротился.

Что же въ это время случилось съ Ильей Танцуромъ?

Въ Есауловку весной, съ первою навигаціей, черезъ Триестъ, Дунай и Одессу воротился, наконецъ, старый князь Ыблоковъ-Мангушко. Живя зиму въ Италіи, на берегу моря въ Генуѣ, князь занимался живописью, ходилъ въ кофейни читать газеты и болтать о политикѣ, волочился за шляпницами и цвѣточницами, носилъ костюмъ двадцатилѣтняго юноши и нѣсколько лѣтъ сряду копировалъ масляными красками дюжинный ландшафтъ какого-то туземнаго артиста изъ римлянъ и ждалъ только новыхъ денегъ изъ Россіи, чтобы переѣхать въ Сіену, гдѣ, по слухамъ, жилъ другой артистъ, бывшій въ модѣ по случаю рисованія, въ особомъ, однако, видѣ, обнаженныхъ женищъ. Ни изъ кіевскихъ имѣній, ни изъ Есауловки денегъ, однако, не приходило. Князь какъ-то зашелъ въ мастерскую своего учителя-живописца и вдругъ услышалъ отъ него такую новость:

— *Tiens, mon cher prince!* Вы читали una телеграмма изъ Россіи?..

— Какую?

— *Vous serfs, vous serfs*, ваши рабы, освобождены, наконецъ, однимъ почеркомъ пера... Вашъ императоръ издалъ третьяго дня въ Петербургѣ великую хартію свободы двадцати миллионовъ вашихъ крестьянъ.

Князь кинулся въ кабинетъ для чтенія и въ маленькой мѣстной газеткѣ, дѣйствительно, прочелъ въ телеграммѣ, переданной изъ Петербурга въ Парижъ, извлеченіе изъ манифеста о крестьянской волѣ. Читальная зала бібліотеки была полна. Болѣе сорока угрюмыхъ лицъ, уткнувшись въ итальянскія и французскія газеты, хранили мрачное и краснорѣчивое молчаніе.

«Русскіе!»—подумалъ князь, и подъ его ложечкой почувствовалось легкое давленіе.

Въ тотъ день онъ не ходилъ гулять въ общій садъ, даже

не обѣдалъ и выпилъ множество шипучей воды. На другой день, вмѣсто артистическаго визита въ Сіену, онъ сосчиталъ послѣднія деньги, скромно выѣхалъ въ Триестъ и черезъ двѣ недѣли въ какомъ-то отставномъ мундирѣ, вмѣсто недавней художнической куртки, сурово стоялъ въ Кіевѣ въ соборѣ, понавѣ туда случайно на одинъ официальный праздникъ и на молебствіе, причемъ, впрочемъ, ему дали мѣсто въ кругу губернской знати. Кіевскія имѣнія не улыбнулись князю. Доходы оттуда были давно исчерпаны за годъ впередъ. Онъ поспѣшилъ въ Есауловку, такъ какъ незадолго передъ тѣмъ въ ней произошла извѣстная кража въ домѣ и ожидалась большая сумма за продажу партіи пшеницы, скопленной приказчикомъ Романомъ въ нѣсколько дешевыхъ лѣтъ.

Князь явился въ Есауловкѣ, какъ снѣгъ на голову. Домъ найденъ въ порядкѣ, хотя былъ не тощень. Наскоро протопили и освѣжили сперва двѣ-три комнаты. По совѣту Романа, къ сосѣду въ Конскій-Сыртъ поскакать гонецъ съ записочкой отъ князя, что тотъ проситъ у Адріана Сергѣича Рубашкина позволенія съ нимъ познакомиться, пріѣхать къ нему и на первое время дня четыре или болѣе погостить у него. Рубашкинъ поспѣшилъ къ князю, увидѣлъ передъ собою сморщенного, но розоваго, сладенькаго, изнѣженнаго и веселаго, съ бѣлыми волосами, старичка. Рубашкинъ его разглядывалъ. У князя весьма подозрительно дрожали нѣжныя ручки; голубые, небесные глазки были нѣсколько мутны; во время походки одна нога будто отставала отъ другой, а голова порою сама собой покачивалась, какъ у алебастроваго котѣнка. Старички нашли другъ въ другѣ много общаго и тотчасъ сошлись, даже цустились въ откровенности. Оба оказались одинаково либеральны, считали, что лучшіе изъ дворянъ продали свое сословіе и, хихикая, рѣшили, что теперь остается имъ только перепрыгивать съ одной лѣдины на другую, спасаясь въ общемъ наводненіи, и только, пока есть огонь въ душѣ, развлекаться насчетъ женщинъ.

Князь Мангушко переѣхалъ въ есауловскій домъ. Явилась наемная прислуга. У конюшни показались молодцоватые конюхи. У кухни задвигалась бочка съ водой, запищали подъ рукой повара невинныя куры, взревѣли телята и овцы. На поварскихъ столахъ бойкую дробь забили надъ

котлетами и паншетами вновь очищенные ножи. Наемный изъ города лакей разнёсиль возлѣ крыльца платья барина. Приказчица Ивановна, ни жива, ни мертва, суетилась въ буфетѣ. Романъ Танцуръ выбивался изъ всѣхъ силъ, чтобы угодить князю.

Тутъ-то и началась исторія. Рубашкинъ вечеромъ сидѣлъ у князя. Они ожидали милыхъ гостей. А тѣмъ временемъ въ саду въ потемкахъ ходили двѣ тихія фигуры: Илья и Кирилло. Илья давно добивался случая повидаться съ княземъ, объявить ему обо всемъ, что онъ знаетъ о своемъ отцѣ, но Романъ его бы не допустилъ. Кирилло тоже хотѣлъ проситься на оброкъ, а его заставляли работать съ крестьянами. Пріятели рѣшились попозднѣе, когда приказчикъ уйдетъ, явиться къ князю и лично добиться дѣла. Вдругъ они увидѣли впотьмахъ, у рѣшотки дома, двухъ дѣвушекъ, подкрались и подслушали ихъ рѣчь. Кирилло узналъ Фросю. Дѣвушки ушли на крыльцо. Дверь за ними щелкнула. Приказчикъ сошелъ въ контору. Огни въ домѣ стали погасать. Свѣтилось только окно въ спальнѣ князя, близъ балкона, во второмъ ярусѣ дома.

Кирилло зашипѣлъ отъ ярости.

— А! Фроська, подлячка! узналъ ты ее?

Въ умѣ Ильи мелькнулъ первый вечеръ его возврата домой, голубятня, стоны и та же Фрося. Пріятели переждали и рѣшились подсмотреть за дѣвушками: Кирилло взлѣзъ на балконъ по трубѣ къ окну спальни, съ цѣлью заглянуть въ окно. Илья ждалъ внизу. Ихъ засталъ Романъ и крикнулъ караульныхъ. Они убѣжали. Романъ будто бы видѣлъ и Илью. Эта сцена сильно напугала и князя, и Рубашкина.

«Вѣдь они могли насъ убить!»—рѣшили они и дали знать о дерзости Ильи посреднику.

Черезъ два дня изъ-за Авдулиныхъ-бугровъ явился бо-соногий чужой мальчишка и принесъ въ контору записку, писанную карандашомъ, отъ посредника, такого содержания:

«Приказчику села Есауловки. Прошу созвать къ барскому двору все общество бывшихъ крестьянъ помѣщика князя Мангушки на завтрашній день съ утра. Мировой посредникъ Раловъ».

Мальчишка ткнулъ записку въ руки Романа и исчезъ. пока тотъ успѣлъ прочесть ее и собраться съ мыслями.

Романъ былъ пораженъ. Прочтя записку, онъ кинулся на-верхъ къ князю. Черезъ пять минутъ въ Сыртъ опять поскакалъ верховой, и Рубашкинъ явился снова.

— А, каково? — шепталъ князь, давая ему записку посредника:—«прошу» вмѣсто «приказываю», и кому же, мужику? И потомъ, какъ ядовито: бывшихъ крестьянъ князя? Какой-то Раловъ! Да это забавно! Записка по такому важному дѣлу на клочкѣ дрянной бумажки и карандашомъ. Да это терроръ!

— И фамилія какая скверная! Раловъ!—перебилъ генералъ:—какой-нибудь нищій!

Рубашкинъ прочелъ записку и плюнулъ.

— Ему жалуются на разбѣи, негодянъ лѣзутъ въ окна, а онъ пишетъ въ контору! Нѣтъ, это безчестно, подлю! Я къ министру буду писать. Завтра я у васъ непременно буду опять, чтобы все видѣть.

— О, пожалуйста, ваше превосходительство!

Рубашкинъ уже съ весны не останавливалъ никого, когда его титуловали по-генеральски.

Рано утромъ Рубашкинъ уже явился къ сосѣду и засталъ его за стаканомъ кофе, еще неумытымъ, въ ермолкѣ и халатѣ.

— Вы еще нѣжитесь?

— Да-съ! День будетъ, надо полагать, тяжелый...

— А что? Развѣ этотъ, какъ бишь его, Раловъ скоро будетъ?

— О, нѣтъ еще! Куда имъ, этимъ молокососамъ. Я думаю, еще спитъ. Тѣлько для форсу съ утра требовалъ сбора людей. Развѣ къ вечеру будетъ. Не хотите ли чаю или закусить?

Князь потянулся, позвонилъ. Въѣхалъ Власикъ и не своимъ голосомъ крикнулъ: «Посредникъ ѣдетъ!»

— Вотъ-те и на!

Пріятели бросились къ окну, изъ котораго было видно, какъ толпа мужиковъ у воротъ задвигалась. Издали, версты за двѣ, по кособору спускалась коляска четверней.

— Однако, коляска!—сказалъ князь:—такъ они у васъ въ коляскахъ ѣздятъ!

Крестьяне заранѣе одинъ за другимъ сняли шапки. По зеленой луговинѣ отъ двора навстрѣчу посреднику поскакалъ приказчикъ Романъ.

— Это зачѣмъ? — спросилъ Рубашкинъ: — а, понимаю! вѣрно пригласить его прямо къ намъ.

Князь кинулся одѣваться. Рубашкинъ, оставшись одинъ, спустился въ залу и сталъ передъ зеркаломъ, принимая разные внушающія положенія. Въ это время за воротами раздался стукъ колесъ, но коляска къ крыльцу не подъѣзжала. Рубашкинъ пошелъ сперва въ переднюю, потомъ въ кабинетъ. Тамъ уже стоялъ князь. Князь глянулъ на Рубашкина: на генералѣ явились звѣзда и фракъ. Рубашкинъ глянулъ на князя: на князѣ звѣзды не было, но онъ также облекся во фракъ и бѣлый галстухъ и нацѣпилъ на себя заграничный орденъ какого-то овна дѣвы, полученный имъ за жертвы въ пользу иностранныхъ богадѣленъ. Пріятели были въ сильномъ волненіи. Въ окно было видно, какъ посредникъ у воротъ вышелъ изъ коляски съ письмоводителемъ, какъ крестьяне скромно отвѣтили на его привѣтствіе, и онъ тотчасъ сталъ опрашивать крестьянъ. На немъ были: бѣловатое драповое пальто и старенькая, помятая фуражка. Письмоводитель былъ тоже въ старой шинелькѣ.

— Что же это? — спросилъ князь: — они, кажется, идутъ подъ амбаръ?

Въ комнаты стремглавъ вбѣжалъ приказчикъ, крича лакею:

— Столъ посреднику, стулъ и чернильницу!

— Ты-то чего мечешься? — шепнулъ ему сердито Рубашкинъ: — отчего къ князю не идетъ?

— Не можемъ знать-съ; говорятъ: я не въ гости пріѣхалъ, а по дѣлу; кланяйся имъ и скажи, что я прошу ихъ придти и при обществѣ объявить все, чтобы крестьяне знали, что я посредникъ, а не гость князя.

— И это онъ сказалъ при всѣхъ?

— При всѣхъ.

Князь и генералъ переглянулись.

— Вы пойдете туда? — спросилъ Рубашкинъ.

— А вы?

— Нѣтъ, вы скажите.

— Нѣтъ, вы.

Словомъ, пріятели остались, угрюмо усѣлись во фракахъ у окна и не пошли на слѣдствіе посредника о безпорядкахъ въ Есауловкѣ. Изъ окна была видна у амбара куча народа и столъ, за столомъ передъ бумагами на стулѣ по-

средникъ. Онъ говорилъ, вставалъ, садился. Былъ слышенъ отвѣтный гулъ голосовъ. Изъ дверей конюшни, изъ оконъ и изъ-за угловъ кухни и другихъ зданій вездѣ торчали взволнованныя лица любопытныхъ. Тутъ были и выпущенные изъ острога музыканты, и нѣсколько призванныхъ нарочно въ свидѣтели жителей сосѣднихъ имѣній. Власикъ взобрался на крышу амбара и оттуда съ другими ребятишками также слушалъ, что говорилось на той небывалой сходкѣ. Илья Танищуръ и Кирилло стояли въ толпѣ крестыянъ. Романъ стоялъ съ письмоводителемъ за стуломъ посредника. По приказанію князя, верховой поѣхалъ въ Сыртъ за Саддукѣвыми. Посредникъ не въ первый разъ уже явился убѣждать есауловцевъ покориться новому положенію. Потравы луговъ, рубка лѣса и всякія послушанія продолжались. Посигательство Ильи и Кириллы на спокойствіе князя въ ночь, когда ихъ застали у балкона, клало мѣру терпѣнія посредника. Долго онъ высчитывалъ вины общества, долго горячился, кричалъ, даже охрипъ и грозилъ все дѣло передать земской полиціи.

— Это ты всему зачинщикъ! — сказалъ онъ, наконецъ, Илья и прибавилъ: — сотскіе! взять его и отправить въ станъ. Пусть съ нимъ съ первымъ вѣдается полиція!..

Илья выступилъ.

— Коли отецъ мой и тутъ гонитъ меня, — сказалъ онъ: — такъ я молчать не буду. Онъ погубилъ отца моей невѣсты, доносилъ на меня, что я съ ворами лазилъ въ домъ барина, теперь донесъ, что видѣлъ меня опять ночью у балкона, выставляетъ, что я людей смущаю, не такъ законы имъ читаю. Православные, полно батькѣ моему надъ нами властвовать, кровь нашу пить, сбѣгъ людей черезъ становыхъ, да на васъ жаловаться! Ваше высокоблагородіе! я ребенкомъ бѣгалъ отъ изверга нѣмца, а нынче весной уходилъ отъ отца родного. Воротился я всю правду про него сказать. Былъ въ судѣ дорогою, просьбы моей не приняли, не такъ написана; былъ у станового, и тотъ не принялъ. Знайте же вы, я про отца своего теперь при людяхъ говорю: онъ съ помѣщицей Перебѣченскою фальшивыя ассигнаціи въ Нахичевани покупалъ, да послѣ распродалъ; тѣмъ они и обогатились. А доказать мои слова могутъ: помѣщикъ Хутченко въ острогѣ, горничная Перебѣченской фроси, что у генерала Рубашкина въ ключницахъ пани-

мается, и одинъ армянинъ въ Ростовѣ, Халатовъ. Этотъ знаетъ и ту книгу, гдѣ барыня эта съ отцомъ моимъ расшвысалась въ получкѣ тѣхъ ассигнацій.

— Ваше высокоблагородіе! велите ему замолчать!—вскрикнулъ Романъ, чуть помня себя отъ злости и испуга.

— Это ко мнѣ не относится, — сказалъ разсѣянно Радовъ:—а впрочемъ, г. писмоводитель, запишите все это.

Писмоводитель кинулся писать.

Толпа молчала.

— Это все ты скажешь передъ судомъ. — обратился опять посредникъ къ Ильѣ: — а теперь за то, что черезъ тебя вся деревня волнуется, иди подъ арестъ. Сотскіе, взять его!

Илья осунулся назадъ.

— Не трогайте его,—загудѣла толпа:—онъ правду говоритъ; мы всѣ за него.

Посредникъ глянулъ: всѣ лица были блѣдны, глаза опущены къ землѣ.

«Эге-ге, — подумалъ посредникъ: — да какой же я былъ болванъ, что до-сихъ-поръ съ нимъ нѣжничалъ, потерялъ столько времени, когда всѣ прямо его считаютъ коноводомъ»...

Онъ началъ-было опять кричать, грозить. Писмоводитель вырубилъ его.

— Видите, какое здѣсь село: напрасно вы тутъ скромничаете, — шепнулъ онъ ему: — эта деревня была заброшена. Народъ тутъ незабитый, смѣлый, такъ вотъ всѣ и стоятъ щетиной, букой. Посмотрите на ихъ морды: волки, звѣри! Тутъ безъ становаго вамъ не обойтись. Совѣтую приказать послать за нимъ нарочно...

Посредникъ услышалъ кругомъ себя ропотъ толпы, крикнулъ ей: «Молчать!»—и когда крестьяне черезъ выборныхъ отказались даже подписать протоколъ сходки, повторяя, что пока князь не смѣшитъ приказчика Романа, до тѣхъ поръ они не пойдутъ на работу, онъ прибавилъ:

— Г. писмоводитель, пишите повѣстку къ становому! Пусть онъ заставитъ ихъ опомниться. Я не выйду отсюда до тѣхъ поръ, пока васъ силой не заставятъ слушаться меня и выдать Илью.

Въ это время тихо подошелъ къ толпѣ подлѣхавшій на бѣговыхъ дрожжахъ и запыленный Саддукъевъ. Подоидя

къ посреднику, онъ поклонился ему, разспросилъ его, сначала не взявъ въ толкъ, въ чемъ дѣло, но потомъ отозвалъ его въ сторону.

— Извините меня! — сказалъ онъ: — вы не выдержали. Одумайтесь, будьте хладнокровнѣе. Смотрите сами на эти лица: какіе же они звѣри? Васъ сбиль писмоводитель, переждите, не дайте вмѣшаться въ это дѣло полиціи. У васъ немалыя силы въ рукахъ. А иначе вы надѣлаете такого, что и сами не будете рады.

Посредникъ обидѣлся и отвѣтилъ:

— Я знаю, что я дѣлаю! Терпѣнье мое лопнуло. И то мнѣ совѣстно передъ губернаторомъ и передъ всѣмъ этимъ околоткомъ.

Черезъ четверть часа одинъ изъ сотскихъ поѣхалъ въ станъ съ повѣсткой. Посредникъ, забывъ роль, сидѣлъ у князя, и всѣ ругали наповалъ крестьянъ.

— Оставайтесь, господа, почевать у меня! — сказалъ князь гостямъ: — мнѣ скучно, да теперь и не совсѣмъ безопасно, а становой будетъ только завтра.

Весь вечеръ хозяинъ и гости то подходили къ окнамъ, то выходили на крыльцо, прислушиваясь и приглядываясь къ тому, что дѣлается въ селѣ. Власику велѣли растопить каминъ въ портретной галлерей и тамъ сѣли ужинать. Есауловка заволновалась. Въ сумерки среди нея показалось много постороннихъ лицъ изъ другихъ слободъ. Они явились узнать новости о заѣздѣ посредника. Всѣ тихо шушукались, глядѣли на барскій домъ. Кабакъ, сверхъ ожиданія, былъ пустъ. Тревожныя кучки народа ходили по улицѣ, садились подъ хатами, у воротъ, у церквей, и къ ночи всѣ столпились у двора Ильи. Илья съ вечера воротился въ свою хату на Окиниѣ. Всякаго новаго, подходившаго къ его двору, окликали словами: кто идетъ? — Казакъ! отвѣчали подходившіе. Бабы и дѣти заперлись по своимъ хатамъ. Въ избѣ Ильи свѣтился огонь.

— Что тамъ дѣлается у него? — спрашивали тѣ, кто стоялъ, за тѣснотою, на дворѣ.

— Царское положеніе читаетъ со стариками народу про посредниковъ и про становыхъ.

— Да памъ же читалъ посредникъ.

— То подложное. Тамъ главныя страницы вырваны. А

на самомъ посредникѣ царскихъ знаковъ нѣтъ; онъ только кричитъ, ничего не поймешь, да бородой ковыляетъ.

На дворѣ зашумѣли.

— Идетъ, идетъ съ книжкой.

— Кто?

— Самъ Илья Романычъ.

Илья вышелъ изъ хаты. Сзади его держали фонарь.

— Православные!—сказалъ онъ, кланаясь на всѣ стороны:—старики согласились и положили не сдаваться. Мнѣ что? отстоите меня, спасибо; нѣтъ, голову за васъ положу.

— Будь спокоенъ, не выдадимъ тебя. Какъ можно! Всѣхъ пусть берутъ!—загудѣлъ народъ.

Илья поклонился опять.

— А съѣчь насъ не полагается. Приѣдетъ становой, просите; не послушается, не сдавайтесь. Силой станеть брать, гоните его понятыхъ. Что намъ теперь? Мы вольные... А чтобъ лучше столковаться, пойдемъ за свободу въ поле.

— Пойдемъ, пойдемъ!—заговорили есауловцы, а съ ними авдулинцы, чередеевцы, савинскіе и прочіе поселяне и посланцы отъ разныхъ селъ и хуторовъ, между которыми находились и старые знакомцы Ильи, сапожникъ и квасникъ. Они особенно благоговѣнно его слушали, съ трепетомъ въ толпѣ произносили его имя, восторженно выхваляя его народу.

Огромная толпа двинулась впотьмахъ къ Кукушкинымъ-кучугурамъ. Есауловка вдругъ стихла. Кое-гдѣ только отзывались собаки, жалобно въ потемки лая въ ту сторону, куда пошелъ народъ.

— Ну, слава Богу, затихли!—сказали про себя князь, гости и приказчикъ, засыпая въ разныхъ мѣстахъ:—завтра будетъ становой; онъ ихъ уйметъ сразу и окончательно. Еще бесѣдовать думаютъ съ мужичьемъ, кротостью брать!

Заря застала Есауловку такою же тихою. Всѣ мирно спали. Спалъ въ своей хатѣ и Илья Танцуръ, крѣпко обнявъ напуганную Настю, которая одна въ цѣломъ селѣ не спала, прислушиваясь къ дыханію Ильи, приглядываясь къ его усталому, блѣдному и изнуренному лицу, и при занимающемся разсвѣтѣ думала многое, многое, повторяя про себя: «ахъ ты, бѣдный, бѣдный! Завязалъ ты себѣ глаза отъ свѣта божьяго. Пропали наши головунки; пропала и моя доля навѣки. Не видала я счастья; не видючи и въ гробъ

лягу!» Но кромѣ Насти не спалъ еще одинъ человѣкъ въ Есауловкѣ, именно флейтистъ Кирилло Безуглый. Какъ друга Ильи, его всѣ теперь уважали, заискивали въ немъ. Онъ лежалъ на нарахъ въ общей квартирѣ музыкантовъ и думалъ: «ишь ты, какъ Илья-то силы забралъ. Князь тутъ, ждутъ станowego, а онъ съ Настей перешелъ себѣ въ свою хату, да и баста. Сила-человѣкъ. Попрошу его отнять Фроську у Рубашкина; и ужъ коли захвачу пропащую дѣвку, забью до смерти. Пусть знаетъ, какъ я люблю ее и какъ измѣнять мнѣ!»

XVI.

Бунтъ.

На другой день есауловскіе крестьяне на работу не вышли. Десятскій ходилъ по селу нахмуренный и для виду усовѣщевалъ всѣхъ. Онъ зналъ о ночномъ сборищѣ крестьянъ за слободой и донесъ обо всемъ Роману, а тотъ князю. Князь и Рубашкинъ перепугались; посредникъ тоже погрузился въ мрачное раздумье.

Становой въ тотъ день не прѣхалъ, а явился на слѣдующее утро, въ праздникъ. Народъ смутно прохаживался послѣ обѣдни по улицѣ. Не было слышно ни громкихъ разговоровъ, ни пѣсень. Даже дѣти не играли подъ хатами. Становой былъ тотъ самый юноша, который когда-то прѣзжалъ въ Конскій-Сыртъ. Какъ у всякаго другого станowego, и у этого противъ новыхъ мировыхъ учрежденій въ душѣ уже было предубѣжденіе. Рубашкинъ его сразу не узналъ. Онъ пополнѣлъ, былъ смѣлѣе, ходилъ переваливаясь. Представившись князю, онъ сказалъ, что всѣ эти волненія чепуха и что въ его станѣ никогда не было, да и не будетъ болѣе такихъ выходовъ со стороны черни. Выразился, что если г. посредникъ уже вспомнилъ его, то онъ сразу уймется толпою негодяевъ, опросилъ созданныхъ сотскихъ, узналъ, что понятые изъ окрестностей еще съ вечера готовы, и, добродушно покуривая трубочку, велѣлъ нарѣзать добрые пучки розогъ и привести ко двору Илью Танцура, а съ нимъ и Кириллу Безуглаго, по указанію приказчика, главныхъ коноводовъ затѣяннаго движенія. «Кстати же Илью еще подозреваютъ въ поджогѣ хутора Перебѣченской и въ разбитіи съ товарищами этана подъ Ростовомъ, откуда

онъ, вѣроятно, самъ увелъ и дочку покойнаго каретника Перебѣченской. Я его возьму-таки, отправлю въ острогъ, а для внушенія другимъ еще выѣску при всѣхъ!»

Сотскіе кинулись исполнять приказанія становаго. Князь, Рубашкинъ и самъ посредникъ вздохнули свободнѣе.

— Не лучше ли эту грустную экзекуцію произвести вамъ въ другомъ мѣстѣ, а не во дворѣ князя?—сказалъ Рубашкинъ становому:—знаете ли, какъ то неловко; это напомнить бывшее... теперь не такая пора... надо оставлять неподволь старыя привычки... притомъ же праздникъ, народъ раздраженъ...

— Извольте-съ!—весело отвѣтилъ на все готовый юноша и, по совѣщаніи съ Романомъ, приказалъ собрать виновныхъ на барскомъ хлѣбномъ току. Рубашкинъ еще до приѣзда становаго послалъ къ Садукѣву записку такого содержанія: «приѣзжайте скорѣе, прошу васъ, къ князю; останетесь, можетъ-быть, и ночевать у него; да захватите кстати мое ружье и пистолеты». Романъ въ новомъ сюртукѣ внесъ на подносахъ съ лакеемъ закуску становому. Въ домѣ настала тишина.

— Не отложить ли лучше до завтра?—спросилъ князь Рубашкина:—народъ, чернь, эти негры, можетъ-быть, перепились, набуяняютъ вдвое, сдѣлаютъ насиліе, сюда кинутся...

— О, помилуйте!—перебилъ становой, услыхавъ слова князя и осушая третью рюмку водки:—вотъ какъ я всыплю главнымъ буянамъ по-нашему, знаете-съ, по былому, розогъ такъ по триста, да при этомъ раза по два водой отолью, такъ вздоръ-то у нихъ изъ головы выйдетъ...

— По триста! Mon Dieu!—шепталъ въ ужасѣ по-французски князь, не покидая софы и грѣясь подъ кучею мягкихъ плѣтчатыхъ пледовъ.

— Имъ не впервые. Это не Италія-съ, гдѣ Венеры купидоновъ на картинахъ алыми цвѣточками сѣкутъ. Не бойтесь...—прибавилъ становой и громко разсмѣялся.

— Люди готовы-съ!—сказалъ Романъ, показываясь въ дверяхъ.

— Идемъ!—рѣшилъ становой и, проходя мимо Рубашкина, шепнулъ ему:—князь меня видитъ въ первый разъ: если все къ вечеру будетъ какъ рукой снято, потрудитесь насчетъ благодарности.

— О, будьте спокойны!

Становой ушелъ.

Въ домѣ и во дворѣ стало еще тише. Князь, не измѣняя положенія, мрачно посматривать по залѣ. Въ головѣ его невольно мерещилась кроткая Генуя, его длиннобородый учитель живописи, сборы въ Сіену и непобѣжденная копія ландшафта. Рубашкинъ подошелъ къ окну, въ которое было видно, какъ по улицѣ къ току бѣжали, вѣроятно, послѣдніе изъ запоздалыхъ любопытныхъ видѣть раздѣлку становой съ ослушниками воли посредника. Даже паемный лакей не шелъ принимать со стола закуски, а стоялъ у крыльца и также напряженно посматривалъ за ворота.

— Я схожу взглянуть съ бельведера въ трубу!—сказалъ Рубашкинъ князю:— не видно ли этой картины отсюда? Только странно, что Саддукѣвъ до сихъ поръ не является. Не проѣдетъ ли онъ прямо на токъ?

Рубашкинъ пошелъ наверхъ. Но какъ онъ ни наводилъ трубу съ бельведера, тока не было видно: онъ былъ скрытъ за церковью. Рубашкинъ спустился во второй ярусъ дома и сталъ ходить по комнатамъ, выбирая окно, изъ котораго можно было бы видѣть токъ. Но отсюда токъ былъ еще менѣе виденъ за верхушками деревьевъ. Адріанъ Сергѣичъ снова спустился въ кабинетъ, собираясь распечь князя за то, что главное мѣсто сельскихъ работъ у него не было видно изъ дома. На порогъ кабинета явилась блѣдная и растерянная фигура: то былъ Саддукѣвъ. За нимъ обрисовался на порогъ Романъ; на приказчикъ лица не было...

— Что вы надѣлали?—сказалъ Саддукѣвъ, бросая шапку на столъ и забывъ даже поклониться князю:—ахъ, что вы надѣлали!

— А что?—спросилъ Рубашкинъ.

Саддукѣвъ сталъ обтирать лицо.

— Я къ вамъ бѣжалъ цѣлую версту. Вы меня вызвали и не написали зачѣмъ; я увидѣлъ сборище людей на току и прямо туда подѣхалъ. Спасибо вамъ, ужъ и удружили.

— Что же тамъ? Пожалуйста, безъ обиняковъ!—перебилъ его Рубашкинъ.

— Что тамъ? Очень просто: бунтъ, да уже теперь, поздравляю васъ, настоящій!

Саддукѣвъ перевелъ духъ и глянулъ на стариковъ: князь и генералъ стали блѣдны, какъ мѣль.

— Я подоспѣлъ туда, становой кончилъ уже угрозы и

брань. Народъ стоялъ между скирдами; понятые по бокамъ. Главные виновники впереди, то-есть Илья, Кирилло и Власикъ. «Ну-съ, а теперь розогъ!» крикнулъ становой. Понятые зашевелились. Положили прежде Власика и стали его сѣчь. Мальчишка молчалъ. Народъ тоже молчалъ. Но когда становой приказалъ раздѣвать Илью Танцура, нѣсколько голосовъ отозвалось: «да за чтѣ же это? коли его сѣчь, такъ сѣките и всѣхъ насъ!» Становой разгорячился, перваго попавшагося сѣздитъ въ зубы, крикнулъ понятымъ: «взять Илью, положить и сѣчь!» Тѣ было двинулись, а есауловцы на нихъ. «Нѣтъ, стой, ребята! Тронете его, такъ и свои бока берегите!» Произошла свалка. Сперва народъ напиралъ на понятыхъ, потомъ сотскихъ стали нажимать. Я все порывался было впередъ, думая образумить станового: куда! Тотъ, весь красный, махалъ руками, ругался, наконецъ, схватилъ за грудь Илью, крича: «ты разбойникъ, поджигатель, бунтовщикъ! въ капдалы его!» Толпа ожесточилась. «Всѣхъ насъ бейте! всѣхъ насъ рѣжьте! всѣ въ Сибирь готовы идти, а Ильи не выдадимъ! Что мы за бунтовщики? Не тронь его, а не то и тебѣ не сдобровать!» Становой остановился. «Что стоишь, мерзавецъ!—спросилъ онъ Илью:—попался, теперь не уйдешь! Понятые не возьмутъ тебя, я возьму! меня не тронешь, я царскій».—«Не смѣешь, ваше благородіе: не за что! вѣдь и я царскій!» отвѣтилъ Илья.—«Въ зубы его, сударь!» кричалъ сзади станового Романъ: «своими руками я бы его придушилъ!» Илья оглянулся на отца и громко сказалъ: «батько, берегись! ты воръ: царя обворовалъ. Православные! али выдадите?» Становой обратился къ понятымъ и сотскимъ: «если вы его сейчасъ не возьмете, вотъ вамъ Богъ—всѣ въ Сибири будете!» Но тутъ въ толпѣ кто-то крикнулъ не своимъ голосомъ: «не тронь его! Ребята! бей! на осину его, въ колодезь! огня къ барскимъ хоромамъ!» Что дальше было, я не могу уже себѣ дать отчета...

— Упаси насъ, Господи, и помилуй!—простоналъ у дверей приказчикъ, утирая расшибленный високъ: — конецъ свѣту пришелъ!

— Произошла невѣроятная свалка!—продолжалъ Садукѣвъ:—все перемѣшалось, и виновные, и понятые, и все село. Я отшатнулся съ конемъ на поводу въ сторону. Вдругъ слышу, возлѣ меня баба оретъ: батюшки! станового бьютъ!

Я бросилъ и коня, кинулся впередъ, силась всей грудью протѣсниться. Толпа разотупилась... Изъ средины оя выскочилъ, въ разорванномъ сюртукѣ и безъ галстука, становой. Я не безъ страха подошелъ къ нему. Произо одно мгновеніе. «Спасите меня!» шепнулъ онъ, вѣща фуражку: «тутъ надобно войско»... Я указалъ ему мою лошадь. Онъ быстро вспрыгнулъ на нее, толпа не успѣла опомниться и онъ ускакалъ, куда? я и самъ не знаю; вѣроятно, въ станъ, съ цѣлью извѣстить обо всемъ губернатора»...

Князь вскочилъ съ софы. Плѣды разлетѣлись по ковра.

— Это ужасъ, ужасъ! На становаго подняли руки! Мы пропали! О, Боже, что намъ дѣлать? Посмотрите, не идутъ ли они сюда! Люди, Романъ, смотрите въ окна, запирайте двери, ворота, ставни...

— Оружіе мое привезли? — спросилъ Саддукѣва Рубашкинъ.

— Извините, не взялъ; я не ожидалъ такого исхода дѣла. А впрочемъ, располагайте мною; я готовъ идти уговаривать народъ. Но извините меня, господа, болѣе вы сами виноваты. Г. посредникъ обидѣлся упорствомъ сходки, не выждать, послалъ за полиціей; вы сами, князь, не пошли на сходку, гдѣ одно присутствіе ваше...

— Ну, ужъ извините! Благодарю васъ за совѣтъ. Жизнь мнѣ дороже, и я предпочитаю на вашъ либерализмъ смотрѣть издали...

— А я съ г. Саддукѣвымъ совершенно согласенъ! — сказалъ со вздохомъ посредникъ: — я сдѣлалъ олібку и, кажется, несправимую. Нечего дѣлать: надо требовать войско. Становой тоже, вѣроятно, напишетъ объ этомъ. Пожалуйста бумаги.

— Войско? — спросилъ Саддукѣвъ: — да пустите меня къ народу; дайте имъ успокоиться сегодня, а завтра я готовъ съ ними говорить.

— Э, милый мой, — сказалъ Рубашкинъ: — дѣлайте свое дѣло въ Сыртѣ и не мѣшайтесь здѣсь.

Саддукѣвъ вспылить и долго еще говорилъ съ посредникомъ.

Посредникъ задумался, взялъ перо и долго не рѣшался писать къ губернатору.

— Если вы не напишете, мы напишемъ! — сказалъ ему сухо Рубашкинъ, и онъ сталъ писать.

Въ ночь съ пакетомъ посредника въ губернской городъ поѣхалъ самъ Романъ Танцуръ.

— Мнѣ больше нечего тутъ дѣлать пока! — сказали посредникъ и, печально раскланявшись, также уѣхалъ.

Рубашкинъ остался снова ночевать у князя, а Роману посоветовалъ заѣхать къ Перебѣченской и также ее пригласить къ князю, какъ ближайшую сосѣдку, раздѣлить въ дружеской компаніи общую участь.

Губернаторъ, получивъ пакеты отъ станowego и посредника, обратился за совѣтами къ Тарханларову. Бывшій совѣтникъ, а теперь вице-губернаторъ, Тарханларовъ, прочелъ рапортъ станowego со словами: «Мнѣ сдѣлали насиліе, изорвали на мнѣ мундирный сюртукъ, даже нанесли мнѣ побои, и я едва ускакалъ верхомъ на лошади управляющаго Сырта»,—вспомнить и свой подбитый когда-то високъ и запорошенные глаза, отдалъ обратно губернатору бумаги и сказалъ:

— Да! этотъ парень, Илья Танцуръ, былъ когда-то надеженъ... а теперь... теперь точно, ваше превосходительство, надо послать туда военную экзекуцію. Волненіе растетъ.

Въ Есауловку былъ назначенъ къ выступленію эскадронъ драгунъ, квартировавшій въ сорока верстахъ оттуда.

— А если и это не поможетъ, я самъ туда поѣду,—сказалъ губернаторъ:—и впередъ пошлю артиллерію.

Событія, между тѣмъ, быстро шли своимъ чередомъ.

Прошло три дня послѣ отъѣзда станowego и посредника.

На тройкѣ обывательскихъ прискакалъ въ Есауловку исправникъ, призвалъ стариковъ, выборныхъ и сотскихъ и сказалъ: «наконецъ-то я до васъ опять добрался! согласна ли деревня выдать зачинщиковъ?» — и, получивъ отрицательный отвѣтъ, прибавилъ: «такъ не прогибайтесь же! завтра будетъ войско! я вамъ припомню и понятыхъ у Перебѣченской, и все старое!» и опять ускакалъ.

Народъ началъ тревожиться, сходиться кучками. Въ окрестныя села и обратно скакали лошадьми и окольными проселками за буграми верховые. Въ Авдуловкѣ, въ Карабиновкѣ и въ другихъ особенно-забористыхъ хуторахъ, гдѣ проживали старые бродяги Гриценко и Шуменко, происходили шумныя сходки. Содержатели одинокихъ постоялыхъ дворовъ на большой дорогѣ въ городъ стали задумываться

о безопасности своихъ бочекъ; крупныя побранки и смутный говоръ жалобъ и всякихъ похвалокъ слышались въ шинкахъ, на перекресткахъ и на базарахъ.

Вслѣдъ за Романомъ, который привезъ князю угѣшительныя вѣсти изъ города, въ княжескій домъ явилась въ траурѣ Перебѣченская. Князь ея давно не видѣлъ и сразу не узналъ. Рубашкинъ, гордясь дружбою князя, но случаю нездоровья его сѣятельства взялся хозяйничать въ есауловскомъ домѣ и угощать ту самую барыню, которая годъ назадъ чуть его собственноручно не поколотила на первомъ его знакомствѣ съ провинціей. Домъ князя принимать все болѣе и болѣе торжественный видъ. Перебѣченская, войдя, объявила, что въ ея хutorъ обокраденъ кабакъ.

Есауловцы, между тѣмъ, смѣнили выбранныхъ весною своихъ старшинъ и поставили головою Илью, а его помощникомъ Кириллу Безуглаго. Вечерами они и многіе изъ окрестныхъ селъ сходились къ Ильѣ на совѣты.

— Что намъ дѣлать?—спрашивали они.

— Будетъ чистая воля, а это все обманъ. Батка мой денегъ надѣлалъ, такъ и скрылъ съ княземъ настоящія бумаги.

— А войска? Слышно, на насъ идетъ и конница, и пѣхота?

— Исправникъ только такъ грозитъ. Не за что насъ бить.

— То-то, ты ужъ, Илья Романычъ, того, подумай, какъ намъ себя спасти!

Снова прошелъ день. Любопытство со всѣхъ сторонъ на-пряглось еще сильнѣе. Князь опять сидѣлъ, укутанный пладами, и молча посматривалъ на голубой штофъ залы, на амуровъ и музъ на потолкахъ, на раззолоченную мебель и на разноцвѣтныя стекла оконъ.

«Въ Италію бы опять, въ Италію,»—думалъ онъ:—«да дѣла надо уладить съ этими скотами; денегъ мало будетъ!»

Перебѣченская охала и все шепталась съ Рубашкинымъ, поглядывая въ окна, не идутъ ли на нихъ крестьяне.

По условію, передъ вечеромъ слѣдующаго дня изъ-за Малаго-Малаканца снова прискакали въ Есауловку исправникъ съ разсыльными и письмоводителемъ. Уѣздъ и прежде прославлялъ его за умѣнье подавлять вспышки черпи безъ дальнихъ проволокъ. Ѣдучи по Есауловкѣ, онъ всталъ въ

тарантасѣ, завидѣлъ толпу парней, почтительно скинувшихъ передъ нимъ шапки, вытянулся и, грозя кулакомъ, весь въ дорожной пыли, крикнуть, фдучи:

— Всѣхъ васъ, подлецовъ, въ Сибирь! всѣхъ заporю!..

Есауловцы пуще прежняго бросились совѣтоваться съ Ильей. Его дворъ окружили правильною стражей. Романъ на каурой кобылкѣ метался между барской усадьбой и Сыр-томъ.

Хата на Окниѣ, мечта и счастье Ильи Танцура, стала шумнымъ притономъ нѣсколькихъ сотъ разгоряченныхъ и отуманенныхъ страхомъ, незнаемъ дѣла и негодованіемъ головъ. Съ бельведера дома находчивый Рубашкинъ, князь, барыня и гости стали на нее наводить подозрную трубу, восклицая:

— Видите, видите? Опять къ нему идетъ толпа; съ фонарями ходятъ. Вонъ, это, кажется, онъ вышелъ, что-то опять говорить, всѣ слушаютъ...

Стемигло. Село затихло. По улицамъ точно кто метлой смелъ обычныхъ гуляющихъ по вечерамъ. Огни въ окнахъ свѣтились только кое-гдѣ. Опустѣла и хата на Окниѣ. У двора Ильи, боясь его ареста, смѣнялись только сторожа. Илья Танцуръ остался въ хатѣ съ Настей.

— Прощай, Настенька! — сказалъ онъ: — Богъ не далъ счастливо съ тобой пожить. Погубила насъ доля, да мой отецъ. Войско, слышно, идетъ... Куда-то меня дѣнуть? Напрасно я шель такъ далеко за тобою, отбилъ тебя отъ конвоя. Коли узнаютъ откуда какъ-нибудь, что это я все сдѣлалъ, погорячился, такъ мнѣ еще хуже будетъ; вѣры ни въ чемъ не дадутъ. Вонъ, надо на бумагѣ про все написать, какъ отецъ съ Перебоченской фальшивыми ассигнаціями разбогатѣли. Поджегъ я Перебоченскую, уцѣлѣла проклятая; ушлютъ меня за народъ, такъ хоть чѣмъ-нибудь дойду ее и батьку.

Настя тихо плакала, сиди на лавкѣ.

— Ильяша... оставь эти дѣла... И такъ мы въ грѣхѣ живемъ... бросимъ Есауловку... Сейчасъ же уйдемъ навѣки, съ глазъ отсюда долой! Ильяша! Ты же хотѣлъ въ Молдавію, къ тому трактирщику, помнишь?

— Поздно, Настя. Теперь за міръ надо постоять. Отца-то моего, отца-изверга, да и эту барыню подъ отвѣтъ бы подвести. Они изверги, а я неповиненъ ни передъ кѣмъ. Одно голько: у того дѣда Зинца я силой взялъ денегъ, какъ шель

тебя отбивать. Ну, да я ему ворочу вдвое; у меня вонъ такой же старикъ-было коня укралъ, а отдалъ. Кончимъ тутъ дѣла съ міромъ, уйдемъ... Богъ съ ними, съ этими мѣстами; тогда съ Зинцемъ расплатимся. А теперь давай перо, бумагу, напишу еще самъ про отца и про Перебдченскую; меня возьмутъ, ты отнеси мое письмо къ самому губернатору. Слова мои докажутъ еще тотъ баринъ Хутчѣнко, Фроська и Палашка; грекъ все разыщеть. Лишь бы не отперлись.

Илья сѣлъ писать. Настя сидѣла сбоку и смотрѣла на него. Голова у нея часто кружилась, въ груди сосало. За день передъ тѣмъ она сказала Ильѣ, что чувствуетъ себя беременной.

— Постоѣй, кончимъ все, добьемся правды; пойдѣмъ къ отцу Смарагду. Онъ тутъ за сто верстъ опять на приходѣ и вовсе къ раскольникамъ не передавался; мѣсто лучшее нашелъ. Онъ насъ отмолитъ у Бога и перевычасть.

Илья кончилъ письмо и отдалъ его Настѣ.

— Спрячь за пазуху.

Настя опять кинулась ему на шею.

— Ильюша, голубчикъ! Убьютъ тебя, коли въ Сибирь не сошлутъ... На кого ты меня бросаешь? Ильюша! Не пожили мы съ тобою! А годъ-то назадъ, въ Ростовѣ? Ночи, Ильюша? Нашъ дворъ? Улица? Наши прогулки, какъ я тебѣ стишки читала? Ильюша, оставь эти дѣла; убожимъ, насъ скроютъ.

Настя билась на груди Ильи и страстно, судорожно его обнимала. Плошка въ хатѣ чуть теплилась. Валетка во время второго побѣга Ильи пропадала безъ вѣсти, а тутъ опять явилась. Сверчокъ гдѣ-то трещалъ подъ лавкою.

— Какъ тебѣ, Настя, сказать? Мнѣ что-то вовсе не страшно, какъ подумаю! Что я сдѣлалъ, чѣмъ повиненъ? Меня становому сѣчь не дали. Да вѣдь такъ теперь и сказано. Не можетъ быть, чтобъ за правду истязали насъ, ссылали. Что, въ самомъ дѣлѣ, куражится исправникъ? И на него есть управа. Да хоть бы и войска. Врядъ ли еще ихъ и пошлетъ губернаторъ. Насъ только страшатъ. А меня знаютъ, Настя, и въ губерніи. Тотъ чиновникъ-грекъ, какъ заѣзжалъ сюда, хвалилъ меня при всѣхъ. Я за правду стоялъ тогда на слѣдствіи; меня подкупали и отецъ, и барыня отказаться отъ моей подписи на бумагахъ; я не по-

слушался. Чѣмъ же я еще провинился? Народъ смущаю? Да вѣдь меня выбрали! Ну, міръ приказываетъ, и я говорю. Не будетъ войска; душа моя чувствуетъ, что не будетъ.

Съ надворья кто-то съ силой стукнулъ въ окно. Настя вскочила. Вошелъ Кирилло съ Фросей.

— Какъ, и ты, Фроська?

— Одумалась, бросила генерала; я и не билъ ее.

— Илья, пропали мы! — сказать, входя велѣдъ затѣмъ, десятскій.

— Что такое?

— Войска вступаютъ въ Есауловку; сабли за околнцей звенятъ, кони въ потемкахъ храпятъ; самъ я у винокуреннаго завода слышалъ и побѣжалъ къ тебѣ сюда. Народъ опять собирается.

— Да это и впрямь по насъ стрѣлять будутъ? — спросилъ Кирилло.

Илья, Настя, Кирилло, Фрося и десятскій опять посиѣшню вышли на улицу.

На дворѣ не было эги видно. Мертвая тишина кругомъ. Вдали за Лихимъ, со стороны Конскаго-Сырта, отдавался переливистый лай собакъ; войска вступали внотьмахъ черезъ мостъ оттуда.

Послышались шаги на улицѣ. Кто-то быстро бѣжалъ и съ размаху наткнулся на десятскаго.

— Тише, разобьешь!

— Нешто стеклянный сталъ? Довольно побарствовать: служи теперь и намъ.

— Кто идетъ? — спросилъ Илья.

— Илья Романычъ, идите за околицу войско встрѣчать: міръ зоветъ васъ и помощника. Все уже готово: столъ и хлѣбъ.

— Кирюша, пойдемъ! — сказалъ Илья: — ты вѣдь мой помощникъ.

— А бабъ куда дѣвать?

— Настя, воротись въ хатку и возьми къ себѣ Фросю. Эхъ, Фрося, Фрося! продала-было ты насъ, да хорошо, что одумалась. Не такая ты была прежде; помнишь голубятню?

— Илья Романычъ, голая я ходила у барыни; опять же Кирюшу въ острогъ сажали. А я вамъ по гробъ жизни благодарна, и теперь ужъ моего душеньку Кирюшу ни на кого не промѣняю.

— Ну, иди же съ ней, Настя; знакомьтесь!

Фрося и Настя пошли переулкомъ опять на Окнину.

Два эскадрона драгунъ, сдѣлавъ на рысяхъ нѣсколько переходовъ форсированнымъ маршемъ, подоспѣли въ Есауловку къ сроку, назначенному губернаторомъ и Тарханларовымъ. Въ княжескомъ домѣ не успѣли узнать о приближеніи команды, какъ переднія шеренги драгунъ уже показались въ околицѣ Есауловки.

Старшій дивизионеръ, полный и добродушный майоръ Шульцъ, бывшій прежде не разъ по сосѣдству съ Есауловкой на охотѣ, въ самой Есауловкѣ на охотничьемъ перевалѣ у отца Смарагда, ѣхалъ впереди. На улицѣ впотьмахъ передъ нимъ неожиданно обрисовалась густая толпа народа и что-то бѣлое среди нея.

— Что это?—спросилъ озадаченный Шульцъ, останавливая коня.

— Святая икона и хлѣбъ-соль вамъ, отцы родные, слуги царскіе! — отвѣтило нѣсколько голосовъ впереди крестьянъ, въ томъ числѣ и Илья Танцуръ.

Среди улицы стоялъ наскоро покрытый скатертью столъ, на немъ икона. Старикки поднесли дивизионеру хлѣбъ-соль. Онъ оглянулся: солдаты сзади, снявъ кивера, крестились. Перекрестился и онъ.

— Спасибо вамъ, братцы! — сказалъ весело Шульцъ: — встрѣча ваша христіанская; только и вы по-христіански поступайте. Идите по домамъ и ждите приказаній начальства. Исправникъ тутъ?

— Тутъ. Слушаемъ, батюшка! Слушаемъ, ваше высокоблагородіе! Мы васъ знаемъ; не разъ видали. Не обидьте насъ.

Эскадроны тихимъ шагомъ стали вступать въ Есауловку.

«Что за странность?—подумалъ Шульцъ, пріятно предвидя близкій отдыхъ отъ ускореннаго непріятнаго пути: — извѣщаютъ о бунтѣ, а крестьяне встрѣчаютъ насъ такіе покорные».

Конь подъ майоромъ отрадно хралѣлъ и фыркалъ, чувствуя скорую дачу овса. Шульцу также рисовался въ умѣ вкусный ужинъ у князя. Съ другого конца села влетѣлъ съ колоколами въ то же время становой. Онъ вѣрно рассчиталъ срокъ прихода войска и ѣхалъ теперь спокойно. Въ окнахъ княжескаго дома замелькали огни. Въ пространныя,

пышныя горницы вступило еще нѣсколько помощниковъ Шульца, все молоденькихъ офицеровъ. Тутъ же откуда-то вынырнулъ и франпузикъ Пардоннэ съ краснымъ носикомъ, сахароваръ князя. Компанія составила большая. Подали закуску передъ ужиномъ.

Исправникъ и становой узнали, между тѣмъ, отъ молодыхъ офицеровъ о встрѣчѣ крестьянами войска съ хлѣбомъ и солью и вспыхнули.

— А вамъ-таки наше мужичье и демонстрацію сдѣлало?— спросилъ исправникъ флегматическаго дивизионера.

— Какую?

— Будто не понимаете? Жаль, что меня тамъ не было!

— Сотскихъ! — крикнулъ нарочно во все горло исправникъ, выйдя со становымъ на крыльцо.

Сотскіе, стоявшіе тутъ же, подошли.

— Теперь ужъ розогъ! Да побольше! — возгласилъ съ крыльца еще громче исправникъ:—сейчасъ отправиться въ сосѣдніе байраки и привезти оттуда, по крайней мѣрѣ, три воза розогъ, да самыхъ добрыхъ! Слышите?

— Слушаемъ.

Въ полночь по Есауловкѣ проѣхали къ барскому двору три воза розогъ. Мужики всю ночь напролетъ не спали и видѣли это. Зато мирно уснули усталые солдаты, господа офицеры, полиція и князь съ гостями. Перебѣденская избрала себѣ для ночлега бельведеръ.

Давно разсвѣло. Въ гостиной еще спали въ повалку всѣ гости. Вошелъ приказчикъ Романъ и тихо тронулъ за плечо генерала.

— Чтѣ тебѣ?—спросилъ изъ-подъ одѣяла Рубашкинъ.

— Вся деревня-съ, всѣ мужики, забрали до зари бабъ, дѣтей и стариковъ и съ возами, имуществомъ и скотомъ выступили въ поле. Таборъ протянулся большущій. Отецъ Иванъ ихъ уговаривалъ, не послушались. Былъ бы отецъ Смарагдъ, навѣрное ихъ уговорилъ бы. А мы съ конюхами съ колокольни на все смотрѣли въ поле.

— Куда же это они выступили?

— Самъ не знаю-съ. Посылалъ я это вскорѣ послѣ верхомъ вѣрнаго лазутчика по кабакамъ тутъ поблизи узнать. Такъ онъ догналъ ихъ уже за Авдулиными-буграми. Они стали тамъ, между Емелькиными-Ушами и Горбами-Стенькиными, въ долину лагеремъ и говорятъ, что пусть ихъ не-

ребьютъ, а они въ Есауловку болѣе не воротятся, Ильюшки не выдадутъ, бумагъ никакихъ не подпишутъ и уйдутъ за Волгу, въ Киргизскую орду, на вольныя степи. Окружились возами, ходятъ съ косами, съ топорами; бабы, дѣти и все добро ихъ внутри табора, а у иныхъ и ружья въ рукахъ. Къ нимъ пристали уже кое-кто изъ авдулинцевъ, хуторскіе разные. И коноводъ надъ всѣми продово отродье, мой Ильюшка. Ходить въ красной рубашкѣ промежъ возовъ и всѣмъ заправляетъ. Къ вечеру ждуть еще подмоги изъ Карабиновки, хотятъ опять сняться и переправиться за Волгу противъ Емелькиныхъ-Ушей. Карабиновскій помѣщикъ уже въ городъ уѣхалъ съ дѣтьми.

— Слышите?—крикнулъ Рубашкинъ и вскочилъ.

Всѣ спавшіе также проснулись. Нежданныя вѣсти о выступѣ есауловцевъ всѣхъ изумили. Поднялись десятки предположеній. А на бельведерѣ гости нашли Перебѣченскую уже у подзорной трубы. Она указывала костлявыми пальцами вдаль и предлагала всѣмъ смотрѣть въ трубу, въ которую, дѣйствительно, ясно былъ виденъ вдали, верстъ за десять, между зеленыхъ холмовъ, въ долину, лагерь крестьянъ, уставленный возами. Среди него дымились костры. Кое-гдѣ въ полѣ мелькали отдѣльные пѣшеходы.

XVII.

Бѣлая Арапія.

Исправникъ сказалъ:

— Надо, господа, дѣйствовать, а иначе завтра уже будетъ поздно. Другія слободы могутъ соединиться съ есауловцами; можетъ-быть, у нихъ заранѣе припасено и оружіе, тогда наши два эскадрона съ ними не справятся. По рапорту становаго, губернаторъ мнѣ далъ самыя строгія предписанія. Время смутное. Прикажите, маіоръ, сѣдлатъ лошадей, пока мы еще потолкуемъ.

Поглаживая черные, громадные бакены, Шульдъ поклонился, вышелъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія. Перебѣченская покинула бельведеръ, распустила розовый зонтикъ, взяла налочку и пошла на улицу.

— Смотрите же, голубчики, солдатики, эскадрончики, не выдайте насъ!—лепетала она, обходя кучки солдатъ:— ужъ

коли велѣтъ покорить бунтовщиковъ, такъ покоряйте, какъ слѣдуетъ.

Вахмистръ отдалъ приказаніе майора. Солдаты стали выводить и сѣдлать лошадей. Возлѣ церкви, у воротъ священника, у значка ходилъ часовой. Тамъ и здѣсь стояли сложенные въ козлы ружья. Вышли на улицу изъ княжескихъ воротъ, въ бѣлыхъ, чистенькихъ кителяхъ, въ новенькихъ фуражкахъ и съ новыми часовыми цѣпочками на груди, молодые офицеры. Заложивъ руки въ карманы брюкъ и изрѣдка раздавая приказанія отъ себя, они стали тихо прохаживаться вдоль улицы, разсматривая церковь, опустѣлые хаты и дворы. Отецъ Иванъ, позванный къ князю, сумрачно съ дычкомъ пошелъ въ домъ. Исправникъ съ сигарой вышелъ къ офицерамъ, поболталъ съ ними и опять озабоченно ушелъ въ домъ, прибавивъ шопотомъ:

— Однакоже, господа, вы примите мѣры, чтобъ у всѣхъ солдатъ ружья были заряжены, какъ слѣдуетъ. Можетъ-быть, придется... вѣдь дѣло не шуточное... пять селъ взбунтовалось...

Офицеры взялись подъ козырьки и проводили исправника, съ которымъ всѣ были знакомы и не разъ играли съ нимъ въ карты, словами:

— Слушаемъ-съ! Только насчетъ грознаго боя напрасно пугаете. Все кончится пустяками; этого Илью вамъ выдадутъ головой; ему и его пріятелямъ вы припишете къ вечеру ижицу, есауловцы вернутся домой, князь на радости задастъ имъ пиръ, а вы должны намъ устроить здѣсь завтра же охоту на лисицъ и волковъ: говорятъ, въ байракахъ здѣсь ихъ тьма.

— Шутите, шутите. Вы еще не знаете русскаго мужика. Это тотъ же звѣрь лѣсной. Не побьешь, онъ тебя побьетъ!

Между тѣмъ, исправникъ, при первой вѣсти о самовольномъ уходѣ есауловцевъ изъ села, послалъ новый рапортъ губернатору съ своимъ разсылнымъ казакомъ. Въ рапортѣ онъ говорилъ, что, вѣроятно, для спокойствія вѣреннаго ему уѣзда придется прибѣгнуть къ оружію, но что онъ постарается еще разъ лично отнестись къ крестьянамъ и уговорить ихъ воротиться по домамъ, и прибавилъ: «Бунтовщики стали таборомъ въ Терновской долині. Ихъ шайка увеличивается изъ окрестныхъ деревень. Я сдѣлалъ обыскъ въ избѣ Ильи Танцура и полагаю, что этотъ бунтъ имѣетъ

основою и воспоминанія о Стенькѣ Разинѣ. Притомъ же ходять въ народѣ еще слухи о нѣкоемъ гетманѣ Загребайлѣ, въ имени котораго нельзя не угадать происковъ Гарибальди. Для блага уѣзда и края я полагаю и надѣюсь взять сегодня же изъ этой толпы Илью Танцура силою и препроводить его на судъ къ вашему превосходительству. Солдаты рвутся исполнить долгъ чести. Заболѣвшихъ во ввѣренномъ мнѣ отрядѣ не имѣется. Исправникъ Тебеньковъ».

Князь Мангушко съ утра, отъ новаго волненія, озябъ и, сѣвъ на софу, окутался, да такъ и не вставалъ. Кругомъ его говорили, ходили, спорили, курили. Онъ молча то поднималъ, то опускалъ бѣлыя, пушистыя бровки, жался болѣе и болѣе въ глубь софы, въ мягкія гарусныя подушки, и повторялъ про себя: «То ли дѣло Италия, Генуя, Сиенна! Море, живопись, цвѣты!» Рубашкинъ также какъ-то осунулся и обрюзгъ. Перебѣченская шушукалась съ отцомъ Иваномъ. Французикъ Пардоннэ не присутствовалъ. Съ утра онъ вдругъ почувствовалъ расслабленіе въ желудкѣ и, забравшись въ контору къ Роману, улегся на его постели, а Иванова, охая о сынѣ и опять сильно выпивъ, ставила ему на животъ припарки.

Молодые офицеры, застегнутые на всѣ пуговики, сидѣли молча, напряженно по стульямъ. Одинъ дивизионеръ, флегматическій и толстый майоръ Шульцъ, добродушно смотрѣлъ на все происходящее и отъ нечего дѣлать то расчесывалъ гребешкомъ свои громадные черныя бакены, то раскачивался на стулѣ и думалъ: «Экіе шуты гороховые! И изъ-за чего они въ набатъ бьютъ, создаютъ невѣдомые страхи. Отъ нашихъ мужиковъ ждутъ теперь разиновщины! Дурачье! Я убѣжденъ, стоитъ только выдвинуться, построиться, скомандовать «заряжай» — и всѣ кинутся въ разсыпную...»

— Вы, кажется, майоръ, не раздѣляете моихъ убѣжденій?—спросилъ его исправникъ.

— У васъ инструкціи; мы же должны исполнять волю начальства и не разсуждать.

Положили сперва попробовать послѣднюю тихую мѣру: отрядить къ бунтовщикамъ парламентаровъ.

— Какая досада, — сказалъ Рубашкинъ: — мой Саддукѣвъ Богъ-вѣсть изъ-за чего съ вечера вчера ускакалъ въ городъ, даже безъ спроса взялъ моихъ лошадей и та-

рантасть. Или онъ письмо какое получили, или такъ. Вотъ былъ бы парламентарь: онъ мастеръ говорить съ народомъ, и его любятъ.

— Не по хорошу милъ, а по милу хорошъ! — перебилъ его исправникъ.

Парламентары, однако, поѣхали за Авдулины-бугры. Это были: исправникъ, Рубашкинъ, отецъ Иванъ и два офицера. Священникъ поѣхалъ на бѣговыхъ дрожкахъ, остальные верхами. Генералъ и исправникъ взяли въ карманы по револьверу. Когда ихъ кавалькада скрылась за селомъ, Перебѣченская подошла къ Шульцу.

Эскадроны стали строиться у церкви. Перебѣченская объявила, что теперь не слѣзетъ съ бельведера и будетъ слѣдить за всѣмъ въ трубу. Романъ опять сѣлъ на каурюю кобылу, опять заметался по селу, ускакалъ въ поле, взѣхалъ на бугоръ и сталъ смотрѣть.

Парламентары ѣхали скоро мимо зеленыхъ луговъ и холмовъ. Дичь и глушь въ эту сторону были особенно суровы и пустынные.

Въ десяти верстахъ отъ Есауловки, въ Терновой долинь, обставленной со всѣхъ сторонъ новыми высокими буграми, на площадкѣ обрисовался лагерь есауловцевъ. Парламентары остановились на окраинѣ послѣдняго отвѣснаго холма, шагахъ въ пятидесяти отъ бунтовщиковъ, бывшихъ подъ ихъ ногами, въ долинь.

— Да! — сказалъ Рубашкинъ, вынимая карманный бинокль: — подлецы ловко стали! Изъ воевъ устроили правильное каррѣ. Скотъ, имущество и дѣти внутри, а они на часахъ по краямъ... Смотрите, дѣйствительно косы, топоры, дымъ; костры разложили, ѣсть варятъ!..

— Проголодались, бестіи! — прибавилъ исправникъ: — ахъ! кабы артиллерія! Вотъ картечью-то брызнуть бы въ мерзавцевъ; какъ овцы кинулись бы въ разсыпную.

— Вонъ, должно-быть, самъ Илья Тѣнцуръ! — сказалъ офицеръ, взявъ бинокль у генерала: — я догадываюсь, что это вѣрно онъ; только вовсе не въ красной разбойничьей рубахѣ; вонъ, посреди лагерь стоитъ, будто распоряжается! рослый такой, окруженъ всѣми...

— Ахъ ты варваръ, шельмецъ! — крикнулъ Рубашкинъ: — и въ самомъ дѣлѣ, онъ, узнаю его; онъ еще въ Сыртѣ мнѣ помогъ. Какъ люди-то мѣняются!

Въ лагерѣ, между тѣмъ, тотчасъ замѣтили появленіе господъ на окраинѣ холма. За полчаса передъ тѣмъ только кончилось укрѣпленіе перваго становища табора. Въ числѣ нѣсколькихъ сотъ взрослыхъ тутъ было человѣкъ восемь съ охотничьими и солдатскими ружьями. Старикки Гриценко и Шуменко привели къ табору своихъ хуторянъ и стали одними изъ главныхъ помощниковъ Илы.

— Да, теперь мужикъ не дешево стать, теперь вздорожаетъ! — говорилъ Гриценко, несмотря на свои годы, хлопота у постановки лагеря. Онъ зналъ, какъ здѣсь нѣкогда жители отбивались отъ татаръ, и взялся руководить устройствомъ перваго стана. Съ шутками и со смѣхомъ всѣ принялись уставлять по его указаніямъ кругомъ себя возы. То тамъ, то здѣсь раздавался плачь дѣтей, вой и причитыванье бабъ. Но мужчины храбрились:

— Лишь бы намъ за Емелькины-Уши пробраться, да на перевозы за Волгу уѣхать. А тамъ уже степями уйдемъ. Отчего не уйти? Кто остановитъ? Тутъ сейчасъ пойдутъ царскія земли, а не пустить туда, далѣе уйдемъ.

— Куда же вы уйдете, безпутные! — причитывала, кашляя, одна старуха: — ой, переловятъ васъ всѣхъ, перевяжутъ и пересѣкутъ.

— Въ Бѣлую Арапію, тѣтка, уйдемъ, коли такъ!

— Да вы сдайтесь, безпутные! — голосила старуха, сидя на опрокинутомъ боченкѣ: — ну ихъ! жили, жили, а теперь броди по свѣту нищими. Ну, куда вы затѣяли, въ какую такую эго Бѣлую Арапію? Гдѣ она?

— На вольныхъ земляхъ за Астраханью, гдѣ рай житье, на рѣчкѣ Бѣлорыбицѣ.

— Да вы меня послушайте, ребята! Мужъ, покойничекъ-то мой, на эту Сырь-Дарью ходилъ. Ну... тьма-тьму-щая народу тогда тоже было поднялась. Ну... не доходя этой Сырь-Дарьи и переселили, воротили, да и дали каждому на дорогу по сту розогъ, а приди домой, опять по сту, да еще въ оба раза и обообрали. Такъ-то и съ этой, съ Бѣлой Арапіей, вамъ на сидѣньяхъ будетъ. Покоритесь, охъ, воротимся; вонъ скотинка цѣлый день не ѣвши стоитъ, дѣтямъ побѣгать, побаловать негдѣ. Куда вы наши старыя кости волочите? Не дожидаться вамъ той воли во вѣки-вѣковъ!

Поднялись-было крики другихъ бабъ:

— Чѣмъ вамъ отбиваться, безумные? Ихъ сила, а вы? Куда вамъ противъ господъ идти?

— Мы вольные теперь! — отозвался Кирилло: — идемъ куда хотимъ, коли тутъ тѣснить, истязаютъ, вотъ что...

— Бабамъ глотки заткнуть! — крикнулъ Гриценко: — а не то Волга не далеко, придемъ, перетопимъ всѣхъ, кто труситъ.

— Идти назадъ! — закричали одни.

— Идти впередъ, сниматься! Сниматься опять, въ походъ! — закричали другіе: — Илья, приказывай!

— Какъ міръ скажетъ, такъ тому и быть! — отозвался Илья: — а я вамъ, православные, не скажъ!

— Да нѣтъ... да ты, Илья Романычъ, самъ скажи, какъ думаешь. Самъ, ничего; вона еще ихъ слушать! — заговорили десятки голосовъ: — оно, конечно, міръ главное... Кто противъ міра? Однакоже, скажи и ты.

— Что, православные! Надо отбиваться и идти впередъ. Тутъ милости теперь не жди; какъ мухъ, насъ теперь передушатъ дома.

— А идти, такъ идти! Поднимайтесь, братцы, запрягай везы, выѣзжай. Гайда впередъ! Эка невидаль!

— Какія войска! — заговорилъ кто-то: — то не войска, ребята, то обманъ опять! Выжига исправникъ савинскихъ понятыхъ переодѣлъ, а городскіе чиповники офицерами переодѣлись. Ей-Богу, такъ! Эка, пугать...

Толпа загудѣла и раздѣлилась на двѣ стороны. Одни настаивали идти впередъ, другіе воротиться.

— Да вы слушайте. Переберемся черезъ Волгу, къ намъ пристанутъ другія села. Вонъ асѣвцы, зеленевцы, головиневцы присылали спрашивать, приставать ли къ намъ?

— Нѣтъ, ребята! — перебилъ Гриценко: — даромъ мы на старости лѣтъ воротились изъ бѣговъ. Мы воли чаяли. А гдѣ она! Аль опять намъ въ бродяги идти, разбѣжаться по волчьимъ билетамъ съ холоду да съ голоду?

— Ой, воротитесь, безумные, да безпутные! — голосила баба на боченкѣ: — не сносить вамъ головушекъ! Эки прыткіе какіе, въ Бѣлую Арапію! А гдѣ она, вольная-то Арапія? На томъ свѣтѣ только и будетъ намъ волюшка братцы, въ могилѣ, вотъ что!

— Ой, не голоси, тѣтка, кишки выпустимъ!

— Впередъ!

— Назадъ!

— Гдѣ капиталы у насъ? Съ чѣмъ идти?

— Богъ поможетъ!

Илья вскочилъ на возъ, замахалъ шанкой и сталъ кланяться. Всѣ затихли.

— Братцы, православные! Назадъ намъ не идти болѣе. Что Богъ дастъ, пойдемте далѣе. Войска тронуть, — отбиваться до послѣдней капли крови.

— Отбиваться, отбиваться! — закричали всѣ.

— Всѣ теперь согласны?

— Всѣ, всѣ!

— Выходите же опять далѣе, запрягайте возы, а стрѣлкамъ идти по бокамъ!

Гуль и шумъ усилились. Всѣ кинулись снова запрягать возы. Небо передъ тѣмъ нахмурилось. Стали сбѣгаться тучки. Вѣтеръ подулъ. Дождь было закапалъ и пересталъ.

Тутъ на обрывѣ косогора появились надъ долиной господа парламентары. Въ лагерѣ ихъ сразу замѣтили, озадачились, стихли многомъ и стали переглядываться. Исправникъ что-то сказалъ отцу Ивану. Священникъ замахалъ съ обрыва платкомъ.

— Цытѣте, цыма-те! — загудѣла толпа въ лагерѣ: — попъ о чемъ-то сказать хочетъ.

— Что вамъ, батюшка? — спросилъ изъ толпы Илья.

— Васъ надули, ребята, образумьтесь! — началъ отецъ Иванъ съ обрыва: — воротитесь, только съ уговоромъ: выдѣйте зачинщиковъ исправнику, — Илью, Кирилу и десятскаго.

— У насъ нѣтъ зачинщиковъ, мы всѣ зачинщики! Коли братъ силой насъ, берите всѣхъ!

— Илью Танцура съ товарищами выдѣйте!

— Не выдадимъ, не выдадимъ! Мы всѣ зачинщики! — ревѣла внизу толпа.

— Бога вы не боитесь, образумьтесь! По васъ стрѣлять будутъ!

— Не выдадимъ, не выдадимъ!

Священникъ вынулъ крестъ изъ-подъ рясы и, поднявъ его надъ головой, пошелъ по откосу обрыва къ лагерю.

— Нейдите, батюшка! — крикнулъ вдругъ Илья: — нейдите, сами не продавайте Бога!

— Выдайте его, ребята! — сказали опять священникъ, не переставая идти съ крестомъ надъ головой.

Въ лагерѣ настала мертвая тишина.

— Убью, батюшка! — крикнулъ Илья и поднялъ ружье.

Исправникъ кинулся къ священнику и остановилъ его.

— Нейдите, отецъ Иванъ, довольно. Тутъ всѣ надежды потеряны.

— Да ихъ бы такъ пустить идти! — сказали офицеры: — пусть бы себѣ шли, вѣдь далеко не уйдутъ! А пылъ остываетъ.

Исправникъ съ злобой проиѣй взглянулъ на офицера.

— Какіе вы, господа, я вижу, еще дѣти. Стыдились бы говорить! Не видите вы, какіе это звѣри?

Офицеръ покраснѣлъ, замолчалъ и сталъ въ бинокль опять разглядывать лагерь. Исправникъ выступилъ впередъ, покричалъ, погорячился, погрозилъ и, наконецъ, объявилъ, что если бунтовщики сейчасъ же не выдадутъ Илья, Кириллы и десяткаго, онъ уѣзжаетъ, явится съ войскомъ, и тогда уже имъ пощады не будетъ.

Въ это время сзади его на холму раздался скакъ лошади. Парламентеры оглянулись: ѣхалъ на каурой кобылкѣ приказчикъ Романъ. Не доѣзжая шаговъ за десять до исправника и другихъ господъ, онъ остановился. Кафтанъ на немъ былъ разстегнутъ, сѣдые волосы развѣвались отъ вѣтра, лицо было въ поту. Разгоряченная скачемъ лошадь не стояла на мѣстѣ подъ нимъ.

— Такъ вы не сдаетесь? — закричалъ Романъ бунтовщикамъ, кружась на лошади и стараясь подогнать ее къ окраинѣ обрыва: — такъ вы все слушаетесь этого подлнца Ильюшки? Ильюшка, будь ты проклятъ за всѣ твои дѣла! Слышишь? Покорись, собака! Не обижай господъ, не мути людей. Идите всѣ вы, сорванцы, къ князю и просите прощенія! А ты, собака Илья, будь проклятъ!

— Коли такъ, батько, коли ты гибели, моей крови захотѣлъ, такъ знайте меня! Православные! болѣе не сдаваться! Пусть насъ бьютъ, рѣжутъ, сѣкутъ саблями! Мы свое дѣло отстоимъ! Всѣ ляжемъ, а не сдадимся. Но съ тобой, батько, у меня другіе счеты...

— Какіе счеты, подлецъ?

— Ты нажился фальшивыми бумажками, царя обокралъ съ той барыней, людей своихъ истязалъ, погубилъ отца

моей невѣсты, скрылъ волю отъ всего села, князя подговорилъ земли намъ не давать и вызвалъ судъ и войско на насъ. Богъ меня съ тобою разсудить за твою клятву, а я тебѣ конецъ положу своими руками. Я тебѣ не сынъ, а ты, христопродавецъ, мнѣ не батько!

Съ этими словами Илья схватилъ ружье, приложился изъ лагеря въ отца, и выстрѣлъ грянулъ.

Исправникъ, Рубашкинъ, священникъ и офицеры въ ужасѣ отшатнулись. Дымъ разсѣялся. Романъ скакать обратно въ Есауловку. Илья промахнулся. Парламентеры вскочили на лошадей и поскакали также обратно. Черезъ часть бунтовщики двинулись далѣе. А въ терновую долину изъ-за Авдулиныхъ-бугровъ стали показываться первыя шеренги идущихъ изъ Есауловки драгунъ.

— Залпъ по нимъ, залпъ безъ разсужденій! — шепталъ, между тѣмъ, Рубашкинъ майору Шульцу, ѣдучи возлѣ него также верхомъ.

А Шульцъ, поглаживая громадныя черныя бакены, лѣниво и стройно покачиваясь на молодцоватомъ, бѣшеномъ и раскормленномъ ворономъ конѣ.

Но вернемся еще разъ въ губернскій городъ, куда ѣхалъ неожиданно Саддукѣвъ.

Слухи о происшествіяхъ въ Есауловкѣ и вообще о томъ уѣздѣ сильно одолевали губернатора. Съ утра онъ велѣлъ никого не принимать, полагая заняться вплоть до обѣда петербургской перепиской. Въ тотъ день отходила почта. Суета затихла. Кого-то лакей и дежурный чиновникъ съ уснѣхомъ выпроводили. Было часовъ восемь утра. Окно кабинета было въ нижнемъ этажѣ дома. Подъ окномъ послышались шаги и сердитый голодъ:

«Тьфу, ты, Полинезія проклятая! Да тутъ не сто лѣтъ, не тысячу, а двѣ тысячи надо прожить, чтобъ добиться толку въ любезномъ отечествѣ!»

Губернаторъ кинулся къ окну и изъ-за шторы узналъ взъерошенную и разобиженную фигуру Саддукѣва. Губернаторъ вспомнилъ, что этотъ оригиналъ по выходѣ изъ гимназіи былъ управителемъ у Рубашкина, значить, соседомъ князя Мангушки по Есауловкѣ, куда пошли войска, и что-то сказало ему, что не даромъ чужакъ къ нему ломился и спорилъ съ лакеями. Губернаторъ быстро открылъ

окно, перевѣсилъ на улицу, завидѣвъ Саддукѣва уже вдали и подозвалъ его.

— Чтѣ вамъ угодно, г. Саддукѣвъ? Вы были у меня? Извините, я занятъ...

— Ахъ, Боже мой!.. Но вы принять меня должны, должны, ваше превосходительство, если не желаете сдѣлаться... притчею во языцѣхъ! Извините, ради Бога, за выраженіе. Я внѣ себя... Полиція, исправникъ готовы сдѣлать въ Есауловкѣ ничѣмъ непоправимое преступленіе...

Губернаторъ иронически улыбулся.

— Ну-съ? Чтѣ же тамъ за чудеса готова сдѣлать моя полиція?

— Минуту времени!

— Пожалуйста, войдите ко мнѣ.

Саддукѣвъ опять ввалился въ сѣни и въ пріемную, скинулъ пальто, толстыя замшевыя перчатки, ткнулъ оторопѣвшему чиновнику въ руки дорожный синий зонтикъ, быстро застегнулся и устремился къ кабинету. Губернаторъ самъ отперъ ему дверь въ кабинетъ.

— Говорите, не стѣсняйтесь!—сказалъ губернаторъ какъ можно спокойно.

Саддукѣвъ наскоро передалъ губернатору обо всемъ, чтѣ произошло въ Есауловкѣ, какъ выѣзжалъ посредникъ, потомъ становой, и какъ становой самъ былъ причиной нанесенныхъ ему непріятностей. Онъ клялся и божился, что преступники въ Есауловкѣ не крестьяне, а сперва посредникъ, потомъ исправникъ и становой, что они выдумали и разсудили ими самими произведенный мятежъ народа противъ властей. Тутъ же онъ изобразилъ трусость Мангушки и Рубашкина, которые увидѣли въ этомъ что-то чудовищно-грозное и кровавое, и заключилъ словами:

— Этотъ мнимый бунтъ — только продолженіе той же исторіи о торговлѣ фальшивыми ассигнаціями Перебѣченской и старика Танцура. Илья для нихъ бѣльмо въ глазу, и они его положили извести во чтѣ бы то ни стало; становой и посредникъ затѣяли тревогу по собственной винѣ, а исправникъ — по старой мести Ильѣ Танцуру за дѣло выѣзда Тарханларова къ Перебѣченской.

Губернаторъ начинать блѣднѣть и кусать ногти.

— Чтѣ же мнѣ, по вашему, надо дѣлать?—спросилъ онъ, не поднимая глазъ.

Саддукѣвъ съ шумомъ всталъ. Его красное лицо было въ поту. Большія, толстыя губы дрожали. Скулы и широкія уши двигались. Сѣрые, выпяченные глаза сверкали лихорадочнымъ огнемъ.

— Ъхать! сію же минуту Ѫхать туда вамъ самимъ! — сказалъ онъ, заикаясь и закидывая назадъ голову.

Губернаторъ позвонилъ.

— А не поздно?

— Не поздно, не поздно еще. Но, ради Бога, скорѣе! — Я поспѣлъ къ вамъ въ одну ночь. А у васъ въ распоряженіи и курьерскія, и помѣщичьи лошади.

Губернаторъ велѣлъ лакею приготовить все къ выѣзду и, отпуская Саддукѣва, сказалъ:

— Мы ѣдемъ вмѣстѣ?

— Согласенъ-съ...

— Вы, я думаю, замѣтили, что я во многомъ измѣнился? — спросилъ губернаторъ.

— Да-съ...

— Вы честный человѣкъ, г. Саддукѣвъ, и я вами совершенно доволенъ.

Были позваны Тарханларовъ и Лазарь Лазаричъ Ангелъ.

— Войска черезъ васъ я такъ поспѣшно послать! — сказалъ губернаторъ Тарханларову: — боюсь, не вышло бы чепухи!

Грека онъ взялъ съ собою, пригласилъ его и Саддукѣва закусить. Коляску подали. Губернаторъ, грекъ и Саддукѣвъ сѣли и покатили, провожаемые съ крыльца злыми и завистливыми глазками щеголя-секретари, пустившаго утку о гетманѣ Загребайлѣ и бывшаго издателемъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей. Лошади были запряжены курьерскія. Впередъ, для заготовки новыхъ смѣнъ обывательскихъ лошадей, поскакали на другой тройкѣ жандармъ.

Ямщикъ гикалъ, охалъ, свисталъ. Четверня неслась въ полную скачь. Пыль густыми клубами далеко оставалась позади коляски. Было часовъ десять утра.

— Успѣемъ ли мы, однако, захватить команду до ея дѣйствій? — спросилъ губернаторъ, не имѣя силъ отбиться отъ разныхъ тревожныхъ мыслей.

— Шхоту, вѣроятно, предупредили бы. Ну, а насчетъ драгунъ, вѣроятія мало захватить ихъ до начала дѣйствій. Еще съ вечера они должны быть въ Есауловкѣ. А сего-

дня исправникъ и прочіе имѣли уже довольно времени, чтобъ снова насочинять себѣ страховъ и рѣшиться на крайнія мѣры!

Два раза уже коляска останавливалась; вмѣсто курьерскихъ лошадей впрягались, при помощи разныхъ веревокъ и ремешковъ, обывательскія, и цѣлыя деревни крестьянъ съ блѣдными лицами хлопотали и возились тутъ, снаряжая далѣе на грустное дѣло губернатора. Имъ изъ поселянъ несмѣло вспрыгивали на козлы и въ сѣдло, суетливо помахивали кнутами, коляска выбиралась опять на зеленые бугры и неслась далѣе и далѣе.

Грекъ, страдавшій въ послѣднее время печенью и желтый отъ того, какъ лимонъ, уставивъ вдаль красивые, грустные и пасмурные глаза, думалъ:

«Не послушались меня, выпустили изъ рукъ Перебѣченскую, но арестовали приказчика Танцура, допустили коня въ исправники Тебенькова,—вотъ и хлопочите, а дѣло, чтобъ ассигнаціяхъ я раскрылъ бы. Да и трехъ живодецовъ техъ, Керабчи, Хутѣнко и Рахилевича, предлагаетъ выпустить теперь на поруки Тарханларогъ,—благо самъ добился хорошаго мѣста!»

Коляска шумно подлетѣла къ дому князя Мангушки. Саддукѣвъ побѣжалъ въ домъ, гдѣ въ залѣ натѣнулся на Перебѣченскую, приготовившую на тарелкѣ горчичники.

— Губернаторъ пріѣхалъ! Гдѣ князь? гдѣ исправникъ, офицеры, войско?

Тарелка выпала изъ рукъ Перебѣченской.

— Князь сильно заболѣлъ, за докторомъ поѣхали.

— А офицеры, эскадроны?

Перебѣченская оправила чепецъ, переложила заново крестъ-на-крестъ платокъ на груди и, поклонясь входившему губернатору, сказала:

— Бунтовщики бросили Терновую долину и пошли далѣе. Илья Танцуръ, во время увѣщаній исправника, выстрѣлилъ въ своего отца. Теперь исправникъ повелъ въ догонку имъ драгунъ.

— Можно видѣть князя?—спросилъ губернаторъ.

— Онъ сильно заболѣлъ.

— Велите скорѣе перепречь лошадей, поѣдемъ!—сказалъ губернаторъ Саддукѣву.

— Да, ваше превосходительство,—заговорила Перебѣчен-

ская: — теперь только на васъ и надежда. Не оставьте насъ, не дайте погибнуть отъ этихъ звѣрей-мужиковъ.

Коляска снова выѣхала за околицу.

Лети во весь опоръ за Терновую долину, губернаторъ впервые въ жизни почувствовать все значеніе мгновений, которыя онъ теперь переживалъ. Стоя въ коляскѣ и съ тоскливымъ волненіемъ смотря въ синюющую даль прибрежныхъ поволжскихъ холмовъ и долинъ, онъ невольно покрывалъ кучеру князя.

— Скорѣе, братецъ, скорѣе.

Мелькали кусты и камни, косогоры, ручьи и овраги. Вотъ Авдулины-бугры, вотъ за ними новая черта туманнаго небосклона. Тучки на небѣ, сирава Волга, слѣва сплошной лѣсъ на косогорѣ, прямо склонъ къ равной парабиновской степи. Слухъ и зрѣніе губернатора напрягались. Ему чудились выстрѣлы; вдали какъ будто мелькали дымы. Коляска летѣла и летѣла. Въ ней стояли замирая отъ волненія, губернаторъ, Саддукѣевъ и грекъ.

— Боже! мы, кажется, спасены! — вскрикнулъ по-французски губернаторъ: — вонъ возвращаются драгуны; вонъ станъ ослушниковъ. А вотъ завидѣли насъ и ѣдутъ къ намъ Рубашкинъ и исправникъ. Ну, погоди же ты, негодяй Тебеньковъ! Увернулся изъ дѣла Перебѣченской, а тутъ ужъ я тебя не пропущу и поблагодарю за тебя Тарханларова.

На душѣ губернатора отлегло. Онъ даже вынулъ лорнетъ и осѣдлалъ имъ носъ, готовясь встрѣтить спѣшившихъ къ нему на дрожкахъ Рубашкина и Тебенькова.

Дрожки подъѣхали. Издали тянулись шеренги драгунъ. Офицеры не отдѣлялись отъ своихъ мѣстъ, не скакали навстрѣчу губернатору.

— Ну, что? — спросилъ губернаторъ исправника.

— Все кончено-съ! — отвѣтилъ Тебеньковъ, вскакивая съ генеральскихъ дрожекъ.

Губернаторъ взглянулъ. Рубашкинъ сурово поклонился; глаза его были красны; самъ онъ былъ не похожъ на себя.

— Какъ кончено? Стрѣляли? — спросилъ, задыхаясь, губернаторъ.

— Стрѣляли! — отвѣтилъ исправникъ: — иначе нельзя-съ было поступать. Дали всего одинъ залпъ, и бунтовщики покорились.

— Есть убитые?

— Восемь человекъ убитыхъ и около двадцати раненыхъ.

.....

— Кто же убитъ?—спросилъ Саддукъевъ.

— Бывшіе впереди! Вы ихъ всѣхъ лично знаете!—подсказала, качая головой, Рубашкинъ: — убиты — Илья Танцуръ и его невѣста Настя, флейтистъ Кирилло Безуглый, десятскій, два старика изъ сосѣднихъ хуторянъ, бывшій прежде въ бѣгахъ съ Ильей, горничная Перебѣченской Палашика и еще какой-то парень, также изъ бродягъ, вернувшихся въ послѣднее время...

Губернаторъ молчалъ.

— Теперь и дѣло Перебѣченской и трехъ ея друзей кончится иначе! — шепнулъ грекъ Саддукъеву: — пронадутъ и мои поиски настрѣтъ ассигнацій! А я было такъ подогнать уже это дѣло.

— Что жъ, господа?—сказалъ губернаторъ:—я полагаю, что иначе нельзя было и поступить. Вѣдь этотъ бунтъ могъ принять нешуточные размѣры!

— Позвольте, ваше превосходительство, осмотрѣть убитыхъ?—спросилъ грекъ.

— Я уже осматривалъ и ничего не нашелъ! — перебилъ исправникъ.

Колиска и дрожки поѣхали обратно въ Есауловку. Раненымъ мятельникамъ точно такъ были оказаны всѣ нужныя пособія. Убитыхъ похоронили на другой день. А вечеромъ того дня, какъ пріѣхалъ губернаторъ, въ княжескій дворъ были созваны усмиренные бунтовики, и губернаторъ долго ихъ услаживалъ, стыдилъ, грозилъ имъ судомъ, обещалъ за полное раскаяніе прощенья имъ помилованія и уѣхалъ, самъ разстроганный до-нельзя.

Исправникъ за дорогую цѣну продалъ Перебѣченской доносъ Ильи, найденный на убитой Настѣ. Перебѣченская вздохнула свободнѣе и на радостяхъ щедро расплатилась съ Романомъ Танцуромъ, хоть при этомъ все-таки его прижала.

Стали дѣлать пріятныя надежды о близкой свободѣ и свидѣнію въ острогѣ Хутченко, Кобабчи и Рахилевичъ. Романъ Танцуръ въпросилъ себѣ у князя раньше срока вольную, приписался въ губернскомъ городѣ въ мѣщане,

перевелъ туда жену, и сейчасъ же занялся огромнымъ подрядомъ хлѣба и дровъ на войска. Рубашкинъ началъ рѣже ѣздить къ Мангушкѣ, затосковать еще сильнѣе по милому сѣверу и съ началомъ осени снова уѣхалъ въ Петербургъ.

Рубашкинъ въ Петербургѣ занимаетъ теперь мѣсто въ одномъ изъ вѣдомствъ, соприкосновенныхъ къ комитетамъ по части реформы не то земскихъ, не то судебныхъ учреждений. Садукѣевъ остался управлять Сыртомъ, дѣтей пристроилъ въ гимназію; сталъ ѣздить къ князю въ Есауловку поиграть въ карты и поболтать отъ скуки. Поговорку о ста годахъ онъ вскорѣ пересталъ вовсе употреблять, потому что, какъ-то присутствуя на полевыхъ работахъ осенью, простудился, схватилъ горячку и, безъ всякаго пособія, въ присутствіи подслѣиватой, глухой и ступившей отъ старости бабы-знахарки, умеръ.

Губернатора къ зимѣ неожиданно отставили. На мѣсто же его назначили совершенно новое лицо изъ университетскаго поколѣнія времени конца тридцатыхъ годовъ. Онъ пріѣхалъ скромно, тихо, объявилъ, что всѣ чиновники могутъ оставаться на своихъ мѣстахъ, лишь бы хорошо и честно служили, заперся въ кабинетъ, сталъ читать всѣ дѣла до последней страницы, и губернія, ждавшая по бывшимъ временамъ баловъ и всякаго блеска и шума, сильно огорчилась. Новый губернаторъ только сдѣлалъ пока два видныхъ дѣла: устроилъ такъ, что Тарханларова отъ него перевели въ другую губернію, а дѣло Перебдченской и трехъ ея пріятелей получило новый и, говорить, грозный для негодневъ ходъ.

1862 г.

ЧУМАКИ.

Изъ путевыхъ замѣтокъ 1856 г. о правахъ и обычаяхъ
украинскихъ чумаковъ.

I.

Зима.

Степныя метели.—Былыя судьбы чумачества.—Чумаки сто лѣтъ на-
задъ.—Разсказъ очевидца, запорожца Коржа.—Анекдотъ о чумакахъ.—
Общій видъ зимы.—Календарь степей.—Святки.—Зимовли воловъ.—
Статистическія данныя.—Зимняя лѣнь.

Иногда въ степи начинается что-то страшное. Въ воз-
духъ не то, чтобы очень холодно и вѣтрено. Однѣ галки
густыми тучами носятся надъ землею и разыгрываются на
метель. Метель начнется, и долго помнить о ней въ степи.
Но на югѣ знаютъ нѣсколько родовъ метелей, украшая ихъ
затѣйливыми названіями. Одна — «мря», когда въ воздухѣ
стоитъ просто непроглядный туманъ, а снѣгъ медленно
опускается влажными хлопьями и за ночь заметаетъ всѣ до-
роги и села. Другая — «шквіря» или «завійныця», когда по
полюмъ, безъ усталы, откуда-то летитъ вѣтеръ и несетъ по
то дождь, не то туманъ, не то снѣгъ, что-то все вмѣстѣ.
Третья — «завиріюха», вдругъ поднимется, сухая и рѣзкая,
кружа цѣлыя горы оледенѣлаго инея, точно избитою въ мел-
кыя блестящія стеклы. Ей иногда предшествуетъ четвертая еще,
называемая «фуга» или «пйша», иѣжная, которая начинается
какими-то странными взлетами птицъ и состоитъ въ томъ,
что по безпредѣльной корѣ гололедицы, укравшей степь,

песутся полосами сухіе, стекольчатые вороха снѣга. Въ такую метель, называемую еще «низовѣю» — потому, что снѣгъ играетъ понижу, по землѣ, — небо обыкновенно стоитъ ясное, безоблачное, все залитое алымъ или синеватымъ отблескомъ. И, наконецъ, «верхняя» или «валовая» метель. Эта уже не путитъ и особенно даетъ себя знать. Медленно, иногда въ нѣсколько дней, соберутся громадные, сѣрые тучи и облигуть небо, точно осадный лагерь какого-нибудь войска. Тучи забѣлбуютъ, сдвинутся плотнѣе; снѣгъ хлынетъ, и весь свѣтъ исчезнетъ. Тогда ни днемъ, ни ночью нѣтъ уже спасенія. Въ сельскихъ церквахъ тогда безостановочно нарочные сторожевые звонятъ въ колокола. Гдѣ есть ружья или домашнія пушки, тамъ стрѣляютъ, время отъ времени, холостыми зарядами. Этими даютъ знать о близости жилья путникамъ. Тогда послѣднимъ обыкновенно, почти въ виду жилья, приходится прибѣгнуть къ извѣстному средству спасенія: остановиться, на произволъ судьбы, и быть засыпану снѣгомъ съ головой, причемъ для дыханія въ снѣжномъ сводѣ пробиваются окно и, чтобы провѣзжіе могли найти засыпанныхъ, сквозь верхній слой выставляется наружу какой-нибудь шестъ. По этому шесту часто находятъ и спасаютъ тѣхъ, которые не имѣютъ силы разрыть заваливаго ихъ сугроба. Быстрота степныхъ метелей непостижима. Однажды, зимой, въ бурю, въ помѣщичьей усадьбѣ готовились ужинать. Дворъ усадьбы, какъ во многихъ безлѣсныхъ южныхъ имѣніяхъ, былъ не огороженъ. Одинокое на равнинѣ стояли домъ, кухня, амбаръ, погреба. Лакей принялъ отъ повара суповую чашу и пошелъ изъ кухни къ дому. Одно изъ оконъ дома свѣтилось. На дворѣ метель становилась шумнѣе и шумнѣе. Хозяйка сѣла за столъ; ждутъ лакея, его нѣтъ. Стали искать, кликать, послали не подалеку верховыхъ. Послѣдніе сами на-силу воротились. На другой день лакея нашли въ ста шагахъ подъ усадьбою, съ суповою чашею въ рукахъ. Онъ сбился съ дороги, между кухнею и домомъ, блуждалъ, пока могъ, сѣлъ подъ стогъ и замерзъ.

Извѣстенъ также анекдотъ о мужикѣ, который ночью, въ метель, наткнулся въ полѣ на увязнувшую карету губернатора и, подѣлхавши къ ней съ возомъ, слѣзъ и постучался въ освѣщенное окно кареты, окликая: «Добрый вечеръ! а что, хозяинъ дома? Пельзя ли перепочевать?» Когда такіе метели приходятъ, взорамъ открываются странныя картины:

исчезнувшія дороги, съ маковками чуть видимыхъ столбовъ, и деревни, засыпанныя буквально отъ заваленки до трубъ. Взойдетъ солнце, и начинается любопытная работа. Украинiecъ, о которомъ говорится, что «его лѣнь родилась прежде его самого», выползаетъ кое-какъ изъ хаты съ лонатою и принимается за рытье норъ и тропинокъ отъ порога къ сажу, гдѣ откармливается кабанъ, къ амбару, откуда жена достаетъ всякіе принасы, и къ калиткѣ въ огородъ, потому что черезъ него идетъ дорога въ шинокъ,—оставляя перѣдко не открытыми ворота, хотя бы отъ этого нельзя было захватить со двора на улицу. Такіе кротовые ходы остаются надолго, пока новая «завирѣха» или отселъ не измѣнитъ ихъ вида. Лѣнивые «домовики» тогда безъ просыпу лежатъ на печи, благо въ хатѣ тепло и подати, оплаченные еще осенью, позволяютъ вольготнo покуривать тютюнъ, выросшій на грядкахъ у сосѣда же. Приди въ такую пору къ хуторянину гость, всѣ ему рады. Только не обезногой хозяина. Въ такую-то пору лѣнивѣйшіе изъ лѣнивыхъ, именно чумаки, уже ровно ничего не дѣлаютъ. Хлѣбopанецъ еще хлѣбъ молотить, ремесленникъ ремесломъ занимается. А чумака что? Основанное на дешевизнѣ подножнаго корма, занятіе его зимою еще потому не можетъ имѣть мѣста, что воловъ почти пугдѣ не куютъ, а безъ подковъ на гололедицѣ раздвоенныя копыта послѣднихъ легко разрываются. Итакъ, что же дѣлаютъ чумаки зимой, въ ожиданіи весны и начала своихъ пустынныхъ переѣздовъ? — Они отдаютъ своихъ воловъ на зимовью по деревнямъ, гдѣ много сѣна, и на винокуренные заводы, гдѣ воловъ откармливаютъ такъ называемою «бардою», остатками теплою хлѣбною жижки. Чумакамъ съ весны нужны волы сильные, въ гѣль, и потому они ничего для нихъ не жалѣютъ и откармливаютъ ихъ до отвалу. Но прежде, нежели мы опишемъ жизнь чумака зимой и для этого коснемся нѣсколькихъ чертъ, въ которыхъ онъ, среди домашняго очага, сближается въ обществѣ съ другими мѣстными сословіями края, — объяснимъ читателю, что такое чумака и какъ составилаcя его самобытная личность. Слово чумака прежде объясняли именемъ чумы, которую будто бы чумаки завозили изъ Крыма, почему и чумную дѣгтярную рубаху они носятъ. Назначеніе рубахи мы увидимъ ниже. Имя же чумака по-татарски значитъ просто перевозчикъ. Чумаки теперь покрываютъ всю Ма-

лороссію. Но они были и въ старину. Объ этомъ, кромѣ общезвѣстныхъ народныхъ пѣсень, изъ которыхъ отрывки мы приведемъ въ своемъ мѣстѣ, свидѣлствуютъ и письменные источники. Въ числѣ печатныхъ свѣдѣній, къ которымъ мы должны здѣсь для полноты очерка прибѣгнуть, г. Скальковский въ «Исторіи Новой Сѣчи или послѣдняго Кона запорожскаго», при описаніи старинныхъ дорогъ и торговли на Украинѣ и Запорожьѣ, между прочимъ, приводитъ много любопытныхъ данныхъ о бывшихъ судьбахъ чумачества. «Въ тѣ отдаленныя эпохи (говоритъ г. Скальковский, пользовавшійся богатствами южно-русскихъ архивовъ), кромѣ вооруженныхъ запорожскихъ отрядовъ, укрытаго въ тѣрнахъ ружья, гайдамаковъ, безчисленныхъ стадъ и табуновъ и кое-гдѣ бѣлѣющей хаты зимовника, ничего не встрѣчалъ путешественникъ. Дорогъ не было, кромѣ «отвѣчныхъ шляховъ» (путей), по которымъ шли караваны за солью въ Крымъ, за рыбою на Донъ и въ Запорожье съ хлѣбомъ и товарами къ Очакову. Эту дорогу именovali въ Польнѣ «Чернымъ шляхомъ», по причинѣ опасностей, сопровождавшихъ путешественниковъ, а въ простонародьѣ «Шпакowymъ», по имени перваго атамала-путеводителя, Шпакъ, умѣвшаго водить чумацкіе караваны по прекраснымъ долинамъ и близъ воды, не заходя въ села и не подвергая чумаковъ опасности въ пустыняхъ. Она, начинаясь отъ Волыни, доходитъ до Умани, а оттуда, по тайнымъ тропинкамъ, по глубокимъ оврагамъ и по берегу степныхъ рѣчекъ, доходила сперва до Балты, послѣ до Ольвиополя и, наконецъ, до Шкипной переправы на Днѣпръ. Другой торговый путь въ степяхъ называли «Муравскою дорогою». Пробравшись по вершинамъ Ворсклы до вершинъ рѣчки Верестоватой, выпадающей въ Самару, идетъ онъ, къ югу, черезъ всѣ почти запорожскія «паланки» до границы, или рѣки «Конскія Воды», и тутъ уже переходитъ на крымскую сторону. Стѣнь запорожская не походила на стѣнь погайскую или уральскую. И въ самомъ дѣлѣ, если какой-нибудь путеводитель Шпакъ, этотъ Патфайндеръ украинской пустыни, пріобрѣтаетъ славу за знаніе тропинокъ и бродовъ, водносовъ и перевозовъ, съ другой стороны и само Запорожье было населено христіанами, уважавшими путника. Здѣсь чумаки находили пристанище у бѣлой хаты «зимовника», обыкновенно стоявшей на берегу глубокой рѣчки, въ

удинениомъ оврагѣ или у вырытаго колодца. Хозяинъ зимовника, запорожскій казакъ, обыкновенно былъ и шинкаремъ-трактирщикомъ; слѣдовательно, безопасность ватагъ чумацкихъ была для него не только долгомъ, но и источникомъ прибыли. Онъ зналъ, что слава добраго зимовника распространяется скоро, не только на Украинѣ, но и за-границею. Но, перенагнувъ за Днѣпръ, у Никитина-перевоза, чумаки мазали свою рубашку и одежду дегтемъ, изъ предосторожности чумы и гадины; заряжали ружье, доставали съ возанику, а на груди вѣшали въ мѣшочкѣ «билетъ» съ «казенною печатью», подписью русскаго пограничнаго чиновника и съ переводомъ ярлыка на турецкій языкъ. Въ погайской стѣнѣ нѣтъ уже ни селя, ни зимовниковъ. Отъ запорожской границы до Перекопской-Ванни не будетъ уже ничего, кромѣ табуновъ и стада татарскихъ. Хорошо еще, если въ какомъ-нибудь аулѣ жить мѣстный ага или мурза: русскій ярлыкъ охранялъ чумака. Но въ голой стѣнѣ погайцы не боялись никого, и зарѣзать двухъ, трехъ чумаковъ, отнять у нихъ скотъ и хлѣбъ—считалось молодецествомъ. А сколько обмановъ на соляныхъ озерахъ, сколько обидъ при Перекопской-Ваннѣ, отъ всякаго рода турецкаго чиновнаго люда, отъ всякихъ «дыздарей», «имамовъ» и «каймакановъ»... Въ «Краткомъ описаніи Малой Россіи», рукописи котораго принадлежитъ въ Одессѣ г. Филипповичу, о странникахъ старой украинской стѣны говорится слѣдующее: «Бѣдючи же на тѣхъ пустоширокихъ стѣнахъ, гдѣ не имѣлось ни единой тропинки, ни слѣду, какъ на морѣ, однако, потянутся ватаги, добро знаючи проходы, съ великимъ опасеніемъ бѣдили. Не имѣя же себѣ чрезъ одинъ и другой мѣсяць огня, единожды въ сутки весьма скудной пищи, толокна и сухарей толченыхъ кушали и, конямъ ржати не допуская, будто дикіе звѣри, по тернамъ и камышамъ крылись. Познавали же на тѣхъ стѣнахъ путь свой, въ день, по солнцу, и по кряжамъ, и по могиламъ; ночь же по звѣздамъ, и вѣтрамъ, и рѣчкамъ». Торговля запорожская дѣлилась на сухопутную и водиную. Водиная была съ Турціей, черезъ Очаковъ, на турецкихъ и греческихъ корабляхъ. Изъ Очакова корабли, получая ярлыки отъ сараскира-пашы, входили въ Днѣпръ до самой Сѣчи, на рѣкѣ Подпольной, гдѣ Текели, въ 1775 г., при разгромѣ Сѣчи, нашелъ цѣлую запорожскую флотилію. Сухопутная шла по стѣнамъ черезъ чумаковъ. Пейсонель, бывшій

консуломъ французскимъ при ханѣ крымскомъ и котораго запорожець Строць и другіе видѣли въ 1760 году, съ ханомъ, въ лагерѣ близъ Днѣпра, такъ писать объ этой торговлѣ въ 1788 г.: «Казакъи украинскіе и запорожцы приходятъ въ Очаковъ, привозя баранье сало, табакъ, спасси, пеньку, русскія полотна, дрова, точильные камни, уголь, сушеную рыбу и рыбій клей и увозя оттуда: греческія и аккерманскія вина, соль, сушеные плоды, растительное масло, мыло, сафьянъ и сѣдла». Изъ перениски запорожескихъ старшинъ, приводимой въ отрывкахъ г. Скальковскимъ, видно, что изъ Крыма и Турціи запорожцы вывозили еще оружіе, свинець, конскія сбруи и другіе предметы, какъ-то: «для гетмана соку лимоннаго и олшвы, прованскаго масла; для гетмана двухъ ослицъ, съ жеребятами, рыбы четыре кодроба». Одинъ изъ старшинъ, получавшихъ подарки при раздачѣ жалованья на Запорожьѣ, какъ говорится въ современномъ донесеніи: «Чѣмъ будучи доволенъ, велѣтъ поднести до нѣскольکو чарокъ водки и, между прочимъ, спрашивая, какія бываютъ въ Сѣчѣ съ Туречины въ привозѣ вина, говорилъ: «Не возможно-ль съ тамошнихъ приморскихъ мѣстъ и изъ Цареграда вывозъ сдѣлать подь осень зовемой по-гречески стриди, а по здѣшнему «устрицы». О чемъ егда отъ толмача объявлено, а намъ на усмотрѣніе далъ верхній «маслакъ» скорлупу». Эти-то первыя потребности, кромѣ притекавшихъ товаровъ изъ Россіи, мѣховъ, сырыхъ кожъ и хлѣба, были, вѣроятно, причиною образованія цѣлаго сословія перевозчиковъ, получившихъ на границѣ отъ турокъ ими чумаковъ. Это тѣмъ болѣе сподручно казакамъ-поселенцамъ, на своихъ зимовникахъ, среди семей, становившихся все менѣе и менѣе воинственными, что, по словамъ конского Григорія Ѳедорова въ челобитной отъ войска Императрицы Елизаветы 1755 года: «Войско запорожское низовое изъ давнихъ лѣтъ и нынѣ хлѣба не наметъ, да въ степныхъ мѣстахъ и весьма малый родъ (урокай) бываетъ». Изъ Крыма везли еще сѣрые смунки, для гетмана «бѣлыхъ верблудовъ», шелковыя ткани, особенно термоламу, которой казаки, идучи на войну, обѣщались привезти своей красавицѣ столько, «чтобъ сверху колокольни достать до земли». Но главнѣе всего, въ этомъ случаѣ, была крымская соль, до-нынѣ первая цѣль всей торговли, производимой чумаками. Теперь чумацкіе возы рѣдко идутъ поро-ж-

някомъ въ Крымъ за солью. Тогда же, при недостаткѣ внут-
ренней торговли съ Россіей, они, кромѣ водки и хлѣба,
мало везли товаровъ по пути въ Крымъ. На Дибирѣ были
ихъ главный переѣзды на крымскую сторону. Прибытіе ихъ
для Запорожья было такъ важно, что Конгъ очень часто
считалъ долгомъ писать къ своимъ представителямъ въ рус-
скую столицу: «Что ватагъ чумацкихъ еще нѣтъ, но что
уже понемногу идутъ и везутъ хлѣбъ или водку»,—или, что
наконѣцъ ихъ «такое множество, что даже припасы въ
Сѣчи и на Никитскомъ перевозѣ вздорожали». Какъ только
время добычи соли наступало, ханскіе пристава надъ соли-
ными озерами учтиво о томъ извѣщали Конгъ, что, напри-
мѣръ, какъ написано отъ 1764 года Баба-Имамомъ, при-
ставомъ «тузлы» переконской: «Благодареніе Богу, сего
году, уже выстояніе сдѣлавъ, соль произошла изобильно; да
при томъ же воды и травы у насъ въ Крыму, также и на
пути вездѣ, изобильно; такъ что очень спокойно нинѣ для
чумаковъ и для скота достанетъ». Крымское правительство
при этомъ брало со всякой повозки у Переконской-Вални
по 70 к. ассигн., что запорожцамъ казалось обременительнымъ,
и они объ уменьшеніи платы за соль вели безпрестанную
переписку къ консуламъ при ханѣ. Чумацкія ватаги шед-
шія за солью въ Крымъ, тогда переправлялись черезъ
Дибирь на Никитиномъ перевозѣ. Идущія же на Донъ за
рыбою переправлялись въ Кодакъ. Видя прибыль отъ этой
чумацкой торговли, запорожцы старались даже учреждать
собственные мосты и перевозки черезъ рѣчки и протоки въ
Потайской сторонѣ. На этихъ переправахъ бралась плата
за перевозъ. Ханъ также жаловалъ своихъ каймакановъ и
дыздарей, комендантовъ «за многія службы и посылки отъ
его ласки» правами устроить мостъ на той или другой
рѣчкѣ. Послѣдніе иногда перепродавали эти права на мостъ
и сборъ запорожцамъ, какъ на рѣкѣ Бѣлозеркѣ, за 40 р.
ассигн. въ годъ. И запорожцы взимали перевозныя пош-
лины со своихъ и чужихъ, на земляхъ ногайцевъ и крым-
цевъ. Но рядомъ съ этою безпечностью, послѣдніе позво-
ляли себѣ дѣлать и великія грабительства, захватывали чу-
маковъ съ ихъ добромъ въ плѣны и продавали туркамъ,
какъ «ясырей»—невольниковъ, на работы въ галеры и крѣ-
пости. Наконецъ, чумаки споспѣвовали еще тогдашней
торговлѣ Украины и Запорожья съ Польшею, чему также

приводить г. Скальковский нѣсколько любопытныхъ доказательствъ. Такимъ-то образомъ, образовавшись еще въ смутныя для страны времена, чумачество мало-по-малу приняло видъ нынѣшнихъ мирныхъ странниковъ. Тогда ватаги ихъ, эти «караваны украинской пустыни», требовали смѣлости и отваги. Перешагнувъ рубежъ своихъ стеней, на крымской сторонѣ они дѣлались истинными «героями степи», жертвами засухи, голода, жажды, разбойниковъ своихъ и чужихъ, и притѣсненій мѣстныхъ мурзъ и каймакановъ. Для этого чумаки тогда запасались ружьемъ и копьемъ, а въ случаѣ набѣга ногайцевъ ставили свои возы такъ, что дѣлали изъ нихъ укрѣпленную засаду. Словомъ, они смѣло встрѣчали врага. Теперь племя ихъ переродилось. Крымцы и ногайцы усмирены. Въ степяхъ вырыты вездѣ колодцы, и всюду уже кипитъ народонаселеніе. Но память о первобытныхъ чумакахъ не исчезаетъ. Кромѣ того, что теперь еще есть семьи въ разныхъ мѣстностяхъ края, гдѣ дѣды, отцы, сыновья и нынѣшніе внуки и правнуки «чумакують» и передаютъ преданія о дѣдахъ изъ рода въ родъ; эту память поддерживаютъ еще и народныя пѣсни. Лѣтописецъ Новороссійскаго края говоритъ справедливо, что: «На 100 украинскихъ думъ вѣрно будетъ 80 о чумакахъ, 10 о любви, а остальные о гайдамакахъ». Личность нынѣшняго чумака, въ общемъ, сходна съ личностью остальныхъ украинскихъ простолюдиновъ. Но, кромѣ этого, чумаки еще хранятъ въ себѣ черты, какъ бы завіщанныя ему отдѣльно особенностями стариннаго казачества. Обрисовку этого переходнаго образованія казака въ мирнаго чумака превосходно представляетъ г. Костомаровъ въ своемъ сочиненіи «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи»: «Отраженіемъ угаснаго рыцарства, — говоритъ онъ, — является въ Малороссіи чумаки. Казака вызвала къ дѣятельности потребность народная; а чумака произвели положеніе Малороссіи, общественныя нужды и народный духъ. Малоруссы окончили свое воинственное призваніе; настали времена другія. Сабля замѣнилась косою, пушка плугомъ. Но Малороссія, съ такими широкими, привольными степями, могла ли вмѣщать въ себѣ людей, которые бы мирно обрабатывали скромный уголокъ и не разлучались бы дальше ближняго ручья? Могъ ли малороссійскій народъ, разыгравши такую шумно-трагическую роль, забыть се вдругъ? Природа любитъ постепен-

пость. Отъ этого, прежде, чѣмъ казакъ обратился въ «поселянина», онъ сталъ «чумакомъ» и «бурлакомъ». Чумаки по занятіямъ мужикъ, по духу казакъ. Собственно, въ чемъ состоятъ занятія чумацкія? Въ перевозкѣ фуры соли, вина, рыбы, хлѣба: кажется, самое всеневное назначеніе! Но такъ ли смотритъ на него малороссіянинъ? Чумаки находятъ какую-то славу въ своихъ путешествіяхъ. Вместе съ тѣмъ, что «пошли наши сыночки денегъ добывать», народная пѣсня говоритъ: «и славы заживать». Въ наше время пѣсни казацкой гетманщины передѣлываются въ чумацкія. Такъ Морозенка въ Слободской-Украинѣ величаютъ вмѣсто «казаченька» — «чумаченькомъ». Есть пѣсни, гдѣ сначала говорится о коняхъ и татарахъ, а кончается «волами» и «машищами». Интересъ ли, собственно, движетъ его? Нѣтъ, съ интересомъ соединяется что-то другое: безотчетное какое-то влеченіе къ путешествіямъ, приключеніямъ, товарищеской жизни и самопроизвольное отрѣшеніе отъ семейственныхъ связей. То же, что отбѣяло характеръ казака. Извозъ чумацкій во многомъ и до-нынѣ похожъ на воинственный походъ ихъ предковъ». Здѣсь еще разъ долженъ я коснуться печатныхъ источниковъ, чтобы противопоставить благодушію стариннаго украинскаго простолюдина не менѣе своеобразному благодушію нынѣшняго. Въ «Устномъ повѣствованіи очевидца, бывшаго запорожца Николая Лепотьсевича Коржя», приводится слѣдующій рассказъ о способѣ, какимъ на Запорожѣ рѣшали тяжбы дѣла. Передаемъ его вкратцѣ, подлинными словами рассказчика. Когда случалось, что два казака поспорятъ или подерутся на «зимовахъ», или скотомъ потравятъ хлѣбъ или сѣно, то оба они, купивши на базарѣ по калачу, идутъ «позываться», судиться, въ «налѣнку», околотокъ, къ которому принадлежатъ, и, положивши калачи на столъ, становятся возлѣ порога и кланяются судьямъ. Судьи начинаютъ спрашивать: «Какое вамъ дѣло?» Обиженный рассказываетъ первый. Судьи опрашиваютъ обидчика. Обидчикъ сознается, что дѣйствительно ему «шкоду сдѣлать» и въ хлѣбѣ, и въ сѣнѣ, но не можетъ его удовлетворить, потому что тотъ «лишнее требуетъ». Палапка тогда посылаетъ освидѣтельствовать убыль обиженного и опять спрашиваетъ обидчика: «Что же, братчику, согласишь ты заплатить?» Обидчикъ опять отвѣчаетъ, что онъ и «радъ бы, да тотъ лишнее требуетъ».

Тогда палатка обоихъ ихъ отсылаетъ въ Сѣчь. Тутъ повая исторія. Тяжущіеся избираютъ курень обиженнаго. Вошедши въ курень, они кланяются атаману: «здороиъ, батьку!» — «Здравствуйте, садитесь! Ну, въ чемъ дѣло?» — Ему передается тяжба. Зовутъ атамана куреня, изъ котораго обидчикъ. Оба атамана уговариваютъ ихъ помириться, чтобы даромъ «не мордували» начальства. Никто не беретъ, и обидчикъ стоитъ на своемъ, говоря: «что же, когда онъ лишнее требуетъ». Тогда атаманы говорятъ: пойдемъ всѣ четверо къ судѣ. Казаки покушаютъ онятъ калачи и идутъ къ судѣ. Тутъ та же причина: оба стоятъ на своемъ. Тотъ говоритъ: «онъ меня обидѣлъ», — а тотъ: «онъ лишнее беретъ». Видя, что ничто уже не поможетъ, тяжущіеся и атаманы идутъ въ курень кошевого. Калачи также кладутся и также рассказывается вся исторія. «Ну», — спрашиваетъ Коневой обидчика: — «такъ ты не согласишь обиженнаго продовольствовать?» — «Ни! я севельможный пане, — отвѣчаетъ обидчикъ: — не согласишь!» — Коневой выходитъ изъ куреня и кричитъ своимъ челядинцамъ: «Сторожъ, кѣвъ!» Слуги бѣгутъ и несутъ палки. Тогда вельможный говоритъ: «ну, ложись, братчику! вотъ мы тебя проучимъ, какъ правду дѣлать!» Казакъ ложится, а коневой говоритъ: «Сторожъ, на рукахъ и на ногахъ садитесь; бейте его добре кіями, чтобы зналъ, почемъ ковшъ лиха!» Когда кін «начнутъ между собою разговаривать» по ту и по другую сторону, виновный казакъ «все молчитъ и слушаетъ, что скажутъ». И когда его уже хорошо попотчуютъ и кошевой при этомъ скажетъ «все, что нужно», его отпускаютъ, спрашивая: «можетъ тебѣ еще прибавить?» — на что, разумѣется, тотъ уходитъ безъ оглядки и впередъ уже въ судѣ не «позывается». Вошло въ пословицу, что ни о комъ въ свѣтѣ нѣтъ столько анекдотовъ, какъ объ англичанахъ и малороссахъ. Большая часть разсказовъ о послѣднихъ относится непременно къ чумакамъ. Стоитъ сойтись кучкѣ русскихъ съ украинцемъ, рѣчь о лукавствѣ и лжи чумака заходитъ при первой шуткѣ. Есть даже спеціалисты въ этомъ родѣ. Большая часть этихъ анекдотовъ, безъ сомнѣнія, ловкія выдумки, ради краснаго словца. Но, надо сознаться, эти выдумки основаны прямо на природныхъ свойствахъ нашихъ героевъ. Извѣстенъ анекдотъ о чумакаѣ, съ котораго соннаго сняли сапоги. Въ Москву чумаки, въ прежнее время, за недостаткомъ хоро-

шихъ сообщеній, на своихъ волахъ часто возили шерсть, соль и хлѣбъ. Тамъ въ особенности ходитъ много о нихъ разсказовъ. Извѣстенъ анекдотъ о чумака, котораго часовою въ Кремлѣ хотѣли онтрафовать за считаніе галокъ на Иванѣ Великомъ. Одному чумаку товарищъ на ярмаркѣ жаловался, что у него украдены деньги, которыми онъ было спряталъ на возу: — «Э, бо ты дурень!» — отвѣтилъ ему товарищъ: — «ты бѣ такъ сдѣлалъ, какъ я!» — показывая, что онъ деньги спряталъ за пазуху; но, не найдши ихъ тамъ, началъ искать за голенищами, потомъ въ шароварахъ, приговаривая: «Ты бѣ такъ сдѣлалъ, какъ я!» Оказалось, что и у него украли деньги. Вѣхали два чумака на одномъ возу и вели отвлеченный разговоръ о землѣ, небѣ, свѣтопреставленіи и о домовыхъ.

«А сколько, друже, скажи ты мнѣ, будетъ верстъ до неба?» Тотъ вынулъ изо рта трубку, посмотрѣлъ вверхъ, сплюнулъ и отвѣтилъ:

«Верстовъ, можетъ быть, семь будетъ!» — Собесѣдникъ тоже посмотрѣлъ. «Э! дурень, дурень! Гдѣ же тамъ семь верстъ, когда ни одного шинка не видно?! Больше!».. А попробуйте чумака допросить о чемъ-нибудь! Онъ отвѣчаетъ вашими же вопросами. «Ты пьянъ, бестія?» — спрашиваетъ его, послѣ какой-нибудь схватки у корчмы, стаповой. «Отъ чего-жъ я пьянъ?»

— «Да это видно; вонъ и на ногахъ не стоишь».

— «Гдѣ-жъ я не стою?» — «Да какъ же; вонъ отъ тебя и водкой несетъ!» — «Какъ несетъ? какою водкой?» — «Ну, да вонъ и другіе говорятъ, что ты пилъ!» — «А пусть тому и глаза выльзутъ, кто видѣлъ, что я пилъ!» — Въ Крюковомъ Посадѣ, предмѣстѣи Кременчуга, куда гужомъ привозится изъ Крыма соль и гдѣ ежедневно лѣтомъ толпятся нѣсколько тысячъ и десятковъ тысячъ чумаковъ, споры и ссоры между послѣдними бываютъ безпрестанно. Но какъ ихъ судить? Какое терпѣніе не лопнетъ при способѣ ихъ отвѣчать и отдѣлываться? Одинъ чиновникъ земской полиціи разсказать мнѣ слѣдующій случай. Пришли два чумака судиться изъ-за «кожуха» (тулуна). Дѣло въ томъ, что они шли изъ Перекона съ фурами и одинъ другому далъ, во время жары, на сохраненіе тулунъ, а тотъ взялъ его да и пропилъ въ первомъ же кабацѣ, пока пріятель его тоже ле-

жалъ безъ ногъ. Надо, значить, доказать, что одинъ у другого взялъ тулупъ и не отдалъ.

— А вѣдь мы же шли?—спрашивать истецъ.

— Шли.

— Миѣ же стало душно?

— Стало.

— Я же тебѣ его отдалъ?

— Отдалъ.

— И ты же его взялъ?

— Взялъ.

— Гдѣ же опъ?

— Что?

— Тулупъ.

— Какой?

— Что я тебѣ далъ.

— Когда?!

Минута молчанія. Истецъ начинаетъ снова:

— А вѣдь мы же шли?

— Шли.

— Миѣ же стало душно?

— Стало.

— Я же тебѣ его отдалъ?

— Отдалъ.

— И ты же его взялъ?

— Взялъ.

— Гдѣ же опъ?

— Что?

— Тулупъ.

— Какой?

— Да что я тебѣ далъ.

— Когда?!

И дѣло опять начинается словами: «А вѣдь мы же шли?» Чиновникъ кончилъ тѣмъ, что позвать «дневальныхъ» и обоихъ тяжущихся высѣкъ... Но я бы не кончилъ, если бы продолжалъ приводить анекдоты о чумакахъ. Зимой чумаки предаются усиленной лѣни и рѣдкой неподвижности, обусловленной полнымъ довольствомъ жизни и сознаніемъ, что еще осенью, получивъ чистый барынь по своему промыслу, они окупили надолго свои нужды. Изрѣдка только чумаки встанетъ съ печи, отираваясь взглянуть на небо и на кормъ своихъ ненаглядныхъ воловъ. Зимой чумаки сливаются

съ общимъ настроеніемъ быта всей Малороссіи, и только привычному глазу замѣтны ихъ личности, по несказанной, привольной линіи, тяжкой на подъемъ и чуждой всякимъ треволненіямъ. Впрочемъ, видоизмѣненія времени года невольно разнообразяютъ и эту жизнь. Чумаки все-таки—членъ общей семьи, потому что собственно не составляютъ отдѣльной касты, а принадлежатъ къ другимъ сословіямъ края: къ государственнымъ и помѣщичьимъ крестьянамъ, военнымъ поселенцамъ и колонистамъ. Среди селъ онъ замѣтенъ только изрѣдка, по своей зажиточности и устраниенію отъ общихъ дѣлъ. Видъ его выясняется въ полѣ, въ степи, при первомъ дуновеніи весны и подожномъ кормѣ для скота. Преемственность ремесла по обычаю, отъ дѣда къ отцу и отъ отца къ сыну, также кладетъ на него свой отбѣнокъ. Первый сыгъ приковываетъ чумака къ мѣсту. Съ той поры одна его мысль—«выгодувать» (выхолить) воловъ къ веснѣ. Онъ кормитъ ихъ самъ, или отдаетъ на винокуренные заводы, на «барду». Пристроились волы, ему все уже оставшее трынть-трава. «Покою мій, покою люблю мнѣ съ тобою!» повторяетъ онъ и, со стойкостью истиннаго сына степи, смотритъ съ утра до вечера съ печи, какъ жена хлопочетъ по хозяйству. — «Ты почку затопила?» спрашиваетъ онъ, ощущая пріятную теплоту нагрѣтой печи. — «Затопила!» — «А по-воду пойдешь?» — «Пойду». — «А на дворѣ холодно?» — «Холодно». — Ну, нехай (пусть) собі (себѣ) же холодно!» — замѣчаетъ онъ и плотнѣе прижимается въ уголь печи... А между тѣмъ, дни идутъ за днями. Тепло было такъ уже давно, что и не вспомнишь.

Августъ-сериень смѣнился сентибремъ, который на «пѣ-гихъ волахъ фздитъ» по полю и у всѣхъ, даже «у воробыя заводитъ брагу» — довольство; октябрь-гризникъ ведетъ за собою ноябрь-листопадъ. А вотъ пришелъ и декабрь-студень. Бабы смотрятъ: если будутъ теплыя свитки, будутъ молочныя коровы; а свѣтлыя свитки, нѣскія куры. Разумѣется, есть исключенія; не всѣ чумаки сидятъ зимою безъ дѣла. Новѣйшія барынишческія наклонности обуреваютъ кое-кого и изъ ихъ брата. Есть такіе, что держать по тридцати паръ воловъ, для чумачества, да ими же въ промежуткахъ и землю обрабатываютъ, и наемниковъ для этого держать для всѣхъ работъ по хуторинскому хозяйству. У такихъ обороты большіе, и всякая деньга идетъ въ строку. Что

дѣлають люди, то и они. Зима у нихъ не пропадаетъ даромъ. Чуть птичка, именуемая «сусѣдкою», чиликаетъ, прилетѣла на дворъ и накликала первый снѣгъ, за рѣжеставомъ приходитъ Ігорій-съ-гвоздемъ и Никола-съ-мостомъ, окна наглухо законопатились, и груды замерзли. Бабы, благо въ голяхъ всѣ работы уже кончились, тотчасъ принимаются по зимнему готовить хаты. Образница, осѣненная чтимою иконою Межигорской Богоматери, украшается воткнутыми пучками засушенныхъ цвѣтовъ желтой гвоздики, васильковъ и безмертника. Иконы — все работы Борисовскихъ маляровъ. Страстная свѣча припасена на случай пожара и грозы. Тутъ же въ мѣшечкѣ, для скоропостижныхъ или «скорописныхъ» болѣзней, привѣшивается ладанъ и аргось, а для умирающихъ то помотенце, которымъ священникъ отиралъ съ престола нилъ. Надъ дверью, въ стѣнной виадинѣ, ставится «крещенская вода» для окропленія перенуганныхъ дѣтей и видящихъ дурные сны.

Все бываетъ на хуторѣ, все пригодится. Надтреснутый обломокъ зеркальца вмазывается заново, близъ голубого висячаго поставца съ посудой; хоть хозяйка сама и не молода, да къ ней заходятъ молодицы, она для нихъ и держитъ. Въ иной хатѣ хозяину за восемьдесятъ лѣтъ, а хозяйкѣ подъ шестьдесятъ, и оба бездѣтныя. Тутъ также кинить работа. Хозяинъ, дѣтъ тридцать ходившій чумакомъ, уже только сидитъ дома, да, вздѣвъ на носъ рогулькой оловянные очки, коли грамотный, читаетъ духовныя книги и молится. А хозяйка, какъ сновала и тарантила, бранясь, въ двадцать лѣтъ, снуетъ и тарантитъ по хатѣ и теперь. «Ахъ ты, горе мнѣ съ тобою, — восклицаетъ она, ворочая лоханки и перебирая въ печи:—Боже-жъ ты мой, Боже! то ходилъ онъ, шлялся съ фурами по свѣту, а теперь, какъ чурбанъ какой, сидитъ!» А смиренный хозяинъ, чистоплотный и всегда въ бѣлой рубашкѣ, не обидѣвшій жены ни одною побранкой съ той поры, какъ женился, пока не сталъ весь бѣлый, какъ лушь, только почешетъ грудь, да изрѣдка скажетъ: «Охъ, жинко, ты бы лучше «наймичку» (работницу) взяла! Смотри, ты уже стара, и чуть ходишь; вѣдь тебѣ уже за полтъ-вѣка почитай есть!» — «Э! нечего мотать; управимся и безъ нея!» И, дѣйствительно, старуха управляется.

Чуть свѣтъ, бабы уже встають, или, какъ говорятъ въ

стени, «рушатся». Иногда еще на дворѣ темно и солнце не скоро выглянетъ «съ того свѣта», а онѣ уже вскочили, постель свернули въ комокъ, подоясались и идутъ изъ теплой хаты либо за водой, либо за топливомъ. Смотришь, въ воздухѣ чуть только стало «благословиться на свѣтъ», а уже дымъ изъ трубъ поднимается. Хозяйка старается особенно угодить мужу обѣдомъ, и потому знаетъ для этого много средствъ. Любимыя блюда при этомъ—хлѣбныя съ масломъ и творогомъ: «вареники», «балабуха», «товчѣнники», «лиминька», «кулинъ», «нѣтъри» и «галушки», съ пирогами всякаго рода. Обѣдаютъ на хуторѣ часовъ въ девять утра или въ десять. Послѣ обѣда хозяйка, перемывши посуду, достаетъ мотки прясть. Съ сумерками опять тоится нечъ. Давши земь поужинать, хозяйка садится опять прясть и ткать, если умѣетъ, и если въ хатѣ стоитъ ткацкій станъ. Тутъ безъ побранокъ хозяйка опять не обходится. И будь хозяинъ самаго безукоризненнаго права, приносен съ чумацкаго похода все деньги свои, читай въ церкви апостолъ на клиросѣ, а дома молитвы по праздникамъ, кури усердно ладаномъ въ особой «поливной» курильницѣ по всемъ угламъ хаты, или, если умѣетъ, въ часы «журбы» снимай со стѣны гусли и разыгрывай канты и стихиры,—она все-таки найдетъ, чѣмъ его попрекнуть. Отмалчивается, со вздохомъ хозяйничая, зная, что зима не долгая, и съ весною покажетъ онъ бабѣ хвосты: нищи только! Эта черта покорности мужа женѣ общая на Украинѣ. Случаются тамъ также молодцы, что подъ брань хозяйки советамъ обаяются и уже на домашнемъ хозяйствѣ ничѣмъ отъ нея не отличаются: мѣсятъ тѣсто, заправляютъ дрожжи, доятъ коровъ, шьютъ на сторону сорочки и ходятъ, какъ «зыхарки», шептаться надъ больными, и даже къ родильницамъ, въ качествѣ повивальной бабки. Даетъ себя знать такой «бабичъ» только на гулянкахъ, когда вынется и поидетъ, вспоминая юность, отплясывать въ «гонакъ» такія «выкрутасы и выхилисы», что зрители только смотреть-смотреть и, покачавши головками, разойдутся. Ужинаютъ на стѣни часовъ въ пять вечера. Кто особенно не занятъ дѣломъ, тутъ же и ложится спать, чтобъ не пергнѣть «свинка». Часовъ въ семь вечера на слободѣ уже не слышно человеческого голоса, и только кое-гдѣ въ окнѣ брезжится огонекъ. Чумацкія слободы, то-есть такія, гдѣ весельяне преимущественно занимаются пивомъ,

самыя богатые. Эти «чумацкія гнѣзда», какъ ихъ называютъ, извѣстны на югѣ наперечетъ. Тутъ ведутъ чумацкій промыселъ гуртомъ, ономъ. У иного паръ тридцать, сорокъ и пятьдесятъ воловъ; а у другого при этомъ въ наймѣ еще десятииъ сто и двѣсти земли, снята на откупъ винокурни, лѣсъ, участокъ по винному откупу, человекъ тридцать рабочихъ, и въ горшкѣ, гдѣ-нибудь, замазано подъ печью или закопано въ саду тысячъ сто ассигнаціями чистогану. А вы на то не смотрите, что онъ ходитъ «чумичкою»—въ сермягѣ и порванныхъ сапогахъ, снимая шапку всякому земскому и горожанину. За сапогомъ у него для оборотовъ полная касса... И чего, въ самомъ дѣлѣ, не достаетъ зажиточному чумаку?—Изба новая; хозяйка, глядишь, молодая, расторопная. Скота и птицъ, хлѣба и всякой рухляди вдоволь. А пять дѣтей и то не бѣда. Есть на это великія знахарки, которыя, кромѣ того, и все другое знаютъ и дѣлаютъ: сбрызгиваютъ сглаженныхъ недобрымъ глазомъ, выливаютъ «перенолѣхъ» или пенугъ, завариваютъ «сднянницы» отъ живота, лѣчатъ дѣтскую чахлость и старческую вялость, шепчутъ на зубы, сводятъ «куриную слѣпоту», стовариваютъ бѣлья, открываютъ злыя чары и даютъ «пругорѣвнигъ» и убогуютъ на разживу «неразмѣнный рубль». Есть и такія, что утѣшаютъ тоскующее сердце, даютъ зелье на слѣдъ худого человека, чары на вѣтеръ, по вѣтру отгадываютъ вора, заговариваютъ отъ случая въ дорогѣ, отъ крови и зубной скорби и ото всего избавляютъ: отъ икоты, живота, отъ войны и мора, голода и семейныхъ распрей.

Такія знахарки далеко извѣстны, и заведись хоть одна по сосѣдству патентованнаго доктора, къ нему не пойдутъ съ хуторовъ ни ногой. И пока хозяйки хлопочутъ и суетятся, задаютъ кормъ овцамъ и птицѣ, придутъ и пьютъ, стираютъ и полощатъ, мужъ старается ни на волосъ не измѣнить своего положенія на печи. Мѣсто его тамъ неприступно. «А ну, жинко, найди мою трубку!»—говоритъ онъ только изрѣдка, и лѣнь ему даже сказать, гдѣ лежитъ трубка.—«Ищи тамъ, гдѣ табакомъ воняетъ!»—И она ищетъ, рабѣлично выполняя волю мужа: на то она жена. А въ остальное время за то раздается ей брань, и она киститъ на обѣ корки.

А дни летятъ... Явился январь—Свѣчень, за нимъ идетъ февраль—Лютый, хотя уже и Бокорѣй. Первый даетъ себѣ особенно знать.

Но вотъ «трени, не трени, а минули водохренци». Если на небѣ, въ ясную морозную ночь, «яркія звѣзды» — будутъ «бѣлыя ярки» овцы. Семь метелей, по народному мнѣнію, непременно сопровождаютъ семь главныхъ морозовъ: михайловскіе, введенскіе, екатерининскіе, никольскіе, крещенскіе, срътенскіе и власьевскіе. Были теплые дни на Петра-полукорма и Тимофея-полужимника. На Тараса не спи долго, наспишь «кумаху-лихоманку», одну изъ двѣнадцати лихорадокъ, гдѣ есть и «Пягница», и «Тетка», и просто «Она»... Случись оттепель, гурыбы ребятишекъ высынаютъ на улицу. Они за холодами тоже, какъ сурки, спятъ подъ печкой съ утра до вечера. Ырки раздаются на улицѣ. Ребятишки сдѣлали изъ снѣгу головатого великана и кидаютъ въ него комьями. Взрослые къ Рождественскимъ святкамъ охораниваются и старъ, и младъ.

Важно хуторине ходить съ подобритыми затылками и подстриженными усами. Дѣвки въ лентахъ и красныхъ сапогахъ, брыца на морозъ желѣзными подковами у каблучковъ, по дыргиваютъ и пересмѣиваются. Святочныя пѣсни поются на Святой вечеръ. Прежде всего раздаются пѣсни о Пречистой Дѣвѣ. Потомъ молодежь переходитъ къ пѣснямъ о любви: «Ой, рыбка жъ ты, рыбка, ты моя пана, святой вечеръ!» — «У нашего пана хорошая пани, святой вечеръ!» — «У пана Ивана дочка стояла; она убиралась, въ церковь снарядилась. Въ церковь напючка вошла, какъ разевѣла; тихо-тихо стала, та такъ и засѣла. Тутъ міряно были, у нея спросили: что ты, королевна, или царевна? Я по королевна и не царевна, — отцова дочка, панина Марьяна». — Это «колядки». Пѣсни «щедрилки» или подновогонія прославляютъ общую щедрость и гостепримство: «Щедрый вечеръ, добрый вечеръ, добрымъ людямъ на весь вечеръ: пано господарю, съ праздникомъ проздравляю!» На «Моланки» или Васильевъ вечеръ ребятишки собираются гурибой и идутъ съ мѣшками по морозу подъ окнами, стучась въ подоконники и двери и распѣвая: «Щедрикъ-ведрикъ, дайто вареникъ, грудочку кашки, кольцо колбаски!» Хозяева хать поднимаютъ окна и, благодари пѣвцовъ, кидаютъ «мѣхоношамъ» кто хлѣбъ, кто кусокъ пирога, кто колбасу, или лепешку. А взрослые дѣвки, вившися подъ руки, ходятъ толпою по улицамъ и поютъ: «Ивынко встать, лукомъ забрицать; зоветь братьевъ въ поле, — тамъ кузница на до-

ревѣ, а дѣвка въ теремѣ». Вдругъ сыплются на дѣвокъ изъ-за угла хаты или изъ-за сугроба снѣжки. Проказы парней угадываются, и дѣвки ихъ поддразниваютъ новымъ пѣснюю: «Похали парни на ловы, до зеленой дубровы; тамъ поймали комара-звончаря: стали они суды судить, стали комара дѣлать». Утро Нового Года особенно заветно счастливому хозяину. Если, по обычаю, сбѣжи съ вечера подъ этотъ день за столъ, онъ за грудую широговъ не увидитъ противъ себя сидящей хозяйки, то, значить, долго можно ему будетъ спать на зарѣ. Въ этотъ вечеръ крестники и крестницы дѣти одѣваются чисто-начисто и сходятся къ крестнымъ отцамъ и матерямъ, всея въ мисочкахъ шпротъ, хлѣбъ и квасокъ, кланяются и говорятъ: «Батько да мать при-слали вамъ этого; вечеряйте на здоровье». А на утро до-вольнаго хозяина угостить подаркомъ особаго рода. Толпы своихъ и чужихъ дѣтей, ожидавшихъ у порога только пер-ваго дневного луча, врываются въ хаты съ рукавицами, шапками и платками, полными зеренъ гречихи, овса, гороху, проса и другого хлѣба, швыряютъ зерна по хатѣ, въ усы и въ бороды хозяевъ и приговариваютъ всеъ разомъ: «На счастье, на здоровье; уроди, Боже, жито, пшеницу и всякую пшеницу! Сито, сито, кидаетъ жито, куда махнемъ, гамъ и хлѣбъ найдемъ; съ того колосочка будетъ муки бочка! Мы того желаемъ, съ праздничкомъ поздравляемъ! Съ новымъ годомъ и съ Василѣмъ!» Хаты гладко наглядко выме-гены и вычищены. Въ глиняныхъ курильницахъ у образовъ курится ладагъ. Священникъ заходитъ съ крестомъ и мо-литвою, освящаетъ и кропитъ святою водою всеъ окна, двери и домашніе предметы, на счастье и довольство цѣлаго года. Хозяева, въ чистыхъ рубашкахъ, только поклоны кладутъ, потряхивая кудрявыми головами, и подводятъ къ кресту дѣтей и внуковъ. Въ праздникъ двери всякому открыты. У много сидятъ въ гостяхъ кузь изъ сосѣдней слободы, у другого бѣднѣйшій родичъ, у третьяго безерочно-отпускной солдатъ изъ своихъ же сосѣдей. Хозяинъ радъ гостю и пот-чуетъ его, чѣмъ Богъ пошлетъ, а хозяйка уже и души въ пемъ не чаетъ, лишь бы былъ солдатъ да ласковый. Случись же на югъ морякъ, такъ не знаютъ, чего ему и под-вести. Въ село Паваницу, близъ Пореклы, пришелъ лѣтъ двадцать назадъ. Богъ вѣсть откуда, стетавной матресь, безъ роду и племени, сбѣзавъ на свободѣ хозяину одной хаты

деревянную ложку, съ якоремъ на ручкѣ, понравился ему и до сихъ поръ тамъ живетъ, любимый всѣми. Никого не беспокоитъ вопросъ, зачѣмъ онъ тутъ и когда уйдетъ. У него немовѣрной величины бакенбарды, которыхъ онъ половину запускаетъ за воротникъ. Окруженный иногда музиками, которые заходятъ посмотреть еще разъ «каковъ-таковъ есть на свѣтъ матросъ», стариканшка, уже весь бѣлый, какъ пухъ, обыкновенно бодрится, говоритъ: «А смотрите, какія у меня бакенбарды!» — вынимаетъ бакенбарды изъ-подъ воротника и показываетъ всѣмъ окружающимъ. А окружающіе говорятъ: «Вотъ оно что; вотъ онъ каковъ-таковъ на свѣтъ матросъ!» — и расходятся отъ него, качая головами...

На свѣткахъ справляютъ дѣлами любимыя ихъ гаданія. Много трогательнаго въ особенностяхъ украинскихъ гаданій. Сборъ начинаются съ иѣсенъ. Передаю нѣкоторые изъ нихъ въ переводѣ, насколько можно передать особенности мѣстнаго говора. Кто побоище, начинается общезвѣстными о любви, и потомъ это измѣняется на десятки ладовъ.

«Охъ, ты, красавица, гордая, да нынѣ; отчего ко мнѣ съ вечера не вышла? Охъ, какъ же мнѣ выходить, стануть вороги судить! Пускай судять, какъ и разумѣютъ; придетъ пора, что и не посмѣютъ!» Иди въ избранныю для «вечерушки» хату, поютъ:

«Ужъ всѣ куры на пашестѣ,
Пѣтухъ на порогѣ;
Ужъ всѣ парни на улицѣ,
А мой на дологѣ.
Не топила, не дымила,
Стало въ сѣнахъ дымно;
А какъ выйду и изъ хаты,
Станетъ ему видно.
Чьи-то пчелы середь сада;
Мои по дошнѣ;
Охъ, кто любить черны очи,
А я—голубыя!
Охъ, мѣсяць ты, мѣсяць ясный,
Не свѣти друтому.
Только милому, какъ будетъ
Онъ идти до дому!
И не видно жъ его дому,
Видно только грушу;
Туда жъ, туда помыслеть
Рано-поздно душу.
И не видно его дому,
Видно только дубчикъ,

Возлѣ него, недалеко,
Живеть мой голубчикъ!»

Веселье охватываетъ всѣхъ. Выраженія пѣсень становятся еще жарче, еще ласковѣе:

— «Охъ, когда бы мнѣ да тѣ ужъ маляры,
Написали бы мнѣ милаго они,
Написали бы мнѣ милаго они
Край кровати, изголовья, у стѣны!
Написали бь мнѣ въ подарочекъ его,
Какъ на птишку-бъ все глядѣла на него!
Написали-бъ противъ самаго стола,
Все глядѣла бь на него, на сокола»...

Или такая:

— «Охъ, на курѣ, подь горою,
Сидитъ голубъ съ голубкою;
Они себѣ цѣлуются,
Цѣлуются, милоются...
Когда бь моя красавица да такая,
Какъ голубка у голуби молодая;
И ее все цѣловать бы. миловать,
А до печи бы кухарочку нанять;
А ужъ къ ней самой татарочку...
И я самъ бы по водину ей ходить,
Мою бь милую за ручонку водить!»

Сборы кончены. Хата наполняется подругами. Гаданія пачинаются, и въ этомъ случаѣ безъ участія мужского пола, занятого въ тотъ вечеръ другими своими весельями. Одна за другою вошли молодыя подружки и все не съ пустыми руками. Та подь полою шубы, тайкомъ отъ матери, принесла яицъ и масла; другая принесла пѣтуха; третья—пару куръ, муки и соли; четвертая—инена и молока. Все это похищено у матери, а перѣдко и у сосѣдокъ, что, впрочемъ, не строго изыскивается обычаями «вечерушекъ». Водка покупается на общую складчину по грошу или по гривнѣ. Начинаясь тонка печи, мѣшеніе тѣста для пироговъ и съдобныхъ лепешекъ; при этомъ шумъ, смѣхъ и новыя пѣсни. Зажженная лучина освѣщаетъ разубранныя головы и шитыя рубахи. Между хлопотами рассматриваются наряды. «Готъ сѣмасшедная! говорить, что не пойдетъ за Прокона Миквашенка! слышите, сестры?—восклицаютъ груглая, увѣсѣтая дѣвка, румяная, какъ мѣсяцъ, и съ звонкимъ, какъ трещетка, голосомъ:—ну, чѣмъ онъ не человѣкъ?»—«Челомкъ хорошій, да я ужъ знаю, отецъ ее отдастъ за писаря!»

Слова относятся къ дочкѣ чумака Терешки Головки, по-
вольной первенствующей между подругами. Высокая, полная,
съ русою косою, шириной въ ладонь, и на головѣ съ цѣ-
лою лавкой лентъ, алыхъ, синихъ, зеленыхъ и парчевыхъ,
стоитъ она въ полъ-оборота къ огню, степенная и гордая,
не двигая ни рукой, ни бровью, какъ петлиная богачка ху-
торяника, и слушаетъ даже съ опущенными глазами. Боль-
шіе сѣрые глаза такъ и смотрятъ въ душу, а брови, ни-
рокія и черныя, какъ два подорожные жука, сошлись и не
расходятся. Не всегда она такъ носить косу. Иногда под-
беретъ ее и расплететъ ее на-двое, положить на головѣ,
укрывъ ее только заплестю однимъ вѣнкомъ изъ темноси-
нихъ васильковъ, или утыкавъ всю ее макомъ, гвоздиками
и калиной. На плечахъ зеленая шерстяная кофта, на по-
гахъ красные саночки, на шеѣ пять или шесть нитокъ мо-
ниста, красныхъ и синихъ гранатовъ, послѣдїе еще ея по-
койной бабки. Изрѣдка только она усмѣхнется. Такихъ кра-
савицъ читатель видѣлъ вѣроятно не разъ въ Малороссіи.
«Ну, скажи, скажи,— допытываются у нея подруги, толнясь
къ ней и разсматривая то монисто ей, то серебряный ду-
кать на груди, то самую серожку: — коли отецъ силой от-
дастъ за писаря, что ты тогда?»— «Утоплюсь, а не пойду!»—
твердо отвѣчаетъ пышная красавица, причемъ только под-
вѣски дрогнуть въ ушахъ. На это раздаются восклицанія
ужаса и удивленія. А маленькая, востроносая дѣвочка, ря-
бая и всего двѣнадцати лѣтъ, тѣмъ не менѣе тянущаяся
вездѣ за большими и до этого съ молчаливымъ изумленіемъ
глядѣвшая на все, при этомъ даже вскрикиваетъ и выпу-
скаетъ изъ рукъ принесеннаго живого пѣтуха. Въ напря-
женной памяти ея надолго, до поздней старости, остается
видѣнное: и печка съ горшками, и тѣсто на столѣ, и толка
подружекъ, и гордая красавица въ шерстяной кофтѣ и съ
дукатомъ. Но вотъ пироги замѣнены; левенки съ масломъ,
называемыя «орѣшками», обжарены; сдѣланы еще и «ста-
стѣны», родъ оладьевъ, плавающихъ въ маслѣ; и ниво вы-
нуто на столъ. Начинаютъ ѣсть и гадать. Прежде всего на-
бираютъ въ горсть кутыл, также принесенной на сходкѣ, и,
выбѣжавъ за ворота, слушаютъ, гдѣ отзовутся на селѣ го-
лоса или въ дальнемъ полѣ лай собакъ. Дыханіе затаено.
Гдѣ послышится звукъ, тамъ и суженый. Морозная, звѣд-
ная почъ дышитъ чутко; тамъ потрескиваетъ отъ холода

плетень, тамъ раздастся по вѣтру говоръ подъ корчмою, оттуда несутся крики и будто смѣхъ, точно въ той сторонѣ тоже гадаютъ и парни перехватили гадальницъ. «Пойдемъ скорѣе и мы, а то еще и насъ переймутъ!» — говорятъ онѣ и, обмерзнувши, гурьбой бѣгутъ въ хату, долго постукивая каблуками въ сѣняхъ. «А что, не загадъ ли на сѣми?» — «Давайте, давайте!..» У многихъ оказывается въ банникахъ, на лѣвой ногѣ, на дѣѣ, конопляное сѣми, гостившее тамъ уже цѣлый день. Его высыпаютъ, подбираютъ и несутъ изъ хаты на «дровни», гдѣ дрова лежатъ, или на «курсадню», гдѣ куры на ночлегъ садятся, и тамъ посыпаютъ имъ по землѣ, приговаривая: «Кто мой суженый, роженый, съ тѣмъ я сегодня во снѣ буду коноплю брать!» Затѣмъ, кто побойчѣе, вызывается подслушивать подъ окнами и на слыханномъ основывать свои догадки о судьбѣ. Для этого вызвавшійся беретъ теплый пирогъ изъ печи, приглашаетъ съ собою двухъ-трехъ помощницъ и бѣжитъ стороной подъ хатами, останавливаясь и подслушивая, пока не простынетъ пирогъ. Отрядъ несется, высматривая чутко, вѣтъ ли засады парней, и съ торжествомъ или уныло возвращается въ хату. «Ну, что, ну, что? слышали?» — «Слышали, да ничего хорошаго! Стоимъ мы, а въ хатѣ у Максима тихо, тихо, точно никого нѣтъ, и кто-то хнычетъ; должно-быть сирота его, Оксана!» Или: «Какъ пришли мы, а старикъ Бобрникъ и потянулся за столомъ, зѣвнулъ да и го-рѣтъ жемѣ: сватать не сватать дочку, а отдавать замужъ, такъ ужъ и принасай шубу!» А иногда выходитъ просто ченуха: «Смѣхъ, да и только, сестрицы; пришли мы къ хатѣ бочарѣ, Карбованца, а онъ должно-быть пьянъ, что ли, и говоритъ: шельмовскій, говоритъ, индюкъ; не дастъ спать, скребется подъ лавкою; я тебѣ, говоритъ, такому-сякому!» Гаданіе на вѣтусахъ и на кучки ячменныхъ или друшнхъ зеренъ, разсыпанныхъ по полу, съ мысленнымъ значеніемъ такого-то и такой-то заключаетъ гадальный вечеръ. Шумъ и гамъ поднимаются по поводу разныхъ сметокъ и открытій. Только-что вдоволь разселились и уже, какъ это бываетъ, все разомъ говорятъ и ни одна не слушаетъ, когда въ припертыя внутри, на случай парней, наружныя сѣнныя двери раздается сильный стукъ. Все замираетъ отъ испуга. «Эго, дѣвки, хлопцы!» — «Куда хлопцы, это вернулся самъ старый!» — говоритъ инотомъ

подружка-хозяйка, за отлучкою отца въ городъ тайкомъ пустившая къ себѣ гостей на «вечерушки». Съ этимъ словомъ въ печь вкатывается ведро воды, огонь гасится, горшки впоныхахъ летятъ подъ лавки, столъ очищается, заслонка приставляется къ печи, и гости, ухвативъ что попало изъ принесеннаго, выскакиваютъ въ сѣни и прячутся въ «каморѣ», на чердакъ и за бочками. Нежданно воротившійся хозяинъ входитъ и шарить по хатѣ впонымахъ, причемъ дочка, соображая въ умѣ, ушли ли въ-время подружки, недвижно лежитъ на печи, будто спитъ, какъ ни въ чемъ не бывало. «Что за бѣсъ! — ворчитъ долго еще старикъ, не пайдя огня и шаря по лавкѣ: — точно домовыя какіе, или овцы повыскакивали изъ-подъ ногъ, какъ входилъ, да и пивомъ будто нахнеть!» Гаданія для пныхъ еще зимою сбываются. Въ одно утро дочка заботливаго отца только-что одѣлась и принялась за работу, въ окно постучали. Отецъ переговаривается съ сватами, перевязанными черезъ плечо «ручниками» (полотенцами). «Мы слышали, что у васъ есть гусочка, а у насъ есть гусачокъ, — говорятъ сваты:—такъ какъ бы сдѣлать такъ, чтобы ихъ спарить и чтобы они уже вмѣстѣ ходили и наслись?» На это отвѣчаетъ отецъ: «Радъ господамъ сватамъ, милости просимъ!»—и «ручники забрапы», сватовство устроено. Разнообразные обряды свадьбы занимаютъ надолго тихій уголокъ... Но что это? Неужели уже зима отходитъ?

Февраль-Богогрѣй невидимо и негаданно уже вноситъ первое чуткое тепло. Въ воздухѣ еще по временамъ морозить такъ, что пока успеешь ухватиться за поясъ, а онъ и побѣлѣлъ, галки кружатся веселѣе. Не оглянешься, какъ и верхнія колья плетней, и углы хатъ, на подсолнечной сторонѣ, въ полдень, сегодня робко затаили, къ вечеру опять обмерзли, а завтра и обнажились вовсе отъ снѣга. Небо становится ласковѣе, голубѣе. Почесывается и чумакъ-хозяинъ, чаще вставая съ печи, гдѣ пролежать всю зиму, и чаще навѣдываясь къ воламъ. Волы — первая работа чумака. Они имѣютъ большое значеніе вообще для цѣлой Малороссіи, и какъ рабочая сила для хлѣбонашества и перевозки тяжестей, и какъ предметъ торговли, гдѣ продаютъ ихъ гуртами на убой для мяса и сала. Кромѣ того, здѣсь отъ рогатаго скота идутъ въ торговлю молоко, кожа, шерсть, рога и кости, и для топлива такъ-называемый

«кнзикъ». Молочнымъ сборомъ питается вся семья; на волахъ пашется земля, и ими же производится весь чумацкій извозъ. Многие занимаются скучкою бычковъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, откармливаютъ ихъ и продаютъ по второму и третьему, получая за рубль десять рублей. Но ничто не сравнится съ переносчивостью собственно чумацкихъ воловъ. Какова должна быть ихъ сила, когда, отъ ранней весны вплоть до поздней осени, они возятъ на себѣ по 50 и 60 пудовъ тяжести на парномъ возу, совершая въ это время, въ три конца, въ Крымъ или на Донъ и обратно, до 2,000 верстъ, и еще въ промежуткахъ по двѣ и по три пуды гаскаютъ на себѣ плуги!—За то же чумацкія жены зимой хлѣбятъ телятъ въ хатѣ, молокомъ и всякими поїлами, почти паравиѣ съ собственными дѣтьми, а сами чумаки ничего не жалѣютъ для своихъ воловъ. Они ищутъ рослыхъ, крѣпкихъ и выносливыхъ животныхъ. У много чумака держится паръ десять, двадцать и тридцать воловъ, и все на подборъ, сѣрые, смурые, черные и «половые», такъ часто посѣваемые въ нѣсияхъ. По пятнадцатому году хорошіе, а по двѣнадцатому и десятому похуже, волы уже бракуются и продаются гуртовникамъ на убой. Собственно причина брака — ранняя потеря зубовъ, которая при зимнемъ кормѣ на теплой «бардѣ», имѣющей еще свойства окисляющей, является и того ранѣе, именно на 8 и 9 году. Барда, жижка, остатки отъ хлѣбного вина, вытекающіе въ видѣ киселя въ особый чашъ ежедневно при винокурении на заводахъ. Тамъ она нѣсколько остываетъ, и ее черпаютъ въ корыта для поїла состоящихъ, по условію, при заводѣ воловъ, коровъ и свиней изъ околотка. Чумакъ, имѣющій нѣсколько паръ воловъ, если не самъ идегъ, то нанимается на это время работникомъ. Онъ явится на винокурню и условливается съ хозяиномъ ея, сколько ему нужно ежедневно барды и почемъ за четверть ея, отпускаемой каждый день, въ продолженіе винокурения, то-есть отъ начала октября до весны. Волы на этомъ поїлѣ становятся тучны и жирны, что особенно помогаетъ при продажѣ гуртовникамъ на убой старыхъ, беззубыхъ воловъ, не могущихъ уже откормиться на сѣнѣ; но эта тучность не продолжительна и проходитъ скорѣе, чѣмъ если бы волы были откормлены на горошемъ сѣнѣ. Одно можно сказать, что почти безъ исключенія на всѣхъ винокуренныхъ заводахъ въ Мало-

россиі на зиму чумаки откупають барду и съ весною по пахвалителі видомъ скота. Повсемѣстное же паденіе винокуренныхъ заводовъ отъ уничтоженія вольной продажи вина въ Малороссиі въ послѣднее время оказало дурное вліяніе на скотоводство. Чумаки безъ барды не обойдется. Можетъ-быть, это еще происходитъ отъ той же лѣны, легко допущаемой при такомъ нетрудномъ уходѣ за скотомъ. При кормѣ бардою, во избѣжаніе болѣзни дѣсенъ и языка, воламъ дается въ перемежку еще небольшое количество соломѣ. Надежи, почти поочередно, въ пять и въ семь лѣтъ разъ, уничтожаютъ огромныя стада рогатаго скота на югѣ. Кромѣ того, отъ дурного ухода, засухъ, ранняго изнуренія работою и неосвѣженія стада новыми породами, убыль и измельчаніе степного рогатаго скота ежегодно становится болѣе и болѣе замѣтными. «Любовь любовью, а свекоръ свекровью» — говоритъ пословица. Несмотря на всѣ заботы о воллахъ, чумаки иногда съ ними выкидываетъ странныя вещи. Ни съ того, ни съ сего, возьметъ да и прогуляетъ ихъ до одного гдѣ-нибудь въ корчмѣ. Я знаю любопытный случай. Братъ знакома моего, богатаго торговца сушеными грибами и чумака подъ Олышаною, харьковской губерніи, Николай Сизѣнь, пошелъ за рыбою на Донъ съ пятьюдесятью парами воловъ, зазимовалъ тамъ въ ожиданіи ловъ рыбы и весенняго пути, для возвращенія во-своея, да гдѣ-то на линіи, близъ рѣчки Вѣдой, всѣхъ ихъ, до одного, и пропиль... Подъ Изюмомъ, гдѣ въ семьѣ у однихъ чумакѣ по имени Забанты считается до ста паръ воловъ, и у всѣхъ двухсотъ околныхъ чумаковъ до двухъ тысячъ паръ воловъ — для перевозки въ Донскія земли и въ Крымъ глиняной посуды, главныхъ подѣлокъ окрестныхъ поселянъ, а оттуда рыбы и соли, — подобныя продѣлки также бывають часто. Въ нынѣшнемъ году, отъ повсемѣстной засухи на югѣ, начался снова сильный падежь по Донцу и по Торцу, харьковской губерніи, и въ другихъ мѣстахъ юга. Мѣръ къ прекращенію падежей донныѣ не открыто никакихъ; предохранительныя же средства мало дѣйствуютъ, по общей безпечности народа. Когда Токели бралъ Сѣчь, нѣмецкаго генерала удивило, что столь славныя запорожцы ѣдятъ изъ простыхъ корытъ. Старшины и отвѣчали ему: «хоть съ корыта, да до сыта, а хоть съ блюда, да до худа». Этой пословицы придерживаются донныѣ всѣ зажиточные и сѣни-

ные сыны Украйны. Какъ бы ни были богатъ малороссы-простолюдинъ, онъ не оставляетъ своихъ привычекъ, ходить въ той же грубой суконной «світѣ» и бараньей шапкѣ, также держитъ въ строгости и умѣренности семью, не давая воли жёнѣ на мотовство. Только въ хатѣ его чинче и просторѣе. Столъ гладко выструганъ и покрытъ бѣлою скатертью. На немъ постоянно лежатъ свѣжій хлѣбъ съ солью. Въ печи рядкомъ и на полкахъ стоятъ лоханки и горшки. У двери ушатъ съ водою и «дѣжка» для опары хлѣба. Всякій хламъ развѣшанъ на длинной жерди, отъ печи до другой стѣны: заячья шубка дочери на голубомъ китайчатомъ подбоѣ, лисій «шунунъ» хозяйки, крытый зеленою полосатою набойкою, шаровары самого хозяина, моткѣй шерсти, шитое полотенце и связка лука. Изъ-подъ этой рухляди глядитъ съ «зачечки» неподвижное лицо счастливаго хозяина. Въ ожиданіи весны, онъ дремлетъ за трубкою, зѣваетъ и разсматриваетъ, какъ утромъ лучъ солнца прорѣжется и осветитъ край печи, порогъ и пядку съ водою; какъ къ полудню онъ перейдетъ на полъ, протинется отъ потолка вдоль потемнѣвшихъ отъ времени иконъ и къ вечеру исчезнетъ, оставивши все въ темнотѣ. Или слѣдитъ, какъ, за отсутствіемъ по работамъ во дворѣ хозяйки, тишину хаты парусасть только одна любимая хозяйкина хохлатая пасѣдка: то чопорно выйдетъ одна съ хохолкомъ на головѣ изъ-подъ лавки на середину хаты и бережно ступаетъ, поводя головой и разсматривая, нѣтъ ли чего у миски съ кашей, забытой на столѣ, то опять спростется подъ помость, на отсидѣлое гнѣздо свое, и по полу, усыпанному свѣжимъ пескомъ, только останутся значки слѣдовъ отъ осторожныхъ пожекъ ея... Уже старинныхъ запорожцевъ изображали сильно лѣнивыми и неподатливыми на подъемъ. Насмѣшливыя картины на самой Украйнѣ въ каждомъ кабацѣ представляютъ ихъ съ этой стороны. Подъ одною подишь: «Сидитъ казакъ на жнивѣ, да штаны ластетъ; жнивье его... въ спину колетъ, а онъ жнивье ластетъ». Другая подишь говоритъ: «Казакъ когда не пьетъ, такъ блохъ бьетъ, а все-таки не гуляетъ». Не гуляютъ съ этой стороны и нынѣшніе представители запорожцевъ. Киргизъ по цѣлымъ днямъ способенъ просидѣть на курганѣ, поджавъ ноги, и съ его вершины глядѣть въ туманную даль родной степи. Чумаки также могутъ по цѣлымъ недѣлямъ

виной не слѣзаетъ съ печи и глядѣть оттуда то въ потолокъ, то на полъ, то на стѣны, кури трубку и едва-едва пророняя лѣнливыя слова. Зато чуть пахнуло весной, чуть потянулось съ юга знакомый, особенно теплый и полный какой-то музыки и обаятельной ибги вѣтерокъ, онъ уже на погахъ. Грудь его высоко вздымается, онъ подтянуть поясъ, тревожно глянувъ въ окно, и говоритъ женѣ: «А что, жинко, должно-быть уже весна на дворѣ?» — «Можетъ и весна!» — замѣчаетъ покорно и робко жена. И оба выходятъ взглянуть на порогъ хаты, смутно вглядываясь въ окружающее...

II.

Весна.

Предвѣстники весны. — Стенное половодье. — Гостепепный возвратъ зелени и появленіе птицъ. — Чумацкій хуторъ. — Общее между перболъ, воломъ и чумакомъ. — Календарь весеннихъ примѣтъ и повѣрій. — «Веснянки». — Весеннія чумацкія ярмарки. — Первые подряды въ отъѣздъ. — Новѣйшее видоизмѣненіе чумацкаго промысла. — Чумацъ Андрей Сизень. — Намю Ёбъ рипъ. — Сборъ въ путь. — Сорочка, прощаніе. — Роль плутокъ. — Отъѣздъ.

«Та вѣкъ жъ весна, та вѣкъ красиѣ

Изъ страхъ вода кане;

Ой вѣкъ жъ тобі, чумаченько,

Малдривкою нахле».

(*Пародіа на песню.*) |

Весна дѣйствительно близко...

— Эй да и бѣсовъ же была зима; дала, чтобъ ей не легко было, знать себя и ласымъ, и плѣшивымъ! — говорить чумацъ, поглядывая на вязы и стоя уже на крыльцѣ, противъ солнца, въ рубахѣ и безъ шапки. Бѣлыя клочковатыя облака какъ-то неснокойно бѣгутъ въ вышникъ. Что-то незримо подступается. Еще въ воздухѣ морозитъ, еще похъ ногами хруститъ, а въ лицо падаетъ уже привѣтливый, праздничный тепломъ, — не тепломъ, а чѣмъ-то на него похожимъ. Какъ выйдешь въ полдень и станешь се-реть двора, кругомъ слышится какое то движеніе. Вдохнешь свѣжій воздухъ, точно вдохнуть легкой паръ вина. Кажется, хмель струится всюду. И куда ни пойдешь, то же самое. Каждый, входящій въ хату, вноситъ съ платьемъ своимъ свѣжесть и благоуханіе: отъ шапки, рукавицъ и пояса пахнетъ весной... И она не за горой: огромный, тонкій,

исхудалый грачъ летитъ, каркая, надъ снѣжною поляпой. Рыжій байбакъ вскидывается отъ зимней спячки, становится на заднія лапки у порки и пускаетъ по стени пронзительный свистъ. А вотъ и цапля. Низко летитъ она, Богъ вѣсть откуда, и, тяжело взмахивая крыльями, опускается на еще обледѣлыя рѣки. Не оглянешься, какъ въ одно прекрасное утро земли просыпается въ заревѣ тревожной, туманной и теплой, весенней зари. На сѣверѣ для водворенія весны, какъ для будочника или дворника, нужны заступъ и ломъ, топоръ и лопата, и долгій-долгій майскій зной. На югѣ весна приходитъ и водворяется разомъ, снимая и упося зиму врасплохъ. На сѣверѣ солнце еще перемонится. Тутъ же ничто не превозмогаетъ его ликующей силы. Выглянетъ оно изъ-за вершины пологого косогора или изъ-за лѣса и весь день смотритъ безъ устали. Подъ палящими лучами его, какъ по маію волшебника, все дымится, обрушается, шумитъ, реветъ и въ паряхъ и въ туманѣ улетаетъ въ небо. Улетаютъ сугробы и наметы, крики и снѣговые водонады. Вчера еще передъ глазами вдали отгѣнялъ поле бѣлосовѣтый крижъ холма, кое-гдѣ только тронутый еще черными подпалынами. Съ полудни тогда же онъ точно задымился и, въ морѣ солнечныхъ лучей будто сталъ колыхаться, плавая въ туманѣ. Прошла ночь, снѣгу уже нѣтъ. А на мѣстѣ его, черезъ новую ночь, проложены уже свѣжія краски новой яркой земли, какъ будто выросшей подъ снѣгомъ.

Едва успѣли унять съ крыши первыя брызги «каполи», подъ косвеннымъ утреннимъ лучемъ быстро затаяли болота и жога родниковъ, и вся окрестность превратилась въ сверкающія водныя стекла, по которымъ отъ вѣтра бѣжить и стелется паутина. Пронесся слухъ, что затопило соседнюю «балку», громадный степной оврагъ, изобилующій приземистымъ, кряковистымъ лѣсомъ. Деревни въ волненіи. Балки очень опасны. При затопленіи ихъ, пути прерываются. На видъ онѣ ничего. Иногда подъѣдешь къ ней, смотришь, она почти пустая, снѣжкомъ облегаетъ бока, и на днѣ воды по-колѣно. А вѣхаль, не успѣешь добратъ до другого берега, какъ гдѣ-нибудь подмытый сугробъ прорвало, вода хлынула, затопила балку до краевъ, и возъ съ путникомъ, всплывая и вертись въ мутномъ потоцѣ, уносится по теченію. Хорошо еще, если его скоро выкинетъ

на берегъ, или опъ зацѣпится гдѣ-нибудь за дерево. По-счастій на этихъ балкахъ не обираются, и никакіе мосты на нихъ не удержатся. За балками идутъ стѣнные рѣчонки. Смотришь, грязная, ничтожная, лѣтомъ едва сочтется въ тѣнѣ или между камышами, а тутъ разлилась и раскидывается версты на двѣ по лугамъ. Тогда пореѣзжаютъ черезъ воду на пловучихъ помостахъ, которые ходятъ по по-капату, а отводятся на всахъ выше по берегу и пускаются по теченію, при помощи руля. Водю выносятъ ихъ версты полторы или двѣ ниже, причемъ не обходится, чтобы сколоченный наскоро помостъ не покачулся и не упалъ съ него въ воду либо стогъ сѣна, либо испуганный шумомъ рѣки волъ, либо шалка зазывавшагося поселенина, либо самъ поселенинъ. На самыхъ большихъ рѣкахъ въ стѣни нѣтъ еще сносныхъ мостовъ, и на-примѣръ на Дону въ Изюмѣ, гдѣ пролетаетъ важная отрасль чумацкаго пути, устроены для сохранности такой мостъ, что лодъ идетъ въ половодье черезъ него. Вскрытіе рѣки въ въ деревняхъ встрѣчается, какъ праздникъ. Чуть «щучка хвостомъ пробилъ ледъ» и онъ тронулся, на берегъ высынается цѣлая деревня. Начинается съ любовиства, по по-томъ всѣ тутъ застаиваются и проводятъ цѣлые дни, кто съ лоханкой, кто со взятымъ подъ мышки бѣльемъ, когда его еще нельзя мыть въ рѣкѣ, а кто и такъ, ради говора и соображеній другихъ. Тутъ же появляются гречаники на лоткахъ, сластеницы съ жаровнями, и открывается настоящий рынокъ. А вода бѣжитъ, шумитъ, сноситъ плотины и мельницы. Мальчишки среди улицъ, пересѣченыхъ такими же рѣками и ручьями, въ маломъ видѣ становятся на руслахъ изъ дощечекъ самодѣльные мельнички и заплетаютъ изъ прутьевъ и соломы плотины. Къ вечеру какъ будто подморозитъ... Выйдешь на крыльцо, кругомъ тихо, только давящая собака гдѣ-то лаетъ. А между тѣмъ, въ темнотѣ, кругомъ раздается прерывистый плескъ и неутомонное шуршуканье бѣгущей подъ заборами и въ разныхъ уголкахъ воды. По цѣлымъ часамъ стоишь и слушаешь, какъ вода то закипитъ подъ плотиной за селомъ, и шумъ ея мимоходомъ долетитъ съ вѣтромъ въ тѣсный дворикъ, то зашавелится и зашумитъ у сарая, пробуравив тихо порку подъ сваленною у плотины соломой, то мелкими, звонкими каплями, какъ горохъ или дробь, посыплется впотѣмахъ съ крыши, будто лѣдники об-

хватило бродичимъ теплымъ вѣтромъ, и онѣ подъ его струею вдругъ затаились...

Прежде всего показывается мелкая прошлогодняя зелень. Сокъ еще не выходитъ по вѣтвямъ. Но изъ влажнаго, пригрѣтаго чернозема уже пробиваются первые травы, тутъ же на югомъ рѣстъ прямо и расцѣтая. Кажется, что онѣ выходятъ изъ земли не стебельками, а готовыми уже вѣтвями. Голубые колокольчики «пролѣсковъ» смѣняются лиловымъ «рисомъ», рясъ смѣняется желтымъ редисомъ и ландышами. Въ мартѣ потянулись первые стаи журавлей, прилетѣли жаворожки; за ними явились утки, ласточки, аисты и сны. Въ апрѣлѣ прилетѣла кукушка. Лѣсной куликъ порхаетъ у корней еще обнаженныхъ деревьевъ. Соки въ послѣднихъ восходятъ выше и выше. На гладенькихъ, сизоватыхъ сучьяхъ появляются первые цвѣтковые куколки. Еще листья не вѣтъ, а изъ мелкихъ почекъ уже выглядываютъ востроносые лепестки бѣлыхъ молоденькихъ вѣтвичковъ. Прошелъ день, и не узнать гдѣ-нибудь цвѣлаго угла въ затинѣ сада. Яблони и груши цвѣтутъ позже. Тернъ и черемуха начинаютъ прежде всего. Приземистые, тонкоствольные кусты терна, точно выточенные гладкими прутиками изъ лиловаго коралла, усеиваются патыканными безъ числа молочными шариками. Еще день, терна опять не узнать. На вѣтвяхъ все еще ни листочка, а шарики распустились звѣздочками и въ одну ночь окинули кусты точно снѣгомъ или пухомъ. Все сливается въ бѣлую стѣпу. Будто выросли изъ земли серебряные кусты. И отъ нихъ несетъ острымъ запахомъ меду. А кругомъ еще шумнѣе. Появилась въ болотѣ лягушка; за нею показался комаръ и мошка. На вскрывшихся, еще лихкіе побѣги листьевъ виза и лизы прилетѣли, жуужка, рохатый майскій жукъ. Показались грозныя тучи. На отрогкахъ озими отродилась гусеница; на листьяхъ ясени явились «майки» — шпанскія мухи. Ударилъ первый громъ. Сада по узнаешь. Тамъ, на дорожкахъ уже чернѣютъ ямки и дырочки паукъ и козиковъ. Подорожный жукъ, по обычаю, ползетъ уже задомъ къ своей норкѣ и катитъ туда черезъ соломинки тщательно и суетливо скатанный изъ всякаго хлама шарикъ. Бирюзовая букашка поднимается съ лѣстка и, проносясь въ воздухѣ, раскидываетъ на диво нѣсколько паръ кисейныхъ и чешуйчатыхъ крылышекъ своего наряднаго панциря. А вотъ и соловей. Въ глухомъ, призе-

мистомъ кустѣ крыжовника сегодня онъ звякнулъ не впопадъ, какъ будто не выпѣлся и не узналъ еще собственнаго голоса. Даже покажется, будто къ ночи, при неудачномъ началѣ, онъ и улетѣлъ. Но приходитъ другая, тихая и душистая заря. Тотъ же соловей перебираетъ уже смѣлыя свои лады. Завтра ему то тамъ откликнется товарищъ, то здѣсь двое или трое. Черезъ день вы насчитаете ихъ въ своемъ саду, на десятинѣ и того менѣе земли, чуть не дюжину. А послѣ-завтра, когда чуть станетъ брезжиться день или, какъ говорится, «благословиться на свѣтъ», они отзовутся подъ окнами, всякія ожиданія будутъ превзойдены. Садъ застонетъ отъ криковъ, свистовъ и пѣсенъ соловьиныхъ и не-соловьиныхъ. И это пойдетъ до конца весны. Притомъ же, что ни день, то опять обновка. Тамъ распустилась шелковистыми кудрями береза, здѣсь кленъ сталъ изъ клейкихъ комочковъ выпускать свои зонтичные листки, точно сжатые пальцы изъ зеленого кулачка. Зацвѣли яблони и груша,—первая розовыми, вторая бѣлыми чашечками. А яркая зелень уже устилаетъ землю и глушитъ между деревьями. Толстобрюхія, чреватая ящерицы шныряютъ въ травѣ. Станешь въ полдень, когда уже жарко и нищется неволью тѣни, подъ столѣтнюю грушу, усыпанную цвѣтами: по вѣтвямъ ея снуютъ безъ числа, съ звонкимъ жужжаніемъ, пчелы, и кажется, что это не груша, а все натянутыя струны, изъ которыхъ каждая сама звучитъ, какъ очарованная. И, какъ быстро развивается дѣвочка, вчера еще дитя съ отрочески-неокругленными и неразвитыми членами, такъ же быстро развивается и вся эта окрестность. Нѣжныя распутолки дали цвѣтъ; все одѣвается въ зеленые и пестрые брачные уборы. Еще три-четыре недѣли, и природа, какъ мать, нѣжно прижметъ къ груди своей новыхъ нарожденныхъ дѣтей домовитой и хлопотливой семьи своихъ воздушныхъ и земныхъ обитателей.

День выросъ. Труженики зимы, портные, скорняки и ткачи, выносятъ по обычаю, со смѣхомъ и толкотней, во дворъ обверченную нитками зимнюю мучительницу, *сѣтку*, и тамъ сѣкутъ ее кнутомъ, приговаривая: «Теперь весна, а не зима; лежи до осени, а намъ посвѣтитъ и солнце!» Не болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, въ это время заботъ и хлопотни на чумацкихъ хуторахъ.

Поведемъ туда читателя, и поведемъ въ самую глушь, въ

одиць изъ отдаленныхъ «старозаймочныхъ» чумацкихъ хуторовъ, хоть положимъ близъ Дигъпра, къ чумаку Роману Балабухъ, котораго дѣдъ, тоже Романъ, какъ выселился въ сердцахъ изъ села Кдоновицъ, гдѣ ему стало тѣсно, и какъ сѣлъ хуторомъ на дорогѣ, въ оврагѣ, близъ Дигъпра, такъ хуторъ тотъ и назвался *Романъ при дорози*.

Но если вы пойдете, «Романъ при дорози» откроется еще не скоро. Прежде вы будете идти степью, мимо озеръ, гдѣ то тамъ, то здѣсь откликается крикъ дикаго гуся или журавля, а направо и нѣлѣво идутъ громадныя зеленыя, цвѣтуція лѣсами балки. Въ сторонѣ, чуть накалится воздухъ, надъ дрожащею чертою синѣющей дали показывается «марево», миражъ, созидаетъ и рушитъ подъ стенью, то выше, то ниже, либо рѣку, либо лѣсъ, или цѣлыя очертанія туманныхъ городовъ и баншенъ, съ остріями каланчей и рядами домовъ. Волны этого «марева» то становятся бѣлыми, то сизыми, какъ дымъ, то зеленоватыми, и, плыви, исчезаютъ за холмомъ, на которомъ обрисовывается издали очеркъ длинноногого журавля, который заснулъ на одной ногѣ, поджавши другую и выставивши на воздухъ острый носъ. Вы идете ближе къ поворотѣ, мимо одинокаго колодца, гдѣ прохожія стада поятся въ полдень и вечеромъ. Изъ-за косогора мелькаетъ какой-то шестъ и выставляется рогуля: то показываются верхи деревянныхъ «журавлей» на колодцахъ хутора, еще скрытаго подъ горой въ оврагѣ. Вотъ и самъ хуторъ. Пять или шесть хатъ, въ разсыпку, порчатъ по откосамъ трехъ овраговъ, сошедшихся здѣсь въ одинъ огромный «логъ». Между хатами взбираются на гору и идутъ книзу сады. На днѣ лога бѣлѣютъ трети уступами три пруда, одинъ ниже другого, соединенные плотинами. Огороды окружаютъ ихъ влажные бока. Это все дѣло рукъ стараго Романа и его новаго потомства. Но васъ поразитъ глубокое молчаніе хутора. Ни одинъ звукъ не долетитъ въ это время до ушей, развѣ только отзовется гдѣ-нибудь, роясь на кучѣ сора, пѣтухъ, да при входѣ на хуторъ взвоется отъ пруда и съ хлѣбнаго тока, отодвинувнагося въ бокъ отъ хатъ, согнанная появленіемъ гости исполнискія стая голубей, которая взлетитъ и, кружась, застелетъ на время отъ солнца весь логъ. Это значить, что время спорое и что хозяйни шутить весною не любитъ: все, что было на ногахъ, какъ говорится, до послѣдней коньки, ушло въ поло

на работу. Тропинка ведетъ съ вершины холма, отъ трехъ мельницъ, ставшихъ по стрункѣ рядомъ на вѣтрѣ, къ обиталищу самого хозяина Романа Андреевича Балабухи. Это тоже хата, крытая соломой и выбѣленная снаружи, только попросторѣе. Другія хаты занимаются второстепенными родичами чумака, выселившимися съ нимъ и по его милости. Правду говорить украинская пословица: «Понгъ въ огородѣ равенъ воеводѣ». Какъ не быть счастливу Роману Андреевичу? Съ крыльца обиталища его открывается весь логъ, какъ на ладони. Съ боку и у ногъ идутъ сады съ вишневыми, яблочными, грушевыми и другими щемами. Изъ гуиза одного изъ нихъ выглядываютъ курень и ряды бѣлыхъ ульевъ пасѣки. Дворъ загороженъ амбарами, сараями, кѣтими и погребомъ. Къ послѣднему примыкаетъ на столбахъ сажь для откармливанія кабановъ. Къ особому загону для воловъ, содержимыхъ съ неимоверною заботливостью, пристроенъ навѣсъ, гдѣ свалены зимнія дровни, старые возы и всякія деревянныя подѣлки. По случаю весны, на веревкѣ, перекинутой отъ сарая къ погребу черезъ дворъ, развѣшана разная рухлядь: заячьи тулупы, запасныя шаровары, шубы, шапки и полсти. На сучкѣ березы повѣшено ведро. Куры прохаживаются передъ крылечкомъ, усыпаннымъ пескомъ. Рыжая кошка, съ воробьемъ въ зубахъ, крадется подъ амбаръ. А среди двора, правильно вереницею, стоятъ уже тридцать оснащенныхъ возовъ, готовыхъ отправиться въ путь. Широкая тѣнь, несмотря на зной, покрываетъ ихъ и часть хаты. Пять исполинскихъ дулистыхъ вербъ стоятъ у послѣдней, поддерживая въ воздухѣ кудрявые шатры своихъ вѣтвей и листьевъ, точно выстроенные въ воздухѣ на столбахъ замки... Есть что то особенно привлекательное въ украинской вербѣ. Ея уживчивость въ стени изумительна. Стоитъ тѣнивому простолыдину воткнуть въ огородъ или у плотины колышекъ, стоитъ ему, задумавшись, опереться на палку и позабыть ее вынуть изъ земли, и верба, разростаясь, лѣтъ въ пять-шесть покростъ и его огородъ, и прудъ, и хату. Видъ бѣдной, одинокой вербы, на большой пустынной дорогѣ, подъ вьюгами и непогодами, поставленной для тѣни и для развлечения взоровъ, невольно трогаетъ. Шумъ ея вѣтвей въ осень, когда уже все укрывается въ тулупъ и изрѣдка показываетъ носъ на порогѣ, сильнѣе наводитъ тоску при мысли о прошедшемъ лѣтѣ. Подъ вербу садится сель-

ская семья въ теплые вечера ужинать. Къ ней, въ пѣсняхъ, въ смутныя времена Украйны, обращались осиротѣлыя матери и невѣсты. Въ южно-русской сказкѣ въ вербу, воображеніемъ народа, превращена отъ слезъ сестра убитаго на войнѣ брата. Вербѣ, наконецъ, вмѣстѣ съ чумакомъ и воломъ, имѣетъ какое-то единство. Уживчивость въ степи, при всякихъ мытарствахъ и невзгодахъ, чумака, вола и вербы удивительна. Волъ и чумакъ въ дорогѣ, безъ жилищъ и безъ средствъ укрыться отъ холода и бури, неразлучны. Тяжело ступая, почти едва передвигая ноги, оба они идутъ, одинъ подъ ярмомъ, другой съ боку съ кнутомъ, едва помахивая имъ только по воздуху, и незамѣтно дѣлаютъ переходы въ тысячи верстъ. Вербѣ, посаженная кое-какъ, изъ пенька, изъ колышка, взрошенная тоже кое-какъ, на бѣдной или вредной почвѣ, на распутии дорогъ или у тинистой плотины, тоже терпѣть, расти и все переносить. И не даромъ пѣсни выводятъ нераздѣльно вола, чумака и вербу; гдѣ волъ, тамъ и чумакъ, гдѣ чумакъ, тамъ и верба. И за то, съ какимъ томительнымъ уныніемъ, съ какою безмолвною грустью прислушивается иногда чумакъ къ шуму листьевъ вербы, состарѣвшійся и не наживши своимъ ремесломъ ничего, при общихъ невзгодахъ... Она говоритъ ему о лучшихъ временахъ, когда еще только была посажена, а теперь сквозь ея своды уже едва виднѣется золотой рогъ мѣсяца. Много воды утекло съ той поры: и она вся въ дуплахъ, и онъ—бѣднякъ бѣднякомъ!—Но мы долго засидѣлись на хуторѣ Романа Балабухи. Пока онъ съ работниками управляетъ въ полѣ и собирается въ отъѣздъ, посмотримъ что вообще въ это время дѣлается въ другихъ мѣстахъ и у другихъ чумаковъ... Календарь степей имѣетъ и на весну свои особыя примѣты. Еще съ той поры, какъ на Срѣтеніе зима встрѣтилась съ весною, а съ сорока-мучениковъ хотъ и было еще сорокъ утрепниковъ, все шло, какъ предсказывали старожилы: въ мартѣ солнце стало «парить землю», въ апрѣлѣ стали прѣть покосы, на Руфа рухнули послѣднія свѣжныя залежи, а какъ пришелъ Ерѣма-запрягальникъ, хозяева стали запрягать воловъ. Послѣ Авдотьи-кузнечихи, смѣшной Ириной-урви-берега и разрой-снѣга, подулъ тепломъ Алексѣй-теплый; Егорій-съ-водой смѣнился Николой-съ-травой. На Благовѣщенье уже весна совсѣмъ поборола зиму. Тогда уже перестали зажигать свѣтъ въ хатахъ и начали

выходить спать въ кѣлѣти, саран, оставляя въ хатахъ однихъ больныхъ и старухъ. Поселянинъ-земледѣлецъ не терпѣетъ времени. Апрель-Травень «богатъ, хотъ и неравенъ». Чуть развернулася березовая почка, сѣй яровое. Овесъ сѣй хотъ въ воду, да лишь бы въ пору; хотъ и на снѣгъ, да къ сумѣть, онъ и рукавицу проростѣтъ. На Зосиму выпускай пчелъ; Зосима имъ покровитель, вмѣстѣ съ Савватіемъ. Припасай палиню и берегись двухъ Юрьевъ, весенняго и осенняго, голоднаго и холоднаго, а тамъ—что Богъ дастъ. Да и мало ли работы съ самаго начала весны у пахарей и чумаковъ? У чумака—заготовленіе фуръ, поправка на лѣто воевъ, починка колесъ и осей, и покрывекъ на соль и на рыбу. У пахаря: заготовленіе яровыхъ сѣмянъ, спускъ со дворовъ зимней воды, припасеніе льда въ погреба, копанье грядъ въ огородѣ, расчистка дворовъ и крышъ, поправка изгороди, ульевъ. Штичка «посметьюшка» давно уже чиликаетъ: «покинь сани, возьми возъ». А вотъ Апрель-Травень на исходѣ. Идетъ Май-Іюнь. Скоро станетъ отъ жары и мошекъ скотъ маяться. Соловьиный день пришелъ и привелъ пѣсни—«веснянки»—на хутора. И точно, гдѣ тогда нѣтъ пѣсень?—Все въ вѣскахъ и въ лентахъ, дѣвки сбѣгаются впопыхахъ за какою-нибудь надобностью въ хату, за перстнемъ въ сундукъ, за другими серьгами или новымъ платкомъ, и цѣлый день ихъ туда не загощишь. «Пусть потѣшатся»,—думаютъ старыя, не останавливая ихъ, и сами празднично бродятъ по зазеленѣвшимъ лѣскамъ и тѣнистымъ лощинамъ, или съ утра до ночи сидятъ на завалинкахъ, на открытомъ воздухѣ, радуясь веснѣ и теплу. А пѣсни звучатъ въ садахъ, огородахъ, лѣскахъ и на улицахъ. Въ другихъ мѣстахъ Россіи говорятъ: «прилетѣлъ куликъ изъ-заморья, вывелъ весну изъ-затворья». Привѣтствуя тепло, зелень и воды, хуторянки поютъ (первою опять ихъ пѣсни):

«Ой, подь мостомъ, мостомъ,
Трава зеленѣтъ;
За хорошимъ мужемъ
Жена молодѣтъ...

«Ой, подь мостомъ, мостомъ,
Плеснулася рыба;
Я-жъ у тебя, мать ты моя,
Все расту не шибко...

«Пусти меня, мать, изъ хаты,
И не заплутаюсь;
Только парней подзадору,
Да тѣмъ и покажусь!»

«Ой, весна, весна
Стень развеселила;
А не только поле,
Какъ долины—горы;
А не только рѣчки,
Какъ у насъ сердечки!»

«Охъ, пойду я да въ зеленый тотъ лѣсокъ,
Вырву, выломлю кленовый тамъ листокъ:
Напишу я на немъ грамотку.

Пошла се къ отцу старому.
Что велить ли по лѣсочку мнѣ гулять,
Или въ хату съ вечериночки бѣжать?
Ты гуляй, гуляй на волѣ подъ горой,
Въ жизни дважды не бывать ужъ молодой!
Выйдешь замужъ, на веселье не пойдешь,
А подъ старость про бывшее вспомнишь!»

«Охъ, весиначка, весиначка
Ты румяна, будто паничка,
Ты сачочки въ цвѣтъ да листья одѣваешь,
Будто милому рубашку вышиваешь...»

«Охъ, зарл-зарл, вечерняя, лихая!
Съ кѣмъ ты, дѣвка, передъ вечеромъ стояла?
И съ тобою, мой чумаченько, съ тобою,
Подъ зеленою, кудрявою вербою;
И съ тобою, съ чернобровцемъ-молодцомъ,
У тебя рубашка съ шитымъ рукавомъ!»

Хороводы почти не прерываются. Взявшись подъ руки,
дѣвки ходятъ и поютъ:

«Въ огородѣ шафранъ, шафранъ,
Тамъ Ивашко, какъ панъ, какъ панъ,
Вблизи него же, какъ петрушечка,
Тамъ стоитъ его Марусечка.»

«Ой, гляди ты, берегись,
Вблизи меня не становись,
Мой кудрявиче, мой кучерявиче!
У меня ли мужъ ревнивый, да лихой,
Помыкаетъ, какъ былинкою мной;
Но велить мнѣ, старый, тѣшиться,
Но велить мнѣ, старый, пѣжиться!
Чуть на улицу тихонько я пойду,
Чуть подъ вечеръ хороводецъ заведу,
Ужъ за мною три посмелочки:
Что какъ первая попреки все,

А вторая-то нагаечка,
А ужъ третья-то и самъ идетъ!»

Недалеко и до покрововъ. На Аграфену-купальницу ударилъ первый громъ. Слышавшіе его не пропускаютъ случая и кидаются, чтобы не болѣла спина, подпереть плечомъ или всѣмъ станомъ, что случится: стѣну, заборъ или возъ, равно какъ и для волосъ подставить голову первымъ каплямъ дождя. У ребятинекъ на первый дождь даже есть своя иѣсня: «Иди, иди, дождикъ, сварю тебѣ борщикъ; цебромъ-ведромъ, дойницею-холодною водицею!» Въ густой чащѣ клѣновъ раздался голосъ иволги; ребятинки и ее окликаютъ: «Иволга, иволга, свинью сосала, поросенка украла!» А она на ихъ голосъ перезванивается и будто отвѣчаетъ: «А ты кобылу!» Такъ по крайней мѣрѣ они увѣряютъ. Послѣ Свитой недѣли идетъ номинальная недѣля, или «проводы». Съ Оомина понедѣльника идутъ всѣ на отцовскія и дѣдовскія могилы, поминать покойниковъ. Священникъ, въ рясѣ и съ крестомъ, обходитъ на тихомъ погостѣ номинальничковъ и читаетъ молитвы. Въ маѣ никого уже не удержишь въ хатѣ. Не даромъ онъ Цвѣтень. На Зилота идутъ собирать лѣчебныя зелья. Народъ слѣдитъ за всходами и примѣчаетъ. Если на Мокія выпалъ дождь, будетъ лѣто мокрое. На Обновленіе Царяграда боятся «царяграда». Съ Сидоромъ кончаются и «всякіе сиверы». А Пяхомъ пахнетъ уже настоящимъ тепломъ. На Вассы не сѣютъ ржи, чтобы не завелись въ ней васильки. Зато на Елену сѣютъ ленъ. Начинаются «цвѣтныя игры». Появилась сорока, николярѣ несутъ на поклонъ учителю-дьячку «сорокъ бубликовъ», кренделей. Въ лѣсу выютъ вѣнки, выкликаютъ кукушку; а подъ вечеръ на улицѣ играютъ въ «хрещика», «лозу», «горицвѣтъ» и «коршуну». Но вотъ зазеленѣли яровые хлѣба; озимые растутъ и прячутъ уже въ себѣ зайца. За первыми всходами яровыхъ, за подсѣвками и досѣвками гречихи, овса и гороха, поселяне сажаютъ, на перевернутомъ плугу, увитомъ вѣнками, какого-нибудь парня и возятъ его по шивѣ. Оедосья-колосница требуетъ дождей. Съ Юрья скотъ ходитъ уже по опроставшимся сѣнокосамъ. Въ густыхъ, сочныхъ травахъ, на лугахъ и въ садахъ кишитъ хлопотливая дѣятельность птицъ и маленькихъ звѣрьковъ; въ листовныхъ тайникахъ, въ зеленыхъ уютахъ, вездѣ заведены повые семьи. А выйдень

въ поле, какъ-будто уже душно. Крики и свисты смолкаютъ. Ликующее населеніе стени смѣняло свое приволье тихими заботами о поворожденныхъ крылатыхъ и четверногихъ. Ночь не такъ студѣна, нѣтъ уже въ ней прежней живительности и прохлады. Воздухъ какъ-будто становится тѣснѣе. Земля накаляется. На кольяхъ заборовъ и мелкихъ кустарниковъ появляется востроносенькая, безпрестанно-чиликающая, краснобѣрая птичка. Народъ указываетъ на нее и говоритъ, что это—«птичка-жажда», не находящая подъ зноемъ нигдѣ покоя и просящая у людей пить. Ей даже кое-гдѣ ставятъ въ черепкѣ воду. Календарь степей съ весны поворачивается на лѣто. Въ воздухѣ уже нестерпимая тяжесть и духота... Но обратимся къ чумакамъ. Первое столкновеніе съ народомъ весною у нихъ бываеъ гдѣ-нибудь въ маленькомъ мѣстечкѣ: на ранней мартовской или февральской ярмаркѣ. Тутъ надобно на нихъ поглядѣть. Это все щеголи на базарѣ и лихачи. Заломивши на «бакирь» смурую шапку, въ бѣлой или черной свитѣ до земли на плечахъ, ходитъ чумакъ по базару, съ трубкой въ зубахъ и кнутомъ въ рукахъ. Изрѣдка только махнеть кнутомъ на торговку, хлеснетъ жидѣ слегка по спинѣ, «почеломкается», поздоровается съ товарищемъ, постоитъ передъ загородкою торгуемыхъ воловъ, да, глянувъ на свои смазанные дѣгтемъ сапоги, сплунетъ въ сторону и опять принимается курить. Чумакъ въ особенности большой охотникъ до весеннихъ ярмарокъ, гдѣ можно купить или продать вола, главное — встрѣтиться съ пріятелемъ-гуртовщикомъ; не глядя на него, а глядя на воловъ, сказать: «А, да у тебя хорошіе волы!» и, не купивши ничего, выпить съ нимъ добрую кварту водки. Уже онъ не пропуститъ ни одной такой ярмарки. Вставши рано по-утру, въ день храмового праздника слободы, гдѣ будетъ ярмарка, онъ тайкомъ одѣнется и гаркнетъ на работниковъ: «Бабы сыны! Да гдѣ же это видно, чтобы человекъ такъ долго спалъ? Солнце уже вонъ гдѣ, а они все еще, какъ кабаны, брюха выставляютъ! Демкѣ, Левкѣ, Панасть, Вакула! вставайте,—ярмарку проспани! Ну, гайда, запрягайте мнѣ сивыхъ!» Всѣ вскакиваютъ; сивые запряжены, и хозяинъ отправляется на слободу, гордо возсѣдая на вершинѣ воза, наваленнаго соленой рыбой, сушеными грибами, если случатся на продажу, или такъ безо-всего. Я видѣлъ одну изъ

такихъ весеннихъ чумацкихъ ярмарокъ; это, обыкновенно, происходитъ въ зажиточной вольной слободѣ. Деревня раскинулась по косогору и долинамъ, тамъ отдѣльными кучами хатъ ушла въ отвѣсы овраговъ, здѣсь переулками и огородами сползла въ долину. Въ день ярмарки, по холмамъ ея и долинамъ, она, какъ улей, гудитъ народомъ. День только что начался. Одни, въ долгополыхъ нарядныхъ свитахъ, степенно идутъ, еще безъ шапокъ, изъ церкви, набожно толкуя о праздникѣ и объ обычной проновѣдѣ. Другіе уже сѣшать на торгъ, останавливаются и перекликаются еще въ пустыхъ улицахъ. Передъ домомъ волостного правленія насыпанъ свѣжій красноватый песокъ. Старшины съ длинными палками толются у крыльца. Мѣстные чумаки, изъ богатыхъ, живутъ обыкновенно у церкви мѣстечка, хоть бочкомъ на площади къ правленію. Духъ общины и властолюбія и ихъ наполняетъ. Чужіе богачи съ чумацкою важностью въѣзжаютъ въ околицу изъ первыхъ, оставляютъ воловъ или дыратайку съ лошадыю у знакомыхъ и вмѣшиваются въ толпу. А толпа все прибываетъ: окрестные и дальніе гончары, скотники, гуртовщики, плотники и всякіе рабочіе и ремесленники везутъ и доставляютъ сюда свои товары. У палатокъ на базарномъ выгнѣ или на площади возникаютъ груды новой глиняной посуды, только что сдѣланныя ведра, колеса, оси, оглобли, ярма, ряды смунковыхъ и суконныхъ шапокъ. Изъ палатокъ выглядываютъ развѣшанные ситцы, ленты, монисты, тулузы; тутъ же продается въ ящикахъ соль, въ кадкахъ и бочкахъ дѣготъ и всякія снадобы. Въ особыхъ загородкахъ стоитъ, подъ вѣдѣніемъ гуртовщиковъ, продаваемый и покупаемый скоть. Отдѣльно толкуются въ углахъ площади продавцы: кто пары телятъ, кто телушки, кто дюжины овецъ или стараго, беззубаго вола. Это—главная приманка чумаковъ. Сюда они являются покупать и продавать скоть, прежде вышивки съ пріятелемъ и покупки новыхъ саноготь, шапки, дѣттю или новой пары осей. Шумъ и гамъ возрастаютъ. Дегтярный продавецъ, въ широкихъ шароварахъ, сталъ надъ бочкою и съ приговорками, потѣшал толпу, цѣдитъ чумаку въ «мазницю» дѣготъ. Тамъ явились «нишунъ», бродячіе слѣпцы, и затынули уже, собирая общее подаяніе, пѣсню о Лазарѣ и о Страшномъ Судѣ, смѣняя иногда эти притчи веселыми. А звонъ бубновъ и скри-

покъ, сопровождающихъ по площади гуляющего чумака, покрываетъ все. Ничто тутъ не связываетъ чумака. Онъ и по природѣ не домохъдъ и не подъ баншакомъ жены. Отпуская его на торгъ, жена не посмѣетъ сказать ему, положимъ, какъ другому: «куни, да и куни мнѣ новую свитку: хоть умри, а купи! А не купишь, съ чѣмъ покажусь въ людяхъ? И не думай мнѣ и не гадай: въ гробъ лягу, а купи!» — Онъ вольный казакъ: жены слушается только зимой. Съ первой же весенней поры уже поминай, какъ его звали. Запасся онъ волами, дѣтємъ, справилъ возъ, запасныя оси и колеса, и все кончено. Тутъ же отгулять на остатки денегъ, и въ путь. Самая ярмарка иногда влечетъ его не для продажи или покупки. Ему любо одно это движеніе, шумъ и говоръ, не самая покупка воловъ, а одно щелканье по спинѣ или бокамъ продаваемого вола, что вотъ-дескать, хороши ли онъ, или не хороши, выдержитъ ли путь, или не выдержитъ. Щелканьемъ иногда гее и обходится. Съ продавцами скота въ этомъ случаѣ можно сравнить только однихъ украинскихъ бродячихъ «коробейниковъ», мелкихъ разносчиковъ всякой всячины, да «косарниковъ», мелкихъ странствующихъ продавцовъ косъ. Особенно послѣдніе замѣчательны. Уроженцы болышею частью Рылска, они сами или отъ хозяевъ оптомъ получаютъ свой товаръ, черезъ Бердичевъ и Броды, изъ Австріи, и потомъ, передъ «косовицей», рано весной, развозятъ его по южно-русскимъ степямъ, оставляя косы въ долгъ, до будущаго года. Огромный ростъ на ссуду тутъ не забывается. Но посмотрите: въѣдетъ «косарникъ» въ слободу, сталъ среди улицы, его окружаютъ, берутъ въ руки, пробуютъ косы, хлопаютъ по нимъ, звенятъ, а онъ рассказываетъ, какъ былъ въ Штиринъ и какіе сорта бычаютъ косы: «Прежде было на лучшихъ клеймо двѣ пшени, да иступились; потомъ подкова, да вытерлась; послѣ того стаканъ, изъ стакана пьютъ,—а гдѣ пьютъ, тамъ и бьютъ; а теперь уже, люди добрые, семь звѣздъ на косѣ—ишь ты, какъ горятъ! Покупай, да и только!» Но радъ бы купить, да денегъ нѣтъ. Провозится среди улицы косарникъ цѣлый день, а продастъ на цѣлковый. Смотришь, перебивается, а сводитъ концы съ концами, какъ и гуртовщикъ.—Ярмарку завершаетъ какой-нибудь особенно неудержимый гуляка, которому, какъ говорится, ни дна, ни покрывки нѣтъ.

Спроситъ себя музыку, уже въ сумерки, расчислитъ кругъ и пойдетъ одинъ, или съ товарищемъ, такіе штуки выдѣлывать, что еще и не видано: выворотить тулупъ, вберется въ кадку съ дѣтнемъ, разольетъ дѣготъ по землѣ и за все, разумеется, заплатитъ, и въ безобразномъ видѣ станетъ толчѣся по грязи и отпѣсываесть «черезъ ножку» или «перевертнемъ». Или же возьмется съ товарищемъ: самъ трубку въ зубы, шапку на затылокъ, руки вскинетъ къ верху, да только взглянетъ на концы сапоговъ — и пойдетъ косить ногами въ присядку, направо и налево. А товарищъ, какой-нибудь матросикъ, изъ мѣстныхъ, вытянется по-своему въ струнку, руки по швамъ, глаза направо и пойдетъ перебирать ногами. Съ ярмарки всѣ возвращаются уже навеселѣ, кто съ купленнымъ на выкормъ теленкомъ, кто съ волами, а кто съ деревянною какою-нибудь подѣлкою. За этимъ уже у чумаковъ слѣдуютъ прямо сборы въ путь, наемъ подъ фуру тяжестей, чтобы не идти на Донъ и въ Крымъ порожнякомъ, и самый роковой отъѣздъ, съ его обычаями. Съ первыхъ всходовъ подножнаго корма, чумаки уже хлопочетъ о наймѣ своихъ подводъ подъ фуры. Частныя кладки онъ предпочитаетъ казеннымъ. Мѣстность даетъ ему для этого всѣ средства. Еще дѣды его и прадѣды торговали сухими грушами и яблоками. Расчетъ прямой. Окрестныя сады простираются лѣсами во всѣ стороны. Въ волковскомъ и богодуховскомъ уѣздахъ, гдѣ во время весенняго цвѣтенія кажется, что по сторонамъ дороги растутъ совершенно бѣлые или усыпанные пухомъ лѣса, производствомъ сушенія фруктовъ занимаются цѣлыя селенія и мѣстечки: Ольшана, Волосскій-Кутъ, Красный-Кутъ, Песочинъ, Люботинъ, Солоницовка, Пересѣчное и многіе хутора. Въ многъ селеніи сушатъ нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ грушъ и яблоковъ, которыя здѣсь зрѣютъ въ дикомъ состояніи, едва поддерживаемыя щепленіемъ. Тутъ даже на дрова идутъ благородныя или грушевыя и яблочныя. Для сушенія плодовъ у поселянъ заведены особыя «сушны»; у бѣдныхъ же фрукты сушатся въ избѣ, на печи. Сынка производится у богатыхъ въ больномъ размѣрѣ. Кромѣ фруктовъ, чумаки сваливаютъ на свои фуры, при отходѣ въ путь, всякаго рода деревянныя подѣлки, въ которыхъ особенно нуждаются всѣ безлѣсныя мѣстности на крайнемъ югѣ, въ херсонскихъ и таврическихъ степяхъ, въ Землѣ

Войска Донского и по Азовскому побережью. За этими издѣліями и сваткою ихъ въ долгъ и за деньги чумаками занимаются опять тѣсныя уѣзды харьковской и полтавской губерній, въ особенности же по Донцу и по Ворсклѣ. Изъ деревянныхъ подѣлокъ берутся: колеса, ведра, оси, ярма, чашки, баклаги для воды, ложки, кадки и цѣлыя сложенные части воза. Кромѣ того, окрестности Изюма, и въ особенности подгородная его слобода Пѣски, отправляютъ на Донъ и даже глиняную «гончарную» посуду съ чумаками. А въ другихъ, наконецъ, мѣстахъ чумаки забираютъ водку, масло, сухари (какъ въ минувшіе годы, для войскъ въ Крыму, изъ курской губерніи), бакалейные и красные товары и въ огромномъ количествѣ съ сѣверныхъ уѣздовъ Малороссіи къ южнымъ портамъ хлѣбъ, пшеницу, пшено и льняное сѣмя. Соль передается ими во вторыя руки и выручаетъ имъ гораздо меньшій барышъ. На югъ же они ѣдутъ не всегда съ кладью, а большею частью порожнякомъ, какъ по трудности найти весной и подъ всѣмъ возы кладь, такъ и по безпечности чумаковъ. Не зная цѣны хлѣба, льна, посуды и деревянныхъ издѣлій на югъ, они рискуютъ малымъ. Да иногда и за солью ѣдутъ, не зная, припасена ли она въ достаточномъ количествѣ на крымскихъ озерахъ и лиманахъ и не придется ли имъ такъ ожидать ея добычи или даже вернуться съ пустыми возами. Добыча соли въ послѣднюю войну шла дурно. Я встрѣтилъ въ нынѣшнемъ іюлѣ огромный обозъ чумаковъ подъ Бахмутомъ, на извѣстномъ чумацкомъ «Муравскомъ шляхѣ». Они шли изъ Крыма, повѣся головы.

— А что, какъ соль въ Крыму?—спросилъ я.

— Не знаемъ.

— Какъ не знаете?

— Въ Крыму нема соли...

— А что же вы везете?

Чумаки переглянулись.

— Торохтія веземо, — отвѣтили они.

Торохтія везти, по ихъ выраженію, значитъ везти пустые возы, которые отъ этого, безъ клади, дорогою «торохтятъ», стучать. Надо замѣтить, что, по случаю прошлогоднихъ и нынѣшнихъ неурожаевъ въ Малороссіи, большая часть чумаковъ и туда везли «торохтія». Неопредѣленности промысла чумачество обязано тѣмъ, что стали въ немъ те-

перь появляться особия видоизмѣненія. Старожилы гою-
рятъ, что прежде, за Екатерину и гетмановъ, бывали на
Украинѣ слободы, человѣкъ въ 3,000 и болѣе жителей, все
чумаковъ, гдѣ не было ни одного плуга и ни одной бо-
роны. Жители у себя дома только косили на зиму сѣно
воламъ, а жены занимались молочными скопами со скота и
птицею. Хлѣбъ эти настоящіе «чумацкія гнѣзда» покупали
и за стыдъ считали вспахать и засѣять хоть одну десятину
земли, развѣ бабы только вскопають какой клочекъ подъ
дыни и арбузы. Теперь чумаки, кто позажиточнѣе, на при-
вольное и дикое ремесло свое смотрятъ съ одной прибыли
и соединяють его съ хлѣбонашествомъ и мелкими оборо-
тами. Такой чумакъ уже облѣнился, самъ не надѣваетъ бо-
лѣе завѣтныхъ, дѣтствомъ смазанныхъ рубашки и шароваръ,
не идетъ съ своими волами испытывать долгаго пути и
всякихъ дорожныхъ невзгодій и бѣдъ, а держитъ для
этого человѣкъ двадцать и сорокъ, въ годъ, работни-
ковъ по найму, разсчитываетъ копейку, посылаетъ ихъ
съ возами въ путь и только откладываетъ барышни. Въ
немъ уже мало старинной самобытности. Зато онъ ловко
ведетъ свои дѣла. Такое современное видоизмѣненіе чу-
мака, такого чумака-выродка, банкира и спекулятора, я
знаю близъ Мячковского хутора. Это — Андрей Ивановичъ
Сизѣнъ. Пятнадцать лѣтъ сряду онъ уже самъ не ходитъ
въ извозъ, а на прибыль барышничаетъ дома. У него до
сорока паръ воловъ и при нихъ десять человѣкъ рабочихъ,
по обычному мѣстному разсчету одного чумака на четыре
пары воловъ для извоза. Отзимовавши и откормивши во-
ловъ, онъ съ весны нанимаетъ по клочкамъ у сосѣднихъ
поселянъ десятины сто земли; пользуясь обиліемъ скота и
рабочихъ рукъ, въ недѣлю съ небольшимъ вспашетъ эту
землю, засѣетъ и заборонитъ. Тогда уже, обыкновенно тог-
часъ послѣ Пасхи, и посылаетъ возы, съ заранѣе торго-
ванною кладью, въ путь. Обозъ его отвезетъ, куда назна-
чено, на югъ кладь, навалитъ на подводы соли или рыбы
и къ косовицѣ опять приходитъ домой. Хозяинъ оставитъ
воловъ отдыхать и снова откармливаться, а рабочихъ, «най-
митовъ», съ добавкою другихъ, временныхъ, ставитъ косить
на другое наемное подъ косовицу поле. Сѣно скошено, вы-
сушено, свезено; обозъ отпращивается въ другой путь около
Петра и Павла. Тѣмъ же порядкомъ обозъ возвращается

домой къ уборкѣ созрѣваго уже хлѣба. Въ одинъ пріѣмъ работники скосятъ, свяжутъ въ снопы, свезутъ хлѣбъ, при помощи сорока паръ воловъ, дня въ три-четыре и скидаютъ въ скирды. Тогда уже снова, послѣ Семенова дня, и въ послѣдній разъ обозъ отправляется въ третій путь и возвращается уже по сырому пути къ Покрову. Зимой же часть работниковъ такого чумака стоитъ при волахъ, а часть исправляетъ всѣ нужды хлѣбонанца: молотитъ, вѣетъ, возитъ хлѣбъ въ зернѣ на мельницы и въ мукѣ въ городскіе склады на продажу. Андрей Ивановичъ Сизѣнь снималъ нѣсколько лѣтъ назадъ по близости еще порубку лѣса, а въ сосѣднемъ мѣстечкѣ держалъ даже винный откупъ, на чемъ сорвалъ порядочные барышни. Привозя съ юга рыбу и соль, онъ торгуетъ ими и для этого, уже какъ чистый купецъ, съ нагруженными повозками круглый годъ ѣздитъ по окрестнымъ ярмаркамъ. Это уже разбѣитой, бойкій и смѣтливый кулакъ, себѣ на умѣ, мало похожій на своихъ предковъ-чумаковъ. Жена племянника его ходитъ въ ситцахъ и въ шелковыхъ платкахъ. Самъ онъ пьетъ уже чай, хотя усердно пьетъ съ пужными людьми и водочку. Спитъ онъ не иначе, какъ на мягкой постели и въ комнатѣ съ закрытыми ставнями. Чумацкимъ извозомъ его занимается племянникъ, у котораго съ женой на рукахъ, по случаю вдовства Андрея Ивановича, и все домашнее хозяйство послѣдняго. Недавно я пріѣхалъ къ Сизѣну. — «Дома Андрей Ивановичъ?» — «Дома, — отвѣчаетъ жена племянника: — да не принимаетъ!» — «Какъ такъ? Что же онъ дѣлаетъ?» — «Ваннѣ сидитъ». И дѣйствительно, Сизѣнь нѣжилъ себя ванною. Вотъ куда пошло и на Украинѣ просвѣщеніе... Честность чумаковъ вообще изумительна. Хозяева отпускаютъ кладъ имъ на вѣру. Рѣдко они, продавши ее, утаятъ хоть рубль. Я знаю одинъ примѣръ. Помѣщикъ, по случаю урожаясь, выбралъ двухъ-трехъ мужиковъ, далъ имъ возы и воловъ и послать въ Перекопъ за солью, чтобы даромъ работники не гуляли. Посланные имъ мужики воротились, кромѣ одного. «Ну, — говорилъ помѣщикъ: — всѣ люди, какъ люди, одинъ Павло Бобрникъ не привезъ соли, да замоталъ и возъ, и воловъ!» Это было въ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ турецкую войну. Помѣщикъ же былъ бѣдный. — «Куда дѣлся Павло?» — спрашивать онъ у его товарищей. — «Пришелъ съ нами въ Крымъ и пропалъ!» — «Ну, Богъ же съ

нимъ; передался, бѣсовъ сынтъ, врагамъ! Теперь и воли можнмъ служить!» Прошелъ годъ, другой. Павло Бобрикъ неожиданно воротился, но безъ воловъ. Помѣщикъ обрадовался ему и не могъ скрыть этого, хотя воловъ и не было. «Павло! гдѣ это ты былъ?» Тотъ не отвѣчаетъ, а полѣзъ рукою за голенище, достать оттуда что-то, обвернутое въ сахарную синюю бумагу. Развернулъ, а тамъ нугъ ассигнацій. «Що се такъ? може ты вкравъ?» — спросилъ изумленный помѣщикъ. — «Ни! ось пересчитайте мишень!» — «Да сколько же тутъ?» — «А я и не считалъ!» Баринъ кинулся считать: въ пачкѣ оказалось болѣе шести тысячъ ассигнаціями. Вышло такъ, что Бобрикъ, придя въ Крымъ, напился подъ кладъ въ Бессарабію, прибылъ къ нашимъ войскамъ и сталъ изъ мѣста въ мѣсто перевозить, съ другими, то хлѣбъ, то оружіе, то раненыхъ, да возилъ во всю войну и, наконецъ, при замиреніи, продать на солдатскій фуражъ и пару старыхъ уже воловъ и возъ. Помѣщикъ кинулся его благодарить, предложилъ даже ему долю, а Павло Бобрикъ попросилъ только отпустить его съ жинкою помолиться въ Кіевъ, потому что, идя уже домой, чуть не былъ ограбленъ троечникомъ на дорогѣ въ степи, но отбѣжалъ, только чуть-ли не согрѣшилъ при этомъ: ухватилъ, какъ бился одинъ на одинъ, троечника «нидъ-реберце», переломилъ ребро такъ, «какъ хруснуло», а потомъ, «какъ онъ упалъ», взялъ его же палку и «потрошилъ ему всѣ ноги и руки», чтобъ «не нападалъ уже болѣе на добрыхъ людей», а убивать не убилъ его въ концѣ... Помѣщикъ, котораго все состояніе не превышало 5,000 р. ассигн., отпустилъ Бобрика въ Кіевъ на богомолье, а потомъ отпустилъ его и на волю, причемъ Павло Бобрикъ все удивлялся щедрости пана: «Что же онъ такое особенное сдѣлалъ? Онъ только спасъ панское добро!» Случай въ родѣ этого былъ и съ отцомъ другого знакомаго мнѣ чумака, въ его молодости. Везъ онъ рыбу на базаръ. Его догоняетъ съ товаромъ такой же троечникъ, который у насъ въ степи, среди мирныхъ и простодушныхъ малороссовъ, получаетъ особыя заманки пограбить и надуть. Троечникъ остановилъ его. — «Что везешь?» — «Рыбу». — «Продай!» — «Бери!» Троечникъ отобралъ рыбы, ударилъ по лошадамъ и усакалъ, не заплативши ничего. Воламъ не догнать лошадей, хоть послѣдній былъ и съ кладью. Чумака догладѣлъ ему вслѣдъ, махнулъ рукою и поѣхалъ шагомъ,

велѣдь за нимъ, на своихъ «сивыхъ». Прошло часа два. Троечникъ наѣлся рыбы, стегнулъ лошадей и задремалъ. Онъ заснулъ, а лошади остановились. Чумакъ его и догналъ. Видитъ, троечникъ спитъ. Онъ тройку свернулъ въ сторону, хозяина огрѣлъ палкой по головѣ, а лошадей погналъ. «Знай, вражій сынъ! Не нападай на проѣзжихъ; я тебя не трогалъ, а теперь и считай мухъ!» Повозка привезла троечника въ какую-то деревушку съ разбитою головою... Но вотъ, земля вспахана, яровое посѣяно, фуры наложены. Чумакъ готовъ къ отходу въ путь. Онъ отирается изъ дому, или иногда изъ тѣхъ мѣстъ, близкихъ къ морю, гдѣ зазимовать, застигнутый осенними бурями и бездорожьемъ. Не всегда бываетъ такъ, чтобы чумакъ искалъ кладъ, или пахалъ землю. Желая скорѣе другихъ прійти на озера за солью, онъ поднимается въ дорогу, чуть сойдетъ снѣгъ и нѣтъ еще подножнаго корма. Для этого онъ даже подвозитъ съ собой верстъ на сто и болѣе сѣна, пока на дорогѣ, на глазахъ уже его, подрастетъ свѣжая трава. Наступаетъ роковой день...

Хозяинъ-чумакъ всталъ, вышелъ на крыльцо, когда еще заря чуть занимается, глянулъ на рядъ готовыхъ нагруженныхъ возовъ, на воловъ, ѣвшихъ сѣно въ сторонѣ, въ углу двора, и идетъ къ работникамъ. «Эхъ вы, бабы сыны! Вставайте, будетъ вамъ байбаками залеживаться! Всю зиму спали! Ну, шведче; Павло, Митро! Доронъ, Терёшко! Мажьте возы, наповайте воловъ, да съ Богомъ и гайда». Работники вскакиваютъ. Солъ и безъ того всю ночь бѣжалъ отъ нихъ. Кто покидалъ милую, кто лѣниво и любезно нагрѣтое за зиму мѣстечко, котораго бы, кажется, весь вѣкъ не покинулъ. Въ каждомъ чумацкомъ обозѣ отслуженъ молебенъ Богородицѣ-Одигитріи, по старинному преданію, покровительницѣ чумаковъ. Пока хозяйка готовитъ послѣдній обѣдъ, хозяинъ отмѣриваетъ въ амбарѣ на дорогу заранее припасенныхъ сухарей, муки, пшена, сала, соли и дегтю для колесъ. Заскрипѣли ворота. Воловъ поятъ изъ студеной криницы съ особою заботливостью. Мажутъ оси. Сосѣди и окрестные пріятели сходятся смотрѣть на проводы. А хозяинъ заботливо и весело ходитъ между возовъ и воловъ. Тутъ стоитъ и его пара, обыкновенно самая щегольская: ярмо на возу фигурчатое, рѣзное, съ цвѣтными разводами, а если хозяинъ — черниговскій чумакъ, плѣчъ зажиточный

харьковецъ, то и вызолоченное «шумихою», сусальнымъ золотомъ; волю при этомъ самые рослые, съ исполинскими рогами, смурые съ подпалиной, или черные, какъ нара тучныхъ медвѣдей; самые поводы на волахъ ременные, а не веревочные. Чумаки припасаютъ на дорогу всего двѣ рубашки, и въ этомъ есть свой обычай. Въ одной онъ идетъ въ путь и, не скидая ее ни разу, въ ней и возвращается. Для защиты отъ дождя, пыли, заразы и мошекъ, ее тотчасъ обмазываютъ дегтемъ, вмѣстѣ съ шароварами, почему тяжелый, липкий и загорѣлый чумаки въ пути представляють издали какое-то подобіе древняго рыцаря, закованнаго въ панцирь и въ латы. Другая рубашка имѣетъ въ себѣ много трогательнаго: ее на чумака надѣваютъ только тогда, какъ онъ умретъ на дорогѣ.

Время отхода чумаковъ въ дорогу—вечеръ.

Солнце свернуло уже къ закату и меркнетъ. Чумаки печально смолкаютъ. Далекій путь, по пустынямъ, невольно тревожитъ. А у многихъ есть и особенно отъ чего задуматься. Тотъ въ неоплатномъ долгу у хозяина и не знаетъ, отплатится ли онъ за эту побѣдку. Другой оставляетъ на долго невѣсту, на которой бы и женился, и она любитъ, да недостатку нѣтъ. Хозяинъ обещаетъ, какъ вернется къ осени, дать десять цѣлковыхъ, тогда и свадьбу можно справить. Да убережетъ ли его далекая дорога подъ дождемъ и бурями по ядовитымъ солончакамъ и лиманамъ. Трогательныя прощанія съ милыми происходятъ подъ общій шумъ и суету, по сосѣднимъ перелѣскамъ и огородамъ.

— Ну, дружокъ,—говоритъ чумаки товарищу-чумаку:—пойдемъ до моей дивчины проститься! Она тамъ, возлѣ зеленой балки ждетъ меня!

И идетъ одинъ или съ другомъ. Становится чумаки, берется со своею дивчиною за руки и долго-долго стоитъ съ нею, почти безмолвно, или изрѣдка переговариваясь.

— Ну, вотъ же я и иду, Настя!—говоритъ онъ.

— Иди!—отвѣчаетъ та со вздохомъ.

— Только я тебя уже не забуду; убей Богъ, не забуду!

— Не забывай, Грицю; а то я утоплюсь, а за другого не пойду!

Еще слова, еще молчаніе. Солнце уже низко. Передовой возъ выѣзжаетъ изъ воротъ хозяина.

— Прощай, Настя!

— Прощай, Грицю!

Дѣвушка на прощанье, по обычаю, дастъ въ руки своему названному, съ тѣмъ она уже давно «женится», шитое полотенце—«хустку». Онъ ее хранитъ, какъ заветъ, во всю дорогу, и если умираетъ въ пути, то товарищи его покрываютъ ему въ могилѣ лицо; потому что, если уже какай дѣвка въ такое время подаритъ чумаку хустку, то это все равно, какъ бы она за него помолвилась, и ни за кого болѣе не выйдетъ замужъ. Онъ ей въ подарокъ съ дороги привозитъ красные саногн. Въ такую пору бываютъ драматическія событія. Одинъ чумакъ подѣ Цареборисовомъ, не надѣясь, что воротится изъ двухмѣсячнаго переѣзда въ Крымъ и не побѣдивши припадка ревности, зарѣзалъ на прощаньи свою названную и выдалъ себя тутъ же. Дѣло было такое, что хотя она и любила его, но онъ подозрѣвалъ, что ея мыслямъ не чуждъ молоденькій ямщикъ съ голубыми глазами и русыми кудрями, изъ сосѣдней Голодальской станицы. Этотъ ямщикъ любилъ предметъ скрытой и безмолвной страсти чумака также безмолвно и безнадежно. Она была дочка богатаго содержателя кабака на перекресткѣ большой и проселочной дороги. Когда, бывало, ѣдетъ онъ на тройкѣ своей, а она изъ огорода или тутъ же на отцовской пивѣ, онъ поровняется съ постояннымъ дворомъ, никогда не заѣдетъ выпить, лошадей вуститъ такъ, что едва ѣдутъ, понуришь головы, а самъ шапку о тѣлѣчку, опрокинется и заляжется соловьемъ. Всѣ уже знаютъ при этомъ, что ѣдетъ «отпѣтый» поклонникъ шинкаревой дочки; и многіе думали, что онъ поженится плохо: или зарѣжется, или утоится. Вышло наоборотъ. Уборный стениакъ, любимый дѣвушкою, порѣшилъ дѣло убійствомъ ея.

Обозъ двинулся...

Но прежде еще чумаки обыкновенно на передній возъ, по старинному обычаю, берутъ пѣтуха. Этотъ пѣтухъ сперва привязывается тамъ за ногу, а потомъ въ дорогѣ осванивается и совершенно свыкается съ правами табора. Въ безлюдныхъ пустыняхъ, по почамъ, когда очередные чумаки въ сторонѣ отъ дороги пасутъ воловъ, онъ крикомъ своимъ даетъ знать въ потемкахъ, гдѣ искать возы. Но немъ узнають часы, когда ночь, когда полночь и скоро ли рассвѣтъ. Но, кажется, скорѣе всего пѣтухъ мнѣ скитальцамъ особенно тѣмъ, что въ глухихъ степяхъ, оглашая дикіе пу-

стири своимъ крикомъ, напоминаетъ чумакамъ и родное село, и родную кровлю. Чопорный и гордый, возсѣдаетъ онъ на пыльномъ возу, разсматривая съ его вершины профзжихъ, или на стоянкѣ ходить возлѣ и клѣсть подъ колесами отборное, хранимое ему зерно. Но мѣлкую нинхъ, онъ еще спасаетъ отъ придорожнаго бѣса. Баловень и любимецъ всей «вѣлки», обоза, такой иѣтухъ живетъ иногда лѣтъ десять и двѣнадцать, совершая каждое лѣто по нѣсколько тысячеверстныхъ путешествій. Но иногда, гдѣ-нибудь на степномъ перевалѣ, въ глухомъ хуторкѣ, или на постояломъ дворѣ какой-нибудь менонистской колоніи, гдѣ хозяйство процвѣтаетъ и кучи куръ ходятъ около кормилы, перистый суляпъ неожиданно вскакиваетъ съ воза, стремится въ общество насѣдокъ и, если его не поймаютъ, при отходѣ обоза оказывается окончательно въ бѣгахъ.

Обозъ выѣзжаетъ за околицу и, отѣхавши версты двѣ или три, не болѣе, останавливается на первый ночлегъ почти въ виду села. Это мудрое обыкновеніе установлено потому, что, какъ говорить чумаки: «Человѣкъ слабъ и можетъ дома что-нибудь позабыть; а тутъ близко, и какъ рѣшъ собѣаешь»...

Начинаются событія безконечныхъ перѣздовъ по степямъ...

III.

ЛѢТО.

«Воны не-вѣдип, ничего не знаютъ,

Чвадѣями ходитъ, та бисепт. приводитъ!»

Мѣстная поговорка о чумакахъ.

«Чи рыбу съ Дона везетъ,

Чи може выходитъ бурлаки?»

Эпизод Котларевскаго.

Пыльная степь. — Обычай чумаковъ въ дорогѣ. — Перевалы, колоды. — Какъ беретъ за водоній жидъ и какъ беретъ христіанинъ. — Картины лѣта — За стѣ железнаго пола. — Чумацкіе пути. — Близость Крыма. — Статистика соляныхъ озеръ. — Какъ добывается соль. — Обратный путь; овражки, сараича. — Смерть чумака въ степи — Чумацкія иѣсени.

Украинская степь, воспѣтая Гоголемъ, въ послѣднее пятидесятилѣтіе сильно и мѣнилась. Это уже не то пустынное

раздолье, по которому ѣхалъ когда-то Тарасъ Бульба съ сыновьями, не видя конца «морю травъ» и по встрѣчая ни жилы, ни дороги. Тамъ, гдѣ еще за восемьдесятъ лѣтъ назадъ, понуждая жителей къ хлѣбопашеству, правительство предписывало губернаторамъ имѣть крѣпкую предосторожность отъ татаръ и запорожцевъ, гдѣ безпрестанно посылались на пограничную линію пушки и порохъ, а поселане выжидали, что вотъ-вотъ нагрянетъ врагъ и пустить по деревнямъ «красныхъ пѣтуховъ», — тамъ ружье смѣнилось уже косой, пушка плугомъ, а пустыня стала всенаханнымъ и засѣяннымъ полемъ. Степь по всѣмъ направленіямъ уже изрѣзана столбовыми и проселочными дорогами. Луга ея смяты безчисленными стадами овецъ и зовутся «толками». Желтый дрокъ и бѣлая канка уже не выскакиваютъ такъ живописно на безбрежной, но уже истоптанной человѣческой ногою луговинѣ. Степь, дикая украинская степь, становится просто тихимъ русскимъ полемъ. Но хороша она еще въ своихъ отдѣльных картинахъ. Весною, когда расцвѣтають травы, она еще является въ такомъ убранствѣ, что невольно остановишься и перепесешься во времена Тараса Бульбы и Вія. Красивѣе особенно въ это время алый воронецъ, дико растущій тюльпанъ. Перепаханныя громадные степныя нивы подъ пшеницу, о которыхъ великороссъ съ трудомъ составить понятіе, также отзываются чѣмъ-то особеннымъ. Въ уваженіе къ избыткамъ хлѣбопашества, украинецъ зоветъ степь, залитую хлѣбомъ—«цариня» и невольно ломаетъ передъ этою «цариню» шапку. Чумаки болѣе другихъ терпятъ отъ размноженія хлѣбопашества. Уменьшеніе луговъ подняло цѣны на подножный кормъ.

Возы нагружены, фуры двинулись, первый ночлегъ выдержалъ, пѣтухъ чѣмъ-свѣтъ крикнулъ, и обозъ двинулся впередъ. Чумацкій обозъ называется «валкой», передовой вожатый—«ватажкомъ». Страпствие производится такъ:

Рано на зарѣ, часовъ около трехъ до восхода солнца, ватажокъ будить товарищей, сторожевые поятъ и запрягаютъ воловъ, и валка зорится, то-есть идетъ по-зарѣ до новаго перевала. Этотъ перевалъ производится уже тогда, какъ солнце поднимается надъ землею на два дуба, то-есть около шести или семи часовъ. При этомъ, пока волы отдыхаютъ и пасутся, чумаки завтракаютъ, «спидаютъ». Въ полдень второй перевалъ и обѣдъ. Вечеромъ, на зарѣ, ужинъ, а за нимъ

почлегъ и настоящее настѣнище воловъ. Вообще стараются въ день пройти верстъ тридцать. Видѣть дорогой пыльную кашу съ саломъ, хлѣбъ съ солью, галушки, а на возвратномъ пути съ Дона рыбу соленую и вяленую. Обычай чумаковъ въ пути воздерживаться въ пищѣ. Воламъ выбираютъ лучший кормъ на лугахъ и «толокахъ» и лучший водоной. Мипують близкіе дурные колодцы для дальнихъ и лучшихъ. Избѣгаютъ пути по солончакамъ, которыми усѣяна лѣвая сторона Днѣпра, до Сивана, и травы, называемой «чихирь». Отъ послѣдней вола страдаютъ кровотеченіемъ. Кромѣ того, бичъ воловъ—оводы, комары и мошки, которые набиваются къ нимъ въ уши и въ ноздри и нерѣдко ихъ удушаютъ. Ближе къ Крыму, земля у лимановъ изобилуетъ вредными испареніями. Отсюда нерѣдко завозится на сѣверъ скотская чума. На хорошихъ «толокахъ» землевладѣльцы берутъ съ пары чумацкихъ воловъ за пастбу, днемъ въ короткій отдыхъ, отъ конейки до двухъ съ половиною серебромъ, а ночью двѣ и три. За водоной берутъ съ пары болѣе, именно около пяти копеекъ серебромъ. Это потому, что большая часть водоемовъ въ степи, за неимѣніемъ рѣкъ, производится въ колодцахъ, гдѣ вода иногда находится саженъ двадцать и тридцать ниже поверхности земли. Въ такихъ колодцахъ воду достаютъ колесомъ, руками или рычагомъ, посредствомъ лошади. За Орѣховомъ устроены, для уничтоженія высокихъ откупныхъ цѣнъ за водоной, казенные колодцы. Здѣсь чумаки платятъ только за посудину, на содержаніе бадьи, веревки и казармы съ сторожемъ—около полуторы конейки серебромъ за пару воловъ. Это—значительное облегченіе чумаку. Можно вообразить, сколько частные колодцы, при произвольной платѣ, приносятъ доходу, когда казенные въ иныхъ мѣстахъ отдаются на откупъ за сто и болѣе рублей серебромъ въ годъ. Иногда въ день «привалить чумака столько», какъ говорятъ на югѣ, что выбираютъ всю воду изъ колодца и долго ждутъ, пока она опять набѣжитъ. Казармы при казенныхъ колодцахъ, сложенные изъ «чамура», нежженаго кирпича, тоже служатъ убѣжищемъ для больныхъ чумаковъ. Тамъ же, гдѣ колодцы содержатся частными людьми, чумаки предпочитаютъ идти болѣе глухими дорогами и, что довольно странно, именно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ содержатели не христіане, а жидаы. Объ этомъ вамъ разскажутъ довольно забавно. «Видите ли,—

говорить чумаки:—жидъ возьметъ свое за поимъ и за водою скота, лишнее возьметъ, нельзя ужъ безъ того обойтись, и дѣло съ концомъ. А христіане выдумали отличиться отъ жидовъ. Какъ можно, чтобъ мы дорого откупили Божью траву и воду! И понастроили около толѣкъ и колодезь шинковъ, я снимаютъ, значить, плату приставленные въ этихъ кабакахъ шинкари. Да какъ снимаютъ! Смотришь—человѣкъ, какъ человѣкъ: и хата у него расписана, и надъ дверьми вывеска, и чисто такъ въ хатѣ и кругомъ. За водою и пастбу возьметъ грошъ, или два, и прикладываетъ только на каждую пару воловъ по *осьмухъ вошки*; оно бы и то ничего, осьмуха тамъ стоитъ восемь копеекъ ассигнаціями: только та бѣда, у кого четыре пары — и пей, не хочешь, полведра. Самъ не выпьешь, поишь другихъ. А напился, и пошла голова колесомъ, прогуляешь, не опоминишься, и воловъ, и возъ, и одежду, и чужую кладь. Не мало напихъ такъ съ однимъ кнутомъ домой приходили. Мы поэтому впыхъ помѣщиковъ и минуемъ, а идемъ къ пѣщамъ или къ тагарамъ, или гдѣ жидовъ держатъ постоянны!»

Не мало приходится еще гори чумакамъ, если на настибнѣ очередной сторожевой зазывается или проснитъ и волю сдѣлаютъ «шкѣду» — помнугъ и скормить часть чужого хлѣба. Иные этимъ промышляютъ и нарочно держатъ «толѣки» близъ хлѣбныхъ нивъ. Чумакъ изъ села Мирнаго, Копылецъ-Коноваленко, рассказывалъ мнѣ, какъ подъ Орѣховомъ онъ было пустилъ пасти воловъ на городской общественный выгонъ, не зная, что его уже взялъ на откупъ мѣстный жидъ, какъ жидъ отнялъ у него вола и насилу, но неотступной мольбѣй всей вилки, отдать этого вола за 30 р. ассигнаціями. Другой чумакъ, Тихонъ Вербницкій, изъ Балаклеи, передалъ мнѣ повѣствованіе о томъ, какъ въ какой-то Юрковѣ помѣщикъ поймалъ его и товарища съ волами во ржи. «Что мнѣ съ васъ брать?» — сказалъ помѣщикъ: — «воловъ вашихъ не стану отнимать, ими вы кормитесь, а чтобъ помнили, что чужого хлѣба портить нельзя, вотъ вамъ судъ. Какъ тебя первого звать?» — Тихонъ. — «А тебя?» — Осипъ. — «Ну, Тихонъ, на тебѣ палку и побей хорошенько Осипа!» — И было думать, что Осипа только и нужно побить и постегать ему спину такъ, что тотъ только подекакивать.

— «Ну, довольно же... Теперь, Осипъ, бери палку ты и

побей Тихона, чтобъ и онъ помнилъ зарокъ!» — Товарища я, правда, ужъ очень обидѣлъ, и онъ принялся меня такъ стегать, что сперва я было терпѣлъ, а тамъ ужъ пришлось невмоготу, и я сталъ просить милости. Разсмѣялся помѣшникъ и еще далъ намъ по чаркѣ водки. Добрый папъ, и мы къ нему послѣ затѣжали. Все спрашиваетъ: «а что, хлѣба уже не шкѣдите?» — Разпоясание промышленнаго духа сильно отозвалось на югѣ Россіи. Спросите чумаковъ, за что они теперь не платятъ? — «Все уже на откупъ, кромѣ одного неба!» — отвѣтитъ вамъ. И дѣйствительно, за водою берутъ, за кормъ травы берутъ, за мосты и переправы на паромѣхъ берутъ. Въ иныхъ мѣстахъ заставляютъ ихъ, при нагрузкѣ товаровъ, прежде исполнить нѣкоторыя городскія повинности, свезти изъ города на своихъ волахъ соръ, привезти камня или песку. Между собой дорогой они вообще очень старательны. Каждый день по очереди одинъ идетъ впереди валки, другой наблюдаетъ за общою трезвостью, сторожитъ воловъ по очереди и по очереди исправляетъ должность кашевара, готовитъ ужинъ и обѣдъ, мѣситъ тѣсто на галушки, распачивается съ содержателями толкѣ и водопоевъ и несетъ всѣ обязанности по обозу. Нѣтъ ничего живописнѣе вечернихъ чумацкихъ переваловъ. Вozy поставлены четырехугольниками, по пяти и десяти возовъ въ рядъ съ каждой стороны. Внутри этихъ затишей разводятся костры; на костры ставятся желѣзные трепожники съ прицѣпленнымъ котелкомъ. Воловъ ночные сторожа гонятъ отъ дороги далѣе, на менѣе пестотанную поляну. Огонь пылаетъ, освѣщая черныя, запыленные и загорѣлыя лица. Пока каша поспѣетъ и сонъ еще не смежалъ усталыхъ глазъ, идутъ рассказы о старинѣ, о прежнихъ годахъ чумачества, говорится сказки, выкладываются барыши, вспоминаются родичи. У кого обломался возъ, тотъ чинитъ колесо, подводитъ новую ось, скручиваетъ веревкой ободъ или сину, пригоняетъ новый шкворень. На утро, на мѣстѣ почлега, остается постоянно не мало щенокъ и стружекъ, красногубиво говорящихъ о постоянно плохомъ устройствѣ чумацкихъ возовъ. «Худая спастъ отдохнуть не дастъ» — гласитъ пословица. Наконецъ, сломанное починено, ужинъ конченъ, всѣ засыпаютъ. Чѣмъ свѣтъ пѣтухъ крикнулъ; на его голосъ, иногда еще вьюмахъ, сторожевые гонятъ къ табору воловъ. Атаманъ покривляется: «А ну-те, братцы, будетъ

уже вамъ спать!» Всѣ встають, и обозъ въ двѣсти или чотыреста колесъ, скрипя, вытягивается вдоль дороги. Какъ ни стараются чумаки, для избѣжанія давки и суеты при переправахъ черезъ рѣки и при водопояхъ, идти валками по болѣе, какъ воровъ въ тридцать или много пятьдесятъ, чѣмъ ближе къ Крыму — они сбиваются болѣе и болѣе и наконецъ соединяются по широкому чумацкому пути въ безконечные обозы... Дороги становятся все глуше и глуше. Проселки вовсе исчезаютъ. Села попадаются рѣже. Идетъ прямою стрѣлою одна большая торная дорога. По сторонамъ изгибаются только косогоры, да тинется зелень и зелень. И вотъ — дальше и дальше. Балки и овраги смѣняются гладкими равнинами, равнины — песками и опять балками. Вотъ на пути поднялся каменистый хрякъ холмовъ и какъ будто горъ. Сегодня обозъ прошелъ весь день подъ нестерпимой солнечной истомой; завтра накрапываетъ дождь. На зарѣ изъ-за косогора показывается степная деревушка. Въ ямѣ родникъ; у родника плетень изъ прутьевъ; огородъ раскинулся по откосу горы; десятокъ плодовыхъ деревьевъ недавно посажены. Курень стоитъ среди поля — это бакша; дыни и арбузы желтѣютъ и бѣлѣютъ среди темныхъ листьевъ «огудины». Тамъ заперстрѣли приземистые кусты дикой вишни и терна. Здѣсь проходитъ на сѣверъ, въ столицы, громадный гуртъ черкасскихъ быковъ на убой. А обозъ все дальше подвигается. Вотъ степь какъ будто изъ зеленой пожелтѣла и заливается чѣмъ-то краснымъ. Зной сушить и выжигаетъ травы. Надъ курганами играютъ марева, миражи. Кругомъ ни звука. Все затихло въ зной и духотѣ — птицы и кузнечики. Раздается только медленное движеніе скрипучихъ воровъ, да слышится тихая поступь сѣрыхъ и рыжихъ воловъ, мѣрнымъ шагомъ взбивающихъ по дорогѣ тонкую пыль.

Такъ странствуютъ чумаки съ весны все лѣто, до поздней осени. Мѣстная жизнь мало имѣетъ къ нимъ, въ это время, отношеній. Они о ней забываютъ. За то же и о чумакахъ почти совершенно забываютъ тогда остальные обитатели Малороссіи. Что имъ за дѣло до нихъ? Лѣто несетъ столько своихъ заботъ, что и не оберешься. Пословица говоритъ: «Лѣто собираетъ, зима поѣдаетъ»... іюнь-Червецъ смѣняется іюлемъ-Линцемъ, любимымъ мѣсяцемъ пчеловодовъ. За Линцемъ идетъ Серпень-августъ, время уборки хлѣбовъ. Но на

каждый день и на каждую неделю есть еще свои приметы. До Юрія скотъ пасется въ селахъ еще на толкахъ, а тамъ уже переходитъ на скошенные поля. На Зилота собрано всякое цѣлебное зелье. Въ садахъ появляются «майки», инанскія мухи. Огнь усаживаются изумрудными роями на молодыя вѣтви ясени и превращаютъ ихъ листья въ прозрачныя ткани тюля. По народному повѣрью, на Тихона затихаютъ птицы, и прежде всего соловей. Работы идутъ безъ усталы. Пословица велитъ: «въ дождь косить, въ погоду сушить». Приходитъ Ивановская почъ, праздникъ Ивана-Купала. По обычаю, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ этотъ день жарятъ пѣтуха съ красными перьями, собираютъ отъ пожара клей съ десяти вишневыхъ деревьевъ, и на перекресткѣ трехъ дорогъ поднимаютъ на счастье три скрещенныя соломинки. Чуть стемнѣло, на выгонѣ кладутъ вереницы костровъ изъ наскони и соломы, зажигаютъ ихъ и прыгаютъ черезъ нихъ попарно, парни съ дѣвками. Чучело «мареники» изъ вѣщихъ травъ и соломы, въ рубахѣ, поясѣ и монистѣ, посаженное на осиновое деревцо, становится въ головѣ костровъ, среди хоровода. Пѣсни гремятъ про Иваника и Марусю, Петра и Парасю. Съ криками и смѣхомъ топятъ наконецъ въ рѣкѣ и чучело, и дерево, расплывая, какъ: «ходили дѣвочки около мариночки, около того вудола-Купала; играло солнышко на Ивана». Дѣвушки начинаютъ расходиться по домамъ, затягивая пѣсню: «Купался Иванъ, та воду упалъ». А парни подхватываютъ: «Иване, Иване! подъ гору зеленѣлько, на мѣсяцѣ виднѣнько, мое серденько!»—Купало проходитъ. Недалеко Петровки и задумчивыя пѣсни «петривочки». Если въ день Мокрины выпадетъ дождь, будетъ осень мокрая. На Палія не топятъ печей, чтобы онъ не спалилъ деревни. Отъ множества мухъ, комаровъ и слѣпней некуда было уже дѣться. Пчельники, пасѣнки, въ гущинѣ уютныхъ вишневыхъ садиковъ, гудятъ, и соты ломаются отъ обильнаго сбора меду. Слобожанинъ помнитъ, что завѣщала людямъ, по повѣрью, въ началѣ міра пчела, именно: «Корми меня до Купала, сдѣлаю изъ тебя пана!» — и не раскавается, что долго съ весны кормилъ пчелъ. Отъ жары, наконецъ, нигдѣ не скроешься. Замолкла и кукушка. Украинцы замѣчаютъ, что она въ это время «подавилась мандрыкою», особенною лепешкою, какія пекутъ въ петровскій ностъ. Засуха иногда убиваетъ на

корнѣ и хлѣбѣ, и травы. Тогда однѣ утреннія росы только еще и кропятъ едва остывающую ночью жаркую землю. Вѣтру нѣтъ, а наливающиеся колосы чья-то невидимая рука за ночь надламываетъ. Это значитъ, что, несмотря на засуху, урожай будетъ хорошій. Приходитъ Борисъ и Глѣба: въ полѣ поспѣлъ хлѣбъ. Но, замѣчаетъ поговорка: «на Глѣба и Бориса за серпъ еще не берися». Недалеко Августъ-Серпень. На Маккавеевъ происходитъ «макотрусь», вытряхиваніе зерна изъ поспѣвшихъ головокъ маку. На Луна «овесь луניתъ», сѣетъ. И вотъ, засверкалъ серпъ. Руки ломаются отъ взмаховъ косы, спины отъ вязанья сноповъ, ноги отъ ходьбы по пышной, червонно-золотой нивѣ. Косовицкія и гребовицкія пѣсни сопровождали сѣнные покосы, а теперь сопровождаютъ и праздникъ «обжинокъ». Возы заскрипѣли и, наваленные новымъ хлѣбомъ, подъ вечеръ, ползутъ по пыльной дорогѣ къ околицѣ. Не за горами уже Спиридонъ-солнцеворотъ. Идутъ Спасъ медовый и Спасъ яблочный. Бьютъ ичель, святятъ медъ и яблоки. Зрѣютъ на бакшахъ арбузы и дыни. Бабы треплютъ коноплю и ленъ. А вотъ въ селахъ показываютъ и бандуристы. Бандура звенитъ, и кобзарь припѣваетъ: «Ой, бѣсъ мяѣ порадѣ нынче далъ, что я себѣ на печь бабу взялъ! Бабу, бабу, бабу, бабу, бабу взялъ!» Слушатели подхватываютъ: «Ой, сорока стрекочетъ, никто бабы не хочетъ!» И всѣ приплясываютъ. Откуда-то подулъ сухой вѣтерокъ. Это «бурей» — осенній вѣтеръ, несущій бури. Тучи сдвигаются, ударилъ дождь и градъ. Дня три ливень не умолкаетъ. Но это только шутки осени. Лѣто еще не кончилось, и долго будетъ тепло и ясно. Долго еще не покажется Сементлѣтопроводецъ, когда выкупѣнный заяцъ, ставшій точно въ мѣховыхъ штанахъ, нырнетъ въ новой бѣлѣ, и охотники выйдутъ на поиски волчьего выводка, что ни день похищающаго изъ села то поросятъ, то молодыхъ баранковъ. Слѣды жизни по собственнымъ примѣтамъ и по нимъ располагая свои работы, украинцы не замѣчаютъ, какъ время идетъ. Слово «скука» не существуетъ въ деревенскомъ словарѣ. И мало ли, напримѣръ, занятій дѣвущкѣ, уже не говоря объ отцахъ и братьяхъ ея! Отъ ранней зари она уже на ногахъ. Въ косовицу дѣвки ставятъ конны. До уборки хлѣба, пока отцы работаютъ въ лѣсу, то занимаются у сестѣй возить сѣно, доканивать траву, или опѣ полятъ

огороды, багину, конопляники, ходятъ собирать на зиму травы. Тогда чаще встрѣтишь дѣвку вечеромъ, у воротъ, или гдѣ-нибудь у плотины, гдѣ вода шопотливо бѣжитъ, точно сказку кто говоритъ, рука объ руку съ мынымъ. Разговоры влюбленныхъ, и на хуторянскомъ языкѣ, большею частью—слова безъ значенія. Извѣдка только онъ скажетъ ей: «Ты вчера тамъ-то была или стояла, а я тебя думалъ затронуть, да не посмѣлъ!»—или прибавитъ:—«А ты гордый-прегордый, сегодня утромъ прошелъ и не поклонился, мимо нашей хаты!» Студёныя и живительныя ночи смѣняются первыя лѣтніе жары. Въ ихъ мракѣ скрывается много тайнъ. То тамъ, слышишь, кленется свадьба къ осени, то здѣсь уже склепалась, и скоро благословить жениха и невесту. А гдѣ собрались на работу дѣвки, да еще примѣняйся тутъ двѣ-три бабы, толкамъ и крикамъ пѣтъ конца. Иной мужчина, даже и старинный съ палочкой, стоитъ тутъ, слушаетъ-слушаетъ, только плюнетъ и пойдётъ прочь. О чемъ онъ говорить! Одна толкуетъ, что такіе-то и такіе парни хорошіе люди, а другіе дрянь, и кто кого любить и съ кѣмъ знается. Другая кричитъ, бросивши работу, и божится, что, положимъ, Бобрикъ Иванъ не хорошъ, и чѣмъ не хорошъ, и почему о такой-то не думаетъ, и куда, напротивъ, его думки и мысли летятъ. Все ей извѣстно. Шопотомъ передаетъ третью подружку, какъ ее въ воскресенье, въ огородѣ, затронулъ такой-то, и что она ему сказала, и что онъ ей на то отвѣтилъ; какъ послѣ она пошла дальше, а онъ все за нею и просилъ, чтобы она вышла постоять за ворота. Непобѣдимая и влекущая сила любви беретъ свое. Влюбленную тутъ сейчасъ помѣнятъ всѣ и знаютъ ее давно. Сама она тоже какъ будто перерождается. Отца пѣтъ дома; надо все прибрать. Пшено на кашу затѣрго, горшки перекрыты, корова сдоена, хата подметена, постель постлана. Надо ложиться раньше спать, завтра чѣмъ свѣтъ, но холодку, сходить на базаръ; отецъ будетъ съ поля, надо соли купить, обѣдъ сварить. Мало ли работы? Но работа валится изъ рукъ, сонъ бѣжитъ отъ глазъ. Коса зачесана; дѣвушка умылась, кладетъ поклоны; синяя изгибается, какъ молодой ясенокъ. Дверь заперта, свѣтъ погашенъ, а въ окно смотритъ мѣсяцъ; вѣтка черешни машетъ, и тѣнь перелѣзаетъ по полу. Вдругъ въ двери кто-то стукнулъ, и сердце бьется тревогу. Долго будетъ памятна въ будущемъ и эта ночь, и свѣтъ

мѣсяца, и неутомимый трескъ кузнечика, до зари прорываемый только громкими криками ибтуховъ, которымъ вторить инстинктивнымъ баскомъ маленькіе, подроставшіе ибтухи... Съ бабами другая исторія. Гдѣ онѣ соберутся, тамъ часто не минуешь драки. Стоитъ какой-нибудь заикнуться о томъ, пожалуй, что весь свѣтъ скоро сгоритъ, такъ вотъ, какъ хлопья горять, и никого уже больше не будетъ, и отъ людей одна старь полетитъ по воздуху, — всѣ тотчасъ опустятъ лопаты, или иглы, или грабли, что было въ рукахъ, и до вечера протолкують, какъ это сгоритъ свѣтъ. «Да ты отъ кого слышала про это?» — «Отъ Кузубки!» — «А она?» — «Отъ своего диди!» — «А онъ?» — «Отъ тетки, а можетъ отъ кумы!» — Толкамъ ибтъ конца. Скорѣе всего, что рассказчица о пожарѣ свѣта слышала отъ вѣтра. И этимъ еще не кончается. Завтра одна изъ слышавшихъ это надѣнетъ новую юбку, возьметъ подъ мышку кусокъ полотна и какъ будто за дѣломъ пойдетъ въ сосѣднее село. Тамъ скажетъ про все первой попавшейся знакомѣ, та своимъ бабамъ — и пошло кружить. Иногда мужики возираются съ зарботковъ, а жены уже, за ненадобностью и скорымъ концомъ свѣта, одѣжку сбываютъ въ полъ-цѣны. Исторія кончается другою исторіею. Напримѣръ, одна, развеселившись и разоглавившись нараспашку отъ всей души, вдругъ скажетъ пароботъ другой: «Да это, душка моя, было тогда, какъ мы съ тобою, помнишь, у отца Герасима лукъ крали!» — «Какъ крали?! Врешь... Я не крада; это ты одна крада, а я только смотрѣла, и говорила: в! Варько, не крадь, увидятъ! Помнишь?» — «Врешь, врешь! Крали, вмѣстѣ крали! И ты еще полный подолъ набрала!» Толпа слушательницъ раздѣляется на-двое, одніе пристають къ первой, другія ко второй. Разбирають дѣло до той поры, что переругаются до потери голоса и идутъ домой съ синяками подъ глазами. И все тутъ поминается обидчицамъ: гдѣ какая изъ нихъ пьяна была, гдѣ мужъ ее билъ, и какъ мужъ оставилъ въ корѣмъ заложенный поясъ и шапку и не въ чемъ ему было домой идти. Все вспоминаютъ словоохотливыя бабы... А пока въ деревняхъ бабы ссорятся, а дѣвки толкують про суженыхъ, чумаки уже далеко-далеко въ пути, уже скоро въ Крымъ придутъ и съ Дону рыбы навезутъ. Пути, которыми они ходятъ, большею частью не измѣняются. Одни обозы чумаковъ идутъ на Донъ и азовскія побережья, гдѣ нагружаются со-

леною и вяленою рыбой. Изъ этой рыбы самая употребительная и известная въ Украинѣ «тарань». Она поспѣваетъ съ Дона обыкновенно какъ разъ къ петровскому посту и раскупается наскхватъ для косарей и домашнего употребленія. Другіе обозы отправляются въ Крымъ, къ озерамъ, за солью. Выше уже сказано, что главная дорога туда идетъ изъ стари такъ-называемымъ «Муравскимъ шляхомъ». Рѣку Богатырь, называемую еще Джемректъ, переѣзжаютъ по настоящему, хорошо устроенному мосту. Здѣсь уже начинаются иностранныя колоніи. Первая—Большой Янысель, потомъ—Старый Керменчикъ. Отсюда дорога идетъ къ рѣкѣ Кобыльной. Вблизи этой рѣки, на рѣкѣ Волчьей, въ степи, недавно еще видѣли остатки табуновъ дикихъ лошадей, и, какъ при-бавляютъ, эти лошади сѣренькія и небольшого роста и такъ же пугливы, какъ всякая полевая дичь, бѣгутъ отъ одного вида человѣка. Тутъ явились не такъ давно еврейскія колоніи или помера, какъ ихъ тутъ называютъ. Далѣе чумацкая дорога идетъ въ Апухтины-Номера и въ Черниговскіе-Хутора. Между послѣдними степь лежитъ на пятьдесятъ верстѣ, не оживленная ни одною деревушкою. За этимъ, цѣмское село Красный-Трактиръ сближается Астраханкою—деревней секты молоканъ. Наконецъ, является среди степи уѣздный городъ Мелитополь, прежде Кизыяръ. Онъ состоитъ изъ деревянныхъ домиковъ, большей частью избушекъ. За Мелитополемъ, гдѣ уже на базарной площади толкутся двухколесныя татарскія арбы и верблюды, и гдѣ я покупалъ винограды въ одной цѣнѣ, какъ за недѣлю въ Крыму, — въ южно-береговой Алушкѣ встрѣчается еще одно русское село Ефимовка, съ почтовою станціею на Перекопъ. Отсюда уже на полтора-ста верстѣ идутъ одні татарскія и погайскія деревни. Недалеко отъ Приюта, въ Святодуховкѣ живетъ замѣчательный чумакъ Иванъ Солонина, тридцать лѣтъ занимающійся своимъ ремесломъ и побывавшій съ волами даже въ Варшавѣ. Мѣстные жители много говорятъ о его умѣ, честности и неутомимости въ дорогѣ.

Другихъ путей я не буду исчислять. Чумаки, живущіе близъ Днѣпра, идутъ еще въ Одессу, Польшу и въ Бессарабію, съ разнымъ грузомъ. Изъ Бессарабіи тоже вывозятъ соль. На Днѣпрѣ переправляются на тѣхъ же старинныхъ запорожскихъ бродахъ и татарскихъ перелазкахъ, гдѣ, впрочемъ, уже устроены хорошіе паромы и плавучіе мосты, какъ

въ Кременчугѣ. — На Сиванѣ устроены мосты, на палихъ, осмоленныхъ «шевскою смолою», какъ говоритъ чумаки. За мостомъ — Перекопъ, а вблизи — первое соленое озеро Тонкое. Какъ я уже сказалъ, на Азениковскіе пески, у Днѣпра, знаменитые своею «безкормицею», мало ѣздятъ чумаки, а возутъ соль на село Копани, гдѣ она грузится на барки и по Днѣстру ставится въ Херсонъ. Вообще, лѣвая сторона Днѣпра до Сивана идетъ «солончаками», а правая, по Ингулу и Ингульцу, «балками, лѣсистыми оврагами и песками». Съ весны открывается переправа на паромѣ въ Бериславѣ. Тутъ сходятся иногда разомъ нѣсколько тысячъ воловыхъ воевъ. Въ Одессу идетъ другое развѣтвленіе чумацкихъ обозовъ. Они въ Одессу возятъ, съ апрѣля до сентябрю, почти непрерывно, пшеницу изъ окрестныхъ уѣздовъ, ѣздить въ Бессарабію, въ Крымъ и на Донъ. Иногда изъ нѣсколькихъ «валокъ» составляется обозъ въ триста паръ подводъ, причемъ у избираемаго атамана, старосты, хранятся артельныя деньги для покупки на общину новыхъ воловъ, вмѣсто павшихъ, для починки воевъ и покупки на мѣстѣ товаровъ. Такимъ образомъ, все почти пространство южнорусскихъ степей, отъ весны до поздней осени, въ разныхъ направленіяхъ искрещивается странствующими чумаками. Послѣднихъ ничто не пугаетъ, ни видъ пустынной степи, гдѣ вознуетъ щетинистый «ковыль», да неуклюжій сѣрый «бурьянъ», ни вредныя болота придуѣтровскихъ лимановъ, съ сыпучими песками — «прогноями» и «солончаками». Они идутъ себѣ шагъ за шагомъ, перенося зной и бури, жажду и голодъ, въ ожиданіи богатаго сбора рыбы и соли. Рыбный уловъ не столько любопытенъ, какъ сборъ соли въ крымскихъ озерахъ, и потому я коснусь здѣсь послѣдняго.

Чуть только, въ концѣ мая или въ началѣ іюня, вода отступила изъ лимановъ и съ береговъ озеръ, соль садится на землѣ и лежитъ толстою корою, иногда далеко съ берега надъ водой, какъ ледъ, до конца іюля, особенно если лѣто сухое. Дожди ее размываютъ. Въ это время дворяне подольскіе, новороссійскіе и бессарабскіе, казенные комиссары, нѣмецкіе колонисты, чумаки и татары нѣютъ подводъ и сами являются за покупкой и грузомъ соли. Казенное промысловое управленіе распределяетъ работы и дѣлитъ лиманъ жердями на пай, отъ береговъ до середины лимана. Близъ берега слои кристалловъ тоньше, въ глубинѣ толще.

Лямы и глубины оставляются за казною. Лопатами и корытами берутъ иль съ солью и даютъ ему осѣдять на берегу. Гдѣ дно суше, тамъ и работа легче. Соль возить тачками, на волахъ и лошадяхъ. Работники подвизываютъ подъ ноги дощечки, потому что соляной сиропъ, *тузлукъ*, очень вреденъ, кожа на ногахъ отъ него трескается, и въ трещинахъ открываются упорныя раны. На руки работники надѣваютъ особаго рода рукавицы. Одежда отъ соли, пропитывалась тузлукомъ, деревенеѣтъ. Прежде всего наполняютъ казенныя склады соли въ наддѣльновскихъ магазинкахъ. Прочее конятъ въ скирдахъ, называемыхъ *кагатами*. Чтобы кагаты не портились отъ непогоды и не размывались дождями, ихъ обжигаютъ хворостомъ и соломой такъ, что слежавшуюся и обожженную соль въ нихъ послѣ съ трудомъ рубить ломami и топорами. Лучшею, чистою солью считается, славная на мѣстѣ и въ Малороссіи, *красноозерка* и *староозерка*—съ двухъ обширѣйшихъ перекопскихъ озеръ, Краснаго и Стараго. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ казна отдастъ добычу соли на откупъ частнымъ лицамъ. Откупщики при этомъ, взивши озера, навимають «таэву»—артель рабочихъ съ тачками, возами. У берега соль черпають, въ смѣшеніи съ тузлукомъ, лопатами, артелью человекъ въ двадцать; изъ складовъ, кагатовъ, ее рубить.

Чумаковъ, по приходѣ ихъ къ Перекопу, выстраивають въ рядъ. Чиновники повѣряють, сколько возы каждаго могутъ поднять соли, и за этимъ выдаютъ имъ на проходъ къ озерамъ открытыя листы. Въ кагатахъ, по этимъ мѣстамъ, имъ отпускають соль даромъ, а берутъ деньги уже въ правленіи, при обратномъ ихъ проходѣ черезъ Перекопскіе ворота. Иногда здѣсь собирается нѣсколько сотъ обозовъ. Тогда кормъ и водою дорожаютъ, и чумаки наперерывъ стараются поскорѣе расплатиться и уйти. Иные стоять здѣсь по цѣлымъ недѣлямъ... Но вотъ соль скупиена, возы нагружены, чумаки идутъ въ обратный путь. Иные везутъ соль прямо домой, въ тысячу селъ и мѣстечекъ своей родины. Другіе везутъ ее въ складочныя мѣста на Днѣпрѣ, откуда соль водою, выше пороговъ, поднимается въ западныя губерніи и въ Царство Польское. Одно изъ главныхъ складочныхъ мѣстъ соли на Днѣпрѣ — *Крюковъ-Посадъ*, въ предмѣстьи Кременчуга. Здѣсь, въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, истинное царство чумаковъ. Тутъ они складываютъ соль,

выручаютъ чистоганомъ барыни и нерѣдко тутъ же его пропиваютъ до копейки. Тогда прокутившійся чумаки, въ послѣднемъ похмельѣ, садится на площади, заломить на ухо высокую панку и слезно запоетъ знаменитую чумацкую пѣсню:

«Ой, запивъ чумаки, запивъ,
Сидя на рыночку;
Тай прошивъ чумаки, прошивъ
Усю худобочку»...

Въ обратный путь чумаки берутъ болѣе клади, нежели отиралясь изъ дому. Это потому, что соль и рыба тяжелѣе деревянныхъ поработокъ, въ одномъ объемѣ величины, и, нагруженные внизу воза, не такъ на ходу раскачиваютъ возъ, какъ товары, увозимые изъ Малороссіи на югъ, въ томъ числѣ и хлѣбъ. Приближаясь къ родинѣ, не всегда тоже эти присяжные скитальцы встрѣчаются радостными новостями о своихъ. Тамъ съѣли хлѣбъ «овражкій», особый звѣрець, родъ суслика; тамъ прилетѣла саранча и тоже уничтожила сѣющія нивы. Часто, рано на зарѣ, поднявшись за косогоръ, чумаки видятъ родимую полосу земли, гдѣ залегла эта саранча. Сбрыз, стекольчатая крылья блестятъ полоскою на нѣсколько сотъ сажень, отражаясь по склону холма, противъ солнца. «Овражкій» составляютъ не послѣдній вопросъ нынѣшней жизни украинскаго юга. Есть имѣнія, гдѣ вотъ уже седьмой годъ сряду поселяне и помѣщики покупаютъ сѣмена пшеницы, засѣваютъ ими цѣлыя сотни десятинъ земли и на слѣдующій годъ видятъ, какъ въ ихъ глазахъ созрѣвшій уже хлѣбъ эти овражки уничтожаютъ въ колосѣ до тла. И пѣтъ до сихъ поръ положительнаго средства ихъ истреблять. Ходитъ на югѣ преданіе, что пару этихъ хорошедькихъ звѣрьковъ, какъ диковицу, привезъ изъ-за границы и подарилъ императрицѣ Екатеринѣ Великой, во время ея проѣзда черезъ Малороссію въ Крымъ, не то императоръ австрійскій, не то король польскій. Звѣрьки убѣжали и съ той поры, подъ влияніемъ особенно благоприятныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ нашего юга, малолюдности и многоземелія, страшно расплодился. Одна пара овражковъ даетъ дѣтей три раза въ лѣто. Говорятъ, что уже при императорѣ Александрѣ 1-мъ были распоряженія объ истребленіи ихъ; а при императорѣ Павлѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, даже отряжалась войска ихъ уничто-

жать. Теперь спохватились сами помѣшники. Одинъ изъ екатеринославскихъ помѣщиковъ мнѣ говорилъ, что въ его имѣнii, по примѣру другихъ, была объявлена плата за каждаго убитаго овражка. Дѣйствительно, — въ мѣсяцъ иногда сосѣдiе и свои мальчишки приносили въ его контору съ его полей нѣсколько тысячъ этихъ звѣрковъ, и онъ расшачивался. Но что же ему было дѣлать, если сосѣди, глядя на его попытки, сами ничего не предпринимали и къ осени овражки снова наполняли имъ очищаемыя поля? — Попробовали поры засыпать пескомъ и забивать клиньями; овражки спасались другими, незримиыми въ травѣ, ходами. Пробовали прежде удушать ихъ, наполнивъ нору посредствомъ раздувательнаго мѣха, ѣдкимъ дымомъ изъ ядовитыхъ веществъ и простого навознаго кирипча. И это не помогало въ нужной степени; иногда овражка именно въ то время не было въ наполняемой дымомъ норѣ, а онъ былъ въ норѣ по сосѣдству. Иные овражковъ выливаютъ изъ норы водою и потомъ, чуть онъ, затопленный, высунетъ мордочку, его убиваютъ. Но это требуетъ большой возни, подводъ и бочекъ, тогда какъ иной разъ степь хозяина простирается на десять верстъ во всѣ стороны, а рѣки нѣтъ, и воду берутъ изъ колодезѣвъ. Одинъ тонкій нѣмецъ предложилъ-было даже выливать овражковъ киняткомъ, ставя самовары у отверстiя порока! Изыскъ отъ овражковъ такъ великъ, что по расчету нѣкоторыхъ хозяевъ, если бы мѣстность изобиловала лѣсомъ, выгодно было бы даже общести поля съ хлѣбомъ сплошными стѣнами изъ досокъ, въ аршинъ вышиною. Дѣлали пробы. Овражки, дѣйствительно, такъ высоко не перепрыгнуть. Но они могутъ прорыть ходы подъ досками. Да и гдѣ взять въ степяхъ такого количества лѣса! Недавно пронесся слухъ, что какой-то помѣщикъ придумалъ рѣшительное средство для истребленiя овражковъ: именно — зараженiе ихъ поколѣний прививкой оспы. Этотъ слухъ снова замолкъ. Говорятъ, что овражки относятся къ слѣнорожденнымъ; а на слѣнорожденныхъ оспа не дѣйствуетъ. — Картина истребленiя хлѣба овражками истинно поразительна. Въ знойный полдень вы ѣдете по степи, овражковъ не видите, а слышите только рѣзкій свистъ, въ тысячи отдѣльныхъ мѣстахъ, по желтѣющимъ нивамъ. Присмотритесь и замѣчаете, какъ въ густицѣ колосовъ нѣкоторые стебли, подѣвченныя на вершокъ отъ земли зубами овражка, скло-

няются, будто отъ вѣтра, и падаютъ. Овражкіи выбираютъ изъ колоса зерно и, держа его во рту, съ раздутыми щоками, бѣгутъ спрятать его въ нору. Теперь дознано, что овражкіи истребляютъ такъ и молодую траву. Прежде думали, что они не переплываютъ большихъ рѣкъ, и живущіе за Донцомъ, по сѣю сторону харьковской губерніи, рады были и не безпокоились за свой хлѣбъ. А теперь видѣли, какъ овражкіи цѣлыми стадами переходили вплавъ тотъ же Донецъ и другія рѣки. Подъ Зміевомъ и Волоховымъ-Яромъ, гдѣ еще десять лѣтъ назадъ и не слышно было объ овражкахъ, въ минувшее лѣто уже поселяне убивали ихъ въ день по два и по три десятка...

Чумака съ стѣсненнымъ сердцемъ возвращается на родину. Иногда еще болѣзнь настигаетъ его на пути, и родного угла ему не приходится болѣе увидѣть. Въ смерти чумака въ стени много трогательнаго. Его воспѣли десятки лучшихъ украинскихъ пѣсень, наравнѣ со смертью казака на чужбинѣ, въ бою съ врагомъ, въ старинныхъ казацкихъ думахъ. Привожу переводъ известной пѣсни о смерти казака, насколько своеобразный подлинникъ позволилъ мнѣ передать его суровую и дикую красоту.

«Вѣтеръ по полю шумить,
Весь въ крови казакъ лежитъ,
На курганѣ головой,
Подъ осокою рѣчной.
Конь ретивый въ головахъ,
А степной орелъ въ ногахъ.
Ахъ, орелъ, орелъ стеной,
Побратася съ тобой!
Ты начнешь мени терзать
И глаза мои клевать;
Дай же знать про это ей,
Старой матери моей...
Чуть пачнетъ она пытать,
Знай, о чемъ ей отвѣчать:
Ты скажи, что вражія ханъ
Полонилъ меня въ свой станъ,
Что меня онъ отличилъ
И могилою наградилъ!
Съ сыномъ ей уже не жить
И волосъ ему не мыть!
Ихъ обмостъ ливень грозъ,
Выжметъ до-суха морозъ,
А расчешетъ ихъ бурьянъ,
А раскудритъ ураганъ...

Ты не жди его домой,
Зачерни песку рукой
Да посьй, да поджидай,
Да слезами поливай...
И когда посьй взоидеть —
Сынъ на родину придетъ!»

Въ поэтической жизни Украины чумаки во всемъ заняли мѣсто казака. Теперь онъ—герой степныхъ пѣсень. И въ самомъ дѣлѣ, отираваясь въ долгое и тяжелое странствіе, безъ особыхъ предосторожностей и средствъ спастись отъ непогоды, вліянія болотистыхъ мѣстъ и всякаго рода мѣстныхъ болѣзней, онъ часто становится жертвою скоропостижной смерти. Аптекъ на пути не ищете, равно какъ и врачей. Въ малонаселенной степи иногда за пятьдесятъ верстъ въ окружности не найдете и общей спасительницы мѣстнаго простонародья, полу-колдуньи и полу-врача—«бабы-знахарки». Панившись въ жару холодной колодезной воды, напившись не въ мѣру арбузовъ и дынь, или даже только простудившись, чумаки уже задумывается, повѣсилъ голову и молча готовится встрѣтить свою участь. Товарищи съ участіемъ и боязливо поглядываютъ на него. Онъ уже не ѣстъ и не пьетъ и неподвижно лежитъ на возу. Онъ истощенъ, блѣдный, какъ трупъ, едва переваливается съ боку на бокъ, волосы его взбиты. Изрѣдка только попроситъ воды промочить языкъ. И вотъ иногда, на закатѣ дня, видите вы среди лощинки, въ десяти шагахъ отъ битаго чумацкаго «пѣляха», толпу неподвижныхъ чумаковъ и на дорогѣ, въ сторонѣ, распряженный обозъ. Наскоро готовится печальный обрядъ. Умиравшій уже умыть, причесать, на него надѣта запасная чистая рубаха. Тутъ же, нерѣдко, товарищи не вдалекѣ и могилу при немъ роютъ. Онъ лежитъ на постланной свиткѣ, клокъ сѣна или боченокъ съ водой въ головахъ. А передъ нимъ стоитъ ближайшій его товарищъ, родичъ или «побратимъ», другъ его дѣтства. Прочіе въ это время удаляются къ сторонѣ и набожно стоятъ въ ожиданіи. Умиравшій исповѣдывается въ грѣхахъ, за отсутствіемъ священника, другу: «Ну, друже, прости меня навѣки! Вотъ тамъ, въ Непировѣ, укралъ я ведро, а у насъ, въ Ганновкѣ, есть моя любя—и я ее загубилъ, и теперь уже ей не житье! А тамъ-то въ лѣсу у меня законаны три цѣлковыхъ, ты ихъ найди и ей отдай два, а одинъ поцу за упокой души. Да

еще я облаялъ Демка, да Петра, да матери покойной на-
грубилъ... Сестру билъ съ пьяну два раза... Шаровары тоже
заложены въ корчмѣ у Прокопѣнка... Грѣшилъ я, друже, во
всякомъ дѣлѣ, и словѣ, и помыслѣніи. Моли Бога, и пона
проси, и служи за упокой.. А волики мои... Береги ихъ...
и не продавай... береги...» — Съ мыслью о любимыхъ во-
лахъ, товарищахъ многихъ и многихъ его странствій, отле-
таетъ душа его. Товарищи сходятся, крестятся, кладутъ его
въ свѣжую могилу, бросаютъ по горсти земли, засыпаютъ
могилу и ставятъ надъ нею шестъ, съ привязанною на верху
«хусткой», платкомъ. Вы часто увидите въ степи, близъ
дороги, такой шестъ. Во многихъ мѣстахъ ни шеста, ни
хустки давно уже нѣтъ, а перекрестокъ двухъ дорогъ или
одинокій курганъ называются «братьями чумаками» или
«чумацкою могилою». Похоронивъ товарища, чумаки ѣдутъ
дальше. Иногда до слѣдующаго села бываетъ не ближе со-
рока или пятидесяти верстъ. Жители села на зарѣ услы-
шатъ звонъ, и знаютъ уже, что это чумаки проходятъ и
«звонятъ по душѣ». Обозъ останавливается на улицѣ. Одинъ
чумакъ идетъ къ пономарю и уговаривается съ нимъ о
звонѣ. А принявшій послѣднюю исповѣдь покойника идетъ
передать ее священнику. «Что ты?» — «Пришелъ просить
вашей милости. Товарищъ отдалъ Богу душу на дорогѣ.
Пріймите грѣхи, я ихъ принесъ!» — Мѣстные священники
знаютъ уже этотъ обычай, — беретъ крестъ и евангеліе, и
товарищъ передаетъ грѣхи покойнаго. Послѣ этого, священ-
никъ ѣдетъ къ могилѣ и «печатаетъ гробъ», то-есть, совер-
шаетъ надъ нимъ припятый обрядъ, читаетъ молитвы и
служитъ по уставу панихиды. Исполнивши обрядъ, това-
рищъ догоняетъ обозъ. И долго еще чумаки, за обѣдомъ и
ужиномъ, поминаютъ недостающаго въ кругѣ котелка собрата.
Но его оплачетъ еще суженая. Пѣсня объ ожиданіи пе-
вѣстою умершаго чумака кончается такъ (перевозку ее):

«Шумятъ вербы въ концѣ гребли, что я посадила;
Нѣту-нѣту миленькаго, что я полюбила!
Нѣту-нѣту миленькаго, нѣтъ моего солнца;
Не съ кѣмъ слова перемолвить, сиди у оконца!
Чернобровый, бѣлолицый и каріи очи—
Не съ кѣмъ слова перемолвить, сиди до полночи!»

Знаменитѣйшая изъ украинскихъ пѣсень о смерти: «Ой,
ходивъ чумакъ сямъ рикъ по Дону». Ее поетъ вся Мало-

россія. Съ напѣвомъ ся сравнится рѣдкая изъ народныхъ пѣсень. Другая пѣсня, менѣе извѣстная, повторяетъ совершенно одну мысль съ приведенною выше старинною пѣсней о смерти казака. Вотъ ся подстрочный переводъ: «Ой, по горамъ снѣги лежать, по долинамъ воды стоятъ, а по путямъ маки цвѣтуть! То не маки, а чумаки, изъ Крыму идутъ, соль везуть. Матерь сына узнавала, не узнала, выкликала:—Иди, сынку, до домынку, смою тебѣ головоньку!—Умой, мати, сама себѣ, или моей родной сестрѣ. Меня смоятъ часты дожди, а расчесуть густы тѣрны, а просушить ясно-солнце, а раскудритъ буйны вѣтры!»—Каждая почти чумацкая лѣтняя пѣсня говоритъ, что: «Добро было чумаковать, пока все было равно, а то уже изъ-за тѣхъ билетовъ—ходить невольно!»—намекая здѣсь на паспорта, прекратившіе южно-украинское бродяжничество. Не менѣе извѣстная пѣсня: «Ой, чумаче, чумаче, у тебя личко казаче!» говоритъ, что путникъ: «Ѣхалъ, ѣхалъ—могила; край могилы—долина, тамъ чумаки стояли, совиѣтъ съ собою держали...» Въ заключеніе чумацкихъ пѣсень, привожу переводъ пѣсни, также о смерти чумака, мысль которой очень поэтична: «Ой, въ полѣ криница, тамъ холодная водица. Тамъ чумаки воловъ понтъ. Волы ревуть, воды не пьютъ, дороженьку чуютъ. А чтобъ же вы, сѣры волы, да въ Крымъ не сходили, какъ вы меня молодого навѣки смутили! Померъ, померъ чумаченько, на недѣлѣ рано, схоронили чумаченка въ зеленомъ бурьянѣ. Насыпали надъ чумакомъ високу могилу, посадили надъ могилой красную калину. Прилетѣла кукушка и сказала: ку-ку. Подай, сынку, подай, орликъ, хоть правую руку! Ой, радъ бы я, моя мати, и обѣ подати, да налягла сыра земля, не можно подити...»

IV.

Осень.

Календарь осени.—Картины осенней.—Примѣръ украинской грязи.—Ожиданія чумаковъ съ дороги.—Смерть украинской дѣвушки.—«Панское вино».—Разсказываніе въ дождь сказокъ.—Сказки о запорожцахъ и «песьголовахъ».—Образчикъ сказки объ украинскомъ Геркулесѣ.—Заключеніе.

Ни одно время года такъ не нѣгаетъ грусти, какъ осень. Пушкинъ сравнилъ осень съ умирающей красавицей. Ко многимъ чертамъ поэзии, обрисовавшей эту пору года, можно

прибавить, что украинская осень въ особенности картинна. Отлёт журавлей, зеленѣющія безконечныя озими, молотьба новаго хлѣба, смолкшіе, обнаженные поля и луга и предвѣстники зимы—дрофы и стрепеты, собирающіеся въ кучи,—все это вѣетъ невыразимою грустью. Первый желтый листь здѣсь не заставляетъ ждать долго морозовъ. Сады и лѣса зелены еще въ сентябрѣ и въ октябрѣ. Зато первый студѣный утренникъ превращаетъ деревья во что то волшебное. Проспѣтесъ—и глазамъ не вѣрите. Передъ вами стоятъ клѣны, будто вылитые изъ червоннаго золота, серебряныя бересты, бронзовыя липы и воронѣные, темно-багровыя орѣшники. Вы не разъ, вѣроятно, встрѣчали такія золотыя, сказочныя роицы по полтавскимъ и черниговскимъ дорогамъ, гдѣ иногда цѣлое дерево или вѣтка кажутся выкроенными изъ яркой, алой или лиловой ткани. Хмель и желуди собраны. Семень-лѣтопроводъ обходитъ дозоромъ сады, пашни и огороды, чтобъ нигдѣ не было недостатка, чтобъ овощи и плоды вездѣ принесли урожай и радость. Зато же ни съ чѣмъ не сравнится довольство хозяина, разрѣзавшаго, за бѣлою, чистою скатертью, первый новопеченный хлѣбъ. А кто сѣлъ за столъ и за горою пироговъ не увидать на другомъ концѣ стола хозяйки, тотъ считаетъ себя счастливейшимъ человекомъ. Работы кончены. Спи и наслаждайся. Волка ноги кормить—человѣка кормить руки. Руки отработались. Теперь уже довольно. Все идетъ на отдыхъ. На Воздвиженье гады сдвигаются по мѣстамъ. Сдвигай и ты свиту, а надѣвай кожухъ, да на печь иди. Въ полѣ скучно, пусто и бѣдно. Бабье лѣто приводитъ похороны мухъ. Сорванные вѣтромъ паутинки летать по воздуху и исчезаютъ. Вѣдьмы жовятъ ихъ и строятъ изъ нихъ лѣстницы на небо,—замѣчаютъ поселяне,—а по лѣстницамъ этимъ выбираются души некрещенныхъ младенцевъ и утопленниковъ. Тѣрнъ собранъ. Соленыя всякаго рода припасены на зиму. Подвалы хозяекъ наполняются бочками и флягами наливокъ и водянокъ, плодовыхъ квасовъ и морсовъ. Молодой заяцъ мячемъ выкатывается изъ-подъ ногъ охотника. Свиры сплужаютъ по кустарникамъ. Въ лѣсахъ идутъ облавы на волковъ и лисицъ. Въ сараѣ звенить подъ новымъ обручемъ бочка. Среди слободки шумѣе и многолюднѣе. На прибахъ, подъ вечеръ, всѣ сидятъ и толкуютъ, какъ лѣтомъ въ праздникъ. У околицы появляются навьюченные мѣшками що-

типники, любопытный народъ, торгующій гребнями и ладаномъ, иглоками и померанцами для настоекъ, шафраномъ и серьгами, и мѣняющій свои товары на щетину, пеньку, перья, полотна, воскъ и медъ. Баба засмотрѣлась на оловянное кольцо и отдаегъ за него доходъ съ двухъ годовалыхъ кабановъ; поправила ея лента на дочку, и въ неизмѣримые мѣшки щетинника отирается пухъ съ десятка гусей. Какъ знать цѣну этому пуху, щетинѣ или полотну? Богъ ихъ знаетъ! А уже дѣло извѣстное, лента по пятаку аршинъ, а кольцо гривна, хоть въ Балаклеѣ или въ самомъ Харьковѣ покупайте. Наступаетъ ноябрь. Токъ ноетъ отъ молотбы. На Федора-Студита уже сильно студить. А вотъ и день пророка Наума. Школьниковъ ведутъ въ этотъ день къ дьячку и отдаютъ въ науку. «Наумъ наведетъ на умъ!» говорятъ отцы, по старосвѣтскому обычаю, и плотикъ прижимаютъ носы въ бараныи шубы... Сѣняются извѣстныя субботы: Федорова, Кузьмина, Михайлова, Дмитрова и Пущальнаи. Последняя составляетъ заговѣнье передъ Филипповками. Какъ въ эту субботу объѣдаются украинцы, читатель знаетъ изъ любопытнаго разсказа Квитки: «На Пущальнаи якъ зав'язано!» А что вы подѣлаете съ знаменитою малороссійскою грязью? О ней и понятія не можете имѣть вы, гуляющіе по Невскому и по столичнымъ мостовымъ. Можно объяснить вамъ это примѣрами. Въ уѣздномъ городкѣ ***, въ именины судьи, гости стали сѣзжаться съ визитами къ имениннику. Но встрѣтилось неожиданное препятствіе: улица за ночь превратилась въ болото. Тройки не могли вывозить легкихъ дрожекъ. Городничій приходилъ въ азартъ болѣе другихъ и бралъ улицу штурмомъ. Пробрался за два дома до крыльца именинника, всталъ на дрожкахъ и замахалъ платкомъ, торжествуя побѣду. Но тутъ дѣло и кончилось: лошади далѣе не повезли, потонувши въ грязи по брюхо. Тогда сжались сосѣди. Выставили уже двойную раму окна противъ дрожекъ, проложили съ окна доски на дрожки, городничій прошелъ въ окно, а тамъ по кладкамъ сосѣднихъ дворовъ прошелъ къ имениннику. Грязь полтавская и харьковская извѣстны всѣмъ. Почта на южныхъ дорогахъ запаздываетъ недѣлями. И дѣлать на перекладной, запряженной пятерикомъ крѣпкихъ курскихъ лошадей, безъ малѣйшей поклажи, по двѣ и по полторы версты въ часъ. Дорога отъ Перекопа къ Севастополю, усаженная сотнями

затонувшихъ и замерзшихъ въ грязи воловъ и лошадей, извѣстна всѣмъ. Гребенка описалъ калоши-корабли, употребляемыя полтавскими чиновниками для ходьбы на службу. И видѣлъ лакея, застрявшаго съ блюдомъ соуса между кухней и домомъ, причемъ, за немѣнѣемъ подъ руками досокъ, его и соусъ спасли только тѣмъ, что разломали деревянную ширму въ двѣ части и простлали ей половинки отъ крыльца къ утопающему, при толкотнѣ семьи, высынавшей изъ-за стола. Видъ несчастныхъ воловъ, везущихъ возы, съ колесами, обильными до того грязью, что имъ нельзя уже катиться, а остается ползти въ видѣ санокъ,—раздираетъ сердце. Вообразите же при этомъ еще неожиданный морозъ съ вѣтромъ, безъ снѣгу. Тутъ дѣлается такъ называемая ожеледица или гололедица. По исполинскимъ пространствамъ степныхъ дорогъ пробивается единственная колея, перѣдко въ аршинъ глубиною. Свернуть съ нея нѣтъ возможности, а по бокамъ—либо канава дорожнаго бульвара, либо сплошныя, окаменѣлыя отъ мороза волны разрыхленной грязи. Предоставляю вамъ вообразить встрѣчу, на такой дорогѣ, двухъ чумацкихъ обозовъ, возовъ въ полтораста каждый, запоздалыхъ въ странствіи, съ грузомъ пятидесяти и шестидесяти пудовъ на возу. Но опытные чумаки принимаютъ мѣры и въ такую пору не ѣдутъ. Чуть, какъ говорится, размокрогодилось на осень, они уже все покончили и сидятъ дома. Въ сентябрѣ уже на хуторахъ и слободахъ ждутъ чумаковъ обратно. Толки бабъ въ это время достигаютъ высшей степени напряженія. Одна говоритъ, что вотъ мужъ придетъ, должно быть, къ воскресенью, а она смазала набѣлю хату, печь выкрасила красной глиной и синькой разводы подѣлала. Другая толкуетъ, что вѣрно не къ воскресенью, а къ средѣ наши будутъ, потому что она по снѣ видѣла, будто шелъ старый Никита, вынулъ рогъ табаку изъ голенища, понюхалъ и сказалъ: «А наши будутъ въ среду». Третья, наконецъ, увѣряетъ, что не въ среду и не въ воскресенье, а въ понедѣльникъ, потому что въ воскресенье ихъ задержатъ на Крейдункѣ, тамъ они будутъ гулять и пить цѣлыя сутки. Не въ среду же потому что среда постный день, а уже дома надо будетъ всѣмъ разговѣться и водочки выпить. При этомъ не безъ того, чтобы не вспомнить, какъ ее мужъ въ прошломъ году билъ, заставши съ кѣмъ-то въ кононлахъ. «О! да и билъ же меня

мужъ, да и билъ же, билъ, билъ! вотъ какъ билъ! что уже ни лечь, ни сѣсть, ни стоять; а послѣ еще пучокъ изять...» Иногда общее теченіе толковъ прерывается разсказомъ о какой-нибудь Марусѣ или Найдѣ, дѣвкѣ изъ сосѣдняго села. Несчастливая услышала о смерти любимаго парня-чумака въ дорогѣ и повѣсилась въ саду подъ хатой. Наѣхаль судъ, произвели слѣдствіе, написали и подписали протоколъ, что такая-то повѣсилась, умерла «скороностижною смертью», по неизвѣстнымъ причинамъ. И останется о ней память въ однихъ недолговѣчныхъ толкахъ околотка, да, можетъ быть, какаѣ-нибудь пѣсни сложится о ней и пойдеть бродить по Украйнѣ... Дожди не умолкають. Сѣрое небо безъ разсвѣта. А вотъ является изморозь. Въ воздухѣ вольнѣе и яснѣе. Зори, какъ брилліантовые, горять на небѣ. Уже близка пора снѣга. Остается заноронить дорогу первому снѣгу. Тучи нависли. Изъ каждой готовы уже хлынуть вороха снѣгу. Въ околнцѣ показывается послѣдній запоздалый обозъ чумаковъ изъ Крыма. Чумаки отвезли соль въ Кременчугъ, въ Крюковъ-Посадъ и идутъ невеселы. Они не досчитываются любимаго своего товарища, Лазаря Овечки. Лазарь былъ запѣвало и коноводъ всѣхъ гулянокъ и попоекъ, лучше его никто не трудился въ дорогѣ. Ему съ возвращеніемъ готовился выборъ на сходкѣ въ старшины, а тамъ и въ головы. Уже смѣняемый міромъ пройдоха-голова Артѣмъ Штонда подговорилъ старшинъ Греблю и Качана, Перевертня и Поганѣнькаго, стоитъ на сходкѣ, всѣхъ озираючи и ни на кого не смотря. Уже онъ обдумалъ все кругло и гладко, что противъ рожна не пойдешь и что надо уступить мѣсто Лазарю. А Лазарь взялъ да на дорогѣ и умеръ. Привязалась гросто лихорадка. Лѣчить некому. Она перешла въ горячку. Въ Рыбегилковѣ и схоронили. Принесли чумаки обратно домой. Родное село, какъ призракъ, встаетъ передъ ними въ туманѣ. Всѣ высыпали имъ навстрѣчу: жены, дѣти, старики, невѣсты, родные и чужіе. «А гдѣ же Лазарь?»—«У Бога!» Въ толпѣ бабъ поднимается вой. Чумаки также присматриваются: всѣ ли живы изъ домашнихъ. «А гдѣ Оксана?»—неровнымъ голосомъ спрашиваетъ Омелько Жгугъ. «Дома, дома, жива!—быстро отвѣчаютъ ему:—только уже другая—не встаетъ съ печи!» Мало радости! Но снѣжить Омелько посмотрѣть на свою суженую. Сухотка безъ него съѣла дѣвку, и не долго остается ей жить. Черезъ мѣсяць, передъ Филиппов-

ками, она и умираетъ. Трогательнъ при этомъ обычай въ Малороссіи. Если умереть на Украинѣ дѣвушка, помолвленная при жизни, или даже просто тайно нареченная невеста любимаго парня, похороны справляются такъ необыкновенно, что ихъ трудно отличить отъ свадьбы. На хоругви и кресты, всегда выносимые изъ церкви при украинскихъ похоронахъ, мать или родные покойницы навѣшиваютъ все лучшее изъ ея приданаго, ленты, штофные пояса, мониста и дукаты. Гробъ убирается также кусками холстовъ и тканей, заготовленныхъ на свадебные наряды. Сама покойница ими убирается цѣптами и одѣвается въ красивѣйшее платье. Молодежь, утѣная убитаго горемъ жениха, руководить похоронами, несетъ гробъ, засыпаетъ его землей. И самыя поминальныя пѣсни здѣсь смѣшиваются съ свадебными. Дѣвки и бабы поютъ: «Ой, наша Оксаночка, засваталась; съ Омелькомъ обвѣчалася!» — исподволь упоминая въ пѣсняхъ всѣ малѣйшіе обряды, совершаемые при свадьбахъ. Нѣтъ силъ вынести этого зрѣлища. Женихъ падаетъ на зарытую могилу, и иногда его замертво уносятъ оттуда... Осенью довольство въ простомъ быту разлито болѣе, чѣмъ когда-либо. Чумаки, заработавши копѣйку, также не плошастъ. Вы увидите на торгу широкій возъ, на которомъ возсѣдаетъ онъ, приставя баклагу съ водкой къ губамъ, и пьетъ на всемъ раздольѣ, по пословицѣ: «напъ въ огородѣ равенъ воеводѣ». Мнѣ рассказывали бѣдственный случай. Два чумака зашибли порядочную сумму извозомъ, нашли подрядчика своего въ Кременчугѣ, сосчитались съ нимъ и получили сполна всѣ деньги за три или четыре года. Съ кисою, полною цѣлковыхъ и ассигнацій, пришли они въ винный погребокъ и озадачили приказчика словами: «А ну-те, добродію, дайте намъ паньского вина!» Родъ вина не былъ указанъ; требовалось просто вино, которое пьютъ папы, господа. Это бы еще ничего. Приказчикъ подаль имъ лиссабонскаго, потомъ портувейну, а, наконецъ, шампанскаго. «Дивись, дивись, Митра, — говорить одинъ другому: — яка мѣдя, та и пляшки у золоті! Се бъ то неначе варѣна, а се ще й дзипщитъ!» Нализались собесѣдники до потери сознанія. Приказчикъ заперъ двери на засовъ, вытащилъ у нихъ деньги, запряталъ подальше, а хозяевъ денегъ — время было подъ вечеръ — къ ночи вывезъ на выгонъ и бросилъ. Вообразите отчаяніе бѣдняковъ!

Кромѣ пропажи денегъ, въ защиту винопродавца, обличеннаго ими, засадили было ихъ самихъ въ острогъ. Но бойкое внимательство одного чиновника раскрыло дѣло, и приказчикъ былъ уличенъ. «А что?—спрашивали послѣ чумаковъ: — хорошо папское вино?» — «Э! до биса гарне; да шкodu робыть. Якъ утнешь плянку, довго будешь чмѣливъ слухати, та ще й москаль проведе! А той, *портвинъ* що прозывается, такъ тилько якъ у ротъ узивъ—увва! тилько тепло по животу расхodyтъ!» Подъ вечеръ каждая слободка шумить. Вездѣ веселье, огоньки, шумъ, игры. Молодежь собралась, начинается тянуть пѣсни. И не замѣтишь, какъ грянуть первые заморозки и зима выглянетъ изъ-за косогора.

Въ дождливую погоду, въ сѣренькій туманный денекъ, запоздалые чумаки не идутъ обозомъ. Въ дождь у воловъ стираются ярмомъ шеп. У составленныхъ возовъ, подъ рожками или прямо подъ возами, чумаки собираются тогда въ кучи и ведутъ всякія розказы. Осенью дозволяется говорить сказки. Лѣтомъ нельзя говорить сказокъ, но повѣрю, что отъ этого падаютъ овцы. Покуривая трубки и лежа на животѣ, чумаки предаются самымъ фантастическимъ толкамъ о старинѣ, домовыхъ, вѣдьмахъ, оборотняхъ и вовкулакахъ. Иной говоритъ, какъ въ былые дни заморозецъ-гайдамакъ выѣдетъ на большую дорогу, положить на ней поперекъ ружье, а самъ вблизи ляжетъ на коврѣ и курить. Кто ѣдетъ мимо изъ чумаковъ — и давай ему дань солью или деньгами. Такъ цѣлый обозъ, человекъ пятьдесятъ, и платитъ съ каждаго воза. Тогда уже и приметъ ружье. Опасные были люди и въ страхѣ держали цѣлые караваны. «Только лежитъ себѣ, да курить, какъ боровъ толстый, и усами моргаетъ. Дядя мой, Охримъ Вайленко, видѣлъ такого гайдамака на дорогѣ, какъ въ Крымъ ходилъ. И что же бы вы, братцы, думали? Положилъ среди шляху нагайку и говоритъ: платите подорожное, а то поколочу. И заплатили. А ихъ было душъ двадцать, а онъ одинъ!» Не малую роль въ такихъ бесѣдахъ играютъ еще рассказы о *песыголовцахъ*, людяхъ съ собачьими головами. которые будто бы въ старину перенимали пути чумакамъ въ Крымъ, хватали ихъ въ кабалу и откармливали орѣхами да желудями на убой: какъ урѣжутъ палецъ и кровь не течетъ, а капаетъ одинъ жиръ, тогда и рѣжутъ. Тутъ,

разумѣется, не безъ того, что въ такихъ бѣдствіяхъ удавалось иному чумаченькѣ уйти; тутъ идутъ толки, какъ онъ ушелъ, какъ его полюбила непременно красавица-дочка песьноголовца, какъ они сдружились, стали жить тайкомъ душа въ душу, она стала носить ему подъ полки въ погребъ не орѣхи на убой, а разживется гдѣ-нибудь русскаго хлѣба, да и отнесетъ; а тамъ, какъ пришло время отцу его рѣзать, она выпустила его ночью и говоритъ: «Вѣри же ты, христіанская душа, и не поминай меня лихомъ! Намъ уже не свидѣться больше. Только какъ рожу я дитя и оно будетъ уже большое, то я примлю его къ тебѣ». И вотъ, въ самомъ дѣлѣ, разъ сидитъ уже чумаки дома, лѣтъ пять или десять съ тѣхъ поръ прошло, и забытъ онъ уже про плѣтъ и про песьноголовца, вдругъ вечеромъ вылазитъ изъ травы мордочка, съ собачьими ушками и глазами, подходит и говоритъ: «Здравствуй, батько; мать послала меня къ тебѣ. Не убивай меня, а станемъ жить, и я до вѣку буду тебѣ сыномъ...» Холодъ пробѣгаетъ по жиламъ слушателей, сказка разрастается въ болѣе и болѣе причудливые виды. И иногда по цѣлымъ часамъ засиживался у воза чумаковъ, прислушиваясь къ ихъ бесѣдамъ, въ осенніе дождливые дни. Сказка украинская всегда съ особенною силою привязывала къ себѣ мое вниманіе, и съ дѣтства я слѣдилъ съ любовью за нею... Для тѣхъ же изъ васъ, кому любопытно было бы видѣть образецъ народной украинской сказки, въ томъ самомъ видѣ, какъ она выходитъ прямо изъ устъ народа и какъ она въ особенности дорога изыскателямъ народной поэзіи, присоединяю слѣдующую сказку «О силачѣ», записанную отъ слова до слова съ разсказа поселанки и переведенную мною. Вотъ она: «Быль себѣ человекъ да жена, а у нихъ два сына и дочка. Пошли сыны въ поле и наказываютъ отцу и матери, чтобы они съ дочкой имъ обѣдать прислали. Дочка говоритъ: «а я почему знаю, гдѣ вы тамъ въ полѣ будете?» А они говорятъ: «мы будемъ раки ѣсть, да шелуху кидать по слѣдамъ; такъ насъ по нимъ и найдешь!» Вотъ они поѣхали, да все слѣдомъ шелуху кидаютъ; а тутъ потихоньку чортъ пособиралъ шелуху, да на свою дорогу и поперекидалъ. Дочка пошла по дорогѣ и пришла чортъ знаетъ куда, до нечистаго! А онъ ее поймалъ и говоритъ: «Будь ты моя жена, а я твой мужъ!» Братья ввечеру пріѣхали съ поля и стали отцу и

матери попрекать, что не прислали обѣдать, и что они голодные. А отецъ говоритъ: «Мы послали». А они говорятъ: «А мы и не видѣли, гдѣ же она дѣлась?» Ждали, ждали — нѣтъ. Старшій братъ говоритъ: «Пойду я ее искать». И пошелъ. Идетъ—а человекъ пасетъ овецъ. Онъ сталъ спрашивать: «Не видѣлъ ли ты дѣвки? Не шла ли она, или не увели ли ее?» — «Видѣлъ я, пане-брате, она шла!» — «Нельзя ли ее найти, да выручить?» — «Можно найти, да нельзя выручить». — «Отчего?» — «Если събѣшь разомъ живого барана, сошьешь съ кожею, такъ выручишь». — Миѣ его одному и на цѣлый мѣсяцъ будетъ!» — И пошелъ отъ него. — Нашелся онъ на стадника, что скотъ пасъ, да и сталъ тоже спрашивать: «Не видѣлъ ли ты дѣвки. не шла ли она, или не увели ли ее?» — «Видѣлъ, пане-брате, она шла!» — «Нельзя ли ее найти, да выручить?» — «Можно найти, да нельзя выручить!» — «Отчего?» — «Если събѣшь разомъ телушку, такъ выручишь!» — «Миѣ и на полгода ее будетъ». — «Ну, такъ не выручишь!» — Онъ дальше пошелъ. Нашелся онъ на табунщика, что коней пасъ, и опять спрашиваетъ: «Не видѣлъ ли ты дѣвки, не шла ли она, или не увели ли ее?» — «Видѣлъ, пане-брате, одна себѣ и пошла!» — «Нельзя ли ее найти, да выручить?» — «Можно найти, да нельзя выручить!» — «Почему?» — «Если перескочишь черезъ двѣнадцать коней, такъ выручишь!» — «И черезъ одного не перескочу!» — «Ну, такъ хоть ворочайся домой — не выручишь». — «Нѣтъ, пойду: что будетъ, то будетъ, а пойду!» — И пошелъ. Пришелъ онъ къ чорту во дворъ, встрѣчаетъ сестру: «А! здорово, братъ старшій; по волѣ, или по неволѣ тебя Богъ принесъ?» — «Казакъ-рыцарю нѣтъ неволи, онъ все ходитъ по волѣ!» — «Рада бы я съ тобою пойти погулять, да мужъ у меня лихой!» — «Какъ?» — «Да у меня мужъ чортъ; я тебя спрячу въ сундукъ!» Она его спрятала въ сундукъ. Прилетѣлъ чортъ-змѣй, сѣлъ на лавкѣ, усъ пригладилъ и говоритъ: «Фу, русскій запахъ!» — «Нѣтъ, мужъ, ты по Руси лоталъ, русскаго запаху набрался!» — Вотъ они посадились вдвоемъ; и стала она ему говорить: «Что, если бѣ мой братъ, а твой шуринъ, да пришелъ бы къ намъ, радъ ли бы ты ему былъ?» — «Э! какъ не радъ-таки? Пили-бъ, да гуляли, да добрыя бы мысли помышляли». Она пошла въ чулакъ, выпустила брата изъ сундука и повела къ мужу. Братъ стоитъ,

а змѣй говоритъ: «А, здорово, шуринъ; подавай-ка, жена, цѣлаго барана съ печи!» — Она подала, сама стала около печи. Змѣй посадилъ шурина и говоритъ: «Ну, пане-шурине, кто напередъ кость обгрызеть, то тотъ другого стукнетъ въ лобъ!» — Пока шуринъ управлялся съ одною костью, а чортъ цѣлаго барана съѣлъ, и костью все его въ лобъ. — «А теперь, пане-шурине, ты бѣги прямо въ дверь, а я изъ четвертой комнаты побѣгу; кто кого опередитъ до крыльца?» — Шуринъ сказалъ: «хорошо!» и побѣжалъ. — А змѣй изъ окошка выскочилъ и разорвалъ его. Вотъ такъ и меньшей братъ пошелъ, и съ нимъ все такое же было, что и съ старшимъ; змѣй и его разорвалъ. Когда змѣй побилъ шуриновъ, далъ приказъ ихъ рубашки мыть. Жена пошла на воду, моетъ кровавыя рубашки и плачетъ; а слеза упала въ воду, съ кровью смѣшалась, поплыла по водѣ и обратилась въ горошину. Остались старшій отецъ со старухою. Растеряли дѣтей; плачутъ. Пошла старая за водой. Катится по водѣ горошница, старая поймала ее и съѣла. Какъ съѣла, такъ и стала чревата; родила сына, и дала ему имя Катигорошекъ. Растетъ онъ не по годамъ, а по часамъ; выросъ и пошелъ въ чистое поле гулять. Насобиравъ подковъ, ободьевъ и всякаго желѣза, принесъ къ отцу и говоритъ: «Иди къ кузнецу и пусть мнѣ изъ этого желѣза семи-пяденную булаву сдѣластъ; только не говори: «помогай Богъ!» — Отецъ не послушался, сказалъ, и принесъ булаву. Катигорошекъ пошелъ въ садъ съ матерью, подбросилъ булаву кверху, ажъ на семь сутокъ, и наказалъ матери, чтобы она стерегла, какъ будетъ дождь накрапать, да вѣтеръ повѣвать, то чтобы она разбудила: то булава сверху будетъ летать... Самъ легъ на семь сутокъ, а мать стала стеречь. Вотъ началъ дождь накрапать, а вѣтеръ повѣвать, стала мать его разбужать: «Вставай, сынку, летитъ булава твоя!» — Сынъ проснулся и наставилъ мизинный палецъ; булава какъ ударила, такъ и разсыпалась на мелкія части. Катигорошекъ опять посылаетъ отца, чтобы изъ этихъ кусочковъ сдѣлалъ кузнецъ другую булаву, и опять наказываетъ, чтобы не говорилъ: «помогай Богъ!» Отецъ не послушался, сказалъ, и принесъ булаву. Катигорошекъ подбросилъ и ее, подставилъ колѣно, и она опять разсыпалась. Онъ въ третій разъ послалъ и наказывалъ не говорить «Помогай Богъ!» — Отецъ пошелъ и не сказалъ. Сынъ под-

бросилъ булаву и, какъ она легла, поставилъ лобъ; она ударилась, да вдругъ опять и отлетѣла на семь сутокъ; а какъ вернулась — упала на землю и ушла до самой рукояти. Тогда онъ выхватилъ ее и говоритъ: «Теперь я знаю, что у меня было два брата и сестра; братьевъ уже нѣтъ на свѣтѣ, а сестра въ неволѣ; пойду я ихъ искать: не найду ли?» — Взялъ булаву и пошелъ. Встрѣтилъ онъ овчара и спрашиваетъ: «можно найти сестру?» — отвѣчалъ овчаръ: — «можно найти, только если съѣшь живого барана!» — «Вотъ еще, одного! дай мнѣ еще и другого!» Съѣлъ, только кости остались. Овчаръ и говоритъ: «А, бѣсовъ сынъ, изведешь ты нашего хозяина со свѣту!» Пошелъ дальше, встрѣтился со стадникомъ; съѣлъ двухъ телушекъ. Встрѣтился дальше и съ табуницей и перескочилъ черезъ двадцать-четыре лошади. Тутъ табуницей сказало: «А, бѣсовъ сынъ, пропалъ же теперь нашъ хозяинъ!» — Онъ ему: «Молчи, если хочешь живымъ быть; но то и тебѣ будетъ плохо!» Пришелъ къ змѣю, сестра встрѣтила: «Здорово, братъ, или кто тебя знаетъ!» Онъ ей: «Положи булаву въ печь, чтобы она раскалилась!» Она ее положила, а онъ съѣлъ за столъ. Змѣй прилетѣлъ, ничего не говоритъ, только усь разглаживаетъ. Жена говоритъ: «Это мой братъ». — Змѣй приказываетъ: «Вынимай, жена, намъ цѣлаго барана!» Она вынула. — «Кто прежде съѣстъ кость, тотъ другого въ лобъ!» — Змѣй не успѣлъ и одной съѣсть, а Катигорошекъ съѣлъ цѣлаго барана и всѣ кости въ него побросалъ. «Ну, еще, шурине: ты иди въ двери прямо, а я пойду кругомъ, черезъ четыре комнаты: кто прежде на крыльцо выскочитъ?» — Онъ взялъ булаву и выскочилъ. — Змѣй уже тамъ, и только-что разинулъ ротъ, а онъ ему горячую булаву въ ротъ, и говоритъ: — «Гдѣ мой братъ?» — Змѣй показалъ, гдѣ они лежали не живые. Онъ змѣя убилъ и пошелъ къ братьямъ. — Летитъ ворона съ воронятами! Онъ ихъ и поймалъ. Говоритъ воронѣ: «Принеси мнѣ «цѣлючей», «живучей» и «говорящей» воды!» Ворона полетѣла и добыла ему такой воды. Онъ взялъ вороненка, разорвалъ и полилъ его: тотъ сталъ цѣлъ, ожилъ, закричалъ и полетѣлъ. Катигорошекъ тоже и съ братьями сдѣлалъ. Братья встали и говорятъ: «Какъ мы крѣпко спали!» А онъ: «Заснули бы навѣки, если бы не я! Пойдемъ въ нашу землю!» Пошли они съ нимъ и не вѣрятъ, что онъ ихъ братъ.

Легли спать; взяли его, привязали къ дубу веревкой, а сами съ сестрою и пошли. Онъ проснулся; повернулся сюда, туда, дубъ зашатался. онъ рвануль и поворожилъ его съ корнемъ за собою. Пришелъ къ отцу и говоритъ: «Братья вѣры не имутъ, что я ихъ братъ, вонъ къ какой палкѣ привязали; не пригодится ли кому на возъ, или вытопить печь? Возьмите!» Вотъ онъ живетъ-живетъ, а дальше и говоритъ: «Пойду я вамъ хлѣба заработаю!» Пошелъ и нанялся у одного попа хлѣбъ молотить. Взялъ семь паръ воловъ, да семь паръ воевъ, и пошелъ цѣль рубить; вырубилъ, да такой, что и всѣ волю не повезли. Онъ ихъ побилъ, кожи снималъ, за поясъ позатыкалъ; цѣль въ руки взялъ и несетъ. А попъ спрашиваетъ: «Что это ты надѣлалъ?» А онъ: «На что такихъ плохихъ воловъ дали, что и одного цѣна не свезуть?» Сдѣлалъ къ цѣлу ремень изъ семи кожъ и сталъ молотить. А попъ говоритъ: «Перемолоти же, если такъ, всѣ двѣнадцать скирдъ!» Онъ и сталъ молотить, да не по снопамъ, а по цѣлымъ скирдамъ; перемолотилъ, еще и солнце не сѣло, и перевязалъ. И говоритъ: «Ну, нантъ-отче, чего не заберу, то твое; а что заберу, то мое!» — Попъ подумалъ и говоритъ: «Хорошо, бери!» Онъ пошелъ по слободѣ, понасобиралъ полотенъ и мѣшковъ; сталъ снивать всѣ въ одинъ кулъ и накладывать; да сложивъ весь хлѣбъ, и понесъ. Попъ какъ увидѣлъ, напустилъ на него собакъ; а онъ какъ махнулъ цѣпами, побилъ всѣхъ и пошелъ себѣ. Приходитъ домой, говоритъ: «На-те вамъ хлѣба; будетъ надолго!» Они всѣ стали ямы копать, понасыпали и стали такъ богаты, что не знали, куда и дѣтъ хлѣба. Вотъ онъ опять пожилъ-пожилъ, и говоритъ: «Ну, теперь оставайтесь здоровы; иѣтъ мнѣ у васъ мѣры; пойду искать себѣ равныхъ!» И пошелъ. Идетъ, и попалъ на двухъ *человѣкъ*. «А кто вы такіе?» — А они: «Я Верни-гора, а я Верни-дубъ». — «Пойдемъ, братцы, вмѣстѣ; я Катигорошекъ, такъ къ вамъ и пристану, вы мнѣ будете къ парѣ!» Они пошли, нашли въ лѣсу хату, и стали жить. Оставляютъ Верни-дуба въ хатѣ, чтобы онъ стряпалъ, а сами пошли по лѣсу искать грибовъ. Верни-дубъ только-что разложилъ въ печи огонь, гдѣ ни взялся «дѣдъ съ ногой, борода съ локотъ, семь саженъ коса». Какъ хватить Верни-дуба, такъ тотъ и покатился. Дѣдъ содралъ со спины его ремень, ячною трухою набилъ спину и пропалъ.

Принили тѣ и стали попрекать ему, что не управился. «Какъ вы скоро хотите управиться!»—говорить Верни-дубъ. На другой день оставили Верни-гору, а тѣ пошли по грибы. Гдѣ опять ни взялся «дѣдъ съ ноготь, борода съ локоть, семь сажень коса»—и съ нимъ то же сдѣлать. На третій день оставили Катигорошка. Сами пошли въ лѣсъ и говорятъ межъ собою: «Что, тебѣ, ничего не было?» — «А тебѣ?» — «Вотъ что...» — «Ну, и со мною то же!» — «Пускай же и онъ, бѣсовъ сынъ, того же попро-буетъ!» — Опять приходитъ дѣдъ. Только-что занелестилъ, а Катигорошекъ его за бороду. Расколотъ пень, да его бороду туда воткнулъ. Дѣдъ рванулся и оставилъ бороду, а самъ и провалился, ажъ на тотъ свѣтъ. Принили ододомы, а у него все готово; глянули, дѣда нѣтъ, одна борода. Пошли они искать дѣда. Приходятъ; ямочка маленькая въ травѣ на тотъ свѣтъ. Катигорошекъ опустился по ремню, а тѣ стали его дожидаться. Онъ пошелъ по тому свѣту и нашелъ трехъ дѣвокъ. «Не видѣли ли вы такого-то дѣда?» — «То нашъ отецъ!» — Онъ тутъ убилъ дѣда, а товарищамъ сталъ по ремню подавать дѣвокъ на этотъ свѣтъ. Вытянули первую: красавица! — Верни-гора говоритъ: «Это моя будетъ!» — Вытянули другую: еще краше! Вытянули третью, такая, что и въ свѣтѣ краше нѣтъ... Они бросили ремни, забрали ихъ, а Катигорошка такъ и оставили. Онъ ходитъ по тому свѣту. Нашла туча. Онъ на дерево влѣзъ и видитъ гнѣздо. Ворона говоритъ: «Закрой дѣтей, я тебя вынесу!» Закрываетъ онъ; туча прошла. Она ему говоритъ: «Приготовь двѣнадцать бочекъ солонины; какъ стану нести тебя, да обернуся, ты давай мнѣ по куску!» Онъ сѣлъ на ся спину и полетѣлъ; все даетъ, все даетъ, да и не стало солонины. «Дай!» — говоритъ ворона. — «Нѣту!» — А она: «Дай хоть кроху; малость чего не достаетъ; а то упаду опять назадъ». Онъ вырѣзалъ себѣ икру и далъ. Она вынесла и говоритъ: «Сколько ни ѣла ее, никогда не ѣла такой вкусной!»—Онъ пошелъ искать Верни-гору и Верни-дуба. Нашелъ и говоритъ: «Я пришелъ не мириться, а биться!» Взялъ въ одну руку булаву семицяденную, а въ другую цѣпь, и пошелъ на нихъ. Верни-дубъ съ корнемъ дубъ вырвать, да на него; а онъ его и убилъ. Верни-гора цѣлую гору поднялъ, да на него, а онъ подставилъ булаву, гора разсыпалась, онъ и его убилъ. За ними убилъ женъ, а съ меньшею сталъ жить да поживать»...

Никогда не забуду я одного вечера. Было это уже въ концѣ сентябріа. Дождикъ моросилъ, какъ изъ сита. Большая херсонская дорога была совершенно пуста. Только въ низенькой, одинокой хатѣ жидовской корчмы видѣлось движеніе. Чумацкій, запоздалый въ пути, обозъ расположился возлѣ на ночлегъ. Я тоже вошелъ въ хату за перегородку, гдѣ было чище.—«Оно, конечно, слѣдствія нѣтъ, коли тебя захннуть въ самые аулы! — говорилъ отставной пѣхотинецъ изъ кавказскихъ рядовыхъ, разваливъ тутъ съ котомкою вдоль лавки:—опричь того, что иной разъ живота лишнись!» Его слушала сторбленный и совершенно пьяный старичокъ изъ гуртовниковъ, что видно было по его засаленному полушубку и навѣшаннымъ у пояса потертымъ инструментамъ для лѣченія скота. Въ главной, передней половинѣ хаты сидѣли прѣхавшіе чумаки... Пѣхотинецъ вскорѣ заснулъ, и изъ-за перегородки сталъ слышенъ разговоръ послѣднихъ. День стемнѣлъ. Вѣтеръ срывался сильнѣе и сильнѣе. Дождь хлесталъ въ узенькія окна корчмы. Загнавши воловъ подъ сарай, чумаки внесли навознаго кирпича для топлива, затопили печку и расположились грѣться у огня. Шикарь-хозяинъ позволялъ дѣлать все, что угодно; онъ лежалъ въ лихорадкѣ на другой половинѣ корчмы. Двое изъ чумаковъ, усталые болѣе другихъ, постлали свиты у стола и, почесывая груди и бока, стали вслухъ молиться на сонъ грядущій: «Отче нашъ, иже еси!», «Богородице, дѣво, радуйся!» и «Помилуй мя, Боже!». Другіе прижались ближе къ огню, подкладывали топлива и долго не ложились спать, толкуя выголоса. Особенно задорно не умолкали двое изъ нихъ, одинъ, должно быть, уже не молодой, съ охрипшимъ отъ кашля горломъ, отъ чего голосъ его звучалъ, какъ изъ бочки, а другой — тихій и печальный, точно все плакалъ. «Эхъ, братцы, эхъ! — говорилъ послѣдній (перевожу его слова):—плохо намъ приходится! Корма дороги, водоной жида да москаля поснимали въ аренду. За соль тоже втрое берутъ противъ прежняго. Гдѣ тутъ жить? А главное то, что наѣхали уже комиссіи, шесты по степи въ струнку ставить, на курганы навѣзжаютъ, да все кругомъ смотреть, рѣчки вымѣряютъ, и слышно, что станутъ строить, ажъ изъ Харькова къ морю, такую дорогу, что не лошадьми, а огнемъ будутъ ѣздить. Пропали мы!»

— Да, видѣлъ я, — говорилъ охрипшій чумакъ: — видѣлъ,

какъ возилъ шерсть въ Москву изъ Кременчуга, эту дорогу... Наши позвали въ одни такія ворота высокія и показываютъ, говорятъ: «что это такое»? А оно протянулось возъ къ возу, рядкомъ сажень на сто, а впереди желѣзная печка, какъ конь, и грива, и шея, и ноги, и глаза, какъ бочки, по вечерамъ свѣтятся. Верхомъ на томъ конѣ сидитъ такой рыженькій, въ курточкѣ. Вдругъ закричало оно, заржало—фу-фу-фу-фу! Вотъ какъ будто тебѣ табунъ бѣжить, и все подвинулось, да шибче, шибче—не оглянулись, какъ уже и пропало. Проходили мы тутъ до вечера; на заводы, да на кузни машинныя все глядѣли. Стоимъ уже въ темнотѣ подъ мостомъ желѣзнымъ; а мостъ шель черезъ ярокъ. Вдругъ бѣжить машина уже изъ того краю, насупротивъ, дыму, огня, искръ, поломя по всему небу разсыпала; налетѣла, да поверхъ насъ черезъ мостъ, перескочила, насъ обсыпала искрами—а мы стоимъ, трусимъ; ну, настоящее диво, и не придумаешь, какъ страшно! Да какъ прїѣдетъ уже, какъ станеть высаживать людей—до тысячи человекъ выходило разомъ; а товару, товару, братцы, такая гибель, что насъ, чумаковъ—всѣхъ, со всѣхъ концовъ свѣта собрать, такъ я думаю, заразъ того не поднимемъ»... Голоса чумаковъ еще долго раздавались за перегородкой о чудномъ желѣзномъ пути. То молодой печальный голосъ смѣнялъ стараго, то охрипшій басъ вторилъ ему. Шли при этомъ и обычные толки о томъ же горестномъ, будничномъ житьѣ-бытьѣ, о невзгодахъ отъ недоимокъ, о надеждахъ скога, о трудностяхъ промысла, о бѣдныхъ волахъ, голодающихъ иной разъ безъ корма въ обожженныхъ солнцемъ стѣняхъ, и о томъ, что и теперь имъ, почитай, приходилось съ пустыми руками—съ однимъ «батождомъ»—«торохтія везти» домой.

— Такъ какъ же, — спрашивали остальные: — тогда уже чумаковъ, значить, такъ-таки и не будетъ?

— Такъ-таки и не будетъ! — отвѣчалъ тихій, печальный голосъ молодого рассказчика.

— Отчего же не будетъ?

— Оттого, что какъ ляжетъ эта дорога, какъ затонять ту печку, да попалять на нее всѣ, какіе ни на-есть, лѣса по Дону и по Днѣпру, то станеть видно поломя ажъ въ Цѣвѣ, и намъ уже съ нею не поспорить. Станемъ всѣ старцами, а воловъ продадимъ на гурты...

Черезъ часъ замолкли голоса за перегородкой. Я всталъ и выглянулъ за дверь. Печь едва мерцала красноватымъ огонькомъ.

Чумаки спали, расположившись въ безпорядкѣ у печки и по полу, вдоль лавокъ и стола. Приподнятые локти, колѣни и головы, приткнувшіеся къ груди и животу сосѣдей, освѣщались отблескомъ изъ печки. На дворѣ уже окончательно стемнѣло. Дождь безъ вѣтру барабанилъ въ окна и стѣны, какъ усердный барабанщикъ. Собака выла въ какой-то клѣткѣ за дворомъ. Я еще разъ взглянулъ на чумаковъ, стараясь угадать среди нихъ давшихъ рассказчиковъ. Всѣ спали. Вѣроятно, сонъ каждого изъ нихъ въ эту пору былъ одинъ и тотъ же. Они видѣли огненное чудовище, летящее съ громомъ и стукомъ по стѣнѣ, еще недавно несмѣтой ногой человѣка,—чудовище, которому суждено въ наши вѣкъ, оставя по пути своемъ зачатки новой жизни, новыхъ городовъ, фабрикъ и заводовъ, стереть своею желѣзною, неумолимою стопой все отжившее, хотя и живописное, все дикое и неумѣстное въ наши дни, хотя привлекательное и полное поэзіи, въ томъ числѣ и нашихъ украинскихъ чумаковъ...

1856 годъ.

Оглавленіе

III тома.

Воля. (Бѣглецы воротились.) Романъ.

Часть вторая. Новый разбродъ.

	стр.
VII. Стойте — не позволяю.	3
VIII. Посланцы отъ народа.	27
IX. Не поздно-ли?	38
X. Степной линчъ.	47
XI. Воля сказана.	59
XII. На что рѣшиться?	71
XIII. Вѣсти изъ острога и изъ дому.	78
XIV. Сельскій агитаторъ	85
XV. Князь Мангушко также наконецъ воротился.	95
XVI. Бунтъ.	104
XVII. Бѣлая Арапія.	116

Чумаки.

Изъ путевыхъ замѣтокъ 1856 г. о правахъ и обычаяхъ
украинскихъ чумаковъ.

I. Зима	131
II. Весна	157
III. Лѣто	179
IV. Осень	197

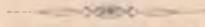

СОЧИНЕНІЯ
Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ИЗДАНИЕ ВОСЬМОЕ. ПОСМЕРТНОЕ,
ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,
СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1901.

Типографія А. Ф. Маркса, Немайд. пр., № 29.

НОВЫЯ МѢСТА.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

УКРАИНСКІЙ РОБИНЗОНЪ КРУЗЕ.

«На нови—хлѣбъ сѣють».

«Шей новыи кафтанъ, къ старому
приѣривай».
Пословица.

I.

Гдѣ это?..

Александръ Плычъ Чулковъ рѣшился разъ навсегда покончить съ прошлымъ, уѣхать и затеряться въ такой дали и глуши, чтобъ и воронъ не нашелъ его костей...

Махнувъ на все рукой, онъ простился съ старымъ, постылымъ окружающимъ и ѣхалъ-ѣхалъ, чтобы никогда болѣе не возвращаться назадъ. Почтовые лошади смѣнялись. Телѣжка уносила его въ даль. Виды становились другіе. Степь дичала. Воздухъ съ каждымъ днемъ нѣжилъ болѣе.

Южное море посылало своихъ предвѣстниковъ: то въ перелетныхъ птицахъ, то въ красноватой ранней зелени соленыхъ лимановъ. Дружная весна неслась навстрѣчу. А еще пять-шесть дней назадъ, по пути отъ сѣвера, по сторонамъ телѣжки разстилались оледенѣлыя равнины и погребенные подъ сугробами снѣга безжизненные поля и лѣса. Еще перевалъ. Утро сверкаетъ чисто весеннее. Желтые и синіе анемоны мелькаютъ по краямъ дороги, смѣняясь то стрѣлками

полевыхъ гіацинтовъ, то алыми островками рано цвѣтущаго дикаго персика. Вотъ колокольчики сонъ-травы, вотъ первые степные тюльпаны, а вотъ, по склонамъ балокъ и овраговъ, красныя махровыя шапки дикаго піона, воронца.

Лошади мчались. Разбитый и усталый, Александръ Пльпчъ задумался, вспомнилъ недавнее прошлое и удивился, какъ это все съ нимъ случилось. Было же это вотъ какъ. Два года назадъ, послѣ одной печальной, тяжелой исторіи въ столичномъ обществѣ, изъ-за которой погибло нѣсколько человѣкъ въ кругу лучшихъ его друзей, онъ въ первой горячкѣ тоски и отчаянія рѣшился бросить отечество. Ему тогда сопутствовать одинъ изъ его случайно уцѣлѣвшихъ пріятелей, Ваня Сладкопѣвцевъ, душа честная и добрыйшій.

— Куда же мы, наконецъ, съ тобой теперь? — озабоченно спросилъ Чулковъ пріятеля, когда они, бодрые и смѣлые, ступили съ невской набережной на бортъ заграничнаго парохода.

— Не знаю, какъ ты, — рѣшительно отвѣчалъ, стараясь быть покойнымъ, пріятель: — я же потолкаюсь по старой Европѣ, и если не найду себѣ по вкусу дороги и работы, уѣду въ Америку; ея лѣса и равнины давно ждутъ къ себѣ въ помощь русскій вольный топоръ и русскую вольную соху!

Пріятели, оба сослуживцы одного изъ министерствъ, уѣхали какъ бы въ отпускъ, но съ мыслью не возвращаться назадъ. Средства у нихъ было мало. Это были два отпѣтые бѣдняка, которымъ родители дали, однакоже, хорошее образованіе. Пріятель Чулкова былъ болѣе идеалистъ, вѣрилъ множеству теорій, часто влюблялся и писалъ стихи. Съ запасомъ кое-какого платья и бѣлья въ сакъ-вояжахъ, да съ нѣсколькими десятками червонцевъ, уцѣлѣвшихъ отъ служебнаго жалованья и работъ въ одномъ журналѣ, они переплыли море и вышли на чужой берегъ съ горькимъ восклицаніемъ: «прощай, старая, бѣдная родина! ни ты намъ не дала счастья, ни мы тебѣ ни въ чемъ не пригодились! Авось, пригодимся другимъ!» Западъ Европы охватилъ и оглушилъ ихъ пестрой панорамой. Туда они везли свои молодые двадцатилѣтнія силы и свѣтлую, искреннюю жажду дѣятельности, пользы другимъ, счастья и накнвы себѣ. Тамъ, на фабрикахъ Англіи или въ торговыхъ конторахъ Гамбурга и Парижа, межъ виноградниковъ Рейна, на хозяйственныхъ

поляхъ Баваріи и Бельгіи, или въ ученыхъ кабинетахъ германскихъ университетскихъ городовъ, думали они создать себѣ обновленную, болѣе свѣтлую жизненную карьеру. Искренне и болѣзненно-прискорбно, хотя съ смѣлыми надеждами, прощались они въ мысляхъ съ старою Россіей, по ихъ выраженію, съ ея сонными, сытыми и дѣтски-самодовольными людьми, съ ея мертвыми, ничего не дѣлающими и ни о чемъ не думающими городами, съ ея бѣдными, дикими и, какъ кладбища, тихими деревнями, съ ея полинялымъ, всѣмъ знакомымъ, сѣренькимъ общественнымъ колоритомъ, съ ея торными житейскими дорожками, по которымъ цѣлыя вѣка, цѣлое тысячелѣтіе шла, чуть не однимъ и тѣмъ же размыреннымъ шагомъ, гордая своимъ невѣжествомъ и дикостью людская тупость и обидная, вплоть до самой могилы спокойная, людская безнадежность. Такое понятіе о родинѣ сложилось у молодыхъ эмигрантовъ. Долго пріятели, сперва съ любопытствомъ, потомъ съ тревожною озабоченностью, толкались по Европѣ. Молодая рѣшимость была слишкомъ сильна. Сперва они приискивали себѣ работу вмѣстѣ, пробуя свои способности и вкусы на разныхъ поприщахъ. Лейпцигская типографія Брокгауза видѣла ихъ кудрявые, русые головы у станковъ наборщиковъ по славянскимъ нарѣчіямъ; въ это же время они оба стали прилежно и съ горечью въ душѣ писать обличительныя статьи о Россіи въ иностранные журналы, но увидя, что за это даютъ имъ гроши, да еще морщатся, бросили. Износивъ послѣднее платье и бѣлье въ Лейпцигѣ и проживъ тамъ послѣдніе русскіе червонцы, они поступили въ какую-то международную торговую контору въ Парижѣ, гдѣ отъ начальника предпріятія, черномазаго буржуа-француза, встрѣтили такой холодный мѣщанскій деспотизмъ и такія наглые прижимки, что тутъ же перешли на другое мѣсто. Послали объ этомъ протестъ въ какое-то парижское изданіе, но его тамъ не помѣстили. Техническая компанія для разработки минъ въ Арденнскихъ горахъ смѣнилась бухгалтеріей при одной изъ громаднѣйшихъ баварскихъ биръ-галле. Потомъ вкусы самихъ пріятелей разошлись. Озлобленные и исхудалые, въ рыночномъ платьѣ съ чужого плеча и зачастую по суткамъ голодные, они разъѣхались, хотя остались искренними друзьями. Чулковъ уѣхалъ въ Силезію учиться земледѣлю, а Ваня Сладковъ-девъ — въ Лондонъ, работать въ

тамошнемъ музеумѣ, по части лѣтописной литературы. Въ концѣ второго года добровольной ссылки, Чулковъ послалъ адресъ домой, получилъ отъ далекаго родича изъ Россіи извѣстіе о неожиданной смерти его отца и матери, мелкопомѣстнѣйшихъ изъ бѣдныхъ помѣщиковъ въ крайней сѣверной губерніи. Какъ ни были бѣдны его родители, однакоже, извѣстіе о нихъ кончалось словами, что послѣ нихъ осталось имѣніище — земля, усадьбы и лѣсъ. При извѣстїи былъ приложенъ переводный вексель на получение денегъ для возврата въ Россію. Чулковъ, долго болѣвшій и потому разсчитанный сплзскимъ хозяиномъ-помѣщикомъ, у котораго онъ состоялъ въ качествѣ странствующаго конторщика для сношеній съ куницами по продажѣ хлѣба и въ то же время учителемъ арифметики его дѣтей, — впасть въ это время въ такое безденежье, что готовъ былъ идти въ кельнеры первой гостиницы за кусокъ хлѣба. Онъ убѣдился, что и въ Западной Европѣ бѣдность также бѣдна, голодна и безпомощна, что богатство, связи и искательство владычествуютъ и тамъ. Онъ убѣдился, что на Западѣ, при закрѣпощеніи труда капиталу, работники Жанъ и Фрицъ такъ же голодны на фабрикахъ де-Пена и фонъ-Шульца, какъ долговязый набиватель трубокъ былъ голоденъ у ихъ курителя, сѣдовласаго поручика Тычинкина. Чулковъ, однако, не сдавался. «На линію, значить, еще не попалъ!» — думалъ онъ и рѣшилъ только на время съѣздить въ Россію, навѣстить могилы родителей, распродать оставшееся послѣ нихъ имущество и снова уѣхать за границу, тѣмъ болѣе, что Ваня Сладкопѣвцевъ, въ это время, извѣщалъ его изъ Англіи, что онъ окончательно убѣдился въ несостоятельности старой Европы для славянской природы; что онъ послѣ музея работалъ на какой-то стальной фабриктѣ и съ тремя другими русскими земляками, такъ же, какъ и онъ, не вынесшими холода и бульдоговъ-англичанъ, уѣзжаетъ на-дняхъ въ Америку, гдѣ они, въ Калифорніи или въ плодоносныхъ дѣвственныхъ саваннахъ Висконсина, надѣются въ скоромъ времени разбогатѣть. Въ послѣднихъ письмахъ они обмѣнялись адресами, куда имъ, въ случаѣ надобности, писать. Назначены Нью-Йоркъ и Петербургъ. Чулковъ возвратился въ Россію, поблагодарилъ вызвавшего его родича, распродалъ родовое свое наслѣдіе, очистилъ всѣ бумаги по имѣніищу, взялъ съ собою портретъ матери, выручилъ съ небольшимъ

двѣ тысячи рублей, только мимоходомъ взглянуть на знакомыя улицы хлопотливой сѣверной столицы и на зданіе бывшаго мѣста его службы, съ грустью пробѣжалъ нѣсколько наудачу взятыхъ русскихъ журналовъ и газетъ, которыхъ онъ не читалъ болѣе двухъ лѣтъ, и снова рѣшился безъ замедленія и навсегда бѣжать за границу. «Теперь я иначе поверну свою судьбу!» — подумалъ онъ и побѣхалъ. По въ этотъ разъ онъ положилъ отправиться не сѣверомъ, а черезъ югъ, гдѣ надѣялся завербовать себѣ въ спутники еще одного университетскаго товарища. «Займусь торговлей во Франціи, или пушусь за Ваней Сладкопѣвцевымъ!» Дѣлу, однакоже, суждено было разыгратъ совершенно иначе. Въ уѣздномъ степномъ городкѣ, куда прежде адресовалъ онъ письма къ университетскому товарищу, онъ узналъ, что камрадъ его недавно умеръ. Дѣлать было нечего. Надо было спѣшить захватить первый отходившій съ юга за границу пароходъ. Онъ рано утромъ остановился въ городкѣ и пошелъ справиться объ отходѣ изъ сосѣдняго порта пароходовъ. Городъ состоялъ собственно изъ нѣсколькихъ скученныхъ по тощей степной рѣчкѣ деревень. Жители города еще помнили, какъ откуда-то къ нимъ явились первые чиновники, и какъ эти деревни назывались улицами. Но крестьянинъ-степнякъ, обитатель двора на одномъ краю этого города, ѣдучи на парѣ воловъ и на скрипучемъ возу къ пріятелю въ гости, на другой его конецъ, попрежнему еще запасается здѣсь на проѣздъ харчами для себя и для воловъ на цѣлый день, потому что этотъ уѣздный городъ по песку, по горамъ и по камышамъ раскинулся съ конца въ конецъ безъ малаго на пятнадцать верстъ. Усталость взяла свое. Чулковъ, согрѣтый весеннимъ тепломъ, рѣшился отдохнуть. Онъ потребовалъ на постояломъ дворѣ при станціи отдѣльную комнату, выспался, умылся, освѣжился, одѣлся, закусилъ и собрался пройти по главной площади города. Было еще часовъ одиннадцать утра. За стѣной, въ сосѣдней комнатѣ, слышались голоса. Нѣсколько человѣкъ живо толковали о какихъ-то торгахъ, упоминая сотни и тысячи десятинъ земли.

— Что это за господа? — спросилъ Чулковъ лакея изъ жидовъ.

— Охъ! то теперь торги на Безлюдовку.

— На какую Безлюдовку?

— Охъ! на Опалихъ!

— Да чего же ты вадыхаешь?

Жидокъ бережно оглянулся и потрясъ курчавой головой.

— Наѣхали опять чиновники и отдають въ аренду казенныя земли въ Опалихъ. Земли—охъ, да ужъ и земли-жъ; а деньги, развѣ у кого они теперь есть? Ну, и идутъ за безцѣнокъ. Вотъ бы и я взялъ, кабы деньги, даромъ, что еврей. По полтинѣ, да по сорока копеекъ отдають за десятину... Охъ!

— И точно земли хорошія?

Жидокъ зацокалъ.

— Цѣлина все, вѣковина, что ни плуга, ни бороны съ того еще вѣку не знала, какъ нашъ народъ въ Ерусалимѣ жилъ, да какъ пророки ходили по землѣ...

Чулковъ вышелъ на крыльцо, прочелъ объявленіе на дверяхъ отъ какой-то палаты о сдачѣ въ аренду съ публичнаго торга лишниихъ пустопорожниихъ государственныхъ земель такой-то губерніи и такого-то уѣзда и пошелъ бродить по городу. Въ мелочной лавчонкѣ, при которой былъ и мучной лабазъ, онъ зашелъ купить спичекъ и вмѣстѣ узнать о пароходахъ. Тамъ также шелъ разговоръ объ аукціонѣ. Тщетно онъ спрашивалъ о портѣ, бывшемъ оттуда всего въ семидесяти верстахъ: никто ничего не зналъ о срокахъ рейсовъ; зато онъ выслушалъ бойкій рассказъ хозяина лабазника, Ивана Ивановича, о томъ, какъ тотъ за какой-то долгъ взялъ у сосѣдняго помѣщика на лѣто въ аренду клочокъ земли, близъ той же Опалихи, гдѣ, между прочимъ, было нѣсколько десятковъ десятинъ цѣлины, спашанной съ осени, которую самъ помѣщикъ не могъ засѣять своими средствами; какъ онъ, Иванъ Ивановичъ, посѣялъ на ней ленъ и какъ получилъ съ каждой десятины чуть не по пятидесяти рублей чистаго дохода, что почти впятеро превосходило цѣнность самой земли.—«Э-эхъ, кабы деньги, забралъ бы я въ аренду всю эту Опалиху! — тоскливо прибавилъ рыжій толстякъ-лабазникъ: — а тебѣ, ваше благородіе, прямо совѣтую!» Чулковъ еще съ нимъ поговорилъ, какъ бы что-то неожиданно задумавъ, повернулъ въ переулочъ и закурилъ папиросу. День былъ превосходный. Изъ обывательскихъ тихихъ дворишковъ несся тонкій запахъ цвѣтушихъ грушъ и яблонь.

«Не судьба ли?» — вдругъ подумалъ Чулковъ, остановив-

шишь въ переулкѣ и оперишься на убогій плетень. Точно колоколъ вдругъ ударилъ надъ его ухомъ. Онъ ухватился за сердце: оно шибко и громко билось.

«Не судьба ли?»—мысленно повторилъ онъ, и самъ себѣ не вѣрилъ, какъ это разомъ все пришло ему на умъ, — да и чѣмъ эти новыя, непочатыя мѣста хуже самой Америки? Отчего бы и здѣсь не попытать счастья выходцамъ старыхъ мѣстъ и старыхъ обществъ? Свобода и независимость, трудъ и заботы о собственной наживѣ—развѣ этого всего и здѣсь, вдали отъ свѣта, нѣтъ? Не останется ли мнѣ здѣсь?.. Не попробовать ли?.. За океанъ недолго уѣхать. Десятки, сотни тысячъ людей до меня туда ѣздили; но всѣ ли они наживали тамъ счастье? Отчего не попытать бы того же и здѣсь?»

Александръ Ильичъ былъ блѣденъ, потъ выступалъ на его лицѣ. Ему совѣстно было за свою торопливость.

«Или это тоска по родинѣ?»

Еще постоявъ, онъ подумалъ:

«Ваня Сладкопѣвцевъ! видишь ли ты меня въ эту минуту здѣсь изъ-за океана? Будешь ли ты доволенъ? Но какъ бы то ни было, я рѣшаюсь! И посмотримъ: чья взяла? Кто-то изъ насъ съ тобою выиграетъ лучше?»

Онъ выбрался изъ переулка, затопталъ папироску, осмотрѣлся, оправился и рѣшился пойти на площадь, гдѣ, по словамъ лабазника, въ судѣ кончались въ это время торги на казенныя земли по рѣчкѣ Опалѣхѣ. И долго послѣ того онъ помнилъ это мгновеніе: переулочъ, робкіе лучи полдневнаго солнца въ тихомъ, пустынномъ городкѣ, мысли о дальнемъ пріятелѣ и свою рѣшимость. Онъ обогнулъ еще нѣсколько улицъ и переулковъ, вышелъ за огороды, постоялъ и отправился въ присутствіе, вошелъ, сталъ къ столу; наскоро прочелъ условія, взглянулъ на торговый листъ, прислушался къ аукціону и съ трепетомъ сѣлъ въ сторонѣ. Всѣ глаза обратились къ нему.

— Вы торговаться? — спросили его, переходя, члены аукціона.

— Если позволите... Не опоздалъ ли я?

— О, нѣтъ, еще полчаса времени вы имѣете по закону. Теперь кончается послѣдняя переторжка на словахъ. Дешево даютъ за одинъ участокъ. Не хотите ли?

— За какой?

— Безлюдовскій.

— Гдѣ это?

— На Опалѣхъ; изволите знать?

— Слышалъ... Сколько десятинъ?

— Пятъсотъ; послѣдняя цѣна дана вотъ ими по двадцать по двѣ копейки.

Чулковъ оглянулся: сбоку, возлѣ него, на почетномъ креслѣ, горделиво посяматривая по сторонамъ, но, очевидно, также въ волненіи, сидѣлъ бѣлый и полный, какъ пшеничная булка, господинъ въ дворянскомъ мундирѣ и въ орденѣ.

— Позвольте взглянуть на планъ.

Чулкову передали планъ. Земля шла ровною полосой и квадратомъ къ рѣчкѣ.

— Есть водоной?

— То-то и бѣда,—подхватилъ соперникъ въ мундирѣ:— задерживается въ балкѣ только дождевая вода. За то рѣчка лѣтомъ пересыхаетъ; это вѣдь Опалѣха. А будь возможно вырыть въ стени колодези, развѣ этому клочку такая цѣна?

— Не будетъ тамъ колодезей; рыли по сосѣдству, да тысячи даромъ бросили! — ввернулъ и другой соперникъ, постоянно пьяненькій старичокъ изъ однодворцевъ, державшій, впрочемъ, эту землю передъ этимъ что-то болѣе двѣнадцати лѣтъ сряду.

— Сколько денегъ платить сразу?

— Половину теперь, а остальную часть чрезъ полгода, по утвержденіи контракта; контрактъ на восемь лѣтъ.

— Сорокъ копеекъ десятина!—сказалъ Чулковъ.

— Что вы, что вы?—зашипѣлъ ему на ухо старичокъ-однодворецъ, распространяя запахъ лука и водки.

Мундирный соперникъ отвелъ Чулкова въ сторону.

— Вы меня не знаете?—спросилъ онъ.

— Не знаю...

— Ардаіонъ Аркадьичъ Музыкантовъ, предводитель здѣшняго уѣзда...

— Чтѣ же вамъ угодно?

— Не торгуйтесь на эту землю: она мнѣ нужна...

Чулковъ, смѣривъ его съ ногъ до головы глазами, хлѣбно отвѣтилъ:

— Почему же вы полагаете, что она мнѣ не нужна?—и снова подошелъ къ столу.

Предводитель сталъ шептаться съ чиновниками.

— Сорокъ-пять копеекъ!—произнесъ однодворецъ.

— Сорокъ-девять!—сказалъ, пыхтя и утирая лобъ, предводитель.

— Полтинникъ!—объявилъ Чулковъ.

Воцарилось молчаніе. Презусъ записывалъ цѣны. Подъ скрипъ его пера однодворецъ опять нагнулся къ уху Чулкова.

— До какой цѣны станете торговаться?

— Хоть до цѣлковаго, хоть до двухъ...

— Я отстаю!—заявилъ однодворецъ.

— Отстаю и я!—объявилъ сердито предводитель, пожирая Чулкова глазами.

— Земля за вами! — сказалъ презусъ Чулкову: — пожалуйста задатокъ.

— Кто это? кто это?—зашептали кругомъ:—откуда онъ взялся?

— Имя и званіе ваше?—спросилъ презусъ.

Чулковъ назвалъ себя, досталъ бумажникъ, отсчиталъ задатокъ, расписался на торговомъ листѣ, и пока торги пошли на другіе участки, возвратившись на станцію, сталъ среди комнаты, ударилъ себя по лбу, да такъ и остался.

«Какую штуку отмочилъ! А? Ну, ожидалъ ли я этого еще вчера! Чудеса!»—Онъ чувствовалъ, что сдѣлалъ смѣлый и неожиданный шагъ. Онъ понималъ, что брался за дѣло, которое не могло же ему сразу улыбнуться ни калифорнскими золотоносными розсыпями, ни баснословною наживою хлопчатныхъ плантацій Висконсина, ни стопроцентными барышами французскихъ эпископовъ. Онъ понималъ, что рѣчка Опалѣха все-таки рѣчка Опалѣха, что она протекаетъ по русской губерніи или въ русскомъ уѣздѣ, и что надъ нею витаетъ не орлиная тѣнь статскаго джентльмена, фрачного Цезаря-мѣщанина, обитателя Бѣлаго-Дома въ Вашингтонѣ, а тотъ же какой-нибудь исправникъ, майоръ Васильевъ 3-й или становой, подпоручикъ Ивановъ 16-й.

Былъ теплый апрѣльскій полдень, когда Чулковъ въ крытомъ фургоны лабазника Ивана Ивановича, съ которымъ онъ невольно сошелся дня въ два-три, задержанный формальностями аренды, на парѣ его лошадокъ пріѣхалъ на свою землю. Ни у него, ни у его сосѣдей не было тамъ никакого признака жилья, а степной видъ не оживлялся

ни лѣсами, ни озерами, ни горами. Молодая рѣшимость не отступала назадъ.

«Что же! Я хотѣлъ выѣхать изъ старой Россіи, ну, и выѣхалъ! — думалъ онъ, — здѣсь все не такое, какъ тамъ: и люди, и небо, и земля! буду же работать здѣсь!»

Съ плапомъ земли въ рукахъ, верхомъ на выпряженныхъ коняхъ, Александръ Ильичъ съ толстякомъ Иваномъ Ивановичемъ объѣхалъ арендный участокъ по межамъ, высматривалъ самую высокую на немъ точку, въѣхалъ на нее и увидѣлъ, что у его ногъ простиралась глубокая зеленѣющая балка, съ кустарниками въ нижней и съ рощицей въ верхней ея части, а кругомъ шли совершенно пустынные равнины, кое-гдѣ только очерченныя одинокими курганами да оврагами.

«Тутъ заложу себѣ на склонѣ балки усадьбу!» — подумалъ Чулковъ; спросилъ Ивана Ивановича, не напиться ли тутъ чайку; пустилъ на траву лошадей, вынулъ коверъ, обвѣсилъ его въ защиту отъ солнца вокругъ фургона, досталъ мѣшокъ съ закуской, котелокъ, разные припасы, и пока Иванъ Ивановичъ собралъ сухого бурьяну, самъ сходилъ въ балку, добылъ тамъ во впадинѣ дождевой воды, развелъ огонь, поставилъ самоваръ, и новые знакомцы не замѣтили, какъ въ толкахъ о предложеніяхъ веденія аренды кончился день, наступилъ вечеръ, а за нимъ и ночь. Рано утромъ лабазникъ сказалъ:

— Теперь ты, ваше благородіе, нанимай людей, раздавай землю съ копны, да стройся; что нужно, спрашивай: все тебѣ расскажу. А мнѣ пора въ городъ. Будешь самъ про все хлопотать, пойдетъ ладно; сдашься на людей, ничего не выйдетъ, хоть бы и изъ этой землицы. Кормила опа насть, сиволапыхъ, да рублевики ростила; а залежишься, такъ дворянствомъ твоимъ, какъ бурьяномъ, сразу зарастетъ.

Что же это, однако, за новыя мѣста, гдѣ такъ неожиданно очутился Александръ Ильичъ Чулковъ? Въ какой они губерніи и въ какомъ уѣздѣ находятся? Надо ли, впрочемъ, это тебѣ, читатель, называть? Какая отъ того особенная польза? Мало ли такихъ мѣстъ по лицу русской земли!

Если бы спросить у вѣтра-суковѣя, облетающаго русскія земли, онъ сказалъ бы, что ему весело гулять тутъ, на просторѣ, срывая плодотворную пыль съ цѣтовъ и разнося ее

по молчаливымъ стенамъ и доламъ. Онъ сказалъ бы, какъ торжественно страшны здѣсь рѣдкія и шумныя грозы, какъ мертвенно стихаютъ передъ ними обгорѣлыя и засохшія лѣтомъ, жадно зовущія дождя и грома равнины. Если бы спросить у птицъ и мелкихъ птишекъ, налетающихъ изъ-за синихъ морей на русскіе лѣса, сады и сѣнокосы, онѣ рассказали бы, какъ знакомы имъ эти новыя мѣста, этотъ первый отраднѣйшій перевалъ ихъ у скалистаго, глубокаго взморья. Стая ласточекъ рассказали бы, какъ, пролетѣвъ длинный путь надъ Чернымъ моремъ, онѣ, усталыя, падаютъ тутъ невдалекѣ, надъ обрывистыми, известково-глинистыми береговыми утесами и, облѣтая ихъ, отдыхаютъ и грѣются тутъ на солнцѣ, распутивъ истомленные крылышки, до новаго отлета къ полямъ встающему изъ-подъ снѣговъ, богатаго мошками и комарами сѣвера.

Она почти все та же, какъ была въ далекія времена, эта черноморская, гайдамацкая Новороссійская степь. Врядъ ли много она измѣнилась отъ темныхъ кочевыхъ временъ, отъ Атиллы и Владиміра Святого. Плугъ еще не вырылъ, а борона не выкинула изъ нея на морозъ послѣднихъ дикихъ луковницъ, анемоновъ и гладиаторовъ, тюльпановъ и воронца. Тутъ еще дѣвственно бѣлѣетъ, волнуясь по вѣтру, шелковистый султанъ ковыля. Тутъ еще обильно цвѣтутъ, оплетая собою стволы травъ, стебли бѣлаго и пурпурнаго горошка, такъ вездѣ убѣгающіе отъ косы и отъ овечьихъ стадъ. Здѣсь еще и теперь, въ майскій день, человекъ, какъ во времена Тараса Бульбы и героя Гребенки, Чайковского, по грудь спрячется въ травѣ, идя полемъ, такъ-называемою сѣножатью, и раздвигая рукой цѣпкіе и бьющіе по немъ душистые стебли доминки, буркуна, синяка и далеко въ поляхъ виднаго желтаго дрока.

II.

Робинзонъ Крузо, что на Опалихѣ.

Чулковъ не унывалъ. Такъ неожиданно-негаданно оставшись здѣсь, онъ горячо взялся за дѣло. Кстати, случай помогъ ему для Петербурга и для немногихъ оставшихся тамъ пріятелей стать окончательно покойникомъ. Уѣзжая съ Ваней Сладковѣцевымъ въ первый разъ изъ Россіи, онъ никому изъ знакомыхъ не далъ и намека о томъ, что онъ

затѣялъ съ нимъ эмигрировать; онъ втихомолку вышелъ въ отставку и уѣхалъ будто бы для научныхъ цѣлей. Теперь же, въ краткій заѣздъ на сѣверъ для распродажи наслѣдства, онъ кое-кому откровенно исповѣдалъ задушевную мысль о переселеніи въ чужіе края и скоро неожиданно повергъ всѣхъ знакомыхъ въ печаль: первый весенній парохоть, на которомъ онъ, по расчету времени долженъ былъ выѣхать въ чужіе края, столкнулся съ другимъ пароходомъ у турецкихъ береговъ и пошелъ ко дну со всѣми пассажирами. Чулкова оплакали немногіе деревенскіе и столичные знакомцы, пожалѣли и вскорѣ, какъ все на свѣтѣ забывается, о немъ забыли.

«Кто же мои теперешніе ближайшіе сосѣди?» — спрашивалъ себя Александръ Ильичъ, приискивая по окрестнымъ хуторамъ и базарамъ рабочихъ, закупаая разные припасы и знакомясь вообще съ мѣстностью, въ то время, какъ фургоны Ивана Ивановича, обвѣшанный ковромъ, смѣнился соломённымъ куренемъ на склоны балки.

Отвѣты давались не совсѣмъ ясные. И въ самомъ дѣлѣ, кто ихъ знаетъ, этихъ ближайшихъ сосѣдей? — То были, болѣею частію, сгонщики скота и овецъ, которые лѣтомъ нагуливали, а къ осени продавали или сами рѣзали на сало свои стада. Они жили по окрестнымъ степямъ чисто-кочевой жизнью, въ шалашахъ и въ землянкахъ. Невдалекѣ было нѣсколько нѣмецкихъ и славянскихъ колоній. Коегдѣ, въ туманѣ неясныхъ толковъ, назывались еще разные хутора и усадьбы, то съ управляющими, то съ хозяевами, жившими лѣтомъ въ деревняхъ, а зимой въ собственныхъ домахъ, въ сосѣднихъ приморскихъ портахъ. Называли еще, невдалекѣ отъ Чулкова, на берегу большой судоходной рѣки, впадавшей въ море, красивую усадьбу, со старымъ тѣнистымъ паркомъ, одного морика Чемодарова, пропавшаго безъ вѣсти въ одно изъ плаваній нашей эскадры въ Тихій океанъ. Его жена, по слухамъ, жила за границей, а имѣніемъ управлялъ, за ея отсутствіемъ, ея знакомецъ, мѣстный предводитель дворянства. Деревня носила восточное, во вкусѣ той мѣстности, имя—Таганчѣ.

«Ужъ не тотъ ли это предводитель Музыкантовъ, — думалъ Чулковъ, слушая рассказы объ этомъ имѣніи, — у котораго я отбилъ на торгахъ аренду и который похожъ на булку?»

Можетъ-быть, въ сосѣдствѣ были еще помѣщики. Но, вѣроятно, они жили на подобіе степныхъ байбаковъ и сусликовъ, свистящихъ только у своихъ норокъ, и то лишь для поощренія другъ друга при отысканіи пропитанія для травояднаго брѣшка. О нихъ не было ни слуху, ни духу. Да, наконецъ, и не до разспросовъ о нихъ было теперь Чулкову.

Конецъ весны и начало лѣта Александръ Ильичъ кочевалъ въ куренѣ, пряча припасы ѣды подъ нимъ, въ землянкѣ. Но надо было думать и о зимнемъ помѣщеніи. Приходилось строить домикъ. — «Построю я его въ двѣ комнаты, съ кладовенькой, да попроще и подешевле, лишь бы прожить, тепло и сухо восемь лѣтъ!» — думалъ Чулковъ, съѣздивъ въ городъ, опять посоветовався съ Иваномъ Ивановичемъ и рѣшилъ строиться. Для него началась первая, самая скучная, чернорабочая пора.

На одномъ изъ сосѣднихъ участковъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ выбраннаго имъ мѣста, онъ нашелъ въ кротовыхъ, особеннаго рода, землянкахъ на склонѣ балки, чуть видный отъ земли поселокъ такъ-называемыхъ въ томъ краѣ мѣщанъ. Большею частію таинственные выходцы изъ разныхъ губерній, сами недавно бѣглые или потомки прежнихъ бродягъ, они были записаны въ мѣщанство сосѣднихъ портовыхъ городовъ и, не имѣя своей земли, но прискуча шатаніемъ по свѣту, занимались хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ на наемныхъ поляхъ. Эти мѣщане подрядились устроить ему усадьбу.

Домикъ въ три комнаты среди лѣта былъ сложенъ изъ лампачей, то-есть, изъ смѣси глины и навоза съ соломой, высушенной въ видѣ большихъ неопаленныхъ кирпичей. Стѣны вышли чистыя и уютныя. Дерево на потолокъ, двери и крышу было, однако, добыто не безъ большого труда. Иное бревно или хорошая сухая доска доставались съ пристани изъ-за десятковъ верстъ. Слухъ о постройкѣ Чулкова разнесся по окрестности. Подвозили ему и неизвѣстно гдѣ добытый лѣсъ. Нерѣдко ночью, заснувъ въ одной изъ временно-отдѣланныхъ комнатъ, онъ слышалъ въ неогороженномъ дворѣ скрипъ колесъ, стукъ въ окно и окликъ: «лѣску, баринъ, не надо ли, лѣску?» Не подвергая себя неприятностямъ, по обычаю, слѣдовало отвѣчать «давай!» — а иначе пригрозятъ и краснымъ пѣтухомъ.

Домикъ покрытъ камышомъ. Стѣны выбѣлены мѣломъ. Оконныя рамы со стеклами куплены на сельскомъ базарѣ и вставлены. Плотныя задвижки и крючки укрѣплены на всѣхъ дверяхъ. На высохшемъ, какъ камень, глиняномъ полу поставлена складная желѣзная кровать, разостланъ старенькій, по случаю купленный, коврикъ. На стѣнѣ повѣшена заряженная двухстволка. Револьверъ постоянно брался въ карманъ или клался подъ подушкой. Кто изъ поденщиковъ готовилъ ѣсть рабочимъ, тотъ стряпалъ и хозяину. Кухня состояла изъ земляной ямки на склонѣ балки, гдѣ на двухъ кольяхъ висѣлъ котелокъ и ставились къ огню горшки. Тутъ же, на травѣ, помѣщались въ разброску и другія принадлежности стряпни. Амбаръ помѣщался подъ крышей домика, на гладко смазанномъ глиною чердакѣ. Чулковъ съ первыхъ же дней сталъ отыскивать опытныхъ землекопцовъ, чтобы добиться рѣдкаго въ тѣхъ мѣстахъ счастія — имѣть свой собственный хорошій колодезь, а слѣдовательно, и возможность завести хорошее скотоводство. Берега Опалѣхи были сильно болотисты, да притомъ эта рѣка касалась его земли въ концѣ, гдѣ за болотами нельзя было ни пользоваться водоемомъ, ни устроить переездъ на другой ея бокъ.

— Ты, баринъ, только добудь хорошей да обильной воды на своей земли! — говорилъ ему за пузатымъ самоварчикомъ, навѣщая его, пузатый лабазникъ Иванъ Ивановичъ: — провѣдывай, твое благородіе, людей такихъ, чтобы нашли: для-ча не найти! Молебны служи Ильѣ али Мосею Пророку: онъ Израилю въ пустынѣ изъ камня воду изсѣкъ. А найдешь воду, сразу будешь богатъ, помани!

Александръ Ильичъ завелъ верховую лошаду, буланку, и бѣговія дрожки. Но по своей землѣ онъ болѣе ходилъ пѣшкомъ. Вставая за часъ и за два до зари, онъ съ наслажденіемъ подходилъ къ столбу, гдѣ на цѣпи на замкѣ стояла его буланка, самъ огребалъ у нея цавозъ, самъ подкладывалъ ей сѣно, водилъ ее на водопой въ балку, всыпая ей съ чердака овса, гладилъ ее и слушалъ, какъ, стоя у его домика или взбираясь отъ водопоя на верхъ балки, она заливалась звонкимъ, далеко раскатистымъ ржаньемъ, поглядывая и прислушиваясь къ чуткому, ясному воздуху степи, не отзовется ли на ея окликъ гдѣ-нибудь другая буланка.

Изъ блѣднаго и сухошаваго джентльмена, Чулковъ въ первые же мѣсяцы жизни въ стени, среди запеченныхъ на солнцѣ мѣщанъ и однодворцевъ, сталъ самъ до того загорѣлымъ, что и голубые глаза его, нѣжные, но вмѣстѣ строгіе и печальные, будто загорѣли и стали еще строже и печальнѣе; и кудрявые бѣлокурые волосы его потемнѣли, точно ихъ солнцемъ опалило и вѣтромъ зацѣтенило. Шея его стала мѣдно-цвѣтною; съ ушей и съ носа слезала третья кожа, руки потрескались, плечи стали плотнѣе,—отъ заграничнаго сюртучка остались одни клочки. Проѣзжіи путникъ не угадалъ бы, кому принадлежалъ здѣсь маленький, нежданно возникшій надъ склономъ балки домикъ. Дворъ еще не былъ и ровомъ намѣченъ. Цѣлинная зеленая травка устилала его и была потоптана только по отвѣсу балки, отъ глинянаго крыльца ко впадинѣ съ дождевою водою, да отъ этой тропинки къ воздушной конюшнѣ, то-есть къ столбу, гдѣ стояла буланка. Выходя утромъ умываться съ крыльца, или вечеромъ со стаканомъ чаю сиди у крошечнаго окошка и глядя въ стень, Александръ Ильичъ любовался теплымъ очеркомъ стеней и соображалъ, что съ новою весной тутъ же, у самыхъ оконъ, выйдутъ изъ цѣлинной земли и зацвѣтутъ дикіе тюльпаны, гиацинты и анемоны.

Первыя ночи, однако, жутко было Чулкову въ его новомъ помѣщеніи. Непривыкшія къ появленію людскаго жилья, дикія крикливыя птицы попрежнему слетались на ночь въ его балку; однѣ къ ея дождевому озерку, другія на ея кусты и деревья. Навѣщая буланку, которая по ночамъ зачастую паслась въ желѣзномъ путѣ по балкѣ, Чулковъ шелъ съ ружьемъ въ рукахъ. Въ темномъ воздухѣ раздавался порывистый шелестъ, и на него нерѣдко налетала справа и слѣва дружная стая перелетныхъ птичекъ, чуть не ударяясь въ него и обдавая его шорохомъ и холодомъ рѣзвыхъ крыльевъ. Буланка, отыскивая лучшаго корму, переходила впотьмахъ за балку. Чулковъ, не будя работника, измаявшагося на другихъ дѣлахъ за длинный день, при полномъ свѣтѣ мѣсяца выходилъ изъ дому, отыскивалъ и отгонялъ обратно въ балку лошадь, а самъ, пойдя въ въ обходъ домой, ложился къ землѣ и нерѣдко, любясь сценами ночи, лежалъ въ травѣ до разсвѣта, забывъ сонъ и съ замираніемъ сердца слѣди, какъ незаметно бѣлѣлъ востокъ, какъ откуда-то, будто кто незримый и сильный

вдохнуть въ стены, тянуло вѣтромъ надъ полями, и какъ навстрѣчу зари колыхались головки, султаны, чашечки, стрѣлы и усики цвѣтовъ и травъ.

Разъ, лежа въ верховьяхъ балки подъ яворомъ, Александръ Ильичъ увидѣлъ, какъ откуда-то изъ сумеречныхъ, еще передразвѣтныхъ высотъ, прилетѣлъ длинноногій, статный, серебристый аистъ, тихо и бережно склоняя голову и трепетно задерживаясь въ воздухѣ, глянуть внизъ, никого не замѣтивъ и спустился на голый сукъ явора. Онъ, очевидно, ушелъ съ разореннаго гдѣ-нибудь гнѣзда. Въ его носу были распластанный, еще безперый дѣтенышъ. Полураспущенныя его крылья пугливо дрожали; обложенная росой грудь порывисто дышала. Онъ сидѣлъ и какъ бы раздумывалъ: куда ему теперь полетѣть, гдѣ спрятать бѣднаго голаго дѣтеныша? Александръ Ильичъ, лежа подъ деревомъ, такъ и порывался крикнуть ему: «ко мнѣ, ко мнѣ, на крышу, свободная, тихая птица, у меня никто тебя не тронетъ и не обидитъ!» Онъ слѣдилъ за дикимъ крылатымъ великаномъ. Но вотъ, голова аиста дрогнула, его сторожкій глазъ приметилъ человека: перья чернаго хвоста мгновенно шелохнулись, аистъ беззвучно взмылъ и какъ бѣлый корабль, на широкихъ крыльяхъ, поплылъ далѣе, какъ бы рѣша, что люди вездѣ одни и что тутъ не безопасно. Впрочемъ, чрезъ сутки на кровлю безлюдовскаго поселенца прилетѣла пара другихъ аистовъ, нагромоздила изъ прутьевъ огромное черное гнѣздо и, къ утѣшенію Александра Ильича, осталась тамъ на все лѣто.

«Боже! Какая здѣсь свобода, какое приволье, какая чудная дичь и глушь!—повторять самъ себѣ Чулковъ:—какъ здѣсь счастливъ и ни отъ чего въ мірѣ независимъ человѣкъ!»

Чулковъ видѣлъ, какъ просыпалась степь; какъ изъ норы выползали желтобурые лохматые сурки: какъ они становились на заднія лапки надъ сурчиннами и сквозь бѣлые зубы пускали оглушительный свистъ. Онъ видѣлъ, какъ по пути къ камышамъ Опалѣхи, изъ-за недалекаго пригорка, выѣгала худая и рослая степная волчица, какъ легкимъ взмахомъ, точно перекасти-поле, неслась она, запоздавшая гдѣ-то на добычѣ; какъ съ обвислыми сосцами, неся въ зубахъ порваннаго зайца, она садилась на взгорь, переводила духъ, смотрѣла вдаль, подозрительно принимавалась къ си-

нему воздуху и убѣгала опять. Въ верстѣ отъ его балки, въ глубокомъ размытомъ оврагѣ, лисица вывела семью. И Чулковъ, пробравшись туда, по цѣлымъ часамъ прислушивался по зарямъ, какъ она поднимала въ бурьянѣ бѣготню съ лисятами, уча ихъ ремеслу добычи, и какъ на глазахъ Чулкова, сидѣвшаго за пригоркомъ, то ползла по травѣ, какъ бы крадись къ зайцу или къ птицѣ, причемъ за нею, пища, ползли дѣтеныши, то вдругъ вскидывалась, какъ обожженная, прыгала на легкихъ лапкахъ то туда, то сюда и бойко помахивала пушистымъ хвостомъ.

Въ первое же лѣто Чулковъ испыталъ немало возни и борьбы противъ разнаго рода стихійныхъ бѣдствій. Прежде всего, въ громадномъ количествѣ одолѣли его неустроенное жильё комары, мошки, мухи, блохи и другія насѣкомыя. Гусеница объѣла цвѣты и завязь на деревьяхъ его рощицы. Завелъ-было онъ близъ дома куръ, но лисицы выкрали ихъ всѣхъ до одной въ первый же мѣсяцъ. Онъ завелъ другую смѣну куръ на чердакѣ; это удалось, и онъ радъ былъ ихъ кудахтанью по утрамъ, съ перекличками пѣтуховъ, ихъ кавалеровъ, всю ночь надъ его головою. Поросятъ также вскорѣ не стало. Волки подѣлились съ нимъ и двумя овцами, гулявшими вокругъ балки на свободѣ. Зато онъ устроилъ среди двора, на высокомъ столбѣ, голубятню, и скоро у него развелась огромная стая голубей, весь день летавшая надъ его дворомъ, или по зову къ корму устилавшая всю его кровлю. Борьба съ непогодой и бурями была упорнѣе. То дождь промочить новую крышу и хлынетъ въ комнаты, то вѣтромъ сорветъ ставень или разобьетъ стекло, то нечъ дымитъ, то скошенное сѣно попортитъ неожиданнымъ ливнемъ, и некому его убрать и просушить. Педѣли проходили, пока отыскивались кровельщикъ, столяръ, печникъ или стекольщикъ. Чулковъ кончилъ тѣмъ, что обзавелся нѣкоторыми инструментами и припасами и самъ сталъ исполнять починки жилья. — «Вотъ бы увидѣли меня, министерскіе товарищи!» — думать онъ, чиня окно или дверь. Время шло, высыхали слегка попорченные покосы, дыры въ окнахъ задыливались, и дождь болѣе не лился на голову безлюдовскаго переселенца. Александръ Ильичъ не убавлялъ труда. Сегодня съ утра до ночи ходилъ онъ въ широкой шляпѣ и, отъ жары, буквально въ одномъ бѣлѣ по стене; завтра на Буланкѣ вер-

хомъ скакать въ колоніи или къ мѣщанамъ за новыми по-
денщиками, давалъ задатки, прицѣплялся къ рабочимъ на
базарахъ, съ какого-нибудь перекрестка велъ за нѣсколько
верстъ нѣшкомъ встрѣченыхъ молотильщиковъ, балагу-
рилъ съ ними, угощалъ ихъ. Ленъ и пшеница, посѣянные
у него съ кошны, раздѣлены, свезены и вымолочены. Бли-
зость моря и торговыхъ гаваней показали выгоду аренды:
въ началѣ августа не только временной сарайчикъ, но и
всѣ его комнаты были засыпаны зерномъ; въ первые дни
сентября, послѣ двухъ-трехъ визитовъ купцовъ, явились
пароконные греческіе и нѣмецкіе фургоны и умчались рыс-
пой первую жатву Чулкова прямо на корабль. Александръ
Ильичъ, но отъѣздѣ агента итальянской конторы, кушав-
шаго его продукты, отъ радости не помнилъ себя, пошелъ
въ степь и долго тамъ ходилъ безъ цѣли, раздумывая, какъ
все это кстати для него случилось и устроилось. И было
отъ чего радоваться Чулкову: онъ получилъ въ очистку по
двадцати рублей дохода съ десятины пшеницы и болѣе
тридцати рублей съ десятины льна. Сѣнокосъ тоже далъ
ему изрядный сборъ стоговъ и скирдъ. Съ какимъ насла-
жденіемъ сосчиталъ онъ свой первый бойкій заработокъ, и
съ какою бережливостью, отсчитавъ часть его для дальнѣй-
шихъ оборотовъ, остальные деньги отвезъ въ губернскую
банковую контору. Съ какою отрадой онъ умылся, приодѣлся
въ чистое бѣлье и платье, сѣлъ со стаканомъ чаю вече-
ромъ на глиняное крылечко глинянаго домика, откуда былъ
видъ на балку, на рощицу, на шалаши рабочихъ, разме-
танные по склоу косогора! О чемъ думалось теперь Чул-
кову? Вспоминалъ ли онъ въ эти минуты свое недавнее
прошлое, скрипѣніе перомъ въ Петербургѣ, душный воз-
духъ министерской канцеляріи, нахлѣбничество въ пятихъ
этажахъ закопченныхъ домовъ, или двухлѣтнее бездольное
штанье по чужимъ краямъ? Куда ему! Въ будущемъ пред-
стояло такъ много. Новыя предположенія росли. Голова
создавала столько замысловъ въ этомъ бойкомъ и дѣятель-
номъ краѣ спекуляцій, риска и наживы. Не успѣлъ онъ
воротиться изъ банка, какъ къ крыльцу его (по пути къ
колоніи за табакомъ и мукой) подѣхалъ лабазникъ Иванъ
Ивановичъ; узнавъ, въ чемъ дѣло, похвалилъ его за успѣхъ
и сказалъ: «да ты, баринъ, молодець, не бѣлоручка; тепе-
рича, значитъ, твое благородіе, за овечекъ; сѣна вдоволь:

оно дешево; продать не продать, а купи, ваше благородіе, овцы, али рогатины! выкорми зиму, сорвешь опять барышъ. Помяни...»

Прошла зима. Усадьба Чулкова обстроилась болѣе. Кромѣ дома, въ чертѣ будущаго двора явились конюшенка и амбаръ, ледникъ, погребъ и жилия глиняная избушка для батраковъ. Противъ крыльца раскинулся молодой палисадникъ изъ бѣлыхъ акацій, сирени и капитановъ, среди котораго съ весной сами собою выткнулись и цвѣли дикія луковичы. Стѣны комнатъ были тѣ же глиняныя, сами комнаты маленькія, но зато чистыя, зимой теплыя, а лѣтомъ до-нельзя прохладныя. Съ новою весной, Чулковъ, изъ тѣхъ же лампачей пристроить къ домику еще двѣ комнаты, кабинетъ и пріемную, продать скотъ, съѣвшій прошлогоднее сѣно, а на новый барышъ рѣшился ужъ побаловать себя. Изъ недалекаго приморскаго порта явилась легкая и дешевая марсельская мебель, охотничьи гравюры, на всѣхъ полахъ ковры, на этажеркахъ и на письменномъ столѣ красивыя бездѣлушки, сподручный арсеналъ всякихъ сортовъ бумаги, карандашей, записныхъ тетрадей, пресъ-папье, вѣски для писемъ и стѣнные часики. Надъ изголовьемъ его кровати былъ повѣшенъ портретъ его матери. Внутренность его жилья представляла уже зачатки цивилизованнаго вкуса, но окрестности были такою же дичью и глушью; чрезъ неогороженный дворъ былъ проѣздъ въ стѣну во всѣ стороны, а на чердакѣ стонъ стоялъ отъ воркованья голубей, гудахтанья куръ и крика пѣтуховъ. Новый лѣтній оборотъ хозяйства Александръ Ильичъ началъ уже нѣсколько иначе. Онъ купилъ небольшое стадо испанскихъ овецъ, а пахатную землю отдалъ частью, попрежнему, съ копны, а частью засѣялъ самъ и своими сѣменами. Прошлая зима далась ему особенно тяжело. Сперва онъ крѣпился, никуда не ѣздилъ, упорно и лично слѣдилъ за кормомъ купленнаго на продажу скота и не хотѣлъ выписывать ни одной газеты и книгъ.—«Подпишусь на газету, какъ колодецъ вырою,—думалъ онъ,—скука безъ чтенія поневолѣ заставитъ подумать о томъ, что всего нужнѣе».—И онъ выдержалъ бы съ чтеніемъ, но не выдержалъ съ одиночествомъ, въ обществѣ единственнаго слуги, повара и кучера, отставнаго южнаго матроса Захара Залетнаго. Захаръ Залетный былъ горчайшій пьяница, и когда напивался, то

прежде всего весьма разсудительно искалъ тѣнора, хваталъ его и ложился въ какую-нибудь дыру спать, рыча оттуда, какъ цѣпной песъ, и грозя, что если кто-нибудь его тронетъ хоть пальцемъ, онъ всѣхъ изрубитъ въ куски. Въ остальное, трезвое время, онъ былъ мраченъ, все дѣлалъ молча и, зачуя близость запоя, подходилъ къ Чулкову и просилъ его: «баринъ, свяжи меня, завтра запью, а какъ запью, то не ручаюсь, али себя зарублю, али зарублю тебя!»—Если успѣвали принять мѣры, его связывали; если же нѣтъ, то дня три-четыре всѣ ходили въ тревогѣ, поглядывая на тотъ уголъ, гдѣ Залетный лежалъ, сверкая глазами, съ топоромъ, на всѣ лады ругаясь и всѣмъ грозя. Разъ зимою домикъ Чулкова такъ замело въ одну ночь метелью, что его насилу отрыли, и онъ вышелъ наружу, какъ изъ могилы, въ отверстіе; чтобъ разсѣяться, поѣхалъ въ городъ къ Ивану Ивановичу, прогостилъ тамъ двое сутокъ и возвратился оттуда съ пачкой разрозненныхъ нумеровъ стараго *Телеграфа*, почему-то и какъ-то удѣлѣннаго у лабазника еще отъ тѣхъ временъ, когда отецъ его явился сюда слугою при одномъ учителѣ и тутъ остался. При этомъ Чулковъ перемѣнилъ и свою прислугу.

Перечитывая подъ свистъ снѣжной вьюги истрепанные странички журнала тридцатыхъ годовъ, Александръ Ильичъ невольно сравнивалъ себя въ этой глуши и въ этомъ одиночествѣ съ Робинзономъ Крузо и, поглядывая на единственнаго собесѣдника, на портретъ матери, думалъ: «Долго ли я, однако, протяну такъ? Не сжалятся ли надо мною судьба и не пошлетъ ли мнѣ хоть кого-нибудь для развлеченія». И развлеченіе судьба ему послала.

III.

Пятница.

Былъ сѣрый денекъ второй осени. По временамъ моросилъ мелкій дождикъ. Чулковъ поѣхалъ осмотрѣть озимые всходы. Разжирѣвшая булавка, съ подвязаннымъ хвостомъ, бережно переступала по цѣли, обходя рытвины и лужицы. Александръ Ильичъ долго ѣздитъ, исколесилъ всю степь аренды, миновалъ крутой оврагъ, отъ котораго въ его глазахъ старикъ пастухъ угналъ стадо овецъ, и уже собирался поторопнѣе булавку и рысью воротиться домой,

какъ увидѣлъ, съ версту въ сторонѣ, подъ курганомъ, какого-то человѣка, новидимому, не изъ простыхъ. Незнакомецъ лежалъ на травѣ и курилъ. На его плечахъ, какъ у молещика или солдата, идущаго домой въ отставку, была кожаная сумка; возлѣ лежало ружье.—«Ужъ не визитъ ли какого-нибудь вновь прибывшаго сосѣда?»—подумалъ Чулковъ, проѣзжая мимо, и съ одной стороны невольно обрадовался живой человѣческой душѣ, а съ другой — тутъ же смутно пожалѣлъ о нарушеніи своего свободнаго и тихаго, хотя подчасъ и мертвящаго одиночества. Незнакомецъ, между тѣмъ, молча приподнялъ, при его проѣздѣ, сѣрую помитую шляпу, но болѣе не шевельнулся и, глядя на него большими и строгими карими глазами, продолжать курить папирску. Поровнявшись съ нимъ и также отдавъ ему поклонъ, Чулковъ разглядѣлъ, что это былъ плечистый, огромнаго роста господинъ, нѣчто въ родѣ гвардейскаго тамбуръ-мажора или переносчика тяжестей въ одной изъ хлѣбныхъ гаваней, съ длинными усами и бородой, въ темномъ суконномъ пальто и высокихъ дорожныхъ сапогахъ.

— Охотитесь?—спросилъ Чулковъ.

— О, нѣтъ! Какая теперь въ степи охота! Ружье только взято для дороги.

— Позвольте огонька.

— Съ моимъ усердіемъ-съ...

Незнакомецъ всталъ и подаль Чулкову кусочекъ зажженнаго у папирски трута, причемъ его ростъ показался Александру Ильичу еще больше.

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить? — спросилъ незнакомецъ.

— Здѣшній арендаторъ, Александръ Ильичъ Чулковъ. А вы?

— Иполитъ Панкратычъ Гуслевъ, русскій офицеръ въ отставкѣ, но владѣлецъ только вотъ этой сумки, да вотъ этого ружья, да вотъ этой папиросницы; любитель природы и, ремесломъ, если комически выразиться, странствующая кукушка и не совсѣмъ счастливый человѣкъ, уже хоть бы потому, что вотъ и теперь я, милостивый государь, цѣлая сутки ничего не ѣлъ и проѣиваюсь однимъ куреніемъ.

— Такъ позвольте васъ запросто попросить къ себѣ. Мое жилище тутъ верстахъ всего въ трехъ-четырехъ. Вонъ, от-

сюда видно: это—крыша моего дома. а это вотъ видны деревца моей рощи.

— Очень благодарентъ!—сказаль Гуслевъ и прибавиль:— вы не думайте, г. Чулковъ, чтобъ я былъ ловкій пролазъ или надуватель-попрошайка. Я, дѣйствительно, сильно проголодался: это фактъ; потомъ я увидѣлъ дымокъ надъ кровлей вашего дома, и, не найди вы меня здѣсь, я самъ бы зашелъ къ вамъ и попросиль бы закусить у васъ, какъ у добраго дворянина-товарища.

Говоря это, Гуслевъ заботливо сдерживаль свой точно въ корабельный руиоръ басившій голосъ и, несмотря на обношенность костюма, старался ему и себѣ придать не только извѣстную долю элѣгантности, любезности и щегольства, но даже нѣкоторый оттънокъ внушающей представительности и вѣса.

— Откуда же вы идете, Ипполитъ Панкратычъ?

— Гостиль у одного знакомаго помѣщика на границѣ Бессарабин-съ, а теперь иду черезъ эти-съ мѣста въ Тавриду-съ, а можетъ-быть, и на Кавказъ.

— Какъ! такъ далеко и иппкомъ?

— Чтѣ дѣлать, г. Чулковъ! Поневоля въ такай эдемп пойдешь и иппкомъ.

— Вы съ научною пѣлью путешествуете?

— Не столько по части наукъ, какъ по части наслаждения природой и жизнью-съ...

— Милости же просимъ пока ко мнѣ въ Безлюдовку.

— Это—село? или хуторъ? Вы женаты? Можетъ-быть, у васъ есть дама? Дѣтки есть?

— О, я холостъ и живу одинъ. А Безлюдовка... какъ бы вамъ сказать?—не село и не хуторъ, а такъ еще пока одна усадьба.

Новые знакомцы отправились, одинъ верхомъ, другой иппкомъ. Чулковъ хотѣлъ-было слѣзть и также идти иппкомъ, но Гуслевъ его до этого не допустилъ. Они посматривали другъ на друга.—«Вотъ молодчина-кавалеръ!—думаль Чулковъ, глядя на Гуслева:— чтѣ за грудь, чтѣ за ноги и руки, какой голосъ! Вотъ бы изъ тебя вышелъ работникъ!..» Гуслевъ, шагая возлѣ, смотрѣль на Чулкова и думаль: «арендаторъ! чѣмъ-то ты меня угостишь?» — Настали, между тѣмъ, сумерки, дождь въ темнотѣ заморосиль сильнѣе, а потомъ зачастиль, какъ изъ ведра. До усадьбы

оставалось еще съ версту. Землю по дорогѣ быстро и сильно разгрязнило. Буланка скользила и шла ощупью.

— Ухъ! — говорилъ въ потемкахъ Гуслевъ, шлепаемая широчайшими ступнями по лужамъ, но все-таки не отставая, и такъ брызгаясь и шумя, какъ будто онъ самъ сидѣлъ въ телѣгѣ, и какъ будто эту телѣгу везла тройка дюжихъ коней: — не лейся за шею, ничего бы! а то плоховато, что чуть ли я не промокъ до костей, да зги не видно!

На глиняномъ раскисшемъ крыльцѣ домика онъ поскользнулся; а входя въ сѣни, ударился головой о перекладину дверей.

«Ну, попалъ въ теремъ! — подумалъ онъ, держась за руку Чулкова, шагнулъ изъ темныхъ сѣней въ неосвѣщенную комнату и, въ ожидании, пока Чулковъ искалъ на столѣ и по окнамъ спичекъ, съ тоской помыслилъ: — чортъ побери! теперь бы вотъ ромку съ чаемъ, да мягкую постель; а тутъ въ этомъ глиняномъ куритникѣ, пожалуй, кромѣ косарскихъ щей съ ломтемъ хлѣба, да лошадиной полости на сѣнѣ, ничего не обращай!»

И онъ сталъ впотьмахъ обнюхивать воздухъ, ожидал увидѣть убогую обстановку жалкаго, хоть, казалось, и добраго арендатора-степняка.

Каково же было изумленіе Гуслева, когда вспыхнула спичка и зажглась свѣча! Коренастый, загорѣлый, волосатый и бородатый, какъ на берегахъ Ганга молящійся факиръ или, скорѣе, какъ темный столѣтній дубъ, стоялъ онъ среди свѣтлой, чистенькой, обвѣшанной картинками и устланной коврами комнаты, и съ его груди, съ усовъ, съ бороды и разставленныхъ рукъ, какъ по вѣтвямъ, струилась вода. Перекрестившись на уголь, гдѣ должно было быть иконѣ, и снова пожавъ руку хозяину, онъ глянулъ на полъ, на стѣны, на мягкія кресла, на этажерки съ бездѣлушками и, главное, на совершенно готовый къ ужину столъ, радушно ждавшій хозяина, отступилъ и воскликнулъ:

— Извините, г. Чулковъ, извините! каюсь передъ вами, согрѣшилъ! Никакъ не мечталъ и не думалъ увидѣть то, что здѣсь вижу! Какъ, въ этой хижинѣ! Комфортъ, изящество, простота, и при томъ, какъ по мановенію волшебника, накрытый къ ужину столъ... Какое счастье! Блюдо котлетъ, сосиски съ кашустой, а это — лисабонское... Да вы съ превеликимъ вкусомъ! и въ такой глуши, на Опалѣхъ? — чу-

деса! Я голоденъ, и сильно, это правда; но позвольте же мнѣ теперь, какъ истинному любителю всего дѣльнаго и хорошаго, приступить къ этому съ уваженіемъ, то-есть прежде всего переодѣться, а иначе я вамъ перемараю всю мебель, ковры и все. Истинный поклонникъ природы, я дарамъ ея люблю наслаждаться не какъ-нибудь, а такъ сказать, священнодѣйствуя, систематически, съ тактомъ и съ уваженіемъ притомъ къ ихъ обладателю...

Онъ поклонился. Поклонился ему и Чулковъ.

— Такъ неудобно ли вамъ сюда! — сказалъ съ улыбкой Александръ Ильичъ: — съ ужиномъ меня подождутъ еще. Вотъ вамъ спальня, вотъ вамъ свѣча и вода. Что сухо ваше, надѣвайте, а то берите мое, пока просохнетъ ваше...

Попржежнему роняя съ себя обильныя струи воды и не теряя сходства съ дубомъ, Гуслевъ ушелъ въ спальню хозяина, съ полчаса возился тамъ, пока Чулковъ еще кое-чѣмъ уставить столъ, и, наконецъ, вышелъ въ чистой, простого холста рубахѣ, въ туфляхъ и въ зеленомъ шелковомъ, хотя сильно заношенномъ, халатѣ, весь красный и распаренный отъ умыванья и вытиранья, даже, какъ показалось Чулкову, надушенный тѣми извѣстными бердичевскими духами, подъ именемъ амбре, которыя почему-то обыкновенно отзываются болѣе запахомъ корицы и перца, чѣмъ амбре.

— Откуда вы этотъ костюмъ достали?—спросилъ, поднимая брови, удивленный Чулковъ, не помня, чтобы съ гостемъ былъ чемоданъ съ поклажей.

— О! васъ это удивляетъ? это все со мною странствуетъ въ той сумкѣ, что вы видѣли. Тамъ всегда къ услугамъ моимъ и этотъ халатъ, и эти туфли, и ермолка. Я люблю себя помянуть, побаловать на перевалахъ.—«Пловецъ, пловецъ, куда плывешь? въ ль паруса съ собой берешь?» — помните? Это сказалъ одинъ поэтъ, кажется, Пушкинъ. Кійждо-съ умудрися... а это — водка?

— Коньякъ.

— Ура!—крикнулъ Гуслевъ и осушилъ объемистый стаканчикъ:—непостижимо кстати! вотъ прелесть! вотъ роскошь! да это, просто, балъ... Такъ и пошло по груди, такъ и пошло...

Сѣли за ужинъ. Тарелки, по обычаю, перемежались одинъ изъ батраковъ. И постарался же надъ ужиномъ Чулкова

Гуслевъ. Онъ ѣлъ такъ, какъ ѣдятъ только семинаристы въ первые дни каникулъ въ домѣ родителей, гдѣ-нибудь въ зажиточномъ селѣ, съѣдая сразу горшокъ варениковъ, полгуса и блюдо блиновъ со сметаной, или какъ ѣдятъ послѣ суточной гонимы за зайцами борзые собаки. Съ неизъяснимымъ наслажденіемъ, уставя локти въ столъ, откинувъ на спинку стула воротникъ халата, съ широкою, раскрытою косматою грудью, Гуслевъ уплеталъ одно блюдо за другимъ, и паръ стоялъ надъ его вспотѣлою, вымытою, но непричесанною головой и надъ его богатырскими, мясистыми и обнаженными плечами. Онъ наѣлся, отпилъ вина, стало-было опять говорить и что-то снова ѣсть, но нечеловѣческая усталость одолѣла и его. Отвѣчая на разспросы Чулкова, онъ началъ щурить глаза, все еще боролся, чтобы не заснуть, улыбался, отпускалъ шуточки, попивалъ изъ стакана, утирался и вдругъ, на какой-то паузѣ въ общемъ разговорѣ, совершенно неожиданно и съ раскрытыми глазами, громко всхрапнулъ и самъ даже озадачился.

— Что? теперь спать, дружище? — спросилъ, улыбаясь, Чулковъ.

— Ахъ, Боже мой! Я, кажется, вздремнулъ! извините! извините!..

— Помилуйте, ничего. Пожалуйте, вотъ вамъ и ночлегъ.

Чулковъ повелъ Гуслева въ спальню, гдѣ была уже приготовлена другая кровать. Снявъ бережно халатъ и туфли, уложивъ ихъ снова въ сумку и повѣсивъ ее на гвоздѣ надъ головой, Гуслевъ съ наслажденіемъ окунулъ свои утомленные долгою ходьбой члены богатырскаго тѣла въ свѣжее постельное бѣлье, въ пухъ подушекъ и перины и подъ байковое, мягкое, цвѣтное одѣяло хозяина, протянулся и такъ отъ удовольствія вздохнулъ, что погасилъ свѣчу на столѣ кровати, хотѣлъ-было легкимъ перышкомъ вскочить и опять ее зажечь, но только промычалъ Чулкову: — «извините, шеръ-ами; вотъ такъ-то, зажгите ее сами, ей-Богу усталъ! бонъ нюи!» и подумалъ: «да ужъ не искушеніе ли во снѣ сіе мнѣ, смердящему грѣшнику? Откуда, какъ и почему слетѣла на меня снова такая благодать, когда, казалось, міръ опять для меня сошелся клиномъ!» И богиня сновидѣній унесла его въ седьмое небо, причемъ, однакоже, домъ долго еще оглашался басистымъ, переливистымъ храпомъ его, который онъ и во снѣ, казалось Чулкову, де-

ликатно и вѣжливо, хотя и тщетно, сдерживалъ, точно какому-нибудь ребенку показывалъ вещь съ музыкой и то захлопывалъ ея клапанъ, то пускалъ ея механизмъ играть, шипѣть и звенѣть во всю ивановскую.

Чулковъ проснулся довольно рано и, не желая безъ надобности будить усталаго гостя, спавшаго рядомъ съ нимъ, взглянулъ на его кровать. Но Гуслевъ, какъ оказалось, еще раньше его проснулся и пристально и молча большими карими глазами смотрѣлъ на него изъ-подъ одѣяла и курилъ папирску.

— Такъ вы тоже проснулись?

— О, Боже мой, Боже мой, да гдѣ же тутъ спать!

— Вотъ какъ; чтò же васъ побезлюконоло?

— Да помилуйте! У васъ рай земной! Пѣтухи горланять, голуби на крышѣ стонуть, гуси по двору гогочать, овцы за домомъ перекликаются. Адамъ и Ева въ рай видѣли только такія картины. Да и денѣкъ какой, чудо!

День былъ точно превосходный. Солнце взошло яркое; степь весело дымилась послѣ тихаго ночного дождя. На дворѣ отзывались хлопотливые голоса рабочихъ. За стѣной давно стучали чашки, пыхтѣлъ самоваръ.

— Ну-съ, такъ вставайте, будемъ пить чай! — сказалъ Чулковъ.

— Пора, сейчасъ, сейчасъ! — отвѣтилъ Гуслевъ, но, между тѣмъ, опять прилежъ, разговорился, курилъ папирску за папирской, — и новые знакомцы вышли къ чаю чуть не въ двѣнадцать часовъ.

Сѣли за столъ.

— Такъ вы, Иннолиту Панкратычъ, служили въ военной? — спросилъ Чулковъ, разливая чай.

Гуслевъ отпилъ изъ стакана, вздохнулъ, крикнулъ и отвѣтилъ:

— Этъ, славное и незабвенное было когда-то мое житье, Александръ Ильичъ. Таковъ ли былъ я прежде, какъ теперь! Въ юнoшeствѣ, кадетомъ, я надѣлалъ шалостей, и меня изъ Питера перевели ~~инкеромъ~~ въ отдаленные баталіоны въ пѣхоту. Долго я теръ тамъ лямку. Но за то общество было хорошее. Это все были, знаете, старинныя, широкія русскія натуры. Нѣтъ болѣе на свѣтѣ такихъ людей; или они и есть, да очень мало. Утромъ — ученье, въ обѣдъ — попойки, а вечеромъ — картѣжъ. Полковой коман-

дирь у насъ былъ душа-человѣкъ. Послѣ уже говорили, что онъ солдатъ обесчитывалъ; но намъ это не шло въ голову, а въ квартирѣ его всегда и вездѣ было разлитое море кутежей. Теперь это вспомнить совѣстно, а тогда было не до того молодежи. Блонды явятся на платьѣ полковницкой жены: это значило, какъ послѣ объяснилось, что нѣсколько сотъ солдатскихъ подмѣтокъ подтибрено: новая шуба ей привезется изъ города—штаны солдатъ въ экономію помли. Барышъ на кашѣ шелъ офицерамъ на шампанское, а половина денегъ отъ новыхъ солдатскихъ мундировъ спускалась иногда въ два-три вечера въ банкъ. Впрочемъ, и то сказать, онъ бралъ, потому что всѣ брали. Онъ гдѣ-то пропалъ подъ судомъ. Тутъ замѣшалась у меня любовь; дочка своей полковникъ за меня не отдать; я покушался на самоубійство, но потомъ взялъ переводъ на Кавказъ. Здѣсь опять что за житье... Я недолго тамъ былъ, проигрался и уѣхалъ. Но, знаете, эти горы, эти черкесы, черкешенки... Увидѣть ихъ, такъ и повѣяло Маринскимъ. Куда вашему Лермонтову! ужъ вы навѣрное его поклонникъ! Не люблю я его: у него все какъ-то проше вышло, бѣдише. Зато Амалать-Бекъ! Ахъ, Александръ Ильичъ! Отчего мнѣ вездѣ и во всемъ душно, тѣсно? Душа всегда рвалась и рвется на просторъ, къ огню, къ бурямъ, къ страстямъ. Но, увы! Золотое время, кажется, уже миновало. Міръ сталъ какой-то сѣрый, будничный: нѣтъ того огня. Теперь возьми я гитару, сядь въ уединеніи аллеи, да запои «Кисейный рукавъ», или «Синій, синій, чужая даль», или «Чижикъ парень былъ удалый»,—такъ не только въ журналахъ, а даже теперешніе мальчишки-гимназисты засмѣютъ. Мы прошлые, мы лишніе, мы теперь никому не пужные люди... Вотъ, съ той-то поры, какъ я это все понялъ, да увидѣлъ, что ни на что нынѣшнее не гоюсь, я и началъ шататься. Слышно, и на Кавказѣ тоже стало теперь глухо. Наши братья-офицеры, говорятъ, сойдутся тамъ въ крѣпости другъ съ другомъ, сядутъ за полштофомъ отъ тоски и молчатъ; одинъ скажетъ: «такъ-то, братъ, такъ-то!» и выпьетъ, а потомъ другой скажетъ: «такъ-то, братъ, такъ-то!»—выпьютъ, вздохнутъ, посидятъ и опять выпьютъ.

— Гдѣ же вы послѣ Кавказа служили?

— Пріѣхалъ домой, а родные мои были все мелкопомѣстная сошка. Пріяли меня упреками, насмѣшками: ты

ничего, дескать, не нажилъ: ни чина, ни денегъ. Хотѣлъ я поступить въ кавалерію; но гдѣ взять денегъ на лошадь, на экипировку! Ростъ мой и мои формы, какъ видите, требовали много матеріи; да и желудокъ-то мой тоже, какъ вѣрно изволили замѣтить, просилъ всегда немало пищи. Денегъ мнѣ родные не дали. Я на свѣрь-сь и познакомился съ одною страстною вдовою, матерью многихъ крошекъ, и она дала мнѣ сразу все: свое сердце, свое покровительство и порядочную сумму на вступленіе въ кирасиры; замужъ, однако, за меня не пошла. «Я, говорила она, буду вашимъ другомъ, но подожду; я боюсь вашей уже слишкомъ страстной натуры: разлюбите — бросите». Такъ я прослужилъ пять чудныхъ лѣтъ; но вдова меня изъ-за одной пустой исторіи, гдѣ я было-приволокнута за другою, первая сама оставила, и я, помыкавшій еще въ отставкѣ, съ горя, поступилъ въ монахи-сь.

— Въ монахи?

— Да-сь, я всегда и прежде былъ любителемъ тишины и уединенія. Но тогда избралъ себѣ путь отшельника еще и съ печали. И, скажу вамъ, не раскаялся. Въ пустыни, куда я поступилъ, я нашелъ компанію не менѣе добрую и веселую. Въ монастырѣ я пробылъ болѣе трехъ лѣтъ, какъ и въ полку. Тамъ выписывались газеты, столь былъ дивный, предметъ — душа-человѣкъ. И съ той поры, гдѣ бы только я ни былъ, на балѣ ли у богача, деревенскаго магната, въ городѣ ли, въ театрѣ, или въ гостиницѣ съ кѣмъ за шумнымъ бильярдомъ, — чуть вырвалась минутка, я бѣгу подъ сѣнь деревъ, гдѣ птицы, гдѣ небо, гдѣ травка... И вы вѣдь меня застали въ стени подъ курганомъ. Да-сь! Я молюсь и плачу, я изнываю, слагая гимны въ душѣ надъ мудрою книгой жизни; а иногда отрадно воспоминаю о прошлыхъ кавказскихъ временахъ и тамошнихъ битвахъ, хотя, собственно, я не раненъ нигдѣ, о кирасирскомъ нападѣ и о монашескомъ уединеніи. Пока люди меня любить, я съ ними другъ и гость на ихъ брачномъ пирѣ-сь; а отвернутся отъ меня, прямо опять возвращаюсь къ жизни отшельника. Какъ это Маринскій сказалъ: туда, туда, къ воздушной кельѣ, въ сосѣдство Бога-сь унести-сь... У васъ есть *Альфъ и Альдона* Кукольника?

— Нѣтъ, не имѣю.

— Хорошая книга. Не могу ли у васъ тоже другой

книги достать? Я все еще не дочиталъ *Эвелины де-Валье-роль...*

— И этой нѣтъ, не успѣлъ еще завестись книгами...

— Такъ, такъ, разумѣется, вы правы, вы — дѣловой человѣкъ. У васъ есть цѣль, есть занятія. А у меня нѣтъ. Крутомъ васъ жизнь кипитъ, и жизнь полезная. Гдѣ вамъ до романовъ!

— Ошибаетесь: я самъ люблю чтеніе, но некогда все пока. Давно вы въ отставкѣ?

— Лѣтъ десять-съ, т.-е. не вполне десять: послѣ монашества я было опять... того-съ, въ кирасиры поступилъ...

— Въ кирасиры послѣ монаховъ?

— Именно-съ. Знакомые товарищи въ квартирмейстры переэвали. Ты, говорили, бѣденъ, честенъ, мы за тебя поручимся, а ты намъ предоставишь удовольствіе быть въ твоей веселой компаніи. И точно: я еще года три ушвался жизнью съ бранными товарищами...

Гуслевъ затянулся папирской, замолчалъ и задумался.

— Въ послѣднее же время у кого вы гостили?

— У одного помѣщика-старичка, на границѣ Бессарабіи: онъ черезъ газеты вызывалъ себя читальника. Да что! повторяю вамъ: наше время прошло, мы какъ мухи осенью. Теперь романтизмъ уже не въ модѣ. Горе бѣлоручкамъ! Вездѣ всплыло мѣщанство, лавочники становятся законодателями чувствъ и мнѣній, моды и удовольствій. Вездѣ и огъ всѣхъ требуютъ нынче пользы и личнаго труда. А на что я теперь способенъ? Хоть живой въ гробъ ложись.

— Что же васъ заставило бросить этого помѣщика?

Гуслевъ вздохнулъ.

— Собственная совѣсть, Александръ Пльичъ, собственная совѣсть. Сперва, читая ему, больному глазами, журналы и книги по вечерамъ, я поселился у него въ кабинетѣ. Вижу, не по плечу я ему: онъ все выписывать книги нынѣшнія, знаете, сухія, дѣловыя. Въ газетахъ налегъ тоже на одну политику, на этихъ французовъ, да молдаванъ и турокъ. Стиховъ терпѣть не могъ. Я сталъ дремать надъ чтеніемъ. Перевели меня на хоры: въ залѣ такая комнатка подъ потолкомъ у него устроена, съ особымъ ходомъ изъ лакейской. Полагаю, перевели за то, что я прямо высказалъ нерасположеніе къ его любимому чтенію. Но и тамъ, на хорахъ, напали меня клевета и людская зависть. Жалю

змѣи, въ образѣ языка его свояченицы, проникло ко мнѣ и туда. Она влюбилась въ меня, но я былъ и къ ней, какъ къ газетамъ ея родича, холоденъ. Я самъ, видя начало драмы, съ хоръ ушелъ въ садъ, гдѣ стояла такая пустая каменка, значить, недостроенный кирпичный флигель. Я тамъ поселился, думать дни свои тутъ кончить. Но помѣщикъ скорѣ нашелъ другого чтеца изъ студентовъ, а меня разсчиталъ. Я ушелъ, и мнѣ приходилось гдѣ-нибудь либо замерзнуть на пути, либо съ голоду пропасть, какъ собакъ, либо спиться съ кругу, а не то пулю въ лобъ, по-гусарски...

— Что вы, что вы, Ипполитъ Панкратычъ, какъ вамъ не грѣшно!

— Да, да, не спорьте! Это я уже знаю; вся наша брагія, добрые гуляки стараго времени, такъ обыкновенно кончаютъ, а многіе уже и раскончили свои судьбы. Нынче широта былыхъ временъ ударила въ другое, въ открытое мошенничество и грабежъ. Мы же только любили покутить...

Въ свою очередь, вздохнулъ и Чулковъ. Онъ подумалъ: «не попытаться ли мнѣ этого добрика обратить на путь истинный? Или и въ самомъ дѣлѣ онъ правъ, и все его поколѣніе, возросшее на старой закваскѣ, умретъ неисправимое и не своею, какъ онъ говоритъ, смертью?..»

Новые знакомцы кончили чай. Чулковъ предложилъ гостю осмотрѣть хозяйство. Они обошли дворовыя строенія, овчарню, скотскій загонъ, балку, рощицу, дождевую запруду, прошли въ поле, на ближайшій курганъ, съ котораго когда-то Чулковъ впервые обозрѣвалъ свою аренду, и возвратились поздно къ обѣду, наговорившись вдосталь обо всемъ: о южномъ хозяйствѣ, о Россіи вообще и даже о послѣднихъ политическихъ извѣстіяхъ, что не мало заняло Чулкова, который, кромѣ вѣстей лабазника Ивана Ивановича да чтенія страничекъ *Телеграфа*, за эти полтора года о событіяхъ міра почти ничего не слышалъ. Говорили даже объ Индіи и Китаѣ. Насчетъ Китая Гуслевъ сблехнулъ, и довольно сильно, выразившись, что будто бы тамъ, какъ пишутъ, отъ Пекина къ нашей Камчаткѣ ведутъ, и чуть ли уже не провели, желѣзную дорогу, и что тамошній императоръ принялъ наше православіе и посылаетъ своего сына въ Москву въ университетъ.

«Э-ге-ге-ге, — подумалъ при этомъ Чулковъ, — да ты, братъ, превеселый господинъ, и съ виду тихій, и брехать

подчасъ умѣешь. Предложу-ка и я тебѣ у себя гостить, какъ ты гостилъ близъ Бессарабін; не исправлю тебя, такъ, по крайней мѣрѣ, и тебя развлеку, и самъ развлекусь!»

И когда дня черезъ четыре, послѣ поѣздки на бѣговыхъ дрожкахъ на утокъ къ Опалихѣ, Гуслевъ за ужиномъ разсказалъ Чулкову о томъ, какъ, будучи монахомъ, но не кидая привычки изрѣдка являться въ общество, онъ въ чьей-то коляскѣ, въ богатой рясѣ, въѣхалъ въ одинъ городъ и какъ жители приняли его за архіерея и увлеклись до того, что ударили въ колокола и духовенство вышло изъ церкви въ полномъ облаченіи,—Чулковъ не вытерпѣлъ, налить ему въ концѣ ужина полный стаканъ вина и сказалъ:

— Ипполитъ Панкратычъ, у меня къ вамъ неотступная просьба!

— Какъ? Я весь къ вашимъ услугамъ...

— Вамъ у меня понравилось?

— О, да-съ, еще бы!

— Мнѣ скучно; я одинокъ, я занятъ. Оставайтесь погостить у меня на годъ, на два, сколько хотите. Куда вамъ идти противъ зимы? Смотрите, какіе пастушаютъ дожди, слякоть, холода.

Гуслевъ задумался.

— Нѣтъ, не могу у васъ остаться. О!.. ни за что, ни за что! Очень вамъ благодаренъ. Я бы даже, пожалуй, и остался, но не у васъ. Вы — дѣловый человѣкъ, вы лично трудитесь съ утра до ночи; я гожусь только въ шуты. Совѣсть не позволяетъ; такимъ дѣловымъ людямъ, какъ вы, приживалки да прихвостни, въ родѣ меня, одинъ житейскій тормазъ... Я вамъ не пара!

— Полноте, какъ вамъ не стыдно такъ мало себя цѣнить! И что я за дѣловой человѣкъ: такъ себѣ, безлюдовскій арендаторъ и только. Меня никто тутъ и не знаетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!—отвѣтилъ Гуслевъ, не поднимая глазъ: — я долженъ васъ благодарить и не далѣе, какъ завтра же, чуть перестанетъ дождь, уйду своей дорогой. Это рѣшено-съ...

— Но куда же?

— Куда глаза глядятъ. Я и такъ васъ оторвалъ отъ вашихъ занятій. У подошвы Казбека или Чатырдага сложу свои кости; обниму великановъ и умру.

Дѣлать было нечего. Чулковъ замолчалъ и пересталъ

упрашивать гостя. Черезъ сутки, однакоже, среди какого-то посторонняго разговора, Гуслевъ самъ опять вспомнилъ о словахъ Чулкова и совершенно неожиданно, какъ бы отвѣчая собственной своей сокровенной мысли, сказать:

— Притомъ же, Александръ Ильичъ, я васъ чисто объѣмъ и обношу; у меня все платье, какъ видите, давно истрепалось; главное же, вы труженикъ, вы, какъ орелъ, носите и парите по хозяйству; а я—кукушка, и орлу далеко не товарищъ.

Въ другой разъ, сутокъ опять черезъ трое, бесѣдуя съ Чулковымъ о сосѣдней ярмаркѣ скота и, повидимому, еще не затѣвая сняться и уйти, Гуслевъ всталъ, взглянулъ исподлобья на Чулкова, вздохнулъ, и когда Чулковъ при этомъ вышелъ и сѣлъ на дрожки, отправляясь въ поле, онъ поправилъ сбрую коня и сказалъ:

— Удивляюсь, право, какъ это вы рѣшились намеренно пригласить на житье къ себѣ меня; еще бы принять меня въ качествѣ компаньона, повѣреннаго, положимъ, это бы я понять еще, а гостя—не понимаю!

Еще прошло съ недѣлю. Александръ Ильичъ, проѣздивъ на ярмарку болѣе двухъ сутокъ, возвратился, сталъ искать Гуслева и не нашелъ, сталъ спрашивать о немъ и узнать, что въ первый день послѣ его отъѣзда онъ еще навертывался въ комнаты, обѣдалъ, пилъ въ свое время чай, а въ вторыя сутки его почти и не видали.

«Гдѣ бы могъ дѣться, однако, этотъ чудакъ?»—подумалъ Чулковъ и пошелъ его искать.

Онъ вышелъ въ поле, прошелъ версты двѣ, долго смотрѣлъ кругомъ, но гостя не было видно.

«Ужъ не ушелъ ли онъ совсѣмъ отъ меня? Такъ не можетъ быть: походная сумка, кажется, попрежнему, виситъ на гвоздѣ въ кабинетѣ. Гдѣ же онъ?»

И Чулковъ нашелъ Гуслева подъ тѣмъ самымъ курганомъ, гдѣ его впервые увидѣлъ. Гуслевъ лежалъ плашмя, лицомъ къ травѣ. Не то онъ спалъ, не то былъ боленъ или пьянъ. Заслыша шаги Чулкова, онъ всталъ и сильно смѣшался: лицо его было заплакано. Молча поздоровавшись, хозяинъ и гость пошли домой.

— Позвольте! Остановитесь!—порывисто сказалъ Гуслевъ, когда они подходили ко двору, уже подернутому послѣдними

лучами сухого, багрянцемъ и золотомъ горѣвшаго осенняго вечера.

— Что вамъ угодно?

— Согласны вы принять меня въ качествѣ вашего не гостя, а помощника и повѣреннаго?

— Какъ помощника?—спросилъ, смѣшавшись, Чулковъ.

— Именно-съ... я буду вашъ товарищъ, какъ бы участникъ въ вашихъ палхъ. Допустите меня къ хозяйству?

— Съ великимъ удовольствіемъ, но мнѣ не хотѣлось бы васъ утруждать. Притомъ же мои дѣла не такъ сложились...

— Не безпокойтесь. Вы сравнивали себя съ Робинзономъ Крузо, я буду вашимъ Пятницей. Какъ тотъ дикарь на американскомъ острову, я буду вашимъ собесѣдникомъ, но вмѣстѣ и вашимъ работникомъ. Я вамъ, такъ-сказать, зонтикъ изъ козихъ кожъ сдѣлаю; изъ одного зерна цѣлое поле турецкой пшеницы распожужу; отъ нашествія цивилизованныхъ хищниковъ-съ всякаго рода, какъ отъ дикихъ, пещерку вашу въ неприступную крѣпость обращаю. И съ какою отрадой, запершись отъ всего міра и оградясь, мы втащимъ за собою туда самую лѣстницу! Согласны?

— Согласенъ.

— Такъ по рукамъ! Отнынѣ я—вашъ сожитель. И неужели мнѣ не удастся доказать, что въ новые трудные дни и нашъ братъ, былой тунеядецъ, способенъ на что-нибудь полезное?

Друзья ударили по рукамъ, и Гуслевъ остался.

Новые сожители не скучали. Наступила и съ новыми лишениями прошла зима; новая весна смѣнилась новымъ лѣтомъ. Гость, дѣйствительно, оказался премилаго, домовитаго и вмѣстѣ забавнаго нрава, а главное,—чего трудно было ожидать, — дѣйствительно рѣшился трудиться. Сломалась какъ-то молотилка Чулкова; слесаря, по обыкновенію, негдѣ было достать ни за золотыя горы, а молотить запро-данный хлѣбъ надо было на срокъ. Гуслевъ скинулъ верхнее платье, засучилъ рукава, досталъ инструментъ и собственноручно въ сосѣдней колонистской кузницѣ сковаль скобки, высверлилъ нужное отверстіе, наладилъ бичи, винты, и молотилка пошла въ ходъ. Оживленный успѣхомъ собственнаго перваго труда, онъ, правда, было замечтался, сталъ ходить съ насушенными бровями, началъ подговаривать Чулкова завести цѣлую мастерскую и выписать нужные припасы.

готовальню, сверла, паяльные трубки, подпилки и даже дорогой, новѣйшаго устройства, металлическій токарный станокъ, который онъ видѣлъ гдѣ-то на фабрикѣ въ Кіевѣ. Но дѣло на томъ пока и окончилось. Склеивъ еще кое-какъ ножку стула и вырѣзавъ для забавы изъ вишневоѣ косточки корзинку, а изъ орѣха клѣтку, Гуслевъ заговорѣлся. Пожалуй, онъ оказался знатокомъ и въ земледѣліи, и въ овцеводствѣ, и даже въ новѣйшихъ дворянскихъ коммерческихъ оборотахъ. Но въ поле къ пахарямъ онъ прошелся съ Чулковымъ всего только одинъ разъ, и то въ началѣ, причемъ они, правда, сдѣлали пѣшкомъ что-то около пятнадцати верстъ, страшно спорили о химіи и еще о чемъ-то изъ новѣйшей агрикультуры, поминутно свертывая папиросы, и такъ много курили, что когда сѣли за курганомъ, то издали представляли изъ себя трубы двухъ маленькихъ локомотивовъ, и Гуслевъ усталъ при этомъ до того, что, не дойдя до дому, залегъ въ степи, и за нимъ прислали въ поле дрожки. Въ толкахъ объ овцахъ, Гуслевъ въ началѣ также пѣлилъ-было хозяина какими-то соображеніями, изъ-за которыхъ тотъ долженъ былъ переимѣнить все стадо мериносовъ на простыхъ курдючныхъ овецъ. Но когда въ теченіе всей зимы на овчарный загонъ Гуслевъ сходилъ счетомъ, за версту, всего три раза, то осторожный Чулковъ придумался, улыбнулся и мериносовъ положить не сбывать. Да Гуслевъ на невниманіе къ себѣ и не сѣтовалъ. Не даѣе, какъ черезъ два-три дня, онъ первый забываетъ о своихъ совѣтахъ и болѣе о нихъ не говоритъ никогда. Опять сломалась какъ-то у Чулкова молотилка; но Гуслевъ взять инструментъ, безъ толку провозился надъ нимъ, сказалъ, что мигомъ все починить, занялся, между тѣмъ, клѣткой изъ горошины и про молотилку забыть.

Подкарауливъ день именинъ Александра Ильича, Гуслевъ заперся въ отведенной ему комнатѣ, въ пристройкѣ къ дому, выпросилъ у Чулкова лошадь, сѣздитъ въ городъ, еще сутки просидѣлъ взаперти, и вечеромъ имениннаго дня, между домомъ и балкой, вспыхнулъ на шестахъ весьма недурной самодѣльный фейерверкъ. Нѣсколько фальшфейеровъ, ракетъ и бураковъ и разноцвѣтные бенгальскіе огни озарили безлюдовскую балку, домикъ съ голубятней, дворовыя постройки и раскинутыя по склону балки землянки рабочихъ. Правда, большая часть ракетъ падала не далѣе, какъ

за сотню шаговъ, не взлетая на воздухъ; однимъ буракомъ сильно опалило бороду подвернувшегося ротозѣя изъ батраковъ. Зато заключительная ракета взвилась, на диво вѣмъ, подь самое небо, описала въ немъ, какъ падающая звѣзда, яркую дугу, уронила съ высоты нѣсколько разноцвѣтныхъ, медленно скользившихъ и гасшихъ огоньковъ и канула за Опалѣхой, вспугнувъ въ мрачной степной дали огромное стадо дикихъ гусей, долго сновавшихъ въ небесной темнотѣ и оглашавшихъ ее. И въ то же время самъ Гуслевъ, тайно ускользнувъ въ потемки отъ фейерверка, бацнулъ гдѣ-то невдалекѣ изъ ружья за усадьбой и крикнулъ оттуда почему-то по-латыни: «*Vivat academia! unde vivant professores*»...

Въ одномъ оказался совершенно неутомимъ гость Чулкова—и охотѣ. Въ сѣренныя, нежаркіе дни весны и лѣта онъ исчезалъ съ ружьемъ, патронташемъ, папиросницей и узелкомъ со съѣстными припасами по цѣлымъ суткамъ. Дичи приносилъ онъ вообще мало, но являлся усталый, снималъ съ себя охотничью сбрую, въ безспіи падалъ на постель и повторялъ:

— Ахъ, мѣста, мѣста у васъ, рай! Даромъ, что глухія степи! Ненаглядная пустыня, у тебя бы только учиться мудрости да счастію, свободѣ да труду! Гдѣ только я не выходилъ эти дни! И развѣ охотникъ—не дѣлецъ? Вспомните, Александръ Ильичъ: Давидъ былъ ловець предъ Господомъ и оцѣненъ за то, и попалъ въ цари...

— Ну, за охоту мы съ вами въ цари не попадемъ.

— Смѣйтесь, смѣйтесь. Я же, ходючи, все высматриваю, все изучаю; кромѣ того, хорошее знакомство свелъ. Встрѣтился съ дьячкомъ села Таганчи, что отъ насъ въ двадцати верстахъ, гдѣ Музыкантовъ, здѣшній предводитель. править хозяйствомъ барыни, у которой мужъ безъ вѣсти пропалъ. И какую семинарскую пѣсенку съ гитарой онъ поетъ.

— Кто? Музыкантовъ?

— Нѣтъ, дьячокъ?

— Какую же?

— Охъ, охъ, охъ, семперъ горѣхъ; квогидѣ капа, мизерія наша! Сирѣчь: одиночество—вещь хорошая, но не всегда! Это замѣьте. и сами чаще развлекайтесь охотой послѣ труда.

Время, однако, летѣло и летѣло. Безгрѣшный и безвредный лѣбтѣй Гуслевъ и не замѣтилъ, какъ прошло чуть не два года его жизни у Чулкова, а обѣщанной пользы онъ, какъ товарищъ и повѣренный, не сдѣлалъ ему по хозяйству ни на грошъ. Порывы, стремленія къ труду у него, дѣйствительно, были, и даже не простые, а какіе-то исполнискіе. Такъ, одинъ разъ, когда, въ отсутствіе Чулкова, въ жилищѣ у нихъ не оказалось чаю и сахару, а всѣ лошади были въ разгонѣ, Гуслевъ, недолго думая, пошелъ въ уѣздный городъ за тридцать верстъ пѣшкомъ и изъ лавки Ивана Ивановича къ пріѣзду Чулкова принесъ полфунта чаю и фунтовъ пять сахару, а потомъ опять залегъ на кровать и, куря папирсы, лежалъ тутъ, безпардонный счастливецъ, по цѣлымъ недѣлямъ, среди общей хлопотни во дворѣ. Чулковъ его не трогалъ и съ любовью смотрѣлъ на этого послѣдняго изъ Могиканъ былыхъ временъ. Но Гуслевъ вскорѣ спохватился, что ничего не дѣлаетъ, и опять затосковалъ.

«Постой-ка,—подумалъ онъ какъ-то, останавливаясь надъ одной изъ книжекъ *Телеграфа*,—тутъ вотъ я намеренъ прочитать одно хорошее средство... Если мнѣ удастся его примѣнить, да прославится имя мое здѣсь, и всѣ да убѣдятся тогда, что не даромъ я бременилъ землю. Если же не удастся моя мысль,—баста! Полно сибаритничать даромъ, я отсюда окончательно уйду тайкомъ, такъ что не узнаютъ!» Не говоря никому о задуманной мысли, Гуслевъ выпросилъ у Авдотьи Алексѣвны, — миловидной ключницы и вмѣстѣ съ недавней поры, стряпухи Чулкова, смѣнившей пьяницу матроса Залетнаго,—два простые кухонные горшка, налѣпилъ глиняныхъ шариковъ и ушелъ съ ними въ степь. Куда онъ ихъ ставилъ и что съ ними дѣлалъ, не было извѣстно никому. Видѣли только, что онъ началъ, какъ въ первые дни пребыванія въ Безлюдовкѣ, пропадать по цѣлымъ днямъ, пожелтѣлъ, исхудалъ, лицо его осунулось, глаза стали тусклы, включенныхъ волосъ на головѣ и бородѣ онъ не расчесывалъ и на всѣ вопросы о причинѣ его задумчивости отмалчивался, вздыхалъ или отвѣчалъ нехоти и двусмысленно.

«Ну, теперь уже окончательно задумалъ Гуслевъ отчалить отъ меня!»—рѣшилъ въ умѣ Чулковъ.

Былъ конецъ осени четвертаго года пребыванія и трудовъ

Чулкова въ Безлюдовкѣ. Погода стояла сухая, вѣтреная и пыльная. Ничего не подозрѣвавшій, съ утра и до ночи занятый и по обычаю для всѣхъ нужный и всеми поминутно отвлекаемый, Александръ Ильичъ сидѣлъ все на томъ же глиняномъ крылечкѣ, смотрѣлъ черезъ балку въ стѣну, откуда въ вечернемъ полусвѣтѣ съ облачкомъ пыли встѣдъ медленно двигалось домою обширное и сытое стадо овецъ. и въ ожиданіи, что вотъ-вотъ его опять кто-нибудь и куда-нибудь кликнетъ за совѣтомъ, мыслить: «такъ, такъ, дѣла мои улучшаются, завелся въ банкѣ и порядочный капиталецъ; а гдѣ-то и что подѣлываетъ Ваня Сладкопѣвецъ? Хорошо бы узнать его адресъ»,—какъ вдругъ услышалъ издали странный и глухой, не то печальный, не то радостный крикъ. Вслушался, и ему показалось, что кто-то въ сумеркахъ тяжело и вмѣстѣ поспѣшно бѣжитъ къ его двору; даже какъ будто слегка земля при этомъ гудѣла. Онъ подождалъ красавицу-Дуню, шедшую изъ погреба съ разными припасами для ужина и съ ключами, и только-что шутливо спросилъ ее: «Авдотья Алексѣевна, что значитъ этотъ гудъ и топотъ? Не конская ли голова изъ вашей сказочки бѣжитъ?»—какъ изъ-за спины его у крыльца обрисовалась совершенно растерянная фигура Гуслева. Какъ ни было сумеречно, онъ разглядѣлъ, что Гуслевъ былъ блѣднѣе прежняго, что пиджакъ и руки были не то въ крови, не то въ грязи, а съ мокрыхъ и облипшихъ на колѣняхъ брюкъ, какъ у избивателя воловъ или рьянаго рыболова весной, ручьями стекала какая-то жидкость.

— Чтѣ съ вами, Ипполитъ Панкратычъ? Не несчастіе ли на охотѣ у Оналѣхи? Не подстрѣлили ли васъ дьячокъ или вы тонули?

— Учитель!—торжественно и не своимъ голосомъ, даже съ хрипотой въ горлѣ, проговорилъ Гуслевъ:—вставай, иди и смотри, хоть уже темно; но ты увидишь, ты увидишь плоды рукъ и смѣтки твоего ученика!

Обнаженная голова Гуслева была включена, длинная борода развѣвалась по вѣтру, строгое лицо было обращено къ багровому закату солнца, а глаза горѣли огнемъ вдохновенія и торжества.

— Да чтѣ же тамъ такое?—спросилъ, вскакивая, Чулковъ.

— Я... я... то-есть *Телеграфъ*... Ивана Ивановича... то-есть вѣтъ. тьфу! я окончательно дурѣю! Однимъ словомъ,

я, прочтя одно средство, открылъ ручей, ключъ, бездну ключей... и гдѣ же? Вонъ, вонъ, въ полу-верстѣ, и не внизу, а въ горѣ, и чуть самъ не утонулъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ нашелъ и гдѣ самъ ихъ отрылъ, смотрите, вотъ этими руками... видите? замараны!

Чулковъ крикнулъ фонарь. Дуня уронила связку съ ключами и всѣ свои принасы. Не прошло мгновенья, какъ дворян собралась, и всѣ побѣжали къ вершинѣ балки, куда указать Гуслевъ. Онъ былъ правъ: изъ ребра балки, подъ его заступомъ, ударилъ ключъ, и такой обильный, что вскорѣ отъ него полился ручей быстрой, студеной, легкой и, какъ слеза, свѣтлой воды.

— Я прочелъ въ *Телеграфѣ* о томъ способѣ, — объясняли онъ, суетясь и подводя всѣхъ къ отверстию ключа: — какими арабы въ пустынѣ узнаютъ присутствіе подземной воды, а именно: я началъ ставить въ разныхъ мѣстахъ пустые глиняные горшки и по зарямъ наблюдалъ на ихъ поверхности отсѣдъ паровъ. И горшки Авдотьи Алексѣевны сдѣлали чудо. Я давно ломалъ себѣ голову и думалъ: отчего именно рощица выросла вверху нашей балки, а не внизу, гдѣ чаще бываетъ влага, и отчего верховье балки всегда зеленѣе, чѣмъ низъ? Поставилъ я тогда горшки именно тутъ, взвѣшивалъ въ нихъ шарики, смотрѣлъ, наблюдалъ, а наконецъ, перекрестился, тихонько нынче передъ вечеромъ взялъ заступъ, началъ рыть, и, какъ видите, ключъ хлынулъ такой, что чуть не потопилъ и меня самого.

Восторгу обывателей Безлюдовки не было конца. Всю первую ночь у ключа горѣлъ костеръ, батраки пили водку, выставленную хозяиномъ, а Чулковъ и Гуслевъ, обнявшись, гуляли.

Изъ ручья наскоро устроили обширный, обложенный каменною стѣною колодезь, назвали его Богатымъ, освятили воду, и впоследствии у Богатаго колодца, что въ Безлюдовкѣ, какъ толковали кругомъ, разминуться нельзя было отъ подвѣда и отъ проезжихъ путниковъ. Вся транспортная дорога къ морю отъ окрестныхъ колоній повернула на его степь черезъ Опалиху, гдѣ, кстати, на прежде осушенныхъ имъ берегахъ, онъ устроилъ мостъ, а у моста выстроилъ и открылъ постоянный дворъ, сдать его родичу Ивана Ивановича.

— Ну, спасибо же вамъ, Ипполитъ Панкратычъ, — ска-

заль Чулковъ черезъ недѣлю послѣ освященія Богатаго колдца:—вы мнѣ доставили много удовольствія, но еще болѣе барышей. Позвольте васъ отблагодарить...

И онъ подаль ему нѣсколько ассигнацій; Гуслевъ отклонилъ подарокъ.

— Не возьму!

— Отчего?

— Лучше вы мнѣ... того-съ... дадите послѣ, когда будетъ нужно отъ васъ ѣхать; а теперь вспомните свое слово: подпишитесь хоть на одну газету, хоть на одинъ какой-нибудь журналъ, либо выпишите партійку хорошихъ книгъ. Вѣдь мы, какъ Наполеонъ въ Египтѣ-съ, не знаемъ столько времени ничего о свѣтѣ, о Европѣ-съ, отстали отъ людей и событий...

— Не только на одну газету, что хотите выпишу теперь. А кромѣ того, назначаю вамъ жалованье какъ помощнику.

И домикъ Чулкова, черезъ три недѣли, былъ заваленъ книгами и свѣжими нумерами столичныхъ газетъ и журналовъ. Чулковъ обрадовался имъ не менѣе Гуслева. Еще въ Петербургѣ, вырвавшись со службы изъ департамента, онъ наскоро перекусывалъ у кухмистра и спѣшилъ въ ближайшую гостиницу или ресторанъ, закуривалъ папироску и кидался къ газетамъ. Матѣйшее политическое событіе волновало и приковывало его вниманіе къ себѣ. Онъ даже работать для газетъ по части переводовъ. Чужіе края нѣсколько охладили-было это любопытство; да и понятно: въ добываніи куска насущнаго хлѣба ему было не до пестрой болтовни иностранныхъ газетъ, не до людскихъ вѣстей, слуховъ и предположеній. Теперь же дѣло другое: онъ сознавалъ, что его матерьяльное состояніе начинало весьма недурно обезнечиваться, что онъ самъ для себя, какъ и для ближайшихъ къ нему работниковъ и для всего своего домашняго обихода становился чѣмъ-то имѣющимъ немалое значеніе, необходимость и важность. А главное, онъ видѣлъ, что дѣломъ его рукъ создавалась его собственная независимость, самостоятельность и свобода. И онъ съ жадностью кинулся къ газетамъ, ища свѣдѣній объ оставленныхъ въ Петербургѣ товарищахъ и знакомыхъ. — «Какое счастье! — думалъ онъ, — и какъ скоро это счастье изъ міра снова стало переходить въ міръ дѣйствительности! Вѣдь тамъ, въ Петербургѣ, я былъ чуть не тотъ же Гуслевъ!» —

Но еще радостнѣе онъ соображалъ, какъ устроилась его самостоятельность. Не надо было ему теперь идти въ узкомъ, вицмундирѣ въ душную, пропитанную чернилами и пескомъ, канцелярію; не надо было болѣе трепетать и вытягиваться передъ директоромъ департамента; не надо было тоскливо соображать всякія лазейки на случай разныхъ министерскихъ ломокъ, сокращеній штатовъ или неожиданнаго сажанія подчиненныхъ на шею начальниковъ, по одному почерку пера капризной богини-бюрократіи. Онъ самъ теперь былъ и работникъ, и начальство, и штаты. Амбаръ его ломился отъ зерна, отборное стадо овецъ гуляло по равнинамъ аренды, а съ переходомъ транспортного тракта на его степь, мимо его колодца, онъ ежедневно съ глинянаго крыльца любовался сотнями подводъ и пѣшеходовъ, повалившихъ отъ сѣвера къ близкому морю, черезъ сосѣдніе съ нимъ берега Опалихи.

«Міръ перестраивается. Заново перестраивается! — твердилъ Гуслевъ. — Полагаю, что теперь я и въ монастырѣ соскучился бы и Кавказъ, вонъ, замиренъ, Шамиль въ губернскомъ клубѣ въ шапки съ чиновниками играетъ, а всталъ бы Марлинскій, не о чемъ ему и писать! Каковъ и я! Получаю жалованье! На сорокъ пятomъ году начинаю понимать отраду личнаго труда, прелесть собственнымъ умѣньемъ нажитой копейки. Вотъ заразительная мѣстность! Чудеса, да и только! Ну, чѣмъ я началъ? Открылъ мѣсто у колодца; заработалъ выписку газетъ и книгъ, и пошла писать. Чрево разыгралось! Захотѣлось, вишь, еще наживы; принялъ жалованье отъ Чулкова. И жизнь-то наша какая, диво! Тишина, пустыня; никто у насъ не бываетъ, и мы ни у кого не бываемъ. О насъ и то толкуютъ, и другое; клеветуютъ, вѣроятно, на насъ, врутъ всякую всячину эти тупоголовые и дрянные люди. А мы и ухомъ не ведемъ. Богатѣетъ этотъ Чулковъ, да и баста. Все купоны отрѣзываетъ въ банкѣ, да проценты опять сюда же, въ хозяйство, кладетъ. А я въ поле ѣзжу, за рабочими смотрю. Не видишь, какъ время уходитъ. И коли я умру, попрошу его меня похоронить возлѣ рощи, на верху балки, недалеко отъ Богатаго колодца, открытаго мною... Да-съ, именно такъ! Но чудакъ Чулковъ: очевидно, въ пріятныхъ отношеніяхъ съ этою ключницей и стряпухой Дуней, а мнѣ и не говорить. Штука онъ! Да и славная бабенка, впрочемъ, эта

Авдотья Алексѣевна. Бѣлая, какъ пухъ, съ полными, вертикальными локтями, темно-русая, съ голубыми ласковыми глазами, все улыбается, какъ идетъ; добрая такая и хлопотунья; славные супы варить, по праздникамъ кофе мнѣ сама въ кабинетъ носить. Ею не видно, почитаѣй, и не слышно. Развѣ бы и мнѣ, на старости лѣтъ, гм! гм! тоже найти какую-поселяночку или мѣщанку... Похлопочу-ка. Вонъ, въ постояломъ нашемъ есть субъектъ».

И Гуслевъ уносился въ мысляхъ далеко-далеко. А чрезъ нѣсколько недѣль, въ качествѣ повѣреннаго Чулкова, онъ перезвалъ въ санъ коровницы и огородницы нѣкую Глашу, совершенно черномазую хохлушечку, работницу сидѣльца въ ихъ постояломъ дворѣ на Опалихѣ. Чулковъ это также увидѣлъ, ни слова ему не сказавъ, и все пошло по былому, хорошо.

IV.

Слѣды дикихъ.

Итакъ, начался новый, по счету пятый годъ жизни Чулкова въ мѣстахъ, гдѣ засталъ его этотъ романъ. И если тебѣ, читатель, не по-вкусу былъ романъ объ американскомъ переселенцѣ, то совѣтую тебѣ этотъ разсказъ о русскомъ переселенцѣ бросить на этой же страницѣ. Но если ты, вопреки нѣкоторымъ судьямъ, безвыѣздно проживающимъ въ комфортныхъ квартирахъ, не безъ вниманія прочесть повѣсть о человѣкѣ, заброшенномъ въ пустыню, если ты съ доверіемъ встрѣтилъ тамъ картины горькаго одиночества и упорнаго труда, то давай мнѣ руку и пойдемъ далѣе со мной. И вѣрь мнѣ, что, вслѣдъ за прочтеннымъ тобою разсказомъ о томъ, какъ Чулковъ строить и убиралъ первое свое глиняное жилье, какъ онъ собиралъ плоды первой жатвы и продавалъ произведенія перваго стада, — будетъ рѣчь и о многихъ бурныхъ и печальныхъ событіяхъ, постигшихъ мѣста, гдѣ, казалось бы, старыя человѣческія страсти и старое людское зло еще не имѣли времени и силъ пустить въ дѣвственную почву края прочныхъ и глубокихъ корней.

Нежданное появленіе Чулкова и его смѣлая рѣшимость остаться съ перепутья въ этомъ околоткѣ, выборъ для хозяйства совершенно пустынной и почти необитаемой мѣстности, таинственность его одиночества, неизвѣстность про-

исхожденія, цѣлей и объема его хозяйственныхъ и торговыхъ оборотовъ, — все это съ перваго же раза возбудило любопытство ближнихъ и дальнихъ его сосѣдей. Съ истеченіемъ четырехъ лѣтъ, свѣдѣнія о прошлой и настоящей жизни Чулкова нисколько не подвинулись впередъ. Онъ не переставалъ быть для околота во многихъ отношеніяхъ загадкой, хотя ни для кого не было секретомъ, что онъ въ первые же два года аренды зашибъ порядочный барышъ, а въ остальные два года доходъ его еще болѣе увеличился.

Молва не оставляла въ покоѣ ни первыхъ хозяйственныхъ удачъ Чулкова, ни хода дальнѣйшихъ его оборотовъ. Заѣзжій въ тотъ околотокъ путникъ, если не на первый, то на второй же день, услышалъ бы отъ шинкарей, приказчиковъ и купцовъ имя Чулкова и между рѣчью о томъ, о семъ, навѣрно ему включили бы разсказъ или о томъ, какъ неутомимый Чулковъ сорвалъ нѣсколько тысячъ, распахивая нѣмомъ и съ копны вѣковѣчную цѣлинну, или о томъ, какъ три года сряду бралъ онъ также по нѣскольку тысячъ за шерсть овецъ, за нагуль скота и покупая въ окрестностяхъ хлѣбъ на барышъ. Но не объ однихъ хозяйственныхъ оборотахъ Чулкова говорили въ уѣздномъ городѣ и въ околоткѣ. Многіе не вѣрили тому, чтобъ онъ въ такое короткое время личнымъ трудомъ нажилъ большія деньги. «Онъ либо съ родины еще привезъ большой капиталъ, либо дѣлаетъ тамъ въ глуши фальшивыя деньги!» — толковали нѣкоторые сосѣди. Не мало также возбуждали толковъ его заботы о рабочихъ. Больше всего, разумѣется, любилъ объ этомъ съ гордостью бесѣдовать съ знакомцами-горожанами первый пріятель Чулкова, лабазникъ Иванъ Ивановичъ. Кряхтя надъ чаемъ и въ двадцатый разъ отирая лысину, онъ говорилъ: «Душа человѣкъ, хоть и баринъ! вотъ что, господа, скажу вамъ! Это выстроилъ онъ батракамъ, замѣсто землянокъ, хаты хорошія. Стали заболѣвать у него косари да гребцы лихорадкой. — дохтура выписалъ на всю косовицу. А зимой взялъ, да для годовыхъ, то-есть, наймитовъ больницу построилъ, какъ есть это, съ аптечкою, фельдшеръ изъ жидковъ при ней, и дохтуръ наѣзжаетъ. И всѣхъ это сосѣдовъ еще подговорилъ на фельдшера сложиться. А теперь, господа, слыхамъ-слыхать стало: для батрацкихъ дѣтишекъ училищу завелъ, и на слободѣ самъ евтой грамотѣ ихъ учить; а то еще такого тоже старичка припанилъ

изъ солдатъ, Михѣича: выучи, говоритъ, Михѣичъ, ихъ уму-разуму, а я тебѣ за это чистою монетою платить буду, все равно, значить. и такъ, то-ишь, пискуны шатаются. И былъ я, господа, въ Безлюдовкѣ, и видѣлъ: куда робята помирнѣе стали, отцы не нахвалятся. Въмѣстѣ это, какъ въ церкви, поютъ, да всѣ рядышкомъ сидятъ, умытые, прибранные, а и вся училница-то неказистая: сарайчикъ возлѣ конюшни, и все тутъ!» Наконецъ, нѣкоторые лица изъ уѣзднаго общества заговорили о томъ, что двумъ сосѣднимъ волостямъ Чулковъ предложилъ сдѣлать складчину и устроить, при его помощи, сельскую богадѣльню для обезсиленныхъ, калѣкъ и стариковъ изъ рабочихъ людей, въ видахъ, между прочимъ, прекращенія въ околоткѣ нищенства и попрошайства. Но не все сразу и скоро удавалось ему. И этимъ въ особенности пользовались уѣздные остряки. Такъ, слышно было, что въ больницу Чулкова посторонніе не шли, а заболѣвшіе изъ нанятыхъ у него рабочихъ, лѣчасъ тамъ, требовали, чтобъ имъ отъ него платилось и за то время, которое они пролежатъ въ больницѣ. «А иначе,—грозили они:—мы лучше пойдѣмъ къ бабкамъ, въ Ганновку, либо на Чагладаръ, такъ тѣ пошепчутъ, авось-те хвороба-то и кинетъ... И дѣйствительно, большинство больныхъ шло въ Ганновку и на Чагладаръ. Отцы и матери школьниковъ, по уѣзднымъ слухамъ, также на первыхъ порахъ, являясь къ Чулкову, говорили: «что же, ваша милость? за то, что Петька нашъ али Мишка тебя въ школѣ тѣшатъ, надо бы съ васъ, значить, что получить.

— Какъ? съ меня?

— А разумѣется; вы хоть его и учите уму-разуму, да малый-то вонъ все плачетъ, бантъ—лучше бы я поигралъ, али коровѣнку поцасть...

— Да корова твоя у меня же даромъ ходить въ стадѣ?

— Ну, воля ваша, хоть оно и такъ, а я его возьму...

И чтобы не отпущать Петьки или Мишки, Чулковъ ихъ же еще и одѣвалъ на свой счетъ, а родителей дарилъ. Но умеръ одинъ изъ безлюдовскихъ рабочихъ. Священникъ за двадцать верстъ пріѣхалъ его хоронить; школьники, подъ предводительствомъ учителя Михѣича, спѣли отпѣваніе надъ покойникомъ, и ихъ стройный дѣтскій хоръ произвелъ такое впечатлѣніе, что родители-батраки сразу помирились со школою и, сойдясь къ крыльцу Чулкова, объявили: «дураки мы были и свиньи: прости насъ, темныхъ, и все по-

забудь». Больница и богадѣльня прививались еще хуже, да и еще было-накликали на Чулкова немало нежданныхъ хлопотъ. Молва о его сердобольности разошлась далеко. Сперва-было разные кулаки стали ѣздить къ нему, прося денегъ займы, и привозили залого, полагая, что если онъ даромъ лѣчить больныхъ, такъ ужъ навѣрное и деньги раздаетъ подъ небольшіе залого, и даже старались выторговать у него порядочную скидку процентовъ.

— Калѣку Шапаря хочешь взять на харчи; ему что? помирать пора! Лучше меня выручи,—говорили ему разные бородачи.

А то одинъ разъ цѣлая артель его молотильщиковъ явилась къ нему съ току и простосердечно объяснила, что если онъ ужъ такой добрый, что заботится о больныхъ, слѣпцахъ, безногихъ и безрукихъ, такъ не лучше ли бы онъ сдѣлалъ, если бы велѣлъ имъ вотъ, здоровымъ, удвоить порцію водки, или вмѣсто житнаго хлѣба давать пшеничный.

— Извольте! — нашелся озадаченный Чулковъ: — въ вашихъ словахъ есть дѣло; другіе изъ моихъ сосѣдей вамъ этого не дѣлаютъ, считая васъ, и подчасъ весьма справедливо, лѣнтяями и обманщиками. Я вамъ это сдѣлаю, но съ уговоромъ. Васъ вонъ съ косарями въ день у меня бываетъ до ста и болѣе человѣкъ, такъ и вы мнѣ сократите расходъ на хозяйство. Надъ вами во время работы веадъ введенъ постоянный надзоръ. Самъ я не могу быть разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ: я сокращу этотъ надзоръ, не буду болѣе ставить надъ вами десятниковъ, и самъ буду являться къ вамъ только рано утромъ да поздно вечеромъ, для провѣрки количества и доброты работы, а за это сокращеніе моихъ издержекъ пищу вамъ улучшу, порцію водки увеличу, а ужъ вы вырабатывайте уроки и съ нерадивыми справляйтесь сами. Однимъ словомъ, сдѣлаемся по общему согласію. Я—человѣкъ, какъ видите, расчетливый. ни вашего лишняго не хочу, ни своего не дамъ. Барышъ за барышъ. Согласны?

— Согласны,—порѣшили работники.

Съ первой же недѣли Чулковъ сдержалъ свое слово: водка полилась щедрою рукою, черный хлѣбъ для всѣхъ батраковъ и поденщиковъ смѣнился пшеничнымъ, а по праздникамъ всѣмъ годовымъ и поденнымъ рабочимъ стали

давать еще мясную порцію, чего, разумѣется, сами рабочіе не слышали въ той глуши испоконъ вѣковъ. Но, увы! не-
радивыхъ и плутовъ никто изъ среды самихъ наемщиковъ
не удерживалъ. Вымолоченная и сложенная въ скирды со-
лома оказалась, послѣ отхода одной партіи рабочихъ, до
того съ зерномъ, что пришлось ее снова молотить вторично.
Годовые батраки вспахали поле подъ озимый хлѣбъ такъ
же дурно, криво и съ огрѣхами, какъ пахалось оно и до
улучшенія пищи. А одинъ разъ Чулковъ, возвращаясь съ
поля отъ овецъ, случайно, среди дня, набѣжалъ въ степи на
срочныхъ молотильщиковъ и вѣяльщиковъ льна, съ кото-
рыми именно онъ и заключилъ договоръ о пищѣ. Онъ еще
за пять дней назадъ разъ десять подтвердилъ имъ, что
ленъ проданъ на срокъ и долженъ быть ими смолоченъ и
очищенъ особенно хорошо; а потому, узнавъ отъ самихъ
рабочихъ, что артели ихъ достаточно было окончить мо-
лотѣбу и чистку льна въ четыре дня, надѣялся застать ихъ
уже на погрузкѣ его въ кули. Каково же было его изумле-
ніе, когда онъ нашелъ большую часть льна еще нетрону-
тою, большака артели спящимъ подъ кустикомъ въ сосѣд-
немъ оврагѣ, а всѣхъ остальныхъ рабочихъ, что-то болѣе
сорока человѣкъ, мертвецки-пьяными, въ разсыпную вокругъ
временнаго степного тока, причемъ драгоцѣнные вороха
льна безъ зазрѣнія совѣсти расхищались стаями воронъ,
галокъ, голубей и всякою полевой мелкою птишкой. Пока-
чалъ головою Чулковъ и уѣхалъ, не рѣшаясь, отъ стыда и
досады, будить спящихъ обманщиковъ. Онъ еще покрѣ-
пился, пождалъ, усовѣщевалъ народъ, пускался съ ними въ
объясненія наемнаго хозяйства, потомъ махнулъ рукой и,
не желая даромъ бросать деньги, началъ снова давать ра-
бочимъ, если не общую въ томъ краѣ пищу, то далеко не
такую, какъ было ввелъ для нихъ на экономію отъ расчи-
танныхъ лѣтнихъ сотскихъ и десятскихъ, и послѣднихъ,
скрѣпя сердце, до времени снова завелъ. Но онъ не те-
рялъ надежды на прививку въ томъ околоткѣ своихъ
нововведеній и особенно усиленно занимался школой. Онъ
думалъ: «не намъ, такъ внукамъ нашимъ придется пожи-
вать плоды нашихъ опытовъ; но оставлять эту жалкую об-
щественную почву безъ плуга и безъ сѣмянъ невозможно.
У меня пока пятнадцать школьниковъ. Они всѣ умѣютъ
уже читать и писать. Каждый изъ нихъ черезъ годъ, че

резь два у меня и въ другихъ мѣстахъ выучить, можетъ-быть, десятокъ другихъ. И моя колонія принесетъ свою пользу, а за мной, авось, пойдутъ другіе. Моя школа въ сарайчикѣ, возлѣ конюшни, съ Михѣичемъ во главѣ, это—своего рода колодезь въ здѣшней Сахарѣ. Берега его скоро, современемъ, зазеленѣютъ и наполнятся иною, воскреснувшюю жизнью. Не правда ли, Иннолѣтъ Панкратъевичъ?»

— Да-съ, — отвѣчала Гуслевъ: — все это вѣрно; но подите же: три богача, у которыхъ я жилъ до васъ, совсѣмъ другого мнѣнія. Они говорятъ, что изъ этихъ грамотныхъ какъ разъ расплодятся поддѣльватели паспортовъ, пьяницы да фальшивые монетчики!

Чулковъ возражалъ, и въ оживленныхъ бесѣдахъ часто проходили часы тихаго вечера друзей. Ночь покрывала домъ и окрестности. Мечтали они о разномъ. Чулковъ нерѣдко видѣлъ во снѣ блестящій Петербургъ, щеголей-товарищей по ученью и по службѣ, лысаго министра, снимавшаго теперь почему-то передъ нимъ шляпу, желѣзную дорогу отъ вершины Безлюдовской балки прямо къ Невскому проспекту, что противъ магазина гуттаперчевыхъ издѣлій, а себя самого на платформѣ локомотива, летѣвшаго туда на всѣхъ парахъ, съ саквояжемъ, набитымъ червонцами и депозитками, и съ какимъ-то флагомъ въ рукѣ, причемъ петербургскіе журналисты, встрѣчая его съ толпой его знакомыхъ, кричали съ тротуара: «не стыдно ли, Александръ Ильичъ, такъ устроить свои дѣла и ни строкой не извѣстить о томъ публику черезъ наши журналы!» Гуслевъ видѣлъ во снѣ совсѣмъ другое. Онъ усматривалъ соломенный курень у открытаго имъ колодца надъ балкой, себя самого съдымъ, какъ лунь старцемъ-бакшевникомъ, а возлѣ себя молоденькую, чернобровую и румяную Глашу и кучу рѣзвыхъ дѣтишекъ кругомъ по травѣ. Высоко уносились въ царствѣ грезъ пріятели. И время, казалось, не пророчило имъ бурь. Никакой корабль изъ дальнихъ странъ не показывался и не терпѣлъ крушенія на горизонтѣ ихъ острова; они не строили плота для спасенія уцѣлѣвшихъ его обломковъ, и до конца четвертаго года жизни въ новыхъ мѣстахъ ни Чулковъ, ни Гуслевъ на пескахъ своей пустыни не натыкались, въ трепетъ и страхъ, на слѣды неизвѣстно откуда и какъ появившихся дикарей.

Судьба, однако, ихъ не спасла. Дикіе появились и надолго, если не навсегда, нарушили покой ихъ мирнаго и, повидимому, забытаго остальнымъ человѣчествомъ пристанища.

Было это такъ.

Сперва, какъ бы соглядатаемъ-вѣстовникомъ другого чуждаго имъ міра, въ Безлюдовкѣ неожиданно явился ибкій юноша. Какъ-то Гусевъ охотился по порошкѣ съ дьячкомъ изъ Таганчи на зайцевъ и возвратился изъ отъѣзда въ поле не одинъ, а съ какимъ-то худенькимъ, молодымъ и плохо одѣтымъ господиномъ въ охотничьей вычурнаго покроя шапкѣ, опушенной мѣхомъ рыжей собаки, въ тѣсномъ и куцомъ, сильно потертомъ пальто, безъ шубы и въ лѣтнихъ, донельзя истоптанныхъ сапогахъ до колѣнъ. Опушенное на подбородкѣ рѣдкими волосиками лицо юноши, когда онъ слѣзъ съ сани и вошелъ въ комнату, было изсиня-блѣдное. Сѣрые, красноватые снаружи и припухшіе глазки его жалостно бѣгали по сторонамъ. Онъ отрекомендовался, похлопавъ руками, постучавъ ногами и съ стукашемъ зубовъ кинулся грѣться къ печкѣ.

— Представьте, шубу сонный потерялъ, какъ въхалъ изъ города!—сказалъ онъ, неспрошенный о томъ шикѣмъ, Чулкову.

— Кто это?—спросилъ Чулковъ, поговоривъ съ полчаса съ гостемъ и потомъ шагнувъ изъ пріемной въ кабинетъ, причемъ онъ извинился, что его ждетъ одно хозяйственное дѣло.

— Евгенийъ Андреичъ, или, попросту, какъ его тутъ въ уѣздѣ зовутъ, Еня Разноцвѣтовъ, двоюродный братъ владѣлицы Таганчи, той самой Чемодаровой, если помните, что за границей живетъ... Еще она...

— Ну, чего же онъ сюда затесался?—съ досадой перебилъ Чулковъ.

— А пряхъ его побери! Я его не звалъ; самъ навязался. Выѣхалъ тоже на зайцевъ изъ Таганчи съ дьячкомъ, моимъ пріелемъ; мы встрѣтились у гречанаго яра: онъ звѣреки перешибъ,—какъ видите, въ такой холодъ въ одномъ пальто выѣхалъ,—до Таганчи оттуда было дальше, чѣмъ къ намъ, онъ и привязался ко мнѣ: «обогрѣюсь, говорить, завтра конторщикъ сестры хоть иопону какую-нибудь пришлетъ, и я поѣду». Не разсчиталъ такого холода; думалъ, если февраль, такъ ужъ и тепло.

— Что же онъ тамъ торчитъ въ пустой усадьбѣ? Развѣ при какомъ дѣлѣ состоитъ?

— Ни при какомъ. Дьячокъ рассказывалъ, да и самъ онъ кое-что сообщилъ. Онъ изъ небогатой родни этой Чемодаровой. Она его сюда въ губернію выписала также чуть ли не изъ Петербурга, помѣстила въ пансіонъ, а потомъ въ здѣшнюю гимназію. Но изъ гимназіи его выключили; постѣ того онъ маялся вездѣ, кое-какъ приготовился и поступилъ въ сосѣдній университетъ. Но и тамъ не долго протянуть. Сперва корчилъ изъ себя артиста, страшно злился, когда другіе не вѣрили въ его призваніе къ искусствамъ. Съ годъ назадъ его откуда-то привезъ въ эти мѣста на парѣ клячъ еврей, ссадилъ въ Таганчѣ, во флигель конторщика, и два мѣсяца жилъ тутъ съ лошадьми, не выѣзжая и ежедневно поднимая у конторы невообразимый крикъ, чтобъ ему за этого барина заплатили, пока, наконецъ, конторщикъ снесся съ барыней, и та изъ-за границы написала, чтобы съ евреємъ, привезшимъ это сокровище на покой, расчитались; самому же Енѣ дозволила, до новыхъ распоряженій, жить на ея счетъ въ Таганчѣ. Вотъ онъ тамъ и живетъ.

Куда же онъ думаетъ теперь?

— Разное думаетъ. То сперва все, по словамъ дычка, въ другой университетъ хотѣлъ поступить, увѣряя, что въ прежнемъ была противъ него интрига профессоровъ, и прямо что-то во второй или третій курсъ; потомъ хотѣлъ поступить въ Петербургѣ въ инженеры, чтобы строить потомъ желѣзныя дороги, такъ какъ это теперь въ модѣ. Мнѣ онъ говорилъ сегодня утромъ, что его одинъ князь зоветъ куда-то и въ какіе-то небывалые чиновники особыхъ порученій, гдѣ разомъ онъ будетъ получать жалованья двѣ тысячи цѣлковыхъ въ годъ, и онъ потому только туда не ѣдетъ, что плохо обмундированъ и ждетъ отъ сестры денегъ на платье и на отъѣздъ. Наконецъ, ѣдучи уже сюда, объявилъ мнѣ, что много слышалъ о вашихъ хозяйственныхъ удачахъ, что самъ не прочь пуститься на аферы, и если раздумаетъ служить, то полагаетъ перехватить гдѣ-нибудь денегъ и строить какую-то необыкновенную мельницу, которая будетъ дѣйствовать сама-собою, безъ воды и бѣетъ вѣтра, и дастъ ему въ годъ что-то тысячи три, если не больше, барыша. Пустельга мальчишка, да еще

съ самолюбіемъ; воробей съ орлиными крыльями — и все тутъ.

— Скоро ли онъ уберется отсюда?

— Богъ его вѣдаетъ.

Чулковъ поговорилъ еще и вышелъ снова въ залу, съ рѣшимостью выпроводить этого молодчика отъ себя елико возможно скорѣе. Но Еня Разноцвѣтовъ такъ развязно и умильно грѣлся, стоя тутъ у печки и курия сигару, взятую безъ предложенія хозяина со стола Чулкова, и такъ развязно заговорилъ о томъ, о семъ, а потомъ спросилъ, скоро ли господа пустынноики сядутъ обѣдать, что Чулковъ пришелъ въ смущеніе. Весь вечеръ юноша проговорилъ объ уѣздныхъ и губернскихъ сплетняхъ, выразился, что не постигаетъ, какъ человѣкъ такого образованія и состоянія, какъ Чулковъ, можетъ сидѣть въ глуши, въ этой глиняной лачугѣ, и не старается сблизиться съ окрестнымъ обществомъ; что его, Чулкова, многіе за то укоряютъ, считаютъ гордецомъ, даже еще другія наименованія ему даютъ, и что если онъ на это не смотритъ, то, во всякомъ случаѣ, не худо бы ему вспомнить пословицу о неплеваніи въ колодезь, изъ котораго потомъ можно напиться. Чулковъ на это отмалчивался, не считая нужнымъ возражать. Возражалъ за то и даже горячился Гуслевъ. Но Разноцвѣтовъ почти его не слушалъ, а говорилъ далѣе безъ умолку. Поужинали, указали ему постель, дали газету читать. Евгенийъ Андреевичъ усмѣхнулся и объявилъ, что этою литературой онъ не занимается и что въ жизни не прочелъ ни единого листка газетъ, а изъ книгъ любитъ только романъ Дюма «*Монте-Кристо*», и то изъ-за того, что въ немъ идетъ разсказъ о томъ, какъ дивно этотъ герой разбогатѣлъ. Онъ простился, попросилъ тряпицу и мыло и съѣлъ у кровати чистить свое довольно невзрачное ружьецо.

— Эхъ, — сказалъ онъ, прощаясь на сонъ грядущій, Чулкову:—если бы вы мнѣ указали вѣрный способъ скоро нажиться, это—другое дѣло. Будь это въ вашей тамъ какой-нибудь газетѣ, я бы, дѣлать нечего, сто верстъ пришелъ бы за ней и прочиталъ бы, сдѣлалъ бы вамъ пріятное.

— Что же вы такъ рано отказались отъ идеаловъ молодости? Въ ваши годы всѣ читаютъ страстные романы о людской любви и сами влюбляются!—колянулъ его Гуслевъ.

— Все это — чепуха, батюшка, бабушкины сказки. Вы вотъ дайте мнѣ пять тысячъ дохода, такъ я вамъ покажу, какъ живутъ на свѣтѣ. А то бѣда, что денегъ нѣтъ: родители мои были невозвѣдливѣйшіе голяки, а сестрица моя разбогатѣла, но въ чужихъ краяхъ жуируетъ; я же вѣдайся съ конторщикомъ Филькой, да ходи вотъ въ этомъ рубищѣ. А чѣмъ я хуже хоть бы предводителя Музыкантова, что Таганчею и всѣми ея дѣлами править? Возьми она меня въ управителя, я бы всякаго Музыкантова заткнулъ за поясъ. Трудное дѣло управлять имѣніемъ! Нанять хорошій персоналъ исполнителей, а самъ лежи.

Утромъ друзья проснулись. Разноцвѣтновъ исчезъ. «Ну, слава Богу, избавились отъ него!»—сказали они. А онъ и вернулся къ обѣду, со словами:

— Извините, что задержалъ съ обѣдомъ! Я въ поле за куропатками ходилъ, но ни одной не нашелъ.

Пробылъ снова день, остался и на другой.

— Не послать ли къ вашему конторщику, чтобы за вами пріѣхали?—спросилъ его Чулковъ.

Но Еня сидѣлъ съ подшизкомъ, поправляя пряжку ружья, и сказалъ:

— Не беспокойтесь, они, скоты, должны сами догадаться и прислать.—И между тѣмъ, передалъ среди толковъ о томъ, о семъ, слѣдующее о своей сестрицѣ. — Вы хотите, господинъ Чулковъ, знать, кто такая моя сестрица? Извольте. Она была замужемъ за здѣшнимъ уроженцемъ, капитанъ-лейтенантомъ, по фамилии Чемодаровымъ. У этого Чемодарова, съ материнской стороны, была и есть тетюшка, вдова богатого греческаго купца и банкира въ одномъ здѣшнемъ портѣ, по фамиліи Фафаки. Эта Фафаки-съ, послѣ смерти единственнаго своего сына, убитаго въ дѣлѣ съ турками, воспитала сироту, сестрица сына, Чемодарова, въ Морскомъ корпусѣ въ Петербургѣ, дождалась его перваго офицерскаго чина и, провожая его обратно на сѣверъ, сказала: «я одинока; ты — мой единственный наслѣдникъ; женишься, откажу тебѣ Таганчу и все имѣніе, нажитое моимъ покойнымъ мужемъ, а твоимъ дядею. Добейся только командованія кораблемъ и отомсти туркамъ!» А дядя этотъ, надо вамъ сказать, былъ въ началѣ своего поприща также бѣйцомъ за родину, бѣжалъ оттуда сюда, былъ тутъ торговцемъ финиковъ и рахатъ-лукума, а потомъ пошелъ въ гору, раз-

богатѣлъ и стать банкиромъ. Молоденькій Чегодаровъ извѣстилъ вскорѣ тетуску, что корабль кораблемъ, но что до капитанства еще онъ, на выпускномъ балѣ въ Смольномъ, познакомился съ одною красавицею монастырскою, что вслѣдилъ по ея выходѣ оттуда ея квартиру,—а она поселилась тогда гдѣ-то въ столичномъ закоулкѣ, у глухой и слѣпой бѣдной ея и моей бабки,—что онъ влюбился въ Варю (это была моя кузина), видится съ нею въ церкви по праздникамъ и что задумалъ на ней жениться. Я еще былъ тогда ребенкомъ и учился тоже въ одной тамъ школѣ. Тетка, разумеется, въ ожиданіи капитанства, на его просьбу согласилась. Онъ съѣздилъ сюда на югъ, испросилъ у тетки благословенія на женитьбу, вскорѣ взялъ отпускъ и привезъ къ ней въ Таганчу молодую жену. Аглая Федоровна (тетуска-то Фафакі) съ невыразимымъ восторгомъ встрѣтила его жену, Варвару Аркадьевну, или, попросту, Вареньку, осыпала ее тысячами ласкъ и въ первую же недѣлю, взявъ съ племянника въ саду Таганчи, на могилѣ мужа, клятву, формальнымъ образомъ, по дарственной записи, закрѣпила за нимъ въ вѣчное и потомственное владѣніе завінцанную ей покойнымъ ея мужемъ Таганчу, оставя себѣ въ память тутъ гдѣ-то одну первую мужнину наслѣдственную лавку греческихъ конфетъ. «Теперь ты — богачъ и молодецъ,—говорила тетуска Фафакі Чегодарову, лаская и цѣлуя молоденькую Варю:— а я отнынѣ снова—простая лавочница. Пока буду править имѣніемъ, а ты съ женой поѣзжай, служи, добейся капитанства и отомсти за дядю. Когда же все сдѣлаешь и выйдешь въ отставку, я стану опять лавочницей, и когда дѣти твои придутъ ко мнѣ лакомиться, я скину съ носа очки, чтобъ они не боялись меня, стараго пугала, греческой бабушки, когда ты ихъ ко мнѣ въ лавку приведешь,—и стану ихъ подбивать всемъ сладкимъ до того, что и сами они станутъ сладки, какъ айва или рахат-лукумъ!» Надежды тетуски, казалось, сбылись ранѣе срока. Племянникъ ея чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ женитьбы, какъ вы можете себѣ вообразить, утоная въ нѣгѣхъ первыхъ брачныхъ восторговъ съ моею кузиночкой, неожиданно получилъ депешу отъ начальства. Это было въ концѣ лѣта, въ Таганчѣ. Чегодаровъ стоялъ, какъ рассказываютъ, на балконѣ надъ садомъ и, обнявъ Варю, на подобіе итальянца въ гондолѣ, любовался, такъ-сказать, закатомъ солнца въ изгибахъ

рѣки. Тетушка, оставя книгу на козьяхъ, любовно смотрѣла на нихъ. Онъ вскрылъ депешу и въ сумеркахъ зарн прочелъ приказъ начальства: немедленно возвратиться къ флоту въ Кронштадтъ, чтобы безотлагательно принять командование надъ шкуной «Волна» и ѣхать съ эскадрой въ плаваніе изъ Финскаго залива. Куда же это? на югъ, на сѣверъ или океанъ?» Нечего вамъ говорить, какъ эта вѣсть поразила счастливую чету. Сначала-было рѣшили Чемодарову сказаться больнымъ и потомъ выйти въ отставку, но тетюшка воспротивилась. «Какъ? Ты теперь будешь капитаномъ и отказываешься? Да въ нашемъ роду еще никто не былъ капитаномъ. Можетъ-быть, эта эскадра въ Грецію, и навѣрное въ Грецію! Соглашайся!» И Чемодаровъ положилъ ѣхать въ Кронштадтъ, а жена и тетка рѣшились отправиться сухимъ путемъ въ перерѣзъ эскадрѣ, и если она командирована въ дальнее странствіе, то Варѣ гдѣ-нибудь пересѣсть къ мужу на шкуну, хоть въ костюмъ юнги или матроса, и съ нимъ не разлучаться. Такимъ образомъ, Варвара Аркадьевна трижды полагала захватить мужа: въ Штетинѣ, въ Копенгагенѣ и въ Дуврѣ. Но командиръ эскадры миновалъ всѣ эти гавани и прямо вышелъ въ океанъ. Болѣе Варя мужа не видала, хотя получала его письма сначала съ африканскихъ, а потомъ съ азіатскихъ береговъ. Тетушка рвала на себѣ волосы: возвратиться ему было уже нельзя. Тутъ, наконецъ, случилось, дѣйствительно, великое горе. Вы вѣрно о немъ слышали. Вскорѣ калыкутскіе, а потомъ и европейскіе журналы разнесли телеграфическую депешу ость-индской почты о большомъ несчастіи русскаго флота, о пропавшей безъ вѣсти въ Тихомъ океанѣ русскою шкунѣ «Волнѣ», капитаномъ которой былъ Чемодаровъ. Это извѣстіе пришло къ моей сестрѣ и къ ея теткѣ черезъ полгода, заставъ ихъ въ скромной квартирѣ на какихъ-то водахъ въ Германіи. Настала пора невыразимыхъ страданій. Вы, господа, разумѣется, легко можете себѣ представить скорбь такой юной супруги. Дѣлались вызовы въ газетахъ и въ листкахъ морскихъ торговыхъ агентствъ всѣхъ странъ. Долгое время, что-то около трехъ лѣтъ, лондонская газета, кажется, «Таймс», что ли, на самомъ видномъ мѣстѣ печатала вызовъ на премію въ тысячу фунтовъ стерлинговъ со стороны печальной русскою лѣди тому, кто укажетъ мѣсто-пребываніе капитанъ-лейтенанта Чемодарова, или¹ адресъ

того лица, кто знает или знаетъ, куда онъ дѣлся, или, наконецъ, хотя бы той особы, которая бы могла передать гдѣ ему извѣстіе отъ его близкихъ. Не правда ли, чистѣйшій романъ? Да-съ, и какой еще романъ! Собирались справки въ различныхъ консульствахъ китайскихъ и индійскихъ береговъ, куда въ первое время могли дойти свѣдѣнія о погибшей шкунѣ. До матѣйшихъ подробностей при этомъ наши печальныя дамы узнали, гдѣ мореходы разныхъ странъ и націй свѣта видѣли несчастную шкуну «Волну» въ послѣдній разъ, какъ она шла подъ такими-то широтами, какъ вступила въ полосу пассатныхъ вѣтровъ и какъ затѣмъ, на какой-то точкѣ моря, слѣды «Волны» исчезли. Еще нѣсколько лѣтъ наши дамы прожили въ чужихъ краяхъ, обивая пороги всесвѣтныхъ торговыхъ конторъ въ Германіи, Англіи и Голландіи. Греческая тетушка просто обезумѣла отъ горя, особенно сознавая, что она была виновницей рѣшимости племянника бѣжать, и выпала въ ханжество. Она молилась во французскихъ и итальянскихъ монастыряхъ, свозила даже измученную странствіями Варю на поклоненіе въ Іерусалимъ и, наконецъ, рѣшилась навѣстить Россію, куда, незадолго передъ тѣмъ, пришла обратно въ Кронштадтъ эскадра, при которой погибла шкуна; и такъ какъ наше морское начальство сдѣлало вызовъ въ газетахъ о явкѣ вдовы капитана Чемодарова за полученіемъ одного, найденнаго въ дѣлахъ главнаго командира эскадры, акта ея погибшаго мужа, племянница и тетушка явились въ Петербургъ, и тамъ Варѣ, въ морскомъ министерствѣ, вручили пакетъ бумагъ съ надписью: «Вскрыть моей женѣ по возвращеніи эскадры въ Россію, въ случаѣ моей смерти». Актъ оказался сдѣланною и засвидѣтельствованною по закону, заблаговременно въ Петербургѣ, дарственною записью Чемодарова на имя жены, которой онъ, въ память пяти мѣсяцевъ счастья съ ней передъ выѣздомъ въ море, передалъ все имѣніе, полученное незадолго передъ тѣмъ въ даръ отъ тетки. Представьте же положеніе тетушки! Изъ богатой женщины, затѣвавшей месть туркамъ, она стала проживалкой бывшей смолянки Вари, которую, съ пріѣздомъ ихъ въ Таганчу, немедленно, разумѣется, и безспорно ввели во владѣніе имѣніемъ мужа. Съ той поры тетушка Фафакіи ее не оставляетъ, опять увезла за границу и все увѣряетъ, что Чемодаровъ долженъ быть живъ, что онъ гдѣ-нибудь въ Индіи въ плѣну

и что вотъ-вотъ воротится. Она бы и желала увидѣть опять племянника, и боится потерять имѣніе, которое барыни сдали, по общему совѣщанію, въ управленіе общему угоднику, защитнику и покровителю всѣхъ здѣшнихъ страждущихъ и угнетенныхъ смертныхъ, извѣстному вамъ предводителю Музыкантову.

— Хорошо онъ править дѣлами вашей сестрицы?

Помилуйте, мошенничаетъ. Я лично отъ скуки въ этомъ убѣдился, пересматривая бумаги конторы, и сталъ съ нѣкоего времени подбивать конторщика Филиппа разоблачить этого гуся передъ сестрой и тоже, если нужно, взять паспортъ, да и прокатиться къ ней прямо за границу. Подлецъ! Разъ попросилъ я у него денегъ, ну, сущіе пустяки—двадцать пять цѣлковыхъ. «Вы, онъ отвѣчалъ, баклуши бьете. Лучше въ университетъ поступите!» А что университетъ? чему онъ научить? И кто ему далъ право совѣтовать?

— Изъ-за чего же ваша сестра живетъ донинѣ за границей?

— А спросите ее! Такъ, отъ нечего дѣлать. Съ жиру съ тетушкой бѣсятся. Скоро семь лѣтъ, какъ мужъ ея пропалъ; могла бы, кажется, и замужъ выйти опять за хорошаго человека. А та возить ее теперь уже по греческимъ монастырямъ, все увѣряетъ, что Чемадаровъ вотъ-вотъ явится опять. Я такъ думаю, что Варя хитритъ, ждетъ только конца семи лѣтъ, чтобы попусту ее не бѣсить, и до времени покоряется ей; тамъ возьмется за умъ,—либо выпрямъ тамъ поглупѣла.

— Вы же къ ней писали?

Ейя даже позеленѣлъ на этотъ вопросъ.

— Сорокъ писемъ настрочилъ! А какъ ненавижу эту словесность и эти ваши писанія: руки перепачкалъ въ чернилахъ, и все даромъ. «Давать Ейѣ по десяти цѣлковыхъ въ мѣсяцъ на табакъ и все что нужно!» пишетъ Филькъ, а мнѣ не отвѣчаетъ ни на одно письмо. И сиди на проклятой норѣ. Что нужно? Денегъ больше нужно! Вотъ и все! Что прикажете дѣлать съ душой? И сама тамъ, простота, чего застряла! Узнавалъ я отъ другихъ: не завела ли себѣ хоть любовника? Такъ нѣтъ, и на то ума не хватило. На весну опять въ Италію вдутъ, а тамъ чуть ли не въ Индію хотятъ пробраться...

Много еще говорить. Разноцѣтовъ, на что уже Чулковъ

и Гуслевъ и вниманія не обратили. Шелъ онъ цѣлые ворохъ разсказовъ и протомилъ друзей дней шесть сряду, поминутно куря и безбожно соря пепломъ по коврамъ, по мебели и по окнамъ. Наконецъ, не вытерпѣвъ и пустился еще, въ отсутствіе хозяевъ, въ любовныя шашки: сперва приударилъ за Дуней, а когда та выгнала его кочергой изъ кухни и пригрозила еще облить помоями, то онъ приволокнудся за предметомъ Гуслева, Глашей, и, вѣроятно, вѣтренница Глаша была не такъ строга, потому что Гуслевъ сразу замѣтилъ что-то недоброе, окрысился, освирѣпѣлъ, долго ходилъ мрачный: наконецъ, молча, самъ запрягъ въ саники буланку и сказалъ юнотѣ: «садитесь, уже пора, я васъ самъ отвезу»,—и повезъ его въ томъ же пальто, въ собачьей шапкѣ и въ лѣтнихъ сапогахъ, въ такой морозъ, что Чулковъ сжалился и вдогонку, верхомъ, черезъ батрака, передать Разноцвѣтову до Таганчи свою дорожную бурку, которую тотъ, кстати, почему-то вплоть до весны считъ долгомъ ему не возвращать, и ее отъ него едва вытянули назадъ черезъ дычка, всю въ дырахъ, порванную собаками, какъ бы въ подтвержденіе извѣстнаго замѣчанія, что ни одно доброе дѣло на свѣтѣ не остается безъ наказанія.

— Ну, слава Богу, отдѣлались отъ лихача! — рѣшилъ Чулковъ, когда Гуслевъ возвратился:—какъ еще судьба насъ спасла, что онъ денегъ не просилъ взаимы?

— Увы!—признался со вздохомъ Гуслевъ:—дорогой выкаючилъ-таки у меня пять цѣковыхъ. Жалкій и пропащій человекъ. Въ прежнее время такіе люди шли хоть въ военную службу и исправлялись на брачномъ полѣ. А теперь этимъ презираютъ. Чего захотѣлъ! () чемъ мечтастъ: сразу и сильно разбогатѣть! Шашки! Не тѣ времена!

— Какъ бы тамъ ни было, а дѣло кончено, онъ отчалилъ, и я надѣюсь, мы отнынѣ снова застрахованы отъ непрошенныхъ гостей.

— Я велю всѣмъ и каждому говорить, что насъ нѣтъ дома. Хотите?

— Отлично.

Друзья успокоились. Но судьба опять рѣшила иначе.

Въ началъ новой, легкой весны, совершенно неожиданно, какъ это здѣсь иногда бываетъ въ первыхъ числахъ марта, на растаявшую, но еще не пустившую зелени землю упалъ глубокой снѣгъ, утирилъ сильный морозъ, поднялась буря,

съ нею метель. и въ два-три дня снова занесло сугробами степь, балку и усадьбу Чулкова до того, что пришлось опять рыть туннели и траншеи отъ крыльца къ дворовымъ службамъ, а подводы, пробираясь за сѣномъ для поставленной опять въ сараи овцы, ѣхали мимо амбара и сарайчика, гдѣ, пригрѣтая солнцемъ, какъ пчелиный рой, снова закопошилась рѣзвая школа Михѣича.

Чулковъ, утомленный выходившею въ эту пору изъ ряду вонъ хлопотней съ сухимъ кормомъ для скота, раньше легъ спать. Гуслевъ, отпуская сѣно на подводы со степи, слегка простудился, завязалъ горло фланелью, напился липоваго цвѣту, легъ также очень рано въ постель, сперва читалъ, а потомъ задулъ свѣчу и рѣшилъ заснуть.

Съ вечера шелъ сильный снѣгъ. Вѣтеръ стихъ. И вдругъ среди глухой, морозной ночи, часу въ десятомъ, сперва Чулковъ, а потомъ и его другъ услышали какіе-то оклики, будто звукъ бубенчиковъ и визгъ саней, то приближавшихся къ замеченнымъ стѣнамъ дома, то какъ бы опять уѣзжавшихъ со двора. Наконецъ, въ тиши холодной ночи раздался среди двора сперва одинъ ружейный выстрѣлъ, потомъ почти у самыхъ оконъ разомъ два.

— Что это такое?—вскрикнули друзья и вскочили.

Вслѣдъ за выстрѣлами, на дворѣ поднялась суета, слышались голоса и шаги людей къ крыльцу. Чулковъ, не постигая, что бы это значило, наскоро зажегъ свѣчу, одѣлся; Гуслеву посовѣтовалъ опять лечь подъ одѣяло, чтобъ еще болѣе не простудиться, растолкалъ въ передней мальчика изъ школьниковъ и отперъ засовъ въ сѣняхъ. Въ ту же минуту, со словами: «ухъ, батюшки, чуть не замерзъ отъ холода! Извините, но какъ угодно, а принимайте гостя и обогревайте», — съ крыльца въ сѣни шагнулъ рослый и тучный господинъ, въ медвѣжьей черной шубѣ, въ собольей боярской шапкѣ, въ красномъ шарфѣ и весь, какъ медвѣдь въ берлогѣ, запорошенный снѣгомъ. Онъ вошелъ въ переднюю, ткнулъ своему слугѣ сперва одну ногу, а потомъ другую, чтобы снимать съ него теплые сапоги, и сказалъ Чулкову:

— Вы меня, вижу, не узнаете?

— Не знаю.

— Ардальонъ Аркадьичъ Музыкантовъ, ваптъ, батюшка, предводитель. Не стыдно ли своего жоака не знаете! Ну,

да я шучу. Помните, однако, мы съ вами столкнулись на торгахъ на эту самую аренду! И какимъ вы молодцомъ повели свои дѣла! Со всѣхъ концовъ только и слышно, что о васъ, да о вашихъ успѣхахъ. Вы къ нашему брату не ѣздите, все дѣломъ заняты! Пустынникомъ живете. Дай, думаю, заѣду мимоходомъ къ нему, обогрѣюсь, потолкую, теперь же по всему возникаетъ столько вопросовъ...

— Но... что значать эти...

— Выстрѣлы, хотите вы сказать? Очень просто. Возница мой блуждалъ, блуждалъ, никакъ къ вамъ все не попадетъ. Возьмемъ налѣво, натыкаемся на гребешокъ какой-то крыши; возьмемъ направо, опять въ степи. А по примѣтамъ кучера, вы тутъ именно жить должны. Я и сталъ стрѣлять, авось, услышать: тѣмъ только и вызвалъ вашу дворню. Степь, батюшка; тутъ самого помѣщика украдутъ, такъ никто ближе недѣли и не узнаетъ. Водочки бы рюмочку... извините, прозябъ. Нельзя ли тоже овса перехватить конямъ? Да который часъ? Тысячу разъ извиняюсь. Не лучше ли лечь спать, а говорить утромъ?

Хотя было еще не поздно, но по-хуторски тутъ все ужъ спало. Чулковъ самъ принесъ гостю водки и кое-что закусить. Ему не было по-сердцу ни этотъ шумъ, ни эта развязность и свѣтская болтовня.

Ардальонъ Аркадычъ Музыкантовъ, незадолго передъ тѣмъ, какъ богатѣйшій изъ уѣзда, щеголь и бонвиванъ, избранный на новое трехлѣтіе въ предводители дворянства, еще при первой встрѣчѣ съ Чулковымъ смахивалъ на блѣлую пшеничную булку. А теперь онъ и вовсе представлялъ изъ себя нѣчто въ родѣ взбитой, надушенной и прикрытой кусками модныхъ матерій копны пуху. Толстый и куцый драповый сюртучокъ его напоминалъ курточку барченка-пансіонера на вакаціи; широкіе клѣтчатые, яркаго цвѣта, триковые шаравары были точно сейчасъ сняты съ картины, изображающей чистѣйшаго парижскаго дебардѣра; роскошные, длинные и брадообразные, каштановые бакены, съ гладко пробритымъ двойнымъ подбородкомъ, красиво оттеняли его бѣлыя, съ легкимъ румянцемъ щеки. На нѣжныхъ, полныхъ, съ длиннѣйшими ногтями пальцахъ сверкали перстни; на дѣтски-обнаженной шеѣ весеннюю бабочкой была повязана цвѣтная ленточка игрушечнаго галстучка; а полныя и розовыя губы, при постоянной улыбкѣ, высказы-

вали два ряда мелкихъ, подпилками и щеточками ежедневно отчищаемыхъ, зубовъ. Все въ немъ,—и легкое, несмотря на тучность, тѣло, и джентльменскій видъ, и надушенный костюмъ, и частый смѣхъ, и громкія рѣчи, и любовныя каріе глазки, и всемъ пріятное, волосатое и сытенское рыльце,— все говорило: я—молодецъ, я—счастливецъ, гуляка и мотъ, я жуировать, жуирую и буду жуировать жизнью! дѣлайте такъ и вы, дрянные и недалновидные ослы; а остальное все нелѣпость и чепуха, мѣщанство, тупость... Опъ и теперь ввалился въ низенькія, крошечныя комнатки глинянаго дома Чулкова, какъ будто бывалъ тутъ сто разъ, съ такою же безцеремонностью, шумомъ и запанибратствомъ, съ какими онъ, вообще, на свѣтѣ встрѣчалъ и озадачивалъ каждого посторонняго человѣка. И въ то время какъ Музыкантовъ, насытившись, остановился передъ Чулковымъ, разставилъ руки, склонилъ къ нему бакены сытенкаго рыльца и круглое брюшко и шуточно сказалъ ему: «а теперь, выпимши, и закусимши, и отогрѣмшись, мы, батюшка, съ вами и за дѣло!» Чулковъ ни на волосъ не измѣнилъ своего положенія, продолжать, подперши рукою подбородокъ, молча сидѣть и въжливое сухо смотрѣть, слѣдя за рѣчью и движеніями этого, съ одной стороны, какъ амуръ легкаго и благоуханнаго, а съ другой—такого солиднаго, почтеннаго, обширнаго и для всѣхъ кредитнаго гостя.

— Вы... Александръ Ильичъ, кажется?.. Такъ-съ... Вы, вотъ, Александръ Ильичъ, нажились и наживаетесь съ моею легкой руки. О, не качайте головой! Рука моя легкая. Нечего вамъ бояться. Вы перебили у меня эту аренду и хорошо сдѣлали, ей-ей! Отъ души васъ съ этимъ поздравляю. Да теперь и эта маленькая аренда была бы мнѣ въ тягость. Много воды, батюшка, ушло съ тѣхъ поръ. Освободили, какъ вы знаете, крестьянъ. И это все бы еще ничего. Я самъ былъ въ первомъ комитетѣ, и въ Петербургѣ ѣздить совѣщаться, и могу сказать, народъ не только здѣшняго уѣзда, но и всей губерніи, смотрѣлъ и смотритъ на меня съ довѣріемъ и съ покорностью, какъ на патріарха. Но вотъ бѣда—не всѣмъ повезло съ тѣхъ поръ. Мои земли перестали давать доходъ, я уменьшилъ стада овецъ, изъ-за новыхъ распоряжковъ закрылъ два винокуренные и одинъ сахарный заводъ; паровую мельницу, съ отдельною лѣсною дачей, продалъ, а выкупною ссудой за крестьянскій пахлъ

думалъ покрыть кое-какіе долги, нажитые на службѣ высшему обществу. Вы знаете понятія нашего общества? Буду говорить откровенно. Обѣды, балы, угощенія властей, поѣздки въ губернской городъ, помощь бѣднымъ представителямъ оскудѣвшихъ родовъ нашего сословія... Что дѣлать! Вы стоите на другой почвѣ, вы, если здѣсь не ошибаются, демократъ и социалистъ...

— Это вы откуда взяли? Вотъ хорошо!

Чулковъ чуть не привскочилъ на стулъ и подумалъ: «что это? Онъ допрашивать меня прѣхалъ?»

— О, успокойтесь! Не смѣю спорить и поднимать завѣсу надъ вами. У всякаго свои вкусы. Я же притомъ самъ уважаю новѣйшія теоріи, чту и этотъ вашъ социализмъ и этотъ коммунизмъ... (Музыкантовъ еще налилъ вина, выпилъ и закусилъ)... Даже я... гм! находился въ бытность мою въ одной высшей школѣ, въ Петербургѣ... Ну, да вы не повѣрите, и хвастать, батюшка, я не люблю... Къ дѣлу, однакоже. Теперь поздно... (Онъ опять посмотрѣлъ на часы). Я заѣхалъ къ вамъ по дорогѣ. Надѣюсь, мнѣ, какъ вашему предводителю, вы простите такое позднее посѣщеніе. Завтра къ обѣду я долженъ быть у губернатора. Насъ всѣхъ опять требуютъ туда по одному вопросу выше. И къ чему? Все равно насъ не слушаютъ! Но у меня въ городѣ есть еще и свое дѣло. Я и рѣшилъ попытаться по этому дѣлу переговорить по пути съ вами.

— Что же вамъ угодно?

— Вы, надѣюсь, слышали о сосѣдкѣ вашей, Чемодаровой?

— Да, кое-что слышала.

— Я завѣдываю ея дѣлами.

— И это я слышала.

— Ужъ не Енька ли Разноцвѣтовъ отапортовалъ? (Предводитель нахмурился).

— Нѣтъ не помню кто; но я слышала отъ многихъ.

Музыкантовъ заходилъ изъ угла въ уголъ по залѣ, то останавливаясь и задумчиво снимая со свѣчи, то снова продолжая ходить. Онъ передалъ Чулкову, какъ Чемодарова и Фафаки обратились къ нему, какъ неотступно просили его принять въ управленіе Таганчу.

— У меня у самого было тогда до десяти тысячъ десятинъ. Но я изъ жалости принялъ въ вѣдѣніе и это имѣніе. Я аккуратно высылалъ имъ доходы, онѣ продолжали жить

и шататься за границей. Но тутъ настала крестьянская реформа; наши хозяйства, какъ вы знаете, пали, и я, разумѣется, сперва крѣпился, мало выкалъ, за общую ломкой, даже въ свои собственные дѣла, а для нихъ трудился какъ батракъ и еще годъ назадъ выслалъ имъ нѣсколько тысячъ. Но вотъ, въ минувшую осень, продавъ хлѣбъ, ленъ и шерсть, свелъ счеты и вдругъ увидѣлъ, что посылать имъ ровно нечего... Тутъ встрѣтилась къ тому же просто гадость. Буду говорить вамъ совершенно откровенно... Плутъ и пьяница, конторщикъ Филька, котораго я за шапши хотѣлъ-было прогнать, въ концѣ этой зимы похитилъ конторскія тетради и бѣжалъ изъ Таганчи, какъ бы вы думали, куда? прямо во Флоренцію, въ Италию, гдѣ живутъ теперь мои довѣрительницы. Онъ, слышно, подвелъ въ книгахъ ложные итоги, какъ слѣдуетъ оклеветать меня, увѣрилъ барынь, будто бы прошлую осенью Таганча дала не убытокъ, а какой-то чуть не баснословный доходъ; словомъ, поклялся мнѣ отомстить. Не знаю, повѣрили ли ему мои барыни, или нѣтъ. Но слухъ идетъ, по письмамъ этого конторщика Фильки къ его роднымъ, что онъ, послѣ своего долгаго отсутствія изъ Россіи, хотятъ возвратиться сюда, что вскорѣ истекаетъ семилѣтній срокъ для Чемодаровой, что она, не получая о мужѣ вѣсти, хочетъ выйти замужъ за другого, и что во всякомъ случаѣ онъ считаютъ, я обязанъ имъ дать, по счету Фильки, сумму мнимаго барыша сполна. Александръ Ильичъ! Если вы не знаете меня, то вѣрно слышали о моей репутаци! Конторщикъ наклеветалъ, это вы, надѣюсь, сразу рѣшили сами. Но я не хочу, чтобъ и тѣнь сомнѣнія о мнѣ закралась въ душу Чемодаровой. Рѣшилъ лучше отдать ей все, что имѣю, чѣмъ терпѣть подозрѣніе; но денегъ въ это время у меня нѣтъ, и я долженъ ихъ занять. Вы — такой счастливецъ, такъ неожиданно стали богатѣть и разбогатѣли. Александръ Ильичъ! пока я въ юнѣ продамъ въ Таганчѣ шерсть и овецъ, или, наконецъ, по довѣренности заложу ее и извернусь, займите мнѣ подъ вексель нѣсколько тысячъ... Нѣсколько дико, что я такъ сразу ночью заѣхалъ и прямо прошу займа: могъ бы я это сдѣлать и завтра, и послѣ, все равно. Вы — умный человекъ, вы понимаете, каково мнѣ, въ моемъ званіи и положеніи, терять передъ обществомъ. Тутъ и о пулѣ въ лобъ подумаешь. Помогите, я лечу сейчасъ прямо въ городъ и ей отплачу...

— Денегъ у меня нѣтъ!—сказалъ Чулковъ и вздохнулъ:— да и гдѣ бы я ихъ взять?

— Гдѣ?—перебилъ Музыкантовъ, шутливо поднявъ брови:—въ столѣ, ну, въ сундукѣ, ну, въ вашемъ бюро...

Чулковъ опять отвѣтилъ:

— Денегъ у меня свободныхъ нѣтъ, а подѣ вексель незнакомому человѣку я бы и не далъ.

Чулковъ думалъ, что на такой рѣзкій отказъ Музыкантовъ разсердится, обидится и тотчасъ уйдетъ. Ничуть не бывало. Ардашонъ Аркадычъ сдѣлалъ большіе глаза, развелъ руками и сказалъ:

— Люблю за откровенность, —молодецъ! такъ и слѣдуетъ, никому не давайте... а особенно тому, кого не знаете! Я самъ бы такъ поступилъ и отъ души уважаю осторожныхъ людей.

Онъ еще прошелся и остановился.

— Но развѣ вы меня не знаете, не слыхали о моемъ состояніи? Притомъ, отвѣтите: и подѣ залогъ мнѣ займы не дадите? и за два процента въ мѣсяцъ не дадите?

И когда опять услышалъ: «не дамъ!» —подумалъ, почесать указательнымъ пальцемъ пробритый подбородокъ и прибавилъ:

— Въ предикое, однакоже, положеніе я поставленъ теперь: тамъ надо оправдать себя передъ клеветами конторщика, а тутъ, вотъ-вотъ, чего добраго, подѣдутъ и сами барыни. Ну, какъ тутъ извернуться? Нечего дѣлать. Будемъ терпѣть. Поѣду. Прощайте. Вотъ какой вы недобрый! Впрочемъ, прибавлю, мой обычай таковъ: вы мнѣ не помогли, такъ я вамъ, можетъ-быть, пригожусь... Увѣряю васъ, ужъ таково мое правило!

Музыкантовъ велѣлъ подавать лошадей. Чулковъ проводилъ его на крыльцо. На дворѣ было еще совершенно темно. Но снѣжныя равнины въ одной части поля уже яснили. Близился разсвѣтъ.

— Если бы даже были у меня свободныя и лишнія деньги,—сказалъ ему вслѣдъ Чулковъ:— я бы ихъ скорѣе употребилъ на расширеніе своихъ хозяйственныхъ и торговыхъ оборотовъ.

— О, помилуйте! Это—ваше дѣло, ваше дѣло! И я охотно этому покоряюсь! Я только хотѣлъ убѣдиться, можете ли вы мнѣ помочь. Прощайте!

Сани, гремя бубенчиками, улетѣли. Гуслевъ встрѣтилъ Чулкова въ сердцахъ. Обвязанный фланелью, онъ высунулъ изъ-подъ одѣла взъершленную голову и зашипѣлъ:

— Все слышалъ, все; и вы съ нимъ возились чуть не всю ночь? Удивляюсь вашему терпѣнью! По шѣ бы этихъ франтовъ, по шѣ! Картежники, бонвиваны, тунеядцы! Ихъ однимъ время не укротило и не урезонило. Пржеде бди готовый хлѣбъ крестьянъ, проматывали заработки даровыхъ рукъ; теперь вдали въ чуждую имъ торговлю, въ подриды и всякія спекуляціи и—слышите ли?—хотятъ, сидя въ кабинетахъ, чтобъ и торговля, и всякія спекуляціи сами покорно несли бы къ ихъ ногамъ готовую прибыль! Рѣка времени взломала ледъ и унеситъ ихъ въ своемъ половодѣ; а они песутся на льдинахъ и сразу думаютъ исполнскими аферами выскочить на обѣтованный берегъ. Однакоже, нѣтъ! шалишь! Вотъ повозись ты въ холодъ на стогъ сѣна въ стени, или ночью пройди въ сарай на овецъ, да простудись... вотъ, какъ я... да! тогда и жди барышей, вотъ что... Я же кое-что, кстати, и слышалъ еще объ этомъ гусѣ отъ дьячка въ Тагантѣ, послѣ разскажу! А впрочемъ, что откладывать! (Гуслевъ вскочилъ на постели и продолжалъ). Отмѣнный пильникъ: просто—московскій мазурикъ, чуть не карманникъ! даромъ что предводитель; а взглянуть на него, какой видъ, какая сановитость: пятьдесятъ пудовъ кредита въ одномъ брюхѣ! И вставалъ и въ шелку двери видѣлъ... Мѣтитъ въ камерь-юнгеры, на ближайшихъ выборахъ въ губернскіе предводители хочетъ баллотироваться. Вотъ почему и шириетъ теперь, вотъ почему и денегъ ищетъ, чтобы заткнуть горло злой молвѣ отсылкой ихъ въ догонку сбѣжавшаго конторщика. Но не удастся! У этой барыни ни одинъ тутъ доносчикъ. Помните разсказъ Ени Разношѣтова? Тотъ бы его, кажется, въ ложкѣ воды утопилъ, и ужъ, разумеется, утопить. Послушать только купцовъ или крестьянъ, что они говорятъ о Музыкантовѣ: никому долговъ не платить, займы хватаетъ, гдѣ только можно, не то что тысячами, — сотнями, десятками рублей! Его векселя уже скоро по четвертаку за рубль будутъ ходить. Одно изъ его имѣній уже описывалось; чтобъ спастись отъ аукціона, онъ его тайкомъ спустилъ кредитуру за безцѣнокъ. А его служба? По цѣлымъ мѣсяцамъ не бываетъ въ уѣздѣ и въ своемъ городѣ, круглый годъ живетъ въ гу-

бернскомъ городѣ, игралъ въ карты, ораторствуя и толкался въ клубѣ да у губернатора. Дѣла дворянской опеки въ адскомъ запущеніи; дворянскія суммы не повѣрены никѣмъ лѣтъ пять. Всѣ знаютъ, что онъ въ молодости замучилъ родную сестру, въ гробъ вогналъ мать, ограбилъ родныхъ племянниковъ. Но странное дѣло: или ужъ общество тутъ такое гнилое, или чѣмъ подлѣе человекъ, тѣмъ онъ болѣе счастливъ! Вы, жалко, никуда не ѣздите. Но если бы вы знали, какимъ сочувствіемъ пользуется этотъ Музыкантовъ въ здѣшнемъ уѣздѣ! На него тутъ чуть не молятся. Забываютьъ, что онъ чрезъ фальшивое духовное завѣщаніе и братьевъ жены ограбилъ. И то еще странно: всѣ знаютъ, что теперь его дѣла въ такомъ видѣ; всѣ знаютъ, что долговъ и великихъ начетовъ, частныхъ и казенныхъ, на немъ безъ числа, и что, не будь онъ здѣшнимъ предводителемъ, не имѣй связей, не толкись день и ночь у губернатора, при комъ онъ, говорятъ, состоитъ чуть не въ качествѣ лакея,—давно бы сидѣлъ въ тюрьмѣ. Тыфу! (Гуслевъ закашлялся). И теперь, какъ видите, перескакиваетъ съ аферы на аферу, чтобы только протянуть дѣло, авось на чемъ-нибудь выѣдетъ: если не на продѣлкѣ надъ какими-нибудь богатыми спронтами, опекаемыми въ его дворянской опекѣ, такъ на казенномъ подрядѣ; если не на подридѣ, такъ въ темную ночку, въ собственномъ салонѣ, передъ солнечными карсельскими лампами и на бархатной мебели, за безигомъ или за штосомъ...

— Не клеветайте, старче Иннодितъ! Можетъ быть, между вами и Музыкантовымъ есть личности...

— У меня? Да онъ меня и не знаетъ! Я только скорблю, что эти Каранбы и Ирокезцы начинаютъ являться на нашъ островъ, поглядѣли нашу пустыню. Скорбѣи бы тепло, оградить бы нашъ дворъ высокою стѣной, ворота на замокъ, злѣйшихъ собакъ на ночь съ цѣпи спускать. Видите ли! Какъ приспичило! Предводитель! отъ нетерпѣнія занять деньги стрѣлялъ даже изъ ружья, не находи двора! Тыфу, тыфу! Кхе!

Гуслевъ до того закашлялся, что уналъ въ подушку и долго не могъ отдохнуть...

Съ первымъ тепломъ, Чулковъ воздвигъ вокругъ двора давно задуманную высокую ограду изъ булыжника, заготовленнаго еще прошлою зимой. Но начало высадокъ на ти-

хій островъ Безлюдовки уже было сдѣлано. Черезъ мѣсяць мимо двора Чулкова проскакала телѣга тройкой, на которой сидѣлъ, съ какимъ-то золотушнымъ юнкеромъ, уже лучше одѣтый Еня Разноцвѣтовъ. Онъ по пути крикнулъ шедшему мимо Гуслеву, что изъ-за границы чуть ли уже не пріѣхала въ Таганчу его сестра, что онъ у ней сразу займетъ пятьсотъ, коли не болѣе, и ему уплатить должно. Еня сказалъ это и умчался, размахивая бичомъ и гикая на тройку ухорскихъ коней его пріятеля юнкера. А черезъ двѣ недѣли послѣ этого произошло слѣдующее.

Чулковъ съ Гуслевымъ и съ лабазникомъ Иваномъ Ивановичемъ сидѣлъ въ тѣни, подъ амбаромъ, и самъ на рожекѣ, для пробы количества шерсти, стригъ жирнаго заводскаго меринуса-барана. Руки, колѣни и фалды всѣхъ ихъ троихъ были въ сѣлкѣ; фуражки слѣзли на затылокъ. Въ это самое время съ балочнаго косогора вѣхалъ во дворъ щегольской и рослый конь, въ шорахъ, запряженный въ модное двухколесное тильбюри. Въ тильбюри сидѣли двое молодыхъ людей, статскій и военный. Военный держалъ ружье, а статскій правилъ конемъ. Чулковъ не безъ труда узналъ въ послѣднемъ Еню Разноцвѣтова, а въ юнкерѣ уже видѣннаго его пріятеля. Но какая разнища! Теперь Еня былъ въ пикейной бѣлой парѣ, въ густо-накрахмаленныхъ воротничкахъ, въ лаковыхъ полусапожкахъ, въ свѣжихъ сиреневыхъ лаковыхъ перчаткахъ и также съ ружьемъ и съ охотничьею гарусною сумкой черезъ плечо. Въ двѣ недѣли изъ завалищаго уѣзднаго недоросля онъ сталъ первѣйшимъ щеголемъ, и даже вожжи измышленнаго коня держалъ теперь именно такъ, какъ держатъ ихъ на модныхъ картинкахъ у губернскихъ портныхъ, парижскіе великосвѣтскіе кутилы, ѣдущіе гулять въ Булонскій лѣсъ, то-есть не всюю рукой, а только концами пальцевъ и не поворачивая чопорной головы.

— Г. Чулковъ у себя?— спросилъ преображенный юноша, подвѣзжая къ крыльцу и чуть поднимая надъ гладко-выстриженною, скулистою головою бѣлую пикейную съ дворянскою кокардой фуражку.

Чулковъ нехотя встать, отозвался: «а! это вы», и медленно пошелъ къ крыльцу, держа въ рукахъ ножницы и часть шерсти съ барана и раздумывая: «опять эти каннибалы! пропалъ мой островъ; чтобы васъ чортъ побралъ! все мѣшаютъ дѣломъ заниматься...»

— Что вамъ угодно?—спросилъ онъ, кланяясь гостямъ.

— Не узнали? Евгений Андреевичъ Разноцѣтовъ, братъ вашей сосѣдки. Зимой у васъ гостилъ..

— Какъ не узнать! Отлично помню-съ. Что же вамъ угодно?

— Я отъ Вареньки,—началъ Евгений Андреевичъ, вставъ съ тильбюри, встряхивая пыль съ платья и съ фуражки и не безъ ироніи поглядывая на грязныя колѣни, на засаленныя фалды и на шерсть и ножницы въ красныхъ, заторѣлыхъ рукахъ Чулкова.—Варвара Аркадьевна, моя сестра, съ своей теткой Аглаей Ѳедоровной Фафаки пріѣхали на этихъ дняхъ изъ чужихъ краевъ и нашли, какъ я вѣдь слегка о томъ намекалъ, въ странномъ запущеніи и безпорядкѣ свои дѣла въ Таганѣ; но, много наслышавшись здѣсь о васъ, моя сестра рѣшилась просить васъ,— и вѣдь то, что это—ея собственное рѣшеніе, и я тутъ ни при чемъ,— не отказать ей пожаловать къ ней посоветоваться, помочь ей въ ея недоразумѣніяхъ.

— Ахъ, право... не знаю, какъ вамъ и сказать. Извините меня передъ вашею сестрой, Евгений Андреевичъ: мнѣ, право, некогда; вы видите, я —человѣкъ простой, занятой, да и какой я дамскій совѣтникъ и гость! Пятый годъ я фрака не шилъ, среди овецъ толкусь, дѣтенью пропахло мое платье. Я и говорить-то съ дамами, среди моихъ дѣлъ, разучился. Увольте!

— Вы же ѣздите куда-нибудь? ну хоть мимоходомъ? —поощрилъ его Разноцѣтовъ.

— Я нигуда не ѣзжу; вы это знаете сами.

Разноцѣтовъ, какъ будто не слыша этого, потренилъ свою лошадь, вынулъ часы, скривив губы черезъ туго накрахмаленный воротничокъ, взглянулъ на нихъ, подумать и сказали:

— Ыхаль я всего-то два часа и десять минутъ. Вотъ бы и вамъ, всего полдня употребить. Не думайте, что я прошу, мнѣ до этого нѣтъ дѣла; скажу, что вы не хотите ѣхать къ сестрѣ, можетъ-быть, тогда она къ вамъ пріѣдетъ сама.

«Такъ, такъ!—подумалъ въ ужасѣ Чулковъ,—еще бабѣ доставало сюда! И что имъ нужно отъ меня? Что имъ нужно?»

— Послушайте,—началъ онъ заискивающимъ голосомъ, не зная, куда передъ Клею дѣть ножницы и шерсть:—не-

ужели вы не можете найти вашей сестрицѣ другого совѣтника? Мало ли ихъ тутъ въ городахъ? — Маклеры, адвокаты: всякіе хорошіе чиновники... Почтительнѣйше вамъ докладываю...

— О! это ужъ ея дѣло, а не мое! — отвѣтилъ Еня, поклонился и началъ собираться обратно, считая свое скучное порученіе конченнымъ.

Нахальный видъ мальчишки окончательно взбѣсилъ Чулкова. — Проучу же я, однако, этихъ господъ разъ навсегда! — мысленно рѣшилъ онъ и сказалъ:

— Извините, г. Разноцвѣтовъ! Мнѣ некогда, вторично извиняюсь черезъ васъ и передъ вашею сестрой; но быть у нея не могу, да и ко мнѣ ей ѣхать незачѣмъ: я ничего не смыслю въ спорныхъ и въ тяжёбныхъ дѣлахъ!

Какъ танцоръ-мазуристъ пирами, щелкнулъ Чулковъ пожنيцами и пошелъ опять къ Гуслеву и къ лабазнику, подъ амбаръ. Еня съ насмѣлкой посмотрѣлъ ему вслѣдъ, повернулъ подъ уздцы коня, сѣлъ въ тильбюри, вслухъ сказалъ компаньону-юнкеру: «вотъ ѣзди съ порученіями этихъ кринолиницъ-барынь, еще собаками притравить! — и выѣхалъ.

— Фу, и отъ этой отдѣлался! — сказалъ Чулковъ, отирая потъ и опять принимался за жирнаго, ныхтѣвшаго въ тѣни барана.

По чрезъ два дня тотъ же Еня, хотя съ меньшимъ формомъ, явился снова съ умоляющимъ короткимъ письмомъ Чемодаровой; черезъ недѣлю послѣ новаго отказа явился съ другимъ, болѣе длиннымъ письмомъ, гдѣ говорилось, что если недобрый сосѣдъ Чулковъ не пріѣдетъ къ ней тогда-то, такъ она пріѣдетъ къ нему сама и не отойдетъ отъ его крыльца до тѣхъ поръ, пока онъ не приметъ и не выслушаетъ ее. Еня пріѣхалъ въ этотъ разъ верхомъ и на разгониной лошади. Чулковъ плюнулъ; плюнулъ и Гуслевъ. Оба они достали сукопныя, пѣкогда бывшія парадныя платы, долго чистили ихъ щетками, мыломъ и водкой, одѣлись и поѣхали, проклиная непрошенныя знакомства, въ Таганчу.

— Воображаю! — говорилъ ѣдучи Чулковъ: — семь лѣтъ таскаться въ чужихъ краяхъ по монастырямъ! Надо думать, что эта Чемодарова — избалованная, пустая бабенка, сухалъ и черствая, какъ всѣ эти заграничныя великосвѣт-

Чемодарова печально и озабоченно ушла. Не успѣли друзья перекинуть нѣсколько словъ, какъ музыка наверху затихла, и въ растворенной двери гостиной, съ вязаньемъ въ рукахъ и съ тою же суровой осанкой, показалась старушка. Она оправила очки, осмотрѣла черезъ ихъ ободокъ гостей и сказала:

— Я совершенно одобряю мнѣніе Вари: мы останемся здѣсь. Но не терзайте моего сердца! Нельзя ли устроить тутъ все поскорѣе, чтобы собрать денегъ и ѣхать? Можетъ быть, мой племянникъ, мужъ Вари, теперь уже на возвратномъ пути, и намъ надо выѣхать къ нему навстрѣчу!

— Я убѣжденъ, что Варвара Аркадьевна все устроитъ скоро!—отвѣтилъ Чулковъ. Старушка ушла.

Чемодарова подвинула Чулкову чернильницу и перо, и когда тотъ сталъ писать проектъ публікаціи, вздохнула и сказала:

— Да! дѣйствительно, всего одинъ у меня и есть родичъ съ моей стороны, этотъ Еня Разноцѣтовъ; онъ поручень мнѣ его матерью! Но если бы вы знали, что это за испорченная природа! Не слѣдовало бы мнѣ говорить, какъ сестрѣ; но не могу. Голова у него рѣшительно ничѣмъ порядочнымъ не занята: то по цѣлымъ днямъ сидитъ за подпискомъ, кряхтитъ и дѣлаетъ какой-нибудь, ни ему, ни кому другому ненужный ключъ (Гуслевъ передернулся на креслѣ), то вдругъ фотографіей начнетъ заниматься, купить что нужно, переначкается, сниметъ два-три аляповатые оттиски и все опять броситъ (Гуслевъ подумалъ: а я, вотъ, уже исправился!); то пропадаетъ на охотѣ, у знакомыхъ и незнакомыхъ; либо въ карты проиграетъ послѣдній костюмъ, одѣнется малорусскимъ мужикомъ, въ невѣроятную сѣрую телую шапку... да такъ и шатается вездѣ. И кого же я пошлю теперь съ публікаціей въ городъ?

Гости молчали. Но Гуслевъ давно уже истерпѣливо двигался въ креслѣ и придумывалъ, какъ бы подѣхать къ молодой сосѣдкѣ съ услугами.

— Если вашъ родичъ вамъ измѣнилъ, и если вамъ угодно, сударыни,—отнесся онъ:—то я могу слетать для васъ куда угодно, хоть на край свѣта! дайте мнѣ только лошадей, такъ какъ...

Чемодарова отъ души поблагодарила его и даже пожала ему руку, не снукая, впрочемъ, глазъ съ Чулкова, и

сь особеннымъ любопытствомъ, пока тотъ писать проектъ публикаціи, разсматривая его будничную, невзрачную фигуру, его загорѣлыя, грубыя руки, красный, обгорѣлый на солнцѣ затылокъ и сильно потертый нарядъ.

— Вотъ и все! — сказалъ, вставая, Чулковъ: — пока довольно и этого; а тамъ устронитесь, и все, вѣроятно, пойдетъ на ладъ. Лишь бы только не было долговъ на Таганцѣ, и все устронится!

Онъ поклонился Чемодаровой; забывшись, крѣико, по-мужски, пожалъ ей руку, тутъ же спохватился, смѣнялся и неловкими шагами, не переставая кланяться, пошелъ къ выходу въ залу, а оттуда въ сѣни и на крыльцо.

— Я постараюсь все сдѣлать, все, что вы мнѣ совѣтовали! — говорила, провожая его, Чемодарова: — сама займусь хозяйствомъ, книгами, отчетностью; буду, если Богъ поможетъ, ѣздить въ поле, слѣдить за рабочими... Когда-нибудь и вы, г. Чулковъ, меня похвалите.

Гости подошли къ дрожкамъ.

— Пойдите однакоже! (Чемодарова расхохоталась). Вы, г. Гусевъ, куда? А вашъ милый вызовъ ѣхать отъ меня съ публикаціей въ городъ и забыли?

— Ахъ, Боже мой! — спохватился Гусевъ, вскакивая съ дрожекъ: извините; но, впрочемъ, какъ мой сожителъ и хозяинъ рѣшилъ; я теперь по найму-съ...

— Съ удовольствіемъ! — объявилъ съ дрожекъ Чулковъ.

Гусевъ снова не взомель, а точно на крыльяхъ золотого сна, сладостно всплылъ опять на крыльцо, уладилъ все пужное въ тотъ же день и помчался въ экипажѣ Чемодаровой въ губернскій городъ.

Черезъ три дня, когда Гусевъ еще не возвращался, къ Чулкову явился отъ Чемодаровой гонецъ, ея веселый лицевой лакей.

— Что надо?

— Барыня приказала у васъ просить аглицкихъ ножницъ для стрижки овецъ. Съ простыми много пропадаетъ индiанской шерсти, говорятъ онѣ.

— Да развѣ у васъ нѣтъ? Чѣмъ же вы прежде стригли овецъ?

Лакей улыбнулся.

— А развѣ у насъ былъ, хоть въ какихъ ни на есть малостяхъ, порядокъ съ этимъ хоть бы Музыкантовымъ?

«Гм!» подумалъ Чулковъ: «значить, дѣло пошло на ладъ, коли ужъ и люди знаютъ о ея рѣшеніи!»

— Кто же у васъ теперь всѣмъ управляетъ?

Лакей опять усмѣхнулся.

— Сама барыня-съ. Подите, какое навожденіе! Всѣ амбары перерыла, все сама перебрала, описала; утромъ въ поле ѣдетъ, день-деньской все осматриваетъ во дворѣ, а вечеромъ пишеть и сама приказъ отдаетъ... Не думали, надо полагать, проживаючи въ Иѣметчинѣ, или въ Италін-съ, все и про все мѣшаться!

— Такъ ужъ вы и овцу рѣшили стричь?

— Да узнали, что вы остригли, такъ и наша барыня засустилась.

Чулковъ поспѣшно исполнилъ просьбу сосѣдки и отдалъ ножницы.

Гуслевъ возвратился отъ Чемодаровой въ большой радости. За поѣздку въ городъ и за успѣшно исполненныя порученія Гуслевъ получилъ въ подарокъ отъ Чемодаровой дюжину тончайшихъ носовыхъ платковъ и два флакона дорогихъ духовъ. Онъ сталъ этими духами курить на раскаленной плиткѣ и напустилъ въ домѣ столько аромата, что Чулковъ сперва крутилъ головой и говорилъ: «попадайте, зачѣмъ такъ много!» а потомъ на нѣкоторое время сталъ держать окна пріемной и своего кабинета настежь.

Черезъ недѣлю послѣ этого къ Чулкову явился нарочный разсылный съ циркулярнымъ письмомъ отъ Музыкантова. Ардамонъ Аркадычъ извѣщалъ его, какъ и другихъ знакомыхъ уѣзда, что такого-то числа будетъ освященіе перестроенной въ его имѣніи церкви, а потому и просилъ всѣхъ не отказать ему пожаловать въ Ганновку, къ священному торжеству, на обѣдъ въ честь событія и на ужинъ.

«Разъ отказалъ ему въ деньгахъ!—подумалъ съ досадой Чулковъ:—въ другой разъ откажу ему въ просьбѣ пріѣхать на торжество,—бѣда будетъ! Слетутъ обо мнѣ такое, что и не расхлебашь: ужъ и такъ онъ, помнится, угощать меня названіями демократа и социалиста; а то еще и атенстомъ прозоветь!»

— Надо ѣхать, Ипполитъ Панкратычъ!.. Какъ вы думаете?—сказалъ онъ.

— Надо, о, непременно надо! Это, вѣдь, сила въ уѣздѣ! Отдѣляемся. и баста.

Друзья поѣхали въ Ганновку на тѣхъ же бѣговыхъ дрожкахъ, взявъ на этотъ разъ узелъ съ платьемъ и чистымъ бѣльемъ. Буланка миновала уже колоніи и три кургана, подъ именемъ трехъ братьевъ, бывшіе отъ Безлюдовки на разстояніи пятнадцати верстъ. Чулковъ ѣхалъ мрачный, молча правя и не отвѣчая на рѣчи Гуслева, который въ дорогѣ всегда дѣлался особенно разговорчивымъ. За курганами Чулковъ остановилъ Буланку, всталъ съ дрожекъ, отдалъ вожжи Гуслеву и сказалъ:

— Иѣтъ, воля ваша, поѣзжайте вы одни, Ипполитъ Панкратычъ. Не могу я выносить этой тины. Банкрутъ, негодій, всѣ это знаютъ, и затѣялъ еще духовное торжество. Можетъ быть, я неправъ, но такъ мнѣ чувствуется... Разсчитываетъ, что народъ повалитъ толпами, а онъ кругомъ сниметъ, если уже не снятъ, всѣ кабаки; у себя ярмарку учредить. Поѣзжайте вы, а я остаусь и возвращусь домой иѣшкомъ.

Какъ Гуслевъ не уговаривалъ, Чулковъ настоялъ на своемъ и въ Ганновку не поѣхалъ.

Ганновскій барскій дворъ былъ запруженъ множествомъ экипажей. Наскоро подиравленный, хотя уже валившійся, иѣкогда пышный домъ глядѣлъ празднично. Передъ его ветхими, но разрисованными службами и передъ крыльцомъ отдыхали богомольцы поотбѣриѣе.

Музыкантовъ встрѣтилъ Гуслева еще на крыльцѣ, гдѣ вполнѣ объясняя одному изъ подгулявшихъ окрестныхъ сельскихъ старшинъ важность событія того дня. Полагая, что сзади Гуслева ѣдетъ Чулковъ, онъ принялъ Ипполита Панкратевича радушно, поблагодарилъ его за пріѣздъ, хотя косо взглянулъ на неказистый костюмъ и на старыя, сильно поѣзженныя, скрипѣвшія и звенѣвшія бѣговыя дрожки гости и ввелъ его, по его желанію, переодѣться въ особую комнату. И едва Гуслевъ, умытый, причесанный и чистый, снова вошелъ въ залу, Музыкантовъ особенно любезно сталъ представлять его чуть не всѣмъ гостямъ, отчего Гуслевъ не запомнилъ сперва почти ни одной фамиліи. Особенно хозяинъ старался познакомить его съ двумя своими лучшими друзьями, какъ онъ выражался: съ иногороднымъ рентьеромъ или капиталистомъ, Макдональдомъ Егоровичемъ Зиньзиньскимъ, и съ мѣстнымъ сквайромъ или помѣщикомъ, Аонасіемъ Андреевичемъ Чабаненкомъ. Зиньзинь-

скій былъ господинъ молчаливый и наблюдательный, блѣс-
курый, костлявый и худой, съ рѣдкими, точно гдѣ-нибудь
въ дорогѣ потертыми или молю выѣденными — бородкой,
усаами и бровями, съ сѣрыми, мертвенно-тусклыми глазами,
которые, между тѣмъ, все замѣчали. Онъ недавно появился
въ этой губерніи, имѣлъ въ свое время, по слухамъ, капи-
талъ, построилъ одинъ изъ винокуренныхъ заводовъ Му-
зыкантова, спустилъ по вѣтру значительную часть денегъ
Ардадьона Аркадьевича на разные, вѣрнѣйшіе будто бы
обороты, а теперь былъ арендаторомъ одного его хутора и
агентомъ за извѣстный процентъ по его подряднымъ дѣламъ
съ казной. Никто не зналъ, есть ли теперь у Зиньзиньскаго
свои деньги, но жилъ онъ недурно. Чабаненко, напротивъ,
былъ короткій, мясистый, хорошо откормленный брюнетъ съ
жирнымъ, всегда по военному гладко выстриженнымъ за-
тылкомъ, съ висками, зачесанными въ видѣ клананчиковъ,
съ пухлымъ, постоянно старательно выбритымъ лицомъ, на-
пюмнивающимъ сытого и дремлющаго бульдога, и съ робко
бѣгавшими, плутоватыми и вмѣстѣ трусливыми, арестант-
скими глазками. Представляя ихъ Гуслеву, Музыкантовъ
сказалъ:

— Новороссія нуждается въ такихъ людяхъ, какъ вы,
какъ они, какъ вашъ пріятель Чулковъ и скажу безъ хва-
стовства, какъ я. Надѣюсь, мы сойдемся; нашъ край —
страна наживы; на нашемъ знамени написано «впередъ»,
къ червонцамъ, во что бы то ни стало! не такъ ли? Гдѣ
же, однако, г. Чулковъ? Онъ опоздалъ.

— Александръ Ильичъ вовсе не будетъ! — отвѣчалъ Гу-
слевъ, оглядывая шумное собраніе.

— Вотъ... Это отчего?

— Заболѣлъ-съ; вчера еще заболѣлъ и слегъ, а меня
послалъ! Должно-быть, лихорадка-съ...

— Жаль, жаль! — забормоталъ Музыкантовъ и тутъ же,
подумавъ: «изъ-за чего же это я съ тобой, дубинной, тутъ
вожусь, коли онъ не пріѣхалъ?» — оставилъ его, отошелъ и
болѣе къ нему не обращался.

«А! — подумалъ Гуслевъ, увидя въ толгѣ Еню Разноцѣв-
това, — недаромъ Чемодарова жаловалась на него и предре-
кала, что онъ не замедлитъ ее же продать... Самъ же под-
говорилъ Фильку уѣхать съ доносомъ на того, у кого те-
перь въ гостяхъ!»

Но Еня раскланялся съ нимъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и даже съ удовольствіемъ старался ему показать, что онъ здѣсь—не простой гость, а домашній человѣкъ.

Гимназистъ, сынъ хозяина, Вава, то-есть Варооломей, по-вакаціонному одѣтый въ парусинный клѣтчатый сврту-чокъ, съ длинными отложными воротничками и съ ухорски, назадъ а la Liste причесанными рѣденькими волосами, иди куда-то мимо Гуслева, на минуту остановился, тихо спросить о немъ Разноцѣтова, улыбнулся, подошелъ къ нему, пожалъ руку и сказалъ:

— Сосѣдъ съ Опаліхи? Знаю! Говорятъ вы — недурной охотникъ; если же играете въ безигъ, пожалуйста въ бильярдную! пятиалтынный финика.

Гуслевъ подумалъ:—«Какое отекиннее, блѣдное лицо! Или дѣйствительно рано начать жить, или не дѣлаетъ моціона; пожки жиденькія, а самъ тучень».

Въ общемъ говорѣ первыхъ рѣчей слуги незамѣтно накрыли обѣденный столъ. Городскіе пѣвчіе прогѣли молитву, потомъ многолѣтіе хозяину и гостямъ, и обѣдъ начался. Кромѣ самого Музыкантова, застольные снѣчки, недавно передъ тѣмъ вошедшіе въ моду и въ этихъ мѣстахъ, говорили еще Чабаненко и Зиньзиньскій: послѣдній о горькой долѣ современныхъ капиталистовъ, о томъ, что дашь деньги и не получишь ихъ обратно, что теперь нельзя вѣрить даже самому себѣ, что вслѣдствіе такого порядка не всегда и не во всемъ можно укорить даже злостнаго банкрота, или иного общественнаго вора.

— О, это уже черезчуръ!—возражаетъ Музыкантовъ:—я, въ качествѣ презуса нашего шира, обязанъ васъ, мои другъ, призвать къ порядку!

Зиньзиньскій дѣлаетъ глазами и продолжаетъ:

— Я не хочу бросать тѣни на правительство: по всему виной наша среда! Какова почва, таковъ и умолоть! Мы быстрыми шагами идемъ къ общему нищенству. Одно спасеніе: быть всѣмъ какъ можно дружиѣ, спасать и поддерживать одинъ другого. Ура!

Гуслевъ, озадаченный этою, еще невиданною имъ приправой обѣда, притихъ и робко выглядывать изъ-за тарелки. Но когда Музыкантовъ сказалъ: «да что, господа, мы всѣ—своя семья!» и сталъ громить и общество, и администрацію, то Гуслевъ, тронутый потокомъ обличительныхъ

рѣчей, пріосанился, задернулъ плечи и голову и, едва касаясь тѣды, сидѣлъ, пыхтя, покрикивая и самъ бросая на всѣхъ строгіе взгляды, точно изрекая виновнымъ приговоръ. Самъ хозяинъ дома особенно занялъ Гусева. Широко и живописно разсѣвшись въ концѣ стола, противъ совершенно невзрачной и ни съ кѣмъ изъ сосѣднихъ дамъ близко не знакомой своей жены, дочери мѣстнаго богатаго салотопеннаго заводчика, Музыкантовъ говорили:

— Кушайте, господа! Каждый такой нашъ дружескій обѣдъ — это пиръ во время чумы! На кого намъ тутъ надѣяться! Главные капиталисты здѣшняго края — иностранцы. Но приглядитесь, они все сюда явились какъ бы въ изгнаніе: одни ушли въ этотъ край отъ общественныхъ невзгодъ; другіе — отъ семейнаго горя или отъ неудачъ. Всѣхъ влекла сюда, къ новымъ здѣшнимъ людямъ и мѣстамъ, жажда переменъ жизни, но больше всего, по-просту... нажива... Это, повторяю, зная Повороссію. Нашъ край пришелъ къ простому и совершенно вѣрному заключенію, что выше матеріальнаго благосостоянія мало есть хорошихъ вещей на землѣ. Это все сознаютъ, но не все имѣютъ храбрость въ этомъ сознаться такъ просто и безъ ходуль, какъ я... Призаченные сюда желаніемъ нажиться, здѣшніе капиталисты, не привязанные никакими другими выгодами къ странѣ, которая не имѣетъ для нихъ значенія родины, въ первое время смотрятъ на этотъ край, какъ на мѣсто своего временнаго изгнанія, потомъ какъ на тропинку, по которой, поправивъ свои обстоятельства, они могутъ возвратиться домой — въ Нѣметчину, въ Грецію, во Францію, во внутреннюю Россію...

— И Повороссію, по твоему, папаша, опустѣетъ? — спросилъ Вава, опорожняая объемистую рюмку портвейна и выбирая на поднесенномъ блюдѣ соуса самые вкусные кусочки.

— И этого, дружище, не говорю. Годы проходятъ; нѣкоторые изъ переселенцевъ не успѣваютъ нажить здѣсь то, чего хотѣли; другіе теряютъ силы и рѣшимость возвратиться къ давно забытой старой родинѣ; третьи остаются потому, что отъ привычки и времени неволью полюбили свою тюрьму и не хотятъ оставлять наснаженнаго въ ней мѣста. Но я васъ утѣшу: есть и исключенія. Нѣкоторые остаются сознательно и охотой...

— Кто же?

Гусель въдумалъ, что хозяинъ сошлется на него и на Чулкова.

— О, это прямо надежды край!—громко и эффектно заключилъ Музыкантовъ, утирая губы и любезно раскланиваясь въ направленіи друзей своихъ, Зиньзиньскаго и Чабаненка.

Не успѣлъ Музыкантовъ сказать эту любезность, какъ отворилась дверь, и въ залъ явилось новое лицо: мѣстный исправникъ, Канканчиковъ, простой и неказистый на видъ отставной пѣхотный офицеръ, не охотникъ до розсказней, сдержанный, робкій, бѣдливѣйшій, честнѣйшій и усерднѣйшій служака, имѣвшій одно, ничѣмъ неотвратимое несчастіе: жену, которая въ теченіи десяти лѣтъ сожительства родила ему одиннадцать человѣкъ дѣтей и снова, какъ слышно, была беременна. — «Я исполнять бы законъ во всей строгости, — говаривалъ Канканчиковъ, — руки на поддецовъ, особенно крупныхъ, такъ и чешутся; но коли не я имъ, а они мнѣ свернутъ шею, кто защититъ моихъ итенцовъ и жену?»

— Стулъ и приборъ г. Канканчикову! Милости просимъ сюда, ко мнѣ, — сказать, засуетившись, хозяинъ, очищая исправнику мѣсто, возлъ себя.

Всѣ какъ-то присмирѣли. Одинъ Вава съ Еней, вынувъ ринсе пезъ, осылали ими себѣ носы и стали разглядывать исправника, посмѣиваясь и толкуя о немъ шопотомъ между собой.

Канканчикевъ сѣлъ, не поднимая глазъ, утолить первый анкетитъ, медлительно отпилъ налитаго ховяцномъ вина и тихо сталъ извиняться передъ Музыкантовымъ, что нѣсколько опоздать на его праздникъ.

— Откуда же васъ Богъ несетъ?

— Издалека-съ!—выпололся сказать исправникъ:—сдѣлать верстѣ полторасти со вчерашняго вечера, и все по нашему уѣзду. Обширная-съ мѣстность. Всю спину расколотило.

— Что новаго?—спросило его нѣсколько голосовъ.

— Какъ вамъ сказать? и мало, и довольно! Только какъ бы не нанугать дамъ?—тихо прибавилъ Канканчиковъ.

По его слова услышали.

— Что такое? Что?—заговорило нѣсколько голосовъ.

Все смолкло. Тарелки перестали звенѣть. Даже пестрая и разнокалиберная прїѣзжая прислуга остановилась съ тарелками и блюдами въ разныхъ концахъ залы. Въ околоткѣ все знали хорошо, что ужъ когда неразговорчивый Канкачниковъ собирался сообщить какую-нибудь новость, то новость его сразу выходила изъ ряда вонъ.

— Дѣло въ томъ, — робко объявилъ исправникъ: — что я получилъ депешу отъ губернатора: изъ сосѣдняго острога убѣжали двое самыхъ опасныхъ и закоренѣлыхъ арестантовъ, дезертиры Савка Молодичка и извѣстный по множеству самыхъ дерзкихъ грабежей Зоська Отченашъ!

— Батюшки-свѣты! Отченашъ! Экое богохульство! — воскликнулъ Музыкантовъ. — Уже за одну бы эту дерзость слѣдовало по старинѣ бить батоги нещадно.

— Куда же направились бѣглецы? — тихо отозвалась никого и ни о чемъ обыкновенно не спрашивавшая мадамъ Музыкантова, которой невзрачный чепецъ съ лиловыми лентами, отъ одного извѣстія о разбойникахъ, слѣзъ съ затылка и повернулся бантомъ на лобъ.

— Слѣдъ арестантовъ, сударыня, показался въ направленіи къ нашему уѣзду. Боятся нечего, но, конечно, лучше быть на-готовѣ. Удвойте караулы. Примѣты же ихъ разосланы, и мѣры къ поимкѣ ихъ приняты самыя энергическія...

— Достойнѣйшій начальникъ уѣзда! — оппозиціонно перебилъ Музыкантовъ: — извините меня, но это — общая фраза всехъ полицейскихъ заявленій и публикацій! Приняты мѣры — и только! Того ли заслуживаютъ эти негодяи? Того ли, спрашиваю я васъ, когда мы и наши хозяйства кровью исходятъ? *У. С. 10/12*

— И, господа, — перебилъ Канкачниковъ и самъ, кажется, удивился, что рѣшился противорѣчить: — забыли развѣ, въ какомъ мы краѣ? Трудимся, бьемся; барынь ли принесетъ послѣдняя пушечная копейка, или завтра же полное разореніе? Вамъ и мнѣ разореніе, остальнымъ какое дѣло? Остальные будутъ еще счастливы. Плоха полиція, мало у нея средствъ? И отлично! Пусть еще болѣе вы, господа, страдаете отъ всякихъ грабежей и злодѣйствъ, и тогда поневолѣ сами опомнитесь, сомкнетесь плечомъ къ плечу и придумаете способъ выйти изъ затрудненій. По

все же, господа, ждать подачекъ отъ правительства. Пора и облегчить труды всеобщаго опекуна...

— Однако, вы того-съ! — перебилъ Музыкантовъ, подмигивая исправнику: — еще васъ сочтутъ революционеромъ, проповѣдникомъ этакихъ ученій... Исправнику не годится...

— А хоть бы и сочли! Я хочу сказать, что потери одѣльныхъ жертвъ только проложить путь къ процвѣтанію остального края. Положимъ, я трудился и разорился, пострадалъ и мой сестѣ. А въ итогѣ является засаженный въ оврагѣ садъ, глядишь, возлѣ выросъ поселокъ, по степи бродятъ раскормленные волю; чумацкій путь, сотню лѣтъ шедшій въ далекій обходъ, благодаря новому колодцу, сворачиваетъ влѣво, напрямикъ, черезъ глухой доголѣ хуторокъ, не зная даже, слѣдуетъ ли и благодарить кого за это уменьшеніе тяжелаго пути... Вотъ, хоть бы такая штука у насъ въ уѣздѣ произошла съ Безлюдовкой, арендой Чулкова...

Музыкантовъ, указавъ на Гусева, объяснилъ исправнику, что это — компаньонъ Чулкова. Исправникъ раскладывался и сказалъ:

— Очень радъ, но вы съ вашимъ другомъ платите исправно подати, и мы, полицейскіе, поэтому васъ и не знаемъ... Предлагаю, господа, тосты! Вы пили ихъ нѣсколько: позвольте и мнѣ провозгласить одинъ: за здоровье труженниковъ Повороссіи!

Громкій тушъ музыки завершилъ послѣднія слова. Всѣ пили и повеселѣли, такъ какъ всѣ сочли себя труженниками и пионерами. Наконецъ, гости съ шумомъ и говоромъ встали изъ-за стола и разбрелись по комнатамъ. Начало вечерять.

Калканчиковъ, давно искавшій случая познакомиться съ Чулковымъ, обрадовался, что могъ узнать о немъ кое-что отъ его компаньона, и пригласилъ Гусева побесѣдовать съ собой. Они вышли въ садъ, долго ходили тамъ и говорили.

— Вы какъ находите здѣшняго хозяина?—спросилъ какъ бы въ разсѣянности исправникъ.

— Ничего, какъ всѣ здѣсь. Живуется себѣ, въ почетѣ...

— Ну-съ, а здѣшнія мѣста вамъ понравились? — спросилъ исправникъ.

— Какъ-съ?..

Гусевъ остановился. Садъ одѣвался сумерками. Изъ

предводительскаго дома, гдѣ гости уже сѣли за карты, послышались отрывочные голоса, смѣхъ и звонъ убираемой посуды.

— Какъ бы вамъ сказать?—продолжалъ Гусевъ:—здѣсь мало... нищи для души, мало.., этихъ высокихъ-съ идеаловъ! Оттого ли, что небо здѣсь такъ всемъ приглядѣлось, только въ этой Повороссіи глаза всѣхъ постоянно смотрятъ подъ ноги, въ землю, а не вверхъ.

— Такъ вы полагаете... Но позвольте! все-таки вы мнѣ не отвѣтили на главный мой вопросъ: какъ вы находите здѣшняго хозяина?

Гусевъ опять замаялся и откровенно не отвѣтилъ.

— Извините меня за вопросъ, но я давно о васъ обоихъ слышалъ. Видите ли, я здѣсь новый человѣкъ, всего полгода, какъ переведенъ сюда, и хотѣлъ бы знать ваше правдивый взглядъ на Музыкантова. Ничего вы въ немъ не замѣчаете? Скажите откровенно. Я вовсе не готовился быть исправникомъ: семья одолѣла-съ, одиннадцать человѣкъ дѣтей, но я взятокъ не беру. Погнался за даровою квартирой. А прежде училъ музыкѣ, даже типографію держалъ.

— На Музыкантова, кажется, многіе здѣсь жалуются; зато другіе хвалятъ, и чуть ли не весь уѣздъ. Странно; кажется, онъ прожился...

— Да, это правда! Я просто не знаю, что дѣлать съ кучей жалобъ, поступающихъ на него. Съ нѣкотораго времени онъ рѣшительно пересталъ платить казенные и частные долги. Всѣ говорятъ, что онъ давно промоталъ и свое состояніе, и капиталъ жены; а между тѣмъ, держится и, какъ видите, не унываетъ. Я къ нему сюда ѣхалъ описывать его имѣніе за начетъ по одному подряду. Что вы прикажете съ нимъ дѣлать! Какъ тутъ описывать его домъ, мебель, овецъ, когда у него такой благочестивый миръ? А паниши губернатору, еще самого тебя вздуютъ. Вѣдь онъ тамъ какъ свой. Но какъ ему еще вѣрить: вотъ, привезъ ему свидѣтельство на залогъ Чемодаровой Таганчѣ.

— Таганчѣ? Кому? Быть не можетъ!

Гусевъ отвелъ его за кусты.

— Какъ не можетъ быть: онъ закладываетъ имѣніе не законной довѣренности самой владѣлицы!

Гусевъ торопливо полѣзъ въ карманъ, досталъ оттуда спичечницу съ восковою свѣчой, изъ другого кармана вы-

нуль нумеръ мѣстныхъ вѣдомостей и, держа зажженную свѣчку, сказалъ:

— Читайте, кстати же я случайно захватилъ нумеръ съ собою! Чемодарова довѣренность Музыкантову уничтожила, вотъ и публикація. И ее самъ изъ города на-дняхъ и привезъ.

Исправникъ прочелъ газету, спряталъ свидѣтельство на залогъ Таганчи въ карманъ, и новые знакомцы молча пошли обратно къ дому.

Въ окнахъ, между тѣмъ, стали зажигаться огни. Поговоривъ еще съ исправникомъ, Гусевъ рѣшилъ, незамѣтно для всѣхъ, скорѣе ѣхать домой, пошелъ къ конюшнѣ, попросилъ предводительскаго кучера нанять и запрячь буланку, занялъ за шанкой въ кабинетъ и послѣ сто разъ досадовалъ на себя, что пошелъ туда.

Въ кабинетѣ шелъ картежъ. У зеленого стола кто-то ораторствовалъ на тему, что «у жителей Мадагаскара и Филиппинскихъ острововъ собственность и спокойствіе гораздо болѣе обезпечены, чѣмъ у насъ!»

— Вотъ, хоть бы и я!—отнесся къ публикѣ Чабаненко:— во время эмансипаціи крестьянъ всѣ кричали, что слѣдуетъ продавать землю и всякую при ней движимость, что вольнонаемный трудъ не окунаетъ издержекъ, что надо сгнѣснить все обращать въ капиталъ. Я не обратилъ, но кто поручится, что завтра же налогъ съ десятины не превзойдетъ дохода съ нея? А тутъ еще всякіе дневные и почные грабители...

— Что же послѣ этого дѣлать? Чѣмъ поправить зло? — произнесъ кто-то.

— Висѣлицу поставить,—рѣшилъ Музыкантовъ:—на воровъ и грабителей, столько ихъ здѣсь расплодилось! А не то, годика бы на три нашу Повороссію объявить въ осажденномъ положеніи!

Юнкеръ, сынъ Чабаненко, малый рябой и здоровенный, котораго Гусевъ уже видѣлъ разъ, съ бѣлыми, испуганными глазами и золотушный, отчего въ ушахъ его всегда виднѣлась вата, уже два раза передъ тѣмъ съ Вавой и Юней ходилъ въ буфетъ къ хозяйской экономкѣ, оба раза выпивалъ съ ними тамъ по рюмкѣ коньяку и теперь стоялъ, покачиваясь у карточнаго стола, усиливаясь слѣдить за шtosомъ. Вава Музыкантовъ, въ свой чередъ,

также охмелѣлъ, но не спускалъ глазъ съ пальцевъ отца, ловко и съ шуточками метавшаго тысячный банкъ. Онъ сбѣгалъ въ садъ, пробрался тамъ въ кусты, сталъ на колѣни и нѣсколько минутъ преусердно и отъ души молился, кладя земные поклоны и шепча: «Господи, помоги напашѣ обыграть гостей—я тогда тоже свѣчку поставлю». Запустивъ руки въ карманы нарядныхъ брюкъ, онъ стоялъ, чуть дыша, блѣдный и старообразный, и благоговѣйно, на подобіе дипломатическаго агента, слушающаго на конгрессѣ королей докладъ первой государственной важности, смотрѣлъ то на карты, то на груды ассигнацій и золота. Этотъ избалованный гимназистъ, посылавшій изъ губернскаго города дважды въ мѣсяцъ посланія къ отцу о деньгахъ, гдѣ подписывался «Варфаламѣй Музыкантовъ», и на экзаменѣ, два года назадъ, на вопросъ объ ариметикѣ, отвѣтившій: «арифметика есть числа, которыя...» — тѣмъ не менѣе, въ карточной игрѣ былъ съ малолѣтства дока первой величины. И теперь уже онъ дважды выходилъ изъ кабинета въ залу, гдѣ и Еня, въ уголкѣ металъ банкъ тремъ драгунскимъ офицерамъ, и шепталъ ему на ухо: «напашѣ, Еня, не везетъ, тузъ данъ, а постѣ того сряду даны еще три валета; онъ понадѣлся на даму трефъ; бацъ, и дама...» Еня, впрочемъ, самъ проигрался въ пухъ и въ прахъ и, красный какъ ракъ, просилъ у своихъ противниковъ позволенія заложить въ банкъ бирюзовое колечко сестры Вари Чемодаровой съ ея вензелемъ («ау его, я съ нею разошелся и кольца не надо!»); заложилъ и тоже проигралъ. Онъ занялъ, черезъ Ваву, у Музыкантова-отца двадцати пяти-рублевую бумажку и ее спустилъ тутъ же. Юнгерь Чабаненко рѣшилъ выручить друга во что бы то ни стало. Онъ отозвалъ офицера Воронова, побѣдителя Ени въ сѣни, показалъ ему залергтыя на то время въ чуланѣ и всюду возимыя съ нимъ лягавую собаку Калинесу и тульское подержанное ружьецо и заложилъ ихъ въ банкъ за Еню. Но молодцоватый драгунскій штабсъ-ротмистръ Вороновъ, видѣвшій такіе виды не разъ, сѣлъ за столъ, съ разстаповкой откатилъ обшлага сюртука и батистовой рубашки, причемъ всѣмъ и каждому показалъ дивную бѣлизну рукъ и бѣлья, сказалъ Разноцвѣтову: «мечите» — поставилъ карту, загнулъ ей уголъ, потомъ цѣлый бокъ, накрылъ ее жирнымъ пальцемъ съ перстнемъ и сразу вы-

играть у Ени и собаку юнкера Калишу, запертую въ чуланѣ, и запертое тамъ юнкерское ружье.

— Что же теперь намъ дѣлать?—спросилъ юнкеръ, моргая блѣдными глазами;—ни ты, ни я, ни Вава ничего не выиграли.

— Ничего,—отвѣтилъ Еня:—наверстаемъ послѣ...

Въ это время въ залѣ грянула музыка.

Начались танцы. Еня Разноцвѣтовъ, съ блуждающими глазами, вышелъ къ танцующимъ, взъерошилъ волосы: сказалъ: «кутить—умирать, и не кутить—умирать, такъ ужъ лучше кутить!» почему-то пригласилъ увѣсистую хозяйку дома и какъ бѣшеный понесся, вертя ее, въ вальсъ.

За нимъ, съ другою дамою, поспѣшили пуститься на сухихъ, жиденькихъ ножкахъ ни въ чемъ отъ него не отстававшій Вава Музыкантовъ. Разноцвѣтовъ кончилъ кругъ вальса, оставилъ оторопѣвшую отъ прыганья m-me Музыкантову, наткнулся въ дверяхъ гостиной на Гуслева, потрепалъ его по животу, любезно сказавъ:

— Варабанчикъ, душка! — и видя, что Гуслевъ на это осмѣливается, громко прибавилъ: — вы меня смѣнили у сестры: то я былъ у нея на посылкахъ, а теперь вы. Плоха, однако, надежда на поживу у нея: скуна и себѣ на умѣ. Проведеть и васъ, и Чулкова.

Гуслевъ схватилъ его за руку и потащилъ въ кабинетъ.

— Извиняйтесь, — гаркнулъ онъ: — или я выкину васъ въ окно!

— Что вамъ нужно? что вы?—спросилъ, ретируясь отъ него и садясь въ сторонѣ, Разноцвѣтовъ:—чего вы ко мнѣ пристае?

— Извиняйтесь!—прибавилъ еще громче Гуслевъ, крутя по былому усы и не поднимая отъ полу глазъ:—извиняйтесь сейчасъ!

— Шалишь, камрадъ! И сестрѣ Варенькѣ прямо напишу, чтобъ она тебѣ не давала комиссiи въ городъ за покупки! Ишь ты, платочками, духами отдариваешься...

— Извиняйтесь! Все это—пустяки-съ; вы обидѣли своимъ отзывомъ даму...

— Дудки, старче,—отрѣзалъ Еня, весело закидывая ноги черезъ ручку кресель и смотря въ rince-nez на концы лаковыхъ ботинокъ.

— Еня, закрой клапанъ! лишніе пары пошли!—сказалъ Вава Музыкантовъ.

— Я — закрой? А пусть онъ лучше расскажетъ, почему у него лицо такое смѣшное, и для какого резона онъ намазываетъ себѣ затылокъ, а виски оставилъ такъ, безъ помады?

Гуслевъ невольно тронулъ себя рукой за голову. Пристутствовавшіе начали смѣяться.

— Это бы, наконецъ, еще ничего, — продолжать Еня, лежа въ креслѣ, смотря себѣ на жилетъ и болтая въ воздухъ ногами и руками: — но я бы хотѣлъ знать, какъ у васъ тамъ, новые пустышки, на острову насчетъ женскаго пола?.. Надѣюсь, что Вар...

Разъ-два—крак! Гуслевъ въ одинъ взмахъ подхватилъ съ кресла долговизаго Еню, шагнулъ съ нимъ по кабинету, и не успѣли гости ахнуть, выкинулъ его въ открытое окно въ садъ.

— Вотъ тебѣ теперь и лѣзь. Да-съ! — рѣзко заключилъ Гуслевъ, дико озираясь кругомъ и какъ бы вызывая другихъ на борьбу съ собою.

— Ловко! Какъ коника, сталъ прямо на ноги въ саду. Но, увы! попалъ въ кусты крапивы... Ха-ха-ха!—разсмѣялись гости и побѣжали смотрѣть на Еню.

Музыкантовъ подошелъ къ исправнику.

— Ахъ, какъ я досадую!—сказалъ онъ тихо Калканчикову:—что этотъ оригиналъ позволилъ себѣ сдѣлать такую вещь, и еще съ родственникомъ моей довѣрительницы Чемодаровой, и гдѣ же? у меня! Еще бы съ нею не поссориться...

— Не думаю; нечего вамъ, Ардальонъ Аркадьичъ, и беспокоиться объ этомъ! вы, я слышалъ, покончили счеты съ Чемодаровой и бросили ее?

— Кто вамъ сказалъ? это неправда!

— Странно, какъ васъ не предупредилъ Евгеній Андреечъ! Въ газетахъ помѣщена ея публикація о прекращеніи данной вамъ довѣренности...

— Развѣ она пріѣхала домой?

— А вы этого и не знали?

— То-есть я... ахъ, да! что же я! Такъ, такъ; во всемъ мы съ нею условились еще по письмамъ, я и забылъ за хлопотами...

Слѣдовательно, свидѣтельство на залогъ Таганчи вамъ теперь не нужно?

Музыкантовъ подумалъ, помолчалъ и сказалъ:

— Да, не нужно, разумѣется, не нужно! Я хотѣлъ даже вамъ объ этомъ писать.

Музыкантовъ смѣялся. Но глазъ Капканчикова ясно видѣлъ, что онъ потерялся не совсѣмъ и что, вѣроятно, была у него лазейка и тутъ.

Въ затѣ опять раздалась музыка. Гости еще потанцовали. Еню съ Гусевымъ постарались свести и кое-какъ, хотя для виду, опять помирили.

— Господа, кушать! ужинъ готовъ! — произнесъ хозяинъ, и всѣ веселою толпой снова двинулись къ накрытому столу.

И опять гости много и сытно кушали, и снова лилось шампанское! Одинъ Еня, похрамывая, сѣлъ за ужинъ сумрачный и помышлялъ: «постойте же вы, пустыnnики, я васъ проучу...»

«Да, — размышлялъ Капканчиковъ, слушая звяканье посуды, тарелокъ и ложекъ: — ниръ на славу; но чтò же это теперь такъ задумался и болѣе не ораторствуетъ самъ виновникъ пира? Онъ, кажется, понялъ, что лучшая жертва его освободилась. На кого-то теперь поведетъ приступить? Любопытно бы знать, любопытно! не будь я Капканчиковъ, если не узнаю...»

Но обладатель обширнаго чутья и еще болѣе обширнаго семейства не знаетъ въ эти мгновенія мыслей Музыкантова. Ардальонъ Аркадьевичъ, простившись съ нимъ, подумалъ:

«Хорошо же, ты мнѣ подставила ногу по Таганчѣ, я тебя проучу иначе. Сама ты мнѣ съ глупа-ума оставила такую бумажку, что Таганча, когда только захочу, будетъ моею».

Черезъ недѣлю послѣ этого торжества, Евгеній Андреичъ Разноцвѣтовъ былъ зачисленъ Музыкантовымъ въ должность предводительскаго секретаря, причемъ сталъ выполнять и другія порученія по дѣламъ Музыкантова и въ два-три мѣсяца, подъ рукой Ардальона Аркадьевича, свелъ знакомство съ людьми самыхъ невѣроятныхъ ремеселъ и inclinностей, съ шулерами, содержателями губернскихъ танцклассовъ, съ ростовщиками и проч. Денегъ, по слухамъ,

однакоже, у Ардаляона Аркадьевича не прибывало. Онъ кое-гдѣ хваталъ еще займы по мелочамъ; но въ то же время другъ его, Зиньзиньскій, неожиданно-негадано снявъ въ аренду чей-то глухой хуторокъ за Опалихою, по имени Ульяновку, сталъ затѣвать въ немъ громадную ссынку хлѣба, по казенному подряду, и отдѣлывать какой-то, особеннаго устройства, кожевенный заводъ, съ улучшенными машинками, выписанными изъ-за границы, на тайную складчину трехъ друзей: Музыкантова, Чабаненка и самого Зиньзиньскаго. Недоставало имъ для ихъ предпріятія только одного, а именно: такого дѣльнаго и капитальнаго компаньона, какимъ бы могъ быть Чулковъ. Поэтому они стали увиваться вокругъ Александра Ильича, но пока безъ успѣха.

VI.

Волка ноги кормятъ.

Въ городѣ и въ уѣздѣ скоро заговорили о томъ, что Музыкантовъ окончательно разорился, что онъ уже ищетъ казенной службы съ хорошимъ жалованьемъ, хочетъ распродать остатки заложенныхъ и перезаложенныхъ имѣній и уѣхать изъ губерніи; что его векселя стали ходить у сосединъ ростовщиковъ чуть не по четвертаку за рубль, и что вотъ-вотъ кто-нибудь, не уваживъ его сана, въ одно прекрасное утро посадить его за долги въ тюрьму. — «Такое огромное состояніе, и такъ неожиданно повихнулось! — говорили одни. — Какъ пошатнулось такое зданіе! Еще на нашихъ глазахъ, чуть не вчера, это была полная чаша всего и чуть не первое имѣніе на нѣсколько уѣздовъ. Гдѣ эти солеварни, винокуренные сахарные заводы? Гдѣ тысячи десятинъ земли?» — «Э! — возражали другіе, и въ томъ числѣ Чулковъ: — что тутъ удивительнаго! Сотни десятинъ земли у людей среднихъ привычекъ труднѣе проживаются, чѣмъ десятки тысячъ у иныхъ господъ крупнаго полета, кидającychся въ аферы».

— Что обидно — замѣтила однажды Варвара Аркадьевна въ разговорѣ съ Чулковымъ: — это совершенно непостижимое сближеніе моего Ени съ этимъ господиномъ. Еня рѣшительно сталъ его клеветомъ, и Музыкантовъ мыкаетъ этимъ

вѣтрогономъ, какъ пѣнкой, заставляя его, по своимъ дѣламъ, вращаться въ самомъ подозрительномъ обществѣ.

Чулковъ, незамѣтно для себя, сталъ чаще и чаще бывать въ Тагантѣ. Сосѣдка чаще и чаще совѣтовалась съ нимъ насчетъ своихъ хозяйственныхъ заботъ. Сперва Александръ Ильичъ увѣрялъ сосѣдку, что дорожить временемъ, что время — золотая руда, и что онъ не можетъ долго у нея оставаться, почему постоянно и сѣшилъ уѣхать. Потомъ, продолжая говорить на тотъ же ладъ, сталъ невольнo заскисиваться въ Тагантѣ по цѣлымъ днямъ. Богомольная тѣтушка Чемодаровой сперва присутствовала при этихъ свиданіяхъ, непрежнему конаясь надъ визаньемъ, вздыхая, крестясь и подозрительно поглядывая на гостя.

— Скоро ли вы насъ устроите?—спрашивала она:—пора бы насъ уже и отпустить. Какъ бы не разминуться намъ съ мужемъ Варя!

Потомъ она въ гостиной уже почти не появлялась, лишь изрѣдка напоминая о себѣ мрачными и торжественными мелодіями, которыя въ вечерней темнотѣ непрежнему иногда раздавались въ верхней залѣ, надъ головами Чулкова и его собесѣдницы, и часто не умолкали до полуночи.

Чемодарова, къ удивленію сосѣдей, дѣлала чудеса по хозяйству. За овечью шерсть она выручила втрое противъ прежнихъ годовъ, хлѣбъ закупила у нея на корню, кстати урожай въ этомъ году вынелъ великолѣпный. Она послушалась Чулкова, послѣднюю свободную копейку минувшей весной затратила на посѣвъ льна и, получивъ за него осенью деньги прямо съ корабля, прѣехала домой, разочла стоимость будущаго посѣва и будущей уборки хлѣбовъ, отсчитала чистый доходъ и пришла въ такую радость, что, запершись въ спальнѣ, вымыла и щеточкой вычистила каждый полученный червонецъ, а ассигнаціи даже собственноручно разутюжила и съ замираніемъ счастливаго сердца прислушивалась, какъ звонко щелкнулъ ключъ въ комодѣ, куда она спрятала первый барышъ.

— Вы правы, — сказала она на другой день Чулкову, который прѣхалъ къ ней по обычаю съ новыми газетами и журналами:—здѣшній воздухъ... близость торговаго моря... такъ все здѣсь пахнетъ прелестями наживы, что я боюсь, какъ бы не сдѣлаться самою алчною и скупою, какъ рыцарь Пушкина... Мы проживаемъ въ годъ двѣ тысячи, а я

получила разомъ пять. Вы смѣтаете? И такъ обрадовалась вчера вырученнымъ деньгамъ, что, кажется, какъ заперла ихъ, такъ ужъ никуда и ни за что теперь ихъ не выну!

— Не бойтесь, вынете! вы сѣяли двѣсти десятинъ льна и получили пять тысячъ, кромѣ барыня съ иппеницы, а на весну, пожалуй, разохотитесь, заготовите пахаги для льна четыреста десятинъ и, разумѣется, получите въ одинъ кушъ десятокъ тысячъ! Вотъ, по неволѣ опять и станете тратить.

— Неужели десять тысячъ сразу! Да, лучший двигатель-опекунъ и совѣтникъ для человѣка—его собственный карманъ. Лишь бы сила воли, да здоровье!

Чемодарова не могла придти въ себя отъ мысли о десяти-тысячномъ доходѣ.

— А не посѣять ли ужъ сразу шестьсотъ десятинъ льна?—спросила она.

Чулковъ улыбнулся.

— Слишкомъ торопитесь. Это возможно; но смотрите, пожалуй, денегъ на уборку не хватитъ! Какъ посѣять, тогда давайте сразу кушъ; не то осыплется! Подождите лучше; зачѣмъ все сразу? посѣете шестьсотъ десятинъ черезъ годъ.

Чемодарова, однакоже, думала иначе и, послѣ нѣкотораго колебанія, сама съ собою рѣшила къ новой наступавшей веснѣ заготовить подъ ленъ шестьсотъ десятинъ, а подъ иппеницу еще четыреста, итого тысячу десятинъ подъ посѣвъ.

— Эхъ, барыня,—говорилъ конторщикъ Филька:—много вы затѣваете сразу сѣять, не успѣемъ убрать.

— Разбогатѣть сразу, Филья, хочу! Другіе же вѣдь богатѣютъ.

— Богатѣютъ-то богатѣютъ, да по малу, а не сразу. Надо подумавши...

— Дурень думкой богатѣетъ, а не умные, какъ мы съ тобою, Филья!—шутила барыня, присутствуя въ амбарѣ при очищеніи льна на будущій посѣвъ.

— У насъ, сударыня, мѣста глухія: иной разъ и за деньги не найдешь. Опасно.

Но барыня положила поставить на своемъ.

— Ядъ его поberi!—ворчатъ въ свою очередь Гусевъ, которому, съ учащенными поѣздками пріятеля въ Таганчу,

приходилось поневолѣ одному слѣдить за работами въ Безлюдовкѣ: — или онъ лѣниться сталъ, или втѣрилъ въ эту барыню-монашку и забылъ свою Дуню?»

Бѣлюлицая Дуня также отъ этихъ поѣздокъ задумалась и, въ ожиданіи позднихъ возвратовъ Чулкова изъ-за Опалихи, стоя за воротами усадьбы, не разъ потихоньку плакала. Гуслевъ же одинъ разъ даже осмѣлился, что Чулкова не было опять дома. А именно, въ Безлюдовку опять неожиданно заѣхалъ Музыкантовъ.

— Александръ Ильичъ дома? — спросилъ Музыкантовъ, входя на крыльцо.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ, — отвѣтилъ Гуслевъ.

— Въ Таганчѣ? За сосѣдкой ухаживаетъ?

Гуслевъ промолчалъ и покосился на гости.

— Пусть, пусть, дѣло хорошее! И я, разумеется, ему не соперникъ! Чемодарова обидѣла меня неумѣиємъ цѣнить услуги, я ей, впрочемъ, простилъ, Богъ съ ней... Но... дѣлать нечего... скажите, однако, г. Чулкову, что у меня для него приготовлено дѣло получше. Такъ и скажите: лучшее и гораздо лучше дѣло!

Гуслевъ поклонился. Музыкантовъ закурилъ сигару, медленно спустился къ коляскѣ, запряженной парой рысаковъ, занесъ погу въ экипажъ и опять возвратился на крыльцо.

— Послушайте, г. Гуслевъ! — сказать онъ, слегка измѣняясь въ лицѣ и, что удивило Гуслева, съ замѣтнымъ дрожаніемъ нижней губы: — могу я говорить съ вами совершенно откровенно?

— Сдѣлайте милость, можете вполне положиться.

Музыкантовъ оглянулся.

— Извините, позвольте переговорить наединѣ въ комнатѣ.

Они вошли въ спальню Гуслева, гдѣ Музыкантовъ бережно приперъ дверь и, оглядѣвшись кругомъ, взялъ Гуслева за плечико пиджака и тихо спросилъ:

— Скажите, какимъ путемъ такъ неожиданно разбогатѣлъ вашъ компаньонъ? Говорятъ, что у него въ банкѣ за десять тысячъ... одинъ чиновникъ банковской конторы въ клубѣ проговорился.

— Да-съ... мм... довольно! — отвѣтилъ Гуслевъ, самъ впервые, впрочемъ, слыша, что неусыпные и упорные труды Чулкова увѣнчались такимъ успѣхомъ: — земледѣліе-съ, скотоводство-съ, сынка хлѣбовъ, ну, и прочіе источники-съ...

— Такъ скоро разбогатѣть! непостижимо! удивительно! Мозгъ поражается! И гдѣ: на той же землѣ, что и мы тѣсно топчемъ. А мы, здѣшніе старожилы, только разоряемся и лѣземъ въ петлю.

Гуслевъ не безъ гордости подбодрился и оправилъ галстукъ, какъ бы говоря: «И-да-съ... вотъ мы каковы! Не чета вамъ!» Музыкантовъ всталъ, прошелся по комнатѣ и вдругъ, остановившись съ совершенно измѣнившимся, блѣднымъ и точно сразу осунувшимся лицомъ, причемъ Гуслевъ опять увидѣлъ у него дрожаніе губы, спросилъ:

— Послушайте... не обижайтесь! Миѣ можно намекнуть... Ужъ не дѣласте ли вы тутъ съ нимъ, батюшка, фальшивыхъ ассигнацій?

И, склонясь къ самому носу Гуслева, Музыкантовъ прибавилъ:

— А если и дѣлаете, то ничего тутъ нѣтъ удивительнаго съ нашими порядками, ей-Богу! Дѣло выгодное! О, выгоднѣе его нѣтъ! Васъ разоряютъ; ну, и вы ихъ того-съ... Волка ноги кормятъ! Вѣдь у насъ только и можетъ быть киргизское отношеніе гражданина къ отечеству. Отъ трудовъ правильныхъ не наживешь у насъ палаты каменныхъ. Это и слѣбды намъ въ пѣсняхъ поютъ...

— Что вы... Богъ съ вами... какія шутки! — сказалъ и буквально отирануль отъ него Гуслевъ. — Богъ у васъ какія о насъ мысли!

Гуслевъ позеленѣлъ и принялъ угрожающій видъ.

Музыкантовъ опомнился, хотя не сразу опять принять въ себя. Невѣроятное предположеніе, что домосѣдъ и затворникъ Чулковъ могъ въ этой глуши заняться поддѣлкой ассигнацій, палетѣло на него, какъ взрывъ минутнаго, необъяснимаго помѣнательства.

— Я пошутилъ! — спохватился Музыкантовъ. — Извините меня, достойнѣйшій Ипполитъ Панкратычъ! Вы меня не поняли... Но шутка моя необходима. Пеневоля у насъ подшутить надъ человѣкомъ, который честно наживаетъ свой хлѣбъ. Извините еще разъ!

Гуслевъ отошелъ, рѣшивъ, что Музыкантовъ, дѣйствительно, пошутилъ и сердиться на него не стоитъ. Гость собрался ѣхать и сказалъ ему:

— Да, кетати, я главнаго вамъ все-таки не передалъ; если у Александра Ильича будетъ свободное время, попро-

сито его захватить ко мнѣ. Я затѣмля пожевенный заводъ. Если онъ не захочетъ идти со мною въ долъ, пусть хоть дастъ совѣтъ. У него счастливая рука. Да онъ у меня въ долгу: ни разу у меня не былъ.

— Передамъ все это непременно.

— Да прибавьте... что вещь, дѣйствительно, доходная. Какъ онъ ни богатѣетъ со льномъ, да съ гуртами, а и ему не мѣшало бы разбогатѣть еще больше...

Гуслевъ передать это предложеніе Чулкову, но, не желая его ссорить съ Музыкантовымъ, выходки послѣдняго насчетъ поддѣлки ассигнацій и о томъ, что волка ноги кормятъ, ему не сообщилъ. Чулковъ махнулъ рукой и рѣшилъ: «Богъ съ ними; не мѣшался я въ дѣшнія дѣла и не буду мѣшаться. Съ меня довольно и моихъ затѣй и хлопотъ. Поѣздивъ я къ нему и не поѣду».

Частыя поѣздки Чулкова въ Таганчу, между тѣмъ, очень скоро привели къ случаю довольно неожиданному. Привычка сѣсть въ дрожки, взять вожжи, тихо выбратся на буланкѣ за Оналіху, выѣхать на косогоръ, спуститься къ чемодаровской усадьбѣ, видѣть привлекательную Варвару Аркадьевну, слушать ея рѣчи, читать ей хорошія вещи, словомъ, отводить съ ней душу, сдѣлали то, что одинъ разъ Чулковъ, читая ей что-то черезъ пальцы, за которыми она гарусомъ и фольгой вышивала, по желанію тетюшки, воздуха въ церковь, сложилъ вдругъ книгу, посмотрѣлъ на Чемодарову и тихо сказать:

— Варвара Аркадьевна, вы не обидитесь?

— Нѣтъ.

Онъ помолчалъ.

— Знаете вы новость?

— Какую?

— Одинъ господинъ здѣсь въ васъ влюбленъ и жить безъ васъ скоро будетъ не въ силахъ.

Рука съ иглой у Чемодаровой дрогнула, гарусная нить оборвалась.

— Вотъ еще!—покраснѣвъ и не спуская глазъ съ узора, отвѣтила Чемодарова.—Такъ и влюбился? Не вѣрю...

— А между тѣмъ, правда.

— Кто же это?

— Я. И почему вы не вѣрите?

— Очень просто: потому... потому, что я все о васъ знаю, все...

— Что же вы знаете обо мнѣ?

Чемодарова, продолжая искоса разсматривать узоръ, нагнулась ниже къ пальцамъ, выдернула изъ клѣточки надорванную гаруснику, ласково взглянула на Чулкова и отвѣтила:

— На то ужъ провинція, почтенный сосѣдъ, чтобы все знать... Да-съ! Знаемъ, что есть на свѣтѣ ключница Дуня... весьма милая и красивая особа: русая и съ голубыми глазами. Скажите, не правда? Отвѣйте откровенно.

И Чемодарова съ наслажденіемъ ожидала, какъ это Чулковъ окончательно смѣшается и не найдетъ, что отвѣчать ей.

Чулковъ никакъ не ожидалъ услышать такое возраженіе; однакоже, выдержалъ себя, перевелъ духъ, вынулъ табачницу и съ разсчитаннымъ спокойствіемъ сталъ дѣлать папирску.

— Что сказать? Мы—люди простые, Варвара Аркадьевна, не сказочные великаны, не образцы добродѣтели!—отвѣтили онъ.—И не рисуюсь передъ вами. Съ Дуней я точно подружился, мимоходомъ, запросто. Со мной было, какъ бываетъ у насъ, мужчинъ, сплосъ и рядомъ. Идеалы на ту пору молчали...

— А теперь?

Чемодарова продолжала шить, не поднимая глазъ и еще болѣе склонивъ къ пальцамъ разгорѣвшіяся щеки, уши и глаза.

— Какая разниа! Васъ я увидѣлъ, какъ видятъ хорошій и несбыточный сонъ; я исподволь узнать васъ, оцѣнилъ и, наконецъ, сознательно, всею душой влюбился въ васъ. Отнять у меня это чувство вы не можете, потому что оно свободно, не вредитъ ни вамъ и никому другому, а мнѣ доставляетъ много счастья. Сказать же это вамъ, дѣйствительно, я не собирался и не думалъ, да такъ ужъ случилось...

Чемодарова усмѣхнулась.

— Дуня знаетъ объ этомъ?

— Догадывается... Я все улажу...

Чемодарова оглянулась и встала, собрала гарусъ, узоры и закрыла работу.

— Очень жаль, Александръ Ильичъ,—сказала она, останавливаясь у стола:—вы—хорошій и честный человѣкъ; благодарю васъ за откровенность. Но врядъ ли мысли ваши могутъ остановиться на мнѣ... Я—вдова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не вдова...

— И послѣ семи лѣтъ вы будете то же говорить?

— Послушайте: все, что я имѣю, досталось сперва моему мужу, а потомъ мнѣ, отъ тѣтушки; и хотя бы я могла теперь выйти замужъ, я не пойду: это убьетъ старушку, а я такъ ее люблю. Она долго меня убѣждала и, наконецъ, взяла съ меня клятву—молиться, ждать и не выходить ни за кого...

— И вы дали ей эту клятву?

— Дала, потому что поручиться нельзя: мой мужъ, можетъ-быть, давно погибъ, а можетъ и каждую минуту явиться опять. Останемся же друзьями, какъ были, Александръ Ильичъ. Мнѣ жаль, но неужели же изъ-за моего чистосердечнаго отвѣта намъ ссориться? Лучше будемъ видѣться попрежнему; вы намъ помогайте скорѣе устроиться и уѣхать за границу. А я къ утреннимъ и вечернимъ молитвамъ прибавлю еще одну: «Господи, спаси и помилуй меня и не дай мнѣ и самой влюбиться въ Чулкова».

Она шутливо подала руку Чулкову, сказавъ снова:

— Не правда ли? Мы будемъ видѣться, какъ прежде?

«Отказала она мнѣ, или не отказала?—думалъ Чулковъ, возиравшаяся домой.—Да, не будь эта невѣроятная тѣтушка, можетъ-быть теперь же...»

И черезъ день онъ опять поѣхалъ къ Чемодаровой, сталъ попрежнему бесѣдовать о томъ, о семъ, о литературѣ, о хозяйствѣ, читать Бальзака и строить планы о посѣвѣ на будущій годъ.

Ардальонъ Аркадьевичъ Музыкантовъ еще протянулъ нѣсколько мѣсяцевъ, выѣзжая то на томъ, то на другомъ предпріятіи и порываясь спастись отъ неминуемаго банкротства. Наконецъ, онъ увидѣлъ, что для него нѣтъ выхода, и рѣшился осуществить давно задуманный, необычайный планъ. Это было осенью пятого года пребыванія Чулкова въ тѣхъ мѣстахъ. Музыкантовъ созвалъ къ себѣ въ Ганновку неизмѣнныхъ, промотавшихся, какъ и онъ самъ, друзей своихъ, Чабаненка и Зиньзиньскаго. Вечеромъ, въ

проливной дождь, затворился съ ними въ кабинетѣ, предложивъ имъ послѣднія столичныя газеты, долго въ волненіи ходилъ тутъ взадъ и впередъ, обращаясь къ нимъ съ отрывочными фразами по поводу вычитанныхъ новостей, наконецъ, посмотрѣвъ, заперта ли какъ слѣдуетъ дверь, сталъ посреди комнаты и сказалъ:

— Ну-съ, господа, теперь я приступаю къ окончательному рѣшенію... Вы знаете... Такъ какъ я съ обоими изъ васъ порознь давно обсудилъ задуманное нами дѣло и получилъ одобреніе и согласіе, то теперь намъ остается рѣшить сообща послѣднія подробности... Я говорю...

Музыкантовъ затруднился говорить далѣе. Его глаза неопредѣленно мигали, щегольское платье стало какъ будто чужимъ, молодцоватый видъ исчезъ, точно улетучился куда-то.

— Я, господа, говорю... то-есть я окончательно... или, иначе, не я, а всѣ мы о нашемъ рѣшеніи втроемъ... ну, вы знаете? Говорю прощѣ—о нашей мысли составить компанію въ складчину для того, чтобы... вы знаете, дѣлать и выпускать фальшивыя ассигнаціи... Согласны?

Чабащенко и Зиньзиньскій, одинъ красный, а другой блѣдный, съ присохшими языками, хотѣли-было развязно улыбнуться, но напрасно. Услыша эту рѣчь, они сперва боязливо взглянули другъ на друга, потомъ на Музыкантова, подумали: «Что же это, однако, ты струсилъ?» хотѣли что-то сказать, но, не сказавъ ни слова, молча разомъ ударили по его рукамъ.

— Значитъ, идетъ? Канаты обрублены и якоря брошены въ море?

Тѣ кивнули головой. Въ это время на дворѣ раздался звонъ колокольчика.

— Это Скардачевскій, вѣрно, армянику привезъ! — сказалъ Музыкантовъ.

И, дѣйствительно, въ кабинетъ скоро вошли щеголеватый отставной гвардейскій капитанъ и игрокъ, Скардачевскій, и одинъ изъ главныхъ мѣстныхъ ростовщиковъ, армянинъ Халатовъ. Скардачевскій уже былъ украшенъ сѣдинами, но его морищиистыя щеки еще были румяны, ходилъ онъ на мягкихъ ступняхъ, съ развалыцемъ, и вообще напоминалъ бойкаго и неустойчиваго пристяжного коня въ тройкѣ кутилы-любителя. Армянинъ Халатовъ былъ блѣд-

ный, странно худой шестидесятилѣтній старикъ, на памяти многихъ мѣстныхъ жителей торговавшій снitchками и ваксой, а теперь ворочавшій порядочнымъ капиталцемъ. Музыкантовъ повторить и имъ сказанное выше.

— Итакъ, господа,—сказалъ онъ въ заключеніе:—компанія наша, съ помощію Аллаха, составлена, существуетъ и отнынѣ открывастъ свои дѣйствія. Но позвольте. Всѣмъ намъ пятерымъ надо спросить: почему она составила? Резюмируюсь: одни изъ насъ разорились, обнищали и хотятъ спастись отъ пестли; другіе пристають къ нашей компаніи, чтобъ еще болѣе нажиться. Не забудемъ, что мы—не алтынники, что въ камышахъ куютъ изъ олова цѣлковики да четвертаки. Мы сразу выпустимъ по сту, по двѣсти тысячъ рублей фальшивыхъ депозитовъ на челоуѣка. Люди у насъ, какъ вы знаете, приготовлены, машины и мѣсто избрано. Подъ моимъ руководствомъ никто насъ, разумѣется, въ этомъ не заподозритъ; да, наконецъ, я найду и уже почти нашелъ, кромѣ насъ пятерыхъ, охотниковъ, готовыхъ подѣлиться съ нами этими фабрикантами, и въ такихъ, прибавлю, губернскихъ и даже столичныхъ сферахъ, гдѣ намъ легко помогутъ спрятать концы всякаго рода дѣлъ и куда не проникалъ и, безъ сомнѣнія, не осмѣлится проникнуть ни единый глазъ нашей убогой и бездарной полиціи. Въ заключеніе скажу еще два слова и о вастъ, друзья мои. Вы, Аванасій Андреевичъ, вы, Макдональдъ Егорычъ, и вы, господа Скардачевскій и Халатовъ, всѣ вы, окунувъ носы въ это дѣло, становитесь равными отвѣтчиками въ немъ. Вѣроятно, вы обдумали случайности всего. Законъ за это дѣло опредѣляетъ всѣмъ и каждому,—вы знаете, — каторгу. Значитъ, осторожность не будетъ лишняя никому изъ насъ. Теперь перейдемъ къ вопросу о средствахъ для скорѣйшаго и неотложнаго устройства этого дѣла. А до той поры не закусить ли намъ и не выпить ли?

Хозяинъ позвонилъ, слуга внесъ закуску и вино. Музыкантовъ продолжали:

— Въ панятомъ за Опалихой хуторѣ Ульяновкѣ Зиньзиньскій положилъ для виду устроить складъ хлѣба по подядамъ, и заводъ для машинной выдѣлки кожъ. Мною въ прошломъ еще году приторгованы машины для подѣлки денегъ, не простыя, а самыя лучшія, заграничныя, черезъ

одну изъ типографій. Цѣна за всѣ три машины: гравировальную, печатную и гласировальную—двѣнадцать тысячъ; наемъ хутора, бумага, краски, наемъ рѣзчика и печатника — три тысячи; всего пятнадцать: по три тысячи на каждого. Вы, господа, когда внесете ваши деньги?

Срокъ сообща былъ тутъ же назначенъ такой: черезъ недѣлю взносъ по тысячѣ на задатки, остальные деньги, по двѣ тысячи съ брата, черезъ два мѣсяца.

— Деньги будутъ?—спросилъ Музыкантовъ.

— Будутъ.

— Къ сроку и сполна?

— Къ сроку.

— То-то же, не подведите меня. Надо сразу укрѣпить нашу кредитъ и нашу почву въ этомъ дѣлѣ.

— Кто же печатникъ и рѣзчикъ? — спросилъ, оглядываясь, Скардычевскій: — вы меня извините, я присталъ къ вашему дѣлу изъ одной охоты къ риску, къ тревогѣ. Я имѣю пять тысячъ дохода въ годъ... Все ли у васъ хорошо устроено?

Музыкантовъ лукаво прищурилъ глазъ, щелкнулъ пальцемъ, даже подпрыгнулъ и сказалъ:

— А вы думали, что у меня дѣло идетъ вяло и какъ-нибудь?—подошелъ къ другой боковой двери кабинета, ведшей въ отдѣльную темную угольную, и ввелъ оттуда двухъ новыхъ лицъ.—Съ той поры, какъ мы еще впервые и шутя объ этомъ перемолвили, я уже договорилъ нужныхъ намъ людей; они у меня два года жили на жалованьи, ожидая призыва, одинъ на Кавказъ, а другой на Дону, и теперь оба къ вашимъ услугамъ. Имѣю честь рекомендовать: рѣзчикъ герръ Линне и печатникъ Дроздовъ.

Герръ Линне и Дроздовъ поклонились. Это были двѣ совершенно темныя личности, на одномъ оказался долгополый мѣщанскій кафтанъ, на другомъ—дырявые штаны и грязная нѣмецкая зеленая куртка.

Недавно еще богачъ и гордецъ, любимецъ цѣлаго уѣзда, Музыкантовъ засгозилъ возлѣ проходимцевъ, усадилъ ихъ въ мягкія кресла, налилъ шампанскаго, провозгласилъ тостъ за уснѣхъ компаніи, шутить, суетился, не поднимая, впрочемъ, глазъ, точно только-что обокралъ кого-нибудь.

— Ловокъ, бестія,—шепнулъ Скардачевскій Халатову о хозяинѣ, съ которымъ онъ еще недавно былъ постоянно

въ конторѣ:—какъ все велъ! То о замыслѣ устроить фотографію слухи пускалъ, чтобы съ арестантовъ, на случай ихъ бѣгства, карточки въ острогѣ снимать. Потомъ пустилъ молву о ссынкѣ хлѣба, о кожанномъ заводѣ, и такого пройдоху къ себѣ взялъ, какъ этотъ Зиньзиньскій. Откуда онъ?

Халатовъ заморгалъ отвислыми вѣками красныхъ и больныхъ глазъ и тихо отвѣтилъ:

— Пидка говорилъ, чуть ли не съ каторги.

— Улыновка, однако, всего въ десяти верстахъ отъ квартиры станового! — сказалъ громко Чабаненко, наливая шампанскаго и не безъ отвращенія косясь на рожи главныхъ техниковъ будущей фабрики: — кажется, это будетъ не совсѣмъ ловко и небезопасно для дѣла.

— Напротивъ, тѣмъ лучше: меньше будетъ подозрѣній! — перебилъ Музыкантовъ:—развѣ не понимаете? кому придетъ въ голову такая фабрика подъ самымъ носомъ уфздной полиціи! Вѣдь и у нашей полиціи тоже есть самолюбіе...

— Когда же приступимъ къ работамъ?—спросилъ армянинъ.

— Черезъ недѣлю мы внесемъ въ общую кассу задатки и кто-нибудь изъ насъ поѣдетъ за машинами! Хотя бы вы, почтенѣйшій! — отвѣтилъ Музыкантовъ. (Халатовъ согласился).—По доставкѣ машинъ на мѣсто, выпилются за нихъ остальные деньги. Я получилъ извѣстіе: машины уже готовы. Мы сдадимъ ихъ съ принасами... ну, хоть Макдональду Егорычу, въ Улыновку. Кушимъ для виду кожъ, для виду начнемъ сынку овса или ржи тамъ въ амбарахъ и дѣло пойдетъ, какъ по маслу. Рѣзба нѣсколько задержитъ насъ. Не правда ли, герръ Линне? (Линне смѣется и киваетъ:—о, ja!) Къ осени, однакоже, доски будутъ готовы? (Линне снова киваетъ). А къ новому году, вѣроятно, мы сберемся здѣсь у меня, уже для дѣлежа перваго выпуска. Полагаю, что лучше всего печатать пятидесятирублевки; ихъ и безъ того немало фальшивыхъ идетъ изъ Нахичевани: слѣдовательно, не такъ скоро обратятъ вниманіе на ихъ случайное, отъ чего Боже сохрани, открытіе въ рукахъ нашихъ будущихъ мѣловниковъ. Ихъ навѣрное тоже сочтутъ за Нахичеванки. Послѣ перваго выпуска и раздѣла денегъ, машины, доски и прочее разберемъ и спрячемъ по частямъ другъ у друга; а вамъ, господа рабочіе, мы запла-

тимъ должный пай настоящими деньгами и выпустимъ васъ тогда ва всѣ четыре стороны, до новаго призыва. Такъ дѣлали и дѣлають донинѣ всѣ... наши предшественники... фальшивые монетчики.

Послѣднія слова застряли-было въ горлѣ хозяина, но потомъ свободно и легко вышли оттуда, такъ какъ общее настроеніе бесѣдующихъ было спокойное и болѣе веселое, чѣмъ мрачное.

Дроздову и Линне тутъ же даны задатки, по сто рублей, причемъ хозяинъ далъ часть денегъ, а Скардачевскій и Халатовъ добавили своихъ; и техники, жившіе уже болѣе мѣсяца наготовѣ у Музыкантова, подъ видомъ его конторщика и машиниста для кожевеннаго завода, были отпущены изъ кабинета.

— Еще, господа, вина!—сказалъ Музыкантовъ, наливая собесѣдникамъ полные стаканы.

Всѣ пили, тихо и благоразумно шутили и покуривали.

— Какъ бы, однако, не попасться, — произнесъ, будто про себя, Чабаненко, до той поры скромными, жирными глазками разсматривавшій то коверъ, то потолокъ кабинета и старавшійся сохранить полное спокойствіе свободнаго въ своихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ джентльмена:—эти оборванцы могутъ уйти до срока и выдать насъ съ полничнымъ...

Всѣ притихли и стали въ недоумѣніи поглядывать другъ на друга.

— А штуцеръ зачѣмъ? — отозвался молчаливый дотолѣ Зиньзиньскій:—въ качествѣ директора Ульяновскаго банка фальшивой монеты, я приму всякія мѣры, выслѣжу бѣглеца гдѣ-нибудь за оврагомъ, да и положу на мѣстѣ, какъ собаку; нищи вѣтра въ полѣ: допрашивай, кого знаешь, кто убить и кто убилъ. Все это, дяденька, предусмотрено, — продолжалъ онъ, кивая Чабаненкѣ:—мертвеца похоронятъ, какъ неизвѣстно кому принадлежащее тѣло, напечатають о томъ въ газетахъ, и баста.

Дяденька успокоился. И нельзя было не успокоиться. Безжизненные и всегда какъ бы потерянные глаза Зиньзиньскаго стали, казалось, еще блѣднѣе и безжизненнѣе; но въ нихъ всѣ прочли такую спокойную и холодную рѣшимость распорядиться въ случаѣ пужды штуцеромъ, что на томъ этотъ разговоръ и кончился. А Музыкантову даже показав-

лось, что словно выдсенные молю борода, усы и брови Зиньзиньскаго стали густы снова.

— Наконецъ,—замѣтили Музыкантовъ:—я напалъ этотъ хуторъ для разныхъ надобностей у совершенно непричастнаго владѣльца. Если полицы пайдетъ тамъ машины для поддѣлки денегъ, то мы всѣ отречемся и скажемъ, что не знаемъ, кто и когда ихъ туда завезъ и что ими дѣлать. Не правда ли? Лишь бы отречься! Понимаете? У насъ только отречься—и спасень. Машины привезутся частями, на наемныхъ фурахъ, подъ видомъ земледѣльческихъ орудій.

— Да, наконецъ, рискъ! Что и говорить! — молодцовато заключить Скардачевскій: — рискъ благородное и уопительное дѣло... безъ риска ничего не достигнешь, а тутъ сразу по сту или по двѣсти тысячъ на брата! Это—не пустяки! Годова закружится! Я же рисую, помогу вамъ при составленіи красокъ...

— Выбрать Скардачевскаго въ контролеры! — сказать хозяинъ.

Всѣ согласились.

Новые компаньоны проговорили далеко за полночь, условились въ малѣйшихъ подробностяхъ и, започевавъ отъ дождя, на другой день опять заперлись и проговорили до обѣда.

— О чемъ вы тамъ все толкуете? — спросила жена Музыкантова, выходя къ обѣду и поглядывая на всѣхъ своими сонными, лѣнивыми глазами.

— Балансъ казеннымъ подрядамъ, душенька, сводили!

— Что же, выгодно было въ этомъ году? купишь мнѣ новую коляску?

— Куплю, матушка, непременно куплю.

— А мнѣ ружье, папка, купишь? — спросилъ сыночекъ Вава.

— Куплю и ружье.

— Слышишь, Еня?—объявилъ Вава Разноцвѣтову, который еще съ утра пріѣхалъ изъ города съ бумагами къ Музыкантову и ныль, въ тоскѣ и досадѣ, толкаясь у дверей кабинета и горюя, что его туда почему-то не пускаютъ.

— Отъ сестры пріѣхалъ?—спросилъ разсѣянно предводитель, садясь за столъ.

— Какъ отъ сестры? Да я съ нею въ ссорѣ!..

— Ахъ, да я и забылъ! Вѣрно, съ Вавой затѣваете на

охоту? Оставайся, однако, послѣ обѣда, Евгеній Андреичъ: ты мнѣ очень нуженъ. Надо кое о чемъ съ тобою переговорить.

Разноцвѣтовъ подбодрился, увидя, что и въ немъ нуждались. По отъѣздѣ гостей, Музыкантовъ съ Еней заперлись въ кабинетъ.

— Можешь ты мнѣ Евгеній Андреичъ, сдѣлать величайшее одолженіе?—спросилъ Музыкантовъ.

— Какое?

— Черезъ недѣлю на одно дѣло мнѣ нужно тысячу цѣлковыхъ, эни у меня имѣются въ виду и будутъ. Но черезъ два мѣсяца мнѣ нужны еще двѣ тысячи. Не можешь ли ты ихъ мнѣ, голубчикъ, Евгеній Андреичъ, розыскать и достать хоть изъ-подъ земли? На дѣло великаго барыша нужно. Повторию: великаго и небывалаго барыша! Пахнетъ чуть не миллиономъ... Изобрѣтеніе такое вышло.

Музыкантовъ говорилъ это такъ убѣдительно и столько вѣроятія и замащивости было въ его словахъ о небывалой новой аферѣ, что Разноцвѣтовъ, глядя на его сверкающіе глаза и снова повеселѣвшій, осанистый видъ, возблаготворилъ, всему повѣрилъ и готовъ былъ легкимъ зефиромъ летѣть за тридевять земель, лишь бы достать ему опять и кредитъ, и деньги.

— Достанешь мнѣ двѣ тысячи цѣлковыхъ, не далѣе какъ черезъ полгода послѣ того я тебѣ за трудъ дамъ—сколько?—Ну, какъ ты думаешь?

У Ени слюнки собирались потечь.

— Не знаю.

— Десять тысячъ дамъ тебѣ за трудъ...

Еня такъ и подпрыгнулъ; но вдругъ снова затуманился.

— Что же ты?

— Не достанемъ мы болѣе денегъ съ вами, Ардальонъ Аркадьичъ, ей-Богу, не достанемъ; я и забылъ, нечего и языки чесать...

Музыкантовъ готовъ былъ проглотить его, но удержался, лѣниво позвонилъ, велѣлъ человѣку принести сельтерской воды и, притворно зѣвая и потягиваясь на диванѣ, сказалъ: — Эку новость выложилъ! Самъ знаю, что трудно. Да ты постарайся и найди, вотъ въ чемъ дѣло.

— Ну, гдѣ же я достану? Ваши векселя, Ардальонъ Аркадьичъ... вы знаете? ходятъ уже меньше четвертака за

рубль. Вы помните, когда я возилъ къ портовымъ купцамъ вапъ вексель въ тысячу рублей, такъ его и за сто цѣлковыхъ никто не взялъ-съ.

Музыкантовъ опять звнуль и, показывая равнодушный видъ, перемѣнилъ разговоръ. Лежа на канане, онъ ни съ того, ни съ сего сталъ рассказывать соблазнительные анекдоты, строить планы городскихъ волокитствъ, не щадя и себя, и подъ конецъ раземѣнилъ Разноцѣтова.

— Счастливый вы человекъ, Ардалионъ Аркадычъ!

— Да что же и упывать! Не ты достанешь, другой постарается достать...

— Одно средство,—проговорилъ вдругъ Еня: — ограбить этого гордеца и фанфароннику, Чулкова.— Все равно: никому неизвѣстно, какъ онъ богатѣетъ; а кстати же у меня съ нимъ и съ этимъ прихвостнемъ Гуслевымъ еще и счета есть, вотъ и поквитаемся.

— Ну, полно врать ченуху. Лучше иди себѣ и на досугъ другое что придумавай.

Музыкантовъ закрылъ глаза.

«А право,—продолжалъ про себя Еня,—найти бы только такихъ людей, выслѣдить, когда онъ получитъ деньги, тамъ за лень или пиеницу, наѣхать къ нему, положимъ, будто въ гости, заночевать этакъ въ кабинетъ, цапнуть деньги, выдать въ окно товарищу, да и заснуть опять спокойно, а утромъ самому поднять тревогу, что взломанъ замокъ... и баста! Кто догадается? Вотъ бы съ охотой проучилъ молодца! Варваръ, скряга! Недаромъ онъ сошелся съ моею странницей! Книжки, видите ли, ей читаетъ, учить и ее копить деньги! Изверги! Жить не умѣютъ».

— Кого это ты такъ костилъ?—спросилъ впрямую Музыкантовъ:—съ Чулковымъ, можетъ-быть, я еще и сойдуся. Онъ мнѣ нравится, такой сдержанный кронотунъ: на черномъ хлѣбѣ, говорятъ, сидитъ, на войлокѣ спать! не то что мы. А деньги найдешь, коли захочешь мнѣ угодить,—заклучилъ Музыкантовъ,—надо каждому на свѣтѣ помнить пословицу: «волка ноги кормятъ». Вотъ и все. Теперь же, извини, оставь меня. Спать хочу.

«То-то, и у тебя, видно, волчьи ноги!»—думалъ Еня, идя къ Вавѣ, и хотя не вполне былъ посвященъ въ тайны патрона, тѣмъ не менѣе зналъ уже за нимъ не одинъ его экспериментъ на широкой ладъ, въ родѣ того, какой тотъ

произвелъ съ двухлѣтнимъ доходомъ Чемодаровой, о чемъ самъ Еня еще недавно первый же усердно трубиль, уговоривъ и Фильку донести о томъ Чемодаровой.

«Волка ноги кормятъ!» — думалъ онъ подчасъ съ той поры, поглядывая на окна губернской конторы государственнаго банка, въ тихую полночь идя мимо нея съ какого-нибудь городского бала, и удивляясь, какъ могутъ чиновники этого учрежденія, храня тамъ вороха денегъ, утерпѣть, чтобы не поживиться ими и не уйти за границу, при такомъ легкомъ способѣ побѣга, какой представляли тѣ мѣста.

Какъ-то въ Безлюдовку привезли съ ближайшей почтовой станціи свѣжіе журналы и газеты. Въ одномъ изъ номеровъ мѣстной губернской газеты Гуслевъ за утреннимъ чаемъ прочелъ Чулкову слѣдующее происшествіе, описанное тамошнимъ присяжнымъ фельетонистомъ.

«Новый небывалый грѣбѣжъ. Почтенные наши читатели предупреждаются, что шайка неизвѣстныхъ негодиевъ надняхъ убила у насъ въ губернскомъ городѣ богатаго старичка—военнаго доктора. Убійцы выбрали заутреню нашего соборнаго праздника, когда старикъ отпустилъ слугъ въ церковь и одинъ остался въ верхнемъ этажѣ своей квартиры. Негодiani прплерли снаружи двери на лѣстницу, а сами влѣзли въ окна. Возвратившись изъ церкви, слуги наши старика въ крови, на порогѣ залы, съ проломленною головой, убитаго наповаль; сундуки были взломаны, а бумаги и цѣнныя вещи разбросаны. Покойникъ, какъ видно, не успѣлъ или не сумѣлъ принять нужныхъ мѣръ предосторожности и защиты. Пистолетъ его найденъ въ карманѣ его пальто, въ передней; ставни же хотя и были заперты, но безъ желѣзныхъ болтовъ, и во всемъ домѣ и на дворѣ безпечный старикъ не держалъ ни одной собаки. Не ручаемся за слухъ, но говоръ ходитъ въ народѣ, будто бы въ нашемъ городѣ, на другой же день послѣ убійства, эти смѣльчаки явились на ярмарочную площадь, сняли тамъ на барыни качели и стали качать народъ, чтобы лучше знать по слухамъ, гдѣ ихъ ищутъ. Полиція послала гонцовъ по всѣмъ дорогамъ. Посланные, къ сожалѣнію, возвратились пока ни съ чѣмъ; но для успокоенія читателей смѣемъ за вѣрить, что для поимки ихъ приняты самыя строгія мѣры»

и пр., и пр. «Есть подозрѣніе, — говорилось далѣе, — что этими же злодѣями совершено еще слѣдующее преступленіе, о коемъ нашу редакцію извѣщаетъ мѣстный исправникъ, г. Капканчиковъ. Въ ночь съ прошлой среды, близъ села Чердоклеевки, на чумацкой транспортной дорогѣ, черезъ Опалиху, два неизвѣстные человека попросились ночевать въ шинокъ, стоящій въ стени, назвавшись покупателями хлѣба; поужинали и стали шентаться...»

— Исполить Папкратычъ! Чердоклеевка всего чуть ли не въ тридцати верстахъ отъ насъ? Вы тамъ не были?

— Былъ-съ.

— Ну, грабители, значить, уже переваливаются и въ нашу палестину!

«Шинкаръ какъ бы угадать по ихъ лицамъ что-то недоброе и, подъ предлогомъ взглянуть на тельную корову, вышелъ во дворъ. Одинъ изъ посѣтителей, минутою перегоды и переглянувшись съ товарищемъ, вышелъ за нимъ и скоро возвратился совершенно спокойный и, безъ дальнихъ словъ, потребовалъ у шинкарки денегъ. Затѣмъ послѣдовала вопіющая сцена самаго ужаснаго насилія: жену шинкаря, по дававшую грабителямъ денегъ, злодѣи убили, раздробили ей голову топоромъ и вмѣстѣ съ нею, тѣмъ же взмахомъ, убили на рукахъ ея грудное дитя; старшій сынъ шинкарки, бѣгавшій обыкновенно у отца на посылахъ, проснулся въ это время, увидѣлъ кровь на рубахѣ и на лицѣ матери, и съ перенуга сталъ кричать. Его одинъ изъ злодѣевъ ткнулъ чѣмъ-то на-отманъ въ животъ: тотъ упалъ и скоро умеръ. Семилѣтняя дѣвочка, дочь шинкарки, еще въ началѣ появленія злодѣевъ забралась въ печь. Пока они грабили шинокъ, на дворѣ, между тѣмъ, стало свѣтать.

«— Что, оставить ее, что ли? — спросилъ убійца помоложе.

«— Добивай и ее: неравно вырастетъ, щенокъ, еще выдастъ, какъ узнать!»

«— Жалко, дядя, не могу!

«Тогда старшій со свѣчкой подошелъ къ печкѣ, гдѣ дѣвочка дрожала и плакала, и сказалъ: «вотъ тебѣ, дѣвка, монисто!» и когда та глянула на поднесенную свѣчу, онъ выстрѣлилъ въ нее изъ большого солдатскаго пистолета, и та скатилась за откосъ дымопровода. Выстрѣлъ, однакоже, какимъ-то чудомъ ее не тронулъ. Дѣвочка, слегка опален-

ная порохомя, по уходѣ злодѣевъ очулась, прибѣжала въ сосѣднее село, дала тамъ обо всемъ знать и теперь находится у слѣдователя. Отца дѣвочки нашли въ ста шагахъ за шинкомъ, у оврага, убитого выстрѣломъ въ спину изъ того же, вѣроятно, пистолета. Выстрѣла въ шинкъ, однакоже, не было слышно за вѣтромъ. Читатели видятъ, что въ нашемъ уѣздѣ разбойники явились вооруженные. По солдатскому пистолету полагаютъ, что они—дезертиры. А посему...» и пр. и пр.

— Что, дружище, Иннолѣтъ Панкратычъ, добираются негодяи и до нашихъ мѣстъ? Слышали? Все упоминаются уже наши окрестности. А?

— Нечего дѣлать, на то воля судьбы! Но нещера наша приметъ незваныхъ гостей готовая. И не даромъ наставлялъ, чтобъ обнести дворъ оградой, ставить ночныхъ сторожей, обзавестись доброю цѣнною собакой.

— Такъ, значить, если на насъ учинять набѣгъ и нападеніе,—спросилъ Чулковъ:—вы будете готовы?

— Мы, какъ нашъ американскій предшественникъ, поднимемъ за собою лѣстницу, ружья нацѣлимъ въ окна, какъ пушки, и тогда — милости просимъ къ намъ всякаго, кто пожелаетъ! Я отвѣчаю за безопасность нашего угла и, надѣюсь, все будетъ хорошо. Но скажу вамъ еще болѣе: я сомнѣваюсь сильно, чтобы кто-нибудь осмѣлился нарушить нашъ покой! А иначе, увидите: по-добру, по-здорову не уйдетъ!

— Вашими бы устами медъ пить!

Черезъ недѣлю невдалекѣ отъ Безлюдовки произошло новое событіе. Была темная осенняя ночь. Время близилось къ разсвѣту. Изъ терновника надъ оврагомъ выльзъ человекъ и сѣлъ на травѣ.—«Эхъ, ѣсть хочется!—сказалъ онъ самъ себѣ:—хоть бы кусокъ хлѣба, хоть бы корень какой вырыть, али луковичку». Онъ судорожно тронулъ кругомъ себя по травѣ, посидѣлъ еще, досталъ трубку, набилъ ее, выкурилъ съ разстановкой и опять набилъ. Между тѣмъ, стало разсвѣтать. Этотъ человекъ приподнялся, взомель на пригорокъ, долго смотрѣлъ кругомъ себя, точно узнавая видѣнную когда-то мѣстность, пошелъ къ западу, потомъ къ сѣверу, свернулъ опять назадъ и вскорѣ выбился на проселочную дорогу. Тутъ онъ опять остановился, началъ соображать, что это за дорога, про-

шелъ по ней часть, другой, и снова съѣлъ. Сентябрьское солнце еще сильно припекало. Голодь сталъ мучить его нестерпимо. Трубка курилась за трубкой; наконецъ, не стало и табаку. Вдругъ онъ вскочилъ. За спиной его не-вдалекѣ раздался мягкій стукъ тихой рысцой бѣжавшаго фургона. Ближе и ближе. Скоро сквозь облачко пыли показалась пара сытыхъ лошадокъ, которыми руки возницы правили изъ глубины фургона. Пѣшеходъ спряталъ трубку, нерѣшительно, было остановился; но потомъ бросился въ сторону отъ дороги и упалъ въ траву, охал и катался по ней, точно захваченный припадкомъ болѣзни. Крики бѣдняка разносились по стени далеко. Фургонъ поровнялся съ нимъ и остановился. Курчавая, толстогубая и курносая голова рыжаго купчика выглянула изъ-подъ клесчатой будки.

— Почтенный, а почтенный! Эй, слушай! Что-те приключилось? Подъ сюда!—сказалъ возница, сдерживая коней.

— Ой, ой, ой, ой!—заливался бѣднякъ:—не приведется и умереть-то по-христіански. Ой, ой! батюшки-святые! Кто въ Бога вѣруеть, ратуйте!

— Да что съ тобой, дуи-те горой! Говори ты мнѣ: али тебя убило, али те зарѣзало, али лѣшій-те задралъ?..

— Ой, ой, ой, ой!—заливался упавшій, громко голоса и катался по травѣ.

Возница плюнулъ, почесался, всталъ, замоталъ вожжи на сидѣньѣ, взялъ кнутикъ и подонелъ, покачиваясь, къ незнакомцу. Тотъ пересталъ двигаться, точно смерть встрѣчалъ. Возница ткнулъ его ногой.

— Эй, почтенный! Да говори же, что у тебя.

— Дай умереть по-Божьему, довези ты меня хоть до церкви, али до пона; смерть моя пришла, заболѣлъ дорогой.

Возница постоялъ, подумалъ и сказалъ:

— Вставай, коли дойдешь, садись, коли дойдешь, — подвезу.

Возница былъ пріятель Чулкова, лабазникъ Иванъ Ивановичъ. Больной приподнялся, кое-какъ дошелъ до фургона, упалъ въ него и опять завертѣлся, охая и крича подъ мягкій стукъ загремѣвшихъ колесъ. Иванъ Ивановичъ пересѣлъ на козлы и не безъ волненія сталъ постегивать лошадокъ, высматривая, не мелькнетъ ли гдѣ впереди шинокъ или какое-нибудь село, гдѣ бы сдать умираю-

наго, такъ какъ онъ былъ еще верстахъ въ десяти отъ Опалихи. Прошло съ полчаса.

— Дядюшка, а дядюшка! — заговорилъ умирающій: — погоди маленько!

— Что тебѣ?

— Шанка ушла съ головы; може живъ останусь, по-благодарю тебя... подними, сдѣлай милость!

— Да гдѣ же она ушла съ тебя, песь-те драгы!

— Шаговъ сорокъ, али полсотни будетъ.

Лабазникъ остановилъ лошадей и пошелъ за шанкой. раздумывая: «ини ты, людское нутро; тутъ его смерть па-настъ, въ землю тишетъ къ червямъ, а онъ о шанкѣ по-минаетъ... Сказано: человекъ!» Оглянуся, а большой пер-етвъ на козлы, стоимъ вытянулся, взмахнулъ вожжами, да и давай стегать лошадей. Тѣ подняли хвосты и какъ угорьками полетѣли.

— Эй, эй! — закричалъ оналѣвший бородачъ, кидаясь за нимъ.

Но больного и слѣдъ простылъ... «Господи Спасе, помилуй насъ!» подумалъ Иванъ Ивановичъ, запыхавшійся и весь въ поту останавливаясь въ пустой стени: «ужъ не одинъ ли это изъ острожниковъ, что убѣжали недавно? Ужъ не Молодичка ли это? Что-то очень казистое дѣло со мною выкинуто! Другой бы не смекнулъ! Хоть бы человекъ какой наѣхалъ на помощъ!» Не успѣлъ онъ этого подумать, какъ съ боку, съ другого проселка, дѣйствительно показались, верхомъ на тоней, запыленной и усталой кобылѣ, пробѣжжій музичокъ, старенькій, хиленькій и чуть сидѣвшій на лошади.

— Чего ты, землячокъ, убиваешься? — спросилъ его верховой.

Иванъ Ивановичъ, охалъ и ахалъ, рассказать ему штуку, сыгранную съ нимъ за полчаса назадъ. Мутные старенькіе глаза пробѣжжяго какъ-то странно при этомъ дрогнули. онъ отвернулся и, казалось, задумавшись, сталъ смотрѣть въ сторону.

— И какъ мнѣ не убиваться, какъ не горевать! — шѣлъ ему на всѣ лады лабазникъ: — запродать это я пѣмцамъ въ гавани гуртъ коровокъ одного тутъ барина, Чулкова, задатокъ взялъ, да и сѣбѣну домой въ городъ, давно тамъ ждутъ меня. А тутъ такое горе. Ну, когда я теперь поспѣю?

— Такъ задатокъ-то онъ тебѣ оставилъ?

— Оставилъ.

— Давай же сюда, дядя, и задатокъ,—сказать проѣзжіи, мигомъ прыгнувъ съ кобылки, и вынимая изъ сапога здоровенный ножъ, который, со страха, показался лабазнику въ аршинъ. — То съ тобой поздоровался мой сватъ Молодичка, а я—Отченантъ, коли слышать.

Иванъ Ивановичъ такъ и присѣлъ къ травѣ. Не помнилъ онъ, какъ старый грабитель вынулъ у него изъ-за пазухи деньги Чулкова, какъ уѣхалъ на кобылкѣ прочь и какъ онъ самъ, иѣшій, попалъ въ тотъ же вечеръ въ Безлюдку, и все рассказалъ Чулкову и Гуслеву.

— Въ десяти верстахъ отъ насъ! — воскликнулъ Гуслевъ:—это уже неладно, хоть послѣ такого грабежа трудно предполагать, чтобы негодяи надолго остались здѣсь. Они, вѣроятно, теперь передвинутся къ морю...

Горю лабазника не было конца. Черезъ сутки его фурговъ нашли въ яру, близъ Таганчи; но задатокъ Чулкова пропалъ; и Иванъ Ивановичъ голосилъ и надеялся въ вопляхъ, какъ неугомонная крестьянская молодница-вдова на могилѣ скоропостижно-умершаго, надвигая еще на все село молодца и козыря, ея мужа.

VII.

Лѣстница поднята.

Концы осени и наступившая зима прошли вполне спокойно для Безлюдки. Грабители большихъ дорогъ, какъ и мелкіе ночные воры, не потревожили пріятелей ниѣмъ. Сосѣди-помѣщики тоже ихъ не посѣщали. Музыкантовъ, увидѣвшійся-было вкрутъ Чулкова, съ цѣлью занять у него денегъ, хоть и не бросалъ этой мысли, но, видно, къ сроку добыть нужную сумму какимъ-нибудь другимъ путемъ, или, что вѣроятнѣе, получа на складчину для машинъ панъ Чабаненка, Зинзвиньскаго, Скардачевскаго и Халатова, своего пая, какъ распорядитель, до времени нанесть возможнымъ не вносить. Въ концѣ Великаго поста въ Ульяновкѣ рѣзба на камняхъ знаковъ для печатанія фальшивыхъ ассигнацій была окончена. Компанияны съѣхались туда подъ разными предлогами: иной будто мимоѣдомъ, другой, чтобы предложить свой хлѣбъ для сынки, — и провели въ домѣ

цѣлыя сутки. Печатники Дроздовъ и рѣзчикъ Линне исполняли, для вида, роли слугъ. Зиньзиньскій игралъ роль повѣреннаго Музыкантова. Кучера во дворѣ видѣли нарочно разбѣшанную, будто выдѣланную здѣсь воловью кожу, и даже, осмотрѣвъ ее, замѣтили: «инь, совѣмъ иначе сдѣлана! Мягкая, крѣпкая; изъ этой прямо сапоги проносятся цѣлый годъ!» Скардачевскій, недурно рисовавшій, въ присутствіи остальныхъ компаньоновъ составилъ краски, сдѣлалъ пробу и собственноручно отпечаталъ первый пятидесятирублевый билетъ. Компаньоны на радостяхъ достали изъ экипажей закуску, вина, карты; пробки хлопнули, и вся ночь прошла въ игрѣ, въ попойкѣ и въ планахъ относительно дальнѣйшаго хода дѣла. Халатовъ вызвался подыскать партію надежныхъ мѣновщиковъ и однихъ предполагать отправить на Кавказъ, другихъ на Волгу, а третьихъ даже въ Сибирь. Черезъ мѣсяцъ было рѣшено кончить печатаніе перваго выпуска, обревизовать его и раздѣлить. Музыкантовъ затруднялся внести послѣдній двѣ тысячи своего наиза машины, и сталъ опять налегать на Разноцвѣтова и на другихъ своихъ клеветовъ.

«Развѣ банкира Павлокинина обокрасть?—думать Еня, сиди у перваго городского парикмахера, завивался и собирался къ тому самому банкиру Павлокинцу на батъ съ аллегри, въ пользу бѣдныхъ.—Нѣтъ! это будетъ слишкомъ рискованное дѣло! У него замки, вѣроятно, съ музыкой, а не то и съ адской машиной.»

Между тѣмъ, въ Безлюдовкѣ была полнѣйшая тишина. Одинъ Гуслевъ не дремалъ. Толки о разбояхъ въ окрестностяхъ особенно сильно его тревожили. Послѣ случая съ Иванъ Ивановичемъ, онъ не иначе выходилъ и ѣздилъ въ поле, какъ съ ружьемъ.

— Это я беру для охоты, — говорилъ онъ: — можетъ встрѣчу зайца или дрофа.

Впрочемъ, съ оружіемъ стали тогда ѣздить по дорогамъ въ томъ околѣтѣ, и другіе жители.

Гуслевъ каждый день придумывалъ новыя мѣры. Кормъ дворовымъ и чабанскимъ собакамъ сталъ отпускаться изъ удвоенномъ количествѣ, чтобы кудлатая стая не разбѣгалась за поисками ѣды, стерегла овчарки и хозяйскій дворъ. На токъ, расположенный на взгорьѣ, въ верстѣ отъ усадьбы, на почтѣ наряджались, по жребію, сторожа изъ рабочихъ.

У дворовыхъ воротъ построили, на случай мятежей и непогоды, домикъ для особой, весьма злой и неутомимой цѣпной собаки Сѣрка. На крыльцѣ дома велѣно ложиться спать очереднымъ караульнымъ изъ рабочихъ. Сами друзья условились спать порознь: Чулковъ въ кабинетѣ, гдѣ были его рабочій столъ и привычная къ полу нестерпимая желѣзная касса, для документовъ и наличныхъ денегъ, а Гусевъ въ угольной, прежней спальни Чулкова, отдѣленной отъ кабинета пріемною залой.

Одно неожиданное удивило друзей. Ключница Дуня, видно, окончательно убѣдилась въ привязанности Чулкова къ Чемодаровой. Въ одно утро батракъ, бывший за кучера и дворника, явился къ Чулкову и сообщилъ, что Авдотья Алексѣвна исчезла со двора неизвѣстно куда.

— Что дѣлать! Ушла, такъ и ушла! — отвѣтилъ будто спокойно, но невольно покраснѣвъ, Чулковъ, сиди надъ счетами.

Но Гусевъ, невольно полюбившій эту добрую, красивую и безропотную бабенку, громко вздохнулъ и, не безъ укора другу, сказалъ:

— Жаль... такое... хорошее варенье варила. И куда бы она могла уйти? Развѣ кто сманилъ?

Батракъ переступилъ изъ кабинета черезъ порогъ и опять воротился.

— Глазка тоже съ нею, видно, убѣжала! и ее пѣту!

Гусевъ сталъ краснѣе рака. Чулковъ, въ своей чередѣ, съ улыбкой взглянулъ на него.

Александръ Пиличъ, съ концомъ зимы, едва дороги пообсохли, снова участилъ поѣздки въ Таганчу. Зимой Чемодарова отчего-то похудѣла, но стала еще интереснѣе. Чулковъ скрывался отъ Гусева, но въ души съ ума сходилъ по Варварѣ Аркадьевнѣ.

— Эй, берегитесь вы ѣздить такъ-то, зря, по степи! Да еще по ночамъ! — говорилъ ему Гусевъ: — неравно наткнетесь на какого-нибудь головорѣза, что тогда?

Чулковъ хотя и сталъ осторожнѣе, но ночныхъ поѣздокъ не прекратилъ. Засидѣвшись иной разъ въ Таганчѣ далеко за полночь, онъ возвращался на утренней зарѣ и не могъ налюбоваться, какъ строго соблюдались теперь въ его усадьбѣ, введенныя Гусевымъ мѣры караула и защиты. Сторожеи онъ заставлялъ на должныхъ мѣстахъ, ворота были

на цѣни и на замкѣ, а овчарскія и дворовыя собаки, съ его прїѣздомъ, заливались такимъ ласкомъ, какъ бы преслѣдовали въ болотахъ, осенью, стаю волковъ.

Варвара Аркадьевна Чемодарова, несмотря на видимую сдержанность, была, между тѣмъ, характера пылкаго и страстнаго. Неопредѣленность положенія сильно смущала ея сердечные помыслы и надежды. Кѣй и за границей правился не одинъ мужчина, но она, подъ неотступнымъ влиянїемъ богомольной тѣтушки, привыкла считать любовь навсегда запретнымъ и недоступнымъ для себя плодомъ. Нежданное признаніе Чулкова въ прошлую осень сильно ее взволновало. По наружности, встрѣчаясь съ нимъ, она осталась тою же холодною и безстрастною, но внутри ея все мгновенно перевернулось. Въ длинныя ночи наступившей затѣмъ зимы, она, теряя сонъ, металась въ постели, вставала, склонялась на коверъ и по цѣлымъ часамъ молилась и плакала.

«Хоть бы ужъ умерла тѣтушка! — разъ подумала она: — а то изъ-за нея я, кажется, съ ума сойду».

Весна встрѣтила ее блѣдною и похудѣвшею, хотя, по-прежнему, замкнутою и сдержанною.

— Дурно я чувствую себя, Степа! — говорила она иной разъ горничной: — это цвѣтеніе деревьевъ, крики птицъ, шумъ половодья и всѣ эти веселіе почныя шорохи и шопоты въ саду и кругомъ, дѣйствуютъ на меня. Вотъ и теперь: звонъ въ головѣ, сердце прыгаетъ, замираетъ; а засну, вдругъ точно кто къ уху склоняется и шепчетъ сладкія рѣчи...

— Замужъ пора вамъ опять, сударыня, вотъ что!

— Полно говорить вздоры! Ты знаешь, я дала обѣтъ.

— Нѣтъ, пора вамъ, барыня, замужъ. Шутка ли, семь годовъ! Ужъ либо вашъ бы покойникъ-то проявился, да какъ соколъ слетѣлъ бы сюда съ небеси, али бы кто другой прямо бы васъ, что ли, укралъ, умчалъ бы отсюда, да и вся недолга.

— Что ты, Степа! полно! — смѣясь и зажимая ей ротъ, возражала Чемодарова.

— А право бы... мало ли ихъ кенкидатовъ-то, сынки только зернами, какъ воронье налетитъ.

— Кто же бы по-твоему?

— Ужъ разумѣется, кому, какъ не антиресному кав-

лору господину Чулкову: прелесть мужнина! Полный, глаза сахарные, а борода такая шелковая, мягкая, что такъ бы, кажись, и потрепала!

— Иѣтъ, Стеша, онъ разъ намекнулъ мнѣ, я ему отказала наотрѣвъ, онъ съ тѣхъ поръ и замолчалъ, забылъ, видно, и думать. Робокъ онъ какъ-то, уступчивъ, тихъ очень, кажется... хорошо ли это? Я люблю бурныхъ, страстныхъ!

Чемодарова сама на это засмѣялась.

— У, мужнины! — заиниѣла не разъ обманутая суровымъ поломъ Стеша: — всѣ изверги, всѣ хитрецы! Съ виду — тихоня, а дай ему потяжку, сразу и погубилъ. Что вы! да тихихъ-то намъ и надо: легче ими властвовать и не погубить...

— Эгожь-то, точно, что не погубилъ бы, Стеша, я убѣждена...

— Вотъ бы узнъ ни на какую тетку не посмотрѣла и не отказала бы такому красавцу-мужнинѣ! — наставительно замѣчала Стеша.

Когда случалось долго не видать Чулкова, Варвара Аркадьевна невольно брала подзорную трубу, садилась съ нею къ окну спальни, бывшей во второмъ этажѣ, растворяла его, пользуясь первымъ тепломъ весны, и жадно вглядывалась въ очертанія окрестныхъ степенъ и рѣки.

И Боже мой, сколько вѣчныхъ прелестей и сколько жизни было въ этихъ картинахъ! И какъ ей было устоять, не возноваться и не томиться самой! Все кругомъ иѣжилось и трепетало въ тихихъ восторгахъ; все какъ бы таяло въ любовныхъ дуновеніяхъ весны. Солнце садилось за синими разнцами половодья. Надъ рѣкою, въ камышахъ и въ плавняхъ, стоишь и рокошь стоишь отъ несмолкаемыхъ птичьихъ криковъ. Дерзкіе и громкіе зазывные крики зеленогрудыхъ, жирныхъ селезней мѣшались со стонами и иѣжными аханьями сѣрыхъ худенькихъ самокъ. Коноплянка, прыгая по иѣтвямъ камыша, безпокойно металась и звала коноплянку. Неуклюжая рыжая птица бугай кружилась и плавала въ воздухѣ, съ трепетными стонами любви отыскивая свою пару. Стая журавлей, не по-обычному, тихо куриная и щеголевато двигая звонкими, широкими крыльями, быстро и низко неслась въ вечернющемъ, чуткомъ воздухѣ, торопливо перегоняя другъ-другу, вслѣдъ за притомляющею и

покорно смолкншею передъ ихъ гошью журавлихой. Тысячи соловьевъ, дроздовъ и горленокъ до того дружно и громко щебетали и гремѣли въ каждой рошницѣ, на каждомъ рѣчномъ островкѣ, вдоль каждой песчаной косы и въ каждой гушницѣ еще убиравшихся листьями кустовъ, что окрестный долъ, казалось, ходенемъ ходилъ кругомъ и уплывать вмѣстѣ съ половодьемъ. Чемодарова выходила въ садъ, шла берегомъ мутной вздувшейся рѣки. На ея глазахъ, у каменистыхъ спусковъ, въ желтопесчанистыхъ струяхъ бѣшено играли и плескались карпы, щуки, сазаны и востроносыя стерляди, всплывая и показывая наверхъ то сизыя, то молочныя, то золотистыя спины. Сгустились сумерки. Окрестность смолкла опять отзывается. Какъ безумныя, въ каждой лушницѣ и вдоль береговъ рѣки начинаютъ перекликаться миллионы разноголосыхъ лягушекъ. Въ ихъ крикахъ снова слышится та же вѣчная и немолчная пѣсня любви.

Въ одинъ изъ вечеровъ, уставъ ли отъ обычныхъ заботъ, или также подъ вліяніемъ картинъ ожившей стеной природы, Чулковъ, который долго читалъ, вдругъ погасилъ лампу, самъ осѣдлалъ буланку и, взявъ послѣднія газеты и не сказавшись Гуслеву, укатилъ въ Таганчу верхомъ. Не въѣзжая во дворъ, онъ привязалъ кони къ левадѣ парка за садомъ и, самъ не зная почему, пошелъ къ дому Чемодаровой не кругомъ, а садовою тропинкой. Заря догорѣла, надъ кущами сада всходитъ мѣсяцъ. Чулковъ въ перекресткѣ одной тропинки остановился. Внотьмахъ ему померещились чьи-то шаги. И дѣйствительно, что-то тихое, какъ тѣнь, не то въ воздухѣ, не то по землѣ, скользнуло мимо него по аллеѣ, будто пролетѣла стайка птицъ, или раздался шорохъ женскаго платья, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него и въ направленіи къ полянкѣ, гдѣ, заслоненная со всѣхъ сторонъ еще безлиственными старыми ликами, стояла рѣзная бесѣдка. Чулковъ пошелъ влѣдъ за шорохомъ. Пройди нѣсколько шаговъ, онъ остановился близъ бесѣдки и простоялъ тамъ долго. Мѣсяцъ взошелъ окончательно. Разсѣлдось облачко, его покрывавшее. Чулковъ взглянулъ и замеръ. Въ десяти шагахъ отъ него, по той боцъ бесѣдки, стояла и также будто къ чему-нибудь прислушивалась, или молилась, вся освѣщенная мѣсяцемъ, Варвара Аркадьевна Чемодарова. Къ чему она прислушивалась и о чемъ молилась? Молилась ли о мужѣ, семь лѣтъ назадъ

безвѣстно погибнемъ въ отдаленныхъ моряхъ? О своей ли глухо и праздно отцвѣтающей молодости? О тайнахъ ли иной и для другого припасенной любви? Просила ли она радостей, звала ли помощь небесъ противъ жгучаго, тяжелаго горя?

Многое передумать въ это мгновеніе, гляди на нее изъ засады, Чулковъ.

Невольно вспомнились ему при этомъ собственные его горести и отчаяніе, недавній лишенія и проклятія, безвременная гибель товарищей, измѣна сильныхъ, предательство слабыхъ, разочарованіе въ службѣ, въ собственныхъ силахъ и мечтахъ и цѣлый рядъ страданій молодыхъ годовъ. Кровь прилила къ его сердцу. Руки дрожали. Онъ едва переводилъ дыханіе. «Уйду!—думалъ онъ,—и чего я сюда и въ такую минуту забрался? Чуть не полночь! Явился черезъ садъ! Что подумать, что скажетъ она обо мнѣ?» И онъ хотѣлъ уйти, хотѣлъ скорѣе и незамѣтно снова уѣхать домой. Но вѣтка хрустнула подъ его ногой. Варвара Арсатьевна подняла голову, быстро обернулась и пристально взглянула въ темноту кустовъ.

— Кто тамъ?—спросила она, какъ бы сама удивляясь и своему голосу здѣсь, въ этой ночной тишинѣ, и тому, что ей въ кустахъ и въ такую минуту слышался шорохъ. Она, конечно, не ожидала ни съ кѣмъ встрѣчи въ саду и вышла подышать чистымъ воздухомъ, соскучась толками съ теткой объ одномъ и томъ же.

Чулковъ молчалъ.

— Да кто же тамъ?—повторила она опять и гордо выпрямилась, не переставая дрожать...

Чулковъ подумать, рѣшился и вышелъ; и какъ ни странно казалось ему самому въ это время его поведеніе, молча подошелъ къ Чемодаровой, молча взялъ ее за руку и тихо спросилъ:

— Вы меня не ожидали? Не правда ли?

Чемодарова выдернула у него руку и отскочила.

— Это вы! Какими судьбами?

— Я.

— Но въ такой часъ, ночью? Какъ вы нашли меня здѣсь? какъ рѣшились?

Она оглянулась и оправилась на себѣ шаль.

— Умолю васъ, сядьте и выслушайте меня.

Чемодарова подумала, еще отступила и быстро, и резко отвѣтила:

— Александръ Ильичъ, мы уже объяснились съ вами. Вы знаете мое рѣшеніе и мою клятву.

Она хотѣла идти и остановилась.

Въ это время, чуть не надъ самой ихъ головой, звякнулъ соловей. На зовъ его откликнулся другой.

— Вы все ждете вашего мужа? — спросилъ Чулковъ.

— А хоть бы и ждала?

Чулковъ подошелъ къ ней, точно хотѣлъ ей тихо что-либо сказать, вѣжно обнялъ ее, прижалъ къ себѣ и горячо поцѣловать ее пылавшую щеку.

— Что это значитъ? — вскричала она: — какъ вы осмѣлились! И отъ васъ этого не ожидала!

Одна рука, впрочемъ, осталась въ дрожащей рукѣ Чулкова.

— Не отвергайте меня! — зашепталъ онъ, какъ безумный: — я не искалъ васъ здѣсь, не подкарауливать и встрѣтить случайно! И васъ люблю, вы должны быть моею! И васъ никому не отдамъ, и если бъ я узналъ, что у меня есть соперникъ, я убилъ бы его безъ размысленія! стойте! еще скажу вамъ два слова... еще...

Варвара Аркадьевна не уходила. Садъ оглашался соловьями...

Сумерки уже рѣдѣли. Мѣсяцъ померкъ въ предразсвѣтныхъ лучахъ зари. Гѣлка снова огласилась. Опять пронесли порошъ и рокотъ по саду. Закачались верхушки деревьевъ. И никто не видѣлъ, какъ еще влажною отъ ночной прохлады дорожкой, до подбородка укутанная въ шаль, спѣшила къ дому Чемодарова, какъ она подошла къ садовому крыльцу, какъ скрылась въ дверь, избралась наверхъ, переступила черезъ спящую у нея комнаты Стену, и какъ Александръ Ильичъ Чулковъ еще постоялъ у старыхъ липъ, въ кустахъ, раздвинувъ росистыя вѣтки и, оглядываясь, пошелъ боковыми тропинками къ парку, а оттуда въ лѣваду, нашелъ тамъ буланку, отвызалъ ее, сѣлъ верхомъ и безъ оглядки поскакать домой.

Прошло три дня. Гусевъ не узнавалъ пріятеля. До того Чулковъ сталъ веселъ и бодръ.

— Вы куда, Александръ Ильичъ? — спросилъ онъ Чул-

кова, когда тотъ, получивъ черезъ недѣлю письмо отъ Чо-кодаровой, собрался въ губернский городъ.

— Надо взять, дружище, изъ банка денегъ; занимаетъ сосѣдка, надо ей помочь! Представьте: Музыкантовъ, года четыре назадъ, на всякій случай, уговорилъ ее дать ему бланковый вексель, а теперь негодий представилъ его ко высканію,—отвѣтилъ Чулковъ.—А кромѣ того, напину въ Питеръ, нѣтъ ли писемъ изъ Америки отъ Сладкогѣвцева.

Ватракъ подаль ему вожжи. Чулковъ сѣлъ и хотѣлъ ѣхать.

— Фузиль прене, фузиль! — посоветовалъ Гуслевъ съ крыльца.

— И такъ провезу, что за пустяки. Я еще заѣду за Иваномъ Ивановичемъ. Ему тоже нужно заѣмъ-то въ городъ, а онъ до сихъ поръ безъ лошадей.

Дѣйствительно, Чулковъ черезъ два дня, при помощи лабочника-пріятеля, благополучно доставилъ свой кровный вкладъ изъ банка домой, спряталъ его въ кассу, день провелъ въ хлопотахъ въ полѣ и, готовясь на утро отвести деньги къ Чокодаровой, сытно поужиналъ съ Гуслевымъ, даже роспилъ съ нимъ бутылку привезеннаго изъ города вина и собрался-было объявить ему одну пріятную новость насчетъ сосѣдки... «Нѣтъ, лучше завтра ему скажу! теперь усталъ, спать хочется», — подумалъ, самъ себѣ улыбаясь, Чулковъ; пожалъ по обычаю руку Гуслеву, и оба пріятели разошлись по своимъ комнатамъ. Увидя, что Гуслевъ еще не потушилъ свѣчи, Чулковъ черезъ нѣсколько минутъ, со счетами въ рукахъ, пришелъ къ нему и сказалъ:

— Вчера я послалъ о себѣ вѣсть Сладкогѣвцеву... Вотъ вамъ, Ипполитъ Панкратычъ, счеты, кладите... первый годъ я заработалъ на свою тысячу еще тысячу; второй годъ заработалъ три; третій—двѣ; четвертый—опять четыре;—сколько?

— Десять тысячъ!

— Вотъ что я отложилъ; на хлѣбопаншество тутъ приходится третья доли; остальное нажито ссылкой хлѣба, пагуломъ скота и овцами.

— И все ей отдадите?—спросилъ Гуслевъ..

— Если пожелаешь, то и все!

Чулковъ опять ушелъ, но долго ему не спалось. Пріятная дрожь охватила его члены. Во дворѣ все смолкло; даже

неугомонная цыганская собака Сѣрко сперва рычала и по обычаю выла, а потомъ затихла. Ночь была тихая, чудная, хотя странно темная. Грезы уносили Чулкова выше и выше. «Помогу ей; она еще болѣе убѣдится, что я — не промалыга какой-нибудь! она уберетъ свой носѣвъ; отдѣлается отъ Музыкантова и выйдетъ за меня... Куда, однакоже, въ самомъ дѣлѣ, пропала Дуня?—вспомнилось Чулкову.— Неужели это я ее выдалъ въ городѣ третьяго дня возлѣ банка, какъ за деньгами ѣздить! Кажется, ее. Ыхала чуть ли не навеселѣ, съ какимъ-то бѣлокуримъ человѣкомъ... И что странно: увидя Ивана Ивановича, ей новый кавалеръ кипулся съ дрожжью въ переулкѣ, точно скрывался отъ него. Кто бы это былъ? Ужъ не новый ли ей другъ, сманившій ее отсюда?» На этомъ Чулковъ задремалъ.

Вдругъ, въ непримѣтной ночной темнотѣ ему послышался какой-то странный шорохъ: не то стукъ наверху на крышѣ, не то чьи-то шаги внизу. Онъ очнулся, прислушался, еще переждалъ и мигомъ, какъ обожженный, вскопчилъ изъ-подъ одеяла и сталъ на кровати. Онъ стоялъ не шелохнувшись, и думалъ: «неужели воры? Неужели нападеніе?» Тишина была такая, что ясно было слышно, какъ въ концѣ комнаты, на столѣ, стукали его карманные часы. Снова и уже явственнѣе послышался надъ домомъ шорохъ. Такъ и есть: подъ чьею-то осторожною и, повидимому, босою ногой гнулась и тихо погромыхивала наверху дома крыша, въ минувшую осень покрытая желѣзомъ. Чулковъ прыгнулъ на полъ, заметался, побѣгалъ безъ толку босикомъ, схватилъ со стѣны и положилъ въ карманъ револьверъ, потомъ взялъ охотничій топорикъ, повозился еще, попробовать дрожжащими руками прикрѣпить топорикъ у поясного ремня брюкъ, раздумалъ, положилъ опять топоръ на столъ, взялъ пистолетъ, нагнувъ на себя пиджакъ, надѣлъ сперва одинъ сапогъ, подошелъ къ столу и нащупалъ свѣчки, затѣмъ надѣлъ другой сапогъ, схватилъ свѣчку и свѣчки въ руки и быстро вышелъ въ залу, еще не зажигая огня. Ступилъ шагъ—полная тишина; ступилъ еще нѣсколько шаговъ, отворилъ въ спальню Гуслева дверь. Гуслевъ, по обычаю, громко и съ наслажденіемъ храпѣлъ, заливался на всѣ лады. Но едва Чулковъ его тронулъ, Инноентъ Панкратычъ вскопчилъ, сперва забормоталъ: «что? гдѣ? какъ? будите людей!» по вскорѣ опомнился, разспросилъ, въ чемъ дѣло, наскоро и

съ дрожью, впотѣмахъ, одѣлся и спялъ со стѣны двухстволку. Пріятели условились, что дѣлать, вышли въ залу, оттуда въ коридоръ и въ стѣны, гдѣ наружная дверь на крыльцо была заперта на толстый желѣзный засовъ. Стоя въ коридорѣ, они опять совершенно явственно слышали тихое выгибаніе и гуканіе желѣзныхъ кровельныхъ листовъ.

— Да то, можетъ-быть, просто конки играютъ и прыгаютъ съ трубы на крышу! — шепнулъ, впрочемъ, и самъ своимъ словамъ не вѣря, Гуслевъ!

— Нѣтъ, не конки! — отвѣтилъ въ раздумьи Чулковъ: — конки можетъ произвести такой звукъ, только прыгнувъ, какъ вы говорите, на желѣзо съ трубы; а эти звуки, слышите? повторяются безъ перерыва, какъ-будто именно по крышѣ кто ходитъ.

Еще помолчали.

— Странно, — прибавилъ Чулковъ: — ни чабанскія собаки, ни нашъ Сѣрко не лаютъ. Не слышно и колотушекъ сторожей на току и у крыльца.

— Да, — отвѣтилъ, переминаясь, Гуслевъ: — что бы это значило?

— Ужъ не задать ли имъ всѣмъ кто-нибудь какого зелья? — вдругъ сказалъ Чулковъ: — людямъ въ ужины, а цѣпной собакѣ въ хлѣбѣ, — чабанскія же собаки далеко отъ насъ и, вѣроятно, ничего не слышатъ...

Чулковъ отворилъ дверь на крыльцо, нацупалъ тамъ постель очередного сторожа, а потомъ отыскать и его самого и сталъ его будить. Но сколько онъ его ни толкалъ, сторожъ не отзывался.

— Ниполить Панкратычъ, бѣда! ему дѣйствительно, кажется, дали соннаго зелья! Посмотрите, точно мертвецъ, и какъ тяжело дышитъ.

— Если ему дано, то и всѣмъ. Надо поскорѣй узнать. Дамъ знать къ тревогѣ.

— Какой?

— Я изъ стѣней, сквозь стѣны, съ четвертаго дня проведу проволоку къ обѣденному звонку. Хотите? сейчасъ позвоню. Увидите, мигомъ подниму на ноги всю дворню, всѣхъ батраковъ.

— Но съ этимъ-то что? я вамъ повторяю.

Гуслевъ нагнулся ближе къ сторожу.

— Пустилки! Это, кажется, Харькò; а у Харькà, я вспомнилъ, лихорадка; вѣрно, постѣ пароксизма...

Пріятели смолкли. На крышѣ въ это время кто-то, вѣроятно, заглянулъ или хотѣлъ просунуться въ слуховое окно, потому что, въ то же мгновеніе, тамъ на чердакѣ поднялась сильная тревога перепуганныхъ голубей: было слышно, какъ крылатые обитатели кровли, спихиваясь въ поныхахъ, шумными стаями вырывались на воздухъ и носились впотѣмахъ кругомъ двора, то вновь слетая на крышу, то уносясь въ высоту.

— Итакъ,— сказалъ Чулковъ, услыша эту тревогу:— дѣло, кажется, окончательно началось... Съ Богомъ! только, къ счастью нашему, мы не зажгли свѣчей, и господа нападающіе, кажется, еще не знаютъ, что мы проснулись. Звоните. Не захватимъ ли ихъ врасплохъ.

Гусевъ отыскалъ проволоку, съ силой дернулъ ее разъ, другой, еще дернулъ и изумился: вѣстовой колокольчикъ не звенѣлъ. Потянуть онъ еще сильнѣе: проволока съ деревяннымъ костьюкомъ втянулась въ сѣни.

Холодный потъ проступилъ на лицѣ Гусева.

— Проволоку перерѣжали!—чуть слышно сказалъ онъ.

— Что за пустилки!— все еще спокойно, хотя и не совсемъ рѣшительно, возразилъ Чулковъ, — можетъ быть, вы ее неосторожно дернули и сами оборвали, а она къ тому же, не мудрено, и того... положимъ, перерѣкали...

Пріятели еще постояли, раздумывая, что же имъ, наконецъ, предпринять.

«Такъ и есть!—поскоро мелькнуло въ мысляхъ Чулкова:— нѣтъ никакого сомнѣнія, меня затѣяли ограбить... И какъ все это подведено! До той норы меня изверги не трогали, пока я не взялъ всѣ свои деньги изъ башковой конторы... Но кто могъ узнать, что я взялъ и привезъ деньги? Развѣ тотъ новый пріятель Души, что сманилъ ее отъ меня и спрятался въ городѣ отъ Ивана Ивановича? Кто онъ и какъ успѣлъ сдѣлать справку въ банкѣ и сюда нагрянуть?»

— Александръ Ильичъ, что это?— вдругъ тихо вскрикнулъ Гусевъ, толкая его.

— Что? гдѣ? гдѣ?

— Развѣ не видите? Смотрите: просто страхъ!

Гусевъ отворилъ оконечко, выходившее изъ сѣней къ сторонѣ овчарныхъ загонów и хлѣбнаго тока.

— Пожаръ за дворомъ! горитъ нашъ токъ... Смотрите, какое зарево!

Чулковъ ухватился за голову. Сердце его перестало биться, точно исчезло, упало куда-нибудь изъ груди. Изъ головы не выходила мысль: «неужели, наконецъ, это Дуня? Неужели она участница? Но кто же этотъ проворный, набѣжавшій сюда; и одинъ ли онъ или ихъ нѣсколько?»

— Не постигаю, не постигаю!—шепталъ Гуслевъ.

— Онъ опробовалъ курки, подулъ въ стволы и съ ружьемъ на перевѣсъ сошелъ съ крыльца.

— Куда вы? постойте! — остановилъ Чулковъ:—можетъ-быть, этотъ пожаръ—штука, одинъ отводъ?

— На токъ, скорѣе на токъ! Кричите людей, зовите и сами ведите ихъ за мной туда; что можно спасти, спасемъ!

— Нѣтъ, нельзя! — возразилъ Чулковъ: — повторяю вамъ это, скорѣе всего, только хитрый отводъ, чтобы страхомъ и видомъ пожара отвлечь со двора и насъ, и всѣхъ людей, а послѣ легче тутъ расправиться съ кѣмъ и съ чѣмъ имъ надо... Бѣгите уже лучше вы одни, а я останусь здѣсь на дворѣ, возлѣ дома; схожу на кухню, въ конюшню, розницу и подниму на ноги людей.

Гуслевъ быстро отворилъ и захлопнулъ опять ворота, вышелъ на выгонъ и склонилъ балки, какъ сказочный великанъ, отражаясь на заревѣ пожара, побѣжалъ къ току, гдѣ пылавшая скирда хлѣба сыпала искры и клубила струи пламени и дыма. Чулковъ взвелъ курокъ штуцера и сталъ въ сѣняхъ, рѣшившись всякому, кто подойдетъ къ нему, размозжить голову. Потомъ осторожно вышелъ на дворъ, посмотрѣлъ на крышу; никого не было замѣтно, и онъ опять сталъ въ сѣняхъ, откуда было видно, какъ Гуслевъ миновать балку, какъ, освѣщенный заревомъ горѣвшей скирды, добѣжалъ до ограды тока, то останавливаясь на выгонѣ, то перепрыгивая черезъ водомойны, и какъ, наконецъ, войдя въ ограду тока, исчезъ въ дыму, побылъ тамъ нѣсколько секундъ и снова высочилъ, отбѣжалъ на навѣтренную сторону и остановился на пригоркѣ. «Неужели,—подумалъ Чулковъ:—и въ самомъ дѣлѣ этотъ пожаръ—только отводъ, и Гуслевъ не нашелъ тамъ никого изъ нашихъ людей?» Въ то же время Чулковъ услышалъ громкій трескъ и звонъ упавшихъ стеколъ на обратной сторонѣ дома, гдѣ былъ кабинетъ, заперъ за собой двери съ крыльца, бросился въ

лакейскую, миновалъ залу — и остолебѣлъ... Въ кабинетѣ слышалась суета, раздавались торопливые шаги, шопотъ нѣсколькихъ голосовъ, а въ скважину притворенныхъ дверей пробивался свѣтъ.

Первымъ движеніемъ Чулкова было также намѣреніе зажечь свѣчу. Но потомъ онъ опять оставилъ эту мысль. «Лучше изъ темноты наведу штуцеръ въ кабинетъ, — подумалъ онъ: — мигомъ отворю туда дверь и картечью повалю кого удастся изъ злодѣевъ, съ остальными же расправлюсь!.. Да! револьверъ я взялъ въ карманъ, по въ поѣздку въ городъ разрядилъ съ Иваномъ Ивановичемъ въ стени на воронѣ! Чтѣ же! Ничего! Заряжу...» Онъ вспомнилъ, что патроны для револьвера лежали въ комнатѣ Гуслева, сходилъ туда и зарядилъ револьверъ. Возня въ кабинетѣ, между тѣмъ, усилилась: трещало дерево, а по желѣзной крышкѣ кассы какъ будто били чѣмъ-то тяжелымъ, не то молотомъ, не то ломомъ. Рука Чулкова дрогнула. Чтѣ, какъ промахнусь? А Гуслева нѣтъ! Какая досада! Вотъ вмѣстѣ бы... Развѣ подождать его?» Но онъ невольно нажалъ ручку замка, и дверь въ кабинетъ быстро растворилась.

Глазамъ Чулкова представились на полу его же амбарный фонарь и простая крестьянская жировая плонка. Четверо незнакомыхъ людей у его кровати топорами ломали желѣзную кассу, хозяйничали въ разломанныхъ ящикахъ письменнаго стола и бросали кое-какія вещи въ выставленное окно. При его появленіи, грабители было-растерялись, полагая, вѣроятно, что Чулковъ также побѣжалъ на токъ. «Стрѣлять или не стрѣлять?» — мелькнуло въ головѣ Чулкова. Въ это мгновеніе бѣлокурый и молодцоватый паренъ изъ среды грабителей тихо, почти незамѣтно передернулся и сталъ приподнимать въ упоръ Чулкову тяжелый солдатскій пистолетъ. Бацъ!.. бацъ!.. раздалось въ дверяхъ...

Дымъ разсѣялся. Плонка погасла, фонарь горѣлъ на полу. Съ потолка и со стѣнъ сыпалась обитая обмозка. Грабители мгновенно выскочили въ разбитое окно. Чулковъ, удивленный тѣмъ, что его не ранили и что онъ самъ никого не убилъ, подошелъ къ окну, наставилъ въ него револьверъ и крикнулъ:

— Мерзавцы! ну, подходите теперь опять. Первому жо, кто снова полѣзеть, размозжу голову!

Въ это мгновеніе съ крыльца послышался, казалось, окликъ Гуслева.

Не види въ окно въ темнотѣ никого передъ собою и полагая, что разочланные выстрѣломъ и появленіемъ Гуслева, злодѣи разбѣжались, Чулковъ повернулся отъ раскрытаго окна къ дверямъ, сдѣлать шагъ и, роняя револьверъ, упалъ навзничъ, оглушенный тяжелымъ ударомъ въ затылокъ. Какъ въ тяжеломъ снѣ представилось ему потомъ, какъ со двора оныя мгновенно влѣзли въ окно тѣ же грабители, какъ они подняли его, положили на постель, и подъ удары Гуслева въ дверь сѣней, стали допытываться, гдѣ ключъ отъ потайнаго замка кассы; когда онъ, несмотря на угрозы и побои, молчалъ потому что не могъ шевельнуть языкомъ, какъ били его чѣмъ-то тупымъ по головѣ, выпули свѣчку изъ фонаря и стали жечь емукры ногъ, закручивать на какую-то палочку волосы на его головѣ, твердя: «гдѣ ключъ? гдѣ ключъ? говори, а то зарѣжемъ!» Онъ сталъ терять сознаніе. Въ эту минуту изъ темной залы въ кабинетъ, отмахиваясь прикладомъ, ворвался Гуслевъ. Чулковъ припомнилъ далѣе, какъ въ Гуслева тутъ же кто-то изъ грабителей выстрѣлилъ, и какъ тотъ, раненый, упалъ со стономъ. Затѣмъ Чулковъ не помнилъ болѣе ничего. Долго ли было онъ въ обморокѣ, онъ этого не могъ рѣшить. Очнувшись, онъ увидѣлъ, что лежитъ на своей постели, въ томъ же кабинетѣ, съ страшною болью въ затылкѣ и въ обожженныхъ во время пытки ногахъ. На полу въ кабинетѣ, въ забытомъ фонарѣ, догорѣла оплавившая свѣча. Гуслевъ лежалъ подъ стульями, связанный простынею по рукамъ и по ногамъ и со ртомъ, забитымъ носовымъ платкомъ. Съ надвора тянуло свѣжимъ холодомъ, въ разломанное окно кабинета врывался блѣдный свѣтъ зари. Все въ кабинетѣ было сдвинуто съ мѣста, разбросано и частью изломано. Услыша тяжелое дыханіе Гуслева, Чулковъ едва очнулся, хотѣлъ кинуться къ нему и не могъ поднять ни ногъ, ни головы. Тронулъ возлѣ себя: тюфякъ былъ залитъ кровью. Тронулъ онъ себя за голову: на затылкѣ была опухоль и рана. Глянулъ, наконецъ, въ уголъ кабинета, гдѣ стояла его касса, и обомлѣлъ: ее тамъ не было. Морозъ прошелъ по его спинѣ... Въ это время на дворѣ начали раздаваться отрывочные голоса тяжело и исподволь просыпающихся и, какъ потомъ дѣйствительно оказалось, опосенныхъ дурманомъ

рабочихъ. Кто былъ посильнѣе, встать нѣсколько прежде п смутно, какъ въ чадѣ, пошатывался, отыскивая и будя то-варищей и еще не сознавая, что съ ними со всѣми было.

— Вотъ тебѣ и на!—сказалъ кто-то громко у окна:—издохъ нашъ Сѣрко!.. Да смотрите, братцы, что это случилось и съ Харьковѣмъ, и съ барскимъ домомъ?

Чулковъ напрягъ силы, приподнялся на локтѣ и громко сталъ звать рабочихъ. Голосъ его слышали. Явилось нѣ-сколько человѣкъ съ помертвѣлыми, искаженными отъ страха лицами. Чулкову перевязали голову и обожженные ноги. Онъ черезъ силу всталъ и подошелъ къ раненому Гуслеву, котораго перенесли въ спальню. «Такъ-то, братъ Ишю-литъ,—сказалъ онъ другу:—ограбили насъ!» И лучше бы Чулкову было не приходить въ себя. Измученный, испуган-ный и упавшій духомъ, онъ подаль первую помощь Гуслеву, наскоро разспросилъ людей, далъ нѣсколько отрывочныхъ совѣтовъ для поимки грабителей, выходилъ даже для при-казаній на крыльцо, молча возвратился опять въ кабинетъ, глянуть тутъ вокругъ себя, снова, блѣдный, съ запекши-мися губами, сѣлъ къ столу, хотѣлъ немедленно писать о страшной ночи повѣстки въ станъ и къ исправнику, вспо-минъ опять, что его касса ограблена, и съ блѣднѣвшимъ швырнулъ перо. Онъ упалъ съ проклятіями на постель, хват-тая себя за голову.

Пять лѣтъ упорнаго труда и тяжкаго одиночества, заботъ и всякаго рода лишеній пропали въ одну ночь... И когда же? Въ то время, какъ ему улыбнулось преддверіе иного, неожиданнаго, такого полнаго счастья! Что скажетъ теперь Чемодарова? Чѣмъ спасетъ онъ ее отъ неминуемой бѣды и банкротства по хозяйству и отъ иска Музыкантова? Чѣмъ онъ самъ, наконецъ, уберетъ свой сѣнокосъ и жатву? Кто ему, ограбленному и обнищавшему, дастъ взаймы и поможетъ въ несчастіи?

«Дува... Дуня!.. —сказалъ онъ самъ себѣ:—неужели ты рѣшилась мнѣ такъ отомстить? Или ты, ненарочно увидавъ меня въ городѣ, вспомнила, какъ прежде я тебѣ говорилъ, что ѣзжу за деньгами въ банкъ, сказала о томъ новому пріятелю, а тотъ выслѣдилъ меня и все развѣдалъ,—на по-стояломъ, кажется, я даже проговорился одному купцу,—подобралъ товарищей и успѣлъ подобраться сюда, пока я обратно завозилъ домой Ивана Ивановича. Но кто же коно-

воду этой шайки? Кому невольно при съ расчетомъ выдала меня подгулявшая съ новымъ другомъ Дуня? И повѣрить ли, наконецъ, теперь Чемодарова, что я точно нажилъ и везъ для нея всѣ эти трудовыя, несчастныя и роковыя деньги?»

Александръ Ильичъ взялъ перо, написалъ и съ верховыми послать повѣстки: одну къ становому, другую къ исправнику. «Авось Кацканчиковъ выручить! — подумалъ Чулковъ, — онъ не казистъ на видъ, но, по словамъ Гуслева, дока!» Тутъ невольно въ мгновенной картинѣ пронеслись передъ нимъ его послѣдніе годы: жизнь въ чужихъ краяхъ и здѣсь. Онъ вспомнилъ почему-то и Сладкопѣвцева: «какъ-то онъ теперь тамъ проживаетъ за Океаномъ? Нажилъ ли и онъ хоть что-нибудь, и уцѣлѣло ли у него нажитое? Или онъ, бѣднякъ, еще бьется тамъ не въ качествѣ сытаго господина, а какъ чернорабочій, не дерзая еще до времени думать ни о собственномъ уютномъ и тепломъ гнѣздѣ, ни о ласковой женѣ, ни о прочихъ принадлежностяхъ тихаго и спокойнаго людскаго пристанища. Значитъ, я не во-время затѣять наслаждаться! Еще не настала пора для покоя, и я слишкомъ рано хотѣлъ измѣнить своей новой жизни! Не пропаду же я, не поддамся! Надо поправить дѣло: надо новымъ трудомъ и новымъ, небывалымъ еще умѣньемъ вознаградить потерю. Я долженъ все поправить, во что бы то ни стало. Долженъ скорѣе самъ погибнуть, чѣмъ невозвратно погубить начатое дѣло!..»

Его позвалъ къ себѣ Гуслевъ.

— Успокойтесь, деньги — нажитое! — утѣмалъ его раненый бѣднякъ.

Въ это время привесли найденное въ полѣ одѣяло и одну изъ занавѣсокъ, потерянныхъ, вѣроятно, уходившими грабителями. Чулковъ, побѣждая боль отъ ранъ, вышелъ на крыльцо, созвалъ еще нѣсколько рабочихъ, велѣлъ показать себѣ мѣсто, гдѣ найдены одѣяло и занавѣска, сообразилъ по нимъ направленіе, куда злодѣи убѣжали; велѣлъ людямъ садиться верхомъ на рабочихъ лошадей, а себѣ приказалъ немедленно запрячь и подать бѣговыя дрожки; возвратился къ Гуслеву, приставилъ къ нему одну изъ работницъ, перевязалъ ему рану, велѣлъ класть холодныя примочки и, не смотря на боль въ своихъ забинтованныхъ ногахъ, погналъ буланку прямо въ губернской городъ. До отъѣзда туда, онъ

сѣлъ къ столу и написалъ къ Чемодаровой письмо такого содержанія:

«Варвара Аркадьевна!

«Въ эту ночь извѣстныя вамъ деньги, о которыхъ мы рѣшили съ вами въ незабвенныя минуты нашей послѣдней дивной встрѣчи, у меня ограблены шайкой нешзвѣстныхъ негодяевъ. Гуслева при этомъ злодѣи опасно ранили выстрѣломъ изъ пистолета въ бокъ, а меня контузили какимъ-то тупымъ орудіемъ въ затылокъ и почти обезнামятившаго, лишеннаго языка, допрашивали о ключѣ отъ кассы: жгли медленно свѣчкой, били, рвали мнѣ волосы и душили. Съ пузырями и ранами на ногахъ и на головѣ, я, однакоже, рѣшился лично обо всемъ дать знать высшей губернской полиціи, а въ станъ и къ исправнику послалъ повѣстки: не откроютъ ли обѣ эти власти, по горячимъ слѣдамъ, грабителей, которыхъ, очевидно, было немало, потому что они частью ополли дурманомъ, частью перевязали мою дворню, сожгли хлѣбный токъ, запрягли въ мою же телегу лучшихъ изъ моихъ рабочихъ лошадей и увезли на ней мою довольно объемистую желѣзную кассу, мое оружіе и много другихъ вещей. Словомъ, въ концѣ концовъ, выходитъ одно: вашъ покорнѣйшій слуга, съ нынѣшней ночи, сталъ такимъ же бѣднякомъ, какъ былъ въ тотъ глухой и незабвенный, не разъ мною описанный вамъ день, когда онъ впервые поселился въ этихъ новыхъ мѣстахъ. Теперь не только я не могу, сколько бы того ни желать, оказать вамъ обѣщанную помощь по вашему хозяйству и по иску Музыкантова, но и самъ, при отсутствіи кредита, не имѣю средствъ повести далѣе свои дѣла, не имѣю даже чѣмъ уплатить наступающіе срочные платежи за арендные участки».

Пріѣхавъ на свой постоянный дворъ, Чулковъ послалъ сидѣльца дать знать обо всемъ Ивану Ивановичу, съ просьбой ѣхать вслѣдъ за нимъ въ такую-то гостиницу губернскаго города. Войдя въ номеръ гостиницы, Чулковъ потребовалъ бумаги, съ воспаленными глазами присѣлъ къ окну и дрожащей рукой набросалъ, въ видѣ докладныхъ записокъ, по нѣскольку строкъ къ губернатору и къ жандармскому полковнику. На вопросъ слуги: «ужь вечеръ, не хотите ли чего закусить?» сказалъ: «ничего не хочу; рязвяжи, милый, мой сакъ-вояжъ и достань чистое бѣлье; я самъ

побѣду къ губернатору и къ жанадрмскому командиру, да надо бы поскорѣе доктора найти, да послать ко мнѣ домой, къ моему сожителю...» хотѣлъ переодѣваться, зашатался и съ размаху, тяжело упалъ навзничъ безъ чувствъ на коверъ. стукнувшись головой о диванъ и объ ноги оторопѣвшаго номерного.

А въ Тагантъ, прочтя письмо Чулкова, Чемодарова вскрикнула и, не помня себя отъ ужаса и сожалѣнія, побѣжала наверхъ къ теткѣ.

— Что съ тобою Варя? — спросила тетка: — ты въ слезахъ, блѣдна такъ? руки ломаетъ?..

— Такое горе, тетунка, такое, что сердце разрывается...

— Что же, мужъ твой умеръ? вѣсти пришли...

— Нѣтъ, бѣднаго нашего Чулкова ограбили.

НОВЫЯ МЪСТА.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СТЕПНЫЕ ПРОКАЗЦЫ.

«Жизнь безъ нравственной цѣли, безъ
идеаловъ—гробъ пованленный: снаружи
блескъ, внутри—тѣни, трупъ.»

Изъ одной исповѣди.

VIII.

Директоръ банка фальшивой монеты.

Губернскій городъ Черноземскъ проснулся въ тревогѣ, занятый исторіей смѣлаго нападенія на усадьбу Чулкова. Вѣсть объ этомъ еще съ вечера облетѣла всѣ улицы, всѣ дома и домишки, и въ особенности пространно обсуждалась за карточною игрою въ клубѣ, гдѣ въ тотъ день былъ общій еженедѣльный обѣдъ, а слѣдовательно была въ сборѣ вся городская знать и въ томъ числѣ первыя власти. Хотя обширная, плохо освѣщенная и зачастую пустая клубная зала вообще напоминала подземныя залы въ романахъ Радклифъ, съ столѣтними паутинами и летучими мышами на карнизахъ стѣнъ, тѣмъ не менѣе, здѣсь любили ораторствовать.

— Плоха полиція!—толковали клубные ораторы: — мало жалованья чиновникамъ! Вотъ отчего всѣ эти наслѣд. Да и уголовная палата, въ угоду теоріямъ и модѣ, черезчуръ

либеральничаетъ и съ нѣкотораго времени цѣлыми шайками выпускаетъ на свободу изъ остроговъ, — этихъ академій темнаго царства, — кандидатовъ и магистровъ воровства и всякаго душегубства.

— Кто это, однако, ограбленный, какъ его. Посковъ, что-ли, или Каранеткинъ, — спросилъ кто-то изъ гостей клуба.

— Чулковъ!..

— Чулковъ? Кто онъ? Знаетъ ли его кто-нибудь, господа, изъ васъ? — спросилъ губернаторъ, тутъ же игравшій въ карты съ Музыкантовымъ и съ Чабаненкомъ.

— Я его знаю, — сказалъ Музыкантовъ, котораго неожиданный случай съ Чулковымъ еще съ утра превратилъ въ блѣдно-зеленаго и лишилъ всей зоркости въ игрѣ, отчего онъ уже болѣе часа проигрывалъ.

Ардальонъ Аркадьевичъ Музыкантовъ струсилъ, опасаясь, не замѣшанъ ли въ безлюдовскомъ происшествіи злой геній его секретаря, Ени Разноцвѣтова. «Отъ него все станется! пожалуй, это онъ науськалъ шайку!»

— Какого же мнѣнія вы объ этомъ Чулковъ? — спросилъ губернаторъ: — фдучи сюда, я получилъ отъ него, хотя сбивчивую, но весьма трогательную записку. Изъ гостиницы мнѣ дали знать, сверхъ того, что онъ пріѣхалъ раненый и заболѣлъ.

— Такъ себѣ, спекулянтъ! — отвѣчалъ, сдавая игру, Музыкантовъ: — и вообще, кажется, темный малый и большой пролѣдха.

— Помѣщикъ? Дворянинъ? — спросилъ губернаторъ.

— Дворянинъ, но не помѣщикъ, а арендаторъ.

— Сосѣдъ вашъ?

— Почти... Полагаю, что съ такой суммой, какая ограблена у него, трудно скрыться. Прижать вашу полицію, такъ найдутъ... дама трефъ, король пикъ и тузъ трефъ...

— И эти карты мои-съ... вамъ сдавать!

Ардальонъ Аркадьевичъ, по отъѣздѣ губернатора, взялся подъ руку съ Чабаненкомъ и долго ходилъ съ нимъ по клубной залѣ, недоумѣвалъ, какъ могла случиться эта печальная драма съ Чулковымъ. Чабаненко также струсилъ, былъ молчаливъ и скоро въ свой чередъ уѣхалъ... «Право, не штука ли это Ени Разноцвѣтова! — снова рѣшилъ въ умѣ Музыкантовъ, — не даромъ онъ похвалялся разными гадостями,

когда я уговаривалъ его достать мнѣ денегъ. Нѣтъ, надо скорѣе разстаться съ этимъ мальчишкой. Еще пронюхаетъ о нашей Ульяновской фабрикѣ и сболтнетъ гдѣ-нибудь. А можетъ быть, ужъ и пронюхалъ! Да, кажется, онъ знаетъ о дутымъ векселѣ Чемодаровой на мое имя и кое-что о судьбѣ ея мужа. Надо отъ него отдѣлаться. Да хорошо, что я и Чулкова ругнулъ...»

Случай къ размовкѣ съ Еней Разноцвѣтовымъ представился для Музыкантова въ тотъ же вечеръ. Разноцвѣтовъ въ это время нѣсколько дней сряду кутилъ съ толпой самой безпутной молодежи изъ мелкихъ чиновниковъ, купчиковъ и гимназистовъ и возвратился въ квартиру Музыкантова, сильно выпивши.

— Какъ тебѣ не стыдно, Евгений! — сурово встрѣтилъ его Музыкантовъ:— гдѣ это ты такъ куликнулъ и съ кѣмъ закутилъ?

— Съ друзьями... у Розалин... что за дѣвочка! прелесть! Всѣ ею довольны. Султанъ въ юбкѣ, ей-Богу! такъ мы ее и прозвали... Изъ Питера приѣхала; тамъ сперва въ гувернанткахъ жила, потомъ съ кѣмъ-то въ вольномъ бракѣ.

— Вава мой, надѣюсь, не былъ съ вами?—еще суровѣе спросилъ хозяинъ.

— О, развѣ я стану водить его туда! Фуу!—отвѣчалъ Еня, садясь съ ногами на диванъ и вспоминая, что сбрыхнулъ, такъ какъ на счетъ Вавы онъ, собственно, и кутилъ и за четверть часа передъ тѣмъ, черезъ заднее крыльцо, привезъ его на сосѣдную улицу къ учителю, у котораго Вава жилъ приходящимъ ученикомъ гимназіи.

«Нѣтъ, чортъ его подери, — подумалъ Музыкантовъ, — надо съ нимъ кончить».

— Чулкова кто ограбилъ?—глухо спросилъ онъ вдругъ.

— Не знаю... Что вы! Съ чего меня вы спрашиваете?

— Не знаешь? Если же знаешь, что тогда?

— Ардадьонъ Аркадьичъ, прошу не забываться. Это ве-
благородно.

— Щенокъ!

Еня вскочилъ съ дивана и ухватился за стулъ. Его волосы были растрепаны. Красноватые, вспухшіе глазки бѣгали, какъ у крысы.

— Грозить еще? А ты забыть, какъ ты передо мной вы-

зывался его ограбить? Думаешь, нѣтъ уликъ? Въ Сибирь захотѣлъ...

Какъ ни былъ пьянъ Еня, однакожь, понялъ всю силу обвиненія. Онъ отбросилъ растрепанные, линнувшіе на лобъ волосы, провелъ дрожащею рукою по искаженному лицу и сказалъ:

— Ардальонъ Аркадычъ, не виноватъ тутъ ни въ чемъ, клянусь вамъ! Можетъ быть, черезъ мою глупую похвальбу другой кто-нибудь на это рѣшился. Дѣйствительно, я не разъ во многихъ мѣстахъ глупилъ на этотъ счетъ. Меня бѣсило, съ чего наживается этотъ скряга Чулковъ. Я же—ни-ни!—Помилуйте: такое каторжное дѣло! Я вамъ служу вѣрой и правдой; за что же такая отъ васъ напраслина?—заклучилъ онъ униженно.

Музыкантовъ продолжалъ подозрительно смотрѣть на него и промолчалъ. «Такъ, такъ, кажется, онъ объ ульяповскомъ дѣлѣ еще ничего не знаетъ! Иначе онъ мнѣ пригрозилъ бы!»

— Вексель на Чемодарову въ какомъ положеніи?—спросилъ онъ, развалился въ другомъ концѣ дивана:—справлялся ты въ полицію? Ну, что же молчишь? Когда по немъ получу? или когда по немъ станутъ описывать Таганчу? Надѣюсь, не даромъ получаешь отъ меня жалованье? Дружба дружбой, а служба службой...

Наглый тонъ патрона покоробилъ Еню...

— Вексель на мою сестру нехорошее-съ дѣло!—кольнулъ онъ, насунувшись:—ей-Богу, нехорошее! вы ужъ извините; теперь увольте меня; я по немъ не искатель. Вексель безденежный, сами вы мнѣ сознались... Притомъ же, сомнительно и то, чтобы вы не знали, живъ ли семь лѣтъ безвѣсти пропавшій Чемодаровъ.

Бѣшенству Музыкантова не было предѣловъ.

— Въ такомъ случаѣ, можете, милостивый государь, проваливать! У меня служи, или долой,—сказалъ онъ, задыхаясь.

— И уйду. Эка, испугали... Ха-ха! Человѣкъ! напироску...

— И уходите хоть сейчасъ.

Еня схватилъ и надѣлъ задомъ напередъ свою фуражку съ краснымъ околышемъ и кокардой.

— Такъ-то вы за мои услуги?—спросилъ онъ, подступая:—такъ-то?

— Ни слова болѣе, идите прочь. Вы забываете съ кѣмъ говорите.

— За вами еще сорокъ цѣлковыхъ, въ такомъ случаѣ милостивый государь..

— Вотъ они. Затѣмъ прошайте.

Еня взялъ деньги, сосчиталъ ихъ и подбоченился.

— Такъ вы меня прогоняете? бѣднаго, но честнаго человека?

Музыкантовъ молчалъ. Онъ не на шутку злился.

— Прррогоняйте? За службу, человека бѣднаго?

— Вы—опасный слуга. Вотъ и все. Я всегда васъ удерживалъ, уговаривалъ и давалъ вамъ совѣты. Не послушались,—ваше дѣло.

— Хорошо же; уйду. Но вы будете меня помнить... Я кое-что про васъ знаю... и еще узнаю!—сказалъ Разноцвѣтовъ, пошатываясь.

Музыкантовъ снова подумалъ: «что, если онъ знаетъ? Не обратиться ли вспять, къ мировой?»

— Прицѣпиться не къ чему, не врите. Да такому пустельгѣ и не повѣрятъ!—прибавилъ онъ, перегибая.

— Ой-ли?

— Именно

— Ой-ли?

— Совершенно убѣжденъ.

Еня повернулся, покачнулся и, не поклонясь, вышелъ, размахивая руками и что-то напѣвая.

«Хоть крутенько я съ нимъ поступилъ, но онъ еще пока ничего не знаетъ! — подумалъ патронъ,—чѣмъ раньше отъ него отдѣлаюсь, тѣмъ лучше!»

На утро Еня одумался и прислалъ Музыкантову записку:

«Я проснулся и вспомнилъ нашу вчерашнюю размолвку. Если пришлете мнѣ, Ардальонъ Аркадьичъ, сто рублей, расплатиться здѣсь въ городѣ кое-съ-какими долгами, то я готовъ вамъ все простить и снова къ вамъ поступить. А иначе, не прогнѣвайтесь: донесу полициі про нѣкоторые ваши дѣла съ моею сестрой. А затѣмъ, либо пулю себѣ въ лобъ пушу, либо еще что хуже сдѣлаю. Вчера я проигралъ данные мнѣ вами сорокъ рублей и еще на честное слово проигралъ немалую сумму. Выхода мнѣ другого нѣтъ. Жду, или иначе—месть до гроба!»

Музыкантовъ подумалъ: «врешь, отомстить ты мнѣ ничѣмъ не можешь; угрозами денегъ не добьешься, а кончишь жизнь, какъ собака, и безъ меня,—я въ томъ убѣжденъ!» оторвалъ

клочок почтовой бумаги отъ того же письма, написать на немъ и послать отвѣтъ такого содержанія: «Стрѣляйтесь, если рѣшились. Вся ваша жизнь сложилась такъ безпутно, что лучшаго вамъ ничего не остается дѣлать».

Чулковъ, между тѣмъ, благодаря одному недавно кончившему курсъ, юному, румяному доктору, котораго доставить къ нему номерной гостиницы, принялъ въ себя. И едва ему опять перевязали раны, едва холодными примочками къ головѣ и къ затылку освѣжили и успокоили его, онъ убѣдиль доктора сѣсть къ нему въ Безлюдовку, на помощь къ Гуслеву, а самъ, несмотря на усталость и лихорадку, опять одѣлся, вышелъ на улицу, сѣлъ на извозчика и поѣхалъ къ губернатору. «Застану ли его? поможетъ ли онъ мнѣ? Найдутъ ли, воротить ли мои деньги.—думалъ онъ:—«помогай, судьба!»

— Генерала дома нѣтъ-съ!—отвѣтилъ слуга.

— Гдѣ же онъ и когда будетъ обратно?

— Въ клубъ-съ. А вы пожалуйста завтра.

— Какъ же мнѣ ждать до утра? У меня нужное къ нему дѣло. Я ему писалъ.

Слуга взглянулъ на Чулкова, на его старое платье, на повязку на его головѣ, сообразилъ, что это, вѣроятно, одинъ изъ трактирныхъ буяновъ, гдѣ-нибудь среди веселья помятый за бильярдомъ, сѣлъ и, зѣвая, почесываясь и покачивая ногами, отвѣчалъ:

— Какъ знаете, прѣзжайте завтра; для васъ за нимъ въ клубъ не поѣдутъ!

Дѣлать было нечего; Чулковъ кинулся къ полиціймейстеру.

— Дома?

— Никакъ нѣтъ-съ!—отвѣтилъ лакей, играя съ усатымъ вѣстовымъ солдатомъ въ три листика и хлопая его картами по носу.

— Гдѣ же онъ?

— По городу уѣхалъ.

— Скоро воротится?

— Не можемъ знать. Можетъ, заѣдетъ къ губернатору, приказаній дожидаться.

Александръ Ильичъ возвратился въ гостиницу, легъ, подумавъ: «не добиться мнѣ тутъ толку отъ полиціи!», сталъ опять класть себѣ примочки и, благодаря имъ, скоро заснулъ. Рано утромъ онъ уже снова былъ у губернатора.

— Принимаетъ?

— Еще снятъ.

Чулковъ посмотрѣлъ на часы. Былъ десятый въ началѣ. Онъ сѣлъ дожидаться въ пріемной. Ждалъ долго, прислушиваясь, какъ въ мертвой тишинѣ пустой комнаты звенѣли стеклянныя подвѣски на канделябрахъ отъ проѣзжавшихъ по улицамъ экипажей, и въ тоскѣ разглядывалъ то узоры стѣнныхъ обоевъ, то кѣтки выложеннаго паркета, то уголок лакового стола, ярко блестящій на солнцѣ. Видѣлъ, какъ хромыя инвалиды вносили и относили пакеты съ предписаніями и разными справками.

Когда понабралось довольно просителей, начальникъ губерніи вышелъ степененъ и важенъ, опросилъ нѣсколько человѣкъ, въ чемъ дѣло, и вдругъ скосясь влѣво, подумалъ, вспыхнулъ и напустился на стоявшаго среди посѣтителей нѣкоего студента Сытова.

— Какъ вы смѣли, какъ вы рѣшились?—началъ губернаторъ, возвышая съ каждымъ словомъ голосъ:—Какъ вамъ пришло на умъ не допускать полиціи къ осмотру вашей квартиры, когда нужно было составить опись вещей вашей хозяйки? Знаете ли вы, что такое полиція? Полиція — это я! Слышите ли, это самъ я! Я давно до васъ добираюсь!

— Квартальный явился безъ понятыхъ, и сверхъ того законъ повелѣваетъ чтить домашній очагъ всякаго гражданина!—смѣло и вмѣстѣ книжно сказалъ здоровенный и волосатый, какъ метла, студентъ Сытовъ, на истертomъ сюртучишкѣ котораго, изъ шести пуговицъ остались только три, да и эти едва держались на ниткахъ.

— Что-о-о! безъ понятыхъ? законъ? Да я, милостивый государь, для васъ законъ! Я—и полиція, и законъ, и понятые. Поняли? слышали? ну? что скажете? а? а?

Въ потокѣ отдѣльных словъ и восклицаній, которыми статскій генералъ хотѣлъ доказать проживавшему на ваканціи въ его губерніи вольнодумцу, что понятые упоминаются закономъ только на бумагѣ, но, что въ сущности ихъ вовсе не нужно, Чулковъ услышалъ, между прочимъ, угрозы: «да я васъ, милостивый государь, упеку туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ; да я васъ въ Уфу на жительство, въ Вятку...»

— Вы что?—грубо и рѣзко спросилъ разсерженный губернаторъ, переходя къ Чулкову и еще не смотря ни на кого.

— Я тотъ самый-съ... я вчера еще вамъ прислать-съ докладную записку... Я—Чулковъ, котораго...

— Посадить его на три дня подъ арестъ, на хлѣбъ и на воду!—крикнулъ губернаторъ, обращаясь къ стоявшему тутъ же полиціймейстеру, и снова накидываясь на распекаемого студента: — живутъ тутъ у меня въ губерніи, на вакацію ѣздить сюда, дѣлають дебоши, а потомъ въ сатирическихъ и прочихъ газетахъ о насъ же печатають разныя небылицы. Лучше бороду сбръйте. Ишь, какъ кошна съна стоите...

Студента увели. Губернаторъ превозмогъ себя, даже постарался улыбнуться и обратился снова къ другимъ просителямъ.

— Господинъ Чулковъ? — спросилъ онъ мягче и ласковѣе.

— Точно такъ.

— Извините. Гдѣ служили до пріѣзда сюда?

— Въ министерствѣ, въ Петербургѣ-съ...

Губернаторъ подумалъ, покосился на его нарядъ и кисло проговорилъ:

— Пожалуйте!

Губернаторъ самъ отворилъ дверь кабинета, ввелъ туда Чулкова, подвинулъ ему стулъ и сказалъ:

— Объясните, пожалуйста, еще разъ ваше дѣло,—и, не дождавшись его отвѣта, опрокинулся на спинку стула, схватился за голову и воскликнулъ:—какъ видите! Какъ изволите видѣть!—Это—не служба, а каторга! Всякая тля, всякая козявка стремится занять видное положеніе на земномъ шарѣ. Слышали? Каково! Понятые, видите ли, законъ... Едва успѣваешь отписываться на сотни циркулировъ начальству, а тутъ еще въ какой-нибудь газетникѣ подобный оборванецъ, настрочитъ тамъ разныхъ обличеній. Не такъ чихнулъ, проспалъ къ собору въ табельный день — того и гляди, и объ этомъ господи Сытовы возвѣстятъ въ печати. И хороша публика...

Чулковъ нетерпѣливо шевельнулся. Онъ боялся, какъ бы за этую неудержимую болтовней не явился кто-нибудь и не помѣшалъ бы его безотлагательному объясненію.

— Вы меня сперва спросили...—началъ онъ:—о моемъ личномъ дѣлѣ...

— Ахъ. да. Боже мой! извините; въ чемъ. бишь, ваше дѣло?

Чулковъ разсказалъ о своемъ несчастіи. Губернаторъ, сидя черезъ столъ, въ это время придвинулъ кучу неподписанныхъ бумагъ и, пробѣгая ихъ, сталъ подписывать.

— Чѣмъ же я могу вамъ пособить?

— Трудно объяснить, что мнѣ нужно! Нужна сила и энергія власти. Дайте предписанія уѣзднымъ полиціямъ: здѣсь дайте знать во всѣ части. Мало ли, что нужно. Вамъ виднѣе дѣло. Можетъ-быть, преступники подались сюда, и ихъ еще легко захватить по кабакамъ и по другимъ притонамъ, пока они моремъ на какой-нибудь баркѣ не ускользнули за границу.

— Десять тысячъ отбили у васъ?—спросилъ губернаторъ скривя перомъ.

— Десять.

— Странно, странно! Читалъ я вашу записку. Жаль мнѣ васъ. И это вы все нажили здѣсь собственнымъ трудомъ.

— Да-съ.

— Извините, просто удивительно,—сказалъ губернаторъ, оставляя перо: — помѣщики всѣ жалуются, говорятъ, и весьма справедливо,—я самъ помѣщикъ, и даже, пожалуй, этой губерніи... да-съ! (губернаторъ при этомъ улыбнулся и прищурился)—всѣ говорятъ, что теперь хозяйство не то, много убытковъ несетъ. Давно вы тутъ поселились? и отчего я васъ до сихъ поръ не видѣлъ?

— Пять лѣтъ-съ. Не было никакого дѣла, подати платить исправно, исковъ не имѣлъ... Я люблю уединеніе, трудъ и тишину!—сказалъ спокойно и просто Чулковъ.

— Такъ, такъ. Мнѣ о васъ говорилъ вашъ предводитель. Музыкантовъ.

Губернаторъ хотѣлъ что-то опять говорить, долго жевалъ губами, но Чулковъ всталъ.

— Извините, генералъ, не могу болѣе! раны болятъ... надѣюсь, что мое дѣло!..

— О, да, да! будьте спокойны! я всюду дамъ предписанія. Узнаете чрезъ мою канцелярію. Прощайте. Очень сожалѣю, тѣмъ болѣе, что въ моей губерніи это событіе чисто небывалое. Я привыкъ, можно сказать, къ совершенному и рѣдкому спокойствію...

Чулковъ вспомнилъ, что этотъ губернаторъ привыкъ счи-

тать себя добрымъ «губернскимъ папашей» и, уѣзжая иной разъ на короткое время изъ своей палестины, среди двухъ чиновныхъ старцевъ, своихъ друзей, на границѣ губерніи останавливался, вставалъ въ экипажѣ и, какъ достовѣрно говорить, обращаясь къ сторонѣ дорогого сердцу Черноземска, собственноручно крестилъ губернію, какъ нѣжный родитель крестить малое, отходящее послѣ ужина ко сну дитя.

Чулковъ взялся уже за ручку двери и хотѣлъ идти, но опять возвратился.

— Послѣдній, кровью нажитый капиталъ у меня похитили!—проговорилъ онъ, чуть стоя на ногахъ:—только тотъ, кто лишился когда-нибудь жены и дѣтей, пойметъ, сколько у меня надежды на васъ! Не хочу скрывать передъ вами: одно личное участіе такой власти, какъ ваша, можетъ все здѣсь расшевелить и все поднять на ноги въ помощь и въ защиту въ такомъ дѣлѣ, какъ мое. Иначе остается придти къ убѣжденію, что одному честному человѣку только и плохо на землѣ. Не идти же мнѣ, послѣ потери всего нажитаго, грабить на большую дорогу...

Голосъ Чулкова дрожалъ. Онъ стиснулъ зубы; мускулы загорѣлаго и суроваго лица его двигались. Изъ груди готовъ былъ вырваться стонъ отчаянія.

Онъ кстати упомянулъ о потерѣ семьи. Губернаторъ былъ въ разводѣ съ женой, и хотя нѣкая губернская нѣжная особа и утѣшала его, любилъ играть роль надломленнаго судьбой страдальца.

— Вѣрьте мнѣ, господинъ Чулковъ, вѣрьте!—заговорилъ онъ, покраснѣвъ и не поднимая глазъ, блуждавшихъ по мягкому пестрому ковру:—я васъ понимаю и цѣню; сію же минуту всюду, всѣмъ я надпишу; но власть наша теперь такъ стѣснена, въ угоду либеральной модѣ, что не знаешь подчасъ что и дѣлать...

И губернаторъ все бы исполнилъ. Онъ уже, дѣйствительно, взялся за перо и за колокольчикъ. Но дверь не успѣла затвориться за Чулковымъ, какъ вошелъ, прихрамывая, озабоченный и печальный, какъ Ниобея, одинъ изъ первѣйшихъ мѣстныхъ свѣтскихъ тузовъ, старичокъ лѣтъ шестидесяти пяти, дамскій угодникъ, вѣчно надушенный, въ бѣлыхъ перчаткахъ и съ дипломатическою портфелью подъ мышкой.

— Спектакль нашъ не удастся, mon général, разстраивается и даже лопнуть!—сказалъ онъ надорваннымъ, дрожащимъ голосомъ, бросилъ портфель на столъ и, тронувъ пальцемъ глаза, сталъ порывисто снимать перчатки.

— Какъ?—вскрикнулъ губернаторъ:—благородный спектакль лопнуть?

— Дамы перессорились! Ни одна не хочетъ брать данныхъ ролей: Анна Андреевна назвала Марью Петровну низкою, Марья Петровна дала Софьѣ Григорьевнѣ прозвище верблюда; Шенкъ нагрубилъ Ленцу... Ленцъ нагрубилъ Шенку... и пошла писать... вотъ роли, все ихъ прислали назадъ! Ужасно!

Губернаторъ, затѣявшій, въ угоду своей утѣшительницѣ, благородный спектакль въ пользу бѣдныхъ, при этой вѣсти остолбенился, сообразивъ, какую гонку получить отъ вѣжнаго друга сердца, опустилъ колокольчикъ, проговорилъ съ вѣстовникомъ печальной новости битыхъ два часа, велѣлъ подавать карету и кинулся, отдавъ бумаги правителю канцеляріи, поправлять дѣло лично.

На третьи сутки Чулковъ настолько оправился, что могъ уже ѣхать домой, оставивъ дѣло на волю Божию. Кстати подошелъ къ нему его пріятель, лабазникъ Иванъ Ивановичъ, сразу замѣнившій ему и сидѣлку, и вѣрнаго слугу. Иванъ Ивановичъ справился въ губернаторской канцеляріи и привезъ извѣстіе, что предписанія по городской полиціи и въ уѣзды посланы, хотя трудно отъ того ожидать особаго успѣха. Въ это же время возвратился и юный докторъ, ѣздившій въ Безлюдовку къ Гуслеву.

— Ну что, лучше ему? лучше?—кинулся къ нему Чулковъ.

Докторъ замялся.

— Что же? развѣ нехорошо?

Докторъ не отвѣчалъ.

— Вы меня пугаете. Говорите; видите, я внѣ опасности...

— О! ваши раны, — сказалъ со вздохомъ докторъ:— пустижи, у васъ все дѣло снаружи. А у бѣдняка Гуслева выстрѣлъ въ бокъ... тронута, кажется, внутренность, и чуть ли пуля не въ кишкахъ...

— Есть ли надежда на спасеніе?

— Зовите туда еще другихъ, нуженъ консилиумъ. Я могу ошибиться!

— Бѣдный, бѣдный Ипполитъ!—сказалъ Чулковъ.—Онъ бросился въ городъ, уговорилъ еще двухъ докторовъ на совѣтъ въ Безлюдовку, перехватилъ денегъ у Ивана Ивановича и, ѣдучи обратно въ Безлюдовку, думалъ: «полагали ли мы съ Гуслевымъ, такъ скоро встрѣтить грозную бѣду? Ожидали ли мы съ нимъ того, что случилось, живи въ нашей тихой, мирной и счастливой пустынѣ? Пропали деньги, что дѣлать—ихъ не жаль; жаль Гуслева, жаль своихъ трудовъ! Опять, видно, сызнова надо толочь воду, опять начинать съ копейки, съ дыряваго мѣднаго гроша. И кто бы могъ предречь, кто бы могъ угадать все это не далѣе, какъ за три-четыре дня назадъ! Ожидалъ ли Гуслевъ?—Стоять у обѣтованнаго берега, уже занести на него ногу—и вдругъ все погибло! О, зачѣмъ я сюда забрелъ, зачѣмъ и его, бѣдняка, оставилъ въ этихъ мѣстахъ!»

Чулковъ подѣхалъ къ дому и тихо вошелъ въ комнаты.

У Гуслева оказалось воспаленіе. Онъ былъ въ безпрерывной лихорадкѣ, впадалъ въ забытіе и бредилъ.

«Сѣрка съ цѣпи спустите! стрѣляйте, Александръ Ильичъ! опять по крышѣ ходятъ!»—вскрикивалъ онъ дикимъ, надорваннымъ голосомъ, силясь выбиться изъ-подъ одеяла.

Консиліумъ собрался; мѣстные медицинскіе знаменитости осмотрѣли раненаго, долго толковали между собой, написали рѣшеніе, поиграли въ карты, сытно поужинали и въ ту же ночь уѣхали, объявивъ Чулкову: «спасенія нѣтъ, пуля внутри; лѣченіе, однакоже, продолжать, какъ началъ первый призванный медикъ. Можетъ-быть, больного спасетъ его крѣпкая природа».

Сердце у Чулкова замерло. Онъ снова упросилъ Ивана Ивановича не покидать его въ эти дни. Лабазникъ, съ помощью молодого врача, уговорилъ самого Александра Ильича лечь въ постель и занялся приведеніемъ въ порядокъ его хозяйственныхъ дѣлъ, сильно пошатнувшихся за эти дни. Самое главное, что нужно было предпринять — это достать денегъ для расплаты по текущимъ работамъ. Иванъ Ивановичъ послалъ племянника изъ постоялаго двора къ себѣ въ городъ; тотъ привезъ отъ жены Ивана Ивановича, что было денегъ на-лицо: поденщиковъ разсчитали, а хозяйство повели мѣсячными и годовыми батраками. «Сѣнокосъ хоть и близко, да авось и съ нимъ извернемся. А до уборки хлѣбовъ еще далеко...»

«Вотъ бы когда подѣхать къ Чулкову съ предложеньемъ насчетъ нашей компаніи!—внезапно подумать Музыкантовъ, именовавшій себя въ шутку, при совѣщаніи съ остальными компаньонами, директоромъ банка фальшивой монеты:—побѣду-ка я въ Ганновку, заверну къ нему опять, какъ бы мимоходомъ, да стороной и предложу...»

Онъ сообщилъ объ этомъ Чабаненкѣ, Халатову, Скардачевскому и Зиньзиньскому. Тѣ одобрили его планъ.

— Не хотите ли сами съ нимъ переговорить? — отнесся къ нимъ Музыкантовъ, вообще державшій себя во всемъ этомъ дѣлѣ съ осторожностью сѣдой волчицы, и даже ни разу, поэтому, лично не ѣздившій въ Ульяновку.

— Нѣтъ, у насъ не хватитъ умѣнья и таланта! — отвѣтили компаньоны: — лучше вы! Полагаемъ, что Чулковъ и не задумается къ намъ пристать. Шутка ли! потерять чуть не шесть лѣтъ адскаго терѣнія, труда и надеждъ, и вдругъ все, что нажилъ, до конейки утлыло...

Молва о грабежѣ въ Безлюдовкѣ въ первое же утро быстро разнеслась по околотку. Нѣкоторые изъ сосѣдей-мѣщанъ и однодворцевъ верхами прискакали узнать о подробностяхъ происшествія и справиться о здоровьи хозяина и его друга. Иные изъ прѣѣзжавшихъ входили во дворъ, осматривали взломанное окно, спрашивали рабочихъ, пожимали плечами, шептались и дѣлали всякія предположенія. Едва возвратился изъ города Чулковъ, какъ въ Безлюдовку прибылъ старичокъ-становой составить форменный актъ о происшествіи, долго писалъ, писалъ, опросилъ, кого было нужно, скрѣпилъ написанное, понюхалъ табакъ, посмотрѣлъ внимательно и сухо на Чулкова, какъ бы ожидая отъ него чего-нибудь болѣе, чѣмъ чернилъ и бумаги, и сердитый уѣхалъ. Ждали исправника Капканчикова, но тотъ былъ далеко, въ другомъ концѣ уѣзда, на слѣдствіи по дѣлу о разбитой въ это же время денежной почтѣ. Еще прождали пѣсколько дней. Наконецъ, онъ прѣхалъ. Розыски, однако, не привели ни къ чему. Исправникъ пробылъ въ Безлюдовкѣ двое сутокъ, созвалъ множество разныхъ лицъ, спрашивалъ, переспрашивалъ, но, какъ и становой, ничего не добился. Онъ уже хотѣлъ ѣхать обратно, какъ одинъ изъ призванныхъ понятыхъ вынулъ изъ-за пазухи складное зеркальце и сказалъ, что нашелъ его въ стени, возлѣ Цыбульниковъ яра. Это была вещьца Чулкова. Исправникъ

поскакали туда, влѣзъ на дерево, одиноко стоявшее не-
вдалекѣ отъ яра, взглянулъ съ него на окрестность, рѣ-
шилъ, что это зеркальце грабители, вѣроятно, обронили по
пути побѣга, провелъ глазомъ отъ черту отъ Безлюдовки
до яра и сказалъ верховымъ провожатымъ: «теперь скачите
дальше по той же линіи и ищите на ней въ разныхъ мѣстахъ
слѣдовъ! Что встрѣтите на пути, скажите мнѣ!

— На этой же линіи нашли, какъ вы знаете, въ первое
утро послѣ грабежа и украденное ваше одѣло, — сказали
исправникъ Чулкову:—хотите, отправимся вмѣстѣ и мы по
этой дорогѣ?

Случайность, мать многого хорошаго, снова помогла
дѣлу. Исправникъ съ Чуловымъ поѣхали и набрали въ
степи, въ пятнадцати верстахъ оттуда, на одинокой ши-
ночѣ. Хозяева шинка оказались евреи. Ихъ арестовали,
обыскали и нашли у нихъ часть бѣлья Чулова. На во-
просъ, откуда его взяли, они сперва заперлись, а потомъ
указали въ городѣ еще на трехъ евреяхъ, изъ которыхъ
одинъ послѣ ареста тутъ же ушелъ изъ острога. Слѣдъ его
показали въ Молдавіи. Капканчиковъ долго гнался за нимъ
шагъ за шагомъ, по хуторамъ и по шинкамъ, и потерялъ
его изъ виду уже близъ границы. Говорили послѣ, что
этотъ еврей умеръ и похороненъ въ Галацѣ, и что его
жена, жившая въ Черноземскѣ, получила оттуда свидѣ-
тельство о его смерти, стала распродавать свое имущество
и подала прошеніе о выѣздѣ также за границу. Но Кап-
канчиковъ увидѣлъ здѣсь нѣчто другое. Онъ сказалъ
Чулкову:

— Благодарите Бога, что мнѣ дано по этому дѣлу пол-
номочіе! не я буду, если не найду слѣдовъ, куда дѣлись
ваши деньги!

И опять поскакали по молдаванской границѣ, гдѣ узналъ,
что убѣжавшій еврей живъ и скрывается подъ чужимъ име-
немъ, что его видѣли сперва въ Яссахъ, потомъ въ Кон-
стантинополь, откуда онъ пробрался въ Малую Азію, чрезъ
Смирну, и, вѣроятно не съ пустыми руками, успѣвъ скрытъ
на первыхъ порахъ отъ русской полиціи концы по исторіи
съ Чуловымъ. Капканчиковъ показалъ много полицейской
сноровки въ этомъ дѣлѣ.

О безлюдовскомъ грабѣжѣ въ Новороссіи еще долго и
много говорили. Не мало было всякихъ предположеній. Иные

говорили, что Чулкова ограбля большая конная шайка цыганъ, обыкновенно во множествѣ переходящихъ въ эти мѣста изъ Бессарабин, и что коноводами ихъ были частью тамошніе, частью же заграничные евреи.

Вслѣдъ затѣмъ пошли смутные слухи о новыхъ насиліяхъ всякаго рода, которыми неизвѣстные негодии какъ бы нарочно хотѣли сбить съ толку головы слѣдователей по дѣлу Чулкова. Мѣстная газета, а за нею и столичныя изданія, стали сообщать самыя тревожныя вѣсти объ этомъ краѣ. Начали появляться извѣстія о сплошныхъ пожарахъ здѣшнихъ хуторовъ и слободъ, а за ними о поджогахъ въ нѣкоторыхъ здѣшнихъ же приморскихъ городахъ. Разсказывалось за вѣрное, какъ къ одному помѣщику черноземской губерніи, вслѣдъ за нападеніемъ шайки на Чулкова, смѣлый грабитель ночью влѣзъ въ самую спальню, но такъ былъ при этомъ пьянъ, что утромъ найденъ мирно спящій на полу, у кровати, съ огромнымъ ножомъ въ сапогѣ. Толковали также, что къ какому-то помѣщику заѣхалъ, въ метель, незнакомый купецъ, осмотрѣлъ и сторговалъ у него дорогую партію пшеницы, расплатился, получилъ росписку и, по предложеніи хлѣбосольнаго хозяина, заночевалъ у него, а ночью хозяинъ проснулся и видитъ, что гость зажегъ свѣчу, наставилъ въ него пистолетъ и потребовалъ отъ него и деньги, отданныя за хлѣбъ, и все, что имѣлъ наличнаго самъ хозяинъ, обобралъ его, связалъ, заперъ снаружи домъ и уѣхалъ до разсвѣта безъ слѣда.

«Вѣдная Новороссія!» вопили старые хуторяне: «до чего мы дожили! вотъ обезпеченіе нашей жизни и нашей собственности! вотъ награда за наши лишенія и труды!» — «Да кто же виноватъ?» — возражали имъ слушатели изъ молодыхъ: — городская и уѣздная полиція въ вашихъ же рукахъ, суды также, другія мѣста также... кто же причиною тому, что ни исправники, ни судьи, ни предводители ничего у насъ по совѣсти и по закону не дѣлаютъ? Вы сами! зачѣмъ выбираете такихъ?»

Педѣли черезъ двѣ послѣ дѣла съ Чулковымъ, какіе-то шалуны, пользуясь общею суматохой, раскидали въ губернскомъ городѣ подметныя письма такого содержанія, чтобы всѣ жители были готовы къ посѣщенію краснаго пѣтуха, такъ какъ городъ, такого-то мѣсяца и числа, будетъ долженъ разомъ съ четырехъ концовъ и безъ пощады сго-

рить до гл. Жители Черноземска, особенно его дальнихъ улицъ, объявля ужасъ; они повѣрили угрозѣ и стали-было нагружать на подводы свои пожитки и выбираться въ поле, за городъ. На базарахъ, наконецъ, какъ это бываетъ въ такихъ случаяхъ зачастую, заговорили объ антихристѣ и о скоромъ свѣтопреставленіи. Ждали только долгохвостой кровавой кометы. «Явится она къ зеленой недѣлѣ!» шептали разныя сморщенные бабы, лохмотницы и пьяницы: «тогда земля загорится, какъ солома, и спасутся однѣ птицы, потому что улетятъ на небо!»

Наконецъ, случился казусъ, о какомъ и во снѣ прежде никто не думать. Исправникъ Канканчиковъ, желая всячески отличиться, чтобъ обезпечить свою огромную семью, отыскивая концы грабежа по дѣлу Чулкова, вдругъ наткнулся на слѣды... Но объ открытіи исправника, которое повергло губернатора и всю губернію въ новое изумленіе и въ давно (чуть не съ французовъ) неиспытанную тревогу, скажется ниже. Теперь же возвратимся къ Музыкантову.

Когда Зиньзиньскій съ ульяновской фабрики, чрезъ индустриальную записку, будто бы о кожахъ, далъ знать, что первый выпускъ ассигнацій отпечатанъ, обрѣзанъ, сосчитанъ и сложенъ пачками, компаньоны, кромѣ осторожной лисицы, Музыкантова, опять съѣхались въ Ульяновку и избрали ревизіонную комиссію. Халатовъ и Скардачевскій, какъ ревизоры, вновь пересмотрѣли всѣ пачки, выкинули сомнительные почему-либо оттиски, а остальное раздѣлили. Всѣ пятеро учредителей дѣла, при этомъ, по условію, получили по сто тысячъ рублей; Музыкантову же, какъ директору банка фальшивой монеты и какъ учредителю, который болѣе другихъ понесъ трудовъ и расходовъ по его открытію и движенію, прибавили фальшивыхъ билетовъ еще на пятьдесятъ тысячъ рублей. Рѣзчику же и печатнику собрали тутъ же, по складчинѣ, и вручили настоящими деньгами нѣсколько сотъ рублей до размѣна особо для нихъ назначенной суммы.

Чабаненко посадилъ къ себѣ въ экипажъ Лише, а Халатовъ — Дроздова; ночью они вывезли ихъ на границу уѣзда, дали имъ еще малую толику на дорогу, для выѣзда изъ губерніи, и приказали каждому дожидаться новыхъ распоряженій, въ особо-назначенныхъ для этого отдален-

ныхъ городахъ. Зиньзиньскій и Скардачевскій разобрали машины, болѣе нѣжныя ихъ части развезли въ тарантасахъ по своимъ жильямъ, а прочія, болѣе громоздкія принадлежности, какъ-то: станки, валы и чугуныя колеса, подъ видомъ земледѣльческихъ орудій, на двухъ воловыхъ подводахъ, рѣшили отпавить будто бы для поправки въ одинъ чугуно-литейный заводъ, а въ сущности положили ихъ до новой надобности свалить въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ, брошенныхъ овечьихъ хуторовъ Музыкантова, въ пустомъ сараѣ, а если бы что встрѣтилось особое и непредвидѣнное, то рѣшили сбросить ихъ по дорогѣ съ какого-нибудь моста прямо въ рѣку.

Въ послѣднюю ночь, когда увозили остальные части машины, компаньоны вновь собрались въ Ульяновку; по сообщенному имъ заранѣе отъ Музыкантова плану, условились, на всякій случай, чего держаться и какъ говорить, если бы дѣло открылось, на допросахъ и показаніяхъ; согрѣли воды, полы и мебель въ глухомъ ульяновскомъ домишкѣ собственноручно вымыли, подсмѣиваясь другъ надъ другомъ, какія они поломошки. Глиняную посуду, въ которой варили краску для печатанія, они побили и разбросали въ сосѣднемъ оврагѣ, кое-что закопали здѣсь же въ саду, а остальное, по дорогѣ, не завозя далеко, рѣшили бросить въ прудъ, проѣздомъ черезъ имѣніе Музыкантова. Забракованные оттиски ассигнацій сожгли, най въ полтораста тысячъ завезли Музыкантову и разъѣхались. Они, между прочимъ, положили денегъ въ этой губерніи и по мелочамъ въ обороты не пускать, а постараться найти имъ, черезъ вѣрныхъ людей, валовой сбытъ, хотя бы и съ значительною уступкой въ пользу мѣшениковъ, въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ отечества, какъ въ Сибири, на Кавказѣ или по Волгѣ.

Маленькій тюкъ щегольски разсортированныхъ и перевязанныхъ ленточками депозитокъ былъ поднесенъ Музыкантову въ запечатанной жестянкѣ, какъ презентъ, подъ видомъ чистѣйшаго дубоссарскаго табаку.

— Ну, теперь, матушка, мы закуримъ! — сказалъ онъ, подмигивая женѣ.

— Что табакъ! — замѣтила та: — ты какъ бы мнѣ новую коляску, какъ обѣщалъ.

По отъѣздѣ компаньоновъ, Музыкантовъ заперся въ ка-

бинетѣ, бережно сосчиталъ билеты и даже сладострастно застоналъ, увидя, что ихъ было, дѣйствительно, ровно на полтораста тысячъ. И странное дѣло: Музыкантовъ въ недавнее время тратилъ тысячъ по двадцати въ годъ настоящихъ денегъ и не давалъ тому никакого особаго значенія; теперь же, глядя на эти поддѣльные билеты, до того преисполнился алчности и наслажденія, что вторично, не безъ труда, пересчиталъ бумажку за бумажкой и все ждалъ, не откроется ли, что ему положено компаньонами по ошибкѣ какой-нибудь лишней тыщонки или даже сотни рублей этими депозитками, и считалъ вплоть до разсвѣта. Надъ грезами о новыхъ рысакахъ, шракахъ и обѣдахъ солнце застало его спящаго.

Въ тотъ же день Ардальонъ Аркадычъ велѣлъ запрячь въ коляску лучшихъ сѣрыхъ лошадей, одѣлся, какъ на балъ, и покатилъ къ Чулкову.

Такой же веселый, разбитной и безцеремонный и съ тѣмъ же прыгающимъ отъ смѣха брюшкомъ и заигрывающими карими глазами, какъ въ первый разъ зимой, ввалился онъ опять въ низенькія комнаты безлюдовской усадьбы, весело поздоровался съ Чулковымъ, сказалъ ему: «на пару словъ наединѣ, хоть особаго секрета нѣтъ!» вошелъ съ нимъ въ кабинетъ, долго шутилъ, курилъ, острилъ, сыпалъ городскими анекдотами, потомъ занеръ за собою дверь, сталъ передъ Чулковымъ, склонилъ къ нему съ улыбкой длинныя каштановыя, падушонныя какою-то «бразильскою императрицей» бакены и попотомъ, не стояя съ лица улыбки, сказалъ:

— А что? не вышло на мос? Не дали мнѣ тогда, для раздѣлки съ притязаніями Чемодаровой, денегъ взаймы: вотъ бы теперь онѣ и были цѣлы! Ну, да не въ томъ дѣло. Я ей отплатю, только молчалъ донинѣ. Вексель ея въ тридцать тысячъ представленъ на нее ко взысканію; поиніи ужъ начала ее поинивать. А помните? я вамъ тогда сказалъ: не хотите мнѣ помочь, такъ я вамъ когда-нибудь помогу! вотъ, теперь я и пріѣхалъ!

— Очень благодаренъ.

— Все дѣло въ васъ самихъ!—продолжалъ Музыкантовъ, отступая:—въ васъ самихъ! помните? Вы не вѣрили, что я самъ былъ издавна другъ всего новаго, живого и смѣлаго? Ну, чего вы, позвольте спросить, дѣбились здѣсь такъ-на-

ываемымъ честнымъ трудомъ? Чего вы достигли своими хлопотами? Я знаю, вы сошлетесь на понятія о чести. Честь — дѣло условное-съ... Въ Америкѣ честь — одно, въ Англіи — другое, у киргизовъ — третье. Да-съ... А наше общество, ей-ей, не далеко ушло отъ киргизовъ. Вы — лучший примѣръ. Трудились, трудились, какъ поденщикъ, застрявъ въ нашихъ мѣстахъ — одна минута, и все, нажитое вами, полетѣло вверхъ дномъ. И гдѣ обезпеченіе вашей собственности и вашихъ правъ? Разгадка дѣлу простая: чтò совершила надъ нами послѣдняя реформа, то же сдѣлали съ вами незванные гости въ пережитую вами ночь. Отъ трудовъ правильныхъ, тѣтенька, не наживешь палатъ каменныхъ...

— Но позвольте, чтò собственно вы хотите этимъ сказать и доказать? — воскликнуть болѣе и болѣе терявшійся Чулковъ.

Музыкантовъ широко раскрылъ глаза, подумывая не безъ волненія: «ужь не предполагаешь ли ты, что я мелко плаваю? Какъ бы лучше сбить твою пустую, идеальную голову?»

— А то, батенька, — произнесъ, еще болѣе понижая голосъ, Музыкантовъ: — что правы тѣ, которые говорятъ: если насъ ограбили, такъ и мы должны грабить. Если нашъ кредитъ подорвали, то и мы должны подорвать ихъ кредитъ... вотъ чтò!

— Чей кредитъ?

— Да ихъ-то... Не понимаете? Со мной можете говорить: я — не шпионъ. Подорвать ихъ въ главной ихъ силѣ, въ сборѣ народныхъ податей, въ государственной казнѣ. На насъ напущена революція законодательная и литературная, мушкетерскіе демагоги и коронные теоретики-реформаторы; мы напустимъ на нихъ новое знаменіе этого времени — фальшивую депозитку, тысячи, миллионы поддѣльныхъ рублей. Насъ разорили, и мы ихъ разоримъ! Противъ насъ не разбирали никакихъ средствъ, и мы не будемъ разбирать; разорять ихъ, разорять...

Музыкантовъ говорилъ съ такимъ жаромъ, что закашлялся, и даже иѣна выступила на его толстыхъ губахъ. Чулковъ смотрѣлъ на него во все глаза, все еще не понимая, въ чемъ дѣло.

— Но какъ же это все относится ко мнѣ? И развѣ

казна—не мы же сами, и, губя и подрывая ее, развѣ мы не подорвемъ и не погубимъ прежде всего самихъ себя?—спросилъ Чулковъ, сердито и холодно глядя въ бѣгавшіе по сторонамъ глазки Музыкантова.

— А! такъ вы не понимаете? Ребенокъ, бѣдняжка! Много вамъ помогъ губернаторъ, скажите мнѣ? Много помогли вамъ жандармская и ливная полиція? Нашли вамъ, возвратили ваши кровныя денежки? Отвѣчайте мнѣ, ну, говорите же... И не шутить сюда прѣхалъ!

— Нѣтъ, не возвратили

— Ага! ага! признались? согласились? А вотъ я вамъ ихъ нашелъ и возвращу...

Сердце невольно запрыгало у Чулкова.

«Шутить онъ или съ ума сошелъ? Или же и въ самомъ дѣлѣ онъ нашелъ мои деньги? вотъ бы отлично!» подумалъ онъ, не безъ волненія, искоса поглядывая, не держитъ ли ужъ его гость денегъ въ карманѣ или за спиной.

— О дѣлѣ семъ производится строжайшее разслѣдованіе. Ха-ха-ха! вотъ и все, вотъ и все!—воскликнулъ Музыкантовъ:—сперва такъ донесетъ министру губернаторъ; потомъ эдѣшняя газета отчеканитъ эту фразу для публики, по поводу страшной исторіи съ вами, и затѣмъ полиція и все успокоится, да тѣмъ дѣло и кончится. Вы же, какъ очутились безъ денегъ, такъ и останетесь... Отъ трудовъ правильныхъ, ангелъ мой, не наживешь... Морщитесь? Умолкаю. Но вы слышали, какъ Чемодарова поражена вашимъ горемъ: она плачетъ. А будь у васъ денежки, отличную бы въ ней подругу жизни пріобрѣли...

— Ну, такъ чтѣ-жъ? Къ чему вы все это говорите?—съ бѣшеной досадою рѣзко спросилъ Чулковъ, начинавшій терпѣніе.

Музыкантовъ глянулъ въ сторону, въ окно, задумчиво прошелся по комнатѣ, тихо взялъ Чулкова подъ руку, обнялъ его, сдѣлалъ съ нимъ нѣсколько шаговъ, подвелъ его почему-то къ углу печки и, склоня дрожащія губы вплотную къ его уху, хотя въ комнатѣ, кромѣ ихъ, не было никого, прошепталъ ему:

— Вы... приглядитесь кругомъ... развѣдайте, узнайте, тѣмъ главнѣйше наживались тутъ... сперва въ отдаленное время нѣкоторые изъ хлѣбныхъ заграничныхъ конторъ... а потомъ наши откупщики?

И когда Чулковъ на это промолчалъ, онъ еще ближе притиснулся и шепнулъ ему въ самую раковину уха:

— Фальшивыми ассигнаціями, батюшка! фальшивыми ассигнаціями съ окрестныхъ вольныхъ монетныхъ дворовъ! Свистните только, такъ къ вамъ, дружище, пудами ихъ повезутъ. Вы ихъ сбудете, поправите ваши дѣла, а между тѣмъ, и тѣхъ-то, доброжелателей вашихъ, хорошо нагрѣете... Вы теперь нуждаетесь... А вашу способность вести дѣла, вѣрьте, всякій оцѣнитъ! Вы могли бы получить десять, двадцать, тридцать тысячъ, ну, ну, и поѣхали бы куда-нибудь ихъ мѣнять.

Чулковъ тихо освободился изъ рукъ Музыкантова. Каждый мускулъ на его лицѣ дрожалъ.

— Позвольте,—началъ онъ съ разстановкой, едва переводя отъ волненія голосъ: — что за чертовщину вы мнѣ здѣсь несете уже болѣе получаса? Или я все это въ бреду выдумалъ, или вы, дѣйствительно, это мнѣ говорили сами?

— Какъ знаетъ!—рѣзко и презрительно отвѣтилъ Музыкантовъ, отходя въ сторону.

«Хитрить эта таинственная обокраденная бестія,—подумалъ онъ,—или въ самомъ дѣлѣ хочетъ показать видъ, что онъ, осель, дѣйствительно — честный человѣкъ!» Музыкантовъ понялъ, во всякомъ случаѣ, что съ Чулковымъ дѣла не уладишь.

— Шутка шуткой, батюшка!—началъ онъ, мѣняя тонъ:—но, дѣйствительно, иной разъ готовъ согласиться, что когда человѣкъ, бывшій въ обществѣ всегда высокихъ правилъ, доходитъ до того положенія, что рѣшается бросить къ чорту такъ-называемую и выдуманную для олуховъ царя небеснаго честь, чтобы сознательно, смѣло и съ умомъ мошенничать, то его рѣшимость полна высокаго поучительнаго смысла и драмы, какой еще не создавала никакая литература.

Чулковъ понялъ, въ свою очередь, что раздражаться было бы напрасно. Онъ, задыхавшись, отошелъ къ окну, не глядя на гостя.

— Прощайте; все, что я вамъ говорилъ, была, разумѣется, шутка; понимаете?

— Еще бы.

Выходя изъ кабинета Чулкова, Музыкантовъ зацѣпился за щеколду дверей и прорвалъ рукавъ пиджака. Лошади

его помчались, какъ угорѣлая, а коляска, ударившись о столбъ въ воротахъ, чуть не опрокинулась.

«Показывай честность!—думалъ Музыкантовъ, закуривая въ стени сигару, — на этихъ понляковъ надо дѣйствовать и политическою моралью. Съ такою моралью завербуешь не одного честнаго простака; черноземскіе республиканцы съ нею за меня даже голосъ подадутъ. Навѣрное бы Чулковъ согласился на мое предложеніе, если бы не усомнился въ успѣхѣхъ. Не напустить ли на него еще Зинзвиньскаго!.. Пора, пора думать о скорѣйшемъ размѣнѣ полученнаго пая. Жена поминутно проситъ денегъ, Вава тоже пристаётъ, кредиторы въ петлю тянутъ. Обѣды надобно дать на именины... Опасности велики. Чтò и говорить! Ну, да авось же мои компаньоны, спасаясь отъ каторги, и меня сумѣютъ отъ нея спасти!»

Чулковъ былъ другихъ мыслей. Съ отъѣздомъ Музыкантова, онъ взялъ фуражку, хотѣлъ пойти по хозяйству, но вдругъ бросилъ ее и съ проклятіями почти упалъ на кровать. «Какъ! Мнѣ предлагали участвовать въ сбытѣ фальшивыхъ денегъ! Такъ вотъ за кого они меня считаютъ! По ихъ мнѣнію, я только—кулакъ, мелкій барышникъ, прогорѣвшій отъ грабежа спекулянтъ и ничего больше? И этотъ мерзавецъ осмѣлился меня увѣрять, что онъ, видите, стоитъ въ толпѣ какихъ-то мстителей, готовыхъ потрясти общество! До такой степени меня унижить, меня, и безъ того обиженнаго и разореннаго!» Чулковъ всталъ, глотая горячія слезы, поднялъ фуражку, вышелъ на дворъ, сѣлъ на коня и уекалъ въ степь.

IX.

Послѣдній путь Пятницы.

— Безъ денегъ, такъ и безъ денегъ! — рѣшилъ въ тотъ же день Чулковъ: —нажитое пропало, его не сумѣли найти, такъ тому и быть. Баста! болѣе объ этомъ ни мысли, ни полслова!..

И онъ, дѣйствительно, положилъ начать свое дѣло снова. Частные арендные участки онъ сдалъ въ другія руки, сѣнокосъ и хлѣбъ рѣшился убрать съ конны и, оставивъ съ одною казенною арендой, рѣшился, главнымъ образомъ, заняться овцеводствомъ. Одно сильно тревожило Чулкова:

болѣзнь Гуслева. Онъ не отходилъ отъ него день и ночь. Докторъ употреблялъ все усилія. Но спасенія не предвидѣлось. Въ околоткѣ, наконецъ, разнеслась вѣсть, что Гуслевъ при смерти. Окрестные поселяне успѣли оцѣнить и полюбить тихаго и простаго друга Чулкова. Многие явились въ Безлюдовку съ совѣтами, какъ его спасти, принесли травы и другія снадобья для ранъ и просились посмотреть на больного. Чулковъ всѣхъ къ нему допускалъ.

«Бѣдный, бѣдный страдалецъ! — думалъ Чулковъ, глядя на догорающія силы этого еще недавно полнаго жизни и здоровья исполина. — странствовалъ ты; прилѣпилися то здѣсь, то тамъ, забрелъ сюда, и думалъ ли, что тебя сразитъ шальная пуля грошоваго воровскаго пистолета при защитѣ чужого добра? Не отвори ты такъ не въ-время дверей, не войди въ мой кабинетъ въ то мгновеніе, какъ меня терзали и пытали, жилъ бы ты еще долго, важный и гордый, лѣнивымъ журавлинымъ шагомъ ходилъ бы ты въ поле, бесѣдовалъ бы со мной въ зеленомъ шелковомъ халатѣ и въ туфляхъ, курилъ бы и мечталъ о собственномъ пустынномъ и тихомъ пристанищѣ, подъ спотливую, утѣшенную здѣсь, твою старость... А теперь ты, какъ пласть, лежишь, молчишь и догораешь...»

Однажды, наскоро сѣздивъ въ поле и возвратившись, Чулковъ подумалъ: «пора, однако, провѣдать сосѣдку»; взглянулъ въ комнату Гуслева и увидѣлъ, что у его изголовья стоитъ и плачетъ, горько надрываясь, какая-то дѣвушка. Думая, что это — какая-нибудь посланная отъ сосѣдей, онъ подошелъ ближе: это была сбѣжавшая отъ нихъ Глаша.

«Гдѣ же Дуня? — подумалъ Чулковъ, тихо выходя изъ кабинета, — надо спросить Глашу, не видала ли ее: онъ ушли тогда вмѣстѣ».

Не успѣвъ онъ подойти къ столу, не успѣвъ положить фуражку, какъ сзади его что-то опустилось на полъ и съ воплемъ обхватило его колѣни. Онъ оглянулся: это была Дуня. Но какъ она измѣнилась! Румянецъ ея исчезъ, щеки похудѣли; тусклые, сильно заплаканные глаза были красны, волосы выбились изъ-подъ платка и космами спадали на спину и на плечи.

— Ты ли это, Дуня? Какими судьбами? — спросилъ, отступая, Чулковъ.

— Я! я! Прости меня! простите, Александра Ильичъ, виновата я, во всемъ виновата! Охъ, погубила я тебя и сама себя погубила...

— Да въ чемъ же? въ чемъ? — допрашивалъ Чулковъ, сился поднять ее съ полу и успокоить: — я никакой провинности за тобой не знаю...

— Простите меня, простите! — вопила Дуня: — я — лихо-дѣйка, разбойница, душегубка... Ой, спаси меня, Господи, и помилуй! Царица Небесная, спаси!.. Я нечаянно выдала тебя злодѣямъ, черезъ меня они наскочили сюда, черезъ меня, глупую, все признали и тебя ограбили...

Чулковъ ее поднялъ.

— Какъ же это было?

— Было это вотъ какъ... вотъ какъ!.. Господи! Царица Небесная! Простите меня и помилуйте!.. Встосковалась я, какъ вы меня бросили. Извините, Александра Ильичъ, что такъ прямо говорю... А тутъ и подвернулся человѣкъ... И лучше бы я его вовѣки не видала!

Слезы не давали Дунѣ говорить. Она поминутно снова падала на полъ, хваталась за ноги и за сюртукъ Чулкова и ломала руки.

— Убей меня, разрази сейчасъ! ножъ возьми и зарѣжь. Сейчасъ умереть, только я и не думала про то, что теперь случилось... Онъ, душегубъ, выманилъ и все призналъ отъ меня.

— Кто призналъ?

— Онъ-то, Савушка...

— Какой Савушка?

— Да прежній-то любовникъ Глаши; еще допрежъ Гуслева она съ нимъ зналась. Какъ былъ еще Савка въ солдатахъ, стоялъ со скadroномъ въ Бояркинѣ; онъ и по-сваталъ Глашу. Послѣ въ походъ пошелъ, ее бросилъ... А что провинности всякія за нимъ пошли, да что съ полка онъ бѣжалъ и въ острогъ угодилъ, про то она таперича только и свѣдала, какъ этотъ слухъ о немъ пошелъ...

— Развѣ онъ изъ острога ее сманилъ?

Дуня молча подняла на Чулкова большіе голубые глаза и всплеснула руками.

— Да нешто ты ничего не знаешь? Савка-то этотъ — вѣдь Молодичка... душегубъ-то всѣмъ извѣстный... Вотъ какая дьяволова душа сманила Глашу, а съ ней и меня!

Морозъ прошелъ по кожѣ Чулкова.

«Такъ вотъ кто у меня хозяйничалъ!» — подумалъ онъ.

— Какъ же вы ему выдали меня?

— Охъ, смерть мнѣ даже вспомнить... Провѣдалъ онъ отъ кого-то, тутъ по близости, должно статься, о твоёмъ достаткѣ, пришелъ сюда къ тебѣ, сталъ въ поденщики, даже работалъ тутъ чуть не пять днѣй. Съ нимъ еще другой пришелъ постарше, Зосимой звали, а тутъ, какъ у тебя они были, нарочно звали дружка дружку Иванами: Иванъ старшій, да Иванъ младшій. Глаша сейчасъ распознала своего. Ты, Александра Ильичъ, былъ въ тѣ поры у этой барыни, Варвары Аркадьевны, что ли, у Чемодарихи... Онъ и взманилъ Глашу: уйдемъ, говорить, я ужъ въ отставку; къ отцу, къ матери моей тебя, говорить, поведу, и повѣчаемся. Она и послушалась. А съ нею и я, осерчавши на тебя, ушла... все думала: станешь меня розыскивать и воротить. Они съ вечера въ субботу разсчитались у тебя, а мы съ Глашкой ночью и вышли къ нимъ, къ Цыбульникову яру... Я съ старичкомъ-то пошла въ городъ, къ пристани; стали мы съ нимъ пока тамъ на поденной; а тутъ въ скорости пришелъ и Савелій съ Глашкой. Вижу я, стали наши молодцы все шептаться межъ собой. Видно, въ тѣ поры Глашка-то, ходючи къ Палиту Панкратычу, знала и сама видѣла, гдѣ у тебя что въ домѣ, или ей самъ Палитъ ненарокомъ говорилъ, и ужъ Савка у нея все выпыталъ. Вотъ, молодцы-то, видно, и рѣшили; намъ же ни о чемъ они ни полслова. Работаемъ мы на пристани, пшеницу пересыпаемъ. Я все жду отъ тебя вѣстей. «Скоро ли мы къ отцу, къ матери твоей?» спрашиваетъ Глашка Савку. Молчитъ; а разъ сказалъ: «погоди еще маленько!» А тутъ страхъ и вспомнить! Принесла тебя нелегкая въ этотъ банкъ. Возлѣ него ты и повстрѣчалъ меня съ Савкой... Я его упросила меня на почту свезти, письма твоего ждала. Ну, онъ и давай меня въ переулкѣ бить: «говори, что это твой баринъ-то сюда прѣхалъ? Ты въ холѣ жила у него и должна про все знать». Хмельной онъ былъ тогда и самъ какое-то письмо возилъ на почту. Я и говорю съ проста ума: «видно, деньги привезъ, либо за деньгами прѣхалъ въ банкъ». Онъ мнѣ велѣлъ идти на фатеру къ своей невѣстѣ, къ Глашѣ, самъ выслѣдилъ тебя на извозчикѣ, выпросилъ про тебя, должно

статься, еще на постояломъ, гдѣ ты прежде останавливался, да и порѣшилъ все, какъ слѣдь... И вправду какъ подумаю, не трудно было и узнать, продавалъ ли ты что-нибудь въ тѣ поры, или самъ за деньгами пріѣхалъ... А можетъ, чрезъ какого стригулиста онъ и въ банѣ еще что надоть поразузнать. Мало ли энтаго зелья по трахтирамъ толчется, ждетъ, кому бы за что какую пакость настроить...

— Почему же ты, однако, знаешь, что меня ограбилъ именно Молодичка съ товарищемъ, а не другой кто?

— Полагаю такъ, безиромѣнно. Да иначе и некому! Чуть ты уѣхалъ съ Иваномъ Иванычемъ, онъ съ Зосимомъ накликалъ подь вечеръ за огородъ, возлѣ нашей фатеры, живодъ-маклачниковъ, долго тамъ они оралъ, пили водку, да по-своему галдѣли; а послѣ этого ихъ галдѣнья ни я, ни Глашка уже ихъ-то болѣе и не видали. Утекли они, бросили насъ, какъ въ воду канули. Да ужъ, какъ пришла молва, что тебя-то ограбили, я и говорю Глашкѣ: «пойдемъ къ Чулкову да къ Гуслеву, все расскажемъ. Пусть насъ казнятъ, а скрыть ничего не скроемъ!» Я бы и раньше пришла, только Глаша больно уже испугалась, узнавши про все, и какъ я ей это посовѣтовала, со страху меня бросила... Ну, а третьяго дня и пришла. «Пойдемъ, говорить, покою нѣтъ и мнѣ... Я съ ними не грабила и на то ихъ не научала! а коли въ чемъ имъ проговорилась, не думала, что они такіе». Вотъ мы и пришли... Спрашивай насъ, все скажемъ; посылай въ полицію, что ли! Авось Господь. Мать Царица Небесная помогутъ найти чрезъ насъ твое добро...

Чулковъ пристально и съ грустью смотрѣлъ на Дуню.

«Если бъ онѣ сами съ расчетомъ навели на меня злодѣевъ, — думалъ онъ, — то не пришли бы ко мнѣ съ этими признаніями...»

— Много ли денегъ твоихъ, Александра Ильичъ, украдено?—спросила, всхлипывая, Дуня.

— Десять тысячъ цѣлковыхъ...

— Много ли это на сигнаціи?

— Тридцать пять тысячъ.

Дуня упала на колѣни и опять стала рыдать, хватать Чулкова за платье и ломать руки.

— Лови ихъ, лови, ищи! Мы про нихъ подь Евангеліемъ

докажемъ! Они теперь, должно статься, либо въ Чердоклеевскомъ байрактѣ, либо въ Паранкиномъ кабактѣ.

— Нѣтъ, Дуня, не найти намъ теперь этихъ соколовъ. Безъ денегъ, да и то какъ они скрывались, а съ деньгами ихъ давно не найденъ. Даромъ только васъ по судамъ, да по полиціи стануть мыкать...

Чулковъ не договорилъ. На дворѣ раздался мягкій стукъ рессорнаго экипажа.

«Видно, кто-нибудь опять изъ сосѣдей провѣдать Гуслева!»—подумалъ Чулковъ и подошелъ къ окну.

Какая-то щегольски одѣтая дама мелькнула, проходя чрезъ крыльцо. Не успѣлъ Чулковъ оправиться, не успѣлъ сказать Дунѣ:—«выйди на минутку, оставь насъ и подожди на дворѣ!»—какъ шаги пріѣзжей послышались въ заѣѣ.

— Александръ Ильичъ, что съ вами! Бѣдный! Сколько событій!—сказала Чемодарова, входя къ Чулкову.

— Варвара Аркадьевна! Какими судьбами! Вотъ не ожидалъ.

— Ваше письмо сразило меня: я три дня хворала; тетюшка же и теперь еще отъ этихъ страшныхъ вѣстей въ постели. Я, наконецъ, оправилась и пріѣхала провѣдать васъ и Гуслева. Да кстати и потолковать насчетъ одного векселя.

Чемодарова стала снимать пальто, увидѣла Дуню и невольно, не зная еще кто это, покраснѣла. Въ это время Чулкову сказали, что его зоветъ докторъ за чѣмъ-то весьма безотлагательнымъ и пужнымъ.

— Извините меня! Я сейчасъ буду назадъ! — сказали Чулковъ: — вы вѣрно не знаете? Часы Гуслева сочтены, и много, если онъ проживетъ еще съ недѣлю...

— Бѣдный! Идите же къ нему, идите, я подожду.

Чулковъ вышелъ, но, идя, вспомнилъ опять про Дуню, бывшую тутъ же, и невольно покраснѣлъ. Чемодарова, по выходѣ его, подошла къ зеркалу надъ письменнымъ столомъ; охорашиваясь, поправила на плечахъ шаль, взбила волосы, сѣла на стулъ и, расправляя складки платья, ласково обратилась къ Дунѣ:

— Ты, милая, изъ здѣшнихъ?

«А! такъ вотъ она, эта Варька-то Чемодариха! — подумала, злобно и жадно разглядывая ее, Дуня,—вотъ на ка-

кую богатую, да шеголиху. да красивую промѣнять меня другъ любезный, Александра!»

— Изъ здѣшнихъ,—прошентала она.

— Чтò же ты, милая, сама пришла сюда, или тебя прислали объ этомъ больномъ другѣ Александра Плыча справиться?

— Сама пришла, никто не присылать.

Тихій и почтительный отвѣтъ показался, однакоже, гостѣ подозрительнымъ: столько вдругъ отозвалось въ немъ непонятной ненависти и яда! Чемодарова взглянула на покорно и робко опущенный взоръ Дуни, на ея франтовскую ситцевую душегрѣйку, на двѣтныя чулки и на шелковый платокъ, которымъ она прикрывала голову и пылавшее, заплаканное лицо, и сердце у нея дрогнуло отъ неяснаго и ѣдкаго предчувствія.

— Гуслева проводить, милая, пришла?

— Итъ, не его...

Чемодарова взглянула на полъ.

— Кого же?

Дуня не отвѣчала.

— Кого же ты сама?

— А на чтò тебѣ, барыня, знать? Своя!..

— Какъ тебя зовутъ?—не помни себя и вскакивая, спросила Чемодарова:—ты Дуня, вѣрно, Дуня?

— Ну чтò же, изволь... Дуней звать!.. А коли ужъ это такъ тебя забираетъ, такъ еще тебѣ, сударыня, скажу: я—полюбовница барина Чулкова, вотъ чтò!—съ бѣшеною заносчивостью отрѣзала Дуня.

Чемодарова выпримилаь, хотѣла-было на это кинуть ей въ глаза также какія-то ѣдкия и жгучія слова, но одумалась, молча схватила пальто и шляпку и поспѣшно вышла изъ комнаты. И не успѣвъ Чулковъ возвратиться, какъ экипажъ Чемодаровой уже загремѣлъ по выгону за усадьбой.

— Гдѣ же барыня?—спросилъ, входитъ, Чулковъ:—куда она такъ скоро уѣхала?

— Я почему знаю? Нешто я—нянька ейная?—неестественно смиренно отвѣтила Дуня.

— Что ты ей тутъ говорила?

Дуня молчала.

— Вѣрно ты ее обидѣла чѣмъ-нибудь? Не стыдно ли тебѣ, не грѣхъ ли!

— Что жъ, коли я виновата, обнаковенно пропадать ужъ мнѣ! Казни заодно... Не на радость, не на счастье мать сыра земля меня породила: али своеручно меня тутъ же, у ноженекъ твоихъ, убей, разрази, али живую въ землю зарой!

— И въ какое время! въ какое время!—вскрикнулъ Чулковъ:—что я тебѣ скажу? Иди съ Богомъ!.. Не хочу я посылать за полицией: толку изъ этого не будетъ!

Чулковъ выскочилъ на крыльцо и велѣлъ запрягать дрожки. Докторъ безотлучно сидѣлъ при больномъ. Гуслевъ опять позвалъ Чулкова; при помощи его и доктора, умылся, надѣлъ чистое бѣлье, попросилъ приподнять себя въ подушкахъ и сказалъ:

— Александръ Ильичъ, Саша! Не хочу васъ обманывать! Посылай за священникомъ: я къ ночи, либо не дайте, какъ завтра утромъ, умру.

Чулковъ взглянулъ на доктора, стоявшаго у окна; тотъ печально кивнулъ ему головой.

— Открой мнѣ, Саша, окно; дай взглянуть на степь, на балку, на колодезь... такъ... Боже, какой чудесный денекъ! Жжетъ въ боку, грудь горитъ, сердце...

Чулковъ началъ его утѣшать.

— Не говори мнѣ теперь, Саша, ничего лишняго... Не говори! Тамъ утѣшимся (онъ указалъ рукой на небо)... Здѣсь утѣшенія нѣтъ... Что же священникъ? Еще, пожалуй, откажется... Съѣзди, сдѣлай милость, самъ! да скорѣе возвращайся, я тебѣ что-то тогда скажу...

Жгучая боль отъ раны на вспухшемъ, потемнѣвшемъ боку стала опять мучить больного. Онъ закрылъ глаза, тяжело дышалъ и попросилъ доктора достать изъ сумки, висѣвшей на стѣнѣ, Евангеліе.

— Вы всѣ, доктора, невѣрующіе, васъ-то и прошу: почитайте мнѣ!

Докторъ выбралъ страницу и сталъ читать; загремѣли поданныя дрожки.

— Да что же это? — тихо, какъ бы про себя, сказалъ доктору Чулковъ: — неужели же онъ и вправду такъ скоро умереть?

Гуслевъ услышалъ его слова.

— Долгъ... Липія моя пришла! — сказалъ онъ, сидясь улыбнуться.

— Но какъ же? Какъ же? такъ неожиданно и скоро?

Чулковъ взялъ фуражку, хотѣлъ выйти и остановился.

— Не ропщи, судьба подѣлила!—прибавилъ Гуслевъ:—горды мы были съ тобой, вотъ что... Много надѣялись на себя. Въ послѣдній путь отправляюсь... Послать за священникомъ?

— Самъ поѣду.

— Въ Таганчу?

— Да.

— Посиѣши, да захвати и дядька Платоныча... Мы были друзья съ нимъ, охотились часто... Спѣши же... Въ послѣдній путь, скажи ему, иду!..

Чулковъ подошелъ, сказалъ: «прощай, Инполить... Мо жеть, скажешь еще что-нибудь»,—и закрыть глаза рукой.

— Стой, стой, Александръ Ильичъ, погоди; стань вотъ тутъ возлѣ меня... Посмотрю еще я на тебя...

Чулковъ стать въ ногахъ.

— Рѣши вопросъ!—медленно сказалъ Гуслевъ:—отчего я не утопился? Отчего не повѣсился или не застрѣлся въ послѣдніе мои тяжкіе, безнадежные годы! Отчего и у тебя я охотно поселился жить, я—трусень и жалкій бродяга?

— Не знаю.

— Оттого, что въ человѣка я вѣрилъ и вѣрю. Самый отъявленный негодяй—и тотъ лучше звѣря! у него есть покаяніе; ну, довольно... Теперь поѣзжай. Узнать я у тебя трудъ... потружусь теперь въ послѣдній разъ Богу... А не застанеть меня попъ, не поминайте лихомъ... такъ тому и быть!

Сказавъ это, Гуслевъ опять застонать и началъ впадать въ забытѣе. Чулковъ еще постоялъ, поговорилъ съ докторомъ и, тихо взглянувъ на Гуслева, пошелъ къ дверямъ.

— Постой, постой еще!—слабо вскрикнулъ, приходя въ себя, Гуслевъ:—дай мнѣ еще посмотрѣть на тебя, на честнаго, честнаго работника... Что съ того, что тебя ограбили? Ограбить вездѣ могутъ. Но ты доказалъ, что можно трудиться. Благослови тебя Господь!.. Захочешь быть умникомъ, женишься на Чемодаровой. Ты въ горѣ и она—вотъ вамъ и ассоціація... Теперь ступай... Спасибо тебѣ за все, за все!.. и въ особенности за то, что ты принялъ и призрѣлъ послѣдніе годы сироты...

Докторъ кивнулъ Чулкову. Тотъ вышелъ и уѣхалъ.

Быстро доѣхалъ Александръ Ильичъ въ Таганчу, перегово-

рилъ со священникомъ, посиѣшилъ къ Чемодаровой, упалъ ей въ ноги, цѣловалъ ей руки и платье, объяснилъ ей все дѣло и успокоилъ ея минутную грозную вспышку. Затѣмъ взялъ дычка на дрожки и поѣхалъ въ обратный путь. Буланка, какъ бы чужая важность исполняемыхъ при ея пособіи дѣлъ, бѣжала особенно усердно и прытко. Дьячокъ молча сидѣлъ за спиной Чулкова. Ему, очевидно, хотѣлось что-то сказать.

— Эхъ, дичи-то, дичи будетъ этимъ лѣтомъ! Ишь, молодые ужъ стрепета вывелись; вонъ старая матка вспорхнула, а молодые, какъ зайчата, побѣжали по травѣ за ней...

— Что новаго? — спросилъ Чулковъ, желая размыкать тоску.

— Будто жъ вы, ваше благородіе, не знаете?

— Не знаю.

Дьячокъ крикнулъ.

— Капканчиковъ, исправникъ, въ розыскахъ за вашими-то деньгами, нарядилъ тайную стражу надъ всѣми мѣнялами и процентчиками въ уѣздѣ, да и наскочилъ на такое дѣло, что страсти... Вы вотъ на ярмарку ѣздили, а тутъ всѣ переполошились.

— Какое это дѣло?

— Сперва гдѣ-то онъ поймалъ одну фальшивую депозитку; потомъ, слышно, сцапалъ ихъ тысячу; а передъ вашимъ пріѣздомъ къ намъ, тестъ нашего отца Льва тоже пробѣжалъ въ Бояркино на ярмарку, такъ сказывалъ, не то вчера, не то сегодня, что уже открыта тутъ въ уѣздѣ цѣлая фабрика по евтой части.

Точно въ колоколь кто-нибудь ударилъ надъ ухомъ Чулкова, такъ поразила его эта новость. Онъ придержалъ усердный бѣгъ буланки.

— Кто же учредители этой фабрики?

— Страхъ и сказать, ваше благородіе! Все, говорятъ, господа здѣшніе, да еще не изъ бѣдненькихъ, а крупные все и громкіе, почитай первые по всему уѣзду тузы! Спаси насъ, Господи, и помилуй отъ такого срама!

Дьячокъ перекрестился.

— Кто же именно?

Дьячокъ замылся.

— Многихъ называютъ, да видно, что и врутъ. Не припомню что-то, кого именно...

Въ это время буланка свернула напрямикъ къ Опалихѣ

Не успѣла она пробѣжать и четверти версты, какъ изъ-за крутого взгорья раздались звуки колокольчика и бубенчиковъ, хлопанье кнутовъ, крики ямщиковъ, и навстрѣчу Чулкову выскочилъ, пятерикомъ на обывательскихъ, запыленный тарантасъ.

— Стой, стой,—закричалъ голосъ:—погодите, я только-что отъ васъ!

Изъ тарантаса выѣзъ исправникъ Капканчиковъ.

— Куда ѣздили?—спросилъ исправникъ.

— Священника просить къ Гуслеву. Что онъ?

— Да, знаю!—со вздохомъ сказалъ исправникъ, почему-то отклонивъ вопросъ и сочти долгомъ усталыми глазками смотрѣть не въ лицо Чулкову, а на колесо его дрожекъ:—знаю, и хорошо вы сдѣлали, что потрудились для бѣднаго человѣка... я вотъ—тоже бѣдный человѣкъ. Семья заѣдаетъ!.. А по вашему дѣлу, несмотря на обѣщанія вамъ, ничего еще не добился. Вотъ теперь, какъ заѣхалъ къ вамъ по пути, обратились ко мнѣ у васъ двѣ бабенки, рассказали о тѣхъ дезертирахъ, я велѣлъ ихъ отвести къ себѣ въ городъ подъ карауломъ... Какой, въ самомъ дѣлѣ, странный случай! но врядъ ли что новое откроемъ! ничего не добились и не добьемся! Подлецъ племя людское.

— Какъ ничего не добились? А фальшивые монетчики!—пошутилъ Чулковъ.

Исправникъ, нѣсколько смѣшавшись, что первый не сказалъ этой крупной уѣздной новости, предложилъ Чулкову встать съ дрожекъ, отвелъ его въ сторону отъ дороги и сказалъ:

— Называли вамъ виновниковъ этого дѣла?

— Нѣтъ.

Капканчиковъ оглянулся.

— Многихъ называютъ. Въ томъ числѣ и общихъ нашихъ знакомыхъ: Зиньзиньскаго и Чабаненка. Каково для ихъ дѣтей?

Въ умѣ Чулкова невольно мелькнулъ его послѣдній разговоръ съ Музыкантовымъ.

— А гдѣ открыты слѣды фабрики?—спросилъ Чулковъ.

— Я сейчасъ прямо оттуда; хоть это и секретъ, но вамъ я скажу... Въ Ульяновкѣ, близъ васъ, за Опалѣхой, хуторишко этотъ, какъ, можетъ, слышали, дрянной, въ глуши. Его взялъ годъ назадъ на аренду аферистъ Зиньзиньскій

для кожевеннаго завода. Я обыскалъ тамъ усадьбу, нашелъ камни, бумагу, кастрюлю съ красками, печку съ шнурками для сушки ассигнацій, пятна отъ красокъ на стѣнахъ... Что вы на это скажете? Думали ли вы, что монетный дворъ на время, злою волей этихъ господчиковъ, переходилъ изъ Петербурга въ сосѣдство съ вами?

Чулковъ, въ свою очередь, взялъ исправника подъ руку, отвелъ его еще дальше въ поле отъ дороги и передалъ ему свое послѣднее свиданіе съ Музыкантовымъ.

— Уликъ у меня противъ него нѣтъ; но не худо и безъ улики начать его слѣдить...

— Такъ вотъ что!—сказалъ, дрожа отъ радости, исправникъ:—такъ вотъ какого рода гусь наклеивается! Я самъ его давно подозрѣвалъ! Все это такъ! И какъ я вамъ благодаренъ за открытіе, хотя ни у меня, ни у васъ пока нѣтъ противъ него улики. О! это—плуть большихъ способностей и большого полета. Открывъ же его участіе въ дѣлѣ, я сдѣлаю свою карьеру! Еще съ Гуслевымъ я говорилъ о нѣкоторыхъ на него подозрѣніяхъ...

Глаза исправника загорѣлись восторгомъ; въ его умѣ уже мелькали орденъ, повышение въ чинѣ, денежные награды, и прочее, и прочее. Не безъ наслажденія соображалъ онъ и ту минуту, когда онъ, малый саномъ и ростомъ, повалить такого Голаова, какъ предводитель Музыкантовъ. Голосъ исправника, при имени Гуслева, однако, снова дрогнулъ, а глаза опять почему-то склонились къ запыленнымъ саногамъ Чулкова. Онъ взялъ Александра Ильича за обѣ руки и крѣпко пожалъ ихъ.

— Что съ вами?

Исправникъ взглянулъ на него; въ его недавно радостныхъ глазахъ дрожали слезы. Маленькій носикъ печально торчалъ на покраснѣвшемъ лицѣ.

— Нечего уже скрывать: Гуслевъ,—извините за грустную вѣсть,—при мнѣ скончался...

Чулковъ склонилъ голову. И много пролетѣло въ его мысляхъ.

Исправникъ уѣхалъ. Чулковъ грустно и тихо, безъ эффектныхъ возгласовъ, опять сѣлъ въ дрожки, сказалъ дьячку Платонычу: «слышалъ? однимъ хорошимъ человѣкомъ меньше стало!..» и погнать буланку. Но никогда съ той поры не могъ онъ забыть этого мгновенія. Прошло съ того дня не

мало дней, недѣль и мѣсяцевъ, и утекло не мало воды; но что бы ни дѣлалъ Чулковъ, о чемъ бы онъ ни думалъ, роковая картина, какъ живая, воскресала и тихо сама собою становилась передъ его глазами. И онъ живо видѣлъ запыленный тарантасикъ маленькаго, измученнаго служебной хлопотней исправника, теплый вечеръ, медленно догоравшее въ степи красное облачко наверху потемнѣвшихъ небесъ, слышалъ мягкій гулъ колесныхъ дрожекъ и усердный скачекъ взмыленной буланки, видѣлъ далѣе яркій свѣтъ вдали, надъ балкой, въ окнахъ странно-оживленнаго безлюдовскаго дома, и въ сумеркахъ вытянутыя лица его домохозяевъ у крыльца. Онъ вошелъ въ комнаты. Прямо, противъ дверей, среди маленькой чистенькой залы, на раздвинутомъ обѣденномъ столѣ, уже обмытый, одѣтый и тщательно, даже франтовато причесанный, лежалъ во весь ростъ огромный и безмолвный Гуслевъ: богатырскія ноги противъ дверей, далѣе крѣпкія, сложенные руки, круглыя плечи и бородатое лицо. Такимъ Чулковъ видѣлъ его часто лѣтомъ, когда, намаявшись на охотѣ въ знойный день, онъ шелъ къ прудку въ балку, оканчивался тамъ изъ ведра студеною водой, одѣвался, причесывался; ложился въ чистую постель, бралъ нумеръ послѣдней газеты, нѣсколько секундъ читалъ его, отмахиваясь отъ мухъ, и на словъ: «эхъ, завтра еще дальне уйду; за самое Бояркино пойду! Что за мѣста у васъ, рай земной!» крѣпко засыпалъ и, разумѣется, утомительное странствіе за Бояркино откладывалъ въ дальній ящикъ.

Смущенный и растроганный юный докторъ, наскоро устроивъ наложь, читалъ у изголовья умершаго Евангеліе.

— Вотъ за какою почтенною требой вы меня видите! — сказалъ онъ при входѣ Чулкова: — покойникъ взялъ съ меня слово; хочу, сказалъ, чтобъ именно вы читали.

Дьячокъ Платонычъ, какъ знатокъ дѣла, не заставилъ себя ждать. Войдя, онъ форсисто ударилъ три земные поклона, искоса и нѣсколько украдкой глянулъ на блѣдный, ставшій вдругъ особенно суровымъ и важнымъ, ликъ покойнаго, съ сознаніемъ собственнаго достоинства замигалъ старыми глазами, громко крикнулъ, какъ бы говоря: «вотъ, погодите, я начну читать, такъ ужъ мое почтеніе!» осанисто и даже гордо глянулъ кругомъ себя, вынулъ изъ-за пазухи привезенную восковую свѣчку, зажегъ ее, развернулъ закапанную воскомъ Псалтирь и началъ громко и бѣгло читать.

И всю ночь, во время этого чтенія, изъ его головы, противъ его воли, не выходили теплые и душистые весенніе деньки, зеленые, еще новенькіе камыши на Опаліхѣ, жужжанье пчелъ, крики утокъ по синимъ воднымъ заливамъ, его перебродки здѣсь съ Гуслевымъ туда и сюда, дружное хлопанье изъ ружья и бесѣды съ нимъ за папиросочкой, гдѣ-нибудь на склонѣ косогора, и мечты о собственномъ кускѣ хлѣба на старость.

— Къ вамъ есть письмо покойнаго! — сказалъ докторъ Чулкову:— послѣднее его слово...

— Какъ? Онъ самъ писалъ, умирая?

— Нѣтъ; начало этого какъ бы завѣщанія онъ написалъ, видно, еще въ первые часы послѣ той ночи, когда его ранили и онъ созналъ опасность, а конецъ онъ диктовалъ мнѣ, но послѣ все-таки напрягъ силы и кое-какъ самъ его подписалъ.

— Покажите.

Въ это время вошли снимать мѣрку для гроба. Зала наполнилась батраками. Всѣ крестились, съ сожалѣніемъ косились на покойника и клали поклоны. Чулковъ и докторъ вышли въ кабинетъ. Александръ Ильичъ зажегъ свѣчку, развернулъ бумагу и прочелъ слѣдующія строки:

«Я умираю, спасенія, кажется, не будетъ—я умру. Міръ не содрогнется, разумѣется, отъ моей смерти... Тьмы-темъ подобныхъ мнѣ букашекъ умираютъ ежедневно и также безъ слѣда на свѣтѣ. Но я хочу сказать, хочу послать послѣднее прости моимъ бывлымъ друзьямъ... Все старые, добрые гуляки! Все весельчаки, лѣнтяи и вертопрахи, товарищи моей молодости и жизни. Гдѣ-то вы дни доживаете? Вы, уже сѣдые, усталые, больные и, вѣроятно, недовольные новымъ суровымъ, холоднымъ и шумнымъ временемъ, опомнитесь! Трудитесь, посвятите прочной работѣ хотя нѣсколько послѣднихъ лѣтъ своей жизни! Мы всѣ съ вами испытали не мало счастья на землѣ. Но открываю вамъ, бѣдняки, величайшую тайну: выше счастья нѣтъ, какъ трудъ. За симъ, зная хорошо, что смертельная гангрена не ждетъ и что вскорѣ, вскорѣ, можетъ-быть, и не далѣе, какъ чрезъ недѣлю, она подступитъ ближе, и перестанетъ биться мое сердце, посылаю всѣмъ на свѣтѣ свою братскую любовь и свое грѣшное прости... А ты, послѣдній и лучший мой другъ, Саша! Ты меня знаешь и все слышалъ отъ меня. Но къ

тебѣ есть особая просьба. Въ деревенькѣ и въ губерніи, о которой тебѣ скажетъ докторъ, живетъ, чуть не нищая, вдова, моя единственная сестра. У меня осталась часть моего жалованья; отопли ей эти деньги вмѣстѣ съ моими часами, книгами, бѣльемъ, платьемъ и другими вещами. У нея сынъ въ уѣздномъ училищѣ; пусть это будетъ ему въ память обо мнѣ. Но походную мою сумку оставляю на память тебѣ. Если все тебя, чего Боже сохрани, здѣсь разочаруетъ, и въ томъ числѣ, если бы, чего бы я отъ души также не желалъ, измѣнила тебѣ извѣстная намъ съ тобой особа, которую ты по истинѣ оцѣнилъ и полюбилъ, вспомни тогда меня, сними мою сумку со стѣны, надѣнь ее и иди съ нею работать въ другія мѣста; но лучше юга не найдешь: сюда птицы летятъ, сюда съ сѣвера и человѣкъ стремится. Прощай. Да процвѣтетъ твоя усадьба съ моимъ колодезѣмъ, да будетъ она красой этого края. Даи Богъ тебѣ жить долго, достигнуть всего желаннаго и никогда, разумѣется, не уйти, съ старою моею сумкой черезъ плечо. Изъ мѣстъ, куда тебя кинула судьба и гдѣ, любя и защищая тебя, легъ костями вѣрный другъ твой *Ипполитъ Гуслевъ*».

— Окончательно вымираютъ такіе люди! Міръ становится дѣлнѣе, но суше!—сказалъ Чулковъ.

Подѣхалъ священникъ, скорбные часы пролетѣли быстро, а черезъ три дня отъ усадьбы Чулкова двинулось съ тѣломъ его умершаго друга къ верховью балки печальное шествіе. На похоронахъ была и Чемодарова. День былъ превосходный. Жара скрадывалась легкими дружными тучками, которыя еще съ утра, ни съ того, ни съ сего, какъ пологомъ обвѣсили все небо, сгучились, надвинулись, да такъ и не раздвигались, не посылая отъ себя ни дождя, ни вѣтра, ни грома, а всю окрестность облекая тишиной, полусвѣтомъ и прохладой. Какъ-бы ожидая чего, птицы, какъ случается въ такую погоду, по стени кругомъ не летали и не пѣли. Гуслева похоронили. Ни докторъ, ни священникъ за свои труды денегъ отъ Чулкова не взяли. Вещи и деньги покойнаго, какъ тотъ завѣщалъ, отвезъ и сдать въ городѣ на почту Иванъ Ивановичъ.

— Какъ это ему смерть, однако, такъ быстро, послѣ диктовки завѣщанія, приключилась?—спросилъ юнаго медика послѣ номинальнаго обѣда молодой, извѣстный читателю,

таганчскій священникъ, отецъ Левъ:—чѣмъ онъ именно умеръ, скажите мнѣ! не стѣсняйтесь! я очень люблю естественныя науки и вѣрю въ ихъ великую судьбу... Да жаль имъ не учился.

— Сердцемъ умеръ!—отвѣтилъ докторъ:—какъ бы вамъ выразиться? Воспаленная кровь поразила нервы, а когда пересталъ повелѣвать главный господинъ нашего тѣла, мозгъ, то и сердце перестало биться.

— Гдѣ же душа-то, въ мозгу, или въ сердцѣ?—спросилъ отецъ Левъ:—извините, можетъ-быть, не такъ по вашему говорю; но меня это сильно занимаетъ. Иной разъ, какъ задумаешься, да цѣлые дни какъ уторѣлый ходишь.

— А вотъ садитесь со мной; намъ, кстати же, и ѣхать нѣсколько попути; я вамъ объясню, какъ умѣю.

Докторъ и священникъ сѣли въ повозку, выѣхали въ степь, и долго дьячокъ Платонычъ, правя саврасою лошадкою отца Льва и плетясь рысцою вдоль зеленѣющихъ луговъ и косогоровъ, покачивая головой, слушалъ, какъ юный докторъ вѣщалъ о тайнахъ человѣческой смерти недавнему семинаристу, священнику.

Дворъ Чулкова снова опустѣлъ.

— Эхъ, горька жизни! — со вздохомъ сказала осиротѣвшій Чулковъ по отѣздѣ гостей, снова усаживаясь съ папироской, по-былому, на глиняномъ крылечкѣ глинянаго Безлюдовскаго домика...

Съ крыльца, попрежнему, былъ красивый видъ на степь, на балку и на колодезь у роицы. Теперь къ этому прибавился грустный видъ на свѣжую черную могилу Гуслева. Долго сидѣлъ Чулковъ и многое передумалъ.

— Мертвому мертвое, живому живое!—заклучилъ онъ со вздохомъ и всталъ съ крыльца. Милый ликъ сосѣдки еще болѣе сталъ его манить къ себѣ.—Надо покончить. Прощай, волюшка!

Дня черезъ два, когда онъ собрался къ Чесодаровой и вышелъ уже на крыльцо, къ воротамъ подъѣхалъ Иванъ Ивановичъ. Чулковъ поздоровался съ нимъ, вернулся въ комнаты, велѣлъ поставить самоваръ и долго, по-былому, по-старому, толковалъ съ нимъ о томъ, о семъ.

— Вѣдь я черезъ тебя, Иванъ Ивановичъ, тугъ остался,—сказалъ онъ.

— Черезъ меня. Такъ что жъ? побольше бы на вашего

брата, такихъ Ивановъ Иванычей. Мы-то, баринъ, давно, какъ муравьи Божьи, трудимся.

— Да видишь, какъ все свихнулось. Тамъ ограбили у меня деньги, а тутъ умеръ пріятель, помощникъ! Тоска одолеваетъ.

— Такъ ты это тягу отъ насъ затѣваешь? Полно! Богъ не выдастъ, свинья не съестъ, ваше благородіе! — сказалъ лабазникъ: — не учась начали, да вели дѣло хорошо, а те-перича вы и поучены. Осторожнѣе будете. Тѣ жъ люди и у меня деньги и коней отняли. Давай-ка еще кнпяточку, баринъ; такъ-то, пей и самъ! Дѣло-то кажись, онять пой-детъ на ладъ. А скучно одному, безъ помощника, найди себѣ помощницу, значить, такую мамзель, али мадаму; коли наша сарафаница не по нутру, съ барыней какою обвѣн-чайся. Не въ примѣръ веселѣй станетъ и за дѣло-то снова взяться. Кй-Богъ! (Лабазникъ захохоталъ). Все-таки жена... помощница по мужъ! На то онѣ изъ ребра нашего сотво-рены. Я вонъ свою прежде билъ, а теперь жалѣть сталъ, въ каргозинъ одѣлъ, балую...

Х.

Монетный дворъ и монетчики.

Громкая исторія открытія поддѣлки фальшивыхъ ассиг-націй въ Ульяновкѣ началась съ пустяка, съ ничтожной случайности.

Какой-то мѣняла, на песчаной площади уѣзднаго горо-дишка, въ жаркій и душный полдень, съ просонокъ, при-нялъ и размѣнялъ проѣзжему незнакомому еврею пяти-десятирублевый билетъ. Черезъ часъ онъ разглядѣлъ свой промахъ. Оказалось, что билетъ былъ фальшивый, а именно: на одномъ углу его номеръ кончался цифрами 14, а на другомъ, отъ перестановки выпавшихъ цифръ, по недо-смотру печатника, числомъ 41. Зоркій глазъ обманутаго мѣнялы подмѣтилъ еще нѣкоторые признаки поддѣлки. Но онъ былъ наметанъ и смолчалъ. Черезъ два дня тотъ же еврей, не видя никакой тревоги, будто проѣздомъ, снова обратился къ его столику уже вечеромъ и спросилъ, не раз-мѣняетъ ли онъ ему билета. Мѣняла охотно согласился и сталъ ему отсчитывать мелкія депозитки и серебро, а самъ мигнулъ подручному мальчишкѣ; тотъ далъ знать исправ-

нику, и еврея схватили. «Откуда взял деньги?» Еврей, разумеется, стал отрекаться отъ всего, клялся и землю ъль, что ничего не знаетъ, и показавъ сперва, что деньги эти нашелъ въ губернскомъ городѣ на улицѣ, а потомъ сказалъ, что его нанялъ и послать развѣнять эти бумажки неизвѣстный человѣкъ, которому онъ и долженъ былъ привезти вымѣненную мелочь въ такой-то шинокъ. Все это, безъ сомнѣнія, оказалось выдумкой. Разыскали, однакоже, жилище еврея, произвели обыскъ и подъ поломъ нашли еще тысячи на двѣ такихъ же билетовъ.

Губернаторъ, получивъ донесеніе Капканчикова, вызвать его къ себѣ эстафетой и тотчасъ нарядилъ, для производства дальнѣйшихъ дознаній, особую комиссію изъ судебного слѣдователя, чиновника особыхъ порученій, жандармскаго офицера и самого Капканчикова.

— Знаете ли, мой милый, что мнѣ пришло въ голову?— сказалъ ему губернаторъ наединѣ въ кабинетѣ:— не угадываете?

— Не угадываю, ваше превосходительство.

— Видите ли: мнѣ кажется, что эта новая скверная исторія имѣетъ связь съ похищеніемъ денегъ у Чулкова, гдѣ также, какъ вы знаете, замѣшаны жида. Не тѣ ли самыя деньги вы и выслѣдили, которыя похищены у Чулкова? Не у него ли въ глуши на хуторѣ онъ и сдѣланы? Что-то очень подозрителенъ и онъ самъ, и его здѣсь появленіе. И въ самомъ дѣлѣ: жилъ на сѣверѣ, бродилъ за границей и вдругъ остался здѣсь... Вчера сидимъ мы въ клубѣ, я, Музыкантовъ и Скардачевскій, играемъ въ карты; я имъ по секрету и сообщилъ это открытіе и мою догадку. Какъ хотите, Музыкантовъ—предводитель...

— Что же они?

— Въ одно слово согласились со мною. Даже поблѣднѣли отъ мысли, что съ нимъ знакомы. Да оно и весьма правдоподобно: гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, этому господчику, съ его дрянною арендинкой, нажить тѣ деньги, что у него украли! Вѣрьте, обивая тутъ у меня пороги, онъ спасалъ не эту сумму, а самого себя, чтобы не открыли его шашней. Совѣтую вамъ присмотрѣться и начать съ него. Дѣйствуйте моимъ именемъ. Понимаете? Не стѣсняйтесь ничѣмъ и никакъ... Обыскивайте, берите подъ арестъ и снимайте по-

казанія, не стѣсняясь ни чиномъ, ни именемъ, ни положеніемъ въ свѣтѣ, ни даже предѣлами уѣзда и губерніи...

— Въ такомъ случаѣ, попрошу у вашего превосходительства сказаннаго полномочія на бумагѣ.

Губернаторъ подумалъ.

— Извольте. Но будьте осторожны. Кто бы ни былъ виновенъ, не падите никого. И совѣтую начать съ Чулкова.

Губернаторъ позвонилъ, приказалъ правителю канцеляріи заготовить нужную бумагу, подписалъ ее и отдалъ исправнику.

Слѣдственная коммиссія въ тотъ же день приступила къ дѣлу. Городъ заговорилъ, что и Чулковъ замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ. Этотъ слухъ глубоко уязвилъ Александра Ильича. Капканчиковъ, между тѣмъ, пригласивъ съ собою членовъ коммиссіи, заѣхалъ въ самый буйный и подозрительный подгородный кабакъ, сдѣлалъ тутъ при понятыхъ усердный обыскъ, арестовалъ и допросилъ кабатчика и отсюда же послалъ губернатору донесеніе, что открывается не только шайка лицъ, мѣнявшихъ поддѣльные билеты, но что онъ нашелъ нить къ открытію и самой монетной фабрики. Захвативъ въ двухъ другихъ придорожныхъ шинкахъ еще нѣсколько подозрительныхъ лицъ, коммиссія на другой день перевалила въ сосѣдній уѣздъ, а еще черезъ день и въ сосѣднюю губернію. Ульяновка, какъ читатель знаетъ, была обыскана и навела коммиссію на многіе слѣды. Капканчиковъ съ каждаго перевала посылалъ губернатору эстафеты. Усадьба Чулкова была также обыскана; коммиссія, конечно, здѣсь ничего не нашла. Тѣмъ не менѣе, потомъ еще долго скверные черноземскіе языки трепали и позорили имя Чулкова, приплетая его къ ульяновской исторіи. Капканчиковъ, оставивъ часть коммиссіи для составленія акта обыска, по одному указанію, съѣлъ съ жандармскимъ офицеромъ на перекладную, примчался къ вечеру обратно въ Черноземскіи, ни къ кому не являясь, а взявъ только изъ полиціи солдатъ, подкатилъ къ крыльцу одного дома, надъ дверью котораго была вывѣска: *контора*. Это было помѣщеніе Халатова. Исправникъ и его спутникъ постучались. Огонь въ окнѣ показался и снова исчезъ, какъ бы кто-нибудь его понесъ въ другія комнаты. Капканчиковъ поставилъ солдатъ по угламъ дома съ улицы и во дворѣ. На новый стукъ въ двери изъ сѣней раздался голосъ: кто тамъ? и на по-

рогъ явился, будто ничего особаго не ожидавшій, Халатовъ. Начался обыскъ. Въ комнатахъ и на чердакѣ, разумѣется, ничего не нашли. Но Капканчиковъ замѣтилъ плохо притворенное окно кабинета, гдѣ на подоконникѣ оказались свѣжія капли дождя, который въ то время шелъ съ самаго утра. Онъ взялъ свѣчу, выставилъ ее въ окно и увидѣлъ, что эта часть дома выходила въ садъ, и на землѣ отъ окна къ сосѣднему забору были видны свѣжіе отпечатки слѣдовъ. Онъ шепнулъ два слова жандармскому офицеру; тотъ вышелъ, и черезъ минуту одинъ изъ солдатъ явился съ фонаремъ и принесъ большой стаканъ, туго набитый клочками порванныхъ фальшивыхъ билетовъ. Улика была на-лицо; туфли Халатова оказались въ грязи, мѣра ихъ пришлась равною величинѣ слѣдовъ на землѣ, и онъ тутъ же объявилъ, что испугался полицейскаго обыска и, прослыша въ тотъ день о поддѣлкѣ ассигнацій и боясь, чтобъ и его деньги не оказались фальшивыми, порвалъ ихъ и, пройдя садомъ, перебросилъ черезъ заборъ сосѣда. Онъ ломалъ руки, плакалъ, падалъ передъ слѣдователями на колѣни, хваталъ ихъ за полы и, указывая на небо, говорилъ: «я несчастный, несчастный! меня обманули! не погубите меня, не погубите!»

— Гдѣ же ты досталъ эти деньги?

— Неизвѣстный человѣкъ принесъ вчера ко мнѣ въ контору и вымѣнялъ на чистое золото! пропали мои денежки, пропали...

— Ну, пѣсня знакомая, точно условились! Всѣ одно твердятъ,—сказалъ Капканчиковъ, еще перемолвилъ съ товарищемъ и, обращаясь къ подоспѣвшему частному приставу, сказалъ:—возьмите его и прямо въ острогъ.

Частный замаялся.

— Я—купецъ,—сказалъ Халатовъ:—у меня банкирскіе счета, дѣла, чужія деньги.

— Хоть бы ты былъ богъ золота, самъ парижскій Ротшильдъ; велѣно, и беремъ: такова наша инструкция!

Запертую кассу и счета Халатова стали опечатывать жандармскій офицеръ съ частнымъ приставомъ; исправникъ началъ разбирать и опечатывать его бумаги. Въ его глазахъ постоянно мелькали письма Зиньзиньскаго и Чабаненка, имена которыхъ стоустая молва уже не разъ называла ему въ эти дни. Халатовъ стоялъ тутъ же, согнувшись и смн-

ренно поглядывая на происходившее кругомъ. Вдругъ исправникъ замѣтилъ, что онъ снялъ со стола какую-то бумажку и хотѣлъ сунуть ее къ себѣ въ карманъ. Онъ потребовалъ ее у Халатова, развернулъ, прочелъ и сказалъ на ухо офицеру: «скорѣе кончайте актъ обыска: новое важное открытіе. Надо сейчасъ ѣхать и еще сдѣлать арестъ!» Онъ протянулъ ему бумажку. Это было письмо руки Зиньзиньскаго: «снѣшу извѣстить васъ: товаръ найденъ; четыре разносчика уже прогорѣли. Держите ухо востро. Пріѣзжайте на именины папеньки. Мы до-завтра всѣ вмѣстѣ».

Слѣдователи распорядились о перемѣнѣ лошадей, составили и подписали актъ обыска и ареста Халатова, передали новаго арестанта въ руки частнаго пристава и въ ту же минуту снова выѣхали за городъ. Былъ десятый часъ вечера.

— Куда мы?—спросилъ жандармскій офицеръ.

— Въ Ганновку, къ Музыкантову.

— Что же тамъ такое?

— Вы прочли. Зиньзиньскій, я увѣренъ, писалъ письмо изъ Ганновки; слова «именины папеньки» значатъ, что сегодня день Ардальона, то-есть именины Ардальона Аркадьевича Музыкантова.

Свѣжія обывательскія лошади быстро проскакали тридцативерстное разстояніе и привезли неожиданныхъ гостей въ предводительскую резиденцію. Входя на ярко освѣщенное крыльцо дома Музыкантова, Канканчиковъ взглянулъ на часы: было безъ четверти двѣнадцать часовъ ночи. Но въ домѣ раздавалось еще веселье, и именинный пиръ не унимался.

Ардальонъ Аркадьевичъ только-что оставилъ партію въ безигъ и всталъ, чтобы поразмяться. Пріятель студента Сытова, арестованнаго незадолго губернаторомъ, по имени Моия, у дверей гостиной, вдали отъ карточныхъ столовъ, говорилъ дамамъ о томъ, что онъ, живя въ городѣ, занимается вопросомъ о реорганизаціи рабочихъ артелей и думаетъ устроить у себя на хуторѣ ассоціацію пахарей, гдѣ бы одному изъ пайщиковъ принадлежали волы, другому плуги, третьему обязанность кормить воловъ, четвертому веденіе счетовъ съ заказчиками. Музыкантовъ прислушался и улыбнулся.

— Охъ вы, передовые, надежды отечества!—сказалъ онъ,

пожимая плечами:—все о народѣ бредите. А народъ-то васъ грабитъ. Больше грамотѣевъ, больше негодяевъ. Вонъ, хваленый вашъ Чулковъ школу завелъ, хлопоталъ о больницѣ и о богадѣльнѣ, а явились гости изъ того же народа, да по-своему и распорядились его капиталомъ. Итъ, сударикъ, безъ насъ, безъ высшаго сословія, обществу далеко не уйти. Сама жизнь кладетъ перегородки: тьма для однихъ, свѣтъ для другихъ. Имъ зубатые старосты, да бойкіе исправники нужны, а не Фребелевы сады.

— Свобода и права ея нужны для всѣхъ,—сказалъ, нахмурясь, Мона.

Музыкантовъ размѣлся.

— Такъ вы еще не знаете, что свобода — галиматья, стихотворное посланіе къ дѣвѣ, къ ней, къ лунѣ? Укрѣпленіе на бумагѣ крестьянъ кончилось. Сводъ законовъ перепечатается — и только, но закрѣпощеніе труда капиталу только начинается! Цѣлковый рубль — вотъ теперь помѣщикъ, да еще какой!

Въ это время у крыльца слышались звуки колокольчика и бубенчиковъ: не то кому подали лошадей, не то, кто новый прѣхалъ. Прошло мгновеніе. Музыкантовъ, смолкнувъ на минуту, услышалъ, какъ засуетились слуги въ передней. Одинъ изъ лакеевъ вышелъ оттуда, направился къ Музыкантову и шепнулъ ему: «жандармскій офицеръ и исправникъ спрашиваютъ, можно ли войти?»

— Проси, проси!—заветалъ Ардальонъ Аркадьевичъ и, не взирая на свою сановитость, легкимъ пухомъ пронесся мимо карточныхъ столовъ черезъ залу и дружественно приветствовалъ подѣхавшихъ.

— На пару словъ, — сказалъ жандармскій офицеръ, побрякивая саблей:—позвольте въ отдѣльную комнату.

— Къ вашимъ услугамъ! Куда васъ Богъ несетъ? Что вамъ угодно?

Хозяинъ направился съ неожиданными гостями въ пустую угольную бильярдную.

Остальные гости, бросивъ играть въ карты, но не покидая мѣстъ, тревожно слѣдили за ними.

— Извините насъ,—началъ Калканчиковъ:—скажите, у васъ есть агентъ по подряднымъ дѣламъ, г. Зиньзинъскій?

— Есть.

— Макдональдъ Егорычъ?

— Макдональдъ Егорычъ.

— Гдѣ онъ въ эту минуту?

— Въ саду... приготовляетъ катанья въ лодкахъ при бенгальскихъ огняхъ на прудѣ... мое общество... мои друзья... собираются повеселиться... дамы и молодежь, словомъ, всѣ... надѣюсь, что и вы не откажетесь... такъ какъ это — день моихъ именинъ...

— Некогда намъ, Ардалонъ Аркадычъ, некогда. Нельзя ли намъ переговорить съ г. Зиньзиньскимъ?

— Съ удовольствіемъ.

Музыкантовъ выглянуть въ залу, подозвать слугу, убравшаго чайные стаканы, и послать его за Зиньзиньскимъ. Слуга вышелъ. Въ это же время отъ раскрытаго окна бильярдной, въ темнотѣ кто-то тихо отошелъ и быстро побѣжалъ дорожками сада.

— Онъ сію минуту явится, — сказать, стараясь быть какъ можно безпечнѣе, Музыкантовъ: — человекъ умный, честный и хорошій! Зачѣмъ онъ вамъ, могу ли спросить? Да не угодно ли вамъ чаю, сигаръ? курите?

— Очень вамъ благодарны.

— Откуда вы ѣдете?

— Изъ Черноземска.

— Куда, позвольте узнать?

Офицеръ замаялся.

— Къ вамъ, — отвѣтилъ исправникъ.

— Ко мнѣ! Какіе же вы педобрые: такъ поздно! Вамъ бы на пирогъ... Вчера я былъ въ городѣ; игралъ въ клубѣ съ губернаторомъ... вдругъ о Чулковѣ... Слышали вы? Говорятъ, его подозрѣваютъ въ дѣлѣ фальшивыхъ ассигнацій?

— Извините, мнѣ надо позаботиться о лошадяхъ, достать кое-какія бумаги! — сказать, какъ бы не слыша послѣднихъ словъ, исправникъ.

— Я все прикажу! — перебилъ хозяинъ.

— Нѣтъ, ужъ лучше вы побудьте здѣсь. Они вотъ при васъ съ Зиньзиньскимъ переговораютъ. А я схожу.

Исправникъ вышелъ. Но, вмѣсто того, чтобы доставать въ тарангасѣ бумаги, взявъ съ собою разсыльнаго казака и прошелъ въ садъ. Видно, его чуткое ухо услышало шаги подъ окномъ бильярдной.

Не прошло пяти минутъ, какъ отъ угла двора, гдѣ были

хозяйственные службы, въ темнотѣ раздались крики: «стой, стой, держи его!»

Озадаченный, сконфуженный и негодующій Музыкантовъ вскочилъ, быстро прошелъ мимо изумленныхъ гостей, хотѣлъ-было пойти въ лакейскую, какъ дверь оттуда растворилась и въ залу возвратился блѣдный Калканчиковъ.

— Что съ вами? — вскрикнулъ хозяинъ, подступая къ нему.

— Поймалъ его, захватилъ на-бѣгу, арестовать и сдать подъ стражу.

— Кого? кого?

— Зиньзиньскаго!

Музыкантовъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Чудеса! непостижимо! сущее несчастіе! и въ моемъ домѣ! — повторялъ хозяинъ: — гдѣ же арестованный вами Зиньзиньскій?

Калканчиковъ сѣлъ, стараясь успокоиться.

— Въ конюшнѣ-съ. Вотъ какъ было дѣло. Выйдя отсюда, я пошелъ къ тарантасу и услышалъ быстрые шаги въ саду. Я окликнулъ уходившаго; тотъ мнѣ не отвѣтилъ. Я кинулся за нимъ. Тотъ бросился въ кусты. Я взялъ нашего разсыльнаго, выслѣдилъ его въ саду. Но бѣглець миновалъ дорожки, бросился на дворъ къ конюшнѣ и вскочилъ верхомъ на перваго подвернувшася впотьмахъ коня. Мы стали въ уголъ у воротъ. Видимъ, онъ выѣзжаетъ изъ стойла и сталъ понукать коня вскачь. Мы его и схватили: я его за руку, а казакъ за ногу! Онъ лошадь шпорить, а мы его тянемъ къ землѣ: «Кто это, кто?—зашепталъ онъ:—пусти, сто цѣлковыхъ дамъ... пятьсотъ... тысячу!пусти!» не тутъ-то было; мы его сдернули, лошадь бросилась на дворъ, а я въ свалкѣ съ нимъ и упалъ на землю. Я его держу, а онъ кусаетъ мою руку. Да не ушелъ, теперь въ конюшнѣ, и казакъ нашъ на часахъ.

— Проню вашего позволенія, г. Музыкантовъ,—сказалъ жандармскій офицеръ: — прикажите послать за здѣшнимъ старшиной; да надо собрать понятыхъ! И я надѣюсь, что и вы всѣ, господа, въ качествѣ свидѣтелей, поможете намъ допросить, по такому важному дѣлу, г. Зиньзиньскаго.

— Итъ, ужъ вы лучше сами, —сказали гости.

Калканчиковъ потребовалъ фонарь и снова пошелъ къ конюшнѣ.

— Но Зиньзиньскій, Зиньзиньскій, и у меня на дворѣ арестованъ! Мой повѣренный! Боже, какое стеченіе обстоятельствъ—трагически шепталъ Музыкантовъ:—въ чемъ же его обвиняють? Не клевета ли это? Я столько лѣтъ его зналъ. Надо бы, полагаю, прежде предъявить обвиненіе...

Явился волостной старшина, собрались понятые. Слѣдователи открыли присутствіе въ одномъ изъ дворовыхъ флигелей, куда былъ введенъ и Зиньзиньскій.

— Ардальона, мой Богъ! — завопила мадамъ Музыкантова, поймавъ мужа въ одной изъ комнатъ мигомъ опустѣваемаго дома и падая передъ нимъ на колѣни: — что это такое? Что съ нами будетъ въ нашемъ домѣ! Да отвѣчай же!

Музыкантовъ взглянулъ помутившимися глазами на жену, плынулъ, топнулъ ногой и вышелъ со словами:

— Молчи хоть ты, матушка! Гдѣ бабы замѣшиваются, всегда подгадять! Тутъ не до слезъ! Поди, вонъ, лучше займи своими прелестями этого голубого гостя, либо мерзавца Капкачичкова. Не я ли тебѣ говорилъ, что ему надо дважды въ годъ по сту рублей посылать. А ты все твердила: обидишь, не беретъ; вотъ и обидѣлся! Небось, одиннадцать человѣкъ дѣтей—не шутка. Взялъ бы!

Музыкантовъ также пошелъ во флигель. Во дворѣ встрѣтился съ нимъ Чабаненко.

— Не пускають!—сказалъ послѣдній.

— Есть у тебя наличныя настоящія деньги?

— Есть.

— Много?

— Цѣковыхъ триста; не успѣлъ болѣе размѣнять.

— Такъ вы мѣняете по мелочамъ? Изверги, злодѣи: мы же условились не мѣнять до времени въ здѣшней губерніи!

— Да, мало ли о чемъ мы улаживались! По-неволѣ соблазнившись, коли денегъ нѣтъ. Видѣли мы, что Халатовъ да Скардачевскій мѣняють, и мы съ Зиньзиньскимъ начали...

— Г. Чабаненка къ слѣдователю! — проговорилъ въ это время чей-то голосъ съ крыльца флигеля: — попросите г. Чабаненка...

Чабаненко шепнулъ: «ну, вывози, сѣрая!» вздохнулъ, махнулъ рукой и пошелъ.

Музыкантовъ остался съ опущенной головой среди двора.

«Выдержалъ Зиньзиньскій, или не выдержалъ?» думалъ онъ.

Зиньзиньскій, между тѣмъ, на первомъ же допросѣ при понятыхъ, услышавъ неопровержимыя улики противъ себя, спросилъ слѣдователей, что можетъ ждать его за полное чистосердечное признаніе, упалъ на колѣни и во всемъ сознался. Слѣдователи наскоро составили актъ, дали подписать понятымъ, вызвали потомъ Чабаненка, на котораго показали Зиньзиньскій, допросили и этого, и задали Зиньзиньскому вопросъ:

— Скажите, у васъ не было болѣе сообщниковъ?

— Пока скажу: не было...—отвѣтилъ Зиньзиньскій.

Слѣдователи перемѣнили лошадей, взяли съ Чабаненка подписку о явкѣ въ городъ, а Зиньзиньскаго усадили съ собой и поѣхали. Всю дорогу Зиньзиньскій, несясь въ тарантасѣ, плакать, молился и поминутно со скрежетомъ зубовъ, восклицать:

— Я виноватъ, виноватъ, виноватъ! Убейте меня саблею или изъ пистолета, какъ пса! Я погибну; но погибайте же и вы, взявшіе съ меня клятву. Я васъ всѣхъ погублю, утоплю, всѣхъ, всѣхъ... О! спасите только, господа слѣдователи, мою жену и моихъ дѣтей! Эти негодяи, подбившіе меня, сулили мнѣ груды золота, тысячи; я потерялъ на спекуляціяхъ свой капиталъ и соблазнился. Но я же ихъ! Они сознательно, обдуманно затѣяли это дѣло и всякими соблазнами винутили сюда меня, голоднаго и съ голодною семьей! Всѣхъ выдамъ, всѣхъ!

— Кто же они, остальные ваши совратители? Скажите ихъ имена!

— Передъ полною комиссіей скажу...

— И много ихъ?

— Мѣста не будетъ въ губернскомъ острогѣ, какъ начнете всѣхъ виновныхъ туда сажать...

Нервный ознобъ пронизалъ арестанта, и онъ стучалъ зубами, пугливо и злобно забившись въ уголокъ тарантаса, какъ собака, загнанная стаей другихъ озлобленныхъ и ослѣпшихъ ее собакъ. Молча проѣхавъ нѣсколько верстъ, онъ опять хваталъ за руки дремавшихъ слѣдователей, молилъ ихъ сказать, какому сроку каторжной работы должны подвергнуться виновные въ этомъ дѣлѣ, и опять стоналъ, ломалъ руки и, свѣсиваясь изъ коляски, кричалъ:

— А! такъ вотъ какъ они уладили, затѣяли, устроили и пустили въ ходъ это дѣло! И теперь я одинъ долженъ по-

гибнуть изъ-за того, что для спасенія семьи неловко размѣняли нѣсколько сотняжекъ; а они хотятъ быть въ сторонѣ? Нѣтъ, нѣтъ! Не будутъ они въ сторонѣ!.. Господи! Дай мнѣ память, дай мнѣ слова, дай мнѣ языкъ, чтобы все припомнить! Ни одинъ, ни одинъ не пришелъ меня спасти, сказать за меня хоть словечко! Подлецы! Будьте вы прокляты!

Съ такими ругательствами и проклятіями Зиньзиньскій къ утру былъ привезенъ въ городъ; съ громомъ пронесся тарантасъ по соннымъ еще улицамъ и подъѣхалъ къ острогу. Силы арестанта ослабли. Войдя черезъ порогъ назначенной ему камеры, онъ зашатался и чуть не въ обморокъ упалъ на койку.

Черезъ два дня комиссія снова собралась въ полномъ составѣ, и Канканчиковъ по желанію губернатора, предложилъ на ея рѣшеніе такой вопросъ: «пріобщить ли къ дѣлу всѣ признанія и указанія арестанта Зиньзиньскаго, чтобы по нимъ дѣлать разслѣдованія, или заносить въ журналы комиссіи только такія изъ его признаній, къ которымъ можно питать довѣріе, не компрометируя попусту многихъ уважаемыхъ, но, быть можетъ, съ умысломъ мараемыхъ имъ лицъ?» Комиссія рѣшила заносить не все, а лишь то, что можетъ представить извѣстную степень вѣроятія. Зиньзиньскій бодро выступилъ передъ комиссіей, окинулъ взглядомъ членовъ, и послѣ нѣсколькихъ отвѣтовъ на предварительные вопросы, самъ задалъ такой вопросъ:

— Вы будете все записывать?

— Все.

— И все, что я скажу, будетъ доведено до свѣдѣнія не здѣшнихъ, а высшихъ властей... положимъ, въ Петербургъ?

— Все!—съ умысломъ отвѣтили ему члены комиссіи.

— Могу ли я, повторяю снова, за полное и чистосердечное признаніе ожидать смягченія своей участи?

— Это зависитъ не отъ слѣдователей, а отъ суда. Какъ знаете; мы можемъ вамъ только посовѣтовать одно: говорить чистую правду.

Зиньзиньскій замялся, долго молчать, отиралъ со лба потъ и переминался съ ноги на ногу. Сильная борьба происходила внутри его.

— Вотъ, то-то, — началъ онъ, не поднимая глазъ: — не-

долго вамъ разсказать всю правду: да что изъ того будетъ? И косточки мои сгніють прежде, чѣмъ кто-нибудь изъ тѣхъ, кто первый всему голова, будетъ самъ отвѣчать за это дѣло. Сильны они, сильны въ обществѣ, господа!.. Скажите лучше мнѣ по совѣсти... одному мнѣ такъ ужъ за всѣхъ и отвѣчать, или говорить сущую правду?..

— Комиссія ждетъ отъ васъ правды, ничего, кромѣ правды! — внушительно сказалъ ему одинъ изъ слѣдователей, чиновникъ особыхъ порученій губернатора.

Арестантъ, махнувъ рукой, сказалъ:

— Э! будь, что будетъ! — и началъ такъ свое признаніе:

— Вы желаете мнѣ дать очную ставку съ Халатовымъ? Вы говорите, что онъ первый, послѣ своего ареста, далъ нѣкоторые средства къ уликамъ противъ меня, своего сообщника. Не надо мнѣ его уликъ и доказательствъ. Я самъ вамъ открою все дѣло, какъ оно было. Мы съ Халатовымъ, дѣйствительно, завѣдомо и сознательно участвовали въ компаніи, жителей здѣшняго уѣзда и сосѣдней губерніи, для поддѣлки банковыхъ билетовъ. Но мы были только ближайшими агентами учредителей этой компаніи, которая поддѣлала и выпустила этихъ билетовъ на пятьсотъ пятьдесятъ тысячъ рублей серебромъ... Я завѣдывалъ ходомъ фабрики, Халатовъ — первыми попытками размѣна.

— Не преувеличиваете ли вы этой цифры, г. Зиньзиньскій? — недовѣрчиво спросилъ чиновникъ губернатора: — можетъ ли быть, чтобы въ этомъ глухомъ, ничтожномъ хуторкѣ вы отпечатали такую большую сумму денегъ?..

— Я васъ предупредилъ, что буду говорить сущую правду и что за нее жду пощады закона. Я самъ былъ бухгалтеромъ компаніи... велъ счета, а потому и говорю безъ ошибки... Мы хотѣли посылать мѣнять эти деньги на Кавказъ, на Волгу, на Донъ и въ Сибирь...

— Какъ давно эта компанія существуетъ?

— Восемь мѣсяцевъ она работала, а затѣяна уже болѣе трехъ лѣтъ.

— Итакъ, кто же ея учредители? — спросилъ Канканчиковъ, записывая показанія арестанта: — я долженъ спросить васъ, не участникъ ли въ ней г. Чулковъ?

Зиньзиньскій вынулъ платокъ, отерся, кашлинулъ, хотѣлъ говорить, попросилъ воды, выпилъ, попросилъ позволенія сѣсть и, сидя, вполголоса, началъ такъ:

— Что вы толкуете о Чулковѣ? Мы его и не знаемъ. Его фамилію забудьте. Я вамъ всѣхъ настоящихъ виновниковъ теперь назову, всѣхъ. Спасите только мою жену и дѣтей, а я хоть въ каторгу готовъ идти... Совершенно понимаю и сознаю, что мы затѣяли подлое дѣло и что не увернемся. Я не хотѣлъ, да меня втянули. Поэтому, выдаю вамъ теперь же всѣхъ главныхъ виновниковъ. Учредители компаніи: предводитель дворянства Ардальонъ Аркадьевичъ Музыкантовъ, почетный смотритель Скардачевскій, бывшій уѣздный судья Аванасій Андреевичъ Чабаненко, въ Петербургѣ князь Бухарскій, баронъ Шульцъ...—Зиньзиньскій не договорилъ.

— Знаете ли вы, милостивый государь, чему вы подвергаетесь за клевету, если не подтвердите вашихъ показаній?—вскрикнулъ чиновникъ губернатора:—если вы наносите поруганія высокимъ лицамъ, чтобы только запутать ихъ и протянуть дѣло, я возьму шляпу, уѣду и обо всемъ доведу губернатору... Вы это все сочинили. Берегитесь! вы играете въ сильную игру.

Голубой офицеръ, бывшій постоянно въ ссорѣ съ остальными мѣстными чинами, не выдержалъ.

— Господа, или г. Зиньзиньскій все будетъ говорить, или я, прежде всѣхъ васъ, выйду отсюда и обо всемъ этомъ дамъ знать не губернатору, а прямо въ Петербургъ.

Чиновникъ забормоталъ себѣ что-то подъ носъ и утихъ.

— Итакъ, господинъ Зиньзиньскій, далѣе: гдѣ была ваша фабрика?—спросилъ голубой офицеръ, по условію, впрочемъ, не записывая дальнѣйшихъ показаній арестанта.

Сторожкій глазъ арестанта замѣтилъ, что его показанія перестали записывать.

— Такъ вы мнѣ грозите, зовете меня клеветникомъ? Не хотите, какъ вижу, записывать моихъ главнѣйшихъ показаній? хорошо! Мнѣ терять болѣе нечего. Отнынѣ я молчу. Или пишите все, или ничего!

По знаку голубого офицера Зиньзиньскаго увели.

Члены комисіи стали снова совѣщаться, какъ быть съ его показаніями. Прошло минутъ десять. Слышались споры и возгласы:—«Да вы ошибаетесь, Иванъ Васильевичъ!»—«Нѣтъ, ошибаюсь не я, а вы, Павелъ Ильичъ».—«Нѣтъ, вы»...

Арестанта позвали опять. Жандармскій офицеръ, нахмурился, что-то записывать.

— Мы занесемъ въ протоколъ все ваши показанія! — произнесъ голубой офицеръ: — продолжайте: гдѣ была ваша фабрика и какъ компаньоны устроили все это дѣло?

Зиньзиньскій возобновилъ показанія и говорилъ болѣе двухъ часовъ подъ-рядъ. Кромѣ жандармскаго офицера, записывать еще губернаторскій чиновникъ. Арестантъ все рассказалъ: какъ учредители составили складчину въ пятнадцать тысячъ рублей серебромъ, какъ выписали машины, какъ пригласили печатника и рѣзчика, какъ условились окончательно обо всемъ у Музыкантова въ Ганновкѣ и какъ онъ, Зиньзиньскій, открылъ эту фабрику въ Ульяновкѣ, подъ видомъ кожевеннаго завода.

— Отчего выбрали это мѣсто, а не другое?

— Гдѣ найдете уголокъ болѣе удобный для этой цѣли?.. Ульяновка стоитъ въ сторонѣ отъ большихъ и проселочныхъ дорогъ, окружена оврагами, болотами и песками. Съ трехъ сторонъ ее огибають притоки Опалѣхи. А Опалѣха, вы знаете, самое глухое мѣсто въ губерніи. Въ Ульяновкѣ всего шесть крестьянскихъ дворовъ, и тѣ вдали отъ барской усадьбы. Я взялъ Ульяновку на аренду на свое имя, а чтобы не навлекать подозрѣнія полиціи, Чабаненко поселилъ тамъ свою любовницу. Отъ него сосѣднему становому постоянно посылались подарки, и тотъ никогда туда и носу не показывалъ. Ну, вотъ тамъ-то въ этой глуши, компанія и устроила банкъ фальшивой монеты.

Чинovníкъ губернатора нагнулся къ Капканчикову и шепнулъ ему:

— Вотъ бы мадамъ Чабаненкѣ шепнуть про эти откритія...

Наконецъ, Зиньзиньскій передалъ адреса мѣстъ, куда уѣхали, по отпечатаніи перваго выпуска ассигнацій, рѣзчикъ и печатникъ, и рассказать, куда учредители прятали болѣе важныя части машинъ. Комиссія постановила: Чулкова отъ подозрѣнія изъавить, Зиньзиньскаго посадить въ острогъ, а сама раздѣлилась снова: одна часть ея членовъ рѣшилась ѣхать въ розыски другихъ привлеченныхъ къ дѣлу, а другая часть положила искать, въ указанныхъ мѣстахъ, доски, краски и прочіе припасы. Капканчиковъ,

по подписаніи протокола, на другой день явился къ губернатору.

— Надо арестовать, — сказать онъ: — лицо, которое высоко поставлено въ этой губерціи.

Капканчиковъ хотѣлъ назвать это лицо.

— А чортъ ихъ побери, всѣхъ этихъ высокихъ лицъ! надоѣли и вы мнѣ, да и они! вотъ, гдѣ они всѣ сидятъ у меня! — показавъ губернаторъ на полный бѣлый затылокъ: — я знаю, что вы, вѣроятно, уличили Чулкова, а онъ сталъ выдавать и путать другихъ?

— Близкаго знакомаго вашего превосходительства надо арестовать, господинъ же Чулковъ въ сторонѣ. Всѣ привлеченные къ дѣлу выгородили его единогласно. Дѣло идетъ о другомъ лицѣ.

Губернаторъ во всѣ глаза взглянулъ на подобострастную позу Капканчикова и, подумавъ: «на кого бы онъ намекать?» — отвѣтилъ:

— Удивляюсь, что ошибся о Чулковѣ. Странно! Впрочемъ... Берите хоть дьявола, слышите ли? • Мнѣ проходу нѣтъ, одни орутъ: бери, казни ихъ, а клубъ кричитъ: клевета! Чортъ знаетъ, что тутъ дѣлается! Всякаго станешь подозрѣвать, скоро въ карты ни съ кѣмъ нельзя будетъ играть... Берите хоть всѣхъ, вмѣстѣ съ клубнымъ экономомъ! Но... я, впрочемъ... на васъ надѣюсь! Помните одно: не всегда и не во всемъ вѣрьте слухамъ о тѣхъ уважаемыхъ въ обществѣ именахъ, въ которыя съ умысломъ бросаютъ грязью эти уѣздные и губернскіе сплетники. Вотъ здѣсь и о Музыкантовѣ плетутъ. И я знаю — вы о немъ хотѣли мнѣ сказать. Дѣлайте, что хотите, я вамъ не мѣшаю. Но будьте осторожны: у него много завистниковъ и враговъ.

Дежурный лакей въ это время внесъ и подалъ губернатору телеграмму. Тотъ ее прочелъ и долго не могъ выговорить слова.

— А! слышите, слышите? Каково! представьте! мнѣ телеграфируютъ изъ Петербурга... (губернаторъ смилъ телеграмму), что въ одной изъ петербургскихъ газетъ уже явилась телеграмма изъ Черноморска о томъ, что у насъ въ губерціи открыта шайка фальшивыхъ монетчиковъ, что она состоитъ изъ извѣстныхъ въ городѣ лицъ. Ума не приложишь. Дѣйствуйте, дѣйствуйте энергичнѣе! Это Сытовъ, сту-

денщъ Сытовъ опять напечаталъ каверзу. Ну, что мнѣ съ нимъ дѣлать, съ этимъ новымъ Курбскимъ? Какая дерзость! Розгами бы ихъ сечь! Малодушная дрянь, всякая козявка и та стремится занять видное мѣсто на земномъ шарѣ!

Бѣшенству губернатора не было предѣловъ. Сытовъ опередилъ его отчетъ министру.

Исправникъ вышелъ и черезъ часть съ голубымъ спутникомъ съѣзъ въ тарантасъ и снова выѣхалъ за городъ.

И давно невиданный скандалъ разразился надъ уѣздомъ и надъ цѣлою губерніей. Слѣдственная комиссія допросила Скардачевскаго и Чабаненка, обыскала ихъ, арестовала и въ собственномъ dormezъ Аванасія Андреевича, шестерикомъ, подъ конвоемъ двухъ жандармовъ, доставила обоихъ прямо въ острогъ. Тревожные слухи начинали ходить и о самомъ Музыкантовѣ. Но его пока еще не трогали. Довольно было и вѣсти объ арестованіи этихъ двухъ лицъ. Молва о Чулковѣ также стала замолкать. Одна Чемодарова осталась ему вѣрна. Съ нею онъ дѣлилъ свое горе, имѣвшее тѣ еще слѣды, что онъ чуть было не закрылъ своей школы.

Пока комиссія вела секретные допросы, губернаторъ не зналъ, на какую ногу стать и кого слушать. Одни въ острожную камеру тайно посылали Чабаненку клубный столъ, всякія лакомства, вина, газеты и сигары, толкуя, что время пытокъ прошло и что съ заключенными слѣдуетъ обращаться мягко. Другіе говорили: «отчего же послѣ этого и всѣмъ остальнымъ острожникамъ не посылать клубныхъ пудинговъ и суповъ?» и требовали сравнить этихъ арестантовъ по содержанію съ прочими.

Уликъ противъ Чабаненка, однакоже, комиссія сперва открыла мало. Его бойкій адвокатъ настроилъ ему куда-то жалобу, и его уже готовились-было освободить на поруки, какъ его недавній пріятель, губернаторъ, самъ того не ожидая, нанесъ ему жестокий и неожиданный ударъ. Губернаторъ какъ-то рѣшился посѣтить острогъ, обошелъ камеры арестованныхъ по дѣлу о фальшивыхъ билетахъ и, ни съ того, ни съ сего, напустился при всемъ конвоѣ на Чабаненка:

— Я, милостивый государь, былъ съ вами знакомъ, водилъ съ вами хлѣбъ-соль, какъ съ честнымъ дворяниномъ и бывшимъ судьей. А вы себя опозорили такимъ дѣломъ,

да еще и запираетесь. Сознайтесь лучше, это — долгъ дворянина. Дворянинъ падаетъ, но не безчеститъ себя ложью...

Обернувшись къ тюремному смотрителю, онъ грозно прибавилъ:

— Кто это?

— Ихъ высокоблагородіе, господинъ Чабаненко.

— Лжете, сударь! это — государственный преступникъ, арестантъ Чабаненко, а не ихъ высокоблагородіе! Отобратъ отъ него красное шелковое одѣяло, сигары, газеты и бархатный халатъ! Сермигу па него, какъ велитъ законъ! Къ моему прискорбію, тѣ, кто были мною приняты и за кого я распинался, оказались преступниками.

Чабаненко при этомъ такъ струсиль, что подумалъ: «и въ самомъ дѣлѣ, не повредить бы себѣ запирательствомъ?» — призвалъ слѣдователей и во всемъ, подобно Зиньзиньскому, сознался, выдать и Музыкантова.

Губернаторъ приписалъ эту побѣду надъ Чабаненко себѣ и поуспокоился, сталъ попрежнему, жалуясь на боль поясницы, играть въ карты и бесѣдовать со старцами, своими клубными друзьями. — «Дай, — подумалъ онъ, — укрошу я и этого борзопища Сытѣва. Накормлю его обѣдомъ, обожрется пищій и будетъ моимъ. Такъ и Наполеонъ съ оппозиціей дѣлаетъ». Оппозицію, дѣйствительно, пригласили черезъ полицію, угостили на славу, но черезъ двѣ недѣли явился одинъ изъ сатирическихъ листковъ изъ столицы и привезъ всю эту исторію въ печати, подъ именемъ: «Вотъ какъ въ Японіи мандарины подкупаютъ свободное слово». Но разнеслась молва о новомъ скандальномъ дѣлѣ въ Черноземскѣ.

XI.

Юные птенцы и губернское казначейство.

Послѣ грабежа кассы Чулкова и незадолго передъ первыми арестантами по дѣлу о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, кучка молодежи въ губернскомъ городѣ Чернопоземскѣ ознаменовала себя рядомъ самыхъ отъявленныхъ кутежей. Въ этой кучкѣ были: кавказскій линейный офицеръ, ходившій всегда въ папахѣ и съ огромнымъ княжаломъ, по слухамъ, незадолго передъ тѣмъ взявшій куда-то переводъ изъ кубанскаго войска; какой-то отставной почтальонъ Вани, бѣ-

локурый и облысѣлый; знакомый читателю юнкеръ Чабаненко, вездѣ въ окрестныхъ полкахъ исключенный и нигдѣ въ теченіи шести или семи лѣтъ не получившій офицерскаго чина, хотя и носившій по вечерамъ на груди полукафтана георгиевскій крестъ, какого, какъ говорили злые люди, онъ никогда и нигдѣ не получалъ отъ начальства. Еще былъ тутъ нѣкій растрепанный семинаристъ, Струйскій, сынъ одного изъ чиновниковъ мѣстной банковской конторы; наконецъ, былъ здѣсь гимназистъ Вава Музыкантовъ и во главѣ всей веселой братіи—Еня Разноцвѣтовъ. Разсорившись съ сестрой Чемодаровой и разставившись съ Ардалыпомъ Аркадычемъ Музыкантовымъ, Еня съ радостью примкнулъ къ этимъ волокитамъ и буянамъ. Его, искушеннаго жизнью, слушали, какъ оракула.

«Дурачье были эти фабриканты! — рѣшилъ въ умѣ Разноцвѣтовъ, услышавъ подробности объ арестахъ по ульяновскому дѣлу,—и этотъ мой другъ, мастодонтъ, предводитель Музыкантовъ, былъ во главѣ ихъ! То-то они все тайно отъ меня шептались! Что они были готовы торговать фальшивыми бумагами, этого я всегда ожидалъ. Но не считалъ ихъ способными на устройство фабрики. Ослы ослами, вздумали дѣлать фальшивыя депозитки, когда ихъ готовыхъ можно отыскать, умѣючи, сколько угодно!.. Вонъ я далъ мысль Молодичкѣ! Какъ ловко подтибрили деньги Чулкова, да и съ желѣзною кассой подцѣпили ихъ цѣликомъ, даромъ что была несгораемая и привинчена къ полу... Жаль, что я тогда не поживился. Ну, да наше еще не ушло».

Послѣ одной безумно-расточительной попойки, друзья-кутили въ дворянскихъ фуражкахъ съ кокардами забрались, съ остатками вина и закуски, за-городъ, на кладбище. Очередной банкиръ Струйскій, пріѣхавъ въ обитель черноземскихъ покойниковъ, упалъ на землю, подъ шумъ остальной братіи проспалъ часа два, очнулся, всталъ, вынулъ изъ бутылки, отрѣзалъ колбасы, закусилъ и объявилъ, что теперь у него, а, слѣдовательно, и у всѣхъ пирующихъ, на-завтра въ кассѣ будетъ развѣ цѣлковыхъ два, да и то много. Компанія задумалась.

Мѣсяцъ тихо плылъ на ясномъ небѣ. Высокіе тополи кладбища далеко протягивали голубыя тѣни. Изъ города доносился то лай собакъ, то громкіе звуки проѣзжавшихъ черезъ мосты экипажей.

— Гм! я на это вотъ, что придумалъ! — сказалъ, вскакивая, Кня: — ты, семинарія, начерти намъ планъ вашей банковской конторы и, главное, планъ ходовъ къ тамошнему денежному подвалу. Мы раздѣлимся. Одни будутъ караулить, а другіе поведутъ изъ сосѣдняго глухого огорода подкопъ подъ этотъ подвалъ. Будемъ работать по ночамъ. Ну, этакъ въ недельку-другую дойдемъ до стѣны, проломаемъ ее, пробьемъ полъ, и дѣло въ шляпѣ. Что? вѣдь тысячъ до пятисотъ, до шестисотъ будетъ тамъ въ наличности?

— Вопа! клади милліонъ! Давеча, братъ, я ходилъ звать отца обѣдать, такъ бухгалтеръ спросилъ контролера при мнѣ: сколько въ наличности по десятое? Милліонъ двѣсти тысячъ, сказалъ тотъ ему въ окошечко изъ контрольной.

— Милліонъ! Ихчи! — ввернулъ кубанскій линеецъ.

Всѣ сдвинулись тѣснѣе. Предчувствовалось похождение на славу.

— Вотъ тогда одѣнется Каролинка! а Меланикѣ лисій салонъ справимъ! — рѣшилъ гимназистъ Вава, лежа навзничъ и шлюя для собственнаго увеселенія черезъ голову въ небо.

— Начинай, Разноцвѣтовъ, я первый съ заступомъ спускаюсь въ землю и буду рыть, какъ оберъ-кротъ Тотлебенъ, — сказалъ юнкеръ Чабаненко, вскидываясь на пятки и оправляя на вспухшихъ глазкахъ очки.

— Извольте, господа, я готовъ! — сказалъ семинаристъ: — планъ недолго набросать вамъ, а отъ огорода всего сажень двадцать пришлось бы идти подъ землей до стѣны конторы. Но вотъ бѣда: между огородомъ и зданіемъ конторы — канава, всегда наполненная водой, и притомъ самую вонючую и отвратительнаго свойства: здѣсь, кажется, стокъ изъ сосѣдняго городского болотца.

Юнкеръ грустно посвисталъ. Пріятели опять разлеглись.

— «Заурмѣ, собачья кровь!» — щеголялъ кавказскими побранками линеецъ.

Кто тянулъ остатки вина изъ запасныхъ бутылокъ, кто закуривалъ новыя папироски.

Разноцвѣтовъ ударилъ себя по лбу, вскочилъ на корточки и вдругъ спросилъ:

— Господа милорды и джентльмены! отвѣчайте мнѣ: хорошо обработанъ Чулковъ?

— Важнецки!

— Правится? а вѣдь я знаю того господина, что навелъ на него теплую братью острожниковъ!

— Не три черезъ мѣру, лопнешь!

— Ей-Богу...

— Смотри, еще Капканчиковъ узнаешь...

— А въ дѣлѣ фальшивыхъ билетовъ, вы думаете, я тоже ничего не знаю?

— Полагасмъ!—порѣшили нѣкоторые.

— Полагайте себѣ, какъ знаете; только увѣряю васъ, что не вру и что знаю одного такого человека... его держали при себѣ эти господа фабриканты, и онъ, хотя не вполне зналъ ихъ дѣло, но былъ имъ полезенъ... не дали они этому господину займы пятисотъ рублевыхъ, онъ ихъ и бросилъ. Тѣмъ-то, друзья мои, онъ и уцѣлѣлъ отъ слѣдствія; но они ужъ, разумѣется, безъ него пропали.

— Енъка! это ты про себя? заврался опять? цыцъ. не слишкомъ иди въ ширь!—сказалъ гимназистъ Вава Музыкантовъ:—моя мать—сирота, безъ роду и племени; я также—сынъ моего родителя, и мнѣ его жалко, тѣмъ паче, что съ его виной потянуть и все наше состояніе. А я вѣдь жить только начинаю.

— Ну, и живи!

— Чѣмъ?—спросилъ Вава, для особаго шика расчесывая карманнымъ гребнемъ черные, какъ смоль, и совершенно кудрявые свои волосы.

— Мошенничай самъ! ей-Богу!—хватилъ Еня.

Собесѣдники расхохотались.

— И одинъ учитель у насъ то же говорилъ, — перебилъ семинаристъ: — лучше жизни ничего, господа, не имѣется! А нѣкій древній философъ съ ума сошелъ со страху, узнавъ, что черезъ сутки умереть отъ яду.

— Водка еще есть?—спросилъ Еня.

— Есть.

— Давай.

Разноцвѣтовъ отпилъ и далъ другимъ. Еще поговорили. Нѣкоторые подъ общій разговоръ стали засыпать. Спустя, однако, полчаса, Еня, покачиваясь, опять всталъ, осмотрѣлъ остальныхъ, отошелъ въ сторону подъ деревья и отозвалъ туда семинариста и кавказца. Сердца ихъ бились тревожно, дыханіе было перерывисто. Всѣ угадывали, что Еня съ не-

давней поры обдумать нѣкій совершенно новый планъ, рѣшился на что-нибудь смѣлое и небывалое, и ждали съ нетерпѣніемъ, что онъ скажетъ.

— Жить лучше, или не жить? — спросилъ трагически Еня, ухвативъ обоихъ пріятелей за руки.

— Разумѣется, лучше жить! Что и говорить!

— Хотите разбогатѣть? сразу, понижаєте, такъ, чтобы небу было жарко? Лучше богатства на свѣтѣ нѣтъ ничего: ученость, права, честь, таланты, все это — чепуха. Этимъ занимались наши дѣды и отцы. Мы займемся болѣе пріятнымъ: жизнью.

Пріятели молчали. Мѣсяцъ свѣтилъ попрежнему; изъ города рѣже, но все еще ясно, доносились звуки гремѣвшихъ по мостамъ экипажей.

— Да и съ какой стати плагать на себя какіе-то высокіе обѣты, мучить себя нравственнымъ постомъ, когда всѣ кушаютъ скоромное? — усмѣхнулся Еня: — всѣ грабятъ, всѣ паразитничаютъ на счетъ другихъ. Одинъ, вонъ, дуракъ Сытовъ все объ идеалахъ бредитъ, газету затѣваетъ тутъ издавать: хочеть отчій домъ продать и кушать типографію. Скоты! точно жизни не знаютъ... Бѣдняки бѣдствуютъ, вопреки академіямъ и университетамъ, пуще прежняго, а богачи богатѣютъ тѣмъ же старинными неправыми путями. Медленнымъ трудомъ богатѣть и можно бы людямъ, сильнымъ волей и духомъ, да много ли такихъ! Враки все, господа, что честный человѣкъ честнымъ и умретъ; не умретъ онъ у насъ честнымъ человѣкомъ, подлецомъ умретъ: нодь конецъ все-таки свихнется. Трудно не свихнуться!

— Да ты это, Енька, въ мораль? — сердито прохрипѣлъ волосатый, какъ курдючный баранъ, линеецъ: — ты къ дѣлу-то...

— Эхъ, погоди! Напримѣръ, — продолжалъ Разноцвѣтовъ: — наша Новороссія, тѣмъ она ушла впередъ дальше хоть бы Запорожья? Запорожцы кутили и грабили турокъ, а тутъ всѣ грабятъ другъ друга... Принципы, душка, тѣ же!

— Енька, въ морду дамы! говори намъ дѣло, а то спать хочется! Подниму всѣхъ и уѣдемъ! — объявилъ сердитый линеецъ.

— Такъ слушайте же! — зашепталъ Разноцвѣтовъ: — давно я подумалъ одно дѣло, какому еще не было примѣра. Что это за дѣло съ ульяновскими депозитками! пустяки!.. Нѣтъ.

мое дѣло почище... Ну, ну, я не стану предлагать устраивать фабрики фальшивыхъ монетъ, съ выпиской сложныхъ машинъ, съ наймомъ специалистовъ рабочихъ, готовыхъ предать тебя за грошъ всякому. Я не пойду по стопамъ вашихъ родителей, господа Музыкантовъ и Чабаненко. Итъ! съ завтрашней же ночи мы, господа, всею братією, начинаемъ подкопъ подъ губернское казначейство...

— Что ты! подъ губернское казначейство!—воскликнуть семинаристъ.

— А именно: подъ контору твоего папеньки мѣшается канавка. А тамъ, такъ и рыться не надо: пробьемъ стѣнку изъ-подъ лѣстницы, въ углу общаго коридора, да ночей черезъ пять-шесть и очутимся въ подвалѣ съ новороссійскою казною. Что, брать? не чета твоей конторѣ; у васъ тамъ... я уже обдумалъ: болѣе именныя билеты, а тутъ, тетенька, чистоганъ податной, сермяжный, настоящія засаленныя да потомъ и кровью человѣческою пропитанныя депозиточки, связками. Самъ недѣлю назадъ видѣлъ: нарочно слѣдить, будто за подорожной приходитъ. Но, чуръ, только великая осторожность и повиновеніе вожаку дѣла. Нечего хлопотать надъ трудомъ поддѣлки фальшивой монеты. Настоящей добудемъ сколько нужно.

Планъ Ыни былъ сообщенъ остальнымъ; приятели осушили бутылки, перебрались за кладбище въ поле, легли на травѣ и проснулись уже тогда, какъ ихъ пригрѣло позднее солнце.

Планъ Разноцвѣтова казался сказкой. Но не таковы были хмельныя нагуры его друзей, чтобъ отступать. Сказано и сдѣлано. Приятели раздѣлили между собою роли. Мѣсто подкопа избрано въ концѣ общаго коридора присутственныхъ мѣстъ, въ темномъ углу, подъ черною лѣстницей, которая вела въ верхніе этажи зданія. Въ этой впадинѣ зимой складывались дрова; лѣтомъ же тутъ ставились зимнія оконныя рамы и прятались служителями ведра и запасныя мочальныя швабры. Разноцвѣтовъ рассчиталъ, что одинъ изъ простѣлковъ этой впадины былъ стѣной казначейскаго подвала. Онъ рѣшилъ забраться за оконныя рамы и сдѣлать въ нѣсколько сутокъ пробоину въ этой стѣнѣ, работая по ночамъ, а на день заставляя дыру досками и подмазывая штукатуркой. Свѣтъ изъ сосѣдняго окна черезъ лѣстницу не падалъ на это мѣсто, а стѣна и безъ того всегда была сырая и въ пятнахъ.

Возлѣ лѣстницы коридоръ загибался еще къ выходу на черныи дворъ.

Въ первую же ночь Еня съ семинаристомъ явились къ мѣсту дѣйствія, неся подѣ фалдами пальто долото, молотокъ и лопатку. Юнкеръ Чабаненко подѣ форменною шинелью пронесѣ ведро, мѣшочекъ извести и песку. Линеецъ и почтальонъ Ваня еще раньше припѣли и спустились подѣ лѣстницу родѣ крышки съ деревяннаго ящика для затиранія штукатурки, потомъ проишлись впотѣмахъ по коридору, съ пачками бумагъ подѣ мышкой, будто чиновники. Еня и семинаристъ приодѣлись также на манеръ писцовъ, шинящихся до поздняго вечера по коридорамъ этого зданія. Семинаристъ сталъ впотѣмахъ на черномъ крыльцѣ, а почтальонъ и Вава Музыкантовъ шагахъ въ тридцати отъ лѣстницы, въ глубинѣ общаго коридора, и начали сторожить. Тишина въ присутственныхъ мѣстахъ была невозмутимая. Еня и семинаристъ быстро принялись за дѣло. Раздвинули кучу зимнихъ оконныхъ рамъ, Еня занолзѣ подѣ нихъ, а семинаристъ сталъ на лѣстницѣ, частью для того, чтобы подавать Енѣ нужныя матерьялы, и частью, чтобы оберегать ходъ по лѣстницѣ сверху. Разноцвѣтовъ началъ работать. Зажегъ крошечный фонарь, поставилъ его подѣ лѣстницей такъ, что свѣтъ его падалъ только на избранную имъ часть стѣны, прикрытой широкимъ рядомъ пыльных тусклыхъ рамъ, и выбилъ рядъ кирпичей. Семинаристъ собралъ мусоръ въ старенькую салфетку и подалъ Чабаненкѣ, который вынесъ его и бросилъ въ оврагъ съ горки присутственныхъ мѣстъ. Еня примѣрялъ къ дырѣ деревянную закладку, принесенную почтальономъ, причертилъ къ ней еще вѣрѣе пробоину и сталъ снова работать. Часа черезъ два, впадина, въ квадратный аршинъ величиной, была пробита почти на два ряда кирпичей. Разноцвѣтовъ выбился изъ силъ; тѣмъ не менѣе, не теряя времени, онъ наскоро поставилъ въ темный уголъ подѣ лѣстницей ведро, положилъ туда кирку, долото и лопатку, остальную известку и песокъ, заставилъ дыру закладкой, прибилъ ее съ четырехъ концовъ гвоздями и замазалъ известковымъ цементомъ. Пока онъ это дѣлалъ, семинаристъ и линеецъ снова убрали кирпичи и мусоръ, принесли казеннымъ ведромъ воды, замыли по полу слѣды известки, вытерли все казенною шваброй, опять поставили на мѣсто рамы и ушли. А когда разсвѣло,

то въ темной впадинѣ подъ лѣстницей, между старыми стѣнными пятнами, никто не угадалъ бы новаго пятна.

Въ слѣдующія три ночи пробойна была такъ углублена, что Еня съ фонаремъ вѣлъ туда и работать въ ней, прикрываясь закладкой, которую товарищи снимали только для освѣженія воздуха. Каждый разъ наутро всѣ слѣды снова исчезали и за досчатого закладкой оставались одни инструменты, ведро, да известковое тюрмо. Пришла шестая ночь. За все время только однажды, именно въ пятую ночь, охмѣлѣвшій Авфисычъ, сторожъ одной изъ палатъ, помѣщавшихся въ этомъ зданіи, вышелъ изъ служительской коморки и болѣе часу шатался по коридору, ругался на всѣ лады, что никакъ не могъ отыскать выхода во дворъ; пошатавшись по коридорамъ и напугавъ Еню съ товарищами, онъ упалъ и заснулъ въ двадцати шагахъ отъ лѣстницы. Друзья Разноцвѣтова при этомъ было скрылись, но когда сторожъ затихъ, воротились, и работа шла до зари.

— Еще, господа, одна ночь! — сказала Еня, вѣзая въ пробойну: — и мы счастливы; останется немного... Выну сегодня не болѣе одного ряда, чтобы стѣна не дала трещины въ подвалъ... Да куда дѣлось мое долото? Видно, потерялъ на улицѣ! Завтра же придемъ, толкнемъ, вѣземъ въ подвалъ, заберемъ, что надо, въ мѣшки и драла... Готовьте мѣста, куда прятать деньги.

— Отчего же такъ долго?

— Дыра, друзья мои, вышла на уголь подвального свода; развѣ не видите? Этимъ сводомъ идемъ въ глубину. То была сырая стѣна, а теперь пошла сухая, какъ камень, значитъ, близко къ концу, да и по стуку уже легко угадать... Какъ бы только часовой у подвальной наружной двери не расслыхалъ моего скребенья и не поднялъ бы шуму.

— Не услышишь: подвалъ изъ трехъ компанъ подъ-рядъ, а мы идемъ противъ самой крайней.

— Завтра, смотрите, сюда слѣдуетъ явиться уже не съ пустыми руками: у кого есть револьверъ, бери его, ножъ есть, бери и ножъ. Все можетъ случиться. Придется, можетъ, отбиваться — такъ ужъ тутъ жалѣй себя, а не другихъ. — А тройка, Ваня, на всякій случай, готова? — прибавилъ Еня, гордо и торжественно поглядывая на друзей.

— Договорена, на подиоркахъ у жида.

— Деньги лучше всего зароемъ въ оврагъ подгородныхъ

кирпичныхъ заводовъ и скроемся на первое время всѣ, какъ будто разѣдемся по своимъ дѣламъ; а этакъ черезъ недѣльки три, черезъ мѣсяць, и подѣлимся. Я уѣду тогда сейчасъ же за границу, поживу въ Италіи, купирую въ Парижѣ, а потомъ — на Востокъ, къ пылкимъ азіатскимъ женщинамъ. Ты, Чабаненко, вѣроятно, сейчасъ же въ гвардію; какъ будетъ вдоволь денегъ, увидишь — и экзаменъ выдержишь... Вава укатитъ въ Москву — нигдѣ такой игры въ карты нѣтъ, какъ тамъ; а ты, кавказецъ, да ты, Струйскій, вѣроятно, сейчасъ же женись...

— Ну, полно тебѣ; лѣзь, Енька! пора!

— Эхъ, друзья! Знаютъ ли наши Дани, Мани и Каролиночки, что мы такъ трудимся для нихъ? — сказали, влѣзая въ пробонну, Еня: — казенную корову всѣ понемножку доятъ, а мы выдоимъ ее сразу: вотъ и вся разница. Да и то, вѣдь, казна, собственно, и не потернѣтъ! Собственники поморщатся и все опять пополняютъ новыми податями, — а мы... запылимъ, Чабаненко, не правда ли? Хлопъ, — и вдругъ губернія проснется черезъ сутки банкротомъ.

— Запылимъ! Лѣзь, дѣлай дѣло и не философствуй. Basta!

Разнощѣтовъ нагнулся, крикнулъ, влѣзъ въ пробонну, его опять заложили закладкой, онъ зажегъ фонарь и началъ тихо, какъ бессонная, голодная мышка, скрести и пощелкивать молоткомъ. Чабаненко сталъ, по обыкновенію, на черномъ крыльцѣ, Вава въ глубинѣ коридора, семинаристъ на лѣстницѣ, почтальонъ на ней же, выше этажомъ, а линейцъ помѣстился въ потемкахъ у поворота къ служительской коморкѣ. Два раза Еня оставлялъ работу, и два раза товарищи тихо и бережно выносили черезъ черный дворъ къ оврагу мусоръ и кирпичи. Было уже часа три ночи. На соседней гауптвахтѣ слышныя отрядъ; съ противоположной стороны зданія отъ площади изрѣдка долетало позывкиванье ружей, и можно было разслышать сонную команду конвольнаго офицера и мѣрный топотъ шаговъ уходившихъ и приходившихъ на караулъ солдатъ. Товарищи Разнощѣтова, въ разныхъ мѣстахъ коридора и лѣстницы, дремали. Еня мѣрно скребъ и чуть постукивать молоткомъ въ пробоннѣ. «Вотъ будетъ штука, — думалъ онъ, — какъ шесть безпардонныхъ пройдохъ и гулякъ ограбятъ миллионную казну губерніи! Воображаю тогда себя физиономію губерна-

тора и всѣхъ чиновниковъ! Охъ, что-то дремлетъ. Покурить бы хотѣлось, да боюсь... ужъ потеряю!..» Вдругъ рука у Ени остановилась, и сердце, шибко забившись, замерло; морозъ прошелъ по его спинѣ и волосы на головѣ встали дыбомъ; ему показалось, будто въ коридоръ съ одной стороны и на черный дворъ къ крыльцу, гдѣ стоялъ Чабаненко, съ другой — тихимъ шагомъ подходили два отряда солдатъ! «Вѣрно мнѣ померепнилось! Вѣрно я не пересилилъ себя и вздремнулъ!» — подумалъ Еня и быстро загасилъ во виадинѣ фонарь. На время все смолкло. «Такъ и есть, — пронеслось въ умѣ Ени, — я задремалъ; надо вылѣзть да поразмыслить. Кликну съ собою Ваву, покуримъ во дворѣ, да и товарищей надо бы расшевелить! какъ бы еще кого не проглядѣли...»

И только-что онъ хотѣлъ толкнуть закладку и вылѣзть, какъ снаружи кто-то сталъ по ней шарить рукой.

«Вѣрно Чабаненко увидѣлъ въ щель, что я погасилъ фонарь, думаетъ, что я сплю, и лѣзетъ, свинья, меня будить...»

Закладка отодвинулась, и передъ Еней въ освѣщенномъ коридорѣ представился рядъ солдатскихъ лицъ, и впереди всѣхъ рыжее и красноватое, въ веснушкахъ, лицо гарнизоннаго офицера и фizioномiи знакомаго Енѣ губернскаго казначея, Ивана Степановича.

— Выходи, — сказалъ офицеръ. — Ребята, не упускай тѣхъ, что кинулись по лѣстницѣ въ коридоры второго этажа!

По коридору поднялась сильная бѣготня; еще кого-то, чуть ли не Ваву, ловили. Вверху по всѣмъ лѣстницамъ также происходила суматоха, раздавались крики: «стой, стой! залѣзь въ чуланъ! Бородинъ! Ты его прикладомъ. Унижается! Ой, батюшки-свѣты, кипкаломъ отмахивается».

«Капутъ! Теперь я пропалъ и пропалъ окончательно! — мелькнуло въ мысляхъ Ени: — следствие, судъ, далекій походъ въ Сибирь... А они-то, всѣ схвачены или нѣтъ?»

— Да вылѣзай же, тебѣ говорить! — прикрикнулъ на Еню рыжий офицеръ: — чего согнулся и смотришь, какъ волкъ въ овчарнѣ?

Еню вытащили, связали и съ личнымъ повеліемъ прямо въ губернскій острогъ. Товарищи же его, услыша заранѣе приближеніе солдатъ, ушли всѣ до единого, черезъ особый ходъ верхняго этажа, на крышу сосѣдняго дома, а отуда

по водосточнымъ трубамъ спустились на площадь и скрылись.

На утро исторія о пробойнѣ въ подвалѣ губернскаго казначейства разнеслась по городу, а черезъ день по цѣлой губерніи. Губернаторъ и вся мѣстная администрація просто обезумѣли отъ страха. И было изъ-за чего. Паряжана новая строжайшая комиссія. Имя Евгенія Разноцвѣтова мигомъ облетѣло все уголки. Удостоверившись въ тюрьмѣ, что изъ его товарищей никого не захватили, Еня на первомъ же допросѣ твердо и стойко показалъ, что знать ничего не знаетъ и не помнитъ, какъ онъ попалъ въ пробойну въ казначейской стѣнѣ; что онъ былъ пьянъ, ходилъ прежде часто днемъ по коридорамъ присутственныхъ мѣсть, а ночью безсознательно пошелъ туда, увидѣлъ внадину, принялъ ее за свою кровать, легъ спать и проснулся, когда уже явился съ конвоемъ казначей Иванъ Степановичъ.

Разноцвѣтовъ думалъ на этомъ выскочить изъ дѣла. Но дѣло кончилось иначе. Палатный пьяный сторожъ, Анфисычъ, палугавишій въ пятую ночь Еню съ компаніей, какъ извѣстно заснулъ, въ коридорѣ; на зарѣ увидѣлъ свѣтъ въ щели подъ лѣстницей, захотѣлъ осмотрѣть, да подѣнулся и забылъ, занявшись по утру уборкой своей палаты. Случилось, что и въ одномъ изъ верхнихъ этажей зданія, въ ту же ночь, какой-то мелкій дежурный чиновникъ не спалъ, всталъ ранѣе обыкновеннаго и захотѣлъ сойти внизъ къ служителямъ, чтобы наутро послать за водочкой и за огурчиками на закуску, но, вмѣсто парадной, пошелъ случайно по глухой черной лѣстницѣ и только-что сталъ спускаться и разсынно взглянулъ внизъ, какъ увидѣлъ на лѣстничной площадкѣ какого-то незнакомца, а внизу, у выхода въ черный дворъ, другого, какъ бы стоявшихъ на стражѣ. Онъ каплянулъ; незнакомцы скрылись въ извивахъ коридоровъ. «Что бы это значило?—подумалъ канцеляристъ,—или это—наши же чиновники изъ новыхъ, что я еще не знаю, или они приходили къ дежурнымъ по другимъ палатамъ?» Давъ незнакомцамъ время уйти, чиновникъ со свѣчкой въ рукѣ спустился, сталъ осматриваться и увидѣлъ на ступенькѣ лѣстницы, очевидно обретенное кѣмъ-нибудь, опачкавное мусоромъ и затупленное долото. Онъ поднялъ его, долго разсматривалъ, припряталъ и на утро показалъ товарищамъ. Молва о долотѣ прошла между мелкимъ чернильнымъ людомъ.

— Эка удивляются! — говорили одни: — видно, то были архитекторы. Говорятъ же, что одна труба чуть не надѣлала пожара. Должно быть, лазили на чердакъ.

— Или мазурики къ судебнымъ актамъ пробирались! — рѣшили другіе: — а долото, видно, каменникъ какой-нибудь забылъ, заходявъ вечеромъ за паспортомъ.

Пренія о долотѣ такъ бы и канули въ вѣчность, не дойдя даже и до членовъ палатскихъ присутствій, если бы не дока Иванъ Степановичъ, губернской казначей. Прослышавъ о долотѣ, найденномъ на лѣстницѣ у такой-то стѣны, онъ сейчасъ же наострилъ уши; не сказавъ никому ни слова, тихонько сошелъ внизъ, залѣзъ въ уголъ за рамы подъ лѣстницу и давай осматривать стѣны; осмотрѣвъ и ничего не замѣтивъ, хотя покосился на стѣнные пятна въ трехъ мѣстахъ.

— Скоро и подвалъ съ казной промокнетъ отъ этого скареда Палъ Палыча, экзекутора! — рѣшили онъ, качая головой, и ужъ хотѣлъ уходить, какъ надъ его ухомъ раздался хриплый голосъ ходившаго за швабрами и еще не отрезвившагося съ ночи сторожа Анфисыча.

— И я самъ, кажись, Иванъ Степановичъ, — сказалъ онъ: — точно свѣтъ тутъ ночью въ уголѣ за рамами видѣлся! да все не пойму, какъ это онъ скрозь стѣну такую махи-ническую могъ пройти!.. Притомъ же, ночью вы въ подвалъ и не ходите.

— Какой свѣтъ, Анфисычъ?

— Да скрозь стѣну-то вашу вонъ эту подвальную! за стеклами такъ и видѣлся, маячилъ...

Казначей опять припалъ къ стѣнѣ, нацуналъ на ней болѣе сырое, какъ бы свѣжее пятно, надавилъ его и обмеръ: закладка подалась, и подъ ней онъ увидѣлъ аккуратно сложенную пробонну, а въ пробоннѣ желѣзные инструменты, штукатурное творило и ведро съ водой.

— Ничего здѣсь нѣтъ, пустяки! — сказалъ онъ нарочно хмельному Анфисычу. И когда тотъ ушелъ, онъ заставилъ открытую пробонну оконными рамами и тотчасъ же обо всемъ далъ знать предсѣдателю казенной палаты. Двери сверху и со двора на черную и безъ того глухую лѣстницу подъ какимъ-то предлогомъ тотчасъ на время заперли; закладку въ пробоннѣ самъ Иванъ Степановичъ при предсѣдательѣ замазалъ своими руками; дали знать обо всемъ губернатору;

послѣ задѣлки пробонны, ходы на роковую лѣстницу опять открыли, приготовили къ вечеру два взвода солдатъ, допустили Еню начать работу, но, забывъ про лѣстницу на чердакъ на другомъ концѣ зданія, схватили одного Разпоцѣтова, а товарищей его не поймали.

— Знать ничего не знаю и вѣдать ничего не вѣдаю!— рѣзаль Еня непрежнему на допросахъ:—я былъ пьянъ, шелъ мимо, не понимаю, какъ попалъ въ пробонну подъ лѣстницу, заснулъ, меня и нашли... а настояще виновники вѣрно скрылись!

— Но не зналъ Еня одного. Черезъ нѣсколько дней послѣ его ареста, по другому совершенно дѣлу, въ руки полиціи случайно попался семинаристъ Струйскій, какъ уже извѣстно, сынъ одного изъ чиновниковъ мѣстной конторы государственнаго банка. Онъ любилъ пощеголять, носить на жилетѣ до безобразія толстую цѣпочку, со множествомъ брелоковъ, густо помадился, посѣщалъ всѣ театральныя губернскія зрѣлища, курилъ крѣчайшія папиросы, учился въ семинаріи скверно и презрительно отзывался о всѣхъ своихъ учителяхъ, говоря, что они — дрянь-дрянь, и что онъ пойдетъ кончать курсъ въ университетъ, но не въ русскомъ, а въ какомъ-то нѣмецкомъ. Онъ былъ идолъ товарищей меньшихъ классовъ, старшіе же товарищи смотрѣли на него, какъ на отъявленную сволочь, и шепотомъ передавали другъ другу, что онъ въ дѣтствѣ у своего родича, какого-то дьячка, укралъ жилетку и пробѣлъ ее на мороженомъ. Часто въ бурсѣ оказывались въ его рукахъ деньги, происхожденія которыхъ никто не зналъ. Отецъ его былъ тихій, суровый вдовецъ, аккуратный, бережливый и не взыскатель. Выйдя въ свѣтское званіе, онъ, въ угоду своему дядѣ, одному изъ сосѣднихъ архіереевъ, своего сына задумалъ готовить по духовной части и посылать въ семинарію. Юный Струйскій послѣднія недѣли велъ себя особенно странно: то пронадалъ гдѣ-то, говоря, что готовится къ экзамену въ бурсѣ, то являлся задумчивый и молча сидѣлъ въ гостиной одного изъ товарищей отца по службѣ, хроменькаго и добраго старичка Штабеля, слушая городскіе рассказы или слѣдя за игрой хозяина и гостей въ карты. Этотъ Штабель, вѣчный губернский кавалеръ и волокита, румяный и свѣжій, несмотря на свои шестьдесятъ-пять лѣтъ, любилъ душиться, хорошо одѣваться и имѣлъ множество дорогихъ вещей на

столахъ своей казенной квартиры. Незадолго до исторіи съ губернскимъ казначействомъ, онъ какъ-то вдругъ замѣтилъ, что у него изъ гостиной пропалъ серебряный лоточекъ со щипцами; потомъ, дня черезъ два, золотой колокольчикъ; наконецъ, исчезла изъ его кабинета пара серебряныхъ подсвѣчниковъ. Штабель былъ холостякъ; его единственный лакей служилъ ему чуть не тридцать лѣтъ. Обѣдалъ Штабель въ тотъ день въ клубѣ. Похититель былъ, по его соображеніямъ, кто-нибудь изъ бывающихъ у него гостей. Обдумывая на досугъ, кто бы это былъ, Штабель встрѣтился на загородномъ гуляньѣ съ частнымъ приставомъ. Послѣдній началъ ему попопотомъ передавать, въ какихъ онъ поныхахъ, что воровства въ Черноземскѣ развелись невѣроятныя, и что три дня назадъ у самого полиціеймейстера украли изъ сушильни все дѣтское и женино бѣлье, а у пріятельницы губернатора, богатой помѣщицы, стащили изъ саду палатку съ ванной, и что онъ, частный приставъ, этимъ скандаломъ сильно обезкураженъ, ибо, если черезъ какого-то сыщика Перебендю онъ не найдетъ къ утру бѣлья, ванны и палатки, то ему губернаторъ велѣлъ подавать въ отставку.

— Странныя притязанія! — либерально, хотя, однакоже, оглядываясь, выразился Штабель; — у меня вонъ подсвѣчники серебряные такъ прямо со стола украли, а я молчу и не нападаю на полицію! Чѣмъ вы виною? что подѣлаены! На то ее Америкой иной разъ и зовутъ, нашу-то безпардонную Новороссію... Сюда бы въ начальники французскаго маршала съ зуавами, а не нашего сибарита!

— Подсвѣчники? — воскликнулъ, что-то припоминая, частный: — низенькіе, съ птичьими лапками?

— Да-съ, съ лапками; аграфики и пальчики, пальчики и аграфики.

— Защитите меня, коли найду? — спросилъ съ улыбкой приставъ.

— Извольте!

Они ударили по рукамъ, и черезъ часъ серебряные подсвѣчники, колокольчикъ и лотокъ со щипцами были снова на столѣ Штабеля. И хотя полиціеймейстерскаго бѣлья сыщикъ Перебендя не нашелъ, тѣмъ не менѣе, частный остался на своемъ мѣстѣ и даже откушалъ на счетъ влія-

тельного у властей Штабеля въ клубъ, причѣмъ разсказалъ, безъ сомнѣнiя, и то, какъ пришелъ вещи. Дѣло было такъ.

Педѣли за три передъ тѣмъ, приличный съ виду юноша принесъ пѣмцу Вуину, серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеру въ Черноземскѣ, цѣнцы и лотокъ и предложилъ ихъ ему за пять цѣлковыхъ, говори, что его маменька, тайно отъ изверга и скупца паненьки, велѣла ихъ продать, что его маменька, ничего не получая отъ паненьки на наряды, уже заложила нѣкоей Марѣ Кирилловнѣ пропасть такихъ вещей, но что Мароа Кирилловна теперь уѣхала въ Кіевъ на богомолье и не къ кому болѣе обратиться. Нѣмецъ Вуинъ вещи купилъ. Черезъ два дня тѣмъ же лицомъ и тому же Вуину былъ принесенъ колокольчикъ.

— Отчего же ваша маменька сама не пришла?—спросилъ Вуинъ.

— Это теперь мой собственный колокольчикъ: отъ покойной бабушки мнѣ достался!—отвѣтилъ юноша:—знаете, мы, молодые люди, нуждаемся въ лакомствахъ... ну, въ театрѣ и въ другія мѣста, пріятели манять... словомъ, мнѣ деньги теперь на табакъ и на другое нужны.

Вуинъ купилъ и колокольчикъ. Но когда юноша принесъ цѣнныя подсвѣчники и сталъ говорить, что и подсвѣчники его собственные и что достались ему тоже отъ покойной бабушки и сталъ за нихъ просить что-то десятую долю цѣны, то Вуинъ сказалъ: «пойдемте въ часть; тамъ дайте подписку, что вещи ваши, и я ихъ купилъ!»—Струйскій (это былъ онъ) мигомъ сообразилъ, что съ этой минуты его спасеніе лишь въ проворствѣ ума и храбрости духа, смѣло явился съ нѣмцемъ въ часть и далъ подписку. Частный, однакоже, будучи знакомъ съ отцомъ продавца, пожелалъ съ самаго начала, чтобы кто-либо изъ его домашнихъ подтвердилъ слова юноши, и для этого отпустилъ съ нимъ квартальный. На улицѣ юный продавецъ далъ квартальному цѣлковый, сказать, что подсвѣчники не его, а собственность одного его товарища, котораго онъ изыскать выручить изъ какой-то бѣды, и что эти вещи онъ не продаетъ, а только закладываетъ Вуину на мѣсяцъ, и сталъ упрашивать не ходить къ нимъ на квартиру. Квартальный почесался, подумалъ: «отца этого молокососа я знаю; у него и не такихъ вещей цѣлая куча, чего доискиваться! рубль же—вещь, во всякомъ случаѣ, не лишняя!»—принять

скромный даръ и, возвратясь, объявить, что слова юноши, по наведеніи справки, оказались справедливыми.

Едва же Штаболь, при встрѣчѣ съ частнымъ, пояснилъ тайну этого дѣла, частный отобралъ у Вунина всѣ вещи, а мнимаго наслѣдника небывалой бабушки арестовалъ въ гостиницѣ, гдѣ тотъ занимался бильярдной игрой съ Вавой Музыкантовымъ и юнкеромъ Чабанонкомъ.

— Куда вы это меня везете? — спросилъ, посвистывая, юноша.

— Не беспокойтесь: на казенную квартиру...

— Въ острогъ?

— А хоть бы и туда.

— Чтѣ-жъ мнѣ будетъ, если бѣ я не оправдался.

— Который вамъ годъ?

— Я совершеннолѣтній...

— Въ Сибирь на поселеніе пойдете; а сознаетесь во всемъ, участь вашу могутъ и смягчить...

Тревожную ночь провелъ новый арестантъ въ острогѣ, но, явившись на утро къ слѣдователю, ни въ чемъ не сознался. Между тѣмъ, исторія о посягательствѣ на губернскую казну, въ подвалѣ которой, въ часъ поимки Разноцвѣтова, было, дѣйствительно, болѣе милліона денегъ, сильно всѣхъ напугала. Губернаторъ стороною узналъ, что въ Петербургъ и объ этомъ событіи пошло нѣсколько частныхъ телеграммъ, и въ томъ числѣ одна отпавлена въ редакцію какой-то газеты. Появленія нумера этой газеты, съ вѣстью о новомъ скандалѣ въ его губерніи, губернаторъ ожидалъ съ лихорадочнымъ волненіемъ и, между тѣмъ, землю готовъ былъ ѣсть съ досады, что Разноцвѣтовъ во всемъ запирался и не было средствъ его уличить. Узнавъ, что арестованный семинаристъ Струйскій былъ пріятелемъ Разноцвѣтова и, слѣдовательно, могъ пояснить исторію подкона въ казначействѣ, губернаторъ взялъ съ собою слѣдователи и жандармскаго офицера, полетѣлъ въ острогъ, наобѣщалъ юному преступнику тысячу возможностей и вѣроятностей спасти его отъ уликъ въ кражѣ, лишь бы тотъ раскрылъ ему тайну подкона подъ казначейство, такъ какъ Разноцвѣтовъ былъ его короткимъ пріятелемъ.

Но Струйскій не сдавался. «Никого не выдамъ», — рѣшилъ онъ въ умѣ и сдержалъ слово; даже умудрился тайно передать Енѣ о своемъ запирательствѣ и о томъ, чтобы тотъ былъ бодръ и силенъ духомъ. Полиція узнала, что у

Струйскаго и Разноцѣтова были еще друзья: гимназистъ Варооломей Музыкантовъ и юнкеръ Андрей Чабаненко, какой-то безымянный линейецъ-офицеръ и нѣкій почтальонъ Ваня. Но Вава оказался вдругъ весьма усердно посягающимъ брошенные-было имъ классы гимназій; юнкеръ Чабаненко оказался за тридцать верстъ, при штабѣ полка, исполняющимъ за кого-то дежурство; и имъ обоимъ удалось какъ-то доказать, что ихъ въ ночь подкона подъ казначействомъ не было и въ городѣ. А почтальонъ Ваня и линейецъ исчезли, такъ что ихъ никогда и впоследствии не розыскали и самыя ихъ имена стали вскорѣ въ Черноземскіи мѣста. Разноцѣтова и Струйскаго предали суду. Но въ исторіи съ подкономъ, какъ и въ исторіи улыновскаго дѣла, съ каждымъ протекающимъ часомъ все болѣе и болѣе спутывалось и затемнялось. Свидѣтели уличали преступниковъ и вслѣдъ затѣмъ отъ всего сказаннаго ими отпирались, и ясное, какъ день, разоблаченіе вопіющаго зла исчезало, точно по мановенію руки какого-то незримаго фокусника. Скоро все дѣло подкона подъ казначейство уже начали относить къ одному случайному сплетенію обстоятельствъ самаго невѣроятнаго свойства. Немногіе только твердо вѣрили, что въ этой, какъ нѣкоторые выражались, шалости пустой городской молодежи, затѣявшей будто бы въ шутку ограбить миллионную казну, дѣло менѣе всего походило на шутку и на шалость, и что не смекни казначей Иванъ Степановичъ, да не поддержки его полупьяный палатскій сторожъ Анфисычъ, губерпскій казначейскій подвалъ черезъ сутки такъ же точно опустѣлъ бы, какъ опустѣла безлудовская казна Чулкова. Подробности дальнѣйшаго хода допросовъ Разноцѣтова и Струйскаго потонули въ тинѣ канцелярскихъ отписокъ, справокъ и всякихъ проволочекъ. Исторія казначейскаго подвала влилась въ улыновскую исторію, и обѣ перепутались, какъ части разныхъ сѣтей въ заросшемъ травами озерѣ. Струйскаго сочли непричастнымъ къ означенной исторіи и предали суду только за кражу вещей у Штабеля. Одного Юно, какъ пойманнаго съ поличнымъ на мѣстѣ преступленія, стали судить за подконъ подъ казначейство. Скоро разнесся печальный слухъ о Струйскомъ-отцѣ. Когда управляющій мѣстною банковской конторою спросилъ его: «это вашъ сыночекъ такъ отличился? какъ еще онъ и нашего-то подвала не тронулъ»,—старикъ nobleднѣлъ,

молча досидѣлъ до конца присутствія, потомъ пришелъ домой, пообедалъ, легъ спать и найденъ къ вечеру мертвымъ, съ перерѣзаннымъ бритвой горломъ, а генералу оставилъ записку: «напрасно меня укоряете: я сына готовилъ къ высшей изъ земныхъ карьеръ. Онъ самъ виноватъ». А вскорѣ ударъ судьбы разразился и падъ губернаторомъ. Въ одно прекрасное утро, когда комиссія по ульяновскому дѣлу собиралась вновь куда-то и зачѣмъ-то ѣхать изъ города, пришла телеграмма, что въ губернію назначенъ и уже ѣдетъ другой губернаторъ, а что прежній переводится на другое мѣсто.

ХІІ.

Финалъ вселенскаго скандала.

Съ прїѣздомъ новаго губернатора рычаги административной машины задвигались сильнѣе и, казалось, успѣшнѣе. Ульяновское дѣло нашло себѣ новую пищу въ нѣкоемъ торговомъ мѣстечкѣ. Мать счастья, случайность, опять сдѣлала небывалое открытіе. На одной ярмаркѣ кузнецъ вздумалъ обмыть привезенныя ему для починки дрожжи и отправился почерпнуть воды изъ давно запущеннаго колодца. Ведро ударилося въ нѣчто твердое. Кузнецъ заглянулъ въ воду, увидѣлъ верхушку куля, спустилъ лѣстницу и досталъ оттуда увязанный въ клеску ящикъ. Въ ящикѣ оказался въ англійскихъ жестяныхъ коробкахъ подборъ типографскихъ красокъ и мелкихъ литеръ. Литеры кузнецъ отдалъ дѣтямъ на игрушки, а краски попробовалъ на дверяхъ собственной кузницы, на-малевавъ нѣсколько человѣческихъ фигуръ, которыя тотчасъ привлекли къ себѣ вниманіе сосѣдей, и скоро въ мѣстечкѣ это заговорило о находкѣ кузнеца. Разумѣется, Капканчиковъ первый обратилъ на это вниманіе, сталъ разспрашивать, откуда эта находка могла свалиться въ колодець, узналъ отъ уличныхъ мальчишекъ, что незадолго передъ ярмаркой, ночью, проѣзжали здѣсь какія-то двѣ фуры на волахъ, не то съ молотилкой, не то съ вѣлками, что фурички хотѣли поить изъ этого колодца воловъ и долго пробовали воду, но, замѣтивъ, что срубъ въ колодцѣ обвалился и что вода его испорчена, побранили воду и рѣшили ѣхать далѣе, а въ колодець при этомъ, вѣроятно, и бросали часть поклажи. Оказалось, что мальчики въ то время лазили въ сосѣдній садъ за ябло-

ками и притаились въ вѣтвяхъ дѣрева, заслыша говоръ у колодца. Канканчиковъ далъ ребятишкамъ по гривенику на орѣхи, поскакалъ по дорогѣ, куда поѣхали фуры, и на другой же день, отъ села къ селу и отъ шинка къ шинку, напалъ на чумацкой дорогѣ къ порту, по сиросамъ окрестныхъ жителей, на слѣды подозрѣваемыхъ подводъ. Въ одномъ хуторѣ на этой дорогѣ онъ чуть-чуть не захватилъ ихъ въ шинкѣ, гдѣ засталъ еще остатки ужина, которымъ подкрѣпились возницы. Назвавшись хозяиномъ этихъ подводчиковъ, Канканчиковъ самъ подкрѣпился въ шинкѣ, панялъ верховую лошадь, бросилъ обывательскую телѣжку и съ провожатымъ изъ хутора поскакалъ догонять извозчиковъ, сказавъ шинкарю:

— Догоню и порочу; они не туда взяли,—имъ не къ морю, а на Чердоклесску вѣдѣно идти.

Канканчиковъ на невзрачной мужичьей лошаденкѣ поѣхалъ сперва рысцой, потомъ вскачь. Впотьмахъ, за хуторскими мельницами, ему показалось, что кто-то скакалъ стороной, стенью, будто обгоняя его, на крѣикомъ и бодромъ конѣ. Онъ остановился, прислушался: дѣйствительно, сильный конскій тонотъ отдавался уже впереди его. «Неужели это кто-нибудь и въ самомъ дѣлѣ обогналъ меня, съ цѣлью предупредить подводчиковъ? Или это — одна случайность?» — подумалъ онъ.

— Есть у васъ въ хуторѣ у кого-нибудь хорошая упряжная лошадь?—спросилъ онъ провожатаго.

— Клименко держитъ!

— Кто это Клименко?

— А шинкарь, гдѣ вы остановились.

Канканчиковъ спросилъ, есть ли у мельницъ другой боковой проселокъ, и узналъ, что есть. Скакалъ онъ верстѣ пятнадцать. Ночь стояла превосходная, свѣжая. Дорога была гладкая, безъ рытвинъ и безъ косогоровъ. Въ одномъ только мѣстѣ подъ ногами лошадей загремѣли какія-то бревна, въ воздухѣ почувствовалась близость жили, обозвалась съ про-сонка собаченка и впотьмахъ обрисовался съ боку не то заборъ, не то стѣнка сарая. «Видно, опять шинокъ!» — подумалъ Канканчиковъ, посиѣняя за жожакомъ, который, между тѣмъ, оживился отъ ѣзды и отъ мысли о заработкѣ у хлопотливаго кунчика, усердно стегалъ коня и, размахивая руками и ногами, бойко скакалъ впереди. Проѣхали еще

съ часть. Лошади притомились и пошли шагомъ. Стало свѣтатъ. Капканчиковъ начать беспокоиться. Чумацкій путь видѣлся далѣе безъ конца.

— Что за странность? — разсуждалъ онъ: — мы должны были нагнать подводы еще часа два назадъ! Ужъ не свернули ли онѣ въ сторону?

Народъ проснулся въ степи, вездѣ поднималось дорожное движеніе. Одни ѣхали впередъ, другіе имъ навстрѣчу. Стали попадаться постоянные дворы, открылась красивая помѣщичья усадьба. Лошадь подъ Капканчиковымъ едва передвигала ноги. Онъ сталъ опрашивать встрѣчныхъ и поперечныхъ; никто описываемыхъ подводчиковъ не обгонялъ, не встрѣчалъ и не видѣлъ.

— Ужъ не въ Чемеричкѣ ли ваши подводы? — замѣтить одинъ изъ встрѣчныхъ.

— Въ какой Чемеричкѣ?

— Вы изъ Прохоровки наняли коней?

— Изъ Прохоровки.

— Ну, вы не могли миновать Чемерички. Она на самой дорогѣ, гдѣ вы ѣхали; тамъ еще мостъ...

Капканчиковъ вспомнилъ стукъ бревенъ подъ лошадьми, силуэтъ сарая и лай собаченки.

— Неужели я принялъ эту деревню за постоянный дворъ? какъ она велика?

— Дворовъ сорокъ...

— Ахъ ты, досада... То-то я догадывался, еще при выѣздѣ изъ прохоровскаго шинка, что меня обогнали.

— У Клименка въ Прохоровкѣ стояли?

— У него.

— Ну, нанимайте же новыхъ коней, да поспѣшайте назадъ и ищите ваши фуры въ Чемеричкѣ...

Съ трудомъ найдя новыхъ лошадей, Капканчиковъ пріѣхалъ въ Чемеричку уже къ вечеру, созвалъ понятыхъ и сталъ обыскивать дворы. Переходя изъ двора во дворъ, онъ не могъ надивиться, куда дѣлись подводы. Пѣсколько чело-вѣкъ съ одного конца села показали, что наканунѣ, послѣ заката солнца, двѣ подводы съ кладью, подъ рогожами, дѣйствительно въѣхали въ село, а остальные крестьяне показали, что подобныхъ подводъ они и въ глаза не видали. Осмотрѣвъ всѣ хаты, съ огуменниками, левадами и сараями, Капканчиковъ пошелъ по улицѣ назадъ, съ мыслью заняться

составленіемъ акта о розыскахъ по селу. Подходя къ одной изъ хатъ, онъ услышалъ за ея угломъ перебранку бабы съ мужикомъ. Баба съ плачемъ звала мужа спить кожу съ коровы, заведенной въ ту ночь волками, а пьяный мужикъ ругался, съ заглушенными угрозами прогонялъ ее и говорилъ, сидя на завалинкѣ, по тотъ бокъ хаты, что надо прежде обождать, чѣмъ все тутъ на селѣ кончится, и что если волки зарѣзали треклятую корову, то они не съѣдятъ же днемъ съ нея кожи.

— Треклятую? А чьихъ дѣтей она выкормила?—говорила худая, низенькая и загнанная бабенка, поминутно закашливаясь и утирая слезы:—пынствуешь тутъ на слободѣ, а тамъ на хutorъ скоро и насъ волки съѣдятъ!

Исправникъ подошелъ къ плетню и спросилъ:

— Это у тебя, милая, въ эту ночь волки корову зарѣзали?

— У насъ...

Баба снова такъ и залилась слезами, обрадованная, что есть кому передать горе.

— Что же это такъ у васъ волки распахались? Развѣ корова не взаперти была?

— Гдѣ тамъ взаперти!—обозвалась баба:—выгнали ее въ эту ночь на пасѣку, а она тельная, все время прежде была въ сараѣ, и я берегла ее, бѣдную, какъ зѣницу ока, а тутъ, какъ нарочно, вчера, противъ ночи, ее выгнали, она и не отбилась отъ волковъ...

— Отчего же именно вчера противъ ночи ее выпустили? Вы гдѣ живете?

— Она вретъ, ваше благородіе! — сказалъ мужикъ:—ни коровы, ни двора, ни пасѣки тутъ вовсе и нѣту, да и волковъ тоже нѣту и не было... Она это сдуру; напилась у кумы и вретъ...

— Хорошо, мы вотъ посмотримъ, правду ли она говорить,—рѣшилъ Капканчиковъ и велѣлъ бабѣ показать, гдѣ она съ мужемъ живетъ.

— У предводителя на хutorъ...

— У кого?

— Музыкантовъ, баринъ, коли слышали; такъ себѣ, хата одна, да брошенные сараи, тутъ на хutorъ по близости.

— Веди, веди!

Исправникъ велѣлъ идти съ собой и мужу бабы, и тотъ,

волей-неволей, едва передвигая ослабѣвшія отъ страха и опьянѣнія ноги, пошелъ. Хуторъ оказался въ полтора верстахъ отъ села, въ яру; тутъ въ сараѣ съ перваго обыска оказались сваленными всѣ три машины, работавшія на ульяновскомъ монетномъ дворѣ: печатная, гравировальная и гласировальная. Изумленію и радости Капканчикова не было границъ. Вozy стояли тутъ же, а наученные Зиньзиньскимъ подводчики, нанявъ на слободкѣ тройку, безъ вѣсти ускорили, такъ какъ прохоровскій шинкарь ночью, какъ извѣстно, доскакалъ сюда и далъ имъ знать объ опасности. Своихъ воловъ подводчики бросили на могарычъ сторожу музыкантовскаго хутора и дали ему еще цѣлковый на пропой. Капканчиковъ велѣлъ машины опять навалить на вozy, потребовалъ свѣжихъ воловъ и подъ конвоемъ отправилъ ихъ сперва въ станъ, а потомъ, подъ личную отвѣтственность мѣстнаго станового, въ городъ.

Но вернемся нѣсколько назадъ, а именно, ко времени передъ арестами Чабаненка и Скардачевскаго.

Въ минуту обыска своего кабинета, Чабаненко вышелъ въ переднюю, крикнулъ: «человѣкъ! воды!» — и въ ту же секунду слѣдователи услышали за дверью выстрѣлъ, выбѣжали и увидѣли хозяина дома на полу, въ крови, съ окровавленнымъ ухомъ. Прошла вѣсть, что Чабаненко не вынесъ позора обыска и предстоявшаго ареста и рѣшился покончить съ жизнью самоубійствомъ, хотя медицинскій осмотръ потомъ и доказалъ, что въ ухѣ пули не было и что пистолетъ былъ не настоящій, а какой-то дѣтскій, которымъ онъ ранилъ себя только кожу. У его ногъ подпiali письмо, гдѣ онъ торжественно взывалъ къ своимъ пріятелямъ и друзьямъ, клятвенно увѣряя ихъ, что онъ ни въ чемъ не виноватъ, что честь и гордость его не вышли напрасныхъ обвиненій негодаевъ, и что онъ лишаетъ себя жизни. Тѣмъ не менѣе, однакоже, когда, вслѣдъ за этимъ покушеніемъ на самоубійство, доктора, осмотрѣвшіе его ухо, дали показаніе, что онъ въ опасности, его безъ церемоніи посадили въ острогъ. И когда въ томъ же острогѣ, на тюремномъ столбѣ, сперва повѣсился агентъ Халатова, какой-то бѣглый каторжникъ изъ армянъ, Абдулко, и въ то же почти время, въ одну темную ночь, оказался отравленнымъ въ острожной камерѣ самъ мѣстный банкиръ, Халатовъ, — Аванасій Андреевичъ

Чабаненко почувствовал неожиданное угрызеніе совѣсти и, послѣ заѣзда въ острогъ губернатора, во всемъ сознался, какъ уже было упомянуто. Скардачевскій же, за минуту до ареста, написалъ на клочкѣ бумажки записку и бросилъ ее лакею, шепнувъ ему, чтобъ онъ отдать ее Музыкантову. Въ запискѣ были слова: «Спасайте меня, а иначе пропадете вмѣстѣ съ нами и вы; хоть займите, а соберите тысячу двадцать пять; надо полагать, что за эту сумму можно еще погасить все дѣло». При допросѣ, въ полномъ присутствіи комиссіи, желавшій покаяться Чабаненко, съ перваго раза прямого оговора противъ Музыкантова, впрочемъ, не далъ, а Скардачевскій сказалъ, что записку писалъ въ помѣнательствѣ ума и не помнить, къ кому, а человѣку относить ее къ Музыкантову не приказывалъ.

Въ комиссіи возникли споры о томъ, арестовать ли, наконецъ, Музыкантова. Всѣ трусили его связей и положенія въ свѣтѣ и даже мнимаго богатства. Пошли на голоса, и большинствомъ было принято мнѣніе: дать Музыкантову вопросные пункты, но безъ личнаго ареста.

Члены комиссіи, между тѣмъ, не были спокойны, потрухивая нѣсколькихъ промаховъ противъ формальностей слѣдственной практики, такъ какъ прошелъ слухъ, будто бы къ мѣстному прокурору пришло предписаніе изъ Петербурга обревизовать ихъ дѣйствія. Рядомъ съ этимъ шопотомъ начала раздаваться молва, что разомъ два уѣзда, гдѣ числились дворянами неарестованный Музыкантовъ и арестованный Чабаненко, стали готовить какой-то адресъ новому губернатору и министру съ просьбой объ укрощеніи пристрастныхъ, по мнѣнію просителей, дѣйствій комиссіи. Составлялись митинги. Не дожидаясь пріѣзда прокурора, уѣздный судъ подъ вліяніемъ слуховъ, толковъ и шума, сдѣлалъ совершенно неожиданный шагъ: онъ черезъ уѣзднаго стряпчаго принялъ прошеніе Чабаненка объ освобожденіи его изъ-подъ ареста, по болѣзни отъ мнимой раны въ ухѣ, причемъ Аонасій Андреевичъ, отвергая первыя свои признанія и относя ихъ къ притѣсненіямъ и даже къ пыткамъ, какой его подвергала комиссія подъ вліяніемъ бывшаго губернатора, увѣрялъ, что онъ ни въ чемъ не виноватъ и ничего знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ. Состоялось нежданное рѣшеніе, вопреки всѣмъ открытіямъ и хлопотамъ комиссіи вообще и Канканчикова въ особенности: Чабаненко

пенка изъ-подъ ареста выпустить на свободу, что и было исполнено. Эта безпримѣрная выходка уѣзднаго суда привела враждебную ульяновскому дѣлу часть губернской независимой публки въ невообразимое негодованіе и волненіе. Сдались при этомъ даже многіе сторонники обвиняемыхъ. «Да! переборнили черезъ мѣру!»—говорили они.

Чабаненко опять показался въ свѣтъ, переѣхавъ изъ острожной больницы, гдѣ лечился отъ мнимаго выстрѣла въ ухо, въ гостиницу, и, объѣздивъ съ визитами половину оторопѣвшихъ отъ его появленія горожанъ, готовился отираться въ Черноземскѣ.

— Пѣтъ,—говорилъ онъ въ домѣ Музыкантова:—пѣтъ! кончу только кое-какія дѣла въ Черноземскѣ, возьму оттуда сына, котораго тоже оклеветали въ подлой сплетнѣ о казначействѣ, и навсегда уѣду отсюда!

Но вдругъ новый громъ упалъ на уѣздныя головы. Ночью, черезъ три дня послѣ освобожденія Чабаненка, пріѣхалъ прокуроръ и на курьерскихъ привезъ указъ уголовной палаты, уничтожавшій постановленіе уѣзднаго суда объ его освобожденіи. Къ Чабаненкѣ явился тотъ же Калканчиковъ, засталъ его за завтракомъ и предложилъ снова слѣдовать въ острогъ. Но этого мало. Прокуроръ, изъ молодого поколѣнія университетскихъ юристовъ, хотя былъ горячка и живчикъ, дѣлавшій часто по торопливости права промахи, въ этотъ разъ повелъ себя особенно сдержанно и блистательно. Онъ пошелъ далѣе, чѣмъ ожидали самыя смѣлыя уѣздныя головы, а именно: явился въ слѣдственную комиссію, снова пересмотрѣлъ все производство этого дѣла, расписавъ въ ея присутствіи уѣзднаго либерала-стряпчачаго за посябленіе виновнымъ и, вслѣдъ затѣмъ, по личной просьбѣ новаго губернатора, на котораго напирало общее мнѣніе, попросилъ комиссію дать точный отвѣтъ о прикосновенности къ дѣлу Музыкантова. При общемъ смущеніи и молчаніи комиссіи, первый голосъ подавъ Калканчиковъ:

— Я убѣдился и полагаю,—сказалъ онъ:—что здѣшній предводитель дворянства — главный виновникъ въ этомъ дѣлѣ; хотя, къ сожалѣнію, до сихъ поръ главная улика противъ него состоитъ въ оговорѣ одного изъ подсудимыхъ, Зиньзиньскаго. Надо полагать, что съ арестомъ Музыкантова найдутся и другіе несомнѣнные факты противъ него...

— Фактъ къ вашимъ услугамъ!—перебилъ прокуроръ:—

я вчера, на дорогѣ сюда, получить отъ губернатора, по эстафетѣ изъ Черноземска, вотъ это заявленіе, присланное ему отъ жителя здѣшняго уѣзда... какъ бинь его фамилія? Да вотъ подпись: Ефимій Разноцѣтовъ; онъ еще содержится, по дѣлу казначейства, въ острогѣ...

И онъ прочелъ письменное заявленіе арестанта Разноцѣтова, гдѣ тотъ вызвался дать подъ присягой показаніе, что предводитель Музыкантовъ не разъ при немъ выражалъ свою готовность поступить въ общество фальшивыхъ монетчиковъ и однажды, какъ бы шутя, предложилъ это и ему. Разноцѣтовъ, между прочимъ, прибавилъ: «долгъ всякаго человѣка — помогать правосудію. Предложеніе Музыкантова я считалъ-было за пустую болтовню. Но теперь, когда на него падаютъ подозрѣнія изъ другихъ источниковъ, оно для меня получаетъ иной свѣтъ. И я считалъ бы себя несчастнымъ, если бы умалчалъ о томъ, что знаю о немъ, въ то время, когда, быть-можетъ, онъ готовъ ускользнуть отъ заслуженной кары закона и отъ презрѣнія такъ долго обманываемаго имъ общества. Онъ отъ своихъ словъ отонрется; но я не одинъ могу о немъ сказать. Одинъ изъ рабочихъ этой губерніи, сидѣвшій теперь, за неимѣніемъ паспорта, въ острогѣ, на-дняхъ кунался въ прудѣ въ имѣніи Музыкантова, Ганновкѣ, и нашелъ въ водѣ жестянку съ типографскою краскою. Онъ готовъ передать комиссіи эту жестянку; я же думаю, что, обыскавъ прудъ, комиссія найдетъ и другія улики».

Комиссія, въ полномъ составѣ, тотчасъ же, по предложенію прокурора, отправилась въ Ганновку и стала неводомъ и сѣтями искать въ прудѣ разныхъ вещей.

Музыкантовъ на прудъ не вышелъ. Въ кругу трехъ-четыреухъ пріятелей, онъ сидѣлъ въ кабинетѣ ганновскаго дома, презрительно улыбался и былъ хотя блѣденъ, но по-прежнему спокоенъ и гордъ. На эту безпримѣрную обиду, наносимую ему слѣдователями, онъ тутъ же грозился подать жалобу въ выснія сферы. Въ прудѣ ничего не находили, но Капканчиковъ, уже получившій отъ друзей, Музыкантова кличку «скверной новороссійской ищейки», не унывалъ, желая возвратитъ понятыхъ, уже отпущенныхъ-было его товарищами, и приказалъ принести заступы, лопаты, топоры и ломы. Понятые снова подошли, по указанію Капканчикова, къ пруду, стали рыть плотину, и скоро вода

черезъ канаву хлынула изъ пруда. Ардалионъ Аркадьевичъ допивалъ третью бутылку сельтерской воды, когда въ его кабинетъ воѣжала растерянная супруга и вскрикнула: «Аркаша, ты меня всю жизнь обманывалъ; ты промоталъ мое состояніе и, сверхъ того, попалъ въ шайку монетчиковъ! Изъ пруда выпустили воду и нашли мѣдныя доски со знаками ассигнацій!» Она упала въ обморокъ на диванъ. Музыкантовъ вскочилъ, хотѣлъ что-то сказать и остолбѣнѣлъ при видѣ слѣдователей, которые, въ сопровожденіи понятыхъ, вошли, неся двѣ позеленѣвшія мѣдныя доски и нѣсколько камней съ вырѣзанными знаками ассигнацій.

Въ тотъ же вечеръ Канканчиковъ, увидѣвшій въ этомъ открытіи вѣнецъ своей карьеры, отъ лица слѣдственной комиссіи послать къ губернатору эстафету съ извѣщеніемъ, что онъ и его товарищи, послѣ новыхъ найденныхъ ими уликъ, сочли долгомъ немедленно посадить въ острогъ Музыкантова, и что это рѣшеніе уже приведено ими въ исполненіе. И дѣйствительно, Музыкантовъ, какъ былъ, въ бѣлоснѣжной пижамѣ, въ моднаго лѣтняго платья и въ лаковыхъ полусаножкахъ, былъ посаженъ въ уѣздный острогъ, упалъ на койку, порвалъ на себѣ тонкое бѣлье и щегольское платье и впалъ въ мрачное отчаяніе. Извѣстія объ его арестѣ не ожидали ни новый губернаторъ, ни губернія. Поднялась буря толковъ. «Какъ?—кричали одни,—у этихъ разбойниковъ слѣдователей нѣтъ ничего святого, ничего неприкосновеннаго! Изъ-за пустой случайности посадить въ тюрьму предводителя! Да мало ли кто могъ въ его прудъ подбросить что угодно, хотя бы со стороны доносчиковъ, въ родѣ Разноцвѣтова, который самъ замыслилъ обокрасть казну... Да это и въ мой, и въ вашъ прудъ могутъ подкинуть то же самое!.. Къ са тому губернатору могутъ подсунуть въ столъ пачку фальшивыхъ ассигнацій; что же изъ этого? Да, наконецъ, мы всѣ и самъ прежній губернаторъ были съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Значить и всѣхъ его знакомыхъ сажать въ острогъ и привлекать къ дѣлу?» Другіе, и такихъ было большинство, выражались иначе: «такъ ему и надо! Давно пора! Хорошъ былъ предводитель! Два трехлѣтія умѣлъ держать весь уѣздъ въ рукахъ, ловко подобралъ себѣ партію. Туда ему и дорога!..»

Но звѣздѣ Музыкантова еще не было суждено закатиться

окончательно. Адвокатъ Самосвистовъ поскакалъ въ Петербургъ, и не прошло мѣсяца, какъ оттуда летѣло грозное предписаніе уничтожить постановленіе комиссіи и Музыкантова освободить на поруки, что и было тотчасъ исполнено. Обиженный прокуроръ вышелъ въ отставку. Съ членами комиссіи обошлись въ Черноземскѣ сухо, а исправнику Канканчикову, вмѣсто всякой награды, губернское правленіе предписало сперва возвратиться къ его обязанностямъ въ уѣздѣ, а на его мѣсто въ комиссію по ульяновскому дѣлу посадили другого соесѣднiаго исправника. «Такъ нельзя, милостивый государь, косить и рубить съ плеча, направо и налѣво! — сказали Канканчикову два старца-советника въ губернскомъ правленіи, — по формѣ вы все сдѣлали законно, какъ слѣдуетъ; но вы пренебрегли другими соображеніями — эмпирейными... Вотъ вамъ и наука!»

Наконецъ, Канканчикову дали другой уѣздъ. Вѣднiахъ чуть не плакалъ.

Пока дѣло о фальшивыхъ ассигнаціяхъ дошло изъ уѣзда въ Черноземскъ и вступило на обсужденіе уголовной палаты, половина заключенныхъ кончила жизнь въ острогѣ. Остались самые ничтожные участники, да и тѣ, являсь въ губернскую тюрьму, почти всѣ отреклись отъ своихъ прежнихъ показаній.

Докладъ въ уголовной палатѣ замедлился справками изъ одного административнаго вѣдомства, изъ дѣлъ котораго можно было видѣть, что печатникъ Дроздовъ и рѣзчикъ Линше, задолго до открытія фабрики, содержались насчетъ ся основателей въ разныхъ отдаленныхъ городахъ, получая по почтѣ деньги на прожитіе, а по телеграфу разные приказанія и сообщенія. Адвокатъ Самосвистовъ, какъ бы случайно, совершенно по другому дѣлу, очутившись на улицахъ сѣверной столицы и подмазавъ кое-гдѣ старыя пружины, сталъ, между прочимъ, доказывать, что документы названнаго вѣдомства — государственныя секретъ, что если дать изъ нихъ комиссіи справки по дѣлу несчастнаго Музыкантова, противъ котораго ополчилась въ губерніи шайка чиновниковъ, которымъ онъ былъ ненавистенъ, то послѣ этого придется давать справки всякому уѣздному становому. Юные сѣверные секретари и столоначальники, обѣдая съ изыщѣннѣйшимъ южнымъ юристомъ и чокаясь съ нимъ бокалами шампанскаго, слушали его, и когда Самосвистовъ

сказалъ имъ по секрету, что все гоненіе и привлеченіе Музыкантова къ дѣлу о фальшивыхъ ассигнаціяхъ совершилось только потому, что Музыкантовъ, либеральнѣйшій изъ всѣхъ либеральныхъ южныхъ предводителей, былъ въ вѣчной борьбѣ съ смѣненнымъ губернаторомъ, за что не разъ страдалъ; что этотъ Музыкантовъ затѣвалъ учредить въ черноземской губерніи изданіе оппозиціоннаго журнала, для чего выписать изъ-за границы типографскія машины, названныя, ему въ отместку, машинными для ассигнацій; что у себя въ уѣздѣ онъ имѣлъ еженедѣльные литературныя вечера и еженедѣльныя совѣщательныя сходки о пользахъ и нуждахъ уѣздныхъ гражданъ, — молодые бюрократы воспылали рвеніемъ спасти этотъ перлъ губерніи и дали своимъ патронамъ такія справки, что слѣдственной комиссіи въ ея требованіяхъ касательно названнаго вѣдомства было отказано. Но все дѣло испортилъ одинъ изъ этихъ столоначальниковъ и секретарей, котораго Самосвистовъ случайно забылъ пригласить на обѣдъ, гдѣ сообщалъ имъ губернскія тайны. Юный бюрократъ доложилъ своему патрону, что, пожалуй, ужь если, въ видахъ охраненія общаго финансоваго кредита, указанія объ оборотахъ пересылаемыхъ суммъ и составляютъ государственныя секретъ, зато подлинники телеграммъ, присылаемые изъ губерній для ревизіи, этого секрета не составляютъ, потому именно, что ихъ во время ревизіи читаетъ всякій мелкій канцелярскій писецъ. Поэтому куча подлинныхъ телеграммъ, уличающихъ всѣхъ участниковъ, не выключая и Музыкантова, неожиданно слетѣла въ черноземскую уголовную палату, завершила прежнія улики для полноты дѣла, и докладъ въ палатѣ, наконецъ, состоялся. Одинъ изъ членовъ палаты, будучи чуть не въ генеральскомъ чинѣ, но проживавшій въ двухъ комнаткахъ на кухмистерскомъ столѣ, просидѣлъ надъ дѣломъ что-то около мѣсяца, изучилъ его вполнѣ, составилъ подробную записку и прочелъ ее палатѣ при огромномъ стеченіи публики. Онъ читалъ болѣе трехъ часовъ. Докладъ былъ сухой, безъ прикрасъ, но зато правдивость его горѣла въ каждомъ словѣ. Публика до того толпилась въ залѣ, что чуть не переломала стульевъ, разбила нѣсколько стеколъ и была глубоко потрясена голою и поразительною правдой дѣла, впервые съ такою смѣлостью и прямою обвиненной передъ обществомъ. Затѣмъ выступили адво-

каты подсудимыхъ. Одинъ изъ нихъ попросилъ палату рѣшить вопросъ: «всегда ли фальшивый монетчикъ виноватъ безусловно? Что, если, — сказать онъ, — кто-нибудь станетъ поддѣлывать ассигнаціи не для того, чтобы по-киргизски пускать ихъ въ оборотъ, а для того только, чтобы показать правительству, какъ легко ихъ поддѣлывать, и изыскать способы такой ихъ фабрикаціи, гдѣ бы не было и малѣйшей возможности ихъ контрафакціи? Тогда, милостивые государи мои, такой человекъ — не преступникъ, а мужъ правды и чести, и такого гражданина слѣдуетъ не казнить, а скорѣе оправдать и похвалить. Такъ говорить европейская наука». Награжденный дружнымъ хохотомъ слушателей-киргизовъ, адвокатъ-европеецъ продолжать увѣщивать судей быть осторожными и просвѣщенными и заключилъ рѣчь словами: «всякій криминалистъ скажетъ, что если я изьялъ и ношу оружіе, но имъ еще никого не убилъ — это еще не значить, что я — убійца; такъ точно, господа, если я надѣлалъ, но не выпустилъ еще на свѣтъ ассигнацій — это еще не означаетъ, что я — фальшивый монетчикъ. Приступъ къ дѣлу и намѣреніе еще не есть исполненію. А мой кліентъ, господинъ Чабаненко, умышленныя качества котораго не высоки, который отличается робостью и даже тупостью, хотя по обвинительному акту и могъ бы счесться дѣлателемъ фальшивыхъ билетовъ, но обвиненъ, какъ преступникъ, быть не можетъ!..»

О Самосвистовѣ и говорить нечего. Этотъ въ гладкой, отшлифованной и чрезвычайно ловкой защитительной рѣчи превзошелъ самого себя. Каждую улику противъ Музыкантова и его товарищей онъ разложилъ на мельчайшія частицы, изварилъ на медленномъ огнѣ всякаго рода соображеній, выжалъ, вывѣсилъ, 'оцѣнилъ, опровергъ и разбѣлалъ какъ дымъ. Передъ глазами публики и судей неожиданно явились подсудимыми и чуть не преступниками уже не фальшивые монетки, а члены слѣдственной комиссіи, убаданный судъ, прокуроръ и, наконецъ, сама уголовная палата. Сверкая ушными глазами, то понижая, то повышая голосъ, широкоплечій и молодцоватый Самосвистовъ навелъ своєю рѣчью такой туманъ и даже страхъ на большую часть публики и на нѣкоторыхъ членовъ самой палаты, что когда председатель закрылъ засѣданіе, слушатели разошлись, оглядываясь и недоумѣвая: «ужъ, въ самомъ дѣлѣ, не величай-

ная ли ложь и низкая сизетия вся эта громкая ульяновская исторія? Что, если, въ самомъ дѣлѣ, трудъ слѣдственной комиссіи — одно стеченіе необычайныхъ случайностей, а всё въ немъ присяжныя показанія, очныя ставки и признанія — одинъ гнусный умыселъ опутать богатыхъ людей изъ-за пустяка, изъ-за двухъ понавшихся шинкарей, мѣновниковъ фальшивой монеты? Притомъ же, какъ ихъ и не запутать, когда самъ адвокатъ о Чабашенкѣ прямо выразился, что онъ — чуть не дуракъ!» Всё повѣсили головы, иные стали даже думать, какъ бы изъ Петербурга не полетѣть, съ небывалыми еще полномочіями, какой-нибудь козырный тузъ, въ родѣ флигель-адъютанта или сенатора, для пересмотра всего дѣла. Палата потерялась до того, что Музыкантова хотя и приговорила что-то чуть не къ 10-лѣтней каторгѣ, но снова не арестовала, свой приговоръ откладывала подписывать что-то около мѣсяца и раздѣлялась, наконецъ, голосами. Самосвистовъ же опять снялся и полетѣть въ Петербургъ, куда должно было отправиться на окончательное постановленіе дѣло изъ палаты. И Черноземскъ видѣлъ небывалый скандалъ. Самые мелкіе изъ виновныхъ монетчиковъ сидѣли въ острогѣ; кто былъ покрупнѣе — блаженствовать на клубныхъ супахъ въ острожной больницѣ, а глава всего — Музыкантовъ — приговоренный къ каторгѣ, съ докторскимъ свидѣтельствомъ, въ ожиданіи рѣшенія сената, жилъ на свободѣ, катался на рысакахъ и даже, къ общему соблазну кумушекъ, дважды посѣтилъ городской театр и однажды торжественное молебствіе въ соборѣ.

XIII.

К а з н ь.

Шелъ по стѣнѣ въ безсрочный отпускъ какой-то солдатикъ, набрелъ въ лѣсномъ оврагѣ на двухъ спящихъ бродягъ, взглянулъ въ ихъ лица и въ ближайшей волости заявилъ, что это — дезертиры Молодичка и Отченантъ. День былъ праздничный. Волостной голова, родичъ ограбленнаго ими лабазника Ивана Ивановича, собрать мигомъ до сотни понятыхъ, обѣщать имъ выставить могарычъ, окружилъ оврагъ и въ чанцѣ лѣса поймалъ и связалъ обоихъ бѣглецовъ, причемъ они выхватили-было ножи и сгоряча рѣши-

лись защищаться, но, видя непроглядную араву озлобленных, съ вилами и дреколѣмъ напиравшихъ на нихъ бородачей, сдались со словами: «вяжите, братцы, ведите, такъ и быть: давно не хлебали хорошихъ щей съ мясомъ, да не бѣли разсыпчатой каши съ саломъ! Вѣдь, господа, теперь настъ, острожниковъ, кормить такъ, что вамъ, сиволанымъ гречкосѣямъ, по хатамъ и въ праздники не придется! Посидимъ, отдохнемъ. Все равно, фатеры поиѣ даромъ больше никто не отводитъ. Чтѣ было въ добрыя почки нажито — потрачено, прогуляно. Къ Покрову же, либо къ Введенью, безпремѣнно опять уйдемъ, въ какой острогъ ни посадите, хоть за сто замковъ... Дунемъ, плюнемъ, сами запоры и отонрутся!»

Дезертировъ, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ, съ торжествомъ доставили, подъ сильнымъ присмотромъ, сперва въ уѣздный, потомъ въ губернскаго острогъ, гдѣ ихъ посадили сначала порознь, въ подвальный этажъ, въ особые камеры-мѣшки, но потомъ, когда они сознались въ ограбленіи кассы Чулкова и въ другихъ дѣлахъ, ихъ, за тѣснотой острога, какъ рѣшенныхъ, до окончательнаго исполненія надъ ними приговора, помѣстили въ одну изъ общихъ камеръ въ верхнемъ этажѣ. Черноземскій острогъ быть построень на двѣсти человекъ, но въ немъ, съ самаго его сооруженія, менѣе пятисотъ человекъ никогда не было. Товарищами дезертировъ по камерѣ оказались еще человекъ десять. Встрѣтясь въ острожной банѣ съ Еней Разноцвѣтовымъ, дезертиры отозвали его въ сторону и сказали: «баринъ! вонъ у тебя иѣжныя какія ручки! ты не гнушаешься свое бѣлое тѣло мыть съ нашими мужицкими мясами, не погнушайся раздѣлить вмѣстѣ въ одной камерѣ и нашего житы-бытья... Скажемъ тебѣ хорошее слово. Все равно, ваше благородіе, угоднѣе за казначейство-то въ каторгу, проснѣ въ такомъ разѣ къ намъ въ камеру: въ какъ развеселимъ тебя!..» Разноцвѣтова перевели въ камеру номеръ девятый. Тутъ онъ отъ другихъ арестантовъ, въ первыя же задушевныя бесѣды, узналъ подробности грабежа кассы Чулкова, хотя сами дезертиры ему объ этомъ не сказали ни слова. Оказалось, что когда привлеченные совѣтомъ Ени злодѣи, при помощи шайки евреевъ, ограбили Чулкова, то эти евреи дали имъ по пачкѣ бумажекъ, напоили ихъ въ какомъ-то шинкѣ пьяными и бросили, а съ остальными

ограбленными деньгами до разсвѣта безъ вѣсти скрылись. Какъ ни былъ нравственно испорченъ Разноцѣтовъ, по запашибратское предложеніе этихъ темныхъ головорѣзовъ—раздѣлится съ ними дружескую компанію—его возмутило. Онъ подумалъ: «неужели же они и въ самомъ дѣлѣ думаютъ, что я уже такой отиѣтый негодяй и что готовъ идти съ ними на всякія пакости? Да еще, кажется, и эту компанію они мнѣ предложили въ благодарность за тотъ совѣтъ грабежа на Опалѣхъ... это уже изъ рукъ вонъ! уйду отъ нихъ».

И онъ уже было-подмогнулся опять просить смотрителя перевести его обратно въ прежнюю общую камеру. Но въ тотъ же вечеръ товарищи его окружили и сообщили ему подъ величайшей тайной, что вся ихъ камера рѣшилась бѣжать. «Ты все равно, баришъ, пойдешь въ Сибирь!—говорили они Енѣ:—твое дѣло вотъ-вотъ кончится; на тебя надѣнутъ цѣпь и погоняютъ тебя съ нами. Лучше уйдемъ съ нами,—сядемъ на лодку, а съ нея на какую-нибудь барку или шкуну; насъ вывезутъ и высадятъ гдѣ-нибудь, либо въ Анатолиі, либо въ Добруджѣ. Такой шкинеръ у насъ уже принасенъ. Да и помощники намъ тутъ, за острогомъ, будутъ не съ пустыми руками, какъ только ночью выскочимъ отседова на волю». Еня подумалъ и рѣшился-было отказать. Но ему объявили, что теперь уже поздно, и что, если онъ откажется и станетъ проситься въ другую камеру, гдѣ, чего добраго, ихъ выдастъ, то его порѣзать, то-есть либо судемой угостятъ въ хлѣбѣ, либо соннаго, попросту, задумать!

— Будь по-вашему!—сказалъ со вздохомъ Еня и остался.

Съ той поры арестанты девятой камеры правильно устроили свои работы. Комната ихъ была во второмъ этажѣ. Запертые на ночь, они отточеннымъ на кувшинѣ гвоздемъ перепелили одну изъ половыхъ досокъ подъ нарами, гдѣ спали, вынули ее и сквозь это отверстіе произвели дознаніе между поломъ верхняго и потолкомъ нижняго этажа. Пробравъ кирпичи подъ порогомъ двери, Молодичка и Отчепанъ въ эту дыру пролѣзли подъ полъ коридора, дѣливінаго верхній этажъ пополамъ, и тѣмъ же ходомъ добрались до наружной стѣны, гдѣ коридоръ упирался въ особую пристройку. Въ пристройкѣ внизу была острожная церковь, а вверху было помѣщеніе для сумки въ зимнее ненастное

время бѣлья арестантовъ. Въ это верхнее отдѣленіе сплзнула витая деревянная лѣстница. Новые инженеры сообразили, что въ лѣтнее время ходъ на эту лѣстницу запертъ, и что если изъ-подъ пола коридора пробрать кирпичи смежной съ пристройкой стѣны, то, вѣроятно, этотъ ходъ придется подъ одну изъ ступенекъ пристроенной лѣстницы. Такъ и оказалось. Въ нѣсколько почей, тѣмъ же гвоздемъ и обломкомъ украденной у истопниковъ кочерги, арестанты взломали и разобрали часть наружной стѣны, кирпичъ и мусоръ растащили подъ полами, добрались до лѣстницы, выломали одну изъ отвѣсныхъ досокъ ближайшей ступеньки и выѣзли въ пристройку, гдѣ въ темномъ церковномъ подвалѣ тотчасъ и заложили подконъ подъ всѣмъ острожнымъ дворомъ. Они еще ранѣе, во время прогулокъ, поймали и убили смотрительскаго кабана, сварили его въ котлѣ въ острожной банѣ, съѣли его, а кости припрятали и теперь стали ими, какъ заступами, рыть свой ходъ. Еня, наловчившись на пробоинѣ въ казначейство, оказалъ тутъ чудеса опытности. Раздвѣваясь по очереди до-нага, арестанты изъ камеры проползали въ пристройку, вынутую въ подконѣ землю въ рубахахъ бережно вносили обратно наверхъ и разсыпали подъ полами. Воруя въ кухнѣ дрова, они ими, для безопасности отъ обваловъ, исподволь подпирали свою мину, и не прошло мѣсяца, какъ ходъ въ нѣсколько сажень длины былъ оконченъ и, за исключеніемъ небольшой толщи земли, выведенъ, по ихъ соображенію, за наружную ограду острога. Молодичка и Отченашъ, впрочемъ, совѣтовали товарищамъ не торопиться и обождать болѣе темной ночи. Тренецъ каждую минуту, что этотъ ходъ откроютъ, Разноцвѣтовъ переживать мучительныя минуты. «Гдѣ же они меня увезутъ? и какъ, и чѣмъ я буду жить на чужбинѣ?» Нѣчто доброе, горькое и щемящее начало шевелиться въ Разноцвѣтовѣ, но колебаться было поздно, и Еня рѣшился идти туда, куда его увлекутъ новые смѣлые товарищи, лишь бы не идти цѣпкомъ нѣсколько тысячъ верстъ въ цѣняхъ и въ сѣромъ кафтанѣ въ Сибирь.

Роковая ночь настала. Всѣ арестанты десятой камеры, выключая только нѣкоего бѣднаго толстаго кунчика, приговореннаго за подѣлку торговыхъ векселей и незадолго передъ этимъ посаженнаго къ нимъ, спустились подъ полъ, съ величайшимъ усиленіемъ и чисто звѣриною осторожностью

пролѣзли на дѣстницу пристройки и спустились въ подземный ходъ. Заранѣе заготовленные сообщники вытаскивали ихъ на полотнищахъ изъ подкона за стѣны острога, посадили на припасенныя подводы, и бѣглецы усаkali за городъ. Толстый купчикъ, по уходѣ товарищей, сообразивъ, что надо скрыть свое участіе въ этомъ дѣлѣ, рѣшилъ притвориться, что ничего не знаетъ, и поднималъ отчаянные крики, показывая видъ, какъ будто только-что проснулся и изумился, что товарищи исчезли. Его услышалъ часовой. Началась тревога. Сбѣжался конвой. Отперли двери камеры, вошли съ фонарями, спустились подъ полъ, потомъ въ церковный подвалъ, увидѣли подконъ и выскочили за стѣны острога. Купчика приструнили, пригрозили ему подземнымъ мѣшкомъ и доброю кучей розогъ, и тотъ указать слѣды бѣглецовъ. Полиціймейстеръ, зная, что Калканчиковъ, хотя и впаившій въ опалу, но зато получившій славу хорошаго сыщика, случайно былъ въ городѣ, далъ ему знать объ этомъ, и оба они кинулись въ погоню за бѣглецами. Арестанты въ непроглядной темнотѣ благополучно достигли берега, пересѣли на лодку, лодка отчалила и передала ихъ баркѣ; съ барки ихъ приняли на купеческую иностранную шкуну, а шкуна, заранѣе нагруженная пшеницей, еще до восхода солнца выступила въ море. Арестанты потребовали вина, усѣлись на палубѣ и стали пить и пѣть. Но не прошло и часа, какъ въ тылу шкуны, въ блѣдныхъ лучахъ разсвѣта, надъ поверхностью моря, показалась бѣлая труба казеннаго парохода. Шкуну догнали, остановили, а всѣхъ бѣглецовъ съ нея повезли обратно и высадили на берегъ.

— Веревокъ сюда, въ цѣпи ихъ, собакъ, Романъ Романычъ!—кричалъ полиціймейстеру маленькій Калканчиковъ.

— Потиние, гарнизал!—проворчалъ Молодичка:—попались, не глумись, а то еще побьемъ, либо, какъ опять ослобо-нимся, передушимъ всѣхъ твоихъ одиннадцать дѣтишекъ какъ поросятъ, да и тебя съ женой не помилуемъ...

— Въ ручные и въ ножные кандалы грубіяновъ! прикрикнувъ расходившійся исправникъ конвойному фельдфебелю, несшему готовые кандалы.

— Попробуй!—сказать и другой арестантъ.

Калканчиковъ подошелъ къ послѣднему.

— Кто ты?—спросилъ онъ, блѣдный отъ негодованія, въ

сумеркахъ разсвѣта не разглядѣвъ сразу обросшаго бородой смѣльчака.

— Дворянинъ Разноцвѣтовъ! — отвѣтить, блѣдный въ свой чередъ, сильно подкутившій на иностранной инкутѣ Еня: — не узнали меня, г. Калканчиковъ?

— Что миллiонъ-то въ казначействѣ хотѣлъ украсть? — съ судорожнымъ хохотомъ вскрикнулъ Калканчиковъ: — это я черезъ его патрона, Романа Романыча, слетѣлъ изъ комиссiи! Ну-ка, фельдфебель, прежде всѣхъ на этого барчѣнка кандалы, да покрѣпче! Шлясь онъ по паркетамъ во фракѣ, попляшетъ теперь у меня по стѣнной грязи въ желѣзныхъ браслетахъ...

Гарнизонный солдатикъ, помогавшій фельдфебелю, отставилъ ружье со штыкомъ къ повозкѣ и сталъ съ другими выбирать, по точному приказанiю исправника, для Разноцвѣтова кандалы покрѣпче и понадежнѣе.

Свѣтъ померкъ въ отуманенныхъ виномъ и злобой глазахъ Разноцвѣтова. Онъ скосилъ глаза къ землѣ, подумалъ, углы его губъ дрогнули, онъ быстро и безсознательно тронулъ себя за подбородокъ, качнулъ головой, мигомъ ринулся, схватилъ ружье солдатака, перегнулся, со штыкомъ на перевѣсь кинулся на Калканчикова, молодецкимъ движенiемъ отклонилъ его протянутую въ защиту руку, быстро кольнулъ его сперва въ шею, потомъ въ животъ, сказавъ: «это тебѣ на здоровье!» повернулъ ружье прикладомъ и, отскочивъ въ сторону по обрывистому берегу, бѣшено сталъ имъ отмахиваться отъ солдатъ, которые на крикъ фельдфебеля кинулись его обезоружить. Калканчиковъ произнесъ: «ничего, безвредная гадина, шалишь!» блѣдный шагнулъ впередъ, сторяча не чувствуя ранъ, хотѣлъ что-то командовать солдатамъ, запнулся и упалъ. Къ вечеру того же дня онъ умеръ.

Еня опомнился опять въ заключенiи и едва самъ могъ повѣрить, что сталъ убійцей. Всѣ сожалеали объ усердномъ, хлопотливомъ служакѣ Калканчиковѣ. Вился, бился, открылъ такое дѣло, какъ ульяновское, и умеръ безъ награды. Его жена и дѣти стали нищими. Види слабость гражданскихъ властей, начальникъ войскъ черноземской губернии рѣшился возвысить голосъ. Онъ послалъ въ Петербургъ денешну обо всемъ, что дѣлалось въ Черноземскѣ, и скоро пришло предписанiе: Разноцвѣтова, въ острастку другимъ, судить за

подконѣ подѣ казначейство, за побѣгъ изъ острога и за убійство исправника Капканчикова военно-полевымъ уголовнымъ судомъ.

Судъ собрался и, оставаясь вѣрять обычаю, кончилъ дѣло въ теченіи двадцати-четырехъ часовъ. Сердце Ени чуяло, что предъ нимъ вставалъ и шелъ, наконецъ, къ нему непуточный и страшный жизненный расчетъ. Всѣ улики, всѣ данныя противъ него были палицо. Отпираться не было средствъ. Онъ три дня и три ночи метался по полу одиночной секретной комнатки военной гауптвахты, при острогѣ, дважды покушался разбить себѣ голову объ стѣну, наконецъ, измучился, ослабѣлъ и временно затихъ.

Въ ясное раннее утро аудиторъ въ мундирѣ, съ кашляющимъ, сердитымъ, краснощекимъ, плотно-остриженнымъ и сѣдымъ генераломъ, презусомъ военного суда, вошелъ къ Ени и объявилъ ему грозное рѣшеніе. Разноцвѣтовъ, подозреваемый въ соучастіи по ограбленію дворянина Чулкова, уличенный въ подконѣ подѣ губернскаго казначейства, въ побѣгъ изъ острога и въ нанесеніи раны, при арестованіи, командированному для того исправнику Капканчикову, былъ приговоренъ къ смертной казни разстрѣляніемъ.

Эта вѣсть какъ-то неслышно влетѣла въ ухо Разноцвѣтова и вылетѣла оттуда, не оставя въ его мысляхъ ни малѣйшаго, казалось, особеннаго впечатлѣнія. «Какой упорный!» рѣшилъ о немъ сердитый и недовольный генералъ, любопытно взглянувъ въ его потускнѣлые, холодно и тихо смотрѣвшіе глаза.

«Къ разстрѣлянію! Что это такое? Шутка? Пустая угроза, или въ самомъ дѣлѣ правда?—подумалъ Еня, когда всѣ отъ него ушли,—они меня хотятъ только пугать; вѣроятно, съ церемоніей повезутъ на площадь, подведутъ тамъ къ этому черному столбу, прочитаютъ конфирмацію, завяжутъ глаза и, разумѣется, простятъ. Это все, я понимаю, для острастки другихъ!»

Къ вечеру мысль Ени полетѣла, неожиданно для него самого, на сѣверъ, къ маленькому домику на тихомъ и широкомъ петербургскомъ проспектѣ, гдѣ въ окнахъ цвѣли когда-то срани, мелькали бѣлыя занавѣсочки, за круглымъ столомъ, въ черномъ платочкѣ и въ душегрѣйкѣ, раскладывала пасынкъ сѣдая старушка, его бабка, ежедневно ходившая въ церковь и разъ въ недѣлю къ нему въ школу.

туда, въ этотъ домикъ, иной разъ являлась и блѣдная, стройная и худая чиновница, дочь старушки, мать Разноцѣтова, жившая экономкой у англійскаго банкира на Васильевскомъ островѣ, у рыжаго и толстаго добряка, мистера Джонса. Еня ясно помнила теперь, что у этой чиновницы, о которой онъ, въ теченіи ряда безпутныхъ послѣднихъ годовъ, какъ-то почти не думалъ, были красивые, большіе каріе глаза, строгій очеркъ грустно сжатыхъ губъ, гибкій, худой станъ, тихая улыбка и робкій, грустный голосъ. Онъ ясно помнилъ теперь, какъ обѣ эти добрыя женщины, бабка и мать, ласкали его, рѣзаво и дикаго ребенка, какъ онъ потомъ, уже четырнадцатилѣтнимъ юношей, уѣзжалъ къ сестрѣ на югъ, принять къ худымъ колѣнямъ благословившей его матери и, ясно смотря въ ея покрасившіе глаза, кляси ея любить ее и помнить, вести себя честно, кончить ученье и возвратиться на службу въ Петербургъ. «Я уже буду къ той порѣ въ могилѣ!»—сказала тогда со вздохомъ бабушка:— а маману ты возьмишь отъ англичанина къ себѣ, станешь ходить въ департаментъ, а она твоимъ хозяйствомъ займется; и заживете вы, мои милые, на диво!» Бабка, дѣйствительно, вскорѣ потомъ умерла. Но мать Разноцѣтова была жива и съ каждымъ годомъ ждала его къ себѣ, все на томъ же мѣстѣ экономки у англійскаго банкира, мистера Джонса, вздыхая только иной разъ, что вотъ ея Енюшка что-то рѣдко пишетъ. «Что же,—думала она,—ему тамъ хорошо! Вари теперь—отрѣзанный ломоть, богатая барыня. Онъ, вѣрно, ей покорень и послушень, помогаютъ ей по хозяйству; а что онъ вышелъ изъ университета, видно, это лучше: нынче вонъ всѣ какъ-то стали толковать, что лучше кусокъ сытнаго хлѣба, чѣмъ наука да поэзія!» Не знала мать Ени, что ея сынъ даже и студентомъ не могъ назваться, такъ какъ въ первыя же недѣли пребыванія въ одномъ южномъ университетѣ за одно дѣло былъ вынужденъ товарищами выйти вонъ.

Черноземскъ, гдѣ всѣ знали въ лицо лихого и разбитнаго малаго, двоюроднаго брата Чесодаровой Еню Разноцѣтова, смутился-было вѣстію, но потомъ сталъ сподобойно готовиться къ любопытному зрѣлищу.

— Миттермайеръ, впрочемъ, не одобриетъ смертной казни,—говорилъ, играя въ клубѣ въ карты и подмигивая какому-то пріятелю, Музыкантовъ, недовольный тѣмъ, что казни

въ ихъ губерніи была вызвана не гражданскою властью, а этою, какъ онъ выражался, военщиной: — жалъ дворинина! небывалый случай? Ну, да для примѣра... Притомъ же, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ безъ этого гарантія нашего спокойствія? Вы съ вальса? О! не годится, визгъ мой!

— Что-то бѣдная его сестра, энта Чемоदारиха-то? — толковали въ крытыхъ соломою домикахъ и глиняныхъ избушкахъ болѣе низменные обитатели Черноземска: — и сама-то она была такая жалкая, безъ мужа все по чужимъ краямъ маялась, а тутъ еще съ сѣннимъ братомъ такое странное дѣло стряслось!

— Да самъ-то этотъ Разноцѣтовъ, кто такой и откуда? — спрашивали другъ друга городскія кумушки.

— Говорятъ, чухонецъ какой-то, изъ Питера, что ли; вѣдь и она сама, Чемоदारиха-то, не изъ важныхъ, въ пенсію тамъ, сказываютъ, ходила, по полтиннику въ день платы за уроки получала... и уже за какого-то писаря изъ кантонистовъ собиралась выйти въ то время, какъ Чемо-даровъ-то ее изъ грязи на свѣтъ, какъ бѣлую рыбку, вытащилъ...

Все знали кумушки Черноземска, даже и такое, чего не знала и сама Чемодарова.

Изъ друзей Ени встрѣтились на улицѣ Вава Музыкантовъ и юнкеръ Чабаненко.

— На нашихъ неурожай пошелъ! — сказалъ Вава, заку-ривая папирску у пріятеля: — дуракъ Струйскій попался въ глупой исторіи съ дрянными подсвѣчниками, а тутъ нелегкая дернула и Разноцѣтова разыграть на морскомъ берегу сцену кавказскихъ героевъ, приколотъ эту дрянь. Канканчикова. Разумѣется, Канканчикова лучшаго и не заслуживалъ, но зачѣмъ излишества? Хорошо, что мы, благодаря защитникамъ, успѣшно отвертѣлись съ тобой отъ этой казни-чейской чепухи.

— Ну, братъ, не чепуха, если бы мы миллиончикъ-то ста- щили! Ты, впрочемъ, Вава, что-то похудѣлъ.

— Да и ты, ангель, не жирень сталъ.

— Все блѣдно какъ-то сдѣлалось! непроходимая скука! Не та совсѣмъ молодежь. Жить не умѣютъ! Сытовъ, дѣйствительно, свой домъ продаетъ и заводитъ типографію...

— А на эту ринципалію съ Енькой посмотрѣть поѣдемъ?

— Еще бы! Безпрѣмѣнно! — сказалъ юнкеръ: — любопытно

взглянуть, какъ рожу-то у него, дурака, поведетъ отъ страха и какъ, знаешь это, взводъ сыплетъ пулями, точно горохомъ, фить-фить! а онъ и склонить буйную головку на самый животикъ, да какъ споникъ и свалится, бѣдняжка!

Друзья помолчали. Думать ли Еня, сидя въ тюрьмѣ, что они, лучшіе его друзья, такъ о немъ будутъ говорить.

— И прежде, братецъ, думалъ, что страшно умереть, а оно вовсе ничего не страшно! — сказали, переходя, Вава Музыкантовъ: — тѣ же куры; ихъ рѣжутъ да въ супъ, а насъ въ землю: вотъ и вся разнища. Вѣдь отецъ мой — не дуракъ, это можно признать. Ужъ одно то, что онъ съ твоимъ отцомъ затѣялъ такое, положимъ, темное, но все-таки, согласись, смѣлое предпріятіе, какъ ихъ ульяновская фабрика. Хотя они и отрекаются теперь, но я убѣжденъ, что они это дѣлали.

Оба юноши поглядѣли другъ на друга, тихо усмѣхнулись и долго смѣялись, стоя въ углу улицы и съ тротуара весело поглядывая на прохожихъ.

— А все злость беретъ, — замѣтилъ юнкеръ: — какъ они смѣютъ казнить Разноцѣтова! Что онъ особаго сдѣлалъ! Казну обокрасть хотѣлъ и не обокрасть. А другіе крадутъ и живехоньки!.. Насиліе, подлость, и больше ничего!

На третій день съ утра Евгеній Разноцѣтовъ выказалъ нѣкоторую тревогу и волненіе. Онъ попросилъ пера и бумаги, сѣлъ за столъ, хотѣлъ что-то писать и остановился. Въ дверяхъ щелкнулъ ключъ.

— Къ вамъ родственница, навѣстити! — сказала, входя, смотритель.

Вошла въ глубокомъ траурѣ Чемодарова, а съ нею Чулковъ. Разноцѣтовъ взглянулъ на черное платье сестры, вздрогнулъ и отвернулся.

— Ты это къ чему въ траурѣ? — сказалъ онъ грубо, не поднимая глазъ: — я еще живъ, а ты ужъ меня отпѣываешь. Слезы душиали Чемодарову.

— Еня, Еня! Ты и здѣсь... въ эти мгновенія... я въ траурѣ потому, что недѣлю назадъ умерла моя тѣтушка, Аглая Федоровна. Должно-быть, ударъ случился съ бѣдняжкой: играла вечеромъ на фортепіано, легла спать и уже не просыналась.

— Смерть хорошая! — сказалъ вскользя Разноцѣтовъ: —

по такихъ людей особенно и не жалко; живутъ они тутъ въ Россіи, наживаются и нажитое готовы отдать другой странѣ...

Онъ обернулся къ сестрѣ и взялъ ее за руки.

— А онъ зачѣмъ сюда? смѣяться надо мной? — нагло ткнулъ онъ пальцемъ на стоявшаго въ дверяхъ Чулкова.

— Не грѣши, Еня; смирись, покайся хоть въ эти послѣднія минуты! Кто надъ тобой способенъ теперь издѣваться! Это — мой женихъ, Еня, рекомендую его тебѣ. Мы стоворены, и онъ пріѣхалъ также проститься съ тобою.

Разноцвѣтовъ подумалъ, не глядя никому въ глаза, протянулъ руку Чулкову и сказалъ:

— Поздравляю. Меня же, какъ видите, поздравить не съ чѣмъ особенно хорошимъ. Во всякомъ случаѣ, у васъ вкусъ хорошъ. Моя Варя не хуже вашей той, помните, Дуни. Да и ты, Варя, видно, уже не боишься тѣни покойнаго перваго мужа. Будете поживать отлично. Меня вспоминайте... Миѣ хоть бы Дуню на тотъ свѣтъ! Ха-ха-ха!

И онъ какъ-то жалко засмѣялся.

Чемодарова въ изнеможеніи сѣла на скамью.

— Еня! перестань притворяться. Сидь, поговоримъ о другомъ... Вспомнилъ ли ты теперь хоть разъ... о своей матери? Чтѣ прикажешь ей передать? Говори, проси — все исполню... подумай, вѣдь смерть скоро...

Облако шло по небу мимо гауптвахты и, казалось, слѣтѣло въ окно на лицо Разноцвѣтова. Онъ нахмурился, помолчалъ, хотѣлъ усмѣхнуться и дерзко качнулъ головой.

— Все это — вздоръ, господа! Ничего я не боялся и не боюсь. Не хнычь предо мной. Варечка, и даѣ ты миѣ, даѣ эти дни провести веселѣе. — Скверно вотъ кормить здѣсь: пришли миѣ чего-нибудь отъ твоего стола, или изъ гостиницы... макаронъ бы съ ступфатомъ, знаешь, по-гречески (съ этой стороны я любилъ бывать у твоей тетушки!), да винца бы бутылочку... Да персидскаго пороника пришли: блохи трескатыя снать не даютъ...

— Ахъ, Еня, Еня!

Чемодарова склонилась къ столу и громко зарыдала. Чулковъ подошелъ къ арестанту.

— Евгеній Андреевичъ, — сказалъ онъ тихимъ и изволнованнымъ голосомъ, взявъ за руку Еню: — вы, очевидно, надѣетесь на прощеніе; клинусь вамъ, вы ошибаетесь: прощенія

вамъ не будетъ. Мы были вездѣ: въ военномъ штабѣ, у командира войскъ и у губернатора... Сестра ваша въ погахъ у всѣхъ начальниковъ валялась: спасенія вамъ нѣтъ...

— Ступайте вы прочь, трусы! — дико закричать, вырываясь изъ рукъ Чулкова, Разноцѣтовъ: — я больше васъ знаю! Онѣ, эти власти, умѣе, чѣмъ вы думаете. Развѣ я — измѣнникъ или политическій агитаторъ? Я — гулика и шалунъ; печально въ нетрезвомъ видѣ убить исправника, и только. Не захотятъ же они мною, мелкимъ, пугать крупныхъ, въ родѣ Музыкантова... Этому не бытъ!

— Мать вспомни, Еня, мать!

Разноцѣтовъ всталъ и поднялъ сестру со скамьи.

— Оставь меня, Варя, — сказалъ онъ, провожая ее къ двери. — Оставьте и вы, г. Чулковъ! Точно васъ слушать: развѣ не видите, что нестерпимо.

Посѣтителы вышли.

— Это онъ еще пофорситъ депѣкъ, другой! — шепнулъ имъ смотритель: — а послѣ не то будетъ. Сдастся, и еще какъ! Унизительно жизни себѣ будетъ просить у всѣхъ, у меня, даже и у солдатъ. Я знаю это все хорошо.

Предсказаніе смотрителя сбылось. Наканунѣ казни съ Разноцѣтовымъ произошла сильная перемѣна. Его нельзя было узнать. Онъ самъ потребовать къ себѣ священника; заглядывая ему въ глаза, упалъ передъ нимъ на полъ, билъ себя въ грудь, молился и рвалъ на себѣ волосы и платье. — «Покайся, мой сынъ; Богу все объяви; душу очисти, — и Господь тебя помилуетъ въ той жизни!» — «Въ той? Здѣсь мнѣ жить хочется, здѣсь, а не тамъ!» — вопилъ арестантъ: — я покаюсь; но упрсите ихъ, чтобы меня помиловали и не казнили. Я въ батраки пойду, въ солдаты навѣки отдамся, пусть на Кавказъ, на Амуръ меня сошлютъ, только жизнь мнѣ, жизнь пусть оставятъ... Изъ меня выйдетъ, можетъ-быть, хорошій служака!»

Священникъ читалъ надъ нимъ молитвы, благословилъ его и ушелъ, посоветовавъ ему на завтра, передъ казнью, приготовиться къ исповѣди и причастію. Еня приходилъ въ болѣе и болѣе сильное волненіе. Черезъ служителей онъ купилъ ладану и восковыхъ свѣчъ, зажечь ихъ, стать курить ладаномъ и всю ночь напролетъ молился, кладя песочные поклоны и воия: «Господи! Господи! Показки свое могущество! Спаси меня, если Ты точно великъ и всева-

стеть! Не дай мнѣ, здоровому и молодому, погибнуть, какъ звѣрю! Не дай мнѣ средства убить меня! Пусть они только удалитъ меня куда-нибудь, если я здѣсь опасенъ. Они не имѣютъ права на казнь. Останови ихъ».

— Чтой-то онъ, братцы, бормочетъ?—шептались, заглядывая къ Енѣ въ окошечко, сторожа-солдаты.

— Со страху не свое несетъ. Индо ругаетъ кого, индо съ Богомъ уговоръ, слышь, кладетъ!

— Ну, съ Богомъ не сторгуешься.

— Завтра вотъ узнаетъ все, какъ оно есть тутъ и тамъ-то, на небеси! Право узнаетъ!

Рано передъ зарей, измученный и въ непрерывной лихорадкѣ, Разноцвѣтовъ упалъ на койку и заснулъ. Чья-то тихая рука его тронула; онъ открылъ глаза. Заря чуть еще занималась въ оконкѣ.

У его постели опять стояли Чемодарова и Чулковъ. Ихъ лица были теперь бодрѣе, или, по крайней мѣрѣ, они сами старались казаться спокойными.

Чемодарова тихо, безъ словъ, простилась съ Еней, еще разъ взглянула на него, сказала: «прощай, Еня, будемъ молиться за тебя! Мы выпросили: тебя повезутъ не на телегѣ, а въ каретѣ», — и направилась къ двери, гдѣ въ черной ризѣ уже стоялъ съ крестомъ и молитвенникомъ священникъ.

— Стой, Варя!—дико воскликнулъ Разноцвѣтовъ, кинувшись къ ней и не поднимая глазъ:—значить, все кончено? Все? Хорошо же! Вотъ на столѣ два письма: одно я было-написалъ къ тебѣ, другое къ матери... Попли ей сегодня же, она все еще должна быть у того англичанина, у Осдора Васильича, кажется, что, помнишь, мы съ тобою ходили въ его садъ, на конькахъ на прудѣ кататься... еще ты упала... помнишь? Ахъ, Варя! Что это со мною, что? Сто тысячъ разъ, кажется, въ минуту бьется теперь мое сердце, этотъ трусливый, жалкій перенелъ въ клеткѣ...

Вбѣжать впопыхахъ смотритель. Еня упалъ на койку.

— Господа, пора, пора! вѣдьно сейчасъ же готовиться. Извольте прощаться и уходить.

— Больше ничего, Еня?—спросила Чемодарова, стоя у дверей.

— Ничего... нѣтъ, постою, постою!

Разноцвѣтовъ хотѣлъ вскочить, хотѣлъ жарко обнять и

порывисто, крѣпко поцѣловать сестру и громко попросить у нея и у всѣхъ прощенія, но ему стало совѣстно за это движеніе. «Что, какъ объ этой слабости всѣ узнаютъ?— подумалъ онъ,—скажутъ, онъ-де, моль, потерялся, его зато и простили... позоръ на всю жизнь! лучше еще подкрѣплюсь!» Онъ всталъ, попросилъ у Чулкова папироску, закурилъ ее, похвалилъ табакъ, сѣлъ опять на кровать и притворно-весело, хотя дрожащимъ голосомъ, въ виду одѣтаго въ черную ризу священника, сталъ напѣвать какую-то игбсню..

Чулковъ вывелъ Чемодарову; они поѣхали въ гостиницу. Въ письмѣ къ матери Разноцвѣтовъ извѣщаль, чтобъ она ни о чемъ не беспокоилась, такъ какъ, хотя онъ и былъ приговоренъ къ разстрѣлянью за петаянную смертельную рану, нанесенную исправнику Банкашникову, но что онъ *надѣется* быть прощеннымъ; увѣрялъ, что вслѣдъ затѣмъ поступитъ въ военную службу, искупитъ грѣхи молодости и, устроивъ свои дѣла, перевезетъ и ее къ себѣ. Больше онъ не писалъ, что ей писать, такъ какъ въ эти семь лѣтъ совершенно отвыкъ отъ мысли о матери. Письмо къ Чемодаровой было пространное. Онъ давалъ сестрѣ много нѣжныхъ названій, прощался съ нею на всякій случай и въ концѣ прибавлялъ: «Варя, не вспоминай меня лихомъ. Я — потерянный человѣкъ. Но мнѣ тебя жалко, и, вмѣсто всякаго поздравленія тебя съ сватовствомъ, сгбснну очистишь совѣсть и свою, и твою, а именно: ты хорошо сдѣлала, что идешь замужъ за Чулкова. Твой первый мужъ давно и положительно умеръ. Музыкантовъ, котораго не удалось мнѣ доѣхать доносомъ изъ тюрьмы, еще четыре года назадъ получилъ объ этомъ извѣстіе, не помню, изъ какого заграничнаго оффиціального вѣдомства, присланное на твое имя сюда чрезъ Англію; но онъ не объявлялъ тебѣ этого, въ тѣхъ, полагаю, видахъ, чтобы ты долѣе не брала, черезъ новое замужество, своихъ дѣлъ изъ рукъ. Эту бумагу я разъ подсмотрѣлъ у него въ незапертомъ столѣ и торжественно, подъ клятвою, свидѣтельствую тебѣ объ этомъ. Твой навѣки Е. Разноцвѣтовъ».

Священникъ не безъ труда уговорилъ арестанта исповѣдаться и приобщиться. На дворѣ тюрьмы, между тѣмъ, загремѣлъ барабанъ. Въ окно камеры уже было видно движеніе войскъ, шедшихъ къ мѣсту казни. Въ двери глядѣли тупо-изумленные лица заготовленнаго кошвоя. Смотритель

суетился у гауптвахты съ каретой. Тьмы народа стремились по бесчаннымъ и пыльнымъ улицамъ и площадямъ, мимо длинѣйшихъ деревянныхъ заборовъ, грязныхъ дегтярныхъ лавчонокъ, мимо безобразныхъ и мрачныхъ купеческихъ домовъ, тяжелыхъ, какъ бы къмъ сплюснутыхъ казенныхъ зданій и спозаранку переполненныхъ кабаковъ, и заливали своими волнами огромный загородный военный плацъ. Солнце взошло, но лучи его, какъ и въ день похоронъ Гусева, были робки и тусклы. Священникъ далъ знакъ и въ послѣднй разъ остался съ арестантомъ наединѣ.

— Еще разъ, сынъ мой,—началъ онъ искреннимъ и до нельзя взволнованнымъ голосомъ: — прощу тебя вознестись духомъ горѣ и, помолясь, сказать мнѣ все, что у тебя на душѣ! Богу этого не нужно, Онъ и такъ все знаетъ, но нужно для твоей души.

— Значить, все кончено? Надежды на прощеніе нѣтъ и не видно?—глухо и задыхаясь спросилъ арестантъ.

— Не видно, сынъ мой, не видно. Если бы моя воля, я тебѣ простилъ бы.

Разноцвѣтовъ вскопнлъ и молча, хватая дрожащими, похолодѣвшими руками платье, сталъ одѣваться. Его зубы стучали.

— Покайся, сынъ мой, покайся...

— Все ваши розказни, батюшка, чепуха, если надо мной не явится пыче чудо избавленія! Я просилъ, мнѣ не дается, значить некого было и просить!—отчеканилъ онъ съ заносчивою смѣлостью.

— Проси еще, безумный, проси! Что ты!

— Дудки! Вдѣте. Не мучьте меня даромъ. Или папъ, или пропалъ.

Они сѣли въ карету. Процессія двинулась. Волненіе Разноцвѣтова дошло до крайнихъ предѣловъ. Онъ вертѣлся, глядѣлъ въ окна кареты на дома, на безграмотныхъ выѣски, на бабъ, щелкавшихъ орѣхи и арбузные сѣмечки, на ругавшихся пьяныхъ поденщиковъ и на кучи всякаго рода пинеходовъ, бѣгомъ опережавшихъ карету и заглядывавшихъ, съ тупыми выраженіями лицъ, въ молодое, страхомъ и отчаяніемъ искаженное лицо арестанта. «Глаза-то у него, глаза!» говорила подругѣ велухъ, на одномъ поворотѣ, толстая купчиха, сжатая толпой: «какой, матушка, ужасъ въ его глазахъ!»—Струсилъ, смерть,—не тѣтка!—«Покайся,

видно!» Такія возгласы раздавались кругомъ его. Еня это слышать. Въ одномъ изъ келѣвъ его началась сама собою такая дрожь, что онъ сталъ его придерживать рукой. Ему и воды хотѣлось пить, и вина бы, рому; нѣсколько бутылокъ, кажется, выпить бы, чтобы забыться только. И кому-то хотѣлось шептать шкляныя, ласковыя слова, чьи-то руки безцѣпными захотѣлось цѣловать. «Къ чему?—думать онъ, снуя по подушкѣ кареты,—къ чему? все равно, черезъ полчаса все будетъ кончено, не въ прокъ пойдутъ и вода, и ромъ, и признанія, и поцѣлуи. Швырнуть это бѣдное мое тѣло въ яму и зароютъ. А эти вывѣски, эти бабы съ орѣхами, купчихи и поденщики такъ же будутъ себѣ жить чужезъ эти полчаса, сегодня, завтра, цѣлыя годы, какъ будто меня никогда и не было на свѣтѣ! И кому нужна моя смерть, кому нужна эта страшная раздѣлка съ моимъ тѣломъ?»

— Жалкая комедія, — рѣзко сказать онъ: — впрочемъ, вотъ, сегодня я сидѣлъ бы въ театрѣ, а теперь, какъ не простять, гдѣ я буду? угадайте, батюшка, гдѣ? тутъ или тамъ, на вашемъ небѣ!

— Не богохульствуй, блудный и окаянный рабъ грѣха! Опомнись. Еще есть время. На что ты такія силы душевныя тратилъ? Вѣдь у тебя, вижу, есть силы...

— Все это я знаю, слышалъ и оцѣнилъ давно. Но жизнь мнѣ, жизни, вы уже не верните, какъ ее возьмете у меня, вотъ что! кануть-крахень тогда, и все тутъ...

Еня посвистать.

Старичокъ-священникъ выходилъ изъ себя, стараясь укротить бѣшеные порывы, проклятія и ругательства арестанта. Наконецъ, широкія и глухія несчанныя улицы города кончились, показался загородный плацъ, море людскихъ головъ въ одной сторонѣ, а въ другой—деревянный столбъ и черное отверстіе готовоѣ свѣжей могилы.

— О! какаѣ низость, какое насиліе! И ни въ чемъ не виноватъ, ни въ чемъ! — заговорилъ Разноцѣтовъ, съ невыразимымъ ужасомъ прикидываясь съ каретной подушки и помутнившимся, безжизненнымъ зрачкомъ всматриваясь въ этотъ темный столбъ и въ эту свѣжую яму. — Все клевета, я не посягалъ на казначейство, не ранилъ и неправника! и если меня не освободятъ, вѣрьте мнѣ, это будетъ безчестное, — слышите? — безчестное и подлое дѣло... Больше

миѣ говорить вамъ нечего! я все сказать... это узнаеть свѣтъ...

Онъ сѣлъ и ухватился за подушку. Карета остановилась. Ее окружить конвой.

«Исужели же онъ и въ самомъ дѣлѣ ни въ чемъ невиновать?»—подумалъ старикъ-священникъ.

— Защитите меня, защитите! Какая безчестная и низкая продѣлка съ человѣкомъ выснаго круга! — вскрикнулъ Еня какому-то совершенно постороннему офицеру, съ дорнетомъ на носу протѣснвившемуся сквозь конвой. Громъ барабановъ глухо перекашивался передъ фронтомъ войска, съ трехъ сторонъ выстроеннаго вкругъ плаца.

— Не ори! что ты! — сказать ему началъ: — може, еще манихвествъ прискочить! Сполний все, какъ слѣдъ. На то воля начальства!

Разноцѣтовъ въ то же мгновеніе стихъ, сталъ кротокъ, какъ ребенокъ, и, кидая пугливые взоры кругомъ на войско, на народъ и на экипажи, сталъ исполнять «какъ слѣдъ» все, что ему говорили здоровенный и рябой малый, исполнившій роль палача.

Болѣе ничего не помпиль помертвѣлый Разноцѣтовъ: ни того, какія молитвы ему, при переодѣваніи въ саванъ, скороговоркой опять шепталь сѣдой священникъ, ни того, о чемъ громкою и рѣзкою фистулой вычитывалъ передъ нимъ изъ конфирмаціи высокій аудиторъ. Съ тихо вздрагивавшими углами губъ, оторопѣлыми, жадно-напряженными и какъ бы съ чужого лица глядѣвшими глазами, Еня не переставалъ смотрѣть то туда, то сюда, то на пыльный и шумный, блиставшій вдали городъ, кресты и главы церквей, то на море волновавшихся близъ него головъ. Жадно вливаясь глазами въ очертанія дороги, шедшей изъ города, онъ, съ громкимъ стучаніемъ страшно щемившаго сердца, поджидать, не выскочитъ ли оттуда, изъ роковой пыльной дали, верховой адъютантъ главнаго воинскаго командира,— онъ даже вспомнилъ его при этомъ по фамиліи, — кажется, Аплесевъ, такой бѣлокурый, кудрявый красавецъ и танцоръ (онъ его часто видѣлъ въ собраніяхъ); не изовьется ли изъ той же шумной дали рѣзвая тройка, а на тройкѣ столяма фельдъегерь съ прощеніемъ въ махающей рукѣ отъ высшихъ властей ему, герою печальнаго дня...

Никто не показывался, не скакалъ и не везъ прощенія.

Картина не измѣнялась. Аудиторъ дочитывалъ бумагу. Кучка генераловъ, высшихъ гражданскихъ чиновниковъ и штабныхъ, выискивающихъ на лучъ проглянуваго солнца, сурово шепталась и косилась на него, въ тридцати шагахъ отъ эшафота.

— Клади поклоны народу на всѣ четыре стороны! — скомандовалъ ему палачъ, когда аудиторъ кончилъ.

«Вуду все исполнять, покорюсь! — находчиво мелькнуло въ головѣ Разноцвѣтова, — это такъ надо! Пусть себѣ потѣшатся! Они хотятъ чтобъ я еще болѣе потерялся и покался, тогда и произведутъ сцену прощенья». Велѣдствіе такой сметки, онъ бодро прошелъ по фронту войскъ, и когда, кланаясь потомъ на четыре стороны въ землю, онъ увидѣлъ, что его бережно поддерживаютъ почему-то два солдата, то опять подумалъ: — «неужели же я такъ ослабѣлъ?.. Ноги, кажется, еще держатся!..»

Ему стали завизывать назадъ руки.

Въ это время въ его глазахъ мелькнула въ толпѣ народа незнакомая дама въ желтыхъ лентахъ, распустившая отъ солнца огромный зонтикъ, отчего на нее сыпались побранки и довольно громкія насмѣшки изъ толпы. Народъ судорожно колыхался, задніе ряды наминали на передніе. Хозяиные, казаки и жандармы тщетно старались удержать порядокъ. Въ одномъ концѣ площади, въ начавшейся свалкѣ, чей-то громкій и внушительный голосъ общинно восклицаетъ: «миѣ стоять впереди, а не тебѣ, я — статскій совѣтникъ, а ты чѣ?» Въ другомъ концѣ, невдалекѣ отъ Ени, среди снова водворенной тишины, голосъ молодой дѣвицы довольно живоотносился къ подругѣ: «Экоси, смотри, смотри, какъ у него дрожать руки и голова! Это какъ въ томъ, поминишь, романѣ... *«Послѣдній день осужденнаго!»* «Пирожки! пирожки!» прорывались позади послѣднихъ рядовъ народа шепотливые голоса нетерпѣливой базарной торговли.

«И поминки по миѣ готовы!» — горько и тѣдно пронеслось въ испуганномъ всею этою картиною умѣ Ени. Ему показалось, что гдѣ-то въ толпѣ передъ нимъ мелькнули лица Вавы и конкера Чабаненко. «Неужели это они?» — подумалъ онъ.

— Молись! колнать на глаза падѣну! — сердито сказалъ палачъ: — съ землею, съ людьми прощайся — глянь кругомъ

еще разъ.. такъ-то вотъ! а теперь прости и меня крещенаго!

Ени и палачъ поцѣловались. Последнее, что увидѣлъ въ эту минуту Разноцвѣтовъ, было... а впрочемъ, можетъ быть, это ему только такъ показалось... Злая шутка судьбы! Передъ тѣмъ, какъ палачъ надвинулъ на его лицо козлякъ и туго сталъ завязывать ему платкомъ глаза, надъ толпой народа, во весь ростъ, стоями въ колыскѣ, обрисовался въ зрачкѣ Ени представительный, изящный и полный достоинства Ардалыонъ Аркадычъ Музыкантовъ.

«Такъ онъ еще и на мою казнь прѣхать посмотрѣтъ! — горько шевельнулось въ груди Ени: — неужели же я, мелкій, для того и погибну, чтобы онъ, коноводъ всего, остался цѣлъ и невредимъ? И отчего я ему не пригрозилъ, наконецъ, изъ тюрьмы, что выдамъ его въ поддѣлкѣ намъ векселя на сестру и въ другихъ вещахъ? Можетъ, онъ постарался бы меня спасти?»

Бѣлая, незрячая фигура арестанта, въ длинной полотняной рубахѣ, поддерживаемая сбоку палачомъ и медленно опущивая ногами землю, прошла по площади къ столбу у ямы. Разноцвѣтова привязали къ столбу. Изъ рядовъ солдаты беззвучно и проворно, придерживая аммуницію, выскочили и выстроились заготовленные заранее стрѣлки. Фельдфебель сталъ сбоку ихъ, махнулъ рукой разъ, другой, женскій полъ въ толгѣ прищурился, въ головѣ Ени быстро мелькали мысли:

«Неужели же конецъ? Нѣтъ, вѣроятно, летитъ фельдфебель съ прощеньемъ... Что тогда? О разумѣется, надо исправиться... А если не простятъ? Чай, солдаты уже цѣлятся? Прощай, далекая, бѣдная голубка, матушка... и если намъ на этомъ свѣтѣ...»

Поджарый и мускулистый, съ птичьимъ лицомъ, фельдфебель махнулъ въ третій разъ. Трусливо шурясь и дрожа, солдаты сдавили въ рукахъ холодныя желѣзки курковъ. Раздался быстрый и перекашивистый трескъ пистолетовъ. Разноцвѣтовъ верхнею частью тѣла перевихнулся на нижнюю, точно переломленный, дрогнулъ и, давъ на бѣломъ саванѣ потоки крови, быстро, какъ ивкій, никому болѣе ненужный флагъ съ древка, осунулся къ низу прострѣленного пулями столба.

— Боже, упокой его душу! — сказалъ Сытовъ, **бывшій**

также здѣсь: — и кому пужна была эта грустная кровавая шутка?

Онъ уѣхалъ съ плаца, давши себѣ клятву послать въ столичные журналы описаніе ульяновскаго дѣла.

— *Finita la comedia!* — громко проговорилъ Вава, плохо выговаривая итальянскій возгласъ: — Чабаненко, нѣтъ ли панироски? Сграхъ хочется курить.

— Ой, давить, давить! — закричала въ толпѣ барыня, не желавшая сложить зонтика: — лошадь жандармская задомъ мапирать, защитите, мосѣ, защитите!

— Держите вора, вора! вонъ побѣжалъ: часы у меня украли! — кричалъ статскій совѣтникъ.

Народъ неудержимою волной шарахнулся къ столбу и къ ямѣ, гдѣ уже, сброшенный ничкомъ, лежалъ неподвижный трупъ Разноцѣтова.

Военная музыка заиграла похоронный маршъ. Могилу васынали. Зрители стали расходиться, споря и рассказывая другъ другу, какъ это онъ шелъ, какъ сталъ, какъ встретился и осунулся.

— Шесть пуль! — кричали въ толпѣ.

— Девять!

— Нѣтъ, вреннъ, шесть!

— Агъ девять, девять! самъ считалъ на столбѣ! Тамъ остался и кусочекъ волосъ...

А впереди, обгоняя ряды щегольскихъ колясокъ и дрожекъ, неслась нара сѣрыхъ жеребцовъ. Въ коляскѣ съ подослѣвшимъ изъ Петербурга адвокатомъ Самосвистовымъ, полусежалъ и мчался Ардальонъ Аркадычъ Музыкантовъ. Онъ, зѣвая, толковалъ, попрежнему, что смертная казнь — дѣло по идѣ нехорошее, но на практикѣ весьма недурное, въ особенности для острастки и вразумленія толпы. Музыкантовъ, впрочемъ, храбрился только для виду. Въ душѣ же онъ сильно перетрусилъ, видя казнь Ени, хотя и былъ радъ, что навѣки отдѣлался отъ него.

Но тутъ мы позволимъ себѣ сдѣлать отступленіе. Вслѣдъ за казнью Разноцѣтова, въ Черноземскѣ разнеслась невѣроятная молва. Слухъ сперва возникъ въ степи, подъ городомъ, потомъ облекая въ плоть и въ кровь въ домъ Анны Романовны, майорши Селѣдкиной, злого врага Самосвистова. Анна Романовна сообщила слѣдующій громовой рассказъ.

«Музыкантовъ и его адвокатъ паскоро пообѣдали, по открытому листу потребовали шестерикъ обывательскихъ лошадей и въ самомъ веселомъ настроеніи духа выѣхали, на склопѣ того же теплаго и сухого осенняго денька, когда казисень Разнощитовъ, въ Ганновку, а оттуда по дѣламъ въ сосѣдній уѣздъ.

«— Такъ вручено на Сѣверѣ? — будто бы спросилъ, съ сладчайшей улыбочкой и подмигивая другу-адвокату Музыкантовъ.

«Они выѣзжали въ зеленѣющія изумрудными всходами подгородныя озимыя поля.

«— Вручено сполна-съ.

«— И обѣцано?

«— Обѣцано...

«— Что все по ульяновскому дѣлу будетъ обдѣлано кругло и гладко?

«— Кругло и гладко».

Анна Романовна увѣряла потомъ, что не только разговоры путниковъ, но и самыя мысли ихъ въ эту дорогу она узнала изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ.

«Шестерикъ легкъ въ скачъ, — продолжала Селѣдкина: — Музыкантовъ и его спутникъ курили, пуская струйки дыма тончайшихъ гаванскихъ сигаръ. Два колокольчика и бубенчики на хомутахъ звенѣли на множество ладовъ. Ни облачка пыли вслѣдъ коляски, по недавно увлажненной дорогѣ, ни жары, ни кочки.

«На тридцатой верстѣ отъ города потянулась Опалихинская стена. Кое-гдѣ только вдали, въ расыску по косограмятъ, видѣлись огромныя овечьи стада, съ шестами у кочевыхъ куреней, со стальми сторожевыхъ собакъ и съ одичалыми, какъ волки, чабанами.

«Путники стали дремать. Совершенно неожиданно подъ коляской сломалась ось. Лошади понесли и довольно невѣжливо выкинули ѣздоковъ на-земь. Отдѣлавшись однимъ испугомъ, путники, при видѣ наступающаго вечера, посмѣлись, велѣли ямщикамъ пустую коляску бросить и скорѣе ѣхать обратно въ ближайшую слободку за телѣгой, а сами посидѣли на травѣ, закурили новыя сигары и рѣшились, ради хорошей погоды и красиваго заката солнца, прогуляться нѣсколько впередъ пѣшкомъ. Толкну о томъ, о семъ, они прошли версту, другую, третью. Солнце еще было

видно, но уже стало заходить. Передъ ними обрисовался овражекъ съ нѣсколькими дубками вправо, въ его вершинѣ.

«Что, какъ не найдуть для насъ телѣги?—сказалъ адвокатъ:—до Ганновки еще далеко!

«— А хоть бы и не нашли, кто насъ тутъ тронетъ!—отвѣтилъ предводитель:—нѣтъ ребенка въ цѣломъ уѣздѣ, кто бы меня не зналъ.

«Вдругъ самодовольные путники вполнѣ явственно слышали въ сумеречной дали глухой, переливистый и какъ бы на нихъ несущійся лай огромной стаи чабанскихъ собакъ.

«— Что бы это значило?—спросилъ самъ себя Музыкантовъ:—я мѣстность знаю хорошо, тутъ нѣтъ по близости ни деревни, ни другого какого жилья.

«— Развѣ кто охотится!—сказалъ въ ободреніе себя и товарища Самосвистовъ.

«— А и въ самомъ дѣлѣ!

«Предводитель и адвокатъ, взглядываясь въ даль, обомлѣли отъ страха. Въ нѣсколькихъ стахъ саженьяхъ отъ нихъ, протянувшись темными подвижными черточками, на нихъ летѣла дикая и злобая стая чабанскихъ собакъ. Адвокатъ первый ихъ увидѣть, не хуже зайца пустился бѣжать и, оборвавъ о вѣтви тончайшій сюртукъ, моднѣйшій жилетъ и даже золотую цѣпочку, на подобіе бѣлки вскарабкался на ближайшій дубокъ (вы знаете, --- ядовито прибавляла Анна Романовна, — какой Самосвистовъ трусъ: когда за меня однажды приходилось ему драться, онъ уѣхалъ изъ губерліи). Музыкантовъ, какъ извѣстно, былъ толстъ и важенъ. «Куда вы? гдѣ вашъ револьверъ? гдѣ мой? вотъ онъ! да полно, что вы трусите, воротитесь! Смотрите, какъ я ихъ встрѣчу!»—крикнулъ онъ въ догонку за убѣгавшимъ товарищемъ. Вслѣдъ затѣмъ Музыкантовъ присѣлъ опять, слышался выстрѣлъ изъ пистолета, раздался пещенный крикъ Музыкантова, казалось звавшаго на помощь,—и все затѣмъ слилось въ глухомъ и злобомъ рычаніи навалившихся кудлатыхъ псовъ! Не помня себя отъ ужаса, Самосвистовъ замѣтилъ только, что собаки мгновенно набѣжали на Музыкантова, смяли его, растянули, окружили и затихли... Прошла секунда, другая—минута, двѣ... Не то собаки бросили Музыкантова и ушли, не то они его рвали. Что было съ нимъ, Самосвистовъ, сидя въ вѣтвяхъ, не могъ рѣшить.

«Сумерки сгустились. Вдали послышался грохот тележки, раздался звук тѣхъ же бубенчиковъ и колокольчиковъ.

«И когда обывательскіе ямщики, со старостой и съ сотскимъ сосѣдней слободки, насакали опять сюда и стали кликать господъ, на дорогу передъ ними явился одинъ Самосвистовъ. Музыкантова не нашли. Во мракъ поля то здѣсь, то тамъ слышалось нѣсколько минутъ жадное рычаніе собакъ. Но вскорѣ стая разбѣжалась, и все замолкло окончательно...

«Видно, баринъ сгоряча не выдержалъ, стрѣльнулъ, да и ранилъ-те, вѣрно, сучонку! — разсуждали ямщики: — а ужъ, тутошныя псы этого не любятъ, особливо коли бѣгаютъ и правятъ свою собачью свадьбу.

«Рано на зарѣ понятыя собрали нѣсколько обглоданныхъ человѣческихъ костей.

«Самосвистовъ послалъ одного изъ верховыхъ съ вѣстью въ Гапновку, къ женѣ Музыкантова: другого послалъ въ станъ и въ уѣздное полицейское управленіе, а самъ въ ту же ночь уѣхалъ къ одному родственнику въ дальнюю деревню, отъ передуга заболѣлъ тамъ горячкой и чуть, какъ говорятъ, не умеръ, что, однако (прибавляла рассказчица), не помѣшало Самосвистову вскорѣ снова выздороветь и начать, въ пользу семьи разорваннаго собаками Музыкантова, искъ по векселю съ Чемодаровой. И не дѣла, какъ черезъ мѣсяцъ (вы увидите), блистательный адвокатъ выиграетъ и это, заведомо всѣмъ, неправое и вопиющее дѣло. Таганчу уже описали и скоро будутъ продавать съ молотка». Такъ говорила Анна Романовна.

— Странное стеченіе обстоятельствъ! — толковали жители Черноземска, въ тысячѣ вариантовъ передавали рассказъ Анны Романовны: — въ тотъ самый день, какъ разстрѣляли Разноцвѣтовъ, разорвалъ собаками Музыкантовъ! Что бы это значило? Тутъ что-то этакое кроется...

— А ничего не значить и не кроется, — возражали болѣе солидные люди: — лучше вы вотъ ходите съ никъ, а то все бубны, да бубны и пробуненитесь!

— Но все-таки, извините, странно подумать, — перебивали первые: — что чувствовалъ Музыкантовъ, когда его щекъ и рукъ уже касались оскаленныя и загнувшія слюной морды собакъ и когда его еще живыя уши слышали

трескъ и хрустѣніе его собственныхъ костей? Ухъ! странное дѣло!

Проншла недѣля.

Какое же было изумленіе Черноземска, когда, послѣ извѣстія Анны Романовны Селѣдкиной о странномъ событіи съ Музыкантовымъ, Ардальонъ Аркадьевичъ Музыкантовъ оказался живъ, здоровъ и невредимъ и собственно своею особою явился сперва въ улицахъ Черноземска, а потомъ и въ черноземскомъ собраніи. Всѣ на него съѣзжались смотрѣть, какъ на чудо, много смѣялись и острили надъ городскими слухами. И болѣе всѣхъ смѣялся и острилъ самъ Музыкантовъ, такъ какъ трагическій рассказъ Анны Романовны оказался чистѣйшею ложью.

— Чабанскія собаки, судари мои, не только меня не растерзали, — говорилъ Ардальонъ Аркадьевичъ Музыкантовъ: — но когда, по случаю ломки экипажа, мы съ Самосвистовымъ должны были за полночь просидѣть въ стѣнѣ и дожидаться телѣги, эти собаки, дѣйствительно, сбѣжались и охраняли насъ до возвращенія ямщиковъ.

Исторія же о собакахъ со стороны Анны Романовны слышалась очень просто. Бесѣдуя съ одною кумой объ улыповскомъ дѣлѣ, она выразилась:

— На Музыкантова вчера, говорятъ, напали собаки, и какъ это онъ его еще не съѣли! Вотъ помогла бы судьба казнить его, коли судъ людской оказывается тутъ безсильнымъ!

Кума сказала: — «да, хорошо, коли бы собаки пострались!»

Да, уйдя отъ Анны Романовны, и брякнула другой соседкѣ, что это уже случилось.

Та къ Аннѣ Романовнѣ.

— Какъ, матушка, было?

— А вотъ какъ... — и пошла писать.

Не вразумила и не напугала негодяевъ казнь Разноцѣтова. Въ тотъ же вечеръ донесла городская полиція новому губернатору, что, пользуясь стеченіемъ народа за городъ, нѣсколько шайкъ воровъ въ разныхъ улицахъ, домахъ и лавкахъ произвели болѣе десятка самыхъ отъявленныхъ кражъ; въ числѣ прочаго, стащили самоваръ съ кипяткомъ съ крыльца какого-то генерала. А на утро снова загремли дрожки, подъѣхалъ растерянный полиціймейстеръ и объ-

явилъ, что тѣ самыя арестанты, Молодичка, Отченашъ и компанія, которыхъ за побѣгъ изъ острога приговорили къ каторгѣ и въ поученіе водили на плацъ смотрѣть на казнь Разноцѣтова, выломали рѣшетку въ окнѣ новой своей камеры, спустились на связанномъ бѣлѣ въ дворъ, пользуясь темнотою осенней ночи, убили кистенемъ двухъ часовыхъ, внутри и снаружи двора, и снова всѣ ушли.

XIV.

Счастье чернорабочаго человѣка.

Чулковъ и Чегодарова обвинчались въ сентябрѣ. Свадьба была тиха. Вѣнчалъ ихъ тотъ же отецъ Левъ, который, впрочемъ, съ дальнѣйшею жизненною практикой, а въ особенности, видя постоянно больную свою жену, сталъ суровѣе, уже не такъ былъ щеголеватъ въ одеждѣ, прическѣ и въ движеніяхъ и менѣе старательно вычитывалъ молитвы и церковныя возгласы. Безлюдовскіе школьники Чулкова пѣли на клиросѣ вѣнчальные гимны, а ихъ учитель, Михѣичъ, сказалъ молодымъ спичъ. Почетнымъ и единственнымъ гостемъ на свадьбѣ былъ другъ Александра Ильича, лабазникъ Иванъ Ивановичъ, который, попрежнему, копотился въ уздой лавчонкѣ, изъ конеекъ сколачивая рубли. Дуня и Глаша, по ходатайству Чулкова передъ новымъ исправникомъ и слѣдователемъ, освобожденные отъ привлеченія къ дѣлу о покражѣ его кассы, также стояли въ церкви и, запрятавшись въ задніе ряды молеыщниковъ, жадно слѣдили за обрядомъ вѣнчанія. Послѣ вѣнца женихъ и невеста отслужили панихиду по Аглаѣ Федоровнѣ, по Гуслеву и по Разноцѣтову. Вскорѣ послѣ свадьбы Чулковъ поѣхалъ въ Черноземскъ, съ цѣлью употребить всѣ усилія, чтобы спасти Таганчу отъ иска Музыкантова.

— Ну, Варя, — сказалъ онъ, возвратившись изъ Черноземска на тѣхъ же неизмѣнныхъ и завитыхъ бѣговыхъ дрожкахъ и на той же буланкѣ, которой въ просторпой конюшнѣ Таганчѣ было отведено самое лучшее стойло: — дѣло наше еще не такъ плохо! Начнемъ встрѣчный искъ противъ Музыкантова. Поборемся: время — лучший врачъ всякихъ бѣдствій. Не побѣдимъ Музыкантова, отступимъ въ Безлюдовку; а до тѣхъ поръ будемъ жить здѣсь, направимъ хозяйство на лучший ладъ, пустимъ всѣ силы имѣнія

въ ходъ, пондемъ кредита, такъ какъ на хлѣбъ что-то нѣтъ покупателей, и авось еще спасемъ дѣло. Я слышала, что дѣла Музыкантова очень плохи, что жена требуетъ отъ него промотанный имъ ея капиталъ; а что если бы даже онъ и выигралъ дѣло противъ насъ, то и это его дѣло не поправить. Но вотъ феноменъ. По дѣлу ульяновскому онъ только не унываетъ, а увѣряетъ своихъ друзей, что пошлетъ въ Петербургъ большую сумму денегъ и что не только ему договорили лучшихъ адвокатовъ, но что онъ купилъ чуть ли не весь сенатъ!

— Съ Безлюдовкой ты что думаешь дѣлать, какъ кончится чрезъ два года срокъ аренды?

— Постараюсь опять взять ее въ наймы, а тамъ, можетъ-быть, ее и купимъ. Надо надѣяться, что казна станетъ исправнымъ и многочисленнымъ арендаторамъ продавать ихъ участки съ разсрочкой, въ видѣ особой награды. Ты меня считала честнымъ и не ошиблась. Нажива честнымъ трудомъ — лучшая доля на свѣтѣ. Агуть тѣ, кто увѣряетъ, что честнымъ трудомъ ничего не наживешь. Ты сама доказала обратное: въ годъ времени ты сумѣла получить вдвое противъ того, что Таганча давала прежде.

— Не тяжело ли намъ будетъ разомъ вести такое сложное дѣло и въ двухъ мѣсяцахъ?

— Нельзя. Красивая Таганча останется въ наслѣдство... нашей будущей дочери; а пустынная, но за то торговая, Безлюдовка... сыну.

— Не болтай, Саша, вздоръ; а то я разсержусь и по дамъ тебѣ кофе...

Кофе, однакоже, быть изготовленъ, какъ училъ жену Чулковъ, по-петербургски, горячій, крѣпкій и съ густыми сливками, и молодая супруга собственноручно поднесла его супругу, отъ дороги прилегшему на диванъ.

— Саша! — сказала она, опустившись подлѣ него на колѣни: — ты лежи, а я буду спрашивать...

— Спрашивай.

— Ты новый или ты старый человекъ?

— Это какъ?

— Я въ вашихъ модныхъ романахъ недавно читала описанія новыхъ людей... Ты знаешь, по твоей винѣ я за этотъ годъ немало перечитала.

— Какіе жъ тамъ эти новые люди въ книгахъ?

— Такіе...

— Какіе такіе?

Чулковъ приподнялся на локтѣ.

— Ну, извѣстно какіе, особенные...

Чулковъ широко раскрылъ глаза.

— Особенности? то-есть, какъ это особенные? Носы у нихъ, руки и ноги, что ли, совсѣмъ другіе, чѣмъ у остальныхъ?

— Нѣтъ, Сама, я не шучу. Какіе тамъ носы! Говорится о душѣ, о волѣ и стремленіяхъ. Отвѣчай мнѣ серьезно: ты новый или старый человѣкъ?

— А ты какъ полагаешь?—спросилъ Чулковъ съ улыбкой, прихлебывая изъ чашки...

Барвара Аркадьевна подумала и отвѣтила:

— Но мнѣ, такъ ты, конечно, новый человѣкъ.

— Отчего такъ?

— Вотъ отчего. Во-первыхъ, ты во всемъ — оригиналь, не похожъ на всѣхъ другихъ, кого я знаю. Тебя даже не придетъ на умъ спросить: дворянинъ ты, или мѣщанинъ, или купецъ? Ты — какъ бы общій человѣкъ. Потомъ, — это будетъ во-вторыхъ, ты съ большою силой воли, честенъ, чужого даромъ не желаешь и всю свою жизнь, всѣ блага свои построилъ на собственномъ личномъ трудѣ... слѣдовательно...

— Въ-третьихъ?

— Ну, и въ-третьихъ, и въ-четвертыхъ, ты — новый человѣкъ. Вотъ ты опять смѣешься!

Чулковъ приподнялся на диванѣ и присѣлъ.

— Сидь возлѣ меня, Варя, и послушай. Ты слишкомъ добра и снисходительна ко мнѣ, потому и преувеличиваешь мои минимы качества. А качества за мной не водятся особенно никакихъ. Какой я новый человѣкъ! Тѣ люди — совсемъ иные, пожалуй, даже необыкновенные герои. Съ остальными людьми, какъ ты выразишься, у нихъ нѣтъ почти ничего общаго и схожаго. Всѣкъ глѣнетъ на такого и сейчасъ пойметъ, что такой человѣкъ — не то, что онъ самъ. И же, дружокъ, не только не герой, но даже весьма незначительный человѣкъ, просто — переселенецъ, колонистъ на берегахъ Оналіхи, да и все тутъ.

— Вотъ и попался!

— Въ чемъ же я попался?

— Въ томъ, что даже и тутъ ты все-таки—новый человекъ. Сообрази. Въдѣ на здѣшнія земли и рѣки до сихъ поръ являлись колонистами одни заморскіе люди, либо нѣмцы, либо греки, либо тамъ другіе какіе иноземцы. Наши же если и переселялись куда-нибудь, такъ или просто въ ссылку, въ наказаніе, чрезъ станovýchъ, или какъ прежніе крѣпостные, тоже противъ воли, изъ-подъ палки. А ты, человекъ хорошаго общества, воспитанный, пренебрегъ, какъ рассказывалъ мнѣ, служебными отличіями, бросилъ другимъ все старое, избитое, легко доступное и переселился на новыя мѣста...

— Ну, не хвали! я и здѣсь вышелъ скорѣе подражатель, чѣмъ самобытное лицо.

— Почему?

— Очень просто. Потому что и до меня другіе это дѣлали. Ты, я думаю, слышала,—не знаю, правда ли,—одинъ московскій графъ во Франціи, въ Пикардіи, закупилъ себѣ цѣлый околотокъ деревень и земель, сталъ французскимъ помѣщикомъ; потомъ какой-то петербургскій откупщикъ возлѣ дивной Нипцы русскую избу въ апельсинномъ саду соорудилъ; а твой любимый антологическій поэтъ, выигравъ въ лотерею сто тысячъ, близъ Аѳинъ въ Греціи, говорятъ, купилъ участокъ классической земли и тамъ себѣ на старость, среди миртовъ и лавровъ, на безоблачномъ берегу вѣчно-синяго моря, воздвигаетъ сказочный пріютъ съ мраморными богами, портиками и колоннадами. Потомъ, въ Крыму, на южномъ берегу, построено столько виллъ...

— Нашелъ подвиги! Среди итальянской или полуазіатской изнѣженной природы мраморные портики для лѣтней дачной жизни построить! Гдѣ же тутъ подвигъ, гдѣ трудъ? Это, дружокъ, называется, попросту, съ жиру бѣситься... Ты потому на нихъ именно и не похожъ, что поселился на рѣчкѣ Опалѣхѣ. Тутъ нѣтъ ни лавровъ, ни кипарисовъ, ни шумныхъ гнѣстныхъ водопадовъ, ни пикардійскихъ пастуховъ въ соломенныхъ шляпахъ, ни итальянскихъ пастушекъ. Тутъ одна обгорѣлая и большую часть года голая степь, на которой, какъ ты и самъ мнѣ говорилъ, на глазахъ переселенца рыщутъ голодныя волчицы, да блаженствуютъ Молодички и Музыкантовы. Ты все превозмогъ, ты не сдался ни на что, зато я и зову тебя новымъ человекомъ...

Въ кабинетъ вошелъ бѣлокурый франтъ-лакей, впервые

вводивший нѣкогда Чулкова въ этотъ самый домъ и сказавшій тогда съ лукавою улыбкой ему и Гуслеву, что «барыни въ церкви, что он! тамъ постоянно молятся, и что ихъ такое обыкновеніе», какъ бы думая въ то же время: «увидите, молодая-то скоро выйдетъ замужь!» Лакей сталъ на коврѣ и попрежнему, искоса взглядывая въ зеркало на свои русыя кудри и стройный станъ, улыбался.

— Что тебѣ, Василій?—съ досадой вскрикнула хозяйка.

— Купать готово!—почтительно отнесся лакей.

— Ты опять улыбаешься и веселъ? Что теперь за причина?—спросилъ Чулковъ: —тебѣ бы скорѣе печалиться: скоро переѣдемъ, можетъ-быть, въ Безлюдовку, ширею скинешь также...

Лакей смѣялся и покраснѣлъ.

— Законнымъ тоже бракомъ-съ думаю...

— На комъ же это?

— Ужъ слово дадено. Гуслева барина покойника Глашу посваталъ-съ.

Чулковъ покраснѣлъ въ свой чередъ.

— И ладно; поздравляю тебя. Иди себѣ! —сказалъ онъ, пряча глаза отъ жены.

Лакей вышелъ, не утерпѣвъ снова посмотреть на себя въ зеркало.

Подъ вечеръ Чулковы сошли въ садъ и долго тамъ ходили по дорожкамъ, вдоль сизыхъ отъ первыхъ морозовъ вишневниковъ, между багровыхъ, точно одѣтыхъ въ пурпуръ кленовъ и ярко позолоченныхъ липъ. Жирные дрозды и яволги, готовясь къ отлету за море, беззвучно шипырили въ молчаливыхъ вѣтвяхъ. Одна вѣчно неугомонная, сѣрая птичка—пастушкѣ хлопотливо посвистывала, будто гнала куда-нибудь стадо овецъ, и вертѣлась, снуя и прыгая по стеблямъ отягченнаго красными ягодами шиповника; дятель, какъ молоточкомъ, неугомонно стучалъ въ черныя министыя дупла дубовъ и вязовъ. Чулковъ припоминалъ дикія и какъ бы огнемъ и золотомъ писанныя картины той весны, въ которую онъ прибылъ въ этотъ край. Нынѣшняя осень была ему не меньше мила: онъ былъ не одинъ и съ тѣми же молодыми силами и надеждами на счастье. Изъ сада Чулковы вышли паркомъ въ поле. Туманная даль синѣла. За-

тихія стѣны были усыяны черными кѣтками свѣжей пахоты, въ перемежку съ яркою зеленью новыхъ озимей. Молодые выводки птицъ то скучивались и рѣзвыми стайками переносились съ мѣста на мѣсто, готовясь также унестиcя къ далекимъ теплымъ краямъ, то, разсыпаясь, паслись и играли по затихшимъ полянамъ.

— Возвращаюсь опять къ давшемуся нашему разговору!— промолвилъ, уходя далѣе и далѣе въ стѣну, Чулковъ:—ты назвала меня новымъ; нѣтъ, я старый, я ветхій человѣкъ. До новыхъ еще намъ вѣсѣмъ далеко. Новый человѣкъ вполнѣ выдержалъ бы съ своею задачей; а я вотъ не выдержалъ. И не хотѣлъ жениться до извѣстной поры. Это была моя задача. Разъ увлекшись дѣломъ, герои не сворачиваютъ на полу-пути съ дороги, не вступаютъ въ сдѣлки ни съ какими преградами и неудачами. А я, какъ видишь, не кончивъ задачи, примиряюсь на томъ, что дала мнѣ золотая счастливая случайность, наша женитьба. Не встрѣтъ я тебя, я былъ бы банкротъ; аренду у меня взяли бы, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мой слѣдъ простылъ бы здѣсь... Я ушелъ бы съ сумкой Гуслова черезъ плечо; а теперь завѣтная сумка спокойно и въ почетѣ виситъ надъ моимъ рабочимъ столомъ, затканная паутиной, и я о ней не думаю...

— Полно, Саша! не стыдно ли тебѣ такъ мало себя цѣнить! гдѣ же ты примирился на полу-пути! Ты банкротъ, и я банкротка. Безъ тебя я бы разорилась. А ты не унываешь, думаешь все спасти. Что я тебѣ принесла особенное? Чуть не съ молотка проданное имѣніе? Но я готова трудиться изо всѣхъ силъ, и при твоихъ совѣтахъ эти труды будутъ плодотворны. Мы станемъ помогать другъ другу и, при твоёмъ умѣньи работать, снова все возвратимъ стоищей.

Они прошли еще нѣсколько шаговъ. Въ полѣ уже надвигалась темнота.

— Да полно,—сказалъ Чулковъ:—есть ли вообще-то на свѣтѣ, въ данное время, новые люди, рядомъ со старыми? Я полагаю, что нѣтъ.

— Почему ты такъ думаешь?

— Потому что между людьми, какъ и въ остальномъ мірѣ всего живущаго, переходъ одного рода въ другой совер-

шается не вдругъ. Всякій здоровый и правильно развитой человѣкъ въ каждое мгновеніе представляетъ изъ себя вмѣстѣ и стараго человѣка, и новаго, переходную ступень къ загадочному и для всѣхъ непонятному будущему. Гдѣ человѣкъ, которомъ бы въ данный мигъ можно было сказать: вотъ новый человѣкъ, непохожій ни на кого изъ своихъ современниковъ и предшественниковъ? Все это, мой дружокъ, пустыя слова... Счастливы мы, если въ насъ попадетъ и дастъ ростокъ хоть единое зерно лучшихъ силъ. Отъ него въ отдаленномъ будущемъ, быть-можетъ, суждено медленно перевоспитаться цѣлымъ поколѣніемъ, которымъ, разумѣется, будетъ и невдомекъ, у кого изъ тьмы забытыхъ предковъ и родичей и какая крохотная счастливая случайность дала жизнь и ростъ новому, великому нравственному началу.

— Такъ, стало быть, Сапа, ты — не новый человѣкъ?

— Простой и самый обыкновенный, но зато вполне счастливый человѣкъ. Мѣста здѣсь новыя; но люди, страсти и привычки людей старые.

— Пойдемъ же, мой старичокъ, обратно. Ты мнѣ расскажешь, почему именно людское сѣмя на землѣ такъ медленно развивается...

Чулковы повернули съ поля домой. Вдали падъ садомъ, изъ верхнихъ оконъ дома, уже мелькали огоньки. Въ воздухѣ замѣтно свѣжѣло; но отъ прогулки пѣшкомъ холодъ былъ незамѣтенъ. Чулковъ замолкъ. Закутавшись въ шаль, молча шла и жена. Всѣ свѣтлыя и темныя, радостныя и печальныя картины былой жизни обоихъ вставали, въ эти мгновенія, и неслись рядомъ съ ними, надъ росистыми и тихими, потонувшими въ сумеркахъ полями. Въ домѣ, въ кабинетѣ молодого хозяина, ихъ встрѣтилъ ярко растопленный каминъ и накрытый чайный столъ.

— Жаль мнѣ, тебя, Сапа, во всякомъ случаѣ, — сказала Чулкова, наливая мужу чай: — держа аренду и соскучась здѣсь, ты, какъ петербургскій житель, современемъ, по своей волѣ, снялся бы и улетѣлъ отсюда. Теперь же нельзя будетъ: мои дѣла па шею берешь.

— Ошибаешься, мой другъ. Я — вовсе не петербургскій продуктъ. Я — сынъ провинціи, я — практикъ прежде всего. Еще съ дѣтства въ нашей вологодской губерніи я привыкъ къ

работѣ. Мой мелкопомѣстный отецъ подчасъ самъ запрягалъ коней въ соху съ своимъ батракомъ; моя мать на моихъ глазахъ сама доила коровъ, сбивала масло, полола грядки огорода. Мой отецъ непременно умеръ бы богачемъ, если бы не бѣдность почвы и не адская суровость климата нашего края. Онъ не догадался, не имѣлъ духа переселиться въ другія мѣста. Въ Петербургѣ мои силы окрѣпли; я тамъ кончилъ ученіе, сталъ служить, но вскорѣ мнѣ, практику, стало тамъ душно. А тутъ подвернулся и случай, изъ-за котораго я долженъ былъ оттуда бѣжать на вольный и свѣжій воздухъ... И вотъ я, дитя провинціи, возвратился къ тому, что люблю...

Въ эту минуту въ комнату вошелъ франтъ-лакей.

— Почту привезли!—сказалъ онъ, подавая хозяину кучу газетъ, журналовъ и два письма.

— Давай, давай. И письма! вотъ хорошо. Отъ кого бы это?

Одно письмо было безъ почтоваго клейма; зато на оборотѣ другого не оказалось свободного мѣста отъ разноязычныхъ надписей и клеймъ.

— Ба! Нью-Орлеанъ, Америка! Отъ Вани Сладкопѣвцева! А это отъ почетнаго нашего друга, Ивана Ивановича.

— Но какъ же нашло тебя здѣсь письмо изъ Америки?

— Мы съ Сладкопѣвцевымъ избрали, на всякій случай, общій адресъ, въ одной банкирской конторѣ, въ Петербургѣ. Не переписываясь пять лѣтъ сряду, я недавно далъ ему о себѣ вѣсть чрезъ эту контору; а онъ, вѣроятно, еще раньше сообщилъ туда свой адресъ; вотъ мы опять и перекинулись словами. Это, вѣрно, отвѣтъ на мой вопросъ о его житіи-бытіи. Ты помнишь, я тебѣ часто говорилъ о немъ, о нашей жизни вмѣстѣ въ Петербургѣ и о неудачномъ нашемъ бѣгствѣ съ нимъ за границу.

Чулковъ придвинулъ лампу и сталъ читать. Далекій товарищъ писалъ, что если только не пропали его первыя письма,—Чулкову, вѣроятно, уже извѣстны его гибельный переѣздъ черезъ океанъ и его первыя бѣдствія и то, какъ онъ, безъ денегъ и безъ работы, нѣсколько разъ чуть не умеръ съ голода. Далѣе онъ извѣщалъ, что вмѣстѣ съ тремя другими русскими, уѣхавшими съ нимъ въ Америку, онъ

примкнулъ-было къ одному каравану ирландскихъ переселенцовъ и поѣхалъ съ ними саванны и лѣса въ западныхъ штатахъ Союза, но только убѣдился, что не стоило переѣзжать океанъ, чтобы увидѣть ту бѣдность, дикость, голя и глушь, какую они встрѣтили тамъ и какую можно, не переѣзжая океана, встрѣтить сплошь и рядомъ, проѣхавъ всего нѣсколько дней на перекладной, въ любомъ изъ уѣздовъ степной саратовской или болотной и лѣсной смоленской губерніи. Письмо кончалось словами: «мои товарищи кончили такъ, какъ и слѣдовало ожидать. Двое возвратились въ отечество и извѣщаютъ меня, что попрежнему весьма усердно служатъ опять гдѣ-то въ Петербургѣ. Третій же, привыкнувъ на родинѣ жуировать и играть въ карты, проигрался въ пухъ и въ прахъ какому-то второму подкапитану въ Сентъ-Луи, на одномъ изъ пароходовъ по Миссиссиппи, а побѣдитель и засадилъ его за долгъ въ рабочій домъ. Я же, въ искупленіе здѣшней непроходимой и анаоемской скуки, поступилъ недавно секретаремъ къ нашему консулу въ Нью-Орлеанѣ, по фамиліи Сластенникову (изъ коломенскихъ, кажется, купцовъ, съ дѣтства попалъ сюда, богатѣетъ не по днямъ, а по часамъ, торгуя нашими канатами). А между прочимъ, уча его довольно милыхъ дѣтишекъ отечественной русской грамотѣ, я хотѣлъ-было заняться переводами американскихъ поэтовъ на русскій языкъ. Ты знаешь, что я всегда былъ надокъ къ стихамъ. Но взялъ я одну поэму: скука страшная; восгѣвается въ ней чуть ли не хлопчатобумажная фабрика, съ перечнемъ всѣхъ машинъ и всего производства работы. А здѣсь читается нарасхватъ. Задумалъ я собирать національныя американскія мелодіи; оказывается, что ихъ вовсе и нѣтъ, — народъ поетъ западно-европейскіе дюжинные и избитые романсы. Словомъ, я, дружище, увидѣлъ, что моя особа здѣсь лишняя. Жизнь моя была бы окончательно никуда негодна. Но на стогнахъ града Нью-Орлеана, откуда я тебѣ пишу, я не такъ давно встрѣтился у нашего консула съ одною миссъ; и, вѣроятно, восточный варваръ и скиръ ей понравился, потому что и она, и ея папаша, строитель морскихъ судовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отставной майоръ, согласились на нашъ бракъ. И давно бы уже мы съ нею обвѣнчались, да все никакъ не рѣшается одинъ главный вопросъ: дѣвица и я не только желаемъ жениться, но и увезти съ собой въ Россію прида-

ное ся папани, въ нѣсколько тысячъ долларовъ, а папана, хотя и не прочь, чтобы мы женились и ѣхали въ Россію, но только одни, а чтобъ его доллары, въ такомъ случаѣ, оставались въ его собственномъ сундукѣ. И если у тебя, Александръ Ильичъ, на избранныхъ тобою мѣстахъ, какъ ты пойдешь, по рѣкѣ Опалѣхѣ, имѣется въ виду еще и другой арендный участокъ, въ родѣ избранной тобою Безлюдовки, то отпущи. Быть-можетъ, не далѣе, какъ черезъ годъ, къ тебѣ переберусь и я, такъ какъ моя невѣста все-таки—любимица своего папани, и нѣтъ сомнѣнія, что мы общими силами сломишь, наконецъ, его упрямство и пріѣдемъ съ его долларами»...

— Превосходно! — воскликнулъ Чулковъ: — ай да Ваня; сейчасъ видно друга. И какъ кстати; черезъ годъ съ небольшимъ здѣсь новыя торги на землю. Папину къ нему, пусть ѣдетъ. Колонія наша увеличится и процвѣтетъ.

Письмо лабазника Ивана Ивановича состояло всего въ нѣсколькихъ строкахъ: «Такъ какъ, таперича, твое благородіе, значить, законнымъ бракомъ женѣвше, но естеству (писалъ онъ, выводя на толстѣйшей бумагѣ каракули), и какъ притомъ шесть-сотъ десятиновъ льна у твоей барыньки, на даденныя тебѣ отъ меня займы деньги, убранны, но зерно еще не продано, то не обезкуражьте н. б. барыньку лично, хоть завтра, отъ меня принять въ задаточекъ три тысячи, а остальные, какъ слѣдъ, по пріемкѣ партіи, почему что, полагать надать, ленку у васъ довольно будетъ. Знаемъ тоже, что вы школяровъ своихъ любите и что школа ваша, послѣ грабежа хутора вашего, оскудѣла. Я подговорилъ нашихъ горожанъ, и вамъ готова для школы наша складчина до поры до времени,—и о больницѣ подумаемъ таперича... Съ моимъ почтеніемъ готовъ уважить, хопна лень и не въ цѣнѣ, какъ знаешь самъ, затихъ... Во Хранцыю Миряканцы подвезли!»

— Ишь, плутяга, поетъ о почтеніи! Во Хранцыю Миряканцы подвезли? Какъ нужно, и въ политику ударился, и школу мою вспомнилъ. Видно, цѣны-то, напротивъ, зашелевились. Ну, да ужъ отдадимъ ему ленокъ. Вотъ намъ и помощъ на хозяйство, и Михѣичъ обрадуется. Онъ же намъ не мало помогалъ и самъ. Да меня кстати о шпенницѣ на дорогѣ сюда спрашивали другіе купцы. Дѣла будетъ намъ довольно.

— А ты все не хотѣлъ, Саша, чтобъ я столько сѣяла льна! И вышло на мое. Умъ хорошо, а два еще лучше. Не ограбь тебя шайка негодиевъ, ты былъ бы съ деньгами, и широко и на славу шло бы твое хозяйство! Не обмани меня такъ низко Музыкантовъ, не грозила бы опасность моей ненаглядной Таганчѣ. Но не падай духомъ, Саша.

Чулковъ крѣпко пожалъ руку жены, притянулъ ее къ себѣ, поцѣловалъ и позвонилъ.

— Шампанскаго!—сказалъ онъ вонедѣльному лакею:—тамъ отъ нашей свадьбы осталась бутылка.

Юный лакей подумалъ: «а! это, вѣрно, за мое сватовство съ Глашей хотятъ выпить господа!» — вспыхнулъ по уши, кинулся и вскорѣ съ торжествомъ внесъ на подносѣ бутылку и бокалы.

— За здоровье честныхъ труженниковъ, Варя, — сказалъ Александръ Ильичъ Чулковъ, наливая себѣ и женѣ полные бокалы: — все дѣло въ томъ, чтобы каждому хорошему человѣку въ наши трудные дни, не надѣясь на другихъ, работать самому, не отказываясь ни отъ какого чернаго труда. Мы не успѣемъ всего сдѣлать, сдѣлаютъ наши преемники. Но чуть уклонится и залѣнится хотя одинъ, уклонится и всѣ. Меня, Робинзона Крузе, что на Опалѣхѣ, жгли и грабили, унижали и позорили, даже было фальшивымъ монетчикомъ объявили, — я уцѣлѣлъ, уцѣлѣли и мои силы. Еще разъ: за здоровье честныхъ труженниковъ, безвѣстныхъ, но не падающихъ духомъ чернорабочихъ нашей родины.

Каминъ ярко пылалъ. Время незаметно летѣло.

— Поработаемъ съ тобой, Варечка, годика три-четыре. Ты показала также охоту и способность трудиться. Наши новыя мѣста, нашу Новороссію ждетъ хорошая будущность. Все здѣсь есть, — одного недостаетъ этому молодому краю: болѣе высокихъ идеаловъ. Нажитое отъ него ему же и отдадимъ — оснуемъ здѣсь журналъ.

— Не все же Петербургъ! — сказала жена, подавая Чулкову чай и пачку новыхъ газетъ.

— Не нападай на Петербургъ. Я отсюда не уѣду, ты ужъ это знаешь. Я навсегда отнынѣ здѣшній. Но и у Петербурга много хорошаго. Это — будильникъ Россіи... А кстати! постой-ка... что вижу!.. вотъ тебѣ и громкая печатная новость оттуда...

— Какая?

— Газеты стали печатать процессъ Музыкантова и его компаніи.

— Неужели? Наконецъ-то! что же тамъ?

— Радуйся! Всѣ участники громко названы по именамъ и всѣхъ осуждаютъ. Музыкантовъ снова въ острогѣ...

Чулкова всплеснула руками, но подумала и, вздохнувъ, сказала:

— Погоди, Саша, увидимъ еще, чѣмъ это кончится. Въдь ихъ судить еще старый судъ—сенатъ: пожалуй, еще спасутся... Скорѣе бы вводили новый—судъ присяжныхъ; отъ него врядъ ли ускользнуть.

1867 г.

Информационный отдел
РГБ-ОД

Экспертный Комитет
Экспертный Комитет

8/88

Оглавленіе

IV ТОМА.

Новыя мѣста. Романъ

Часть первая. Украинскій Робинзонъ Крузе.

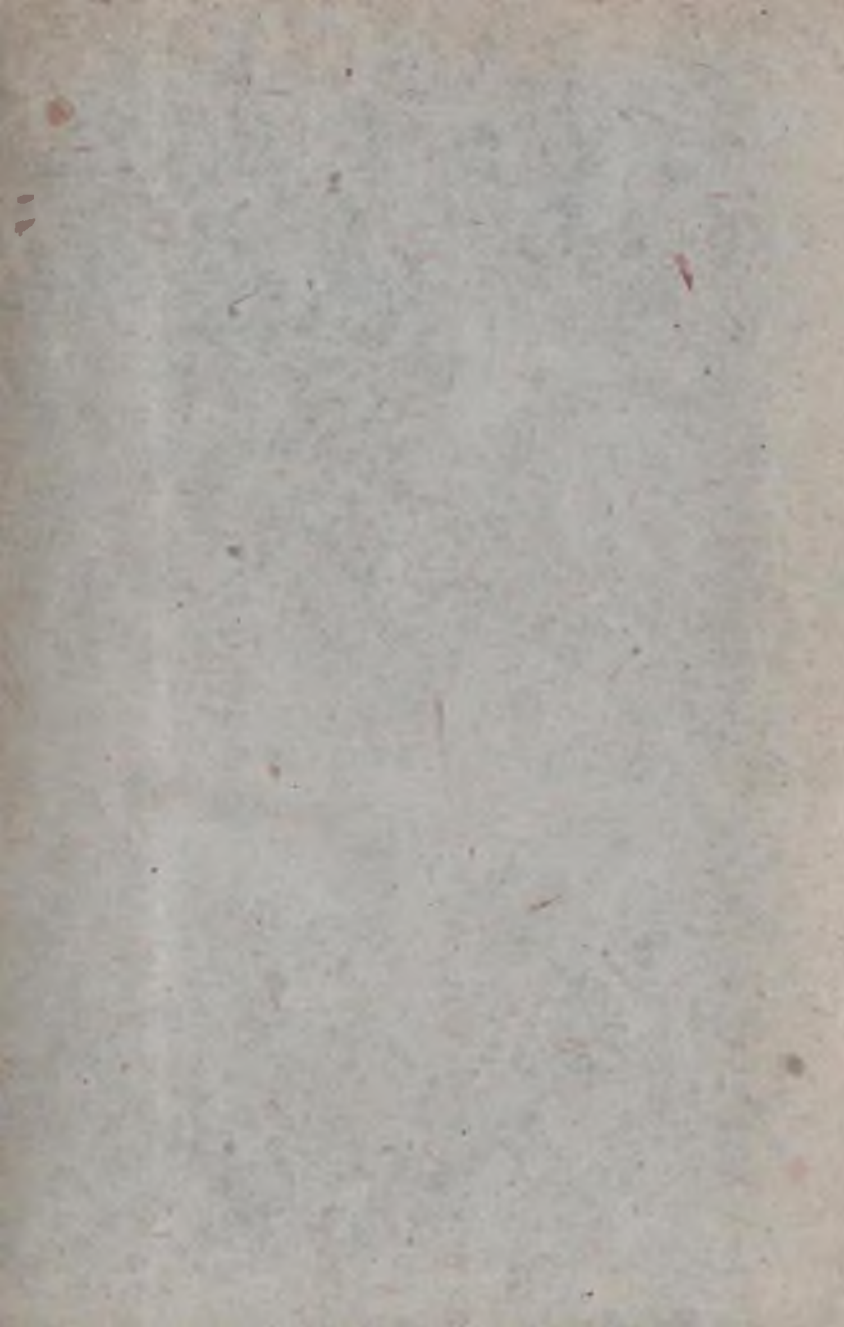
	СТР
I. Гдѣ это?	3
II. Робинзонъ Крузо, что на Опалихѣ.	13
III. Пятница.	22
IV. Слѣды дикихъ.	43
V. Пиръ каннибаловъ и освобожденный съ вертела плѣнникъ.	69
VI. Волка ноги кормятъ.	93
VII. Лѣстница поднята	114

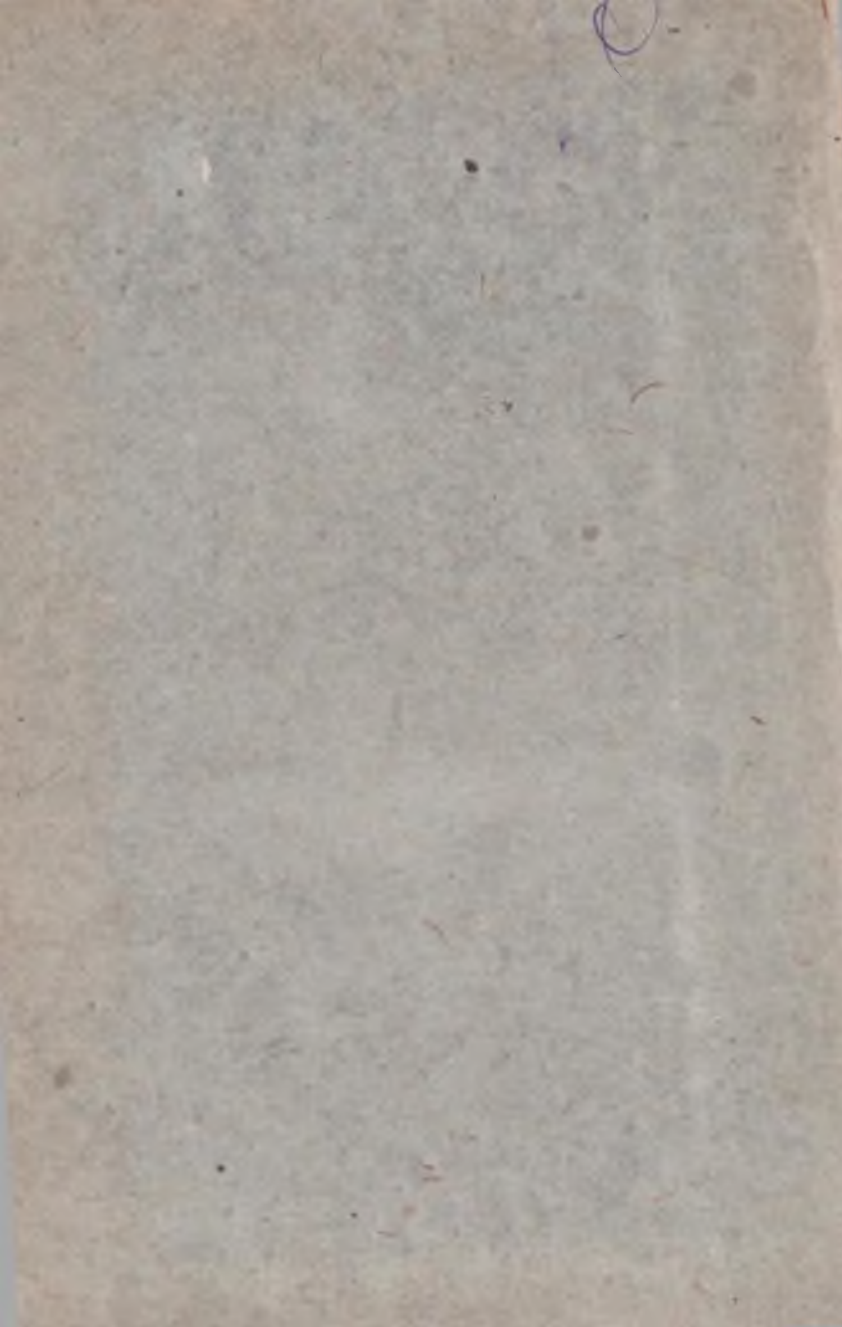
Часть вторая. Степные проказы.

VIII. Директоръ банка фальшивой монеты.	133
IX. Послѣдній путь Пятницы	154
X. Монетный дворъ и монетчики.	170
XI. Юные птенцы и губернскае казначейство.	186
XII. Финалъ вселенскаго скандала.	203
XIII. Казнь	215
XIV. Счастье чернорабочаго человѣка.	239

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

6/VI
18/7-180.
23/IV-709
7/IX-40

Колич. предыд. выдач _____

